

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2025 Том 16 № 3

Фразеология. Паремнология. Культура: к юбилею В.М. Мокиенко

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднардова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синякин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 34,82. Тираж 500 экз. Заказ № 1273. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2025 VOLUME 16 No. 3

Phraseology. Paremiology. Culture: on the anniversary of V.M. Mokienko

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Klaudia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Yunsheng Ju, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

English Text Editor *O.N. Kolysheva*

Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПАРЕМИОЛОГИЯ, ФРАЗЕОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОЛОГИЯ:
К ЮБИЛЕЮ В.М. МОКИЕНКО

СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. ПАРЕМИОЛОГИЯ

Иванов Е.Е. (Могилев, Республика Беларусь). Дифференциация пословичного фонда языка 606

Ломакина О.В. (Москва, Российская Федерация). Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень 622

Добровольский Д.О. (Москва, Российская Федерация). Критерии семантической членности идиом 638

Зиновьева Е.И., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Фразеологизмы с интенсифицирующей семантикой в русском языке: динамический аспект 656

Мызников С.А. (Москва, Санкт-Петербург, Российская Федерация). Некоторые аспекты трансформационного освоения севернорусской лексики прибалтийско-финского происхождения 671

Савченко А.В. (Тайбэй, Тайвань), Хмелевский М.С. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Пурич А. (Париж, Франция). «Герой нашего времени»: отражение дискурсивного понятия герой в славянской лингвоэтнокультурологии 687

ГЕРМЕНЕВТИКА НАУКИ: СИСТЕМОЛОГИЯ Г.П. МЕЛЬНИКОВА

Валентинова О.И. (Москва, Российская Федерация). Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов 700

Крашевская Н.В. (Москва, Российская Федерация). Понятия «значения» и «смысла» в системной лингвистике 717

Бубнова Н.А. (Москва, Российская Федерация). Принцип доминанты А.А. Ухтомского: филологический взгляд 731

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

Boginskaya O.A. (Irkutsk, Russian Federation). Translating Deontic Modality: Semantic and Formal Convergences and Discrepancies (Деонтическая модальность: стратегии перевода) 744

Максименко О.И., Беляков М.В. (Москва, Российская Федерация). Сентимент анализ как инструмент лингвоэмотиологии: оценка потенциала систем анализа тональности текста 760

Чеснокова О.С. (Москва, Российская Федерация). Топонимические перифразы в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка 783

Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R. (Moscow, Russian Federation). Case in Caspian languages: Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tati (Падеж в каспийских языках: гилакский, мазандаранский, талышский, тати) 803

Андреева М.И., Солнышкина М.И. (Казань, Российская Федерация), Саадна С. (Москва, Российская Федерация). Механизм сложности при адаптации текста.....	821
Vladimirova T.Eu., Yakovleva S.V. (Moscow, Russian Federation). Cosmological Image of the World in the Creative Heritage of G.D. Gachev (Космологический образ мира в творческом наследии Г.Д. Гачева).....	845
Зубкова О.С. (Курск, Российская Федерация), Логвина С.А. (Симферополь, Российская Федерация). К вопросу о грамматической реализации эвфемистического значения.....	859
Khadiz A.V., Ayuningtyas F. (Jakarta, Indonesia), Muzykant V.L. (Moscow, Russian Federation), Munadhil A.M. (Jakarta, Indonesia). Malay Proverb Semantic Values: A Paremiological Approach to the Communication Process (Семантическая ценность малайских пословиц: паремиологический подход к коммуникационному процессу)	874
Денисенко А.В. (Москва, Российская Федерация). Когнитивно-дискурсивные характеристики речевых форм русских суеверий	891
Ptashkin A.S. (Tomsk, Russian Federation). Sensory Means of Expressing the Category of HEALTH in the Novel “Ugly Swans” by A. and B. Strugatsky in English (Сенсорные средства выражения категории HEALTH в повести «Гадкие Лебеди» А. и Б. Стругацких в английском языке)	907
Терещук А.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Сравнительный анализ переводов на французский и русский языки военного устава И.Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst Zu Fuß».....	918
Жанпеисова Н.М., Кузембаева Г.А. (Актобе, Республика Казахстан), Майдангалиева Ж.А. (Актобе, Республика Казахстан). Лингвистические основы и пути преодоления интерференции в русской речи казахов и казахской речи русских в условиях массового билингвизма.....	932
Мирзоева Л.Ю. (Каскелен, Республика Казахстан), Жумабекова А.К. (Каскелен, Республика Казахстан), Досмаханова Р.А., Ажиев К.О. (Алматы, Республика Казахстан). Роль русского языка и культуры в опосредованном переводе с английского языка на казахский.....	945
Конурбаев С.М. (Москва, Российская Федерация). Философская основа фольклорного текста и его современных киноадаптаций.....	962
Хайтун П., Колышева О.Н. Этнокультурные стереотипные представления русских о Китае (на материале данных ассоциативного эксперимента)	977

CONTENTS

PHRASEOLOGY, PAREMIOLOGY. CULTURE: ON THE ANNIVERSARY OF V.M. MOKIENKO

SEMIOTICS, SEMANTICS, PAREMIOLOGY

- Ivanov E.E. (Mogilev, the Republic of Belarus).** Differentiation of the Language Proverbial Stock 606
- Lomakina O.V. (Moscow, Russian Federation).** Metalanguage of Modern Linguaxiology: Paremiological Level 622
- Dobrovol'skij D.O. (Moscow, Russian Federation).** Criteria of Semantic Decomposability of Idioms 638
- Zinovieva E.I., Nikolaeva E.K., Seliverstova E.I. (Saint Peterburg, Russian Federation).** Phraseologisms with Intensifying Semantics in Russian: Dynamic Aspect 656
- Myznikov S.A. (Moscow, Saint Peterburg, Russian Federation).** Some Aspects of Transformational Development of Northern Russian Vocabulary of Baltic-Finnic Origin 671
- Savchenko A.V. (Taipei, Taiwan), Khmelevsky M.S. (Saint Peterburg, Russian Federation), Purić A. (Paris, France).** “*A Hero* of Our Time”: The Discourse Reflection of the “Терой”/“Hero” Notion in Slavic Linguo-Ethnic Culture 687

HERMENEUTICS OF SCIENCE: PROF. G.P. MELNIKOV’S THEORY OF SYSTEMOLOGY

- Valentinova O.I. (Moscow, Russian Federation).** Prospects for Extrapolation of G.P. Melnikov’s Systemology Theory to Texts Studies 700
- Krashevskaya N.V. (Moscow, Russian Federation).** The Concepts of “Meaning” and “Sense” in Prof. G.P. Melnikov’s Systemic Linguistics 717
- Bubnova N.A. (Moscow, Russian Federation).** The Principle of the Dominant by A.A. Ukhtomsky: a The Principle of the Dominant by A.A. Ukhtomsky: a Philological View View 731

FUNCTIONAL SEMANTICS

- Boginskaya O.A. (Irkutsk, Russian Federation).** Translating Deontic Modality: Semantic and Formal Convergences and Discrepancies 744
- Maksimenco O.I., Belyakov M.V. (Moscow, Russian Federation).** Sentiment Analysis as a Tool of Linguistic Emotionology: Assessment of the Text Tonality Analysis Systems Potential 760
- Chesnokova O.S. (Moscow, Russian Federation).** Toponymic Periphrases in Latin American National Varieties of the Spanish Language 783
- Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R. (Moscow, Russian Federation).** Case in Caspian languages: Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tati 803
- Andreeva M.I., Solnyshkina M.I. (Kazan, Russian Federation), Saadna S. (Moscow, Russian Federation).** Complexity Mechanism in Leveled Texts 821

Vladimirova T.Eu., Yakovleva S.V. (Moscow, Russian Federation). Cosmological Image of the World in the Creative Heritage of G.D. Gachev	845
Zubkova O.S. (Kursk, Russian Federation), Logvina S.A. (Simferopol, Russian Federation). On the Mechanisms of Grammatical Implementation of the Euphemistic Meaning.....	859
Khadiz A.V., Ayuningtyas F. (Jakarta, Indonesia), Muzykant V.L. (Moscow, Russian Federation), Munadhil A.M. (Jakarta, Indonesia). Malay Proverb Semantic Values: A Paremiological Approach to the Communication Process.....	874
Denisenko A.V. (Moscow, Russian Federation). Cognitive and Discursive Characteristics of Speech-Genre Forms of Russian Superstitions	891
Ptashkin A.S. (Tomsk, Russian Federation). Sensory Means of Expressing the Category of HEALTH in the Novel “Ugly Swans” by A. and B. Strugatsky in English	907
Tereshchuk A.A. (Saint Peterburg, Russian Federation). Comparative Analysis of French and Russian Translations of J.J. Von Wallhausen’s Military Charter “Kriegskunst zu Fuß”	918
Zhanpeissova N.M., Kuzembayeva G.A. (Aktobe, the Republic of Kazakhstan), Maydangalieva Zh.A. (Aktobe, Atyrau, the Republic of Kazakhstan). Linguistic Interference in the Second Language Speech of the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh Bilinguals and the Ways of its Overcoming.....	932
Mirzoyeva L.Yu. (Kasselen, the Republic of Kazakhstan), Zhumabekova A.K., Dosmakhanova R.A., Azhiev K.O. (Almaty, the Republic of Kazakhstan). Russian Language and Culture in Indirect Translation from English into Kazakh.....	945
Konurbaev S.M. (Moscow, Russian Federation). Philosophical Basis of Folklore Text and Its Screen Adaptations.....	962
Haitong Pei, Kolysheva O.N. Ethnocultural Stereotypical Representations of Russians about China: Based on Data from an Associative Experiment.....	977

СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. ПАРЕМИОЛОГИЯ

SEMIOTICS, SEMANTICS, PAREMIOLOGY

Труды Валерия Михайловича Мокиенко занимают особое место среди работ по филологии. Выпускник Ленинградского университета, ученик Бориса Александровича Ларина, Галины Алексеевны Лилич, Людмилы Александровны Ивашко, Петра Андреевича Дмитриева, Германа Ивановича Сафронова, Никиты Ильича Толстого, Валерий Михайлович Мокиенко продолжает дело своих наставников, развивая их идеи в области этнографии, этимологии, славистики, истории языка, диалектологии, лексикографии, фразеологии и многих других направлений гуманитаристики.

Магистральными для филологии были диссертационные работы В.М. Мокиенко: в кандидатской диссертации проведён лингвистический анализ псковской географической терминологии на славянском фоне, в докторской — представлено явление вариантности фразеологических единиц и их структурно-семантической моделируемости. Фактически современная типология трансформаций устойчивых единиц заложена в трудах В.М. Мокиенко и его соавтора и доброго друга, профессора Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова А.М. Мелерович (впервые – в словаре «Фразеологизмы в русской речи», 1997).

Заметным явлением современной лексикографии стали словари различных типов, созданные В.М. Мокиенко и его коллегами. Идея историко-этимологического анализа получила развитие, прежде всего, в изданиях «Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь» (в соавторстве с В.П. Фелицыной) и «Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник» (в соавторстве с А.К. Бирихом и Л.И. Степановой). Трилогия «Большой словарь русских поговорок», «Большой словарь русских пословиц», «Большой словарь русских сравнений» удостоена медали В.И. Даля. Впервые изучены и лексикографически представлены фонды крылатых единиц А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Сегодня научные интересы Валерия Михайловича Мокиенко простираются не только в те области, которые уже хорошо ему известны, но и новые – лингвоаксиологию, неологику, когнитивистику.

Надеемся, что данный номер журнала, посвящённый 85-летию дорогого Учителя, Наставника и Товарища, не только станет научным приношением, но и проиллюстрирует перспективность идей Валерия Михайловича Мокиенко.

О.В. Ломакина

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-606-621

EDN: EDVDJK

УДК 398.91:81'373

Научная статья/ Research article

Дифференциация пословичного фонда языка

Е.Е. Иванов

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, *Могилев, Республика Беларусь*

✉ ivanov-msu@mail.ru

Аннотация. Описаны принципы дифференциации единиц пословичного фонда языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной паремиологии как лингвистической дисциплине отсутствует однозначное понимание того, на каких основаниях следует классифицировать пословицы и какие должны выделяться их типы и классы. Цель исследования — определить релевантные критерии дифференциации пословичного фонда языка и выявить наиболее значимые типы пословиц. Исследование показало, что дифференцировать пословичный фонд языка целесообразно по критериям как собственно лингвистическим (в аспектах описательном, диахроническом, сопоставительном, типологическом), так и экстралингвистическим (в аспектах лингвокогнитивном, лингвокультурологическом, социолингвистическом). В собственно лингвистическом плане наиболее значимыми типами в составе пословичного фонда языка являются пословицы образные, переосмысленные, идиоматичные (по семантике), монопредикативные, не осложненные, вариативные (по структуре), не ограниченные по способам и характеру использования в речи, расширенные по сфере употребления, ситуативно не обусловленные (по функционированию), оценочно коннотативные, экспрессивно не маркированные (по стилистике), дискурсивного происхождения, исконные, мало подверженные исторической динамике (по генезису и истории), коррелятивные, аналогичные, безэквивалентные (по сравнению с другими языками), близкие в формальных языковых свойствах и уникальные в плане содержания (по типологическим характеристикам). В экстралингвистическом плане наиболее значимыми типами в составе пословичного фонда являются пословицы, концептуализирующие и/или моделирующие языковую картину мира (по способу репрезентации действительности), выражающие культурные коды, социальные стереотипы и аксиологические доминанты (по характеру отражения национальной или этнической культуры), входящие в языковой минимум и основной фонд (по степени известности и востребованности в социуме). Перспективным является описание единиц различных типов в пословичных фондах разных языков.

Ключевые слова: теоретическая лингвистика, паремиология, пословица, лингвистический аспект, экстралингвистический аспект, типы пословиц

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

© Иванов Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Иванов Е.Е. Дифференциация пословичного фонда языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 606–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-606-621>

Differentiation of the Language Proverbial Stock

Evgeniy E. Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University, *Mogilev, the Republic of Belarus*

✉ ivanov-msu@mail.ru

Abstract. The author describes the principles of differentiation of units of the language proverbial stock. The relevance of the study is due to the fact that in modern paremiology as a linguistic discipline there is no unambiguous understanding of the grounds on which proverbs should be classified and what types and classes should be distinguished. The purpose of the study is to determine the relevant criteria for differentiating the language proverbial stock and to identify the most significant types of proverbs. The study has shown that it is advisable to differentiate the language proverbial stock according to both linguistic criteria (In the descriptive, diachronic, comparative, typological aspects) and extralinguistic (In the linguacognitive, linguacultural, sociolinguistic aspects). In the linguistic sense, the most significant types of units in the language proverbial stock are figurative, reinterpreted, idiomatic (In semantics), monopredicative, uncomplicated, variable (In structure), unlimited in use in speech, expanded in scope of use, polysituational (In functioning), evaluatively connoted, expressively not marked (In style), discursive origin, original, not subject to historical dynamics (In genesis and history), correlative, analogous, non-equivalent (In comparison with other languages), similar in formal linguistic properties and unique in terms of content (according to typological characteristics). In the extralinguistic sense, these are proverbs that conceptualize and/or model the linguistic picture of the world (In terms of the method of cognitive representation of reality), express cultural codes, social stereotypes and axiological dominants (In terms of the nature of reflection of national or ethnic culture), included in the language minimum and basic stock (In terms of popularity and relevance in society). It is promising to describe units of various types in the proverbial stock of different languages.

Keywords: theoretical linguistics, paremiology, proverb, linguistic aspect, extralinguistic aspect, types of proverbs

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Ivanov, E.E. (2025). Differentiation of the Language Proverbial Stock. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 606–621. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-606-621>

Введение

Паремиология с начала XXI века стремительно оформляется в отдельное направление лингвистических исследований [1], в рамках которого изучаются различные аспекты семантики, структуры, функционирования пословиц как сверхсловных устойчивых единиц на материале различных языков в описательном, историко-этимологическом и сопоставительном плане [2].

Огромную роль в лингвистическом изучении пословиц (на материале славянских и германских языков) сыграли исследования В.М. Мокиенко

и возглавляемой им с начала 1980-х гг. Санкт-Петербургской славистической (фразеологической) научной школы. Идеи В.М. Мокиенко, его учеников и последователей (в России и за рубежом) легли в основу либо послужили оригинальным развитием всех существующих на сегодняшний день аспектов изучения пословиц как языкового феномена. Во многом именно благодаря деятельности научной школы В.М. Мокиенко и его единомышленников наиболее широко и глубоко в современной паремиологии описаны пословицы славянских языков, прежде всего русского [3–8], белорусского [9–11], украинского [12], чешского [13; 14], польского [15], словацкого [13], в том числе в сопоставлении с английским языком [16–19], а также другими языками мира [20–23].

В новейших исследованиях на материале различных языков уже внутри паремиологии начинают выделяться отдельные собственно лингвистические и междисциплинарные направления изучения пословиц: дискурсивное и коммуникативное [19; 24], лингвоаксиологическое и лингвокультурологическое [25–26], типологическое и этнолингвистическое [27], сравнительно-историческое и диахроническое [28–30]. Активно разрабатываются теоретические аспекты паремиологии как нового раздела языкознания [10; 25. С. 4–63], в том числе в рамках лингвистической теории афоризма [31; 32], где пословицы описываются как один из основных классов афористических единиц [33. С. 38–45; 34. С. 41–83].

Вместе с тем остаются нерешенными проблемы квалификации и дифференциации пословиц как языкового явления. В паремиологии, как и в лингвистике в целом, на этот счет не существует единого мнения [35]. Однако если в решении вопроса о том, что такое пословица, лингвисты предпочитают опираться преимущественно на ее собственно языковые признаки и свойства, в выделении которых оперируют непосредственно лингвистическими критериями и факторами [36. С. 68–70; 37. Р. 876–877], то при классификации пословиц (особенно типологической) далеко не всегда обращается внимание на их наиболее значимые в языковом плане параметры (вместо них используются признаки и свойства пословиц как фольклорных произведений, знаков культуры, логических умозаключений, однофразовых текстов и др.). Следует констатировать, что в современной паремиологии не существует целостного представления о том, на каких основаниях следует классифицировать пословицы как единицы языка, какие бывают собственно лингвистические типы пословиц и какие из них в наибольшей степени репрезентируют пословичный фонд языка как систему. В этой связи актуальным является разработка принципов дифференциации пословичного фонда и выделения основных типов и классов пословиц как сверхсловных языковых единиц.

Цель исследования — определить релевантные критерии дифференциации пословичного фонда языка и выявить наиболее значимые типы пословиц.

Методология и материалы. Методологической основой исследования являются представления о системном характере пословиц как явлений языка и внутренней организации пословичного фонда как языковой подсистемы, которые описываются, в свою очередь, на два фундаментальных положения, сформулированные

еще в 70–80-х гг. прошлого века Г.Л. Пермяковым в рамках его теории структурной паремиологии и оставшиеся неоспоримыми до настоящего времени. Согласно первому положению пословицы как явление языка «в значительной степени являются автономными» от их понимания и изучения как «явлений мысли и фольклора» [38. С. 8]. Согласно второму положению пословицы по своим «существенным языковым параметрам в значительной мере изоморфны словам и фразеологическим оборотам» [39. С. 82]. Данные положения позволяют описывать и классифицировать единицы пословичного фонда, во-первых, не выходя за рамки лингвистики (однако учитывая все ее специфические междисциплинарные связи и отношения), а во-вторых, опираясь на уже известные принципы и критерии дифференциации единиц лексической и фразеологической подсистем языка.

Методы исследования — описательный и таксономический на основе сравнения, обобщения, анализа, синтеза языковых фактов с использованием приемов семантического, структурного, функционального, стилистического, диахронического, сопоставительного и типологического анализа, а также методов и приемов интегративных дисциплин (когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики).

Материалом для исследования послужили пословицы славянских, а также балтийских, германских, романских, финно-угорских, тюркских народов — всего около 250 000 единиц из 40 языков по материалам авторитетных паремиографических источников¹ (большинство из них уже использовались ранее при разработке теории национальной специфичности пословичного фонда языка [40]).

¹ См.: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010; Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Bd. I—V. Leipzig : F.A. Brockhaus, 1867–1880; Oxford Dictionary of Proverbs / ed. J. Speake. Oxford : Oxford University Press, 2008; Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. I—IV / red. J. Krzyżanowski. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978; Приказки і примаўкі. Т. I—II / склад. М.Я. Грынблат. Мінск : Навука і тэхніка, 1976; Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles. Rīga : Zinātne, 1980; Прислів'я та приказки / упоряд. М.М. Пазяк. Київ : Наукова думка, 1989–1991; Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб. : СПбГУ, 2000; Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius : Vaga, 1987; Arthaber A. Dizionario comparato die proverbi e modi proverbiali: italiani, latini, francesi, spagnoli, tedeschi, inglesi e greci antichi con relativi indici sistematico-alphabetici. Milano : Ulrico Hoepli Editore, 1989; Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / рэд. Н.А. Ганчарова. Мінск : Універсітэцкае, 1993; Strauss E. Dictionary of European Proverbs. Vol. I—III. London & New York : Routledge, 1994; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém : Veszprémi Nyomda, 1997; Świerczyńska D., Świerczyński A. Słownik przysłów w ośmiu językach. Warszawa : PWN, 1998; Muñoz J.S. 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S.A. Eiunsa : Ediciones Internacionales Universitarias, 2001; Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara : AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004; Іваноў Я.Я., Раманава Н.К. Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Могилёў : МДУ, 2006; Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев :

Результаты и обсуждение

Исследование показало, что пословица по своей природе является «самым сложным из языковых знаков» [35. С. 34] не только в силу многоаспектности своего содержания и формы выражения, но и по причине совмещения и взаимообусловленности в ней двух планов: собственно языкового и внеязыкового. В собственно языковом плане пословица представляет собой сверхсловную воспроизводимую устойчивую единицу, принадлежащую синтаксическому уровню языка и обладающую специфическими (по сравнению с фразеологизмами, которые относятся к лексическому уровню) семантическими, прагматическими, структурными, функциональными, стилистическими, диахроническими, типологическими свойствами. Пословицы во внеязыковом плане (неразрывно связанным с их собственно языковыми свойствами) представляют собой продукты мышления (когнитивной деятельности), которые отражают определенные культурные стереотипы и ценностные доминанты (в рамках данной этнической или национальной культуры), обладают социальной значимостью (в той или иной степени распространены в данном социуме и на него воздействуют) и в различной форме и с различным содержанием вербализованы в единицах пословичного фонда языка. В этой связи дифференциация пословиц по типам должна опираться как на собственно лингвистические, так и на экстралингвистические факторы и критерии, детерминирующие системный характер пословичного фонда языка.

Собственно лингвистическая дифференциация пословичного фонда языка

Собственно лингвистическая дифференциация пословичного фонда подразумевает выделение таких типов пословиц, которые бы наиболее полно репрезентировали его системный характер в языке. В связи с этим можно выделить четыре основных собственно лингвистических плана дифференциации пословиц: описательный (по их семантике, структуре, функционированию, стилистике), диахронический, или историко-этимологический (по их происхождению и исторической динамике), сопоставительный (по наличию их соответствий и/или эквивалентов в других языках), типологический (по соотношению различных параметров дифференциации пословичного фонда в языках).

В описательном плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по семантике на образные vs. безобразные, имеющие переносное vs. прямое значение, идиоматичные vs. не идиоматичные, полисемантические vs. моносемантические, референтные vs. не референтные (употребляются

МГУ, 2007; *Polsko-białoruski słownik paremiologiczny* / ред. Я.Я. Иваноў. Магілёў : МДУ, 2007; *English-Belarusian Paremiological Dictionary* / ред. Я.Я. Иваноў. Магілёў : МДУ, 2009; *Петрушэўская Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік*. Магілёў : МДУ, 2020.

по отношению к конкретному субъекту, объекту, действию, признаку), имеющие vs. не имеющие синонимы, антонимы, омонимы;

- по структуре на монопредикативные vs. полипредикативные, не осложненные vs. осложненные, вариативные vs. не вариативные, изменяемые vs. не изменяемые в речи;
- по функционированию на не ограниченные vs. ограниченные в способах и характере использования в речи, расширенные vs. суженные в сферах употребления, ситуативно не обусловленные vs. обусловленные;
- по стилистике на экспрессивно не маркированные vs. маркированные, оценочно коннотативные vs. нейтральные, стилистически окрашенные vs. не окрашенные, риторически оформленные vs. не оформленные.

В диахроническом (историко-этимологическом) плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по языковому источнику на исконные, общие с родственными и/или неродственными языками, заимствованные, интернациональные;
- по текстовому источнику на дискурсивные (из живой разговорной речи), фольклорные (из устно-поэтических текстов), литературные (из письменных текстов);
- по истории происхождения на древние vs. новые (возникшие до периода vs. в период современного литературного языка), не производные vs. производные (образованные от иных устойчивых оборотов), проverbsиальные (от пословиц) vs. не проverbsиальные (от фразеологизмов, крылатых слов, литературных изречений);
- по характеру исторической динамики на постоянно vs. временно входящие в состав пословичного фонда языка, сохраняющие древнюю форму vs. видоизмененные, нейтральные vs. устаревшие или неологичные.

В сопоставительном плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по наличию формальных соответствий в других языках на аналоги (максимально близкие по форме и тождественные по содержанию) vs. корреляты (частично совпадающие по форме и тождественные или близкие по содержанию);
- по наличию эквивалентов в других языках на безэквивалентные (не имеющие совпадений как по форме, так и по содержанию) vs. эквивалентные (не имеющие совпадений по форме и тождественные или близкие по содержанию).

В типологическом плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по соотносению отдельных параметров дифференциации единиц пословичных фондов разных языков на типологически далекие vs. близкие

(в аспекте семантическом, структурном, функциональном, стилистическом, генетическом, историческом);

- по соотносению межъязыковых аналогов и коррелятов типологически общие vs. специфические общие в формальном и содержательном планах (для некоторого количества языков);
- по соотносению межъязыковых эквивалентов на универсальные vs. уникальные в плане содержания (для всех языков мира).

Все типы пословиц одинаково важны для репрезентации системной организации пословичного фонда, однако не все из них одинаково значимы в плане описания его лингвистической природы и выявления его своеобразия в системе языка. Так, в собственно лингвистическом плане наиболее значимыми типами единиц в составе пословичного фонда языка целесообразно считать пословицы образные, переосмысленные, идиоматичные (по семантике), монопредикативные, неосложненные, вариативные (по структуре), не ограниченные по способам и характеру использования в речи, расширенные по сфере употребления, ситуативно не обусловленные (по функционированию), оценочно коннотативные, экспрессивно не маркированные (по стилистике), дискурсивного происхождения, исконные, мало подверженные исторической динамике (по генезису и истории), коррелятивные, аналогичные, безэквивалентные (по сравнению с другими языками), близкие в формальных языковых свойствах и уникальные в плане содержания (по типологическим характеристикам).

Такой выбор наиболее значимых пословичных типов объясняется их одинаковым порядком распределения по количественным показателям в разных языках (при том, что для отдельных типов пословиц эти показатели могут весьма существенно различаться в каждом из языков). Например, образные, переосмысленные и идиоматичные пословицы распределяются в каждом из языков по убыванию примерно в одинаковом количестве (образных больше всего, идиоматичных меньше всего от общего количества единиц), однако в пословичных фондах ряда произвольно взятых языков отдельные типы пословиц могут быть количественно представлены как весьма близко (например, сравнительно небольшое количество полностью идиоматичных единиц в английском, белорусском, русском и тувинском пословичных фондах [41. С. 237–240]), так и достаточно далеко (например, существенно большее количество образных пословиц в тувинском языке по сравнению с английским, белорусским и русским языками [41. С. 240–242; 42. С. 152–154]).

Выявленные количественные показатели распределения типов пословиц существенно изменяют ставшие привычными представления о качественной значимости отдельных параметров пословичного фонда языка. Так, например, среди паремистов широко распространено мнение, что универсальным в разных языках является содержание пословиц (каждой пословице данного можно найти эквивалент практически в любом языке), а уникальным — форма выражения мысли (прежде всего набор лексических единиц и выражаемые ими понятия

и образы) [43. С. 501]. Однако типологический анализ показал, что универсалии фиксируются также и в лексико-семантических (предметных и образных) средствах передачи пословичного содержания, и в пословичных структурно-семантических моделях, что подтверждается новейшими исследованиями в области типологии пословиц на широком языковом материале [44–46].

Собственно лингвистическая дифференциация пословичного фонда языка позволит не только углубить изучение пословиц как языковых единиц, но и развивать новые направления в паремиологии. Особенно важным в этой связи представляется разработка провербиальной типологии языков, а также фиксация и квалификация пословичных универсалий и уникалий, которые дадут возможность более точно и адекватно интерпретировать пословицы как часть языковой системы.

Экстралингвистическая дифференциация пословичного фонда языка

Экстралингвистическая дифференциация пословичного фонда языка подразумевает выделение таких типов пословиц, которые бы наиболее полно репрезентировали их отношение к внеязыковой действительности. В связи с этим можно выделить три экстралингвистических плана дифференциации пословиц: социолингвистический (по степени их известности в социуме), лингвокультурологический (по отражению этнической или национальной культуры) и лингвокогнитивный (по характеру репрезентации окружающей действительности).

В социолингвистическом плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по отношению ко всему социуму на общеизвестные (пословичный минимум) и общеупотребительные (пословичный оптимум), востребованные (основной пословичный фонд) vs. не востребованные (пословичный тезаурус — национальный фонд пословиц общенародного языка);
- по отношению к определенным социальным группам носителей общенародного языка на обязательные (пословичный эссенциум) vs. не обязательные (пословичный максимум); стандартные (литературные) vs. субстандартные (диалектные vs. социолектные);
- по отношению к каждому носителю языка на входящие в паремикон (как часть лексикона) vs. не входящие в него (только узнаваемые в чужой речи), образующие его активный vs. пассивный состав.

Наиболее известным социолингвистическим типом пословиц являются общеизвестные единицы, совокупность которых образует пословичный (или «паремиологический») минимум, впервые предложенный и установленный экспериментальным путем на материале русского языка Г.Л. Пермяковым в начале 1970-х гг. Впоследствии «паремиологический минимум» не один раз уточнялся его автором (последняя версия появилась в конце 1980-х гг. [39. С. 143–169]), который считал максимально точное определение состава «минимума» весьма важной задачей, поскольку был уверен,

что в пословицах данного типа «должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом» [39. С. 212].

Появление пословичного минимума породило ряд вопросов, которые до сих пор не получили однозначного ответа. Какие пословицы неизменно активны в речи и всегда актуальны для носителей языка? Какие именно социолингвистические типы пословиц составляют ядро пословичного фонда? Пословицы каких социолингвистических типов манифестируют основные параметры пословичного фонда в общенародном языке?

До недавнего времени казалось, что Г.Л. Пермяков уже нашел ответы на эти вопросы в теоретически обоснованном и полученном им на практике русском паремиологическом минимуме. Идея оказалась весьма заразной, и пословичные минимумы вскорости были установлены для целого ряда языков — английского², белорусского³, венгерского⁴, испанского⁵, немецкого⁶, польского⁷, сербского⁸, словацкого⁹, чешского¹⁰ и др. Однако со временем выяснилось, что объективно определить, а тем более верифицировать состав пословичного минимума не представляется возможным в силу, во-первых, его динамического характера и большой скорости изменений в его составе, а во-вторых, высокой степени субъективности как методики эксперимента, так и самих информантов (как оказалось, в минимум Г.Л. Пермякова не попал целый ряд широко известных и высокочастотных в употреблении русских пословиц [24. С. 50]). В связи с этим было предложено отказаться от минимума и заменить его стабильно востребованными во все времена пословицами, образующими «основной пословичный фонд», состав которого достаточно точно и полно определяется

² Haas H.A. Proverb familiarity in the United States: cross-regional comparisons of the paremiological minimum // *Journal of American Folklore*. 2008. Vol. 121. № 481. P. 319–347.

³ Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб. : СПбГУ, 2000. С. 273–284.

⁴ Tóthné Litovkina A. How Many and What Proverbs Are Still Commonly Familiar Among Hungarian Children and Adolescents? // *Studien zur Phraseologie und Parömiologie. EUROPHRAS — 95. Europäische Phraseologie im Vergleich : Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt* / eds. W. Eismann, P. Grzybek, W. Mieder. Bochum, 1998. S. 807–821.

⁵ Sevilla Muñoz J., Diaz J.C. La competencia paremiologica: los refranes // *Proverbium*. 1997. Vol. 14. P. 367–381.

⁶ Grzybek P. Sindkendes Kulturgut? Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit deutscher Spichwörter // *Wirkendes Wort*. 1991. № 2. S. 239–264.

⁷ Szpila G. Minimum paremiologiczne języka polskiego (badanie pilotażowe) // *Język Polski*. 2002. № 1. S. 36–42.

⁸ Hose S. Příslowný minimum w serbščinje // *Sorabistiske přednoški II* / red. H. Faska. Budyšin, 1995. S. 78–89.

⁹ Ďurčo P. Slovak Proverbial Minimum: The Empirical Evidence // *Res Humanae proverbiorum et sententiarum: ad honorem W. Mieder* / ed. C. Földes. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. S. 59–70.

¹⁰ Schindler F. Das Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchung und semantische Beschreibung. München : Otto Sagner Verlag, 1993.

по письменным источникам с диахронической глубиной в несколько столетий [9. Р. 41–138; 24. С. 48–66].

Именно пословицы «основного фонда» отражают наиболее типичные параметры пословичного фонда общенародного языка, поскольку являются стабильно востребованными социумом, всегда широко употребительными в речи и известными всем носителям языка (или их подавляющему большинству). В свою очередь, пословицы, совпадающие во всех социолингвистически значимых группах (минимум, максимум, эссенциум, оптимум, основной фонд, тезаурус, стандарт), образуют ядро пословичного фонда, являются неизменно актуальными и наиболее активными в истории языка и в настоящее время.

В лингвокогнитивном плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по характеру репрезентации окружающей действительности на концептуализирующие vs. не концептуализирующие действительность;
- по способу репрезентации окружающей действительности на моделирующие vs. не моделирующие действительность.

В лингвокультурологическом плане все пословицы разграничиваются на следующие типы (в порядке убывания продуктивности каждого типа):

- по степени отражения культуры на этнокультурно (национально-культурно) маркированные vs. не маркированные, репрезентирующие vs. не репрезентирующие культурные коды,
- по характеру отражения культуры на выражающие vs. не выражающие социокультурные стереотипы, вербализующие vs. не вербализующие аксиологические доминанты,
- по способу отражения культуры на непосредственно vs. опосредованно обозначающие реалии этнической (национальной) культуры, передающие их в составе исконных vs. общих с другими языками единиц, выражающие культурные реалии посредством вытеснения (синонимичной замены) или ассимиляции иноязычных заимствований.

Как видим, лингвокультурные типы пословиц связаны с такими собственно лингвистическими типами, как исконные vs. заимствованные и общие с другими языками vs. уникальные пословицы. В этой связи возникает два вопроса. Какие пословицы можно считать национальным достоянием языка? И в каких именно пословицах наиболее репрезентативно и адекватно отражается национальная культура? Традиционно принято считать, что пословицы, выражающие культурные коды, социальные стереотипы и аксиологические доминанты, являются исконными по происхождению и уникальными (а поэтому и безэквивалентными) по отношению к другим языкам. Однако лингвокультурологический анализ пословичного материала разных языков показал, что отражать этническую (национальную) культуру могут и общие с другими языками, и заимствованные пословицы. В первом случае мы имеем дело с этнокультурно (или национально-культурно) маркированными

вариантами одной общей для ряда языков пословицы (универсальной или интернациональной), а во втором случае с результатом акультуризации, когда пословица из чужого языка в процессе заимствования подвергается ассимиляции в пословичном фонде языка и с течением времени приобретает этнокультурно (или национально-культурно) маркированные компоненты и/или коннотации, благодаря чему перестает восприниматься носителями языка как чужеродная. Однако самой по себе этнокультурной (национально-культурной) маркированности пословицы еще недостаточно, чтобы считать ее достоянием общенародного языка и наиболее значимой в лингвокультурном плане.

Если спроецировать лингвокультурные типы пословиц на пословичные типы сопоставительного и типологического плана, то наибольшую значимость приобретают следующие три типа:

- универсальные (близкие по форме и тождественные по смыслу в генетически, типологически и ареально далеких языках, результат общности когнитивных и вербальных способов и средств порождения и функционирования пословиц);
- интернациональные (близкие по форме и тождественные по смыслу в родственных и ареально близких языках, результат общего происхождения языков, языковых контактов или культурного трансфера в формировании пословичного фонда);
- уникальные (не имеющие близких по форме и тождественных по смыслу пословиц в других языках).

Если наложить лингвокультурные типы на социокультурные типы пословиц, то можно констатировать, что пословицы, которые совпадают во всех социолингвистически значимых группах, образуют ядро пословичного фонда, являются неизменно актуальными и наиболее активными в истории языка и в настоящее время. Уникальные пословицы в составе ядра пословичного фонда являются наиболее значимыми в языке и наиболее ярко отражают этническую (национальную) культуру.

Заключение

Пословица представляет собой сложный языковой знак, совмещающий как внутриязыковые, так и внеязыковые свойства и признаки, поэтому пословичный фонд языка дифференцируется по критериям как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим. Выделяется семь основных аспектов дифференциации пословиц — четыре собственно лингвистических (описательный, диахронический, сопоставительный, типологический) и три экстралингвистических (лингвокогнитивный, лингвокультурологический, социолингвистический).

В собственно лингвистическом плане наиболее значимыми типами пословиц являются по семантике — образные, переосмысленные, идиоматичные,

по структуре — монопредикативные, не осложненные, вариативные, по функционированию — не ограниченные по способам и характеру использования в речи, расширенные по сфере употребления, ситуативно не обусловленные, по стилистике — оценочно коннотативные, экспрессивно не маркированные, по генезису и истории — дискурсивного происхождения, исконные, не подверженные исторической динамике, по сравнению с другими языками — коррелятивные, аналогичные, безэквивалентные, по типологическим характеристикам — близкие в формальных языковых свойствах и уникальные в плане содержания.

В экстралингвистическом плане наиболее значимыми типами пословиц являются входящие в языковой минимум и основной пословичный фонд, концептуализирующие и/или моделирующие языковую картину мира, выражающие культурные коды, социальные стереотипы и аксиологические доминанты.

Перспективным является изучение каждого выделенного типа пословиц в пословичных фондах конкретных языков в описательном и сопоставительном плане.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. М. : Флинта; Наука, 2009. EDN: SDQJVH
2. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20. EDN: MTZDEL
3. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002. EDN: VVDSAL
4. Бочина Т.Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2023. EDN: QAPEYY
5. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов на Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 2002. EDN: UQIW XU
6. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц. Псков : Гименей, 2007.
7. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб. : МИРС, 2009. EDN: XIQMAP
8. Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол : РОСА, 2011. EDN: QWUNSP
9. Ivanov E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS, 2002. EDN: RARRXP
10. Лепешаў І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна : ГрДУ, 2006.
11. Іваноў Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў : МДУ, 2017.
12. Колоїз Ж.В., Малюга Н.М., Шарманова Н.М. Українська пареміологія. Кривий Ріг : КНУ, 2014.
13. Сергиенко О.С. Нормативность и вариативность чешских и словацких пословиц. СПб. : СПбГУ, 2015.
14. Даниленко Л.І. Чеська пареміологія в генетичному, лінгвокогнітивному і дискурсивному висвітленні. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019.
15. Раина О.В. Польская диалектная паремиология (на материале гуральского диалекта). СПб. : СПбГУ, 2011. EDN: TXCLTZ
16. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб. : СПбГУ, 2002.

17. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб. : СПбГУ, 2006. EDN: UFPWED
18. *Котова М.Ю.* Очерки по славянской паремиологии. СПб. : СПбГУ, 2003.
19. *Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. СПб. : Алеф-пресс, 2013.
20. *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель : ГГУ, 2015. EDN: EGXAPD
21. *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб. : Петербургское востоковедение, 2019.
22. *Петрушэўская Ю.А.* Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ, 2021.
23. Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков) / под ред. М.Ю. Котовой. СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022.
24. Паремииология в дискурсе / ред. О.В. Ломакина. М. : URSS; Ленанд, 2015. EDN: WFLNCC
25. Паремииология без границ / ред. М.А. Бредис, О.В. Ломакина. М. : РУДН, 2020. EDN: HGLNFL
26. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация. СПб. : СПбГУ, 2022. EDN: UASHPC
27. Паремииология на перекрестках языков и культур / ред. Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН, 2021. EDN: PHUUNK
28. *Malek E.* «Собрание 4291 древних российских пословиц» и «Апофегматы» Беняша Будного (из истории русской паремииологии). Warszawa : Nowy świat, 2016.
29. Наследие Петровской эпохи в современной русской паремииологии (в сопоставлении с европейской) / ред. С.И. Николаев, В.М. Мокиенко. Кострома : КГУ, 2021.
30. Славянская паремииология и паремииография петровского времени: взаимодействие «Своего» и «Чужого» / ред. Х. Вальтер и др. Санкт-Петербург : СПбГУ; Смоленск : СГУ, 2022.
31. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев : МГУ, 2016.
32. *Іваноў Я.Я.* Афарызмы ў мове і мова афарызмаў (аспекты тэорыі афарыстыкі). Магілёў : МДУ, 2024.
33. *Іваноў Я.Я.* Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма. Магілёў : Брама, 2003.
34. *Іваноў Я.Я.* Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма. Магілёў : Брама, 2004.
35. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43. EDN: YBARRK
36. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. EDN: PVXTDD
37. *Ivanova E.V.* On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2021. T. 18. № 4. P. 875–892. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.415> EDN: GXULQY
38. *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970.
39. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремииологии. М. : Наука, 1988.
40. *Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А.* Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> EDN: BRAAIY

41. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. [https:// www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17](https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17) EDN: BHAEFW
42. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужугет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> EDN: UNEDHS
43. Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 483–503.
44. Alyoshin A., Ivanov E. Swedish Parallels of Belarusian Proverbs: Structural-Semantic Modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101> EDN: MPNTMY
45. Петрушевская Ю.А. Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 259–279. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15> EDN: WCND AU
46. Петрушевская Ю.А., Лазарева О.В. Образность в тувинских и белорусских пословицах (в поисках общего и специфического в пословичных образах) // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 24–39. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.2> EDN: IAJFCG

References

1. Alefirenko, N.F., & Semenenko, N.N. (2009). *Phraseology and Paremiology*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.). EDN: SDQJVH
2. Mokienko, V.M. (2010). The Modern Paremiology (Linguistic Aspects). *The World of Russian Word*, 3, 6–20. (In Russ.). EDN: MTZDEL
3. Bochina, T.G. (2002). *Stylistics of Contrast: Essays on the Language of Russian Proverbs*. Kazan: Kazan University Press. (In Russ.). EDN: VVDSAL
4. Bochina, T.G. (2023). *The Proverb Issaid for Centuries. Selected Works on Russian Paremiology*. Kazan: Kazan University publ. (In Russ.). EDN: QAPEYY
5. Savenkova, L.B. (2002). *Russian Paremiology: Semantic and Linguocultural Aspects*. Rostov-on-Don: Rostov University Publ. (In Russ.). EDN: UQIW XU
6. Fedorova, N.N. (2007). *Modern Transformations of Russian Proverbs*. Pskov: Gimenez. (In Russ.).
7. Seliverstova, E.I. (2009). *The Space of the Russian Proverb: Constancy and Change*. Saint Petersburg: MIRs. (In Russ.). EDN: XIQMAP
8. Semenenko, N.N. (2011). *Russian Paremiology: Functions, Semantics, Pragmatics*. Stary Oskol: ROSA. (In Russ.). EDN: QWUNSP
9. Ivanov, E. (2002). *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS. EDN: RARRXP
10. Lepeshev, I.Ya. (2006). *Paremiology as a Separate Section of Linguistics*. Grodna: GRDU. (In Bel.).
11. Ivanov, E.E. (2017). *Aphoristic Units in the Belarusian Language*. Mogilev: Mogilev State University. (In Bel.).
12. Koloiz, Zh.V., Malyuga, N.M., & Sharmanova, N.M. (2014). *Ukrainian Paremiology*. Kriviy Rig: KNU. (In Ukrainian).
13. Sergienko, O.S. (2015). *Normativity and Variability of Czech and Slovak Proverbs*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ.
14. Danilenko, L.I. (2019). *Cheska Paremiology in Genetic, Linguo-cognitive and Discursive Visibility*. Kiev: Vidavnychiy dim of Dmitry Burago. (In Ukrainian).
15. Raina, O.V. (2011). *Polish Dialectal Paremiology (Based on the Gural Dialect)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ. EDN: TXCLTZ

16. Ivanova, E.V. (2002). *Proverbial Worldviews (Based on English and Russian Proverbs)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ.
17. Ivanova, E.V. (2006). *The World in English and Russian Proverbs*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ. EDN: UFPWED
18. Kotova, M.Yu. (2003). *Essays on Slavic Paremiology*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University publ. (In Russ.).
19. Abakumova, O.B. (2013). *Proverbs in Language, Consciousness, and Communication: Cognitive-Discursive Modeling of the Meaning of Proverbs in Discourse and the Referential-Evaluative Typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech Proverbs about Truth and Lies*. Saint Petersburg: Alef-Press. (In Russ.).
20. Nichiporchik, E.V. (2015). *Reflection of Value Orientations in Paremiologies*. Gomel: Francysk Skaryna Gomel State University publ. (In Russ.). EDN: EGXAPD
21. Bredis, M.A. (2019). *Man and Money: Essays on Russian Proverbs and Not Only*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ. (In Russ.).
22. Petrushevskaya, Yu.A. (2021). *Linguistic Specificity and National Peculiarity of Proverbs of the Belarusian Language*. Mogilev: Moscow State University publ. (In Bel.).
23. The Russian linguistic picture of the world in proverbs (against the background of other languages) (2022). M.Y. Kotova (Ed.). Saint Petersburg: Publishing House-Polygraphic Association of Higher Educational Institutions. (In Russ.).
24. Paremiology in Discourse (2015). O.V. Lomakina (Ed.). Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.). EDN: WFLNCC
25. Paremiology without Borders (2020). M.A. Bredis, O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.). EDN: HGLNFL
26. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2022). *Slavic World in Paremiological Interpretation: Axiological Dominants and Their Lingoculturological Interpretation*. Monograph. Saint Petersburg: State University of Saint Petersburg. publ. (In Russ.). EDN: UASHPC
27. Paremiology at the Crossroads of Languages and Cultures (2021). E.E. Ivanov & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.). EDN: PHUHHK
28. Małek, E. (2016). “Collection of 4291 Ancient Russian Proverbs” and “Apophegmata” by Beniash Budny (from the History of Russian Paremiology). Warszawa Nowy świat. (In Russ.).
29. Nikolaev, S.I., & Mokienko, V.M. (eds.). (2021). *The Legacy of the Petrine Era in Modern Russian Paremiology (In Comparison with European Paremiology)* Kostroma: KSU. (In Russ.).
30. Walter, H. et al. (eds.). (2022). *Slavic Paremiology and Paremiography of the Petrine Era: Interaction between “One’s Own” and “Alien”*. Saint Petersburg: SPbSU; Smolensk: SSU. (In Russ.).
31. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistic aphorism*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ.).
32. Ivanov, E.E. (2024). *Aphorisms in Language and the Language of Aphorisms (Aspects of the Theory of Aphoristics)*. Mogilev: Moscow State University. (In Bel.).
33. Ivanov, E.E. (2003). *Problems of Linguistic Study of Aphorism*. Mogilev: Brama Publ. (In Bel.).
34. Ivanov, E.E. (2004). *Differential Signs of Aphorism*. Mogilev: Brama. (In Bel.).
35. Bredis, M.A., Lomakina, O.V., & Mokienko, V.M. (2019). Proverbs in Contemporary Linguistics: Definition, Status, Functioning. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 34–43. (In Russ.). EDN: YBARRK
36. Baranov, A.N., & Dobrovolskij, D.O. (2008). *Aspects of the Theory of Phraseology*. Moscow: Znack. (In Russ.). EDN: PVXTDD
37. Ivanova, E.V. (2021). On the Basic Lines of Proverbial Studies in Russian Paremiology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(4), 875–892. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.415> EDN: GXULQY
38. Permyakov, G.L. (1970). *From the Saying to the Fairy Tale (Notes on General Theory of Cliches)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
39. Permyakov, G.L. (1988). *Foundations of Structural Paremiology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

40. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., & Petrushevskaya, J.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> EDN: BRAAIY
41. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., & Nelyubova, N.Yu. (2021). Emantic Analysis of Tuvan Proverbs: Models, Imagery, Concepts (against the European Paremiological Background). *The New Research of Tuva*, 3, 220–233. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> EDN: BHAEFW
42. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu., & Kuzhuget, Sh.Yu. (2021). A Lexicographical Description of Tuvan Proverbs: Principles, Structure and an Ethnolinguoculturological Commentary as Compared to European Paremies. *The New Research of Tuva*, 4, 143–160. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> EDN: UNEDHS
43. Levin, Y.E. (1998). Veribial Space. In: *Selected works: Poetics. Semiotics* (pp. 483–503). Moscow: Languages of the Russian culture. (In Russ.).
44. Alyoshin, A., & Ivanov, E. (2023). Swedish Parallels of Belarusian Proverbs. *Scandinavian Philology*, 21(1), 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101> EDN: MPNTMY
45. Petrushevskaya, Ju.A. (2023). Universals in the Tuvan Proverbial Fund (as Compared to Modern European Languages). *The New Research of Tuva*, 1, 259–279. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15> EDN: WCND AU
46. Petrushevskaya, Ju.A., & Lazareva, O.V. (2024). Imagery in Tuvan and Belarusian Proverbs (In Search of Common and Specific Proverbial Images). *The New Research of Tuva*, 2, 24–39. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.2> EDN: IAJFCG

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, д. 1); действительный член Комиссии по славянской фразеологии при Международном комитете славистов; действительный член Белорусского национального комитета славистов; *сфера научных интересов*: теория языка, сопоставительное языкознание, лингвокультурология, русистика, белорусистика, фразеология, паремиология, лексикография, лингводидактика; *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6451-8111, SPIN-код: 8751-0620, ResearcherID: E-4679-2019; ScopusID: 57222386652.

Information about the author:

Evgeniy E. Ivanov, Dr.Sc. (Philology). Full Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Mogilev State A.A. Kuleshov University (1, Kosmonavtov St., Mogilev, the Republic of Belarus, 212022); Full Member of the Slavic Phraseological Commission of the International Committee of Slavists; Full Member of the Belarusian National Committee of Slavists; *Research interests*: theory of language, comparative linguistics, linguistic-cultural studies, Russian studies, Belarusian studies, phraseology, paremiology, lexicography, linguodidactics; *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6451-8111, SPIN-code: 8751-0620, ResearcherID: E-4679-2019; ScopusID: 57222386652.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637

EDN: DQGURR

УДК 398.91:81'373:130.2

Научная статья / Research article

Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень

О.В. Ломакина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ lomakina-ov@rudn.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с развитием антропоцентрической парадигмы в лингвистике и необходимостью описания метаязыка современных лингвистических теорий, в частности, нового направления языкознания — лингвоаксиологии. Цель исследования — определить круг основных терминов и терминосочетаний, используемых при описании системы ценностей и их вербализации. Показан источник современной лингвоаксиологии — философия познания; доказано влияние типа культуры на понимание ценностей. Выделены две группы терминов: 1) более распространенные (*ценность* — *антиценность*; *ценностная картина мира*; *аксиогенные ситуации*; *аксиосфера*; *ценностные ориентации* и др.); 2) термины, апробированные на паремиологическом материале (*лингвоаксиологический потенциал паремий*; *ценностные константы* — *ценностные переменные*; *аксиологическая валентность*; *аксиологический синкретизм*). Особое внимание уделено трудностям при определении типов ценностей; взаимовлиянию ценностей и оценки. Предложен план лингвоаксиологического анализа пословиц. На примере паремиологических единиц показано авторское видение при решении проблемных вопросов аксиологии; представлены типы лингвоаксиологических маркеров. Введен термин *поликультурный лингвоаксиологический маркер*, дано его определение, приведены примеры пословиц, включающие данные единицы.

Ключевые слова: ценность, ценностная картина мира, ценностные ориентации, лингвоаксиологический маркер, пословица, паремия, аксиопаремиология

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Ломакина О.В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637>

© Ломакина О.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Metalanguage of Modern Linguaxiology: Paremiological Level

Olga V. Lomakina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ lomakina-ov@rudn.ru

Abstract. The relevance of research is related to the development of anthropocentric paradigm in linguistics and the need to describe the metalanguage of modern linguistic theories, in particular, the new direction of linguistics — linguistics. The purpose of the study is to determine the range of basic terms and term combinations used to describe the system of values and their verbalization. The source of modern linguaxiology is shown — the philosophy of knowledge; the influence of the type of culture on the understanding of values is proven. Two groups of terms are distinguished: 1) more common (*value* — *antivalue*; *value picture of the world*; *axiogenic situations*; *axiosphere*; *value orientations*, etc.); 2) terms tested on paremiological material (*linguaxiological potential of paremias*; *value constants* — *value variables*; *axiological valence*; *axiological syncretism*). Particular attention is paid to the difficulties in determining the types of values; the mutual influence of values and evaluation. A plan for the linguaxiological analysis of proverbs is proposed. The author's vision in solving problematic issues of axiology is shown using paremiological units as an example; types of linguaxiological markers are presented. The term multicultural linguaxiological marker is introduced, its definition is given, and examples of proverbs that include these units are given.

Keywords: value, value picture of the world, value orientations, linguaxiological marker, proverb, paremia, axioparemiology

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Lomakina, O.V. (2025). Metalanguage of Modern Linguaxiology: Paremiological Level. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 622–637. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637>

Введение

Формирование лингвоаксиологии как дисциплины языковедческого характера, базирующейся на идеях теории познания, в последние годы происходит интенсивно. Доказательством могут служить научные сборники¹, монографии² и многочисленные словари³, предметом исследования и лек-

¹ Сб. «Эволюция ценностей в языках и культурах» (М.: Пробел, 2000, 2011) носил междисциплинарный характер и во многом наметил направление будущих исследований в области лингвоаксиологии.

² По охвату языкового материала одной из самых значительных является: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая интерпретация. Монография. СПб.: СПбГУ, 2022.

³ Подготовка и издание аксиологических словарей проводилось под рук. проф. Л.К. Байрамовой (КФУ). Напр., Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011; Байрамова Л.К., Бойчук В.А. Аксиологический словарь фразеологизмов-библейских на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском, английском, немецком, французском языках: [словарь ценностей и антиценностей]. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. и др.

сикографического описания которых являются ценности и способы отражения их в языке. Вместе с тем авторы вынуждены прибегать к описательным характеристикам, использовать существующие термины в новых значениях, иногда предлагать свои. В связи с этим актуальным становится представление терминов лингвоаксиологии и их дефиниций, что послужит основой описания метаязыка рассматриваемой отрасли современного гуманитарного знания.

Методология и методы исследования

Методология исследования определяется, прежде всего, теоретическими постулатами аксиологии как отрасли философского знания, а также работами, в которых обозначены актуальные лингвоаксиологические понятия. Ведущую роль играют труды по паремиологии, в которых впервые использованы лингвоаксиологические термины применительно к пословичному фонду разных языков и этнографических материалов по вепсской лингвокультуре.

Ведущий метод проведения данного исследования — описательно-аналитический метод, который представляет собой наблюдение за анализируемыми явлениями, их системное рассмотрение и обобщение; также использовались элементы компонентного анализа при рассмотрении дефиниций и их сопоставлении; языковой материал — пословицы — подвергся лингвоаксиологическому анализу, алгоритм которого предложен автором. Иллюстративный материал взят из паремиографических сборников⁴ русского, осетинского, тувинского, алтайского и коми языков.

Терминологический аппарат лингвоаксиологии: предпосылки и определения

Лингвоаксиология как отрасль языкознания базируется на постулатах антропоцентризма и берет основание в аксиологии как отрасли философского знания. Каждый человек по-разному познает мир, оценивая его с учетом шкалы «хорошо — плохо», при этом норма выступает неким усредненным понятием. По замечанию С.Ф. Анисимова, аксиология определяет *значение* чего-либо для человека, поскольку оно верифицирует понятие как ценность или антиценность [1. С. 7–8]. Объективация действительности происходит для конкретной личности, хотя фактически данный взгляд является

⁴ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н.Р. Отйоткиновой, С.П. Рожновой. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2010; *Гуриев Т.А.* Осетино-русский словарь. Владикавказ: Алания, 2004; Коми войтырлӧн шусьӧгъяс да кывйӧзъяс = Пословицы и поговорки Коми народа : сб. / гл. ред. А. Родов; научн. ред., сост., предисл. П. Лимеров; пер. на коми язык Е. Плетцер. Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2023; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б.К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020.

субъективным. В связи с этим в современной аксиологии в целом и лингвоаксиологии в частности возникает проблема определения природы ценностей, критериев их выделения и классификации.

Ценность является центральным понятием лингвоаксиологии. Общеизвестна бинарность ценностей: существование дихотомий, выраженных противоположными понятиями, как правило, антонимами, поскольку любой ценности противопоставлена *антиценность*. Т.Б. Радбиль предлагает градацию ценностей: *собственно ценность* и *антиценность* при указании на положительный или отрицательный полюс в диаде добро — зло; *не ценность* при указании на понятия, не имеющие оценки и находящиеся вне системы ценностей [2. С. 572]; ложная ценность, или псевдоценность — «ценность не безусловная, не самоочевидная, которая нуждается в каком-то обосновании и воспринимается как-то то положительное только при наличии некоторых дополнительных условий. <...> изначально что-то плохое (или просто внеоценочное), которое лишь в определенных обстоятельствах может расцениваться как нечто хорошее» [3. С. 90].

Определение *ценности* содержится в ряде лингвистических работ: это «мировоззренческие универсалии», которые определяют «сферу общения членов социума друг с другом и с самим социумом» [4. С. 9]; «понятие, фиксирующее положительные или отрицательные качества любого объекта или явления» [5. С. 13]; «категория практической значимости для организации жизненного пространства человека в условиях типовых ситуаций» [6. С. 351]. Таким образом, исследователи, предлагая соответствующие определения, обращают внимание на социальную, оценочную, прагматическую функции ценностей.

Ценности образуют *ценностную картину мира*, включающую «существенные для данной культуры смыслы», отражающую посредством ценностных доминант тип культуры, репрезентируемый в языке [7. С. 5]. Содержательно с ценностной картиной мира, по В.И. Карасику, связаны *аксиогенные (ценностнопорождающие) ситуации* — «положения дел, осмысливаемые как взаимосвязанные представления о том, что есть благо и зло» [8. С. 32], и отражаемые в различных текстах, в т.ч. фольклорных. Если продолжить мысль ученого, то главная функция ряда фольклорных жанров — дидактическая — состоит в воспитании путем трансляции и восприятия ценностей той или иной культуры и религии.

Каждому народу свойственна определенная система ценностей и норм, репрезентированная в языковых единицах различных уровней, что дает право говорить о наличии *аксиосферы* как «организованного пространства, элементы которого связаны друг с другом разнообразными отношениями» [Бочина 2023: 8]. В качестве синонимического используется термин *аксиологическая*

парадигма — «класс аксиологем⁵ (ценностей и антиценностей), противопоставленных друг другу и объединенных наличием у них аксиологического вектора» [10. С. 109].

Объединение ценностей / антиценностей в *ценностные парадигмы* происходит на основании некоей общности: можно, например, выделить ценностную парадигму определенного времени — современного общества; конкретного народа; учительского / врачебного сообщества и под. (см. подробнее: [11]).

Вопрос о типологии ценностей не решен ввиду отсутствия единых оснований выделения. Наиболее распространенным является выделение общечеловеческих ценностей, к которым относятся такие семантические доминанты: мир как отсутствие войны; здоровье как отсутствие болезни и под., которые фактически представляют собой *ценностную автосемантизацию*.

Вместе с тем классификация ценностей с позиции культуры представляет собой антиномию Восток — Запад. Согласно философским воззрениям противопоставление *восточных* и *западных* ценностей является одним из главных аксиологических постулатов (С.Ф. Анисимов подчеркивает: на Востоке «ценностные представления занимают гораздо больше места, чем на Западе» [1. С. 22]), что отражает современное состояние культуры. Данное деление позволяет говорить о противопоставлении восточной и западной культур не только по формальному — географическому — признаку, но и по основанию значения нравственных категорий для того или иного народа. Начиная с XIX в., в трудах русских философов обозначен особый — третий — путь России, которая, вбирая ценности и традиции Востока и Запада, представляет собой евразийский тип культуры. Экстраполируя данную классификацию, Н.Ю. Нелюбова на материале пословиц показывает справедливость подобного выделения типов культур и их соотношения с ценностями [13]. Таким образом, конкретная ценность, характеризуя ту или иную лингвокультуру, может являться культурно маркированным, занимающим определенное место в иерархии ценностей образованием.

В.И. Карасик предложил следующие основания для группировки ценностей: 1) по качеству (витальные, утилитарные, моральные, духовные *resp.* основополагающие); 2) по количественному охвату событий (общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, групповые) [8. С. 8].

Ценности представляют собой систему, которая определяет «сущность Человека», являясь «атрибутом человеческого сознания» [14. С. 127]. Антропоцентрическая парадигма диктует выделение первостепенных ценностей, благодаря которым формируется личность человека. По мнению В.В. Красных, следует выделить *систему ценностей культуры*, которую

⁵ Термин *аксиологема* принадлежит К.А. Жукову, это «аксиологический идеал»; выбранная из парадигматического ряда характеристика, «которую мы избираем в качестве оценки, воплощенной в целом ряде паремий» [12. С. 109].

в первую очередь составляют духовные и морально-нравственные ценности [15. С. 93], при этом ценностный абсолют у каждого народа свой: он напрямую связан с типом культуры и репрезентирован в языке посредством номинирования ценностей, их вербализации эксплицитно (лингвоаксиологическими маркерами) или имплицитно.

Системный подход при рассмотрении ценностей позволил представить ценность как маркированное образование и выделить в зависимости от целевой установки универсальное и национально маркированное; культурно маркированное; религиозно маркированное и под. Кроме того, лингвоаксиологические маркеры представлены на разных уровнях языка [16. С. 674–675] и в зависимости от степени отражения оценки относятся к ядерной или периферийной зоне [17. С. 21; 18].

Проблема номинации ценностей может решаться несколькими способами — с учетом диахронического или синхронического подходов. Диахронический анализ должен проводиться с учетом историко-этимологического и дефиниционного анализа. Так, анализ при выборе точной номинации понятий *труд*, *работа*, *лень*, *безделье* показал, что дихотомия *труд* — *безделье* является наиболее корректной, представляя собой шкалу с обозначенными пределами — крайними точками, где слово *лень* будет близким понятием к безделью, отличающимся национальной маркированностью, а лексема *дело* в современном русском языке, несмотря на многозначность, не несет ценностной нагрузки, в отличие от понятий *труд* и *работа*, при этом *работа* получает конкретное значение [19. С. 280]. С позиции синхронии экспериментальным путем перечень ценностей включает 38 понятий (например: «безопасность, вера, власть, внимание к людям, достаток, дружба, здоровье, семья, покой, порядочность») и 30 антиценностей [4. С. 9].

Ценности и антиценности объединяются в диады (как обозначение крайних точек в традиционной шкале хорошо — плохо)⁶, что, по словам Т.Г. Бочиной, характеризует «бинарный способ членения и упорядочения окружающей действительности» чертой как мифа, так и пословицы [20. С. 19]. Согласно Г.Л. Пермякову, бинарные оппозиции — «инвариантная пара противопоставленных сущностей», которая служит средством трактовки пословичных образов [21. 107]. Вербализация бинарного может иметь национально маркированный характер. Например, предметы *мутовка* — *поварешка* как репрезентация диады сырое — вареное в свадебном обряде вепсов⁷ [22. С. 166].

Л.К. Байрамова в рамках конвенциональных ценностей выделила *аксиологические диады*, которые получили следующие номинации: витальные

⁶ Спорным является вопрос выделения триад *тишина* — *шум* — *крик* (В.И. Даль); *белое* — *серое* — *черное* и др.

⁷ С.Н. Жульникова в качестве примера приводит поговорку перифрастического содержания *Ну что, с мутовкой или с поварешкой?*, которую использовали вместо прямого вопроса об итогах сватовства [22. С. 165].

(жизнь — смерть; здоровье — болезнь); священные (родина — чужбина); гедонистические (счастье — несчастье); социально-утилитарные (труд — безработица / лень / отдых); материально-утилитарные (богатство — бедность); интеллектуально-познавательные (ум — глупость); нравственно-этические (правда — ложь); эмоционально-утилитарные (смех — плач); религиозные (рай — ад) [23. С. 301].

Лингвоаксиологи оправдывают введение и употребление таких терминов, как *ценностные ориентации*, *ценностные ориентиры*, используемых как синонимы⁸. Е.В. Ничипорчик ценностные ориентации называет предельными смыслами, свойственными коллективному сознанию; они «основываются на ранжированных представлениях о ценностях», детерминируя «ценностное отношение к объектам материального и идеального мира» [24. С. 109]. Актуальность, частотность употребления терминосочетаний, вовлеченность их в другие термины (в т.ч. при дефинировании) метаязыка конкретной отрасли знания доказывает необходимость / справедливость включения термина в глоссарий. Приведем пример из монографии В.Н. Телия, где используется одно из обозначенных сочетаний: *аксиологическая модальность* — «связь, устанавливаемая между **ценностной ориентацией** говорящего / слушающего и обозначаемой реальностью <...>, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со “стандартом” бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [25. С. 22–23] (выделено нами — О.Л.).

Исследователи подчеркивают связь системы ценностей и категории оценки, которые «формировались исторически, в определенном социуме, под влиянием традиций, обычаев» и пр., «эволюционируя во времени» [26. С. 8]. Данная связь «основана на взаимодействии убеждений, представлений и ожиданий личности о мире с процессом оценивания объектов и событий в этом мире» [27. С. 12]. Н.Ю. Нелюбова предлагает номинировать эти отношения как *ценностно-оценочные* и анализирует их с позиций традиционного восприятия и способов репрезентации в языке [28].

С учетом обозначенной взаимосвязи и концептуальной значимости понятий *ценность* и *оценка* С.М. Кравцов и С.В. Максимец определяют аксиологическую лингвистику как «отрасль языкознания, изучающую способы выражения оценки говорящего в отношении объекта высказывания, варианты классификации оценок, а также определяющую общекультурные и национально маркированные ценности через анализ языка [11. С. 28].

⁸ Ввиду небольшого объема статьи мы не будем подробно рассматривать данные термины, выскажем лишь отдельные замечания. Также отметим, что стремление термина к однозначности и отсутствие синонимов является аргументом в сторону необходимости выбора одного из вариантов терминосочетаний.

Оценка как лингвистическое понятие являлась предметом специального детального изучения [29; 30]. Оценка «задана физической и психологической природой человека», его чувствами, воздействуя на его «мышление и деятельность», формируя отношение к живому и неживому [29. С. 24]; «реализуется в рамках времени и пространства (хронотоп)» [31. С. 79]. Под влиянием оценки изменяется отношение конкретного человека или социума в целом к какой-либо ценности: явление получает значение и переходит в разряд ценностей, проявляя амбивалентность (например, крылатая единица библейского происхождения *Ложь во спасение* в значении ‘ложь для блага обманываемого’⁹). Е.В. Ничипорчик представляет оценку как ценностное суждение, высказывание, «в котором воплощается акт оценивания» [24. С. 37]. На «взаимосвязь субъективного и объективного содержания» при оценке обращает внимание Т.В. Матвеева [32. С. 40].

Роль паремиологического материала в становлении терминологического аппарата лингвоаксиологии

В предисловии к коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология» выделены уровни лингвоаксиологии, которые фактически представляют собой аспекты изучения аксиологической семантики следующих элементов языка: 1) лексических и синтаксических единиц, «представленных в речи в виде ценностно-оценочных комплексов»; 2) «форм, ценностно-оценочный потенциал которых реализуется в определенных синтаксических конструкциях»; 3) текста-дискурса [33. С. 9]. Представляется, что выдвинутые авторами направления исследований ценностной семантики должны быть дополнены изучением лингвоаксиологического потенциала паремиологических текстов (прежде всего пословиц), поскольку паремиологический состав языка демонстрирует «максимальную информативность и репрезентативность» системы ценностей народа, представляя «собой универсальный способ моделирования типичных ситуаций, их интерпретации и оценки» [28. С. 114]. Именно «аксиологический аспект» занимает ключевое место в категоризации не только пословичной семантики, но и в целом пословичной картины мира «по критерию отношения содержания пословиц к действительности» [34. С. 320].

Формирование метаязыка современной лингвоаксиологии происходит на паремиологическом материале, что доказывает справедливость высказанной нами точки зрения, связанной с рассмотрением аксиологической семантики устойчивых единиц языка в рамках аксиопаремиологии (термин наш — О.Л.) [35]. Охарактеризуем основные термины, появившиеся в связи с рассмотрением паремиологических единиц.

⁹ Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.: Худож. лит., 1988. С. 187.

Лингвоаксиологический потенциал паремий — это репрезентация в паремии одной или нескольких ценностей, обеспечивающих «встроенность данной единицы в систему ценностных координат, под которой мы понимаем структуру иерархически организованных ценностей [36. С. 82]. Вспомогательным инструментарием при верификации ценностей, отраженных в паремиях, являются паремиографические сборники и словари, организованные по тематическому типу: во-первых, принимается во внимание номинация ценностей в соответствующих словарных рубриках; во-вторых, анализируется набор единиц, репрезентирующих ценности; в-третьих, учитывается выбор составителя с учетом синхронического или диахронического подхода.

Лингвоаксиологический анализ паремий ставит целью выделение ценностных констант и ценностных переменных лингвокультуры путем комплексного анализа паремиологических единиц: номинации ценности; выделения семантических доминант; рассмотрения лингвоаксиологических маркеров — языковых средств — компонентов паремии, содержащих оценку / способствующих оценочности, передающих аксиологически заряженную семантику паремий, выраженную эксплицитно и имплицитно.

Ценностные константы — это «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций, менталитета, национального характера, социального опыта» [37. С. 313], *ценностные переменные* — ценности, «меняющиеся под влиянием социо-историко-культурного контекста» [36. С. 82] и характеризующиеся в лингвокультуре амбивалентностью. Например, к ценностным константам русского мира, согласно пословицам, относятся следующие: семья, Родина, труд, дружба [38. С. 746].

Описание ценностных констант и ценностных переменных проводится путем выявления *семантических доминант* — общей семантики, «объединяющей паремии как одного, так и нескольких языков, позволяющей выразить основные смыслы и морально-нравственные установки» [39. С. 173]. Так, при характеристике семьи как ценностной константы анализируются группы паремий, оценивающие следующие отношения: 1) дети — родители; 2) муж — жена; 3) родители супруга; 4) другие родственники. Рассмотрение пословиц разноструктурных языков первой подгруппы позволяет выделить семантические доминанты, среди которых: *Ребенок повторяет поведение своих родителей; Воспитывать ребенка надо с рождения; Каждый ребенок — личность; Родители любят своих детей; Родители оберегают детей; Отличие старших и младших детей; Один ребенок — много детей; Любого ребенка отличает плохое поведение; Важность получения навыков и знаний в детстве; Милосердное отношение к сиротам; Бог покровительствует сиротам* [40. С. 59–60]. Как видно из примеров, семантические доминанты могут иметь «универсальную обобщенность», т.е. отличаться «афористичностью» [41. С. 698]. А пословицы, в свою очередь, являются одной из основных

разновидностей афористических единиц [42. С. 390–391]. Поэтому семантические доминанты могут быть эквивалентны тексту пословицы: рус. *Без отца — полсироты, а без матери — и вся сирота*. Адекватность выбора данной формулировки в виде пословицы доказывает наличие подобных единиц или их вариантов в других языках: осет. *Мадæй сидзæр — æцæг сидзæр, фыдæй сидзæр — æрдæг сидзæр* 'Отца нет — полсироты, матери нет — круглый сирота'; тув. *Ада чокта — чартык өскүс, Ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, Без матери — круглый сирота'; коми *Ай абу — джин сирöта, мам абу — тыр сирöта* 'Нет отца — полусирота, нет матери — круглый сирота'; алт. *Эненин өскүзи — эки өскүс, Аданын өскүзи — жангыс өскүс* 'Сирота без матери — две сироты, сирота без отца — один сирота'.

Ценностный смысл чаще выражается эксплицитно при помощи лингвоаксиологических маркеров¹⁰ — языковых средств (лексических и / или грамматических) — компонентов паремии, содержащих оценку / способствующих оценочности, передающих аксиологически заряженную семантику паремий, выраженную эксплицитно и имплицитно, средств, обладающих оценочным значением или способствующих оценке.

Анализ паремиологического фонда разных языков позволил выделить поликультурные лингвоаксиологические маркеры — лексические единицы, обладающие одинаковым смыслом в фольклорных текстах разных языков. Например, компонент *черный* в русских / *кара* в тувинских пословицах, наряду с прямым значением, называющим колоратив, имеет символическое значение с семами 'плохой', 'негативный'. Например: рус. *Черный день придет — приятели откинутся; Береги (или: Паси) денежку про черный день! Как душа черна, так и мылом не смоешь; В черный день перемогусь, а в красный — сопьюсь; Личиком беленок, да душой черненок; Рожка крива (черна), да душа пряма (бела); Рубашка беленька, да душа черненька*; тув. *Араганың дашты ак, ишти кара* 'У араки чистая внешность, черное нутро'; *Кара булутту хат тарадыр, Кара херекти хээли агартыр* 'Черные тучи ветер разгонит, Черное дело взятка оправдает'. Поликультурными лингвоаксиологическими маркерами могут быть и другие образы, получающие в разных языках символическое наполнение, отражающееся в паремиологических единицах. М.А. Бредис при анализе пословиц финно-угорских, тюркских, монгольских и др. языков обращает внимание на роль соматизмов (глаза, руки) при характеристике антиценности скупость [43]. Перспективным является инвентаризация подобных единиц для представления универсального характера паремий неродственных языков и обнаружения культурной общности.

Н.Ю. Нелюбова отмечает, что лингвоаксиологические маркеры «образуют систему, входящую в состав аксиологического паремиопространства и имеющую ядерно-периферийную структуру». Развивая типологию

¹⁰ Впервые применительно к паремиологическому составу языка этот термин использован [39].

лингвоаксиологических маркеров, исследователем выделены четыре типа, среди которых: 1) «лексемы (в том числе однокоренные), эксплицитно представляющие ценности, антиценности или понятия, связанные с ними»; 2) «лексемы (в том числе однокоренные), имплицитно представляющие ценности, антиценности или понятия, связанные с ними, посредством метафорических образов, отражающих ценности / антиценности»; 3) этнолингвомаркеры; 4) «лексемы общеоценочной семантики, которые эксплицитно выражают положительную / отрицательную оценку независимо от контекста или меняют ее в определенных контекстах» [28. С. 117–118].

В ряде работ отмечается наличие различных отношений между лингвомаркерами: системных (синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических, конверсивных) [16]; синтагматических (выявление сопредельных ценностей и определение «валентности элементов») [28. С. 115]. В связи с этим пониманием применительно к паремиологии используются термины *аксиологическая валентность* (термин Т.Г. Бочиной) как «способность лексем, именующих ту или иную ценность, вступать в высказываниях в семантические и синтаксические связи с другими аксиолексемами» [20. С. 8] и *аксиологический синкретизм* как «совмещение в аксиологической семантике компонента паремий элементов (сем), обусловленных спецификой сочетания их первичной семантики с метафорическими и символическими значениями, а также комплексом ассоциативных, пресуппозитивно объясняемых и понятных представителям определенного этноса связей с его ценностными ориентациями» [44. С. 237]. В силу новизны данные термины еще не получили широкой апробации.

Заключение

Антропоцентрический поворот, лежащий в основе современного гуманитарного знания, повлиял на развитие междисциплинарных направлений лингвистики. Лингвоаксиология, с одной стороны, базируется на постулатах философии, с другой — учитывает достижения лингвистики в целом и лингвокультурологии в частности. Несмотря на отсутствие единой типологии ценностей ввиду невозможности выделения критериев лингвисты используют термины *ценностная картина мира*, *аксиогенные (ценностнопорождающие) ситуации*, *аксиосфера*, *ценностная парадигма* и пр.

Стимулом для расширения терминологического аппарата во многом послужили исследования по паремиологии, в которых проведен лингвоаксиологический анализ устойчивых единиц фольклорного происхождения, в лингвоаксиологический глоссарий вошли термины *ценностные доминанты и переменные*; *лингвоаксиологические маркеры*; *аксиологическая валентность*; *аксиологический синкретизм*.

Терминологический аппарат современной лингвоаксиологии проходит этап становления, после которого возникнет необходимость в лексикографическом представлении терминов.

Список литературы

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. М. : Современные тетради, 2001.
2. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6–2. С. 569–573. EDN: OMTMAR
3. Радбиль Т.Б. Корпусно-дискурсивный анализ «языка ценностей» в современной отечественной медиаречи интернета: прилагательное «знаковый» // Аксиология и когнитивная лингвистика. Материалы III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» 14–15 ноября 2024 г. / М.С. Милованова (отв. ред.). М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. С. 84–91. EDN: VUMEOW
4. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 8–17. EDN: PVRCOZ
5. Герасимович О.В. Восточнославянская семантическая аксиология: (вера, надежда, любовь). Минск : Бел. наука, 2013. EDN: SDTTJB
6. Семенов Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол : Изд-во РОСА, 2011. EDN: QWUNSP
7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность круг культурные концепты: сб. науч. трудов. Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. С. 3–16. EDN: VWLUZP
8. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. EDN: SBJJWJ
9. Бочина Т.Г. Коммуникативная валентность гедонистических ценностей в традиционной русской аксиосфере // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12. № 6. С. 7–12. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12> EDN: YXHBTE
10. Байрамова Л.К. Родина и смерть в аксиологической парадигме // Филологические науки. 2009. № 3. С. 103–110. EDN: KXTACZ
11. Кравцов С.М., Максимец С.В. Ценностная парадигма лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии (на материале русского и французского языков). Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. EDN: YPJACD
12. Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в словичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004.
13. Нелюбова Н.Ю. Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 116–123. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2025/1208> EDN: WPBNYB
14. Гибаева Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2(121). С. 127–132. EDN: NMVBNT
15. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016.
16. Ломакина О.В. Лингвоаксиологический анализ паремий как тип интегративного исследования (на примере ценностного концепта «Родина») // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2(62). С. 673–676. EDN: SOMMEK
17. Маркелова Т.В., Петрушина М.В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М. : Институт современного искусства, 2019. EDN: ABNCEU

18. *Маркелова Т.В., Новикова М.Л.* Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 848–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874> EDN UQYQWO
19. *Ломакина О.В.* Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1(58). С. 277–280. EDN: LHQJUS
20. *Бочина Т.Г.* Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Издательство Казанского университета, 2023. EDN: QAPEYU
21. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988.
22. *Жульникова С.Н.* Предметный код вепсского сватовства: мифологические реминисценции // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск: Редакционно-издательский отдел КарНЦ РАН, 2008. С. 165–179. EDN: VQTKMB
23. *Байрамова Л.К.* Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 года) : в 2 томах. Т. 1. Идиоматика и познание / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. Белгород : изд-во БелГУ, 2008. С. 298–302.
24. *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. EDN: EGXAPD
25. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986.
26. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая интерпретация. Монография. СПб. : СПбГУ, 2022. EDN: UASHPC
27. *Волкова Я.А., Ващунина И.В.* Лингвоаксиология эмоций: лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1(59). С. 10–21. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21> EDN: NHJOCL
28. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков): дисс. ... доктора филол. наук. М., 2025.
29. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988.
30. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002.
31. *Серебренникова Е.Ф.* и др. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М. : ТЕЗАУРУС, 2011.
32. *Матвеева Т.В.* Лингвистика текста и аксиология разговорного диалога // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). Екатеринбург : Ажур, 2019. С. 40–42.
33. *Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых и др.; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М.—Ярославль : Канцлер, 2022.*
34. *Иванов Е.Е.* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> EDN: WGEYWK
35. *Ломакина О.В.* Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 97–107. EDN: PCOJZZ
36. *Ломакина О.В.* Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. М. : РУДН, 2020. С. 81–86. EDN: JDZXMN

37. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4(54). С. 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
38. Ломакина О.В. Ценностные константы русского мира: когнитивный анализ паремий // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1(54). С. 745–750. EDN: RUNFLE
39. Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 172–175. EDN: TVYFFA
40. Ломакина О.В. Концепт «дети» в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2(57). С. 58–62. EDN: JJPTCV
41. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> EDN: GWOPRQ
42. Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401> EDN: ZEELHM
43. Бредис М.А. Соматические образы и этнолингвомаркеры в пословицах финно-угорских народов России о скупых на фоне разноструктурных языков // Финно-угроведение. 2024. № 4(68). С. 7–21. <https://www.doi.org/10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21> EDN: EXWODC
44. Нелюбова Н.Ю. Феномен аксиологического синкретизма ключевых компонентов французских паремий: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4(60). С. 235–241. EDN: FOHZSA

References

1. Anisimov, S.F. (2001). *Introduction to axiology*. Moscow: Modern notebooks. (In Russ.).
2. Radbil, T.B. (2011). “Language of Values” in Modern Russian Speech and the Ways of Its Calculation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (6–2), 569–573. (In Russ.). EDN: OMTMAR
3. Radbil, T.B. (2024). Corpo-Discourse Analysis of the “Language of Values” in Modern Domestic Media Speech Internet: Adjective “Iconic”. In: *Axiology and Cognitive Linguistics* (pp. 84–91). Moscow: Pushkin State Institute of Russian language publ. (In Russ.). EDN: VUMEOW
4. Tarasov, E.F. (2012) The Problem of Analyzing the Content of Universal Values. *Journal of Psycholinguistics*, 1(15), 8–17. (In Russ.). EDN: PVRCOZ
5. Gerasimovich, O.V. (2013). *East Slavic semantic axiology: (faith, hope, love)*. Minsk: Belarusian science. (In Russ.). EDN: SDTTJB
6. Semenenko, N.N. (2011). *Russian paremias: functions, semantics, pragmatics*. Stary Oskol: Rosa. (In Russ.). EDN: QWUNSP
7. Karasik, V.I. (2002). Cultural dominants in language. In: *Linguistic circle: personality, concepts, discourse* (pp. 166–205). Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: VWLUZP
8. Karasik, V.I. (2019). *Linguistic spiral: values, signs, motives*. Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.).
9. Bochina, T.G. (2023). Communicative Valence of Hedonistic Values in the Traditional Russian Axiosphere. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 12(6), 7–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-6-7-12>
10. Bayramova, L.K. (2009). Homeland and death in the axiological paradigm. *Philological sciences*, 3, 101–110. (In Russ.). EDN: KXTACZ
11. Kravtsov, S.M., & Maksimets, S.V. (2018). *Value paradigm of the linguacultural community in the mirror of phraseology (based on the Russian and French languages)*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University publ. (In Russ.). EDN: YPJACD

12. Zhukov, K.A. (2004). *Linguistic Embodiment of the Concept “Labor” in the Proverbial Picture of the World (Based on Russian and English Paremiology)* [PhD Thesis]. Veliky Novgorod. (In Russ.).
13. Nelyubova, N.Yu. (2025). Types of Linguo-Axiological Markers and Their Reflection in the Paremio-Logical Funds of Languages with Different Structures. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 5(47), 116–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2025.1208> EDN: WPBNYB
14. Gibatova, G.F. (2011). Axiology in language. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(121), 127–132. (In Russ.).
15. Krasnykh, V.V. (2016). *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.).
16. Lomakina, O.V. (2025). Linguoaxiological Analysis of Paromias as a Type Integrative Research (on the Example of the Value Concept Motherland). *Cognitive Studies of Language*, 1–2(62), 673–676. (In Russ.). EDN: SOMMEK
17. Markelova, T.V., & Petrushina, M.V. (2019) *Evaluative statements in the communicative space of the Russian language*. Moscow: Institute of Modern Art publ. (In Russ.). EDN: ABNCEU
18. Markelova T.V., & Novikova M.L. (2021). “Health — Disease” Conceptual Sphere: Cultural Code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 848–874. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874> EDN UQYQWO
19. Lomakina, O.V. (2024). Value Nomination as a Cognitive Problem (based on Russian Proverbs about Work and Idleness). *Cognitive Studies of Language*, 2–1(58), 277–280. (In Russ.). EDN: LHQJUS
20. Bochina, T.G. (2023). *The Proverb Issaid for Centuries. Selected Works on Russian Paremiology*. Kazan: Kazan University publ. (In Russ.). EDN: QAPEYY
21. Permyakov, G.L. (1988). *Fundamentals of structural paremiology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
22. Zhulnikova, S.N. (2008). Subject Code of Vepsian Matchmaking: Mythological Reminiscences. In: *Historical and cultural heritage of the Vepsians and the role of the museum in the life of the local community* (pp. 165–179). Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.). EDN: VQTKMB
23. Bayramova, L.K. (2008). Interpretation of Phraseological Units in Dictionaries in Light of Cognitive Science and Axiology. In: *Phraseology and cognitive science* (pp. 298–302). Belgorod: Belgorod State University publ. (In Russ.).
24. Nichiporchik, E.V. (2015). *Reflection of Value Orientations in Proverbs*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University publ. (In Russ.). EDN: EGXAPD
25. Teliya, V.N. (1989). *The Connotative Aspect of Nominative Unit Semantics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
26. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2022). *Slavic World in Paremiological Interpretation: Axiological Dominants and Their Lingoculturological Interpretation*. Monograph. Saint Petersburg: State University of Saint Petersburg. publ. (In Russ.). EDN: UASHPC
27. Volkova, Ya.A., & Vashunina, I.V. (2024). Linguoaxiology of emotions: linguocultural value of ZLOST’ in Russian linguistic consciousness. *Journal of Psycholinguistics*, 1(59), 10–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-59-1-10-21> EDN: NHJOCL
28. Nelyubova, N.Yu. (2025). Axiological Dominants of Lingua-Culture and Their Markedness (In French, Russian And Tuvan Paremiology) [Dr. Sc. Thesis]. Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
29. Arutyunova, N.D. (1988). *Types of Language Meanings: Assessment. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
30. Wol’f, E.M. (2002). *Functional Semantics of Evaluation*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
31. Serebrennikova, E.F. & et al. (2011). *Linguistics and Axiology: Ethno-Semiometry of Value Meanings: a collective monograph*. Moscow: TESAUROS. (In Russ.).
32. Matveeva, T.V. (2019). Text Linguistics and Axiology of Conversational Dialogue. In: *Axiological Aspects of Modern Philological Studies* (pp. 40–42). Ekaterinburg: Azhur Publ. (In Russ.). EDN: KPEBHQ

33. Milovanova, M.S., Sigal, K.J., Karasik, V.I., & et al. (2022). General and Russian linguasociology: Collective monograph. Moscow — Yaroslavl: Kantsler Publ. (In Russ.). EDN: EJEYWX.
34. Ivanov, E.E. (2022). Semantic Typology of Tuvan Proverbs (Empirical and Axiological Aspects). *New Research of Tuva*, 4, 317–337. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> EDN: WGEYWK
35. Lomakina, O.V. (2021). The Studying of The Proverbs in the Value Paradigm: the Methodology of Research and the Criteria for Estimating Value. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 7(1), 97–107. (In Russ.). EDN: PCOJZZ
36. Lomakina, O.V. (2020). The Concept of Faith in the System of Value Coordinates of the People (based on the Paremiological Material of the Russian, Turkish, Rusyn and Altai Languages). In: *Problems of Modern Linguistics and the Study of Foreign Languages in the Era of Artificial Intelligence* (pp. 81–86). Moscow: RUDN publ. (In Russ.). EDN: JDZXMH
37. Lomakina, O.V., & Mokienko, V.M. (2018). Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages). *Rusin*, 4(54), 303–317. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> EDN: YTGQRV
38. Lomakina, O.V. (2023). Value Constants of the Russian World: Cognitive Analysis of Paremia. *Cognitive studies of language*, 3–1(54), 745–750. (In Russ.). EDN: RUNFLE
39. Lomakina, O.V. (2021). Conceptualization of General Human Values in Addresses (on the material of Russian, Uzbek and Tajik Languages). *Cognitive Studies of Language*, 3(46), 172–175. (In Russ.). EDN: TVYFFA
40. Lomakina, O.V. (2024). The Concept Children in the System of Traditional Values of the Ethnons (by the Material of Paremia of Unrelated Languages). *Cognitive Studies of Language*, 1–2(57), 58–62. (In Russ.). EDN: JJPTCV
41. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> EDN: GWOPRQ
42. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 381–401. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401> EDN: ZEELHM
43. Bredis, M.A. (2024). Somatic Images and Ethno-Linguistic Markers in Proverbs of Finno-Ugric Peoples of Russia About Misers (In Comparison with Typologically Different Languages). *Finno-Ugric Studies*, 4(68), 7–21. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.51254/2312-0312-2024-4-68-7-21> EDN: EXWODC
44. Nelyubova, N.Yu. (2024). The Phenomenon of Axiological Syncretism of the Key Components of French Paremiology: Setting the Task. *Cognitive Studies of Language*, 4(60), 235–241. (In Russ.). EDN: FOHZSA

Сведения об авторе:

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); сфера научных интересов: аксиология, паремиология; e-mail: lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4885-952X, SPIN-код: 3460-9050, AuthorID: 623646.

Information about the author:

Olga V. Lomakina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Research interests: linguaxiology, paremiology; e-mail: lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-4885-952X, SPIN-code: 3460-9050, AuthorID: 623646.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-638-655

EDN: DPITRU

УДК [811.161.1+811.112.2]'276.11'37

Научная статья / Research article

Критерии семантической членимости идиом

Д.О. Добровольский

Институт русского языка РАН, Москва, Российская Федерация

Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва,
Российская Федерация✉ dobrovolskij@gmail.com

Аннотация. Хотя обычно под идиомами понимаются устойчивые словосочетания, отдельные элементы которых полностью утратили свое лексическое значение, в разных языках встречается довольно много идиом, отдельные компоненты которых обладают определенной семантической самостоятельностью. Выражения этого типа мы называем семантически членимыми идиомами. Поскольку членимые идиомы обладают существенно большим потенциалом варьирования, чем нечленимые, очевидно, что феномен членимости вызывает не только чисто теоретический интерес, но обладает и некоторой практической значимостью. Категория семантической членимости оказывается, в частности, полезной при создании современных лингвистических ресурсов. Если в задачи проекта входит разработка алгоритмов автоматического поиска идиом в корпусе, необходимой предпосылкой успешной реализации проекта является учет потенциала варьирования каждой идиомы. В центре внимания данной статьи стоит задача поиска критериев, позволяющих отделить членимые идиомы от нечленимых. Весьма точным показателем нечленимости является отсутствия параллелизма между синтаксической структурой идиомы и ее синтаксической функцией. В качестве показателей членимости предлагаются три критерия: 1) наличие у идиомы коррелятов, отличающихся по способу глагольного действия: конверсивов, каузативов, инцептивов и пр.; 2) наличие элементов перифразирования в контексте; 3) референтное употребление именных групп в составе идиомы, часто подчеркиваемое наличием указательных, вопросительных, относительных и неопределенных местоимений, кванторных слов и т.п., в сфере действия которых оказывается данная именная группа. Хотя ни один из предлагаемых критериев не дает абсолютно надежного результата, их одновременное использование существенно повышает степень надежности анализа.

Ключевые слова: фразеология, семантика, синтаксическая вариативность, лексикография, корпус, русский язык, немецкий язык

Финансирование: Работа выполнена в ФИЦ ИУ РАН при поддержке РНФ (проект № 24-18-00155 «Принципы интеграции двуязычных словарей и параллельных корпусов»).

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

© Добровольский Д.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Добровольский Д.О. Критерии семантической членимости идиом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 638–655. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-638-655>

Criteria of Semantic Decomposability of Idioms

Dmitrij O. Dobrovol'skij

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ dobrovolskij@gmail.com

Abstract. Although idioms are typically understood as fixed expressions whose individual components have completely lost their lexical meaning, many idioms in various languages contain elements that retain a certain degree of semantic autonomy. We refer to such expressions as *semantically decomposable idioms*. Since decomposable idioms have a significantly greater potential for variation than non-decomposable ones, it is clear that the phenomenon of decomposability or analyzability is not only of theoretical interest but also has practical significance. The category of semantic decomposability proves particularly useful in the development of modern linguistic resources. If a project involves designing algorithms for the automatic detection of idioms in a corpus, accounting for the variation potential of each idiom is a necessary prerequisite for successful implementation. This paper focuses on operational criteria to distinguish decomposable idioms from non-decomposable ones. A highly reliable indicator of non-decomposability is the lack of parallelism between an idiom's syntactic structure and its syntactic function. For example, if an idiom is structurally an imperative sentence but functionally an adverbial or predicative, it is clearly non-decomposable. Three criteria are proposed as indicators of decomposability: (1) the presence of idiom correlates differing in aspectual characteristics — conversives, causatives, inceptives, etc; (2) the presence of paraphrasing elements in the context; (3) the referential use of noun phrases within the idiom, often emphasized by demonstrative, interrogative, relative, or indefinite pronouns, quantifiers, etc. Although none of these criteria guarantees absolute reliability, their combined use significantly improves the accuracy of the analysis.

Keywords: phraseology, semantics, syntactic variation, lexicography, corpus, Russian, German

Funding: the research was carried out in IFC IE RAS with the support of RNF (project 24-18-00155 «Principles of integration of bilingual dictionaries and parallel buildings»).

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Dobrovol'skij, D.O. (2025). Criteria of Semantic Decomposability of Idioms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 638–655. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-638-655>

Предварительные замечания и постановка задачи

Исследователями фразеологии давно замечено, что идиомы ведут себя в речи весьма по-разному. Одни из них сохраняют полную стабильность и не допускают ни синтаксической проницаемости, ни вариативности порядка

слов (типа *не бей лежащего; без сучка и задоринки*), в то время как другие подвергаются самым различным модификациям, которые, тем не менее, не выходят за пределы санкционированного узусом синтаксического варьирования, то есть не переходят в статус игровых употреблений, воспринимаемых как некие уникальные творческие акты. Ср. такие модификации, как *бежать как крысы с тонущего корабля* → *крысы, бежавшие с корабля; это тонущий корабль, с которого уже бегут крысы; за деревьями не виден лес* → *деревья, за которыми не виден лес*, или примеры пассивизации *испортить всю малину* → *вся малина была испорчена* (но вряд ли возможно *испустить дух* → **дух был испущен*).

Казалось бы, идиомы, будучи центральным классом фразеологической системы, то есть единицами, отличающимися наибольшей нерегулярностью выражения смысла, относятся к сфере лексикона и должны, как и положено стандартным лексическим единицам, сохранять максимальную устойчивость формы, допускающей лишь морфологические изменения. Однако в самых разных языках встречается довольно много идиом, отдельные компоненты которых обладают определенной семантической самостоятельностью, что увеличивает потенциал варьирования структуры таких идиом. Выражения этого типа мы называем **семантически членимыми идиомами**.

Феномен семантической членимости идиом начинает активно исследоваться уже в 80-х гг. XX в.¹ На материале русского языка первой известной работой в этой области была докторская диссертация Алины Михайловны Мелерович [2]. На материале английского языка явление семантической членимости идиом и его следствия для их синтаксического поведения впервые обсуждались в статье [3]². На значимость этого явления для контрастивных исследований обратил внимание в своей книге «Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии» Александр Давидович Райхштейн [6]. И, что особенно важно для нашего юбилейного выпуска, Валерий Михайлович Мокиенко тоже интересовался этой проблематикой (ср. [7]).

Вопросы соотношения синтаксической структуры идиомы и ее семантики (в том числе наличие определенного параллелизма между значением и формой, проявляющегося в членимости ее семантической структуры) активно обсуждались в работах, выполненных в русле когнитивной лингвистики [8–11], прежде всего в исследованиях, основанных на психолингвистических экспериментах [12–16]. Хотя в целом интерес к проблемам семантической членимости идиом несколько поостыл

¹ Отдельные наблюдения, связанные с принципиальной синтаксической свободой некоторых идиом, высказывались и ранее; ср. «[...] idioms have an integrity only at the level of semantic representation. That is, it is claimed that while they function as a *semantic* unit, they never function as a *lexical* unit, i.e. they are not inserted as a unit at any one point of derivation» [1. С. 339].

² Эти идеи были развиты в известной работе [4]. На материале немецкого языка близкие задачи решаются в [5].

в последние годы, публикации в этой области (в первую очередь и на материале английского языка) продолжают появляться. Из относительно недавних работ (ср. [17–19]).

В своих предыдущих публикациях я и сам неоднократно обращался к разным аспектам семантической членимости идиом (см. [20–11]), а в одной из работ последних лет указал на два вопроса, которые требуют отдельного подробного рассмотрения [22. С. 94]. Это определение критериев, позволяющих отделить членимые идиомы от нечленимых, и выявление тех факторов, которые помогают носителям языка определить, насколько самостоятельны части той или иной идиомы семантически, и, следовательно, дискурсивно. Один из этих вопросов — поиск относительно надежных критериев семантической членимости — стоит в центре внимания данной статьи.

Может ли категория семантической членимости идиомы оказаться полезной в создании современных лингвистических ресурсов?

То, что категория семантической членимости идиом значима для теории фразеологии, сомнений не вызывает. Положение о том, что идиомы неоднородны в отношении распределения элементов их значения по элементам их синтаксической структуры, а следовательно, и в степени спаянности этих элементов, расширяет наши знания о самой сути этого класса фразеологии и помогает четче определить его границы.

Что касается возможностей практического применения этой категории, то наиболее очевидный способ ее использования — это получение дополнительных сведений о дискурсивном поведении идиом. Поскольку способность идиом образовывать лексико-синтаксические варианты в какой-то степени зависит от того, насколько самостоятельны в семантическом отношении их элементы, применение знаний о семантической членимости оказывается полезным в проектах, предполагающих поиск идиом в корпусах текстов. Известно, что идиомы способны появляться в тексте в весьма разнообразных формах, в том числе отличающихся от канонической, причем иногда довольно сильно:

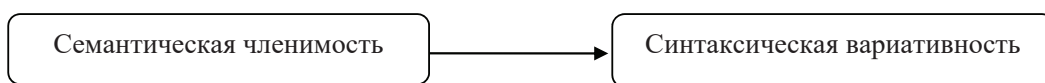
(1) Шеф немецкой дипломатии Клаус Кинкель <...> бросил увесистый *камень* в британский *огород*, дав понять, что если Лондон пока не готов к кардинальным преобразованиям во имя единства, то можно и подождать (Независимая газета)³.

(2) Нетрудно понять, в чей *огород* стороны собираются кинуть совместный *камень*, хотя прямо в документе ни одна страна названа не будет (Московские новости).

(3) <...> я бы *сыграл*, пусть не *в ящик*, а в реанимацию, это уж точно (Антонина Глушко. Пьесы).

³ Здесь и далее используются примеры из базы данных по русской идиоматике (БДРИ), разработанной в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН. Если примеры взяты из других источников (например, из Национального корпуса русского языка — далее: НКРЯ), это оговаривается отдельно.

Если в задачи проекта входит разработка алгоритмов автоматического поиска идиом в корпусе, необходимой предпосылкой успешной реализации проекта является учет потенциала варьирования каждой идиомы. Поскольку потенциал варьирования зависит от семантической самостоятельности отдельных компонентов идиомы или их групп (см. рисунок), учет семантической членимости представляется полезным не только в чисто теоретическом плане, но и для решения технических задач.

Принципиальная зависимость возможностей синтаксического варьирования идиом от членимости их семантической структуры /

Источник: составлено Д.О. Добровольским / Source: compiled by Dmitrij O. Dobrovol'skij.

Так, идиома *бросить камень в (чей-л.) огород* членима, что хорошо видно по примерам (1) и (2)⁴, а идиома *сыграть в ящик* (3) — нет. Соответственно, и степень узуальной приемлемости модификаций весьма различна: в основе примера (3) лежит креативная языковая игра, а примеры (1) и (2), хоть и не вполне стандартны, соответствуют узусу журналистского дискурса. Вопрос о разграничении модификаций, которые воспринимаются как узуально допустимые, и откровенно игровых употреблений идиом заслуживает отдельного исследования. Здесь можно лишь указать на то, что если под языковой игрой понимать намеренное нарушение языковых норм, преследующее достижение комического эффекта, то под это определение попадают контексты типа (3), но вряд ли (1) или (2).

В настоящий момент мы с коллегами работаем над проектом по созданию лексикографической информационной системы, интегрирующей двуязычный словарь с параллельным корпусом⁵. Исследование выполняется на материале немецкого и русского языков. Создаваемый ресурс предоставит пользователю возможность перехода от словаря к корпусу и от корпуса к словарю. Для того чтобы этот ресурс мог выполнять свои функции, словарные статьи электронного словаря⁶ должны быть

⁴ Важно также, что сочетания типа *увесистый камень* представляются гораздо более узуальными, чем *совместный камень* и, тем более, *британский огород*. Это мотивировано семантической прилагательного, вводимого в структуру идиомы.

⁵ Отдельные наблюдения, связанные с принципиальной синтаксической свободой некоторых идиом, высказывались и ранее; ср. «[...] idioms have an integrity only at the level of semantic representation. That is, it is claimed that while they function as a *semantic* unit, they never function as a *lexical* unit, i.e. they are not inserted as a unit at any one point of derivation» [1. С. 339].

⁶ В проекте используется «Немецко-русский словарь актуальной лексики: около 50 000 лексических единиц» (далее НРС).

структурированы так, чтобы обеспечить переход от словарной статьи или ее элементов к примерам из параллельного корпуса, а каждый пример в корпусе должен соединяться со словарной статьей соответствующей единицы, то есть необходимо предусмотреть возможность поиска в параллельных текстах.

Одной из фокусных категорий языковых единиц в проекте являются устойчивые конструкции разных классов, в том числе идиомы⁷. Главная проблема, возникающая при автоматизации поиска устойчивых конструкций в корпусе связана с тем, что, помимо возможной многозначности, они могут обладать существенно вариативностью. Даже такие тривиальные с точки зрения теории фразеологии свойства как изменяемость по грамматическим категориям одного или нескольких компонентов (например, спряжение глагола) должны специально учитываться при формулировке языка запросов. Еще более сложная задача — учет в языке запросов вариативности порядка слов, синтаксической проницаемости (дистантного расположения компонентов) и в особенности лексической вариативности одного или нескольких компонентов⁸.

В принципе, задача нахождения в корпусе устойчивых конструкций любого типа может решаться двумя путями: либо все вхождения устойчивой конструкции в корпусе должны быть размечены, либо каждая конструкция из словаря (в нашем случае — НРС) вносится в специальную базу данных и сопровождается инструкцией по ее поиску в корпусе⁹. В нашем проекте мы идем по второму пути, предполагающем фиксацию потенциала варьирования каждой устойчивой конструкции. Так, для идиомы *Blut und Wasser schwitzen* ‘испытывать смертельный [панический] страх, обливаться холодным потом (*от страха*)’ указывается, что глагольный компонент *schwitzen* изменяется по лицам, числам, времени и наклонению и может находиться в любой части предложения, а группа компонентов *Blut und Wasser* представляет

⁷ В нашем проекте мы говорим об устойчивых конструкциях, а не о фразеологизмах, поскольку речь идет об устойчивых словосочетаниях в самом широком смысле, а границы множества фразеологизмов понимаются в разных концепциях весьма по-разному и, как правило, существенно уже. В этой статье речь идет в основном об идиомах, иногда называемых в литературе также «фразеологизмами в узком смысле».

⁸ Наш ресурс — не единственный проект, перед которым ставятся такие задачи. Ср.: <https://parsemefr.lis-lab.fr/parseme-st-guidelines/1.2/?page=vid#decision-tree-vid> (дата обращения: 23.03.2025) — сервис PARSEME, разрабатываемый на материале 26 языков мира (русский язык в корпусе этого сервиса отсутствует).

⁹ Ср. описание близкого по сути решения: “We present a novel weakly supervised multiword expressions extraction method which focuses on their behaviour in various contexts. <...> In our approach, we do not need a corpus annotated specifically for the task. The only required components are: a lexicon of multiword units, a large corpus, and a general contextual embeddings model” [23. С. 444].

собой фиксирование единство, не допускающее ни перестановки, ни введение внутрь этой группы дополнительных слов¹⁰.

Возникает вопрос, могут ли оказаться при таком способе аннотирования неоднословных лексических единиц сведения о семантической членимости идиом. На первый взгляд, вроде бы нет. Ведь для каждой устойчивой конструкции потенциал ее морфосинтаксического варьирования эксплицитно фиксируется. Однако для того, чтобы лингвист, работающий над аннотированием, мог определить, насколько велика свобода варьирования формы каждой идиомы, он обращается к понятию семантической членимости, то есть определяет степень семантической автономности компонентов, позволяющей обращаться с ними как с самостоятельными словами в метафорическом значении. При этом, естественно, встает вопрос о критериях, позволяющих отделить членимые идиомы от нечленимых.

В поисках операциональных критериев

Первое, что нужно оговорить, приступая к выработке способов выделения семантически членимых идиом, — это то существенное ограничение, что строгие критерии (работающие по принципу «если А, то обязательно Б») здесь едва ли возможны. Вообще это относится к любому собственно семантическому явлению в области лексических единиц, в основе значения которых лежат тропеические преобразования. Единственное, что представляется возможным, — это найти «слабые» критерии, то есть выявить тенденции, предсказывающие с определенной степенью вероятности, что та или иная идиома обладает свойством семантической членимости. Каждый из этих критериев, по-видимому, недостаточен сам по себе, но если таких критериев несколько, то в сумме они могут дать неплохой результат¹¹.

Невозможность формулировки строгих критериев в этой области объясняется еще и тем, что сама эта категория довольно размыта и градуальна: можно говорить, по-видимому, не просто о членимых и нечленимых идиомах (или, как они названы в [4], *idiomatically combining expressions* или *idiomatic combinations* vs. *idiomatic phrases*), а о различной степени семантической разложимости идиомы на ее составные части. Также и степень узуальности vs. окказиональности варьирования формальной структуры идиомы — понятие градуальное. И если считать, что свойство членимых идиом — допускать различные виды узуально нормативного варьирования, затрагивающего их внутреннюю структуру, приходится признать наличие переходных случаев.

¹⁰ В дальнейшем изложении мы используем лишь русские примеры, чтобы не перегружать статью и сделать ее интересной для русского читателя, не занимающегося немецким языком.

¹¹ Некоторые из положений, обсуждаемых в данном разделе, были впервые сформулированы в моем докладе, сделанном несколько лет назад на семинаре под руководством Ю.Д. Апресяна. Высказанные в ходе дискуссии конструктивные замечания и предложения с благодарностью учтены в этой статье.

Важно сразу отметить, что такой естественный и, казалось бы, бесспорный признак, как наличие большого количества вариантов в реальном употреблении идиомы, в качестве критерия ее членимости использовать не может. Это может звучать парадоксальным. Ведь в обычном случае мы доказываем, что та или иная идиома является членимой, именно обращаясь к ее поведению в дискурсе. Чем больше вариативности допускает идиома (особенно на синтаксическом уровне), не нарушая при этом норм узуса, тем больше у нас оснований считать ее членимой. Однако здесь возникают по меньшей мере два возражения. Во-первых, чисто методологически недопустимо менять местами причину и следствие. Если мы исходим из того, что семантическая членимость является причиной модифицируемости идиомы, это утверждение осмысленно и поддается проверке лишь в том случае, если для измерения как семантической членимости, так и вариативности будут найдены отдельные инструменты, то есть независимые друг от друга критерии. Если использовать синтаксическое поведение идиомы в качестве операционального критерия для определения ее семантической членимости, вряд ли можно говорить о зависимости одной переменной от другой.

Во-вторых, далеко не все виды вариативности структуры идиомы действительно зависят от членимости. Есть много других факторов (ср. подробнее, например, [20]). Было бы правильно сначала обратиться к классификации модификаций и выявить для каждого вида его зависимость или независимость от членимости. Так, пассив возможен и от нечленимых идиом, если в позицию подлежащего продвигается актант идиомы, заполняющий ее аккумулятивную валентность, например: *его сдали в архив* → *он был сдан в архив*; *его обвели вокруг пальца* → *он был обведен вокруг пальца* и т.п. А такие синтаксические трансформации, как номинализация глагольной идиомы, вообще не зависят от семантической членимости исходной формы.

Даже там, где членимость играет определенную роль для успешного осуществления трансформации, часто действуют еще и другие факторы. Например, для пропуска отрицания выделен ряд факторов (см. [24]), лишь одним из которых — причем даже далеко не самым главным — является членимость. Это свойство существенно в первую очередь для контрастного отрицания, допустимого для членимых и ненормативного для нечленимых идиом. Конструкции типа *Он дал не дуба, а березы*; *Он сыграл не в ящик, а в кастрюлю* (ср. также пример (3) выше) осмысленны только в контексте языковой игры. Сказанное относится и к идиоме *откинуть копыта*, хотя структурно ей можно противопоставить квазисинонимичную идиому *откинуть коньки*. И в этом случае сконструированное противопоставление допустимо только как языковая игра: *Он откинул не копыта, а коньки*. Ср. также явно игровые (хотя семантически и прагматически — в отличие от предыдущих примеров — вполне осмысленные) контексты типа *Это не священная, а вовсе даже дойная корова*. Таким образом, нечленимые идиомы не могут

пропускать контрастное отрицание, а для общего отрицания, представленного оператором неверно <что>, внутренняя структура идиомы вообще не столь существенна. В этом случае действуют совершенно другие факторы.

И наконец, есть еще один аргумент против использования синтаксического поведения идиомы в качестве критерия ее членимости. Встречаются членимые идиомы, которые редко модифицируются в дискурсе. Ср. идиому *вагон и маленькая тележка* (чего-л.) и ее толкование в АСРФ: «чего-л., осмысляемого как содержимое вместительности»¹², больше, чем нужно — не просто очень большое количество, но даже немного больше». Из толкования видно, что идиома семантически членима: не просто очень большое количество (*вагон*), но даже немного больше (*маленькая тележка*). Тем не менее эта идиома, судя по имеющимся контекстам употребления, практически не подвержена синтаксическим изменениям.

Итак, какие критерии могут быть предложены в этой области? Было бы неправильно думать, что раньше вопрос о критериях выделения семантически членимых идиом не ставился. Так, А.Д. Райхштейн [6. С. 114–115] предлагает в качестве основного критерия усложнение синтаксической структуры и увеличение числа компонентов идиомы, то есть чем больше слов в составе идиомы и чем больше заполненных синтаксических позиций, тем больше вероятность, что идиома окажется членимой. Это вполне точное наблюдение, подкрепляемое материалом. Так, в состав идиом *бежать как крысы с тонущего корабля*, *за деревьями не видеть леса*, *вагон и маленькая тележка* входит большее количество слов, чем в состав идиом типа *испустить дух* или *дать дуба*. Сложность здесь в том, что из этого «правила» довольно много исключений. Ср. сходные по структуре идиомы *показать (чье-л.) истинное лицо* и *показать кузькину мать (кому-л.)*, первая из которых членима (ср. возможную замену *показать* на *увидеть*, *узнать* и пр. со сменой диатезы — *дай человеку власть и ты узнаешь его истинное лицо*), а вторая — нет.

Другой предлагаемый А.Д. Райхштейном критерий — наличие в семантической структуре конкретно-предметной семы лица. Проще говоря, идиомы типа *волк в овечьей шкуре* естественно делятся на части: *волк* ‘некто, осмысляемый как хищник’ и *в овечьей шкуре* ‘старающийся казаться добрым и мягким, то есть как бы маскирующийся под жертву’. Ср. толкование этой идиомы в АСРФ: «человек, старающийся казаться добрым и мягким по характеру, будто бы преследующим цели, соответствующие нормам высокой морали, который на самом деле является злым, имеющим плохие, даже преступные намерения, и осмысляется как хищник, маскирующийся под свою жертву». Интересно, что сама предложная группа *в овечьей шкуре* далее нечленима, поскольку ей соответствует единый семантический блок (*овечья*

¹² В формате толкования, принятом в АСРФ, курсивом выделяется та часть толкования, которая отвечает за экспликацию внутренней формы.

шкура как ‘средство маскировки’), способный выполнять самостоятельную роль в дискурсе.

Третий критерий А.Д. Райхштейна — это наличие разных идиом с единой образной основой, «между которыми существуют частичные формальные и соответствующие частичные смысловые различия» [6. С. 115]. Например, *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу*.

В [2] и [7. С. 216] в качестве критерия выделения семантически членяемых идиом постулируется наличие параллелизма между формальной структурой идиомы и структурой ее толкования. Ср.: *хлопот | полон рот* ‘хлопот | очень много’ [7. С. 244]. Апелляция к толкованию — идея сама по себе бесспорно правильная. Хорошее аналитическое толкование должно отражать многие свойства идиомы, в том числе и членимость ее семантической структуры. Но дело в том, что толкование, стремящееся к полноте и точности отражения значения толкуемого выражения, редко делится на части, явным образом коррелирующие с определенными компонентами этого выражения. Ср. толкование идиомы *хлопот полон рот (у кого-л.)* в АСРФ: «у кого-либо так много дел, что это затрудняет его нормальную жизнедеятельность и осмысляется как *чем-то забитый рот, причем на выбор сравнения влияет рифма*».

В некоторых случаях корреляция частей толкования с отдельными компонентами или их группами более очевидна; ср. *бежать как крысы с тонущего корабля* в АСРФ: «в спешке покинуть какое-либо место, организацию и т. п. из-за очевидной опасности, не пытаясь соблюсти приличия или сопротивляться, *уподобляясь поведению эгоистичных и подлых (в обыденном сознании) животных, покидающих тонущее судно*». Из этого толкования видно, что *тонущий корабль* ассоциируется с местом или организацией, покидаемым в спешке людьми, *уподобляемыми крысам*.

Хотя, как показывает этот пример, толкование отражает черты изоморфизма между формой и значением идиомы, трудно пользоваться методом анализа словарного толкования как простым и устойчивым к помехам рабочим критерием. В ходе практической работы с материалом мы постепенно выделили несколько критериев, каждый из которых прост сам по себе, что позволяет использовать его в качестве эвристического инструмента. Хотя ни один из этих критериев не дает абсолютно надежного результата, поскольку ни один из них не действует на всем пространстве идиоматики, их одновременное использование существенно улучшает результат.

Прежде чем установить критерии выделения из всего инвентаря идиоматики семантически членяемых единиц, удобно начать как бы «от противного», то есть найти ясные показатели нечленимости. Таким показателем является **отсутствия параллелизма между синтаксической структурой идиомы и ее синтаксической функцией**. Например, если по структуре идиомы — императивное предложение, а по функции — адвербиал или предикатив, то эта идиома явно нечленима; ср.: *не пришей кобыле хвост, знай наших*,

не бей лежащего, будь здоров сколько/как... Другими примерами отсутствия параллелизма структуры и функции — и соответственно, примерами нечленимых идиом — могут служить такие единицы, как *за здорово живешь*; *хоть стой, хоть падай*; *наше вам с кисточкой*. Естественно, этот критерий не имеет обратной силы, то есть было бы неверно думать, что во всех случаях, когда синтаксическая структура идиомы функционально прозрачна, мы имеем дело с членимыми идиомами.

В качестве эвристик, позволяющих выделить семантически членимые идиомы, мы предлагаем три критерия: 1) наличие у идиомы коррелятов, отличающихся по способу глагольного действия: конверсивов, каузативов, инцептивов и пр.; 2) наличие элементов перифразирования в контексте; 3) референтное употребление именных групп в составе идиомы. Рассмотрим эти критерии последовательно.

Корреляты по способу глагольного действия возможны, естественно, только у идиом со структурой глагольной группы, причем встречаются в русском языке не так уж часто¹³. Ср.: *стоять у руля* — *встать у руля* — *поставить у руля (кого-л.)*. Близкие варианты есть у идиомы *стоять у кормила власти*. Каузативные пары встречаются у идиом типа *остаться на бобах* — *оставить на бобах (кого-л.)*, *сесть в лужу* — *посадить в лужу (кого-л.)*, *сесть в калошу* — *посадить в калошу (кого-л.)* — ср. (4) и (5), а также вариант с менее стандартным глаголом *усадить* (6):

(4) Но я не считаю, что я в этом деле *сел в калошу* (Владимир Дудинцев. Белые одежды. (1987))¹⁴.

(5) На этот раз Мегрэ был поражен. Его, как говорят, «*посадили в калошу*»... (Ж. Сименон. Мой друг Мегрэ/пер. с фр.).

(6) Листовки тут выпускают редко, кустарным способом, очень локальные по содержанию. Бровин сочиняет их прямо по-немецки и сам размножает на ротаторе. Я этого не умею. Мельхиор долго не давал мне сделать листовку, боялся, что я забуду Бровина. Но в конце концов рискнул и *усадил* меня *в калошу* (Ю. Нагибин. Война с черного хода).

Казалось бы, образование мини-парадигм такого рода — явление продуктивное и предсказуемое, однако это не так. Идиома *остаться на бобах* имеет стандартную каузативную пару с глаголом *оставить*, а ее довольно точный синоним *остаться у разбитого корыта* — нет. Зато у этой последней идиомы есть коррелят *вернуться к разбитому корыту* (ср. многочисленные примеры в основном корпусе НКРЯ), которого нет у идиомы *остаться на бобах*.

Все идиомы такого плана семантически членимы. У них выделяются по крайней мере две относительно самостоятельных части: глагол,

¹³ Заметим, что в германских языках такая регулярная вариативность, ведущая к образованию своего рода парадигмы, гораздо более продуктивна. Ср. также один из обсуждаемых выше критериев Райхштейна [6. С. 115].

¹⁴ Примеры (4) и (11) взяты из основного корпуса НКРЯ.

реализующий значение определенной лексической функции (в смысле теории моделей «Смысл↔Текст» (см. [25]), и остальная часть идиомы, отвечающая за специфику образа. Сама возможность замены одного функционального глагола на другой, часто ведущая к смене диатезы, при сохранении образной составляющей идиомы и ее базовой семантики свидетельствует об автономности этих частей идиомы.

Членимость идиом этой группы хорошо видна на материале толкований коррелирующих единиц в АСРФ, в которых ясно прослеживается наличие общей части и частей, варьирующих изоморфно изменению глагольного компонента:

ВЗЯТЬ... ПОД [СВОЁ] КРЫЛО/КРЫЛЫШКО (кого-л./что-л.) 1. (о ком-л./чем-л.) взять на себя защиту кого-л./чего-л. или оказание помощи кому-л./чему-л. 2. (о чем-л.) сделать кого-л./что-л. частью своей организационной структуры, предоставив в его использование свои возможности — в частности, обеспечив помощь

ПОПАСТЬ... ПОД КРЫЛО/КРЫЛЫШКО 1. (чьё-л./к кому-л./чего-л.) оказаться под защитой кого-л./чего-л. или получать помощь от кого-л./чего-л. 2. (чего-л.) оказаться частью организационной структуры чего-л., пользуясь ее возможностями — в частности, помощью

ПОД КРЫЛОМ/КРЫЛЫШКОМ 1. (чьим-л./у кого-л./чего-л.) (быть) под чьей-л. защитой или получать помощь от кого-л./чего-л. 2. (чего-л.) входить в организационную структуру чего-л., пользуясь ее возможностями — в частности, помощью

Следующий критерий, действие которого не ограничено идиомами определенной лексической структуры, — это эвристика, основанная на анализе **элементов перифразирования** различных частей идиомы в контексте ее употребления. Наличие элементов перифразирования в непосредственном окружении идиомы указывает на возможности интерпретации метафоры, лежащей в основе ее актуального значения, и раскрывающего семантический потенциал ее частей. Часто эта интерпретация частей идиомы оказывается контекстно обусловленной; ср.:

(7) Мне показалось, что, экранизируя пьесу Гладкова, я смогу *убить двух зайцев*, соединить два желания, как правило, несовместимых. Первое, я не покривлю душой, — пьеса мне очень понравилась, — так что насилия над собой делать не придется. И кроме того, патриотическая вещь Гладкова даст возможность заверить незримую ошестившуюся силу в моей лояльности и идейной чистоте. Случай, как видите, подвернулся идеальный, так как ни о каком компромиссе речи не было (Э. Рязанов. НЕподведенные итоги).

(8) Экономисты надеются, что полноценная работа центров жилищных субсидий для малоимущих *отделит овец от козлиц*: тех, кто не платит за жилье по бедности, от тех, кто действует по принципу «не хочу — не плачу» (Корпус публицистики).

Важно отметить, что какие-то объяснения в контексте, помогающие читателю раскрыть значение идиомы или лучше соотнести его с конкретной ситуацией, могут быть у любой идиомы, в том числе и нечленимой. Подобные

пояснения могут служить показателем членимости идиомы только в тех случаях, когда они относятся не к идиоме в целом, а к ее частям. Так, в примере (7) контекст указывает на контекстуально обусловленное смысловое наполнение формы *двух зайцев*: какие именно две цели преследовал автор текста, то есть что стоит за *двумя зайцами*, и почему их именно два. В примере (8) поясняется, какие группы людей понимается как *овцы*, а какие — как *козлица*. Тем самым, эти компоненты получают самостоятельную семантическую интерпретацию. Важно также, что структура идиом такого типа включает переменные (*овцы* — это, грубо говоря, ‘некие хорошие люди’, а *козлица* — ‘некие плохие’), которые при погружении идиомы в дискурс наполняются конкретным содержанием.

Этот критерий, как и другие, не универсален и дает хорошие результаты лишь на определенном фрагменте идиоматики. Семантическая членимость идиомы особенно хорошо видна в тех случаях, когда комментарии, перифразирующие отдельные компоненты идиомы, вставляются внутрь ее структуры:

(9) <...> весьма сложно *отделить овец*, ставших жертвой внешних обстоятельств, *от козлиц*, чье нерадение либо бездарность довели предприятие до ручки (Корпус публицистики).

В примерах типа (10) критерий перифразирования существенно менее убедителен:

(10) <...> можно было бы раздуть скандал и уж тут-то дать себе волю, *выпустить пар*, сбросить напряжение (Корпус детективов).

Идиома *выпустить пар* сопровождается уточнением ее значения, однако компоненту *пар* не соответствует некая переменная. Это не значит, что идиома *выпустить пар* нечленима: слово *пар* метафорически ассоциируется с ‘эмоциональным напряжением’. Толкование соответствующего значения этой идиомы в АСРФ выглядит так: «не имея конкретной рациональной цели, исключительно ради разрядки, снять эмоциональное напряжение при помощи каких-либо действий, чаще словесно, *что описывается как снижение давления внутри котла и т. п. и высвобождения части содержимого при помощи специального устройства*». Членимость этой идиомы может быть проверена с помощью теста на пассивизацию:

(11) У нас с ним сразу возникла несовместимость. Драки не получилось. Застолье шло и дальше на грани дебоша, а разрешилось всё общей пляской. *Пар был выпущен* в дробцах, «цыганочке», «русской» (Ю.М. Нагибин. Моя золотая теща (1994)).

То, что компонент *пар* может перемещаться в позицию подлежащего, показывает наличие у него относительно автономного метафорического значения, однако комментарий-пояснение в примере (10) вряд ли может рассматриваться как убедительное доказательство. Как уже было сказано выше, пояснения

в контексте встречаются у любых идиом, впрочем, как и у любых тропов, особенно если автор не считает их прозрачными и общеупотребительными.

Последний критерий, который хотелось бы обсудить в этой статье, — это **референтное употребление именных групп** в составе идиомы. В первую очередь это касается случаев, когда именная группа оказывается в сфере действия указательных, вопросительных, относительных и неопределенных местоимений, кванторных слов и т.п.¹⁵; ср.:

(12) Мне стало жаль корейца — такие удары не проходят бесследно, а до Олимпиады еще далеко, и если «надежда Сеула» *попадет* в такую *переделку* еще разок, как бы ему досрочно не перейти в разряд спортивных пенсионеров, если таковые у них имеются, понятно (И. Заседа. Бой за рингом).

(13) Каждый из них стоит 18 долларов. Делают их в далекой Индии. семилетние дети, получая за каждый мяч всего лишь 20 центов. Эту *ложку дегтя* поднесла знаменитому футболисту организация «Христианская помощь», распространив в Лондоне доклад. В нем говорится также, что бедные дети производят еще и боксерские перчатки и мячи для игры в регби, на которых наживаются известные британские компании (Известия).

(14) <...> выскочил проводник из вагона, мимо Кольки пробежал, да застопорился. — Ха! Привет! — кричит. Зубы скалит. <...> — Я раньше сообразил, что тут за *каша заваривается*, удрал на дорогу (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая).

(15) Кажется, впервые за весь этот день я в одну секунду со всей отчетливостью осознал, в какую я *влип историю* (Э. Тополь. Красная площадь).

Определительные придаточные рестриктивного типа также фокусируют именную группу, и контексты такого типа могут рассматриваться как диагностические:

(16) *Попала* же бабушка Дарья *в переплет*, в который сегодня *попадают* многие одинокие пожилые люди, имеющие благоустроенные квартиры (Известия).

В качестве диагностических могут использоваться и контексты, несколько отступающие от стандарта:

(17) Центр постарался сделать все возможное, чтобы в ходе подготовки к референдуму сыграть на патриотических чувствах людей и, образно говоря, *убить* сразу даже не *двух*, а трех *зайцев* (Столица).

(18) Эпитет призван смотреть и боковым и затылочным зрением, *схватив* несколько *зайцев зараз*. Нужно, чтобы от него у зрителя немного разбегались глаза (Абрам Терц. Голос из хора).

В примерах (17) и (18) речь идет не о двух, а о трех и более потенциальных выигрышах или преследуемых целях. Поскольку идиома *убить двух зайцев* семантически членима, т.е. компоненту *зайцы* может быть приписано относительно самостоятельное значение (нечто вроде ‘выгоды’, ‘потенциального выигрыша’ или ‘преследуемой цели’), модификация именной группы

¹⁵ В языках с артиклями фокусирование референтного статуса элемента идиомы дополнительно проявляется в способности именной группы к варьированию артикля.

двух зайцев в *трех* или *нескольких зайцев* вполне прозрачна и воспринимается как почти обыденная.

Можно подумать, что использование данного критерия несколько противоречит высказанному выше положению, что вариативность в целом не может рассматриваться как эвристика, помогающая отделить членимые идиомы от нечленимых. Однако это не так. Изменения синтаксической структуры, связанные с референтным статусом именного компонента, коммуникативно выделяют этот компонент, а это возможно, только если он осмысливается как семантически относительно автономная сущность. Ср. невозможность референтного употребления именных групп в нечленимых идиомах типа *палец/пальца в рот не клади (кому-л.)*: *этот *палец/этого пальца* ему в рот не клади; *тот *палец*, который был положен ему в рот; *тот *рот*, в который я неосторожно положил палец и т. п.

Заключение

Развитие лингвистики, как и ряда других наук, происходит по спирали: каждый новый этап не обязательно характеризуется пересмотром традиционных воззрений на подходы к изучению языка или появлением принципиально новых тем; часто лингвисты возвращаются к изучению ранее исследованных феноменов, но под другим углом зрения. Так, феномен семантической членимости идиом уже изучался ранее, в частности в известных работах 80-х и 90-х гг. XX в., в то время, когда стала ощущаться необходимость изучать и описывать фразеологизмы не как застывшие единицы лексикона, а как реализации определенных синтаксических конструкций. Когда в сферу внимания исследователей попал тот факт, что для многих идиом характерно довольно свободное речевое поведение, от теории фразеологии потребовался учет факторов, отвечающих за неоднородность идиоматики в плане синтаксической вариативности.

На современном этапе смещение фокуса внимания на факторы реального употребления языка мотивировано, в первую очередь, возможностью использовать корпуса текстов и другие электронные ресурсы для получения быстрого доступа к большим массивам эмпирических данных. Это позволяет по-новому подойти к решению проблемы семантической членимости идиом. Современный интерес к этому явлению мотивирован появившейся возможностью перейти от анализа единичных примеров к проверке гипотез о зависимости синтаксической вариативности идиомы от ее семантики на обширном корпусном материале. Еще одним важным фактором возвращения вопроса семантической членимости идиом в круг центральных задач теории фразеологии стала возможность использовать полученные данные при создании лингвистических ресурсов, предполагающих поиск идиом в корпусах текстов, в том числе и параллельных.

Для решения подобных практических задач необходимо выработать критерии, позволяющие различать членимые и нечленимые идиомы. Ряд таких критериев был предложен в данной статье. Очевидно, что ни один из них не дает стопроцентно надежных результатов. Но использование этих и, возможно, еще каких-то дополнительных критериев позволит с достаточной степенью точности решить поставленную задачу.

Список литературы / References

1. Newmeyer, F.J. (1974). The Regularity of Idiom Behavior. *Lingua*, 34, 327–342. [https://doi.org/10.1016/0024-3841\(74\)90002-3](https://doi.org/10.1016/0024-3841(74)90002-3)
2. Melerovič, A.M. (1982). Semantic Structure of Phraseological Units in Modern Russian as a Linguistic Problem. [PhD thesis]. Leningrad. (In Russ.).
Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема. дисс. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1982.
3. Wasow, Th., Sag, I.A., & Nunberg, G. (1983). Idioms: an Interim Report. In: *Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists* (pp. 102–115). Tokyo: CIPL.
4. Nunberg, G., Sag, I.A., & Wasow, Th. (1994). Idioms. *Language*, 70(3), 491–538. <https://doi.org/10.1353/lan.1994.0007>
5. Keil, M. (1997). *Wort für Wort: Repräsentation und Verarbeitung verbaler Phraseologismen*. Tübingen: Niemeyer.
6. Reichstein, A.D. (1980). *Contrastive analysis of German and Russian phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М. : Высшая школа, 1980.
7. Melerovič, A.M., & Mokienko, V.M. (2008). *Semantic Structure of Phraseological Units of Modern Russian*. Kostroma: Kostroma State Nekrasov-University publ. (In Russ.).
Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : Костром. гос.ун-т им. Н.А. Некрасова, 2008.
8. Geeraerts, D., & Bakema, P. (1993). De prismatische semantiek van idiomen en composita. *Leuvense bijdragen*, 82, 185–226.
9. Geeraerts, D. (1995). Specialisation and Reinterpretation in Idioms. In: Everaert, M., Linden, E.-J. van der, Schenk, A., Schreuder, R. (eds.): *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* (pp. 57–73). Hillsdale, Michigan: Hillsdale Educational Publishers.
10. Langlotz, A. (2001). Cognitive principles of idiom variation: idioms as complex linguistic categories. *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*, 2, 289–302.
11. Dobrovol'skij, D. (2011). The Structure of Metaphor and Idiom Semantics (a Cognitive Approach). In: Sandra Handl & Hans-Jörg Schmid (eds.). *Windows to the Mind: Metaphor, Metonymy and Conceptual Blending* (pp. 41–62). Berlin —New York: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110238198.41>
12. Gibbs, R.W., & Nayak, N.P. (1989). Psycholinguistic Studies on the Syntactic Behavior of Idioms. *Cognitive Psychology*, 21, 100–138. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(89\)90004-2](https://doi.org/10.1016/0010-0285(89)90004-2)
13. Gibbs, R.W., Nayak, N.P., & Cutting, C. (1989). How to Kick the Bucket and not Decompose: Analyzability and Idiom Processing. *Journal of Memory and Language*, 28, 576–593.
14. Cacciari, C., & Tabossi, P. (1993). Idioms: Processing, Structure, and Interpretation. Hove, London, Oxford, Cambridge: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781315807133>
15. Titone, D.A., & Connine, C.M. (1999). On the Compositional and Noncompositional Nature of Idiomatic Expressions. *Journal of Pragmatics*, 31, 1655–1674. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00008-9](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00008-9)
16. Abel, B. (2003). *Sprecherurteile zur Dekomponierbarkeit Englischer Idiome*. Tübingen: Niemeyer.

17. Nordmann, E., Cleland, A.A., & Bull, R. (2014). Familiarity breeds dissent: Reliability analyses for British-English Idioms on Measures of Familiarity, Meaning, Literality, and Decomposability. *Acta Psychologica*, 149, 87–95. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.03.009>
18. Cserép, A. (2017a). Idiom Variation and Decomposability. Part I: Verbal variation. *Yearbook of Phraseology*, 8, 95–122. <https://doi.org/10.1515/phras-2017-0006>
19. Cserép, A. (2017b). Idiom Variation and Decomposability. Part II: Variation in the noun phrase. *Yearbook of Phraseology*, 8, 123–144. <https://doi.org/10.1515/phras-2017-0007>
20. Dobrovol'skij, D.O. (2007). Semantic Decomposability as a Factor of Idiom Variation. In: *Language as the Matter of Meaning. Collection of Articles in Honor of N.J. Švedova*, M.V. Ljapon (Ed.) (pp. 219–231). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
Добровольский Д.О. Семантическая членимость как фактор вариативности идиомы // Язык как материя смысла. Сб. статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред.: М.В. Ляпон. М. : Азбуковник, 2007. С. 219–231.
21. Dobrovol'skij, D. (2004). Semantische Teilbarkeit der Idiomstruktur: zu operationalen Kriterien. In: *EUROPHRAS 2000. Internationale Tagung zur Phraseologie vom 15–18 Juni 2000 in Aske/Schweden* (pp. 61–68). Tübingen: Stauffenburg.
22. Dobrovol'skij, D.O. (2023). Between lexicon and grammar: on the syntax of idioms. In: *Proceedings of 50th International Philological Conference in Memory of Professor Ludmila Verbitskaya (1936–2019)* (Iss. 3., pp. 85–99). St. Petersburg: State University St Petersburg State University. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/9785288063183>
Добровольский Д.О. Между лексиком и грамматикой: о синтаксисе идиом // Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / под ред. В.П. Казакова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023. Т. 3. С. 85–99. <https://doi.org/10.21638/11701/9785288063183>
23. Kancierz, K., & Piasecki, M. (2022). Deep Neural Representations for Multiword Expressions Detection. In: *Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Student Research Workshop* (pp. 444–453). Dublin: Association for Computational Linguistics. <https://aclanthology.org/2022.acl-srw.36/>
24. Baranov, A.N., & Jušmanova, S.I. (2000). Negation in Idioms: Semantic and Syntactic Limitations. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 46–65. (In Russ.). <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2000-1/46-65>.
Баранов А.Н., Юшманова С.И. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 46–65. <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2000-1/46-65>
25. Žolkovskij, A.K., & Mel'čuk, I.A. (1967). On Semantic Synthesis. *Problems of Cybernetics*, 19, 177–238. (In Russ.).
Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19. С. 177–238.

Источники

- АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М. : Лексрус, 2020.
- БДРИ — База данных по русской идиоматике, разработанная в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН (<https://ruslang.ru/node/251> — не в открытом доступе).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).
- НРС — Немецко-русский словарь актуальной лексики: около 50 000 лексических единиц (в печати).

Сведения об авторе:

Добровольский Дмитрий Олегович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русского языка Российской академии наук (119019, Российская Федерация, г. Москва, Волхонка, д. 18/2), Институт языкознания Российской академии наук (125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1–1), Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44–2); *научные интересы*: лексикология и фразеология русского, немецкого и английского языков, лексикография, корпусная лингвистика; *e-mail*: dobrovolskij@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4531-6968, SPIN-код: 5016-7847; Scopus Author ID: 6504265936, Researcher ID: L-2871-2015, IstinaResearcherID (IRID): 295357128.

Information about the author:

Dmitrij O. Dobrovol'skij, Dr.Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (18/2, Volkhonka Str., Moscow, Russian Federation, 119019); Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (1–1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russian Federation, 125009); Institute of Informatics Problems, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences (44–2, Vavilova Str., Moscow, Russian Federation, 119333); *Research interests*: lexicology and phraseology of Russian, German and English, lexicography, corpus linguistics; *e-mail*: dobrovolskij@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4531-6968, SPIN-code: 5016-7847; Scopus Author ID: 6504265936, Researcher ID: L-2871-2015, IstinaResearcherID (IRID): 295357128.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670

EDN: DKBZJN

УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Фразеологизмы с интенсифицирующей семантикой в русском языке: динамический аспект

Е.И. Зиновьева , Е.К. Николаева , Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

e.seliverstova@spbu.ru

Аннотация. Актуальность изучения устойчивых единиц с интенсифицирующей семантикой, указывающих на интенсивность проявления признака или протекания действия, а также фразеологизмов, образованных по модели «*do* + существительное в Р.п.», определяется тем, что это одна из активно пополняемых групп оборотов в русском языке новейшего периода. Эти единицы вызывают затруднения при лексикографическом, и в частности идеографическом, описании в силу семантического синкретизма — совмещения прямого значения с новым интенсифицирующим и невозможности их четкой дифференциации в контексте. Согласно данным исторических словарей, семантическая особенность оборотов проявляется уже на этапе формирования национального языка. В статье показано, как и в каких разрядах устойчивых словесных комплексов русского языка проявляется в XVI–XVII вв. интенсифицирующая семантика, представлены изменения, претерпеваемые устойчивым сочетанием *до смерти* на пути закрепления в его значении интенсифицирующего компонента. Обращение к контекстам Национального корпуса русского языка конца XX — начала XXI вв. и подготовка материалов словаря новейшей фразеологической неологии позволяют констатировать, во-первых, продуктивность использованной во фразеологизмах структурно-семантической модели и существенное увеличение количества подобных единиц с интенсифицирующей семантикой. Во-вторых, отмечается использование фразеологизмов-интенсификаторов в разных тематических сферах и расширение круга глаголов-сопроводителей при наречных оборотах, что свидетельствует о предельной концентрации в семантике устойчивой единицы интенсифицирующего компонента. В-третьих, активность использования интенсификаторов в контекстах разной стилистической окраски говорит о переходе некоторых из них из пласта просторечных единиц в разговорные. В целом эти явления свидетельствуют об общей тенденции к экспрессивизации речи современников.

Ключевые слова: интенсифицирующая семантика, динамика, идеография, исторический аспект, современный взгляд, лексикография

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Зиновьева Е.И., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 12.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Зиновьева Е.И., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И. Фразеологизмы с интенсифицирующей семантикой в русском языке: динамический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 656–670. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670>

Phraseologisms with Intensifying Semantics in Russian: Dynamic Aspect

Elena I. Zinovieva , Elena K. Nikolaeva , Elena I. Seliverstova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 e.seliverstova@spbu.ru

Abstract. The relevance of the study of the discharge of stable units with intensifying semantics, indicating the intensity of the manifestation of a sign or the course of an action, as well as the study of phraseologisms formed according to the model “up to + noun in Gen.” is determined by the fact that it is one of the actively replenished groups of phrases in the Russian language of the newest period. These units cause difficulties in lexicographic, and in particular ideographic, description due to semantic syncretism — combining direct meaning with a new new intensifying meaning and the impossibility of their clear differentiation in context. According to the data of historical dictionaries, the semantic feature of turns is shown already at the stage of the formation of the national language. The article shows how and in what categories of stable verbal complexes of the Russian language is manifested in the XVI—XVII centuries intensifying semantics, presented changes that undergo a stable combination up to death on the way to consolidation of intensifying component in its meaning. Appeal to the contexts of the National Corps of the Russian language of the late XX — early XXI centuries and the preparation of materials for the dictionary of the latest phraseological neology, allow us to state, firstly, the productivity of the structural-semantic model used in phraseology and a significant increase in the number of such units with intensifying semantics. Secondly, the use of intensifier phraseologisms in a wide variety of thematic areas and the expansion of the circle of accompanying verbs at adverbial phrases are noted, which indicates the maximum concentration in the semantics of a unit of the intensifying component. Thirdly, the activity of using intensifiers in contexts of different stylistic coloring indicates the transition of some of them from a layer of vernacular units to colloquial ones. In general, these phenomena indicate a general tendency to expressivize the speech of contemporaries.

Keywords: phraseology, intensifying semantics, dynamics, ideography, historical aspect, modern view, lexicography

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00141, implemented at St. Petersburg State University).

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Zinovieva, E.I., Nikolaeva, E.K., & Seliverstova, E.I. (2025). Phraseologisms with Intensifying Semantics in Russian: Dynamic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 656–670. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670>

Введение

Интенсивность как функционально-семантическая категория давно интересует исследователей и рассматривается ими на материале различных языков (см. [1–4] и др.). Интерес к ней усилился в настоящее время благодаря антропоцентрическому вектору в науке, обращенному к возможностям экспликации на уровне языка и речи особенностей человеческого мышления и познания. Опираясь на триединство «качество — количество — мера», категория «интенсивность» постоянно дает о себе знать в речевой деятельности [5. С. 3, 10]. Как пишет В.И. Карасик, «человеческое общение полифонично и предполагает, помимо передачи информации, функцию поддержания контакта» и выражение позиции автора речи, включая такие смыслы, как интенсивность протекания действия, проявления признака и т.п. [6. С. 258].

Языковая категория интенсивности, «реализуемая с помощью универсального языкового смысла ‘очень’» [7. С. 300], располагает целым рядом экспрессивных средств для выражения своего категориального назначения, среди которых приоритетное положение занимают лексика и фразеология. Фразеологические единицы (далее — ФЕ) с интенсифицирующей семантикой традиционно исследуются в связи с категориями градуальности, экспрессивности, усилительности и во многом — при обращении к процессам их индивидуально-авторского преобразования. Об интересе к данному разряду ФЕ свидетельствуют научные статьи и диссертационные исследования (см., в частности: [8–11] и др.).

Критерием выделения фразеологизмов с интенсифицирующей семантикой является наличие в их толковании наречий или прилагательных со значением степени: *очень, сильно, крайне, сильный, крайний* и под. Такие обороты сочетают в своем значении кваликативные или градуальные денотативные семы и коннотативные, экспрессивно-оценочные. В.М. Мокиенко считает, что «...у фразеологизма номинативное растворено в экспрессивном, подчинено ему. Эти две стороны языкового знака во фразеологизме синкретичны, тогда как в лексике (особенно неэкспрессивной) — дифференцированы, разъединены» [12. С. 211]. Полагаем, что семантика интенсивности специфична для каждого семантико-грамматического разряда ФЕ в каждый из исторических периодов функционирования языка — следовательно, и соотношение указанных сем в структуре значения единицы будет различным.

Идея структурно-семантической моделируемости фразеологизмов и известной общности в особенностях образования и функционирования одно-модельных единиц сегодня не нуждается в доказательствах. Высказанная

и обоснованная В.М. Мокиенко применительно к русской и — шире — славянской фразеологии [12], эта идея открыла широкие перспективы для разноаспектного изучения ФЕ. И сегодня опыт, накопленный в области структурно-семантического моделирования, находит у исследователей применение для реализации новых возможностей — в частности, для лексикографической репрезентации моделей [13–15]. Взгляд на определенный тип устойчивых единиц в двух проекциях — ретроспективной и синхронической — позволяет выявить продуктивность структурно-семантической модели в языке и вектор ее развития.

Цель данного исследования — проследить устойчивые тенденции и особенности функционирования русских ФЕ с интенсифицирующей семантикой на материале старорусского языка повседневного общения, русского языка XX века и фразеологических неологизмов XXI века. Объектом детального рассмотрения в статье являются единицы, организованные по фразеологической модели *до + существительное в Р.п.*

Материал и методы

Материалом для исследования в первой, историко-ориентированной, части работы послужили данные исторических словарей русского языка и картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.»¹, хранящаяся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина² в СПбГУ.

Вторая часть работы, обращенная к особенностям современного употребления ФЕ с интенсифицирующей семантикой, базируется на данных составляемого в настоящее время в СПбГУ «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980-е — 2020-е гг.)» и обширном материале «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ).

Результаты исследования

Фразеологизмы с интенсифицирующим значением в старорусском языке повседневного общения

Русский язык XVI—XVII вв. представляет собой начальный этап формирования национального языка. Под фразеологизмами в памятниках, отражающих деловой язык и язык повседневного общения этого периода, понимаются различные по структуре и степени слитности компонентов устойчивые словесные комплексы, являющиеся базой для формирования фразеологического фонда современного русского языка. Под «устойчивым словесным комплексом» (далее — УСК), вслед за Л.И. Ройзензоном, понимается языковая

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. Вып. 1–9. СПб. : Наука, 2004–2020.

² Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб. : С.-Петербург. Ун-т, 2002. С. 509–658.

единица, воспроизводимая в языке и речи в качестве готовой единицы более сложной организации, чем слово [16. С. 100].

Интенсифицирующая семантика проявляется в разных разрядах УСК. Это идиомы — *кричать во всю голову, кричать в большой голос* ‘очень громко’; стереотипные формулы — *кормиться (скитаться, питаться) Христовым именем* ‘жить подаянием, прося милостыню в крайней нужде’; *взять негде, продать нечего и дать нечего и взять негде* ‘о крайней степени бедности’; *на (великом) жалованье* — формула благодарности (см. о формулах подробнее [17]); парные сочетания (*гнев и ярость* ‘чувство сильного негодования, возмущения, состояние озлобления’); тавтологии (*далече-далече* ‘очень далеко’). Устойчивых сравнений, характерных для современного русского языка, сравнительно немного; ср.: *бояться чего-либо как огня, голоден как собака, голова как пивной котел*.

Интенсифицирующая семантика присуща ФЕ разных лексико-грамматических разрядов — глагольным, именным, адъективным, адвербиальным: *сердце горит* ‘о состоянии сильного волнения, возбуждения’, *горько плакать* (плакаться, восплакаться, рыдать, прослезиться) ‘сильно плакать’, *возлагать* (налагать, наложить, возложить) *раны на кого-что-либо* ‘бить так сильно, что на теле появляются раны’; *из глубины сердца* ‘с сильным чувством, переживанием’; *пьян мертв* ‘об очень сильной степени опьянения’, *безголовые* (безголовные) *беды* ‘очень тяжкие, горькие беды’; *что дале то пуще* ‘об интенсивном развитии событий’.

В исследуемом материале преобладают ФЕ, в которых превалирует коннотативный компонент значения. Это обусловлено тем, что многие единицы употребляются в текстах челобитных, основное предназначение которых вызывать сочувствие в адресате в надежде на его помощь: *А по своей примногой неизреченной милости изволишь припомнить про мое убого сиротство, и я въ безголовыхъ бѣдахъ и въ горькихъ своихъ слезахъ и въ розореньи чють живъ... отъ пажарнова времени, государь, весь розорился безъ аstatку*³.

Обращает на себя внимание в этой связи широкое варьирование компонентов ФЕ и наличие факультативных усилительных компонентов — например, *за (глухой) печатью* ‘запечатанный, без возможности вскрытия’. По справедливому мнению И.И. Туранского, усилительные фразеологизмы «являются весьма распространенным средством интенсификации высказывания и наряду с другими средствами занимают свое определенное место в общей системе форм, способов и репрезентации категории интенсивности» [4. С. 145]. Средства и способы создания усилительности в языке делового и повседневного общения Московской Руси разнообразны: это, например, прием тавтологии (*грабежем грабить, убытками изубытчить*), сдваивание

³ ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 1–12. СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846–1872. С. 199.

синонимов (*незнатно и неведомо*), плеонастическое выражение в сочетании с интенсифицирующим местоимением *всякий* (*изобижать всякими обидами*), усиление негативной оценки чьих-л. интеллектуальных способностей за счет введения интенсифицирующего определения со значением ‘не имеющий ума’ (*дурак безумный*) и т.п. Усилительным является компонент-местоимение *весь* (*кричать во всю голову, кричать во все горло, кричать во весь народ*), ставший одним из наиболее ярких показателей в лексическом составе ФЕ с семантикой интенсивности — ср. ФЕ (*кричать*) *во всю Ивановскую мочь* (*силу*), а также одномодельные выражения, приведенные В.М. Мокиенко: *во всю коневью мочь, во всю конскую прыть, во всю девичью мочь* и др. По его мнению, сила действия в подобных оборотах «запрограммирована их компонентным составом» [18. С. 264].

Рассмотрим фразеомодель *до + имя существительное в Р.п.* на примере ФЕ *до смерти*. Это устойчивое предложно-падежное сочетание в рассматриваемый период многозначно. Его семантическая структура претерпевает изменения, постепенно двигаясь от конкретного (первого) значения, уже содержащего в своем значении — благодаря глаголу-сопроводителю (*убить, губить* и под.) — сему интенсивности, к указанию на значительную протяженность во времени, при которой сема интенсивности занимает периферийное положение. Третье получаемое оборотом значение — чисто интенсифицирующее.

Спектр условий употребления и семантика адвербиальной ФЕ *до смерти* (*-ию*) в текстах памятников выглядит следующим образом: 1. Окончательно (о лишении жизни). *Беглые крестьяне и съ ними гулящие люди... розбили три деревни... да одного крестьянина Гришку Щетника сожгли до смерти*⁴. Характерным является уточнение в контекстах использования результата действия в отношении глаголов *сжечь, убить, задавить, губить до смерти*. Подобное употребление содержит значение интенсивности действия. 2. До конца жизни. *Я тебѣ не отпѣзу ни до вѣку / до смерти / до своего живота*. Разг. Фенне, 381, 1607 г. 3. В высшей степени, крайне, чрезвычайно. *Споры о божественныхъ делехъ до смерти не люблю*⁵. Последнее значение сохраняется у ФЕ и в современном русском языке.

Если в старорусском языке повседневного общения отдельные обороты находились еще только в процессе обретения семантики интенсивности, то в русском языке XX — XXI вв. уже насчитывается значительное количество оборотов с разной степенью кристаллизации семантики интенсивности, составляющих определенный разряд, привлекающий внимание исследователей.

⁴ АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб. : В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. С. 181.

⁵ Лудольф Г.В. Русская грамматика 1696 г. (Оксфорд, 1696). Л. : Ленингр. науч.-исслед. ин-т языкознания, 1937. С. 89.

Фразеологические неологизмы конца XX — начала XXI вв.

Осуществляя научное описание состава русской фразеологии, начиная с 60-х гг. XX в., А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечали, что «такие смыслы как ‘очень, сильно’, ‘хорошо’ и ‘плохо’ представлены в семантике большого количества идиом, распределенных по самым разным таксонам» [19. С. 46]. Это обязывает лексикографов к введению такой системы отсылок, когда при наличии в значении семы интенсивности ФЕ попадает в таксон «интенсификаторы общего характера». В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» в этот таксон включены ФЕ *по самые гланды, за десятерых, как заведенный, на всю (полную) железку* и др. Значителен разряд ФЕ, образованных по рассматриваемой нами модели: *до жути, до безобразия, до неприличия, до чертиков, до самых печенок, до полусмерти* и др. [20. С. 227].

В русском языке конца XX — начала XXI в. отмечается тенденция к расширению круга лексических интенсификаторов за счет «заимствования из некодифицированных подсистем языка» и развития семантики интенсивности у ряда прилагательных и наречий литературного языка [21. С. 221]. Как показывает проводимая в настоящее время под руководством В.М. Мокиенко лексикографическая работа над составлением «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980-е—2020-е гг.)», ФЕ с интенсифицирующей семантикой широко представлены в различных идеографических рубриках. Приложение трудовых усилий, например, характеризуется с использованием таких ФЕ с усилительным акцентом, как *(работать) как папа Карло, рвать себе пупок* и др. Семантика ‘пьяный’ — в формате критического проявления этого признака — вербализуется оборотами *до остекленения, до ржавых мук, до поросячьего визга, до зеленых чертей, до изумления*. О способности характеризовать предельные проявления признаков или действий в различных сферах свидетельствует широта сочетаемости; ср. для ФЕ *до очумения* — это лексемы *работать, напиваться, выкладываться, заседать* и др., для ФЕ *до опупения* — это слова *втрескалась, загружены, долго, обидно* и т.п.

На особенности функционирования ФЕ, выражающих сильные эмоции и подвергающихся экспрессивному переосмыслению, еще в 1966 г. обратил внимание А.В. Кунин, назвав их фразеологическими интенсификаторами и выделив в них несколько разрядов. В силу утраты компонентами ФЕ их буквальных значений оборот получает целостное интенсифицирующее значение и способность усиливать воздействие сказанного [22]. Позже — при изучении польских устойчивых сравнений — Е.К. Николаевой был введен термин «демотивированный интенсификатор» как номинация семантически опустошенных компонентов сравнительной части, передающих лишь высокую интенсивность проявления признака или действия [23].

Интенсифицирующие выражения — и среди них предложно-именные сочетания, построенные по модели *до + суф. в Р.п.*, включаются исследователями

в разряд ФЕ как обладающие устойчивостью, целостностью и экспрессивностью — обязательным для фразеологизма признаком. Значительное внимание к ним в последние годы — см., в частности, [24–26] и др. — объясняется как их семантической «полифоничностью», так и заметным усилением процессов интенсификации в русском языке и увеличением количества интенсификаторов.

М.В. Сандакова видит семантическую специфичность интенсификаторов в том, что значение интенсивности в них усиливается семантикой предложения *до*, добавочно сообщаящим «значение достижения определенного уровня, преодоления высокой градационной планки» [27. С. 727]. Автор отмечает возможность употребления интенсификаторов «в оценочно чуждом контексте» и тенденцию к преодолению сочетаемостных ограничений, связанных с оценкой, т.е. к оценочной универсализации [27. С. 724]. На наш взгляд, это высшая степень интенсификации: семантика интенсификатора уже вне связи с буквальным значением словосочетания. Такой статус интенсификатора выражение *до жути*, по мнению В.А. Плунгяна, получило уже в начале XX [29].

Важной вехой в изучении этого разряда ФЕ представляется «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» Г.И. Кустовой; в него включены не менее 50 интенсификаторов со структурой *до + суш. в Р.п.* (*до боли, до безумия* и др.), хотя некоторые частотные обороты остались за пределами словаря [29].

ФЕ со структурой *до + суш. в Р.п.*, составляющие внушительный пласт неологических единиц, в ходе работы над «Идеографическим словарем русской фразеологической неологии» создают некоторые трудности при решении вопроса об их размещении в границах тех или иных разрядов именно в силу развития ими значений, отличающихся от первичных, и перехода в разряд интенсификаторов.

Анализ употребления подобных единиц в современном русском языке позволяет проследить процесс развития у них интенсифицирующих значений. Рассмотрим в качестве примера контексты использования в НКРЯ ФЕ *до посинения* и *до потери пульса*.

До посинения

Посинение — состояние по значению глагола *посинеть*, т.е. приобрести синий цвет, или очень бледный (если речь идет о цвете кожи), с синюшным оттенком. В НКРЯ это выражение в прямом значении зафиксировано с 20-х гг. XX в.: *Если она перестанет синеть, нужно подбавить едкого натра, до посинения вновь*⁶. Особое употребление словосочетания связано в это время с ситуацией изменения состояния части тела в результате сильного

⁶ Радио Всем, 1926.

физического воздействия, с образованием синяка. Затем он забил себе гвоздь в голову, чуть не выколов глаз, а после этого отбил себе **до посинения** палец⁷.

Со значением ‘до полной потери сил, до изнеможения’ просторечное выражение вошло в словарь «Новые слова и значения — 80» (далее — НСЗ) [30], хотя в НКРЯ контексты отмечены существенно раньше: *Если в спор этот ввязаться, он будет до посинения доказывать, что искусство, стихи, особенно балет — все это никому не нужно*.⁸

В современном языке на первый план выступает интенсифицирующее значение выражения, реализуемое в подавляющей части контекстов НКРЯ (в одном только газетном подкорпусе НКРЯ приведено 133 таких примера) выражения *до посинения*. Ср.: *А можете сидеть и до посинения покупать случайные товары. Если теперь женщине суждено стоять в очередях до посинения, отоваривая визитные карты, муж ведь может и соскучиться*.⁹

Однако в ряде контекстов по-прежнему наблюдается совмещение прямого значения (о цвете кожи с синюшным оттенком) и переносного интенсифицирующего значения: обычно в сочетании с глаголами *пить, бить, пороть, нырять* и др., обозначающими действия, чреватые реальным изменением цвета кожи — в случае их продолжительности, утратой чувства меры. Ср.: *Нырял весь день, до посинения, всё казалось, что вот-вот найдёт, что она ему в руки дастся*¹⁰. «Китайская пытка» — это когда до посинения (жертвы, разумеется) бьют палками по пяткам¹¹. За «чвкашиник» и «шаверму» людей надо пороть до посинения, чтобы <...> называли вещи своими именами¹². Это представляется закономерным, поскольку образную основу выражения составляет восприятие аномально бледного (синеватого) цвета кожи или губ как следствия длительного, сильного переохлаждения и даже смерти. Выражение *до посинения* вписывается, таким образом, в семантическую модель «до смерти», «до смертельной бледности» и имеет в современных текстах значение ‘очень долго, очень много’.

⁷ Русин Н.П. Антарктические тетради : документальный дневник участника Первой Континентальной антарктической экспедиции // М-во природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Гос. науч. центр Российской Федерации, Арктический и антарктический НИИ. Санкт-Петербург : ААНИИ, 2013.

⁸ Шукшин В.М. Воскресная тоска, 1958. Комсомольская правда, 1962, 1 января, под названием «Приглашение на два лица»

⁹ Толстая Т.Н. Войлочный век. М. : Редакция Елены Шубиной, 2015.

¹⁰ Панчин А. Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей. М. : Corpus (АСТ), 2016. Рэйн О. Айя шамана Арбузова // В. Лебедев / Заповедник Сказок: Избранное. Том пятый (сборник). М. : Para avis, 2015.

¹¹ Пытки именем закона // АиФ, 1998.06.03. Режим доступа: <https://archive.aif.ru/archive/1636928> (дата обращения: 12.01.2024).

¹² <https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/782369>. (дата обращения: 05.03.2025).

В статусе интенсификатора оборот предельно расширяет свою сочетаемость: это, в первую очередь, глаголы — *до посинения работать, копать, спать, звонить, доказывать, ржать, пялиться в бинокль* и т.д. — и существительные с семантикой опредмеченного действия: *Конечно, у нас бывают и конфликты, и споры до посинения, но все они, как мне кажется, — во имя общего дела*¹³. *Раньше с 10 попытки можно было уехать, а теперь столбняк до посинения...*¹⁴

Отдельные случаи использования интенсификатора продолжают удивлять, хотя и укладываются в целом в рамки ставшей привычной семантики; ср. название статьи о последствиях замены маршруток другими видами транспорта, где наблюдается контаминация ФЕ двух продуктивных моделей (ср. *довести до ручки*): Д. Ребров. *Транспорт довели до посинения. К чему привела реформа столичных маршруток*¹⁵. На наш взгляд, это может свидетельствовать о переходе ФЕ из просторечия в разговорную речь.

До потери пульса

Внутренняя форма этого разговорного фразеологизма также связана с представлением о смерти — о ней может свидетельствовать отсутствие пульса, и он может рассматриваться как более экспрессивный вариант идиомы *до потери сознания*, зафиксированной в [28]. Первый контекст употребления ФЕ в НКРЯ датируется 1974 г. (ср. *до потери сознания* — 1855 г.); первая фиксация в словаре НСЗ-80 — со значением ‘очень любить, нравиться и т. п.’ [29]. Позже его значение уточняется: ‘максимально, до крайнего предела, до полного изнеможения, опьянения и т.п.’ [31. С. 205].

По данным НКРЯ, сочетаемость этого фразеологического интенсификатора — преимущественно глагольная — едва ли не безгранична: *до потери пульса работать, петь, удивляться, наестся, влюбиться, хохотать, напиться, искать, тренироваться, спорить* и т.п.

Менее частотны сочетания с наречиями: *Тебе почему-то с утра это важно до потери пульса, а вечером — не важно*¹⁶. *Смешно до потери пульса: баба сидит дома, например, хлопает ресницами в окно, терзаемая тревогами, а мужик приходит домой весь в помаде и духах, придумывает очередную отмазку и ложится спать*¹⁷.

¹³ Караченцов Н. Водка и сцена несовместимы // АиФ, 07.05.2003. Режим доступа: <https://archive.aif.ru/archive/1628804> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁴ Из центра города исчезнут «Газели» (2007). Режим доступа: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=440104> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁵ Новая газета, 31.10.2016. Режим доступа: <https://zhurnaly-online.ru/gazety/1315-novaya-gazeta-121-ponedelnik-31-oktyabrya-2016.html> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁶ Наш космос 2 (2018–2021). Режим доступа: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=1151780&page=31> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁷ vk (19.02.2016) (дата обращения: 12.01.2024).

В следующих примерах нельзя не заметить семантического сближения существительных, называющих виды физической нагрузки: *Бег на длинные дистанции, лыжный марафон, работа на даче до потери пульса* противопоставлены¹⁸. *Никаких «сушеных крокодилов», ни отжимания до потери пульса, ни стирания чужого белья по ночам*¹⁹.

Заключение

Таким образом, ФЕ с интенсифицирующей семантикой, образованные по структурной модели «до + сущ. в Р.п.» — это одна из активно функционирующих и постоянно пополняемых групп устойчивых оборотов в русском языке новейшего периода. ФЕ, построенные по данной модели, вызывают затруднения при их лексикографическом описании в силу семантического синкретизма — совмещения прямого значения с новым интенсифицирующим и невозможности их четкой дифференциации в контексте. Проведенный анализ свидетельствует о продуктивности рассмотренной фразеомодели: фиксируется появление все новых единиц, используемых в том числе не только в разговорной речи, что иллюстрирует очевидную тенденцию к повышению накала экспрессивности в речи наших современников.

Список литературы

1. *Авилова И.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М. : Наука, 1976.
2. *Бондарко А.В.* Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. М. : Наука, 2005.
3. *Суворина К.М.* Интенсивы в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. Москва, 1976.
4. *Туранский И.И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высшая школа, 1990.
5. *Бельская Е.В.* Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 2001. EDN: YKDMTV
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. EDN: UGQAMP
7. *Родионова С.Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 300–313.
8. *Гриднева Т.В.* Фразеологические средства выражения категории интенсивности : автореф. дис. ...канд. филол. н. Волгоград, 1997. EDN: ZKBQCP
9. *Давыдова О.Л., Федорова В.П.* Семантика интенсивности в структуре значения процессуальных фразеологизмов // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 6. Сер. «Лингвистика». Вып. 3. С. 107–110. EDN: KZJYHJ
10. *Федорюк А.В.* Функционально-прагматические аспекты фразеологических интенсификаторов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. н. Иркутск : ИГЛУ, 2001. EDN: QDPPWX
11. *Шумейко Ю.А.* Лексические и фразеологические средства выражения интенсивности в текстах СМИ // Русский язык. Филологический аспект. 2007. № 1(21). С. 28–24. EDN: XSDGIV

¹⁸ (Если вы «гипер»! // Аргументы и факты, 29.04.2004)

¹⁹ («Солдат Джейн» // АиФ, 19.03.2004).

12. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989.
13. Мокиенко В.М. Структурно-семантическая модель в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб. : ИЛИ РАН 2018. С. 305–312. <https://doi.org/10.30842/265861502018725> EDN: XUYUXH.
14. Мокиенко В.М. Фразеологические неологизмы прошлого века: опыт лексикографирования // Третьи Фортунатовские чтения в Карелии : сб. статей. Петрозаводск : ПетрГУ, 2024. С. 12–16. EDN: ZPADFP
15. Никитина Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 175–197. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197> EDN: WSNTFR
16. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.
17. Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 9–26. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26> EDN: ARCOES.
18. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель: АСТ: Льюкс, 2005.
19. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Русская фразеология в идеографическом представлении // Славянская лексикология. М., 2022. С. 38–49. https://doi.org/10.31912/slavic_lexicology.2022.38-49
20. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : ок. 8000 идиом современного русского языка / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
21. Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226. EDN: NKCEJG
22. Кунин А.В. Фразеологические интенсификаторы в современном английском языке // Иностранные языки в школе. 1966. № 1. С. 12–19.
23. Николаева Е.К. О фразеологических интенсификаторах (на материале польского языка) // Вестник Ленинградского университета. 1989. Сер. 2. Вып. 3. С. 74–77. EDN: XVICUZ
24. Ермакова О.П. Переход количества в качество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2005. С. 272–279.
25. Кустова Г.И. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2005. С. 295–305. EDN: QZDDHF
26. Горшкова Н.Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. Москва, 2004. EDN: NHPRVV
27. Сандакова М.В. Дешевый до безобразия (о развитии одной группы интенсификаторов в русском языке XXI века) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М. : ФЛИНТА, 2021. 719–731. EDN: IOCWQP
28. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 10.04. 2024).
29. Плунгян В.А. Жуть и жуткий: от мистицизма к просторечию // Авторская лексикография и история слов / ред. Л.Л. Шестакова. М. : Азбуковник, 2013. С. 145–153. EDN: SIRWNV
30. Новые слова и значения : Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашовой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997.
31. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в двух тт. Т. 2: О — Я. СПб. : Златоуст, 2017.

References

1. Avilova, I.S. (1976). *Type of Verb and Semantics of the Verb Word*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Bondarko, A.V. (2005). *Problems of Functional Grammar: Field structures*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Suvorina, K.M. (1976). *Intensives in Modern English* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.).
4. Turansky, I.I. (1990). *Semantic Intensity Category in English*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Belskaya, E.V. (2001). *Intensity as a Category of Lexicology (Based on the Dialect of the Middle Ob Region)* [PhD Thesis]. Tomsk. (In Russ.). EDN: YKDMTV
6. Karasik, V.I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: UGQAMP
7. Rodionova, S.E. (2004). Intensity and Its Place in a Number of Other Semantic Categories. *Slavic Bulletin*, 2, 300–313. (In Russ.).
8. Gridneva, T.V. (1997). *Phraseological Means of Expressing the Intensity Category* [PhD Thesis]. Volgograd. (In Russ.). EDN: ZKBQCP
9. Davydova, O.L., & Fedorova, V.P. (2006). Semantics of Intensity in the Structure of the Meaning of Procedural Phraseologisms. *Bulletin of the South Ural State University*, 6. “Linguistics,” 3, 107–110. (In Russ.). EDN: KZJYHJ
10. Fedoryuk, A.V. (2001). *Functional and Pragmatic Aspects of Phraseological Intensifiers in Modern English* [PhD Thesis]. Irkutsk. (In Russ.). EDN: QDPPWX
11. Shumeyko, Yu.A. (2007). Lexical and Phraseological Means of Expressing Intensity in Media Texts. *Russian language. Philological aspect*, 1(21), 28–24. (In Russ.). EDN: XSDGIV
12. Mokienko, V.M. (1989). *Slavic phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
13. Mokienko, V.M. (2018). Structural-Semantic Model in the “Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects”. In: *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)* (pp. 305–312). Saint Petersburg. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/265861502018725> EDN: XUYUXX.
14. Mokienko, V.M. (2024). Phraseological Neologisms of the Last Century: Lexicography Experience. In: *Third Fortunatov Readings in Karelia* (pp. 12–16). Petrozavodsk: PetrSU publ. (In Russ.). EDN: ZPADFP
15. Nikitina, T.G. (2020). Structural-Semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 175–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197> EDN: WSNTFR
16. Roizenzon, L.I. (1973). *Lectures on General and Russian Phraseology*. Samarkand. (In Russ.).
17. Zinovieva, E.I. (2023). Stereotypical Formulas of Business Documents and Monuments of the Everyday Language of Moscow Russia of the 16th—17th Centuries (Systematizing Approach). *Scientific Dialogue*, 12(2), 9–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26> (In Russ.). EDN: ARCOES
18. Mokienko, V.M. (Ed.) (2005). *Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary*. Moscow: Astrel: AST: Lux. (In Russ.).
19. Baranov, A.N., & Dobrovol'skij, D.O. (2022). Russian Phraseology in Ideographic Representation. In: *Slavic lexicology* (pp. 38–49). Moscow. (In Russ.). https://doi.org/10.31912/slavic_lexicology.2022.38-49
20. Baranov, A.N., & Dobrovol'skij, D.O. (2007). *Dictionary-Thesaurus of Modern Russian Idiomatcs*. Moscow: World of Encyclopedias Avanta +, 2007. (In Russ.).
21. Sandakova, M.V. (2020). Trends in the Development of a Class of Lexical Intensifiers in the Russian Language of the Newest Period. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4, 217–226. (In Russ.). EDN: NKCEJG
22. Kunin, A.V. (1966). Phraseological Intensifiers in Modern English. *Foreign Languages at School*, 1, 12–19. (In Russ.).

23. Nikolaeva, E.K. (1989). О Phraseological Intensifiers (Based on the Material of the Polish Language). *Pushkin Leningrad State University Journal*, Ser. 2, 3, 74–77. (In Russ.). EDN: XVICUZ
24. Ermakova, O.P. (2005). Transition of Quantity to Quality (on the Nature of Intensifiers). In: *Logical analysis of the language. Quantitative aspect of language*, N.D. Arutyunova (Ed.) (pp. 272–279). Moscow: Indrik. (In Russ.).
25. Kustova, G.I. (2005). Quantitative values of qualitative words. In: *Logical analysis of the language. Quantitative aspect of language*, N.D. Arutyunova (Ed.) (pp. 295–305). Moscow: Indrik. (In Russ.). EDN: QZDDHF
26. Gorshkova, N.N. (2004). *Phraseological Units with Graduated Semantics in Modern Russian* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: NHPRVV
27. Sandakova, M.V. (2021). Cheap to Disgrace (on the Development of One Group of Intensifiers in the Russian Language of the XXI Century). In: *Active Processes in Modern Russian: National And International*: L.V. Ratsiburskaya (Ed.) (pp. 719–731). Moscow: FLINTA. EDN: (In Russ.). IOCWQP
28. Kustova, G.I. *Dictionary of Russian Idiomatics. Combinations of Words with a High Degree Value* [Electronic Resource]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed: 10.04. 2024). (In Russ.).
29. Plungyan, V.A. (2013). Horror and Terrible: from Mysticism to Vernacular. In: *Author Lexicography and Word History*, L.L. Shestakova (Ed.) (pp. 145–153). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.). EDN: SIRWNV
30. New Words and Meanings: Dictionary-References Book on Materials of the Press and Literature of the 80s (1997). E.A. Levashova (Ed.). Saint Petersburg. (In Russ.).
31. Khimik, V.V. (2017). *Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech*: in 2 vols. Vol. 2. : О — Ya. Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *научные интересы*: лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6253-9739, SPIN-код: 9059-2243, AuthorID: 105364.

Николаева Елена Каировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *научные интересы*: русская и славянская лексика и фразеология, лингвокультурология семантика, этимология; *e-mail*: e.nikolaeva@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2449-3490, SPIN-код: 1934-7675, AuthorID: 140305.

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *научные интересы*: русская и славянская фразеология, лингвокультурология, язык СМИ и художественной литературы; *e-mail*: e.seliverstova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2020-0061, SPIN-код: 2032-2115, AuthorID: 703459.

Information about the authors:

Elena I. Zinovieva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6253-9739, SPIN-code: 9059-2243, AuthorID: 105364.

Elena K. Nikolaeva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Russian and Slavic vocabulary and phraseology, linguacultural semantics, etymology; *e-mail*: e.nikolaeva@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2449-3490, SPIN-code: 1934-7675, AuthorID: 140305.

Elena I. Seliverstova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department for the Humanitarian and Natural Sciences Faculties, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Russian and Slavic phraseology, linguoculturology, the language of media and fiction; *e-mail*: e.seliverstova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2020-0061, SPIN-code: 2032-2115, AuthorID: 703459.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-671-686

EDN: DJZHBB

УДК 811.161.1'374:811.511.1

Научная статья / Research article

Некоторые аспекты трансформационного освоения севернорусской лексики прибалтийско-финского происхождения

С.А. Мызников

Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ myznikovs@rambler.ru

Аннотация. Проведен анализ лексических данных, источником которых является прибалтийско-финский языковой континуум. Большей частью эти материалы можно трактовать как субстратные. На базе этимологического прочтения диалектного лексикона прибалтийско-финского происхождения с применением методов лингвогеографии, обобщаются некоторые аспекты фонетического и семантического освоения субстратных единиц, а также выявляются некоторые факты семантического воздействия на русские говоры, так называемые семантические кальки. Отмечается, что в ряде случаев наблюдается уход от первичной формы слова с попыткой поиска мотивационной основы на исконной почве. Иногда довольно трудно определить направление влияния семантической модели какого-л. образования, в этих случаях констатируются тождественные или сходные мотивационные основы номинации. В большинстве случаев субстратная единица входит в лексическую систему говора, что ведет к ее полной функциональной включенности. Исходя из специфики денотата, на наших материалах чаще всего фиксируются метафорические переносы. В контактных зонах отмечаются данные, которые весьма частотны на прибалтийско-финской почве, что иногда ведет к проникновению и освоению на русской диалектной почве некоторых частотных в речи единиц глагольных парадигм.

Ключевые слова: карельский, вепсский, субстрат, семантическая калька, трансформация, метафорический перенос, фонетическое освоение

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Мызников С.А. Некоторые аспекты трансформационного освоения севернорусской лексики прибалтийско-финского происхождения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 671–686. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-671-686>

© Мызников С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Some Aspects of Transformational Development of Northern Russian Vocabulary of Baltic-Finnic Origin

Sergey A. Myznikov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*
Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, *Saint Petersburg, Russian Federation*

Herzen State Pedagogical University of Russia, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ myznikovs@rambler.ru

Abstract. The work proposes an analysis of lexical data from the Baltic-Finnish linguistic continuum. For the most part, these materials can be considered as sub-texts. On the basis of an etymological reading of a dialect lexicon of Baltic-Finnish origin with the adoption of linguistic geography methods, some aspects of phonetic and semantic use of subtractive units are generalized, as well as some facts of semantic influence on Russian sub-dialects, so-called semantic calcs. It is noted that in a number of cases there is a departure from the traditional form of the word with an attempt to find a motivating basis on native soil. Sometimes it is quite difficult to determine the direction of the influence of a particular semantic model. education, the same or similar motivational basis for nomination is used in these cases. In most cases, the sub-unit enters into the lexical system of speech, which leads to its full functional inclusion. Based on the specifics of denothate, our materials most often fix metaphorical translations. In the contact areas, there are data that are very frequent on Baltic-Finnish soil, which sometimes leads to the penetration and development on the Russian dialect soil of some frequency in speech of verb paradigms.

Keywords: karelian, veps, substrate, semantic copy, transformation, metaphorical transfer, phonetic development

Conflicts of interest: the author declares no conflicts of interest.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Myznikov, S.A. (2025). Some Aspects of Transformational Development of Northern Russian Vocabulary of Baltic-Finnic Origin. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 671–686. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-671-686>

Введение

Работа над данными, вошедшими в русские говоры из финно-угорского языкового континуума, показала возможность выделение различных единиц прибалтийско-финского, пермского, обско-угорского, марийского, мордовского типов. Причем, рассматривая отдельно каждый тип, возможно выделить дробные пласты, которые верифицировано могут возводиться не только к различным языкам или диалектам, но и к субдиалектным группировкам. Например, А.К. Матвеев рассматривал как «достойный особого изучения, крайне трудный и пока практически не исследованный вопрос о различении карельских и вепсских заимствованных лексем на РС (Русском Севере) и их ареальной привязке». По его мнению, возможно членение этого материала, по двум параметрам — на заимствования, которые имеют особенности, соответствующие фонетическим закономерностям ныне существующих

прибалтийско-финских языков, и на заимствования, обладающие фонетической спецификой [1. С. 31].

Поскольку, обычно, субстратная единица имеет статичный и стабильный ареал, то, опираясь на соответствия в форме и семантике слова, вполне возможно добавить ареальный критерий, как крайне важный, для определения типа субстрата. Причем, довольно часто ареальная стратификация субстратного слова уже сама по себе являющаяся его важной характеристикой, в большинстве случаев может служить индикатором его типа.

Постановка проблемы

В данной работе предлагается анализ данных, источником которых является прибалтийско-финский языковой континуум. Большей частью эти материалы можно трактовать как субстратные. На наш взгляд, возможно выделение различных типов прибалтийско-финских субстратных типов, основываясь не только на фонетических особенностях этимонов (при наличии таковых), но и также на некоторых характеристиках, свойственных субстратной апеллятивной единице, как диалектному слову.

Таким образом, выделение типов субстрата при выявленной связи русского диалектного слова с прибалтийско-финскими данными, строится на различных параметрах: 1) наличие фонетических особенностей в языках (диалектах); 2) наличие-отсутствие в них слова; 3) ареальная характеристика субстратной единицы в большинстве случаев может быть связана с определенным языковым типом. В работе на базе этимологического прочтения диалектного лексикона прибалтийско-финского происхождения с применением методов лингвогеографии [2], обобщаются некоторые аспекты фонетического и семантического освоения субстратных единиц, а также выявляются некоторые факты семантического воздействия на русские говоры, так называемые семантические кальки.

Методологическая база исследования

В данной работе реализуются в том числе идеи регионального этимологического словаря, основанного на анализе исконных данных, которая была выдвинута А.С. Гердом [3; 4]. Кроме того, нами была предпринята попытка этимологического исследования неисконного лексикона на лингвогеографической базе [5; 6].

Цель и материал исследования

В данной работе предпринимается попытка на базе этимологического прочтения диалектного лексикона прибалтийско-финского происхождения и выделения субституционных и адаптационных фонетических моделей с применением методов лингвогеографии, обобщить некоторые аспекты фонетического и семантического освоения субстратных единиц, а также

выявить факты семантического воздействия на русские говоры, так называемого семантического калькирования [5; 6]. В данной работе были использованы различные виды источников. Значительные материалы были получены при полевом экспедиционном обследовании русских говоров и финно-угорских языков, были использованы материалы картотек «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в СПбГУ), «Словаря русских народных говоров» (хранится в ИЛИ РАН), картотеки «Словаря пинежских говоров» Г.Я. Симиной (хранится в ИЛИ РАН и в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факультета СПбГУ).

Методы исследования

При этимологическом анализе, на базе которого строятся выводы о различных аспектах семантического освоения, предполагается использовать рассмотрение семантических и словообразовательных ареалов слова, причем более продуктивным кажется этимологический анализ лексики, когда каждое слово рассматривается не отдельно, а в комплексе, вместе с другими фонетическими, деривационными и т. и. вариантами, в том числе с лексикой сходной семантической природы и представляющей лексическую манифестацию этого же понятия или этой же реалии [5].

Фонетические варианты; трансформация формы слова

В данной работе, оставляя в стороне традиционное описание фонетического освоения заимствованной и субстратной лексики, обратимся к некоторым аспектам проблем преобразования формы диалектного слова. Часть из них уже рассматривались нами ранее [7–9]. При исследованиях диалектной лексики анализ сталкивается с проблемами, опосредованными устной формой бытования такого рода данных. Нередко исследователь не владеет полной фиксацией всех вариантов слова, — как диахронных, так и территориальных, а при этимологическом анализе нередко в качестве основного может исследоваться маргинальный вариант. Часто это связано с тем, что при разработке этимологической версии не всегда можно определить, является ли рассматриваемая лексема основной единицей в системе или окказиональным вариантом.

В ряде случаев наблюдается уход от первичной формы слова с попыткой поиска мотивационной основы на исконной почве, нередко с утратой некоторых его частей. Ср., например, **ро́вда** ‘слой мерзлого грунта под оттаявшей сверху почвой’ Вытегор., Подпорож., Сегеж., Вашк., Беломор., Кирил., Белоз. (ПЛГО). Слово восходит к прибалтийско-финским источникам, ср.: кар. твер. *rowda* ‘мерзлота, мерзлый слой земли’ (СКЯП: 241), ливв. *rowdu* ‘мерзлота, мерзлая почва — обычно весной’, вепс. сев. *roud*, *ruïd* ‘мерзлота’ (SKES: 850), при вепс. *r’öud* ‘талая земля’ (СВЯ: 492). Однако, имеются нечастотные фиксации лексемы **ров** с этим же значением: — *Ещё ров не вышел — садиться*

нельзя. Медвежьегор. (СРГК 5: 533). Причем, если рассматривать эти материалы в отрыве от основных данных карельско-вепсского происхождения, то вполне возможна отсылка только к русским источникам, что в плане происхождения единицы **ров** будет не вполне корректно.

Отмечается опрощение формы слова или его переразложение, нередко при этом может происходить преобразование морфемной структуры слова.

Опяться ‘покрыться первым тонким льдом’ Арх. Арх. (СРНГ 23: 325). Вероятно, слово возникло в результате переразложения, ср. фин. *jäättää* ‘покрываться льдом’ (SKES: 132), ливв. *jiädüö* ‘замерзать, обледеневать, покрываться ледяной коркой, обрастать льдом’ (СКЯМ: 102), вепс. *jäduda* ‘замерзнуть, превратиться в лед, обледенеть’ (СВЯ: 94), кар. *jeätyö* ‘замерзнуть’ (KKS 1: 499); т.е. кар. *jeät-* > русск. **яться* > **объяться* ‘покрыться льдом’ > **опяться**.

Можно привести пример, когда в диалектах на синхронном срезе представлена сложная совокупность разновременных данных различного происхождения, которую можно дифференцировать как хронологически, так и ареально-этимологически.

То’мор ‘палочка, используемая для стрельбы из детского ружья’ Прионеж. (СРГК 6: 480). **Тома’р** ‘стрела’ Петрозав., Лодейноп. (Куликовский: 119). **Тамары** ‘охотничий лук’ Урал (СРНГ 43: 256). **Тамаро’к** ‘игра — стрельба из лука по бабкам’ Том. (СРНГ 43: 256). **Та’мор** ‘стрела с тупым наконечником (для охоты на мелких пушных зверей)’ Енис. (СРНГ 43: 259). Имеются фиксации с XVI века (1589 г.): др.-русс. *томара* ‘стрела’ (Срезневский 3: 976). Вряд ли справедлива версия заимствования из хант. *tamâr* ‘тупая стрела для охоты за белками’ [10. С. 264], при общей тюркской основе этих данных, ср.: тюрк. *tomar*, *tomyr*, *tomor* ‘нечто круглое, тупое, например, кочка’, шорск. *tamar* ‘круглая стрела с шишкой на конце’ [11. С. 552]. Имеются вепсские материалы, которые, вероятно, древнерусского происхождения, — вепс. *tomar* ‘стрела лука (для стрельбы)’ (СВЯ: 574), что может объяснить факт наличия слова, **тома’р**, как обратного заимствования, в русских говорах Обонежья.

Представляется довольно близким фонетически наречное образование: **тумаро’м** ‘друг за другом, гурьбой’ Новг. (НОС 11: 71); **тума’ром** ‘коллективно, группой, занимаясь общим делом’: *Тумаром собрались да в лес*. Лодейноп. (СРГК 6: 535). Однако оно не связано с вепс. *tomar* ‘стрела лука (для стрельбы)’, причем в качестве источника можно привести другую вепсскую единицу, ср. вепс. *tomarom*: *josta tomarom* ‘бежать сломя голову’ (СВЯ: 574). Вепсская единица, на наш взгляд, является частью прибалтийско-финского гнезда, ср.: фин. диал. *tomara* ‘проворный, бойкий’, *tomera* (преимущественно в восточных диалектах) ‘проворный, бойкий, энергичный, напористый’, ‘хвастливый’, ‘быстро говорящий’, ‘бранчливый’, ‘неуклюжий, неловкий’ (SKES: 1340). Причем в этом же гнезде авторы SKES рассматривают вепс. *tomotada*. ‘звать, приглашать (для совместного действия)’ *tomotada kodhe* ‘позвать домой’, *tomotada mända ühtes mecha* ‘пригласить пойти вместе в лес’ (СВЯ: 574–575).

Приведенный анализ не является полным, поскольку лексема **то'мор**, наряду со значением 'стрела' и т.п. фиксируется также с семантикой **то'мор** 'поперечная палка, жердь для подвешивания над костром чайника, котла и т.п.' Медвежьегор. (СРГК 6: 480). Далее фиксируется в этом же значении лексема **мото'р**, фиксация которой может рассматриваться как результат метатезы **томо'р** > **мото'р**: *Кишочки положат в котел, повесят на мотор и сало греют*. Терск. (СРГК 1: 393). *Мотор: палку, конечок, вывострят, в землю забьют и чайник греют на покосе*. Подпорож. (СРГК 2:413). *Мотор — это палка, приспособленная для кострища*. Терск (СРГК 2: 443). Эти материалы представлены в тексте словаря при других словарных статьях. На заголовочное слово **мото'р** отмечается только значение 'вращающийся вал в колодце': *Раньше колодцы были с мотором, да жердь така приделана, шест такой*. Тихв. (СРГК 3: 265).

Приведем еще один подобный пример. Лексема **ки'нцель** 'продольный брус, прокладываемый над килем внутри судна' с обширными фиксация в Беломорье и Обонежье, является преобразованием от заимствования **кильсон**, являющееся морским термином, ср. **кильсон** 'продольная связь на судах с ординарным дном, соединяющая днищевые части шпангоутов', при нем. *Binnenkiel* 'кильсон', нидерл. *kielbalk* 'то же', которое следует возводить к англ. **keelson** 'днищевая продольная связь на судне, идущая поверх шпангоутов, параллельно килю' [12. С. 298]. Однако имеется фиксация мотивационной трансформации этого заимствования, которая объясняется прибалтийско-финским влиянием. Лексему **ки'нсарь** с тем же значением (на р. Свирь, Онежском озере) (СРНГ 13: 213), в данном случае можно рассматривать как результат переразложения: **кин-сарь**, где **кин-** возводится к вепс. *kinged* 'тугой, натянутый' (СВЯ: 206), а **-сарь**, при вепс. *sarg* 'полоска (продолговатый кусок чего-л.)' (СВЯ: 498), при русск. диал. **са'рга** 'тонкие корни хвойных деревьев (сосны, ели, кедра), используемые для плетения корзин, верш, сшивания лодок и т.п.', 'тонкая дранка, прутья, используемые для вязки, плетения и т.п.' [6. С. 717–719].

В ряде случаев фиксация какой-либо единицы в узком ареале предполагает связь с определенным субстратным типом, что, в свою очередь, обычно, минимизирует появление фонетических вариантов. Так, например, **та'ймина** 'всходы, ростки у картофеля' Кандалакш. (Ковда, Княжая Губа) (КСРГК), восходит к карельским источникам, ср. кар. *taimen* 'росток, саженец' (ILKS: 143), люд. *taimen*, при вепс. *taimen* 'то же' (SKES: 1197, 1198), кар. твер. *taimen* 'рассада' (СКЯП: 291), однако суффикс **-ина**, который можно как будто выделять на русской почве, является преобразованием карельского *taim-en*. По данным СРГК, отмечается единица, которая представляет собой не только фонетическое преобразование, но и результат поиска внутренней формы слова: **томи'на** 'ботва картофеля': *Всю томину оципали, картофельну траву; говорят, вся картошка в томину ушла*. Онеж. (СРГК 6: 480).

Семантические кальки

Проблема языковых контактов и анализ процесса взаимовлияния языков и результатов их взаимодействия — весьма давняя проблема лингвистических исследований. Так, Л.В. Щерба полагал, что «во взаимном влиянии языков следует различать два совершенно различных процесса — заимствование и смешение языков; первое основывается на двуязычии, как я предложил бы назвать независимое сосуществование двух языков у одного и того же индивида, а второе основывается на смешанном языке с двумя терминами... В действительности есть всегда промежуточные формы и чаще всего оба процесса перекрещиваются» [13. С. 60].

В настоящее время при дифференциации заимствований на материальные и нематериальные кальки относят к последним, поскольку они представляют собой единицы (слова или словосочетания), созданные по иноязычному образцу из исконных языковых элементов, и являются неявными заимствованиями, воспроизводящими структуру или значение иноязычного источника. Можно провести следующую классификацию калек: грамматические, словообразовательные, семантические, фразеологические, синтаксические. Хотя, конечно, в целом все кальки представляют собой смысловой перевод иноязычной единицы на родной язык, и это может относиться к морфемному составу лексемы, к особенностям грамматики, корневым лексемам, фразеологизмам или особенностям синтаксиса [7].

В ряде случаев довольно трудно определить направление влияния семантической модели какого-л. образования, в этих случаях констатируются тождественные или сходные мотивационные основы номинации. Так, например, в севернорусских говорах и на прибалтийско-финской почве фиксируется сходная модель наименования ячеи в рыболовной сети: **Глаз** ‘ячей сети’: — *У калеги глаз поменьше, мелку ловим, у невода побольше глаз*. Плесец. (СРГК 1: 336). **Глаз** ‘ячейка рыболовной снасти’ Плесец. (Федотово) (СГРС). **Глаз** ‘ячейка рыболовной сети’ Арх. (АОС 9: 77–79). Семантически сходные данные отмечены в прибалтийско-финских и в коми языках, ср. ливв. *silmi* ‘глаз; ячей сети’ (СКЯМ: 336), вепс. *süim, sil'm* ‘глаз; ячей сети’ (СВЯ 535), водск. *silm* ‘глаз; ячей сети’ (VKMS: 296), коми *син* ‘глаз; ячей сети’ (ССКЗД: 336). Широко представлена сходная номинация в псковских говорах: **глаз** ‘ячейка в сетке’ Печор., Гдов., Сланц., Пск. (ПОС 6: 174), а также на рр. Волге, Урал: **Глаз** ‘ячей сети’ Астрах., 1858. «По величине ячеи (глаза) делятся на аханы, полуаханы и сети. Первые ловят исключительно белугу и вообще самую крупную рыбу; вторые — среднюю: осетра, шипа и крупную севрюгу; третьи — более мелкую севрюгу, белужатник и галбыш. На разну рыбу свой глаз: полыханы — восемь вершков, а для севрюги шестерик» Р. Урал (СРНГ 6: 184).

В тех случаях, когда мотивационная модель реализуется на прибалтийско-финской почве и локализована в русских говорах в зонах контактов, в большинстве примеров констатируется семантическая калька прибалтийско-финского

происхождения, причем довольно часто она указывает на определенный язык или диалект-источник. Хотя бывают случаи сравнительно широкого распространения слова в севернорусских говорах при локализованном прибалтийско-финском источнике. Приведем пример такого рода.

Корешки ‘стебли щавеля’: — *В де́тстве корешки́ рва́ли на поля́х, жа́рили ф не́чке, вот э́то ки́слица — ща́вель, ки́слицэ́й зва́ли. Корешки́ — ве́точка — зё́рна на ней кра́сные.* Терск. (Умба). Пудож. (Гаукса), Прионеж. (Ладва, Педасельга), Вытегор. (Мегра) (ПЛГО). **Коре́шки** ‘стебли (преимущественно) щавеля’: — *Кисленьки корешками у нас называют.* Прионеж. *С кислятки корешки ели, а наверху цвет, корешки-то вкуснее.* Вытегор. Медвежьегор. (СРГК 2: 426). Данный материал первоначально был зафиксирован в районах с вепским субстратным и адстратным влиянием, позднее в говорах Беломорья. Они находят семантическое соответствие только в вепском языке, ср. вепс. *jurutkad* ‘щавель’, дословно ‘корешки’, при *jur* ‘корень’ (СВЯ: 159–160). Причем в Беломорье отмечается также лексема **ко́рень** в этом же значении: — *Э́тот ко́рень, он то́жэ́ высо́кий, ли́стики э́то са́мое фсе́ оборве́шь и ф не́чке.* Терск. (Умба). В имеющихся карельских источниках фиксируется только значение ‘корень’, ср. ливв. *juwri* ‘корень (растения)’ (СКЯМ: 109).

Приведем еще некоторые примеры, мотивационные основы которых тождественны или сходны в русских говорах и вепском языке.

Медве́жья вошь ‘навозный жук, *Geotrupes stercorarius*, L.; *Geotrupes sylvaticus*, L.’ Петрозав. (Куликовский). Ср. вепс. *kondjantäi* ‘черный жук’ (дословно ‘медвежья вошь’) (СВЯ: 223).

Куку́шья вошь ‘клещ’: — *Кукушья вошь сидит, не слыхаешь, напивается кровью.* Каргоп. Арх., 1971 (СРНГ 16: 47). Ср. вепс. *kägointäi*, *kägentei*, *kägentäi* ‘клещ’ (буквально ‘кукушья вошь’) (СВЯ: 260).

Га́жья тра́ва ‘папоротник’ Кондоп. (Горка) (ПЛГО). **Га́жья тра́ва** ‘папоротник *Pteris aquilina* L.’ Лодейноп. «Настоем из нее моют рану от укушения змеи» (Куликовский). **Га́жья тра́ва** ‘растение *Orchis*, кукушкины слезки’ Вытегор., Пудож. (КСРНГ). **Га́жьи я́годы** ‘растение’ Медвежьегор. (Космозеро) (ПЛГО). Ср. вепс. *gadan luz'ik* ‘папоротник’ (где *gad* ‘змея’) (СВЯ: 84).

В ряде случаев наличие семантических соответствий в одних и тех же наименованиях на русской диалектной и прибалтийско-финской почве трудно однозначно трактовать как воздействие какого-л. одного языкового континуума, ср. например: вепс. *tuiktad* ‘щавель’, *tuiged* ‘кислый’ (СВЯ: 333) и русск. диал. **ки́слица**; вепс. *hebočaiñe* ‘ягода поленика’, при *hebo* ‘лошадь’ (СВЯ: 111) и русск. диал. **комани́ка**, **кума́ника** ‘княженика арктическая или поленика’, русск. устар. **комонь** ‘конь’; вепс. *kužjāñe* ‘муравей’, при *kuzi* ‘моча’ (СВЯ: 250), фин. *kusiainen* ‘муравей’ и русск. диал. **сикляки** ‘муравьи’, с той же мотивационной основой.

Семантическое освоение

Наряду с фактами прямого заимствования семантической модели из прибалтийско-финского континуума лексические единицы в ходе функционирования в говорах в ряде случаев трансформируют этимологически первичную семантику, которая получает развитие уже на русской почве [14].

Так, например, в карельско-вепсских диалектах понятие ‘омут, глубокое место в реке’ манифестируется следующими лексемами: кар. южн. *vonnga*, ливв. *vonngu* (ген. *-gan*) ‘излучина в реке, небольшая заводь, глубокое место, где река делает поворот; более широкое и глубокое место в реке; водоворот’ (SKES: 1808), вепс. *bong* ‘омут в реке, лесном ручье’, ‘широкое и глубокое место в реке’ (СВЯ: 47), люд. *vonng* ‘водоворот, глубокое, тихое место в реке’ (SKES: 1808). Причем вепсские данные послужили источником для русск. диал. **бо́нга** ‘омут’ Прионеж. (Ладва, Педасельга), Подпорож. (Пидьма, Шустручей, Юксовичи, Гоморовичи), Вытегор. (Мегра, Ошта, Ундозеро) (ПЛГО). В зонах вепсского влияния отмечаются также топонимы: **Бо́нга** ‘поселок’ Вашк. (Новец) (ПЛГО), **Бонга** ‘название омута’ (СГБРС: 7). Воздействие карельского типа представлено не имеет апеллятивных фиксаций в говорах, однако отмечается гидроним **Вонга** в Мезенском, Пинежском районах [15. С. 299], ойконимы **Во́нга** ‘поселок’ на берегу реки Шижня (приток р. Паша) в Волховском районе, **Во́нга** Пинеж. (Симина).

В деревне Валдокурье Пинежского района фиксируется **во́нга** в значении ‘о жидком, слабо заваренном чае’ Валдокурье (АОС 5: 79). Исходя из семантики апеллиатива ‘омут, водоворот’, можно было бы предположить, что в данном случае сдвиг значения связан именно с этими денотатами. Однако на территории Пинежья представлены только гидронимы и ойконимы, в основе которых лежат источники карельского типа: деревня **Вонга** находится в нескольких километрах от Валдокурья, кроме того фиксируется название протоки, которая соединяет два рукава реки Пинеги — **Во́нга**, которая находится напротив деревни Цимола. На наш взгляд, следует искать основания изменения семантики в связи с бытованием в этом регионе ономастических единиц. Вероятно, когда речь идет о слабо заваренном чае, в узусе говора Валдокурья, напрашивается связь с деревней **Вонга**, находящейся на противоположном берегу Пинеги на расстоянии чуть более пяти километров. Иллюстрация свидетельствует в пользу данной версии: *Во́нга ви́дна. Если жы́ткий чай — вон Во́нга ви́дна*. Валдокурье (АОС 5: 79). Таким образом, намечаются две линии семантического развития этих данных на русской почве:

1. Вепс. *bong* > **Бо́нга** ‘омут, самое глубокое место в омуте. Подпорож. (Вороницы, Косельга, Пидьма, Юксовичи), Прионеж. (Ладва, Педасельга), Вытегор. (Мегра, Ошта); > глубокая и широкая яма’ Подпорож. (Пидьма); > ‘выкопанная для каких-л. целей яма с водой’ Подпорож. (Чикозеро); > ‘топкое место на болоте’ Подпорож. (Заозерье); > ‘запруда в ручье’ Подпорож. (Косельга).

2. кар. *vonŋa* > **Вонга** (гидроним) > **Вонга** (ойконим) > **Во’нга ви’дна** ‘о слабо заваренном чае’.

Следует отметить, что на вепсской почве фиксируются единицы, обозначающие наименования омутов, ср. *Hebombong*, в которых часто отражаются какие-л. события, например, гибель лошади (вепс. *hebo*) [16. С. 33], однако на русской почве субстратная единица вепсского происхождения развивается как апеллятив. Причем как апеллятив кар. *vonk(k)* а практически отсутствует на собственно карельских территориях, при фиксации в названиях гидронимов [17. С. 44]: *Vonganlakši* ‘залив’, *Vongajarvi* ‘озеро’, *Vonganperä* ‘залив’, *Suurivongu* ‘омут’, *Vongaliete* ‘урочище’, *Vongu* ‘озеро’, *Isakanvongu*, *Kurgelanvongu*, *Pekinvongu* ‘омут’ [18. С. 101].

В большинстве случаев субстратная единица входит в лексическую систему говора, что ведет к ее полной функциональной включенности. Исходя из специфики денотата, на наших материалах чаще всего фиксируются метафорические переносы [19]. Например, мелкая рыба > ребенок, человек невысокого роста.

Ва’шкал¹ ‘мелкая рыба’ Кирил., Вашк. (Сидорово) (КСРГК); Вашк., Подпорож. (СРГК 1: 166). **Ва’шкалица** ‘маленькая девочка’ Белозер. (Чикиево) (СГРС).

Ря’пус ‘рыба ряпушка’ Пудож. (Водлозеро, Римское), Вытегор., Каргоп., Вашк., Кирил. (КСРГК). **Ря’пус** ‘человек маленького роста и с большим животом’ Олон., 1912 (СРНГ 35: 352).

Нередко в русских говорах фиксируется только результат переноса, а первичное значение отмечается только на почве языка этимона.

Фин. *kossi* ‘мелкий лосось’, ‘маленький мальчик’, ‘небольшой человек’ (SKES: 223) при русск. диал. **кося’к** ‘мальчик, мужчина очень маленького роста’ Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). В финский слово пришло из скандинавских языков, где фиксируются следующие данные: швед. *gosse* ‘мальчик’, норв. *gosse* ‘мужчина, высокий, крепкий мужчина’, ‘кабан’ (SKES 223).

Вепс. *käč*, *käčak* ‘пучок, клубок, моток, комок’ (СВЯ: 260) при руск. **кичу’га** ‘икра налима в виде клубка’ Медвежьегор. (Есино) (ПЛГО).

В ряде случаев характеристики птицы, зверя, манифестирующие в неисконных лексемах, в ходе функционирования уже на русской почве получают семантическое развитие, реализуясь в метафорических переносах [20].

Габу’к ‘ястреб’ Подпорож., Вытегор., Пудож. (ПЛГО). Слово восходит к вепским источникам, ср. вепс. *habuk* ‘ястреб’ (СВЯ: 101), а для северного Обонежья нельзя исключать и людиковские источники, ср. люд. *habuk* ‘ястреб’ [21. С. 88] при древнегерманском источнике прибалтийско-финского гнезда, ср. герм. **ha(b) uka-e*, при др.-норв. *haukr*, др.-швед. *höker* (SKES: 62).

¹ Об этимологии см. [6. С. 123].

Поскольку птица ястреб обладает яркими агрессивными поведенческими характеристиками, на русской почве они реализуются первоначально в виде сравнения: *Налетел, как габук*. Подпорож. (Корба) (ПЛГО). В дальнейшем происходит метафорический перенос на существ, обладающих этими качествами: **г’а’бук** ‘драчливый петух’ Вытегор. (Казаково), Подпорож. (Юковичи, Корба) (ПЛГО); **габу’к** ‘злая собака’ Прионеж. (Вороники) (ПЛГО); **габу’к** ‘жадный нахальный человек; забияка, драчун’ Подпорож. (Пидьма, Шеменичи), Кондоп. (Гангозеро), Прионеж. (Ладва), Пудож. (Гаукса). (ПЛГО).

Карельско-вепсские глагольные формы парадигмы спряжения

В ряде случаев в контактных зонах фиксируются данные, которые весьма частотны на прибалтийско-финской почве, что иногда ведет к проникновению в русские диалекты некоторых частотных в речи единиц глагольных парадигм. Например, глагол вепс. *tuntta* ‘знать, иметь сведения о ком-л., о чем-л.’ (СВЯ: 584), имеет основу — **tund-**: *Must kü, hahk kü, kirgan kü, vauged kü, vaskne kü, tundod kus kodi, koivus kodi, aidakočkus elo, pahust paha, mäno taha* (Черный змей, серый змей, пестрый змей, белый змей, медный змей, **знаешь**, где дом? На березе дом, в закоулке житье из худа в худо уходи в землю) (ОБР: 120–121). *D’er’iijn’, K’iino, Kaino. V’en’äks en tundo, Kaino, ka, v’en’äks en tundo kut nazyvešše* (Деревня Кайно, по-русски не знаю, Кайно, дак по-русски не знаю как называется (ПЛГО). Причем именно эта форма послужила основой для глагола **ту’ндать**, а семантика ‘знать’ на вепсской почве трансформируется в русских говорах в значение инфинитива ‘объяснять’: **Ту’ндать** ‘много и бестолково объяснять, говорить что-л. ‘: *Тундал тундал, ничего не поняла*. Черепов. (СРГК 6: 536).

Еще в одном случае уже карельский глагол послужил основой для сходной семантической трансформации. Кар. **malttua, maltaa, maltua** ‘понимать; разбираться; уметь’: *Mie mahan, mie maltan* ‘Я умею, я понимаю’. *Ken siel’ä malttanou, se i viržit’täy* ‘Кто там умеет, тот и причитывает’. *En malta lehmyä mahokši šanu, enga t’iijä i t’iinehekši* ‘Не умею сказать, как яловую корову, да и не знаю, как стельную’ (ССКГК: 337). В СРНГ представлен глагол **е’малтать** «не понимать» Арх., 1887 (СРНГ 6: 354). Причем русская диалектная фиксация восходит к прибалтийско-финской отрицательной формуле, ср. ливв. *maltta-* ‘мочь, уметь, понимать’, люд. *malttada* ‘то же’ (SKES: 332), вепс. *maltta* ‘уметь, мочь’ (СВЯ: 320), ср. вепс. *ei malta* ‘он не умеет’.

Заключение

Таким образом, в ходе освоения и функционирования единиц прибалтийско-финского происхождения в смежных севернорусских говорах наблюдаются следующие аспекты:

- а) уход от первичной формы слова с попыткой поиска мотивационной основы на исконной русской почве;
- б) выявляются собственно семантические кальки, представляющие собой лексические единицы, значение которых имеет прямое соответствие в прибалтийско-финском языке (или языках);
- в) наличие семантических соответствий в ряде случаев не дает возможности однозначно говорить о воздействии какого-л. одного языкового континуума;
- г) в контактных зонах фиксируются проникновение на русскую диалектную почву некоторых частотных в речи единиц глагольных парадигм;
- д) в ряде случаев можно наблюдать одновременно семантическое воздействие прибалтийско-финских языков и прямое заимствование: русск. диал. **ломо'тник** 'репник' при вепс. *lohkoi* 'репник', *lohkaita* 'отломить, расколоть' и лексема **ло'хкы** 'вареная или пареная репа' (ПЛГО).

Список литературы

1. *Матвеев А.К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 29–42.
2. *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб. : Наука, 2007. EDN: UBIQXV
3. *Герд А.С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 6 / отв. ред. А.С. Герд. СПб., 1995. С. 85–107. EDN: SXBRW
4. *Герд А.С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (Д, Е, Ж, 3) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 7 / отв. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 117–140. EDN: UYACSP
5. *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. EDN: RWJDZN
6. *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. EDN: СИКНВ
7. *Мызников С.А.* Трансформационные изменения формы диалектного слова и некоторые аспекты этимологических исследований // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества : тезисы докладов Междунар. конф. 19–21 октября 2009 г. М., 2009. С. 158–161.
8. *Мызников С.А.* Трансформация исконного и заимствованного слова в русских говорах // Рябининские чтения 2011 материалы VI науч. конф. и по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 495–498.
9. *Мызников С.А.* Трансформационные изменения диалектного слова в свете этимологических исследований // Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics. Studia etymologica Brunensia 15. Nakladatelství Lidové noviny, Praha, 2012. С. 51–61.
10. *Kálmán B.* Die Russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961.
11. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск, 2000. EDN: RUOAKN
12. Словарь иностранных слов / ред. И.В. Лепёхин, Ф.Н. Петров. М. : Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1949.
13. *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 60–74.

14. Мызников С.А. Калькирование как вид межъязыкового взаимодействия // Дialeктная лексика 2009. СПб. : Наука, 2009. С. 183–192. EDN: SWGXTL
15. Матвеев А.К. Топонимические этимологии I. (Географические термины, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамском языках, субстратной топонимике Русского Севера) // СФУ. 1969. V. 1. С. 299–304.
16. Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимики. СПб., 1994.
17. Кузьмин Д.В. Восточнофинские типы в топонимии Беломорской Карелии // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 20–89.
18. Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. EDN: UOVCLV
19. Полюэю Е.А. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте (по материалам севернорусских говоров): автореферат дисс. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008. EDN: ZNMRVB
20. Самарин А.В. Метафорический перенос образов животных в проекции на человека и объекты неживой природы в русском и английском языках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 397. EDN: PAAIMJ
21. Kalima J. Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

References

1. Matveyev, A.K. (1995). Appellative borrowings and stratification of substrate toponyms. *Voprosy yazykoznaniiya*, (2), 29–42. (In Russ.).
2. Myznikov, S.A. (2007). *Atlas of substrate and borrowed vocabulary of Russian dialects of the North—West*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.). EDN: UBIQXV
3. Gerd, A.S. (1995). Materials for the etymological dictionary of northern Russian dialects. In: *Northern Russian dialects. Interuniversity collection*, A.S. Gerd (Ed.) (Iss. 6, pp. 85–107). Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: SXBRRL
4. Gerd, A.S. (1999). Materials for the etymological dictionary of northern Russian dialects (D, E, Zh, Z). In: *Northern Russian dialects. Interuniversity collection*, A.S. Gerd (Ed.) (Iss. 7, pp. 117–140). Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: UYACSP
5. Myznikov, S.A. (2004). *Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the North-West: etymological and languageographical analysis*. Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: RWJDZN
6. Myznikov, S.A. (2019). *Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-History. (In Russ.). EDN: CIKNB
7. Myznikov, S.A. (2009). Transformational changes in the form of a dialect word and some aspects of etymological research. In: *Actual problems of Russian dialectology and research of the Old Believers. Abstracts of the International Conference, October 19–21, 2009* (pp. 158–161). Moscow. (In Russ.).
8. Myznikov, S.A. (2011). Transformation of native and borrowed words in Russian dialects. In: *Ryabinin readings 2011. Proceedings of the VI scientific conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North* (pp. 495–498). Petrozavodsk. (In Russ.).
9. Myznikov, S.A. (2012). Transformational changes in a dialect word in light of etymological research. In: *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics. Studia etymologica Brunensia 15. Nakladatelství Lidové noviny* (pp. 51–61). Praha. (In Russ.).
10. Kálmán, B. (1961). *Die Russischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest.
11. Anikin, A.E. (2000). *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages*. Moscow; Novosibirsk. (In Russ.). EDN: RUOAKN
12. Dictionary of foreign words (1949). I.V. Lepyokhin, F.N. Petrov (eds.). Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries. (In Russ.).
13. Shcherba, L.V. (1974). On the concept of mixing languages. In: *Language system and speech activity* (pp. 60–74). Leningrad. (In Russ.).

14. Myznikov, S.A. (2009). Calquing as a type of interlingual interaction. In: *Dialectal Lexicon 2009* (pp. 183–192). Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.). EDN: SWGXTL
15. Matveyev, A.K. (1969). Toponymic Etymologies I. (Geographical Terms with Correspondences in the Baltic-Finnic and Sami Languages, Substrate Toponymy of the Russian North). *SFU*, 1, 299–304. (In Russ.).
16. Mullonen, I.I. (1994). *Essays on Vepsian Toponymy*. Saint Petersburg. (In Russ.).
17. Kuzmin, D.V. (2007). East Finnish types in the toponymy of White Sea Karelia. In: *Finno-Ugric toponymy in the areal aspect: Proceedings of a scientific symposium* (pp. 20–89). Petrozavodsk. (In Russ.).
18. Mamontova, N.N., & Mullonen, I.I. (1991). *Baltic-Finnish geographical vocabulary of Karelia*. Petrozavodsk. (In Russ.). EDN: UOVCLV
19. Pyulzyu, E.A. (2008). *Metaphorical vocabulary in the structural-semantic aspect (based on materials from northern Russian dialects)* [PhD thesis]. Petrozavodsk. (In Russ.). EDN: ZNMRVB
20. Samarin, A.V. (2012). Metaphorical transfer of animal images in projection onto humans and inanimate objects in Russian and English. *Modern Problems of Science and Education*, 3, 397. (In Russ.). EDN: PAAIMJ
21. Kalima, J. (1915). *The Eastern Finnish Languages of Russia*. Helsinki (In Germ.).

Сокращения источников

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово́й. Вып. 1–24. М.: изд-во МГУ, 1980–2023.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в МСК им. Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в ИЛИ РАН).
- Куликовский — Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- ОВР — Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные С.А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28. Л.; СПб., 1967–2020.
- СВЯ — Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л. : Наука, 1972.
- СГБРС — Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. ТТ. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018.
- Сими́на — Картотека «Словаря пинежских говоров», собранная под руководством Г.Я. Симиной (хранится в ИЛИ РАН).
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск : Карелия, 1994.
- Срезневский — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. ТТ. 1–3.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2002.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.; СПб., 1965–2021.
- ССКГК — Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ILKS — Impilahden karjalan sanakirja. Toim. Punttila M // Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVII. Helsinki, 1998.
- KKS — Virtaranta P., Koponen R. (toim.) Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).
- SKES — Toivonen Y.H., Ikonen E., Joki A.J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). (1955–1981) Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981.
- VKMS — Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.

Сокращения языков и диалектов

англ. — английский язык	люд. — людиковский диалект карельского языка
вепс. — вепсский язык	нем. — немецкий язык
водск. — водский язык	нидер. — нидерландский язык
герм. — германские языки	норв. — норвежский язык
диал. — диалектное	русск. — русский язык
кар. — карельский язык	фин. — финский язык
ливв. — ливвиковский диалект карельского языка	швед. — шведский язык
	эст. — эстонский язык

Географические сокращения

Арх. — Архангельский уезд (р-н)

Беломор. — Беломорский р-н Карелии

Вашк. — Вашкинский р-н Вологодской обл.

Волх. — Волховский р-н Ленинградской обл.

Волог. — Вологодская область

Вытегор. — Вытегорский уезд Олонецкой губ.; р-н Вологодской обл.

Гдов. — Гдовский р-н Псковской обл.

Кандалакш. — Кандалакшский р-н Мурманской обл.

Каргоп. — Каргопольский уезд Олонецкой губ.; р-н Архангельской обл.

Кем. — Кемский р-н Карелии.

Кирил. — Кирилловский р-н Вологодской обл.

Кириш. — Киришский р-н Ленинградской обл.

Кондоп. — Кондопожский р-н Карелии

Лодейноп. — Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.; р-н Ленинградской обл.

Медвежьегор. — Медвежьегорский р-н Карелии

Олон. — Олонецкая губерния

Петрозав. — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии

Печор. — Печорский р-н Псковской обл.

Пинеж. — Пинежский р-н Архангельской обл.

Плесец. — Плесецкий р-н Архангельской обл.

Подпорож. — Подпорожский р-н Ленинградской обл.

Прионеж. — Прионежский р-н Карелии

Пудож. — Пудожский р-н Карелии

Сегеж. — Сегежский р-н Карелии

Терск. — Терский р-н Мурманской обл.

Черепов. — Череповецкий р-н Вологодской обл.

Сведения об авторе:

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт славяноведения РАН (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а); зав. отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9); зав. кафедрой уральских языков, фольклора и литературы филологического факультета, Российский государственный педагогический университет (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр-т Стачек, д. 30); член-корреспондент РАН; *сфера научных интересов*: диалектная лексикография и лингвогеография русского языка, уральские языки; *e-mail*: myznikovs@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2972-0656, SPIN-код: 4796-6667, AuthorID: 391136.

Information about the author:

Sergey A. Myznikov, Dr.Sc. (Philology), Chief Researcher of the Center for Areal Linguistics of the Institute, Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 119991); Head of the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov Pereulok, Saint Petersburg, Russian Federation, 199053); Head of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia (30, Stachek Prospekt, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186); Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; *Research interests*: Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Uralic Languages; *e-mail*: myznikovs@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2972-0656, SPIN-code: 4796-6667, AuthorID: 391136.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-687-698

EDN: DHJTZT

УДК 811.16'37:39

Научная статья / Research article

«Герой нашего времени»: отражение дискурсивного понятия *герой* в славянской лингвоэтнокультурологии

А.В. Савченко¹ , М.С. Хмелевский² , А. Пурич³

¹Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация

³Университет Париж IV Сорбонна, Париж, Франция
 savchenko75@mail.ru

Аннотация. В историко-культурологическом плане освещается процесс трансформации внутреннего лексического наполнения лексем, входящих в семантическую группу, объединенную общим концептуальным значением и понятийным представлением о *герое* в славянских языках: рус. *герой* и *богатырь*, а также их эквивалентных аналогах в других славянских языках. В силу своего философского, этнокультурологического, семантико-прагматического и функционально-стилистического потенциала их можно считать дискурсивными понятиями, заключающими в себе важные поведенческие, моральные, философские и прочие устои, формирующие общую концептосферу мировой культуры; такие понятия складываются веками вследствие национальных экстралингвистических особенностей каждого отдельно взятого этнического образования. На материале славянских языков демонстрируется этимологическое и семантическое развитие данных слов и их значений, кратко представлена их концептуальность в языке и культуре на общеевропейском фоне. Одновременно показано как общее, так и национально-специфическое в понимании и трактовке основных понятий, выражаемых этими лексемами.

Ключевые слова: славянские языки, фразеология, паремиология, лексикология, семантика, этимология, сравнительное славянское языкознание

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 18.02.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Савченко А.В., Хмелевский М.С., Пурич А. «Герой нашего времени»: отражение дискурсивного понятия *герой* в славянской лингвоэтнокультурологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 687–698. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-687-698>

© Савченко А.В., Хмелевский М.С., Пурич А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“A Hero of Our Time”: The Discourse Reflection of the “Герой”/ “Hero” Notion in Slavic Linguo-Ethnic Culture

Alexandr V. Savchenko¹ , Mikhail S. Khmelevsky² , Alexander Purić³

¹National Chengchi University, Taipei, Taiwan

²St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

³Paris-Sorbonne University, Paris IV, University, Paris, France

 savchenko75@mail.ru

Abstract. The authors examine the lexemes included in the semantic group united by a common conceptual meaning and conceptual idea of *герой* ‘hero’ in the Slavic languages. In historical and cultural terms, the process of transformation of the internal lexical content of such words as Russian *герой* and *богатырь*, as well as their equivalents in other Slavic languages, is highlighted. Due to their philosophical, ethnocultural, semantic-pragmatic and functional-stylistic potential, they can be considered discursive concepts that contain important behavioral, moral, philosophical and other foundations that form the general conceptual sphere of world culture; such concepts are formed over centuries due to the national extralinguistic features of each individual ethnic entity. Based on the material of Slavic languages, the etymological and semantic development of these words and their meanings is demonstrated, and their conceptuality in language and culture against a pan-European background is briefly presented. At the same time, both the general and national-specific aspects in understanding and interpreting the basic concepts expressed by these lexemes are shown.

Keywords: Slavic languages, phraseology, paremiology, lexicology, semantics, etymology, comparative Slavic linguistics

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 18.02.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Savchenko, A.V., Khmelevsky, M.S., & Purić, A. (2025). “A Hero of Our Time”: The Discourse Reflection of the “Герой”/ “Hero” Notion in Slavic Linguo-Ethnic Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 687–698. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-687-698>

Введение. Постановка проблемы

Не подлежит сомнению, что, помимо фиксации различных явлений окружающего мира, в языке существует особая категория слов, отображающих определенные концептуальные понятия, являющихся ключевыми в национальной культуре и в мировоззренческом сознании носителей отдельно взятого языкового кода. Это могут быть устоявшиеся архетипные понятия и лексемы дискурсивного характера, в которых заключены важные религиозно-философские, социальные, житейско-бытовые и иные устои народа в историческом и этнокультурологическом плане. Многие такие лексемы, ставшие концептуальными (*дискурсивными*) понятиями, часто представляют собой

интернационализмы, а их значения (понятийное содержание) во многом сходны в разных языках, хотя при этом и имеют свою национальную специфику, обусловленную экстралингвистическими факторами.

Одно из концептуальных и универсальных понятий в культурах разных народов связано с образом *героя*. Эта лексема, восходящая к древнегреческому слову *ἥρως* ‘богатырь, витязь; полубог, герой; славный муж, вождь, воин-тень’, вошла в большинство европейских языков: англ. *hero*, нем. *Heroe*, *Heros* (высокий, патетический стиль, а также как историзм, но обычно *Held*), фр. *héros*, итал. *eroe*, исп. *héroe* и т.д. — и одновременно стала выражать достаточно широкий спектр значений. В словарях русского языка фиксируется как минимум 4 разных значения слова *герой*; широко употребительны его производные: *геройский*, *героический*, *геройство*, *героизм*, *героика* и др. Данная лексема получила широкую мотивировочную основу из древнегреческого языка и философии, став продуктивным семантическим ядром для образования образно-метафорических номинаций, культурно-исторически маркированным концептуальным понятием с широким семантическим охватом. Концептуальность дискурсивного понятия *герой* в русском языке и культуре демонстрирует, прежде всего, ставшее прецедентным в языковом обиходе выражение — название произведения М.Ю. Лермонтова «*Герой нашего времени*», которое в современном разговорном языке обрело свою национально-специфическую ассоциативно-культурологическую значимость, наряду с древними фольклорными сюжетами из быliny «Три богатыря», которую, в свою очередь, можно считать основой другого важного концептуального русского образа — *богатырь*. В этой связи отметим любопытную и принципиально важную деталь: др.-греч. *ἥρως*, в зависимости от тех или иных условий (например, контекстуальных), «раздваивалось» в своем лексико-семантическом «номинации», в одном случае получая собственно значение ‘герой’, т.е. ‘человек, совершающий подвиги, мужественные поступки, готовый к самопожертвованию, необычный по своей храбрости, доблести, смелости’, а также и ‘тот, кто привлек к себе внимание (чаще о человеке, который вызывает восхищение, стремление подражать)’. В разных славянских ареалах оно выражало близкое понятие — *богатырь* (также образно мотивированное античными греческими представлениями о греческом *ἥρως*). В некоторых славянских языках в ходе исторического развития словарного состава закрепились как заимствования, так и «свои» слова, в частности, в сербском и хорватском наряду с греческой по происхождению лексемой *heroj* более частотным выступает семантический славянский аналог *јунак* или турцизм *делија*, в польском *герой* — *bohater* (наряду с его мифологическим обозначением — *heros*).

В данной статье анализируется семантика слов, выражающих значение ‘герой’, ‘богатырь’, а также рассматриваются их расхождения и отличия от истонного значения греческого корня, т.е. от языка-оригинала, что послужило

толчком для формирования и развития собственно своих славянских национальных понятий в рамках лексико-семантической группы «герой» уже с определенными национально-культурологическими трансформациями.

Материал и методология исследования

Теоретическую основу исследования составляют работы ведущих специалистов в области изучения (меж) славянской лексики, фразеологии и паремиологии. Практический материал извлекался нами из этимологических словарей отдельных славянских языков¹, а также толковых словарей украинского², польского³, хорватского⁴ языков. При анализе применялся сравнительно-сопоставительный метод, а также привлекались элементы контекстуально-стилистического и функционально-прагматического анализа с привлечением культурологического фона.

История вопроса

Вопросам сопоставительного изучения лексики славянских языков в славистике традиционно уделяется большое внимание. Не менее широко представлены в этом аспекте и исследования в области фразеологии и паремиологии, среди которых выделяются фундаментальные труды ведущего на сегодняшний день исследователя обширной и пестрой фразеологической картины Славии, профессора В.М. Мокиенко и представителей его научной школы. Вклад В.М. Мокиенко в развитие межславянской идиоматики в самом широком ее понимании можно считать ключевым не только в отечественной славистике: благодаря усилиям ученого в соавторстве с группой своих учеников и коллег были изданы фундаментальные словари русской фразеологии и паремиологии [1–4], совместно с чешским ученым А. Вурмом был создан чешско-русский фразеологический словарь [5]; идеи и многие принципы упомянутых словарей легли в основу фразеологических словарей национальных славянских языков (в частности, хорватского⁵ и хорватско-словенского⁶). Их структура и материалы неоднократно обсуждались на заседаниях Фразеологического семинара проф. В.М. Мокиенко и многочисленных конференциях, фразеологическую секцию которых вот уже много лет он возглавляет. Сегодня

¹ Трубочев О.Н. Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд. М. : Наука, 1979; Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha : ČSAV, 1957; Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha : Leda, 2001; Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb : JAZU, 1971–1974; Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : UW, 1957; Хлебев Б. Речник етимолошких парова. Београд : Просвета, 2010; Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana : DZS, 2016.

² Словник української мови. Київ : Наукова думка, 1970–1980.

³ Wielki słownik języka polskiego PWN. Warszawa : PWN, 2018.

⁴ Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb : Novi Liber, 1994.

⁵ Menac A., Fink Arsovski Ž., Venturin R. Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb, 2003.

⁶ Fink Arsovski Ž. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Zagreb : Knjigra, 2006.

сопоставительное изучение межславянских лексических связей на различных уровнях и в разных аспектах продолжают исследователи, среди которых внушительное число специалистов, подготовленных В.М. Мокиенко, или опирающихся на выработанные им за многие годы активной и плодотворной, по истине *героической* работы принципы и основы научно-исследовательской деятельности в области славистики.

Значимость и актуальность изучения дискурсивных понятий для славистики

Сопоставительное изучение не только межславянских лексических параллелей, но и сравнительный анализ концептуального наполнения ключевых в национальных менталитетах лексем и выражаемых ими дискурсивных понятий представляется весьма важным в лингвокультурологическом плане, оно помогает «вскрывать» суть интернационального и национально-специфического в близкородственных славянских культурах, демонстрируя сходства и различия в миропонимании и мировосприятии отдельных славянских народов.

1. Греческий античный герой. Греческое слово *ἥρως* мотивируется именем древнегреческой богини, жены Зевса — Геры (*Ἥρα*). Автор этимологического словаря греческого языка Р. Бекес считает более вероятным догреческое, а не индоевропейское происхождение названия богини, как и самого слова *ἥρως*⁷. Данную теорию, ссылаясь на греческого грамматика Сервия, также поддерживает исследовательница античной литературы Д. Дилите: «Ее имя, наверное, не индоевропейское. Грамматик Сервий (IV в. н. э.) писал, что слово *Гера* означает ‘земля’, а производное *герои* — это буквально ‘дети земли’ (Serv. Verg. Buc. IV 35)»⁸. Древнегреческо-русский словарь приводит такие значения: 1) Название богатырей и витязей древних времен; 2) Название полубогов, т. е. людей, происходящих от бога и после смерти причисленных к богам⁹. Анализируя собранный по славянским языкам материал, выделим следующие исконные и общие семантические характеристики понятия *герой*: это, прежде всего, 1) ‘доблестный человек, превосходящий обычные человеческие качества благодаря своей смелости, мужественности, приводящей в результате к воинственной славе’, а также 2) ‘самый выдающийся участник события, отличившейся и привлекий к себе внимание, воин’; 3) ‘тот, кто несет в себе характерные черты своего времени и своей среды’; ‘главный герой художественного произведения (романа, рассказа, театральной пьесы)’.

⁷ Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Boston, 2010. P. 316.

⁸ Дилите Д. Античная литература. Олимпийские боги. Режим доступа: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/dilite/olimpijskie-bogi.htm> (дата обращения: 05.12.2024).

⁹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. М., 2006. С. 592.

4) ‘лицо, являющееся для кого-л. предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания’.

2. Аналоги героя в индоевропейском контексте. О вопросе этимологии. Установив основные черты исконного понятия греческого *ἥρως*, нельзя не упомянуть восточнославянских *богатырей*, основных персонажей былинных эпосов. У них есть одна существенная общая и объединяющая с греческими *героями* черта — это воинская сущность, мужественная нравственность, сверхчеловеческая одаренность, доблесть и нередко — борьба с «неземными» чудовищами. Здесь можно вспомнить, пожалуй, наиболее известного персонажа восточнославянского фольклора — Илью Муромца, канонизированного, причисленного к лику святых и почитаемого как Илия Печерский [6. С. 82]. Упомянем и о древних обычаях почитания святых в христианстве, связанных с памятью о людях, совершивших подвиг, прежде всего духовный; можно вспомнить, например, почитаемых православной церковью святых — Георгия Победоносца, пророка Илью, Александра Невского и др. *героев* в православной ветви христианства (о чем свидетельствует факт их канонизации).

Этимология слова *богатырь* неоднозначна. Общепринятая гипотеза — его тюркское происхождение, что подтверждается данными Этимологического словаря М. Фасмера: **bayatur* ‘смелый, военачальник’¹⁰. Сведения о вероятности его индоевропейского происхождения обнаруживаем у А.Г. Преображенского, автора этимологического словаря русского языка¹¹, данные об этом приводит в своем этимологическом словаре П.Я. Черных¹². И.И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» находит употребления слова *богатырь*, восходящие еще к XII веку. Это слово в древнерусских памятниках употребляется для описания воинов (например, «К Демьяну богатырю Куденевичу»: «убиши же (половцы) тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича», «Янъ Ушмосвецъ убивый Печенежского богатыря»: «поиде противу Татарского богатыря»)¹³.

3. Герой в эпоху Возрождения и сегодня. Лексема и понятие ‘*богатырь*’, равно как и ‘*герой*’ существовали еще во времена средневековья параллельно с греческим аналогом, однако в русском лексиконе они выполняют особую функцию, став узуально и концептуально важными и наиболее частотным в образном фольклорном, символическом и культурологическом плане. Подчеркнем, что в данном случае образ *героя*, *богатыря* преобразовался из полубога в главного персонажа многих произведений древнерусской литературы, пройдя длительный процесс культурологического осмысления

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. С. 183.

¹¹ Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1949. С. 33.

¹² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1999. С. 99.

¹³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка. Т. 1, А–К. СПб., 1893. С. 127.

и семантических трансформаций, который можно проанализировать с этимологической точки зрения в сопоставлении с другими современными европейскими языками. Так, например, с французским, где только с XVII в. слово *héros* приобретает семантическое наполнение, известное нам сегодня как ‘тот, кто привлек к себе внимание, кто вызывает восхищение, удивление, желание подражать’, или просто ‘главное действующее лицо в произведениях искусства’. Отдельно скажем, что лермонтовский «Герой нашего времени» стал *героем*, по сути, не совершив ни одного героического поступка, а скорее наоборот, т.е. в данном случае возникает еще одно значение — ‘человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды; яркий представитель эпохи’. Можно сказать, что данная «семантическая эволюция» значения слова произошла в процессе формирования современной культурной среды: усвоение и адаптация античных ценностей (возможно под влиянием более раннего итальянского *Rinascimento*), затем трансформация этой системы ценностей в эпоху Возрождения. В русском языке слово *герой* претерпело примерно аналогичные процессы, скорее всего по образцу французского, откуда, вероятно, и пришло в русский язык, окончательно закрепившись во время «Золотого века» (XIX в.). Примечательно также и то, что *богатырем* в русском разговорном языке нередко называют как маленького, но дородного ребенка, в т.ч. и новорожденного (ср. сербск. *јунак*, см. далее), так и взрослого мужчину крепкого телосложения.

4. Сравнение в рамках общеславянского лексикона. В русской культуре понятие ‘герой’ фразеологизировалось, а благодаря названию романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» стало прецедентным, прочно закрепившись в языке в качестве крылатой фразы, фактически вытеснив на периферию словоупотребления слово *богатырь*, отсылающее нас к древней Руси (об особенностях функционирования лексемы *богатырь* в русском языке см. [7]). Тем не менее, и эта лексема остается «культурно маркированной» так же благодаря еще одной крылатой фразе из лермонтовского стихотворения «Бородино»: «Богатыри — не вы!», а также пушкинским «33 богатырям» из «Сказки о царе Салтане».

Понятие ‘герой’ в русском языке и историко-культурном контексте переживает особый путь семантического развития, не имеющий аналогов в европейской мировоззренческой культуре, что в том числе проявилось в XX в., в советский период, когда на государственном уровне награждали *героев Советского Союза*, т.е. храбрых воинов, совершивших *геройский поступок* (совр. *Герой России*), а также особо отличившихся в труде — почетное звание и награда *Герой социалистического труда*, что можно назвать деривативным образованием с расширенным идеологизированным значением, поскольку данное звание зачастую получали те, кого в античности едва ли называли *героями* (подробнее см. [8. С. 115; 9]). Отметим, что в советскую эпоху звание *героя* получили 12 советских городов, включая Брестскую крепость-герой.

Идеологемой стал советизм *мать-героиня*, т.е. многодетная мать; в современном русском языке употребляющийся еще и в ироничном или метафорическом значениях; любопытен и жаргонный шутивно-ернический «мужской» вариант *отец-героин* (с обыгрыванием названия наркотического вещества).

Отличительной особенностью русского и украинского языков можно считать использование слова *герой* в саркастическом, «депатетизированном» контексте, что особенно свойственно разговорной речи, произносимого с особой ернической интонацией. Нередко такое словоупотребление, ставшее оксюмороном (пока не фиксируемое словарями) нередко адресуется детям, совершившим какой-либо не слишком серьезный проступок, в качестве «шутивно-ироничного упрека»: «Ну, что, герой! Опять «двойку» получил?!», а также по отношению к взрослому — мужчине: «Ну, ты герой! Неужели не помнишь, как вчера добрался домой с корпоратива?!», «Ты не герой моего романа!» и т.п. коммуникативные ситуации. Можно вспомнить и шутивную детскую присказку: «Кто со мной, — тот *герой*!» и «крылатую» цитату из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?», используемую в ироничном контексте при описании излишней эмоциональности [9].

В польском языке, несмотря на то, что «греческо-европейская» лексема *heros* в функционально-стилистически ограниченных контекстуальных ситуациях используется и сейчас, предпочтение отдается стилистически нейтральному *bohater*. Таким образом, русскому и украинскому *герой* в польском как правило соответствует этот аналог, в т.ч. и в значении *литературный герой* — польск. *bohater literacki*. Отметим, что польское слово *bohater* заимствовано из русского¹⁴, и с прагматической точки зрения используется намного шире, чем в языке-оригинале, т.е. в русском и украинском.

В чешском и словацком языках в рассматриваемом значении употребляется слово *hrdina*, мотивированное прилагательным *hrdý* — рус. ‘гордый’ (наравне с более редким заимствованным из восточнославянских языков *bohátýr*, относящимся к высокому стилю), тогда как в прошлом использовалось слово *rek* от древневерхненемецкого *reccho* ‘авантюрист’. В болгарском в основном употребляется слово *герой*, в македонском *херој*, при этом частотно встречается и общая для всех южных славян лексема: болг. *юнак*, макед. *јунак*, образованная от корня **junъ*, т.е. ‘юный’ (ср. русск. в том же значении *мóлодец*). Однако в сербском, хорватском и словенском языках слово *јунак* (*junak*) фактически утратило исконные семантические коннотации, ассоциативно отсылающие к понятию молодости, и стало полным синонимичным и функциональным аналогом русскому *герой*. Некоторые носители сербского и хорватского языков отмечают, что *херој* звучит несколько патетично, возвышенно, отчасти архаично в отличие от более нейтрального *јунак* / *junak*.

¹⁴ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : UW, 1957.

Как и в русском *герой*, эта лексема часто употребляется в разговорном языке в качестве оксюморона: *шта ми радиш, ти, јуначе један?!; Убићу те, где си лутао целу ноћ, јуначе један?!*

В более широком аспекте в русском и сербском языках можно говорить о концептосфере ‘геройство, героизм’. Аналогичный сербский концепт ‘јунаштво’ тесно связан с понятием, закрепленным в черногорском девизе «чојство и јунаштво», причем перевод первого слова довольно сложен в подборе полного эквивалента. Несмотря на то, что оно восходит к общеславянскому *человек* (серб. *човек*), однако оно далеко не тождественно русскому слову *человечность, гуманность* ‘склонность к доброте, снисхождению’. В сербском менталитете концепт *чојство* — это, прежде всего, совокупность ассоциативных представлений о мужском нраве и силе [10. С. 114]. Данные понятия, связанные с *героем-мóлодцем* и *человечностью* сквозь призму мужественности, подчеркивают выраженную сербскую мировоззренческую и исторически сформировавшуюся маскулинность и патриархальность исконного славяно-балканского устройства общества [11. С. 50].

Существует еще одно сербское слово со значением ‘герой’, — турцизм *делија*. *Дели* называли кавалерийские подразделения Османской армии, в которых воевали в основном выходцы с Балкан. Их форма контрастно отличалась от прочих видов военной формы: головные уборы, декорированные орлиными перьями, одежда из медвежьей, львиной или тигровой шкуры. Цель такой «вызывающей эксцентричности» — уже только своим видом наводить страх на противника. Турецкое *deli* переводится как ‘сумасшедший, храбрый’, что отражает суть этих воинов. Давно отмечено, что сербский народ славится именно своей бескомпромиссным упорством даже в заранее проигранной битве против османов за гордое сохранение своей идентичности [12. С. 25]. Так, в сербском сознании могут сосуществовать образец партизана-разбойника и одновременно понятие ‘герой’ — и все в одном слове *делија*, означающее османского воина, который наравне с другими воинами были исламизированы и участвовали в войнах [13. С. 435]. Согласно многим историко-этнографическим описаниям, сербы прежде всего героизируют и почитают мужскую бесстрашную и порой грозную силу.

Заключение

Понятия *герой, богатырь* в славянских языках и культуре являются одним из ключевых для понимания менталитета, особенностей мировоззрения и мировосприятия, поведенческих особенностей и иерархичности в системе общечеловеческих ценностей. Являясь преимущественно патетической, яркой образной метафорико-символической номинацией, рассмотренные лексеммы во всех славянских языках являются важным культурным (и историческим) маркером определенной категории людей и их выдающихся заслуг, преимущественно в деле борьбы (например, за независимость, национальное

возрождение и т.п.), принимавших участие в различных боевых действиях, войнах и отличившихся в них смелостью, отвагой, иными неординарными поступками, заслуживающими место в памяти народа. В южнославянских языках, особенно в сербском и хорватском, понятие *герой* (*heroj, junak*) считается одной из важнейших черт, которой должен обладать каждый считающий себя мужчиной. В польском языке в лексеме *bohater*, по сути, слились два образа: *герой* и *богатырь*, тогда как в других языках, в частности, в русском, украинском и западнославянских — чешском и словацком, разница в значении этих двух лексем может быть обобщенно обозначена так: *герой* — смелый, мужественный, бесстрашный человек, готовый на подвиг; *богатырь* — физически сильный, выносливый, крупный по телосложению (а также привлекательный) мужчина. То есть в первом случае на первый план выходят скорее морально-волевые качества, на втором остаются внешние, физические характеристики.

Рассматриваемые лексемы нуждаются в более глубоком этимологическом, семантическом, стилистическом и функционально-прагматическом анализе как в отдельных славянских языках, так и в сопоставительном плане на более широком общеславянском материале, включая не только чисто лексический, но и фразео-паремиологический уровень языка.

Список литературы

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М. : АСТ, 2007.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. EDN: XDHZUV
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
5. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2002.
6. Кузнецова И.В. Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях. Чебоксары : ЧГПУ, 2017. EDN: SUTPWE
7. Колмогорова А.В. Персонаж славянского героического эпоса «богатырь» как продуктивная идеологема русского патриотического дискурса XIX–XX вв. // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 2(37). С. 98–119. EDN: ZYLABF
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-пресс, 1998.
9. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск : МаГУ, 2008.
10. Якушкина Е.И. Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география. Гл. II // Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении. М., 2021. EDN: OTETXW
11. Хмелевский М.С. Кузнецова И.В., Савченко А.В. К вопросу о некоторых непереводаемых культурологических ценностях в сербском этническом сознании // Этнокультурные феномены в образовательном процессе. Чебоксары : Изд-во ЧГПУ, 2024. С. 45–53. EDN: CJUKOM
12. Gezeman G. A Montenegrin Man. Podgorica, 2003.

13. Хмелевский М.С., Кузнецова И.В. Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии // *Slavia Centralis*. 2021. № 1. С. 37–47.

References

1. Birikh, A.K., Mokienko, V.M., & Stepanova, L.I. (2007). *Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary*. Moscow: AST. (In Russ.).
2. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2007). *Large Dictionary of Russian Sayings*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
3. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2008). *Large Dictionary of RUSSIAN Folk Comparisons*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.). EDN: XDHZUV
4. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G., & Nikolaeva, E.K. (2010). *Large Dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
5. Mokienko, V., & Wurm, A. (2002). *Czech-Russian Phraseological Dictionary*. Olomouc: Palacký University, Olomouc. (In Czech/Russ.).
6. Kuznetsova, I.V. (2017). *Characters of the Bible in Slavic stable comparisons*. Cheboksary: ChSPU publ. (In Russ.). EDN: SUTPWE
7. Kolmogorova, A.V. (2019). Bylina's Hero Bogatyr' as a Productive Ideological Concept of Russian Patriotic Discourse of 19th–20th Centuries. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 2(37), 98–119. (In Russ.). EDN: ZYLABF
8. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (1998). *Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepi*. Saint Petersburg: Folio-press. (In Russ.).
9. Berkov, V.P., Mokienko, V.M., & Shulezhkova, S.G. (2008). *Large dictionary of catchphrases and expressions of the Russian language*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University publ. (In Russ.).
10. Yakushkina, E.I. (2021). Serbo-Croatian Vocabulary in the Common Slavic Context: semantics and geography. Ch. II. In: *Serbo-Croatian Vocabulary in Ethnolinguistic Light*. Moscow. (In Russ.). EDN: OTETXW
11. Khmelevsky, M.S., Kuznetsova, I.V., & Savchenko, A.V. (2024). About some untranslatable culturological values in the Serbian ethnic mentality (compared to Russian). In: *Ethnocultural phenomena in the educational process*. Cheboksary: Chuvash state ped. university publ. (In Russ.). EDN: CJUKOM
12. Gezeman, G.A. (2003). *Montenegrin Man*. Podgorica.
13. Khmelevsky, M.S., & Kuznetsova, I.V. (2021). Lexemes of Oriental Origin in Phraseological Units Naming a Person in the Language of the Muslim Slavs of Bosnia. *Slavia Centralis*, 1, 37–47. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славянских языков и литератур, Государственный университет Чжэнчжи (116, Тайвань, г. Тайбэй, Вэньшань, ул. Чжинань, д. 64, уч. 2); сфера научных интересов: славистика, русистика, балканистика, лексикология, фразеология и синтаксис славянских языков, компаративистика; e-mail: savchenko75@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4337-9925. SPIN-код: 9254-0618, Author ID: 900378.

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (14199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); сфера научных интересов: славистика, балканистика, сравнительно-сопоставительное языкознание, лексикология, фразеология; e-mail: chmelevskij@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1980-5453. SPIN-код: 7273-1065, Author ID: 816483.

Пурич Александр, магистр, ассистент, факультет славянских языков и цивилизаций, Университет IV Париж Сорбонна (7005, Франция, Париж, ул. Виктора Кузена, д. 1); *сфера научных интересов*: славистика, сербистика, русистика, общее языкознание; *e-mail*: alexandrpuric@gmail.com
ORCID: 0009-0002-1347-7695.

Information about the authors:

Alexandr V. Sachenko, PhD in Philology, Assistant Professor, the Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University (64, Sec. 2, Zhinan Rd., 116, Wenshan, Taipei, Taiwan); *Research interests*: Slavic studies, Russian studies, Balkan studies, lexicology, phraseology and syntax of Slavic languages, comparative studies; *e-mail*: savchenko75@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4337-9925. SPIN-code: 9254-0618, Author ID: 900378.

Mikhail S. Khmelevsky, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Slavic languages, Philological Faculty, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Slavic studies, Balkan studies, comparative linguistics, lexicology, phraseology; *e-mail*: khmelevskij@mail.ru
ORCID: : 0000-0002-1980-5453. SPIN-code: 7273-1065, Author ID: 816483

Purić Alexandre, MA in Philology, Assistant, the Department UFR of Slavic studies, Paris-Sorbonne University, Paris IV (1, Rue Victore Cousin, Paris, France, 7005), *Research interests*: Slavic studies, Serbian language, Russian language, General Linguistics studies; *e-mail*: alexandrpuric@gmail.com
ORCID: 0009-0002-1347-7695.

ГЕРМЕНЕВТИКА НАУКИ: СИСТЕМОЛОГИЯ Г.П. МЕЛЬНИКОВА

Статьи подготовлены на основе докладов методологического семинара

HERMENEUTICS OF SCIENCE:

PROF. G.P. MELNIKOV'S THEORY OF SYSTEMOLOGY

Articles based on reports of methodological seminar

Осмыслить теоретический и методологический вклад профессора Геннадия Прокопьевича Мельникова в мировую науку — такова сверхзадача этой рубрики, представленной работами трех исследователей.

В отечественной лингвистике, наиболее чутко воспринявшей идеи В. фон Гумбольдта с сравнении с остальным научным миром, с XIX в. сложилось разделение содержания знаков на уровень смыслов и уровень значений, чуждое, начиная с Ф. де Соссюра, современному западному языкознанию. История развития этой идеи А.А. Потебней, И.А. Бодуэном де Куртенэ и, наконец, Г.П. Мельниковым, создавшем на ее основе учение о причинах типологического различия языков, раскрывается в статье Н.В. Крашевской. Объяснительный потенциал различения смысла и значения Н.В. Крашевская рассматривает и на общетипологическом уровне, и на отдельных грамматических и лексических явлениях русского языка.

Исследование О.И. Валентиновой представляет собой практическое доказательство универсальности общей теории систем Г.П. Мельникова. Проецируя содержательное соотношение понятий системологии на новый для нее [системологии] объект исследования — тексты, автор доказывает истинность в этой области познания вводимого Г.П. Мельниковым материального понимания связи между объектами, конкретизации представления о связности целого через понятие внутренних замкнутых потоков, применения теории множеств в определении функции, принципа мерности и ряда других концептуально значимых положений теории Г.П. Мельникова. Автор исследования показывает, что положения системологии, с одной стороны, выступают логическим обоснованием применения того или иного метода на каждом этапе исследования текста, а с другой — представляют собой обоснованную процедуру верификации степени научности/ненаучности полученных результатов.

Н.А. Бубнова раскрывает физиологическое содержание явления доминанты на фоне личной и научной судьбы ее открывателя — А.А. Ухтомского, очерчивает рефлексы этого явления в гуманитарных науках, заостряет внимание на взаимодействии мнемотических явлений, выявленных Н.А. Рубакиным, и деятельности доминанты, содержательно предуготовляя еще предстоящее обсуждение уточненного Г.П. Мельниковым закона Гумбольдта — Потебни — Рубакина. Именно Г.П. Мельников доказал, что способность знаков языка — при посредничестве элементов внутренней формы языка — стимулировать мыслительную деятельность слушающего для восприятия мысли автора высказывания обеспечивает универсальность языка как знаковой системы.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-700-716

EDN: DEQSDA

УДК 811.161.1-11

Научная статья / Research article

Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов

О.И. Валентинова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ valentinova-ov@rudn.ru

Аннотация. Системный подход в исследовании текстов сложился независимо от достижений системной лингвистики и теории больших систем. Насколько эффективной и в каком отношении может быть системология, если ее экстраполировать на изучение текстов? Не столкнемся ли мы снова с бичом современной гуманитарной науки, находящейся в глубоком кризисе, — механическим переименованием общеизвестных понятий и положений, подменяющим собой познание? В свете этих проблем в статье рассматривается перспективность применения разработанной Г.П. Мельниковым общей теории систем в изучении текстов. Исследование показало, что понимание Г.П. Мельниковым системы, опирающееся на исходные понятия качественных и граничных свойств объекта, развивающееся содержание которых постоянно уточняется в ходе рефлексивной методики рассуждения, свойственной научному творчеству ученого, имеет высокую методологическую ценность в изучении текстов. Материальное понимание связи между объектами как процесса обмена элементами более глубоких уровней и как причины свойств объектов, диалектический характер соотношения связи и свойства, конкретизация представления о связности целого объекта через понятие внутренних замкнутых потоков, применение теории множеств в определении функции того или иного элемента, материальность условий, приводящих к изменению свойств объекта, — эти и вытекающие из них другие положения теории Г.П. Мельникова получили безусловное подтверждение своей справедливости в исследовании текстов. Одновременно эти положения выступили логическим обоснованием применения того или иного метода на каждом этапе исследования текста, подтвердив именно методологическую ценность общей теории систем. Универсальность теории предполагает ее относительную гибкость. Было установлено, что в текстах глубокой степени адаптации, представляющих собой совершенные системы, такие универсальные свойства связи, как интенсивность, закон изменения интенсивности, направленность, скорость, место перехода обмениваемых компонентов, требуют дополнительной интерпретации, а установление функции как результата отображения одного множества на другое осложнено необходимостью предварительно установить, какие именно элементы ставятся ему в соответствие. В конечном счете разработанная Г.П. Мельниковым система понятий позволяет измерить степень системности текста, опираясь на его установленную меру, а значит, и степень его совершенности.

© Валентинова О.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: свойства, отношения, связь, функция, структура, переход количества в качество

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Валентинова О.И. Перспективы экстраполяции системологии Г.П. Мельникова на исследование текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 700–716. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-700-716>

Prospects for Extrapolation of G.P. Melnikov's Systemology Theory to Texts Studies

Olga I. Valentinova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ valentinova-ov@rudn.ru

Abstract. The systems approach to text research has developed independently of the achievements of systems linguistics and the theory of large systems. How effective and in what respect can systemology be if it is extrapolated to the study of texts? Will we again encounter the scourge of modern humanitarian science, which is in deep crisis, — the mechanical renaming of well-known concepts and provisions, replacing knowledge? In light of these problems, the article considers the prospects of applying the general theory of systems developed by G.P. Melnikov in the study of texts. The study showed that G.P. Melnikov's understanding of the system, based on the initial concepts of qualitative and boundary properties of the object, the developing content of which is constantly clarified in the course of the reflexive method of reasoning, characteristic of the scientific creativity of the scientist, has high methodological value in the study of texts. The material understanding of the connection between objects as a process of exchanging elements of deeper levels and as the cause of the properties of objects, the dialectical nature of the relationship between connection and property, the specification of the idea of the connectivity of a whole object through the concept of internal closed flows, the application of set theory in determining the function of a particular element, the materiality of the conditions leading to a change in the properties of an object — these and the provisions of G.P. Melnikov's theory that follow from them have received unconditional confirmation of their validity in the study of texts. At the same time, these provisions acted as a logical justification for the use of a particular method at each stage of text research, confirming precisely the methodological value of the general theory of systems. The universality of the theory presupposes its relative flexibility. It was established that in texts of a deep degree of adaptation, which are perfect systems, such universal properties of connection as intensity, the law of change in intensity, direction, speed, place of transition of the exchanged components, require additional interpretation, and the establishment of a function as a result of mapping one set onto another is complicated by the need to preliminarily establish which elements are put in correspondence with it. Ultimately, the theory developed by G.P. Melnikov's system of concepts allows us to measure the degree of systematicity of a text based on its measure, and therefore, the degree of its perfection.

Keywords: properties, relations, connection, function, structure, transition from quantity to quality

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Valentinova, O.I. (2025). Prospects for Extrapolation of G.P. Melnikov's Systemology Theory to Texts Studies. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 700–716. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-700-716>

Введение

Геннадий Прокопьевич Мельников считал своим основным трудом «Системологию и языковые аспекты кибернетики»¹ — книгу, вышедшую в 1978 г. на русском языке. Это единственное масштабное сочинение ученого, изданное в английском переводе в Европе². Именно эта работа давала универсальный инструмент познания, ключ к исследованию любого объекта действительности, доказывая, что все, что было, есть или возможно, — это система. Разной степени системности, но система, поскольку *нечто*, что бы оно ни было, *всегда имеет интервал меры*.

Понимая теорию систем как «прикладную диалектику», Геннадий Прокопьевич применил ее мощнейший объяснительный потенциал в системной типологии языков — разработанной им отрасли системной лингвистики, в которой ему удалось синтезировать морфологическую классификацию языков со стадияльной, раскрывая одноуровневую, межуровневую и сквозную зависимость языковых элементов, свойств и явлений и выявляя причины колебаний и изменений языка, опираясь на разработанные им понятия внешней и внутренней детерминанты³.

Столь характерные для устных выступлений Г.П. Мельникова примеры из естественных наук, строительного мастерства, инженерного дела, живописного искусства, истории письма и иных самых разнообразных сфер бытия, подтверждающие его послы и выводы, в изданных работах — немногочисленны. Они с трудом и лишь отчасти восстанавливаются при расшифровке немногих сохранившихся в аудиозаписи выступлениях Г.П. Мельникова и по воспоминаниям его коллег и учеников [1; 2]. Общеметодологическое наследие Г.П. Мельникова, и на сегодняшний день не воспринятое наукой как таковой, остается достоянием небольшого круга лингвистов и филологов. Сложность усвоения и тем более применения системологических понятий в объяснении действительности определяется диалектическим характером их соотношения; жесткой взаимосвязанностью и свойственной ученому рефлексивной методикой, позволяющей на каждом новом этапе рассуждения через выводимые понятия уточнять исходные, возвращаясь к ним снова и снова.

¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Радио, 1978.

² Melnikov G.P. Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics / Translated by J.A. Cooper. Amsterdam : Gordon and Breach, 1988.

³ Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М. : Наука, 2003. EDN: QQMRET

Но вот что нас занимает: насколько теоретическая абстракция, изложенная Г.П. Мельниковым в его общей теории систем, может стимулировать и совершенствовать исследования в филологии — науке, хотя и связанной с языкознанием, но имеющей свой объект исследования — тексты, изучением которых ни сам Геннадий Прокопьевич, ни его ученики никогда не занимались? Интерес подогревается еще и тем обстоятельством, что системные исследования текстов имеют во многом независимую от системных исследований языка историю становления, опирающуюся на достижения философии искусства (эстетики)⁴, открытую В.В. Виноградовым категорию образа автора⁵, идеи доминантного изучения текста — плодотворную рефлексия гуманитарной мысли на открытия А.А. Ухтомского в области физиологии⁶.

Материалистическое понимание связи в тексте: связь как процесс обмена

Материалистические воззрения Г.П. Мельникова — результат осмысления как материи не только целостной системы, но и ее свойств, ее связей, схем взаимодействия с другими системами и между ее элементами.

В исследовании таких внетелесных объектов, как тексты, предлагаемый Г.П. Мельниковым подход дает и понимание субстанциональной сущности доказательной базы, и направление ее формирования.

Умозрительность, часто субъективная, представления о связях вымещается «предметностью» их интерпретации, поскольку связь в теории Г.П. Мельникова материализуются в связующих компонентах, которые располагаются между объектами или между частями объекта. Причем, определенным образом.

Текст относительного небольшого объема, как, скажем, повесть Ф.М. Достоевского «Двойник»⁷, позволяет исчерпывающе вывести связующие компоненты, обеспечивающие смысловую связь между двумя основными героями — господином Голядкиным и двойником как основными элементами образной системы.

Образы Голядкина и двойника оказываются на пересечении смысловых потоков, исходящих от одной и той же комбинации субъектов: Голядкин, двойник, рассказчик и другие герои (Клара Олсуфьевна и Вахромеев) говорят и о Голядкине, и о двойнике.

⁴ Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I. Теория / пер. с ит. В. Яковенко. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920.; Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Г.Г. Шпет Сочинения. М. : Правда, 1989. С. 345—474.

⁵ Виноградов В.В. К построению теории поэтического языка // Поэтика. Временник Отдела словесных искусств. III. Л. : Academia, 1927. С. 4—44.

⁶ Ухтомский А.А. Доминанта. М. —Л. : Наука. 1966.

⁷ Достоевский Ф.М. Двойник: Петербургская поэма // Полн. собр. соч.: в 30т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. С. 109—229.

Смыслы (компоненты), направленные от определенного субъекта высказывания к определенному объекту высказывания, образуют поток. Всего таких потоков будет 8. Каждый из 8 потоков связан, то есть имеет связующие компоненты, расположенные в определенном порядке, с остальными семью потоками. Смыслы — внутри каждого из потока и принадлежащие разным потокам — начинают взаимодействовать друг с другом, вступая в разные типы семантических оппозиций. При актуализации той или иной оппозиции происходит либо идентификация Голядкина и двойника, либо их дифференциация, то есть происходит формирование нового типа связей — объектно-объектных, а не субъектно-объектных, которые возникают в процессе называния.

Эти потоки имеют разную степень интенсивности. Наиболее мощные: от Голядкина в адрес самого Голядкина и в адрес двойника.

Представим теперь каждый из этих потоков в виде множества:

множество $\{Г\}$: Голядкин-субъект $\rightarrow$ Голядкин-объект;

множество $\{Д\}$: Голядкин-субъект $\rightarrow$ двойник-объект.

И, опираясь на математическую теорию множеств, найдем область их пересечения — $\{Г\} \cap \{Д\}$ и их симметрическую разность: $\{Г\} - \{Д\}$.

Компоненты, которые окажутся в области пересечения, и будут связующими компонентами, то есть материализацией связи между двумя объектами — образом Голядкина и образом двойника, — которая станет объективным основанием их сближения/отождествления.

Сможем ли мы определить порядок расположения связующих компонентов? Ведь механическая сумма не дает связи. Полагаю, что в отношении текста представление о *порядке расположения* компонентов, которое может вызывать ошибочные аллюзии, следовало бы расширить до *логики* или, еще точнее, *принципа отбора связующих компонентов*, подразумевая, что этот принцип подлежит выведению.

Компоненты, связующие образы Голядкина и двойника, предварительно можно сгруппировать по характеру отношения/оценки Голядкина и к самому себя, и к двойнику:⁸

- официальное
титულлярный советник (т.1, с. 215, **178**);
- уважительное
Яков Петрович (т. 1, с. 170, 159, **157, 196, 216**),

⁸ Чтобы оценить силу смыслового потока, мы отметили в скобках все случаи употребления каждого компонента в тексте: в адрес Голядкина — прямым шрифтом, в адрес двойника — жирным курсивом.

синонимичные

барин (т. 1, с. 159–2 раза) — *ваше превосходительство* (т. 1, с. 200), *милостивый государь* (т. 1, с. 174, 188, 201);

- резко негативное
подлец (т. 1, с. 170, 159, 159, 171, 200–4 раза, 191, 196),
подлец (ты-он) этакой (т. 1, с. 178, 171),
шельмец (т. 1, с. 170, 170, 160–2 раза, 191),
развращенный человек (т. 1, с. 212, 213),

- подчеркнуто объективируемое
человек (т. 1, с. 151, 152, 151, 171),
другой человек (171, 213, 213),
другой Голядкин (т. 1, с. 171, 179),
этот (т. 1, с. 171, 171),
Голядкин (ты-он) этакой (т. 1, с. 212, 171);

- фамильярно-одобрительное
душа ты правдивая (т. 1, с. 151, 157),
мы с тобой (т. 1, с. 151, 157),

синонимичные

молодой друг мой (т. 1, с. 152) — *дружнице* (т. 1, с. 157).

Отсутствие избирательности компонентов по характеру отношения/оценки двух образов — *официальное, уважительное, негативное, объективирующее, фамильярно-одобрительное* — и будет принципом их отбора, который, опираясь на понятия логики, мы могли бы сформулировать как *тенденцию к отсутствию дизъюнктивных отношений*.

И указательные местоимения *этот* и *другой* в “Двойнике” в результате пересечения смысловых потоков станут выполнять не дифференцирующую, а идентификационную функцию: *этот* = *другой*: *этот* и есть *другой*.

В области симметрической разности множеств ожидаемо обнаруживаются компоненты, вступающие друг с другом в антонимические отношения:

не интриган (т. 1, с. 162, 117, 222) — *интриган* (т. 1, с. 162);
иду прямым путем (т. 1, с. 162) — *ходит окольным путем* (т. 1, с. 162),
маску надеваю <...> *единственно для карнавала* (т. 1, с. 163) — *маскируется перед людьми каждодневно* (т. 1, с. 163);

барин (т. 1, с. 159) — *бедный человек* (т. 1, с. 154), *забитый* (т. 1, с. 154), *бедный горемыка* (т. 1, с. 171);

честный (т. 1, с. 171) — *мошенник* (т. 1, с. 200);
добродетельный (т. 1, с. 171), *незлобивый* (т. 1, с. 171) — *зловредная тля* (т. 1, с. 183), *злодей* (т. 1, с. 213);

молодой друг мой (т. 1, с. 152) — *враг* (т. 1, с. 215).

Но ими область симметрической разности не исчерпывается. В содержание образа Голядкина войдут компоненты:

фигурант ты этакой (т. 1, с. 132),
Голядка ты этакой, фамилья твоя такова (т. 1, с. 132, 159),
голубчик мой (т. 1, с. 132),
нюня ты такая (т. 1, с. 159),
молодой друг мой (т. 1, с. 152),
недостойный ты этакой (т. 1, с. 212),
никто (т. 1, с. 151),
этот вот (т. 1, с. 171),
другой (т. 1, с. 171),
муж (т. 1, с. 222),
себе особо (т. 1, с. 116),
наблюдатель (т. 1, с. 223),
лицо постороннее (т. 1, с. 223)

Содержание образа двойника образуют компоненты:

тот (т. 1, с. 151),
он (т. 1, с. 151), *он* курсивом (т. 1, с. 215, 216),
особа-то эта известная (т. 1, с. 182),
лицо-то неблагоприятное (т. 1, с. 182),
известное лицо (т. 1, с. 196, 217),
иные особы (т. 1, с. 183),
сии особы (т. 1, с. 184),
все эти народы (т. 1, с. 161).

И те, и другие устремляются в зону симметрической разности. Но одновременно все эти знаки-носители смыслов объединяются абстрактным значением объективации объекта, независимо от того, совпадает ли объект высказывания с субъектом (с Голядкиным) или нет. Эта объективация смещает компоненты множества $\{Г\}$, которыми она выражается, в направлении зоны тождественности множеств $\{Г\}$ и $\{Д\}$, но и в зоне симметрической разности они сохраняются, подтверждая тенденцию к устранению дизъюнктивных отношений как «определенный порядок расположения обмениваемых компонентов».

Беседуя с самим собой (*мы с тобой*), обращаясь к себе на *ты*, наконец, говоря о себе *он*, Голядкин абстрагируется от себя самого, объективирует себя самого для себя самого, создавая предпосылки для возникновения двойника.

Между разными объектами системы — содержанием образа Голядкина и содержанием образа двойника — могут быть одновременно установлены отношения тождества и различия по линии одних и тех же признаков.

Одна и та же группа элементов (одни и те же смыслы) будет одновременно лежать и в зоне симметрической разности, и в зоне пересечения, одновременно вступая и в антонимичные отношения, и в синонимичные. Обмениваемыми единицами всегда будут *элементы глубоких ярусов связанных объектов*.

Дифференция, не совмещаемая с идентификацией, обнаруживается только в степени объективации, предельной в образе двойника (*все эти народы*), то есть на еще более глубоком уровне материи, подтверждая положение материалистической диалектики о неисчислимости уровней материи вглубь. Абстрактная сема *степени* проявления только одного смысла (*объективации*), который тоже выводится, — выход на более глубокие уровни материи, чем единицы обмена взаимодействующих потоков.

Получается, что казавшаяся умозрительной задача установить связь между теми или иными объектами надъобъекта (в нашем случае — между образами текста) конкретизируется, поскольку теперь речь идет о поиске обмениваемых компонентов этих объектов и об установлении логики их отбора («порядка их расположения»). Устойчивыми могут быть только *неслучайные связи* объекта.

Так системология Г.П. Мельникова обосновывает отбор методов, необходимых для решения поставленной задачи в любой сфере бытия. В данном случае — в филологическом исследовании текстов.

Диалектический характер соотношений между свойствами, связями и функциями элементов текста разных уровней

Теперь видно, что *связь* между образами, в полном соответствии с общей теорией систем Геннадия Прокопьевича, — *ограниченное нарушение границ* между ними; а образная *структура* текста — *схема границ между качествами* образов.

Если *основой связи* являются *обмениваемые элементы*, то очевидно, что связь зависит от их особенностей, то есть от их качества.

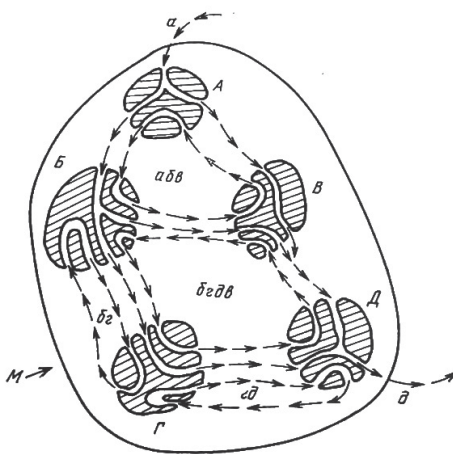
Связь с интенсивным обменом компонентов, как, например, та, которая обнаруживается, как мы показали, между образами Голядкина и двойника, Г.П. Мельников называет *обменным потоком*.

Для понимания текста будут значимы такие универсальные свойства связи, определенные Г.П. Мельниковым, как интенсивность, закон изменения интенсивности, направленность, скорость, место перехода обмениваемых компонентов. Мы установили *интенсивность* и *направленность* потоков. Потенциально, в зависимости от типа эстетической системы — сюжетно обусловленной или необусловленной, *изменение интенсивности* и *место перехода* обмениваемых компонентов может зависеть от точки/точек или отрезка/отрезков в развертывании сюжета или характеристик иного уровня текста.

Скорость, — конечно, относительную — тоже можно установить, но только как проекцию на художественное время, которое может ускоряться или замедляться в зависимости от общей нацеленности текста. В нехудожественных текстах рассогласование скорости течения времени внутреннего (формируемого в тексте) и объективно данного может быть

в разной мере неосознаваемым желанием автора что-то опустить или на чем-то задержать внимание, равно как и осознанной манипуляцией, искажающей действительность. Правда, при изучении текста — в отличие от исследования физических, химических, биологических систем — критерии оценки времени надо будет каждый раз устанавливать.

И текст как *связный объект* можно осознать, по подтверждаемому нами выводу Г.П. Мельникова, только при *внутренне замкнутых потоках*, которые образуют *циклы* — их инвариантную характеристику. Геннадий Прокопьевич изображал эти представления графически (см. рисунок):

Полная структура условного объекта M^9

Источник: составлено О.И. Валентиновой

The complete structure of the conditional object M [1. С. 28]

Source: compiled by Olga I. Valentinova

Это положение теории Г.П. Мельникова, уточняющее понятие *связности* через понятие *потока*, не только приложимо к исследованию текстов как способ научного рассуждения, то есть как метод, но и меняет статус одной из базовых методологических установок системного подхода, выработанного филологией в работе с текстами, с аксиоматического на безусловно доказуемый. Речь идет о понимании текста как связной целостности, самообеспечивающей равенство самой себе.

Целостность объекта обеспечивают не только качества, но и граничные свойства, которые препятствуют возникновению связей определенного вида.

Понимая *свойство* как внутреннюю способность объекта поддерживать — при некоторых условиях — определенные связи и препятствовать осуществлению связей другого вида, Г.П. Мельников приводит содержание понятий *свойства* и *связи* в диалектические соотношения.

⁹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Радио, 1978. С. 28.

Любое свойство — и качественное, и граничное — теперь можно определить через своеобразие той связи, в которую объект может вступить или возникновению которой может воспрепятствовать.

Поэтому Г.П. Мельников начинает рассматривать свойства объекта именно как *валентности*, то есть как *способности участвовать в связи с другими объектами*.

Рассмотрим такие общеизвестные композиционные формы речи, как диалог и монолог, на нескольких примерах из произведений Ф.М. Достоевского.

Вот фрагмент диалога между господином Голядкиным и доктором Крестьяном Ивановичем:

— <...> Дома сидеть не годится... вам дома сидеть никак невозможно (реплика доктора).

— <...> Я хочу сказать, Крестьян Иванович, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьян Иванович. Я себе особо и, сколько мне кажется, ни от кого не завишу. Я, Крестьян Иванович, тоже гулять выхожу (реплика Голядкина).

— Как?.. Да! Ну, нынче гулять не составляет никакой приятности; климат весьма нехороший.

— Да-с, Крестьян Иванович. Я, Крестьян Иванович, хоть и смирный человек, как я вам, кажется, имел честь объяснить, но дорога моя отдельно идет, Крестьян Иванович. Путь жизни широк... (т. 1, с. 115–116) <...>

— Скажите мне, пожалуйста, где вы живете теперь?

— Где я живу теперь, Крестьян Иванович?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жил, Крестьян Иванович, жил и прежде. Как же не жить <...>” (т. 1, с. 121).

Житейский взгляд не различит в этом диалоге ничего иного, кроме сумасшествия главного героя, отвечающего невпопад на вопросы доктора. Но исследователь обнаружит, что композиционные формы речи в повести Ф.М. Достоевского наделяются свойством вступать в связи, преодолевающие линейную организацию текста: господин Голядкин отвечает не доктору, а своим «врагам». Элементы текста разного уровня имеют потенциальную возможность смыслового взаимодействия и в условиях линейной удаленности друг от друга, но в эстетической системе, формируемой в произведениях Ф.М. Достоевского, это взаимодействие свободно преодолевает логику обыденного ожидания, так характерного при восприятии прозы: есть вопрос и есть ответ на него. В ответах г-на Голядкина — самоутверждение героя, его реплики связаны между собой содержательно: Голядкин идет своей дорогой, особой дорогой, ни от кого не зависит, путь жизни широк, он жил и живет. Внутренние обменные смысловые потоки не образуются внутри диалога, а выходят за его пределы, размыкая его граничные свойства и делая его условным.

Композиционные формы речи в сочинении Ф.М. Достоевского наделяются *свойством условности*, которое формируется реализованной способностью их составляющих вступать в *над-линейные, вне-ситуационные связи* с иными элементами текста.

Рассмотрим еще один пример, подтверждающий условность композиционных форм речи. На этот раз из романа Ф.М. Достоевского «Идиот»¹⁰. Это небольшой фрагмент обсуждения «исповеди» Ипполита в Павловске на даче у Лебедева:

«Поднялся шум; Лебедев горячился и выходил уже из меры; Фердыщенко приготовлялся идти в полицию; Ганя неистово настаивал на том, что никто не застрелится. Евгений Павлович молчал.

— Князь, слетали вы когда-нибудь с колокольни? — прошептал ему вдруг Ипполит.

— Н-нет... — наивно ответил князь.

— Неужели вы думали, что я не предвидел всей этой ненависти! — прошептал опять Ипполит, засверкав глазами и смотря на князя, точно и в самом деле ждал от него ответа.

— Довольно! — закричал он вдруг на всю публику» (т. 8, с. 346–347).

Вопрос Ипполита кажется прагматически немотивированным, но при желании ему можно приписать подходящее к ситуации значение, например, если посчитать, что вопрос расценивался его автором как риторический и в нем содержится не вопрос, а, напротив, утверждение, метафорически передающее внутреннее состояние Ипполита.

Князь же отвечает на этот вопрос как на имеющий прямое значение. И отвечает обдуманно и серьезно, о чем говорят задержка ответа, пауза после него (*Н-нет...*) и слова автора (*наивно ответил князь*).

Этот ответ, над-сюжетно связываясь с другими точками романа, формирующими смысловое пересечение героя романа с образом Спасителя и обстоятельствами Его Первого пришествия, соотнесется (свяжется) с ответом Богочеловека на второе искушение дьявола и оборвет казавшуюся первоначально возможной связь вопроса с бурной сценой на даче у Лебедева.

Прагматическая немотивированность высказываний выполняет функцию актуализации концептуально значимых смыслов и является конструктивным приемом организации семантической структуры текста.

Функция как отображение одного множества на другое: сложность определения элементов, которые ставятся в соответствие исследуемому

Опираясь на теорию множеств, Геннадий Прокопьевич объяснял функцию как отображение одного множества на другое.

Но в тексте, особенно повышенной семиотической сложности, как, например, художественный, еще предстоит установить, какие элементы поставить в соответствие единичному элементу, выделенному в самостоятельное множество. Так ответным репликам Голядкина, чтобы определить их функцию, надо поставить в соответствие не реплики доктора, а мнение о Голядкине его «врагов». Диалогу между Ипполитом и князем Мышкина

¹⁰ Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 8.

надо поставить в соответствие не внешний полилог, а иные фрагменты романа, формирующие связь между образом князя Льва Николаевича и смыслами Нового Завета. Структура связей элементов в составе объекта, дающая понимание их функций, тоже подлежит установлению.

Так системология Г.П. Мельникова дает нам объективный инструмент опознания: удалось установить функцию того или иного элемента объекта и самого объекта в надсистеме или не удалось.

Понимая функцию как важнейшее граничное свойство объекта, Г.П. Мельников рассматривал *узел связи* структуры связности, который соответствует вхождению любого элемента объекта в сеть связей объекта (или вхождению целого объекта — в сеть связей надобъекта), как *функцию* этого *элемента* в объекте. Произвольно установленный надобъект искажает достоверное представление об объекте, поскольку рассуждение в таком случае опирается на надуманные связи. Филологическая наука знает такие примеры. Д.С. Лихачев видел причину сопоставления Ветхого и Нового Заветов, лежащего в основании литургийной проповеди середины XI века — «Слова о законе и благодати», в возможности ее составителя созерцать росписи на сводах Киевской Софии: «...произнося свою проповедь, Иларион непосредственно исходил из темы окружающих его изображений»¹¹. Если рассмотреть рассуждение Д.С. Лихачева в свете соотношения понятий, разработанных в системологии, обнаружится ошибочность исходной позиции исследователя древнерусской литературы. Принимая за надсистему не литургию, часть которой представляет собой литургийная проповедь, а изобразительное пространство собора, в котором она произносится, мы сводим общую функцию «Слова о законе и благодати» (функцию объекта в надобъекте) к озвучиванию изображенных на фресках Софии сцен из Священного Писания.

Нащупав структуру связности текста, мы можем объективно, преодолевая индивидуальный психический опыт¹² [3], оценить и степень соответствия/несоответствия того или иного его элемента общей логике этой структуры. Например, чтобы обоснованно решить вопрос о включении/исключении главы «У Тихона»¹³ из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»¹⁴, желательно опираться не на обстоятельства ее изъятия из корректуры редактором и не на справедливо восторженные отзывы о ее стилистическом решении [13]¹⁵, а на понима-

¹¹ Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. / отв. редактор акад. А.М. Деборин. М. — Л. : АН СССР, 1945.

с. 32.

¹² Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.—Л. : Гос. изд-во, 1929.

¹³ Достоевский Ф.М. Бесы: Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 1 1.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 10.

¹⁵ Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М. : Гос. Академия худ. наук, 1925.

ние структуры связности самого текста, как бы самонадеянно это ни звучало с нашей стороны. При жизни Ф.М. Достоевского эта глава не была опубликована ни в журнале М.Н. Каткова, ни в отдельном издании. После смерти писателя она обнаруживается то после, то внутри романа, в зависимости от тех или иных соображений издателей, не связанных с пониманием самого текста. Между тем эта глава в истории культуры — один из самых интересных примеров непроизвольного уничтожения произведения искусства самим автором. Глава «У Тихона» не трансформирует текст — она разрушает его, входя в противоречие со структурой связности элементов текста разного уровня.

Связь образа Ставрогина с сюжетной линией романа строится на двух принципах: тайна Ставрогина усугубляется — усилия остальных героев сосредоточены на том, чтобы эту тайну раскрыть. В главе «У Тихона», или «Исповеди Ставрогина», главный герой признается, что изнасиловал девочку. Девочка потом повесится. Уголовная история, разрешающая тайну, обесценивает структуру связности над-сюжетных смысловых элементов, закрепляющих содержательную связь образа Ставрогина со смыслами Нового Завета и апокрифическое совмещение атрибутов Богочеловека Второго пришествия (*силы, славы, власти*) с признаками врага рода человеческого и его слуг, и сообщит роману примитивную назидательную функцию, особенно чутко ощущаемую духовными лицами: «...наш писатель предупредил всех богопротивников, что <...> они превратятся <...> в убийцу Ставрогина, который с первого взгляда кажется героем, богом протеста, а на самом деле оказывается просто развратным хулиганом-скандалистом»¹⁶.

Оценка устойчивости структуры связности элементов текста как инструмент измерения равенства текста самому себе

Конкретизация закона диалектики о переходе количества в качество как закона о переходе граничных изменений в качественные позволит Г.П. Мельникову определить, в чем именно проявляются граничные (количественные) изменения. Перестройка связей разного объема, внутри объекта или с выходом за его пределы, то есть перестройка *структуры связности* или *полной структуры сети связей объекта*, приводит к качественным изменениям, вплоть до необратимых, когда объект перестает быть равным самому себе, становится иным объектом.

Болен ли Ставрогин или нет, жена ли ему Хромоножка, что его связывает с Дашей, какие у него отношения с Лизой — все эти тайны, которые постоянно нагнетаются, но все же постепенно раскрываются в романе, только растрavляют интерес читателя. Поиски тайны Ставрогина на сюжетном уровне ничего не объясняют в образе главного героя. Заключительные слова романа — «*Наши*

¹⁶ Антоний, митрополит Киевский и Галицкий. Словарь к творениям Достоевского. София : Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. С. 116–117.

медики по вскрытии трупа совершенно и настойчиво отвергли помешательство» (т. 10, с. 516) — возвращают к его началу, окончательно рассеивая сомнения в психическом здоровье Ставрогина. Отсутствие сюжетного объяснения подлинной тайны, окончательно закрепляемое в конце романа, не означает отсутствия этого объяснения. Оно закодировано в содержательной структуре образа, формируемой многократно возобновляемыми, а значит, устойчивыми связями между смыслами, соотносимыми с образом Ставрогина. Глава «У Тихона» обесмысливает сложные смысловые соответствия, сложившие вне этой главы, нивелируя все усилия текста по их закреплению.

Смыслы *страх осмеяния, лицедейство, способность проникать в чужие сны, в ход чужих мыслей, самозванство* как противоположность *избранничеству, шпионство* взаимодействуют между собой в содержательной структуре образа Ставрогина. Основание связи — общность источника: это признаки человека беззакония и его слуг.

Ближе к концу романа Лиза говорит Ставрогину после проведенной с ним ночи: «... у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что **ставит вас в ужасно смешном виде**. Берегитесь мне открывать, если правда: **я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь...** Ай, вы опять бледнеете?» (т. 10, с. 401). *Страх* Ставрогина *быть осмеянным* закрепляется в этой реплике не только лексическими повторами с усилениями и паузой, свидетельствующей об обдуманности слов героини, но и реакцией Ставрогина (*Ай, вы опять бледнеете?*), выдающей справедливость услышанного.

Задолго до этого, в разговоре с Кирилловым, сам Ставрогин скажет: «... если бы сделать злодейство или, главное, **стыд**, то есть **позор**, только **очень подлый** и... **смешной** <...>? <...> Положим, вы жили на луне, <...> вы там, положим, сделали все эти **смешные пакости**... Вы знаете наверно отсюда, что там **будут смеяться** и плевать на ваше имя тысячу лет, вечно, во всю луну. Но теперь вы здесь и смотрите на луну отсюда: какое вам дело здесь до всего того, что вы там наделали и что тамошние будут плевать на вас тысячу лет, не правда ли?» (т. 10, с. 187). И снова повторы, усиление и выделение паузой закрепят *боязнь осмеяния*.

Глава «У Тихона» обнаружит ужасное злодейство, совершенное Ставригиным, но разомкнет безусловную связь между злодейством и страхом осмеяния, разрывая сформированную структуру связности перечисленных смыслов, которая поддерживалась всем текстом. Разрыв связей примет цепной характер. Символическое значение *смеха*, которым сопровождается явное и неявное зло, тоже ослабнет. Одновременно начнет растушевываться и зона смысловой тождественности между образами Ставрогина и Петра Верховенского. Безудержный *хохот* Ставрогина, когда он кинул пачку кредиток в Федьку Каторжного, понимая, что тот примет эти кредитки как задаток за убийство

Марьи Тимофеевны (т. 10, с. 221, 231); усмешка на его губах (*усмехнулся, скривил рот, прибавил с злобною и раздражительною улыбкой, вскричал с злобною, искривленною улыбкой* (т. 10, с. 181, 216, 230, 231, 320 и др.) получают ситуационное («психологическое») объяснение. Смыслы, порождаемые словами Степана Трофимовича Верховенского о сыне: «*О карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop. У его матери не было такой улыбки. Il rit toujours*» (т. 10, с. 171), — выйдут из области смыслового совпадения образов Ставрогина и Петра Верховенского. Изменение состава и порядка (логики) элементов обмена скажется на свойствах связи, изменит функции элементов, меняя схему их связности, и — в конечном счете — изменит качественные свойства всего объекта. Изменится глубина адаптации текста и его элементов: адаптация охватит меньшее число ярусов.

С уменьшением глубины адаптации текста изменится степень его системности: его совершенность, прямо пропорциональная глубине адаптации, начнет снижаться. Такой текст может перестать быть произведением искусства. Понимание текста или иного создания как произведения искусства из области субъективной оценочности переходит в сферу онтологической данности, имеющей объективное измерение. Только совершенные объекты, а значит, с высокой степенью системности, имеют неслучайную выраженную меру. Поэтому только в них полноценно выражается закон перехода количества в качество. Выход за границы меры изменит сущность объекта.

Разработанное Г.П. Мельниковым уточнение о переходе граничных изменений в качественные позволило, как мы удостоверились, соотнести *свойства* объекта и его *функции, связи и отношения*, под которыми понимаются в системологии еще не проявленные, а только возможные при определенных внешних и окрестностных условиях свойства сопоставляемых объектов.

Существующий набор связей и интенциональные предрасположенности к другим связям в объектах зависят от *внутренних условий*, от *внешних* и от *окрестностных* (то есть от других объектов, находящихся в окрестности). Их изменение приведет к изменению качеств самого объекта или элемента, рассматриваемого как объект более низкого уровня.

Мы еще не обсуждали значимость окрестностных условий, игнорирование которых, равно как и изменение, приводит к непониманию свойств объекта или их замещению.

Алеша — божий человек. Такова результирующая массового восприятия — и профанного, и профессионального — образа Алеши Карамазова, искажающая смысловую действительность романа Ф.М. Достоевского¹⁷. В линейном развитии романа первый раз сочетание *божий человек*

¹⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14.

(не человек) соотносится с образом Алеши Карамазова в реплике Ракитина: «<...> Алешенька, **божий человек**» (т. 14, с. 321). Парадоксально, но слова автора — *с ненавистною улыбкой проговорил Ракитин*, — которые и составляют окрестностные условия этой реплики, остаются за пределами восприятия. Но ведь именно эти условия делают невозможным приписывание некоторого положительного смысла самой реплике.

Позже Митя скажет Алеше¹⁸: «...**божий ты человек**» (т. 15, с. 27), но уже в окрестностных условиях, допускающих появление положительной оценки, хотя и не вымещающих уже существующую отрицательную. Понятно, что окрестностные условия прямо влияют на содержание образа Алеши Карамазова, его качественные свойства, и характер их связи с содержанием других образов романа, которые мы определяли как тенденцию к устранению дизъюнктивных отношений.

Наличие интенций и условий для возникновения связей между объектами становятся причиной их свойств. Такое понимание причины формирования свойств объекта позволяет Г.П. Мельникову конкретизировать идею о *самодвижении материи*. Присущая произведениям искусства, как и иным совершенным системам, глубокая адаптация сообщает предрасположенность к *такому* взаимодействию с действительностью, которое может рассматриваться как *ее опережающее отражение*. В этом смысле искусство не только отражает и преобразует действительность, но и предвосхищает ее.

Заключение

Экстраполяция содержательного соотношения понятий, разработанных Г.П. Мельниковым для объяснения системы как единственно возможного способа существования объектов физической и ментальной действительности, на исследование текстов обнажила исключительную методологическую ценность системологии для филологии. Материалистическое понимание связи, диалектического характера соотношения между связью и свойством, качественными свойствами объекта и граничными, цикличности внутренне замкнутых потоков как необходимого условия связности целого, последствий изменения структуры связности, учета внутренних, внешних и окрестностных условий в формировании свойств объекта позволяет строго сформулировать логику исследовательских действий, дать объективную оценку степени достоверности сделанных выводов, выявить обрывы в системе доказательств и восполнить их. Теория систем Г.П. Мельникова сообщает осязаемую материальность таким трудно фиксируемыми свойствам объектов, как самодвижение материи и опережающее отражение, свойственным совершенным системам, к которым доказательно относятся семиотически сложные тексты

¹⁸ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпilog. Рукописные редакции // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15.

высокой степени системности — художественные, религиозные, мифологические. Связывая философию с частной наукой, системная методология (системология Г.П. Мельникова) обосновывает логику отбора методов, вымещающая умозрительность и интуитивность суждений системой доказательств. В эпоху упадка, особенно очевидно переживаемого гуманитарными науками, системология, как методологическая теория, становится рычагом выхода из кризиса.

Список литературы

1. Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 11–12. EDN: PCAVNX
2. Валентинова О.И., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Забытые парадигмы языкознания: Системология Г.П. Мельникова // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2016. № 5. С. 85–91. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-16.085> EDN: WLZZGZ
3. Бубнова Н.А. Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 38–50. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50> EDN: DBKNGO

References

1. Fedosyuk, M.Yu. (2012). G.P. Melnikov's Concept and Discussion about the Russian Language Picture of the World. *Political Linguistics*, 2(40), 11–12. (In Russ.). EDN: PCAVNX
2. Valentinova, O.I., Preobrazhensky, S.Yu., & Rybakov, M.A. (2016). Forgotten Paradigms of Linguistics: G.P. Mel'niko's, Systemology. *Philological Science: Scientific Essays of Higher Education*, 5, 85–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.5-16.085> EDN: WLZZGZ
3. Bubnova, N.A. (2024). Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 38–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50> EDN: DBKNGO

Сведения об авторе:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: филологическая герменевтика, история и теория поэтики, история русского литературного языка, системная лингвистика; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019. SPIN-код: 6986-9081, AuthorID: 499720.

Information about the author:

Olga I. Valentinova, Dr.Sc. (Philology), Full Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: philological hermeneutics, history and theory of poetics, Russian literary language history, systemic linguistics; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019. SPIN-code: 6986-9081, AuthorID: 499720.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-717-730

EDN: DDEPKY

УДК 811.161.1'37-11

Научная статья / Research article

Понятия «значения» и «смысла» в системной лингвистике

Н.В. Крашевская

Московский государственный университет геодезии и картографии, Москва, Российская
Федерация

✉ breshka2@gmail.com

Аннотация. Объектом исследования являются феномены, которые были названы при помощи известных терминов значение и смысл, но получившие свое особое понимание в системной лингвистике, создателем которой является выдающийся ученый Г.П. Мельников. Во главу угла ставится системно-детерминантный подход. Раскрывается роль значения и смысла как специализированных для коммуникации психических образований в формировании типа языка, а именно в достижении взаимопонимания членов того или иного языкового коллектива. В виде таблиц представлен сравнительный анализ понятия внутренней формы в трактовке В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и Г.П. Мельникова с целью продемонстрировать динамику продвижения в понимании его сути как посредника между знаком и конечным содержанием высказывания. На нескольких примерах демонстрируется, как предложенное понимание явлений может обогатить любое исследование в области семантики и вывести на путь изучения квантовых нейронных свойств человеческого мышления.

Ключевые слова: детерминантный подход, внутренняя форма, унифицированное содержание, намек

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Крашевская Н.В. Понятия «значения» и «смысла» в системной лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 717–730. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-717-730>

© Крашевская Н.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Concepts of “Meaning” and “Sense” in Prof. G.P. Melnikov’s Systemic Linguistics

Nataliia V. Krashevskaja

Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAiK), Moscow, Russian Federation

✉ breshka2@gmail.com

Abstract. The purpose and objectives of research is to derive the essence of the phenomena called meaning and sense how they appear in systemic linguistics (G.P. Melnikov). The system-determinant approach is to demonstrate the special job of meaning and sense for communication as a base for any language type specific character being the guarantor for mutual understanding between members of a particular language community. A comparative analysis of the concept of internal form in W. von Humboldt, A.A. Potebnya, I.A. Baudouin de Courtenay and G.P. Melnikov the interpretation is presented in the form of tables. It shows the dynamics of progress in grasp the essence of internal form as a mediator between the sign and the final content of the utterance. Several examples demonstrate how the proposed understanding of phenomena could enrich any research in the field of semantics and lead to the path of studying the quantum neural properties of human thinking.

Keywords: systemic typology of languages, determinant approach, internal form, unified content, hint

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Krashevskaja, N.V. (2025). The Concepts of “Meaning” and “Sense” in Prof. G.P. Melnikov’s Systemic Linguistics *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 717–730. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-717-730>

Введение

Данные записки посвящены краткому описанию понимания феноменов значения и смысла в ракурсе, который был предложен в работах замечательного советского и российского ученого Г.П. Мельникова.

Осмысление рассматриваемых понятий в предлагаемом аспекте имеет целью способствовать распространению и закреплению предлагаемого Г.П. Мельниковым понимания такого содержания названных понятий, которое, возможно, позволит исследователю по-новому взглянуть на предмет и объект своих изысканий, имеющих отношение к семантике. У нас нет намерения в деталях описывать все этапы постижения характера и особенностей явлений, которые могут быть названы терминами *значение* и *смысл*. Здесь нам хотелось бы с опорой на выводы, сделанные в работах Г.П. Мельникова, показать, что те феномены, которые Мельников называет при помощи данных терминов, в значительной степени определяют истоки типологических различий языков. То есть речь пойдет не о понимании терминов как таковых и не о том, как следует «правильно» эти термины трактовать, а о тех явлениях, которые стоит учитывать, видеть

и принимать как существующие и работающие в процессе речевой коммуникации, и соответственно, при формировании типологической специфики того или иного языка.

Исходные тезисы

• Детерминантный подход

Первый и самый важный исходный тезис звучит так: семиология — это наука о знаковых системах, а язык — это определенная разновидность знаковых систем. Казалось бы, в этом тезисе не заключено никакого сверхнового открытия. Однако следует обратить внимание на то, что, будучи системой, язык обладает всеми необходимыми, так сказать «конституирующими» признаками системного объекта [1]. В этом отношении следует вспомнить неоднократно рассматриваемый в работах Г.П. Мельникова «детерминантный» подход при определении сути понятия системы как таковой. Для того, чтобы пошел процесс формирования любой системы со всеми ее свойствами, необходимо существование некоторого основания [2. С. 53]¹. Это основание существует и действует как необходимая предпосылка появления системы и развития у нее требуемых функций и соответствующих свойств. Откуда же поступают требования? Они поступают извне, со стороны уже существующей системы более высокого уровня, которую Г.П. Мельников предлагает называть термином надсистема. Надсистема — хоть и достаточно прочно сформировавшийся объект, но тем не менее такой, который, находясь в процессе постоянного функционирования в своих «окрестностных» условиях, нуждается в поддержании своей динамической устойчивости изнутри и постоянно «посылает сигналы» с требованием необходимых ей для самосохранения свойств со стороны своей субстанции, и соответственно, с требованием функциональной «подстройки» носителей требуемых свойств — своих составляющих. Такое требование Г.П. Мельников предлагает обозначать термином *запрос*, а то основное требование, которое должно вызвать усиление и развитие нужного свойства в каком-либо из составляющих надсистему элементов — внешняя детерминанта. Усиление требуемого свойства приводит ко вполне определенным изменениям не только одного этого свойства, но и всего элемента в целом как системы со всеми ее прочими свойствами и структурой.

• Язык как специализированная знаковая система

Что это дает нам для ответа на вопрос о том, почему языки такие разные? Именно здесь и стоит вспомнить, что язык является разновидностью знаковой системы, как указывалось ранее — и это превыше всего. Все прочие функции языка возникают и проявляются как следствие, хотя играют важнейшую роль. Следовательно, будучи знаковой системой, язык прежде

¹ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики: Монография. М. : Советское радио, 1978. С. 53.

всего подчиняется основной детерминирующей функции — функции коммуникации: «Необходимо видеть в языке формируемый в психике каждого члена языкового коллектива специализированный для универсальной знаковой коммуникации механизм»². А запрос поступает со стороны определенного человеческого коллектива, который нуждается в информационном обмене для поддержания своей динамической устойчивости (проще говоря — для выживания).

Следовательно, задача языка как механизма, прежде всего специализированного для коммуникации, состоит в том, чтобы выработать в процессе общения членов языкового коллектива такую технику обмена мыслительным содержанием, которая бы с наибольшей гарантией способствовала взаимопониманию. Здесь мы все больше приближаемся к цели наших рассуждений — к понятиям значения и смысла.

Требование социальной унифицированности системных составляющих языка

Очевидно, что для достижения взаимопонимания при общении, то есть при построении высказывания собеседникам важно ориентироваться на прогноз: что именно известно собеседнику и на что я могу опереться как на знание, гарантированно известное всем участникам процесса коммуникации. Это знание нужно обозначить так, чтобы не возникало сомнений в его общности у всех участников коммуникации³. Вот и первая ступень ответа на вопрос, почему языки такие разные: ежедневное общение десятилетиями, а то и веками в различных общностях людей происходит по-разному, поскольку и их жизнь организована по-разному, и соответственно унифицированные знания для каждой общности — свои. Это приводит к выработке ряда универсальных средств, понятных и доступных каждому члену коллектива, и позволяет строить наиболее рациональную знаковую систему (тот или иной язык) именно для данных условий общения. В целом это достаточно устойчивое и консервативное образование, хотя динамика изменений условий общения может вызывать довольно значительные изменения в языке, в том числе и типологического характера. Уровень наличия общеизвестных в пределах данного языкового коллектива знаний — уровень взаимной осведомленности собеседников — зависит от нескольких факторов. Это численность языкового коллектива и соответственно параметры территории проживания, распределение актов коммуникации во времени — компактность проживания, а также степень однородности

² Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 22.

³ Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 17.

коллектива — фактор смешения языков и народов⁴. К примеру, если жители деревни или нескольких рядом расположенных населенных пунктов изо дня в день не один десяток, а то и не одну сотню лет общаются друг с другом, их друзья в соседней деревне — тоже, то им нет необходимости предметно обозначать каждый объект — достаточно указать на «координатные точки» и на смену одного тривиального события другим, не менее тривиальным.

Не будем развивать здесь эту линию рассуждений — сошлемся на первоисточник⁵. Заметим лишь, что в случае, когда меняются условия общения, начинают меняться и типологические признаки языка, а типология — это отнюдь не застывшая классификация и даже вовсе не классификация. Скорее это выявление и объяснение первопричин возникновения и характера тех или иных свойств того или иного языка.

Внутренняя детерминанта языка как требование к технике построения высказывания

Этот микроскопический экскурс в типологию языков выводит нас на вторую ступень ответа на вопрос, почему языки такие разные. Как мы видим из примера, условия коммуникации выводят на формирование определенной техники построения высказывания, свойственной потребностям достижения взаимопонимания в тех или иных условиях коммуникации. И техника построения высказывания на всех уровнях — от фонетического до синтаксического — подчиняется единым требованиям опоры на уровень взаимной осведомленности, которая в каждом языке имеет свое наполнение. Таким образом, следует говорить о некоем важнейшем требовании к используемой технике — в терминах Г.П. Мельникова о *внутренней детерминанте языка*. Например, продолжая приведенный выше пример о деревне и ее жителях, «координатные точки» объединяются собеседниками с вещественными морфемами по ходу высказывания, и это происходит настолько часто, что стандартизируется, превращаясь в легко воспроизводимое единство, которое приобретает вид слова-предложения (техника инкорпорации; *tutaonana leo?* суах. — дословно *мы будущее видеть и/с сегодня*); нет необходимости «набирать» его каждый раз для отдельной ситуации, как это происходит в языках иной типологии (техника агглютинации; *오늘 우리 만날까요?* кор. — дословно *сегодня мы встретит мне должен ли*). Но в контексте темы данной работы для нас важно, что любая техника построения высказывания в любом языке в конечном

⁴ Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадияльной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 105.

⁵ Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадияльной. Курс лекций. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. С. 7.

счете использует материальные знаки, которые ассоциируются с психическим содержанием, а оно обязательно должно включать в себя элемент знания, универсального для всех членов языкового коллектива данного типа. Это фундамент. А уж как на этом фундаменте построить высказывание, то есть построить на этой базе конструкцию для обновления конкретных, проходящих, актуальных знаний у собеседника — это дело каждого языка. В основном мы, исследователи языков, тем и заняты, что эти строительные материалы описываем, иногда методы их использования для строительства конструкций ищем и средства для создания архитектоники высказывания сравниваем, пытаемся также их описать и даже иногда объяснить (здесь у нас получилась конструкция несколько в духе агглютинативных языков).

Значение и смысл в аспекте степени универсальности

Как было отмечено, материальные знаки каким-то образом должны не просто ассоциироваться с психическим содержанием, а ассоциироваться так, чтобы гарантировать собеседникам возможность выстроить «дорожную карту» высказывания на универсальном для всех членов данного коллектива едином фундаменте знания. Знание же поступает в человеческий мозг в виде сигнала, проходит свой путь по сети нейронов, закрепляется, приобретает вид, известный нам под условным названием «образ», и всё вместе, как утверждается ныне — больше по слухам — проявляет некие квантовые свойства одновременности бытия и небытия (судить о силе математического обоснования и о соответствии его реальности автор не берется). Эти рассуждения можно было бы посчитать досужими, однако согласно учению Г.П. Мельникова — и это представляется нам бесспорным — следует признать наличие такой области мышления, где нейронные сети полнятся образами и обменными потоками между ними, которые источником имеют сигналы, непосредственно поступающие из окружающей действительности (область внеязыкового мышления), и где мыслительная субстанция структурируется исключительно в соответствии с законами мышления. Но те же нейроны, с другой стороны, атакуются не менее материальными языковыми знаками. При этом следует учитывать типологические различия языков и тот факт, что чуждый язык все же можно постичь в определенной степени и при желании даже удастся вникнуть в его чуждые технологии, хотя постоянно есть искушение подогнать их к родным и понятным словам и словоформам, существительным и прилагательным, подлежащим и сказуемым.

Вопрос о так называемом посреднике

Возникает вопрос: с чем же, с какими образами из всего бесконечного многообразия содержания внеязыкового мышления ассоциированы сигналы, поступающие со стороны языковых знаков? Для более наглядного представления

о том, что здесь имеется в виду, сформулируем этот вопрос «по-детски»: что именно из бесконечного многообразия образного содержания «цепляют» знаки в качестве тех образов, которые могут сослужить службу наиболее унифицированных, чтобы быть в состоянии передать сигнал далее по сети нейронов прямо к нужному актуально возникающему узлу связей?

Очевидно, что среди внеязыковых представлений о мире если и найдутся таковые в готовом виде, то никак не на все случаи жизни. А раз так, то они вырабатываются в процессе функционирования языка как знаковой системы, образуя специализированные средства, обеспечивающие работу механизма связи знаков с содержанием высказывания любой степени сложности.

Как оказалось, это один из «проклятых» вопросов языкознания. Г.П. Мельников в этой связи называет имена нескольких своих учителей и предшественников, которые серьезно задумывались над этим вопросом — вопросом о том, как осуществляется связь языкового материального знака с бесконечным многообразием мыслительного содержания. Среди них он выделяет таких выдающихся мыслителей, как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ. А вопрос этот можно представить как вопрос о посреднике между знаком и конечным содержанием высказывания. Далее для удобства мы будем оперировать термином *посредник* в связи с идеями названных ученых-предшественников Г.П. Мельникова, но следует отметить, что в их работах статус тех или иных мыслительных элементов, о которых они рассуждали, не был четко определен. Мы находим эту четкость именно в работах Г.П. Мельникова.

Этот самый посредник, как оказывается при более детальном рассмотрении — настоящий черный ящик, в котором помещаются не только ни жив, ни мертв «кот Шрёдингера», но и ускользающая от взора «кочерга Витгенштейна», имярек «жук в коробке», недоказуемый «чайник Рассела» и вроде бы даже еще один кот — на сей раз уже «Квантовый Чеширский» (впрочем, последний может быть и вовсе даже не существует, будучи представленным лишь свойствами). Одно можно сказать об этом ящике с точностью — он должен содержать в себе элемент именно того универсального и унифицированного знания, на которое опираются все члены того или иного языкового коллектива для гарантии возможности достижения взаимопонимания в любой актуальной ситуации общения, о чем говорилось выше.

Над проблемой посредника размышляли лучшие умы языкознания, начиная с Вильгельма фон Гумбольдта, который и предложил понятие «внутренней формы» для того, чтобы описать содержание этого ящика (Табл. 1). Для краткого описания того, как представляли себе это содержание названные ученые, включая самого Мельникова, предлагаем, основываясь на материалах многочисленных работ Г.П. Мельникова, сравнить, что каждый из них думает: а) о знаке; б) о посреднике; в) о внеязыковом содержании.

Таблица 1 / Table 1

В. фон Гумбольдт / W. von Humboldt

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
внешняя форма знака (слово) / external form of a sign (word)	внутренняя форма; имеет сложную структуру, ассоциирована со знаком по смежности и имеет образный характер / internal form; has a complex structure, is associated with a sign by contiguity and has a figurative character	означаемое содержание, ассоциировано с внутренним образом по сходству / the signified content is associated with the internal image by similarity

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Nataliia V. Krashevskaja.

Важнейшим здесь представляется, во-первых, противопоставление ассоциации по смежности и ассоциации по сходству; во-вторых, противопоставление обозначаемого содержания во всем его объеме и совокупности внутренних образов как имеющих особый характер и предназначение; в-третьих, то, что этот внутренний образ обеспечивает механизм перехода от материального знака к бесконечному означаемому по принципу сходства (отметим, что Гумбольдт как о базовой единице говорит о слове). Гений Гумбольдта состоит в том, что он, как при съемках из космоса, дает первое лежащее в основе дальнейшей детализации приближение к видению содержания черного ящика.

Таблица 2 / Table 2

А.А. Потебня / A.A. Potebnya

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
форма знака (слово) / external form of a sign (word)	первый по близости к знаку образ, «этимологический минимум» (ближайшее значение) / the first image closest to the sign, the "etymological minimum" (the closest meaning)	цепь ассоциированных образов разной степени обобщенности, редуцированности, и воспроизводимости / a chain of associated images of varying degrees of generalization, reduction, and reproducibility

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Nataliia V. Krashevskaja.

Как видим из содержания Таблицы 2, в число составляющих содержание посредника семантических элементов А.А. Потебня включает только т.н. *ближайшие значения слов*, то есть наиболее редуцированные обобщенные образы. Гениальность Потебни состоит в том, что он раскрывает суть действующего механизма прохождения сигнала от первого звена (знака) к определению дальнейшего маршрута его «движения» по сети нейронов к нужному узлу. Следует учитывать, что «движение» берется в кавычки. Исследования в области квантовых свойств нейронов мозга, как представляется, должны будут прояснить, что конкретно стоит за этим «движением». Автор пока не располагает конкретными данными, но можно предполагать, что речь идет о законах сверхскоростей и мегамаассивов данных. Но и так очевидно, что поступивший от знака сигнал ассоциирует какой-то вполне определенный специализированный под выполнение вполне определенной функции образ — именно такой, который способен в силу специфики своего содержания

не столько «обозначать» определенное содержание, сколько иметь наиболее широкие ассоциирующие возможности, и формируется такой образ именно и исключительно в ходе коммуникации.

Для обозначения самого образа — элемента знания, специализированного для выполнения названной функции, Г.П. Мельников использует довольно странное для термина, но очень точное название *намек*. Глагол *намекать* прекрасно выражает суть явления: вместо «железобетонной» конструкции структурных построений язык выработал гибкий динамичный механизм, основанный на обмене признаками между различными узлами, в которых возникают те или иные образы, и такой гибкий механизм обеспечивает достаточно точную «догадку» со стороны собеседника о том, куда направить мыслительную энергию. Однако любая конструкция превратится в аморфную, не имея каркаса. Первым базовым звеном этого каркаса и является единство знака и специализированного образа, о котором идет речь. Но этого недостаточно. Так мы неизменно приближаемся к пониманию феномена под кодовым названием *значение* в понимании Г.П. Мельникова и его связи с прочим мыслительным содержанием. Как указывалось выше, любой язык со своими типологическими особенностями нуждается в унифицированном знании, универсальном для каждого носителя языка. Следовательно, то звено, которое предполагает жесткую связь знака с функционально оптимальным для намека содержанием, и должно сыграть эту роль. А.А. Потебня очень близко подошел к такому пониманию, выделяя область ближайших значений как особую, выполняющую роль посредника. Все прочие образы разной степени обобщенности, редуцированности и воспроизводимости А.А. Потебня помещает в сферу внеязыкового содержания.

Очевидно, что в разных языках есть более воспроизводимые и менее воспроизводимые комбинации слов, слова с более закрепленным и менее закрепленным содержанием, а то и вовсе не закрепленным, да и вовсе не слова. Поэтому переходим к революции, совершенной И.А. Бодуэном де Куртенэ (Табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

И.А. Бодуэн де Куртенэ / I.A. Baudouin de Courtenay

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
- морфема / morpheme - воспроизводимый блок морфем (слово) как внешняя форма знака / a reproducible block of morphemes (word) as the external form of a sign	- существование особой области мышления / the existence of a special area of thinking - значение морфемы: минимум внутренней формы, максимально обобщенный образ, ассоциированный со знаком морфемы по смежности / morpheme meaning: minimum internal form, maximum generalized image associated with the morpheme sign by contiguity - цепь воспроизводимых образов от ближайшего до предконечного / chain of reproduced images from the closest to the pre-final	конечный смысл высказывания: базируется на цепи ассоциаций закрепленных образов и на догадке о контекстных элементах содержания / the final meaning of the statement: based on a chain of associations of fixed images and on a guess about the contextual elements of the content

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Nataliia V. Krashevskaja.

Важнейший революционный вклад И.А. Бодуэна де Куртенэ состоит в том, что он в качестве знака предлагает рассматривать, прежде всего, морфему. Это сразу совершает прорыв в понимании сути вещей, позволяя рассматривать содержание посредника как нечто организованное по единому принципу для языков любой типологии. В этом случае признается возможной любая комбинация (блок) морфем, а слово — это лишь один из возможных вариантов: регулярно и бессознательно воспроизводимый и в силу этого закрепленный комплекс при построении высказывания.

Вторым важнейшим шагом И.А. Бодуэна де Куртенэ на пути обнаружения содержания «посредника» является детализация его составляющих, которая значительно обогащает представления о том, насколько важными являются знания, поступившие к человеку со стороны языковых сигналов. Рассуждая в контексте работ Г.П. Мельникова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, подобно А.А. Потембне, максимум потенциальной энергии начального импульса («намека») для движения сигнала по определенной траектории в сети нейронов к нужному узлу отдает максимально обобщенному образу как обладающему наивысшей потенциальной энергией в рассматриваемой замкнутой системе знак — посредник — содержание. Этот обобщенный образ стимулирует формирование регулярно повторяемых траекторий и возникающих узлов, которые в разных языках закрепляются по-своему в зависимости от того, какие знания являются наиболее достоверными для членов того или иного языкового коллектива в связи с их образом жизни. И таким образом очень значительная часть психической субстанции человеческого мышления действительно подвергается структурированию со стороны языка, что в какой-то степени придает изначальному посреднику силу законодателя, а это порождает определенные трудности в осмыслении объекта семантических исследований.

В связи с этим рассмотрим, наконец, как расценивает феномены, которые он предлагает называть терминами *значение* и *смысл*, сам Г.П. Мельников (Табл. 4). Во-первых, как и указывалось выше, Г.П. Мельников выделил целую область психической субстанции в отдельную специализированную область — так называемую «языковленную» область мышления. Во-вторых, тот самый содержательный элемент, о котором говорили предшественники — такой, который обладает наибольшей потенциальной энергией для запуска процесса определения траектории движения сигнала к нужному нейронному узлу при любых условиях общения, Г.П. Мельников и предлагает называть термином *значение*. Можно согласиться со скептиками, что термин уже более ста лет нагружен другим содержанием, что это создает путаницу в терминах и трудности в понимании самого феномена со стороны специалистов, и заменить общепринятое понимание на иное, как показало время, оказалось невозможным. Здесь содержится призыв главным образом к пониманию сути содержательной и функциональной специфики самого феномена. Есть надежда, что со временем, когда станет понятной необходимость опоры на данный феномен для того,

чтобы произошла революция в сфере человеко-машинного общения, будет стихийно выработан иной термин. Люди, знающие Г.П. Мельникова, уверены, что он бы не возражал, если бы это способствовало переосмыслению сути объекта в нужном направлении. Он еще несколько десятилетий назад высказал требование: человеко-машинное общение должно быть содержательным. В настоящее время значительные успехи в этой области были достигнуты за счет революции в технологиях, позволяющих обрабатывать невероятные по объему массивы данных за считанные секунды, однако обработка данных производится исключительно с опорой на совместную встречаемость знаков. А в последнее время все более очевидным становится, что этого недостаточно.

Таблица 4 / Table 4

Г.П. Мельников / G.P. Melnikov

о знаке / about the sign	о посреднике / about the intermediary	о внеязыковом содержании / about extra-linguistic content
- морфема / morpheme - модульная (сборная) конструкция / modular design - закрепленный и воспроизводимый блок морфем (слово) / a fixed and reproducible block of morphemes (word)	- само понятие посредника как «языковленной» области мышления / the very concept of a mediator as a “linguistic” area of thinking - психический образ знака: морфемы или слова / mental image of a sign: morphemes or words - ассоциированный с ним по смежности образ, максимально обобщенный для выполнения функции намека (унифицированное значение) / an image associated with it by contiguity, maximally generalized to perform the function of a hint (unified meaning) - ассоциируемые со значениями морфем, модульных конструкций или слов образы разной степени «унифицированности» — ближайшие, узусальные, «предконечные» смыслы / images of varying degrees of “unification” associated with the meanings of morphemes, modular constructions or words — immediate, usual, “pre-final” senses	- конечные окказиональные смыслы морфем, конструкций и слов / final occasional senses of morphemes, constructions and words - смыслы высказывания в целом: базируются на цепи намеков и на догадке о контекстных элементах содержания / the senses of the statement as a whole: based on a chain of hints and on a guess about the contextual elements of the content

Источник: составлено Н.В. Крашевской / Source: compiled by Nataliia V. Krashevskaja.

Возвращаясь к предмету рассуждений, напомним, что значение (по Г.П. Мельникову; далее будем пометать его курсивом) — это самый мощный элемент в отношении его потенциальных ассоциирующих возможностях, но он не единственный элемент знания, порожденный общением, закрепленный и воспроизводимый. Все прочие мыслительные узлы, сформировавшиеся в процессе общения, и те знания, не имеющие источником общение, будут называться *смыслами*. Они могут быть структурированы как в ходе общения, так и под воздействием законов мышления, а по сей причине ранжированы по степени непосредственной близости к значению, или наоборот — к конечному содержанию высказывания как номинативного целого. Само конечное содержание высказывания формируется как результат двух взаимозависимых процессов: движения от значения каждой морфемы к смыслу воспроизводимого или модульного целого с одной стороны, и синтеза контекстных элементов содержания

высказывания — с другой, и при этом подключаются существующие дополнительные ассоциативные связи, за счет чего и возникает эффект эмерджентности. Как видим, чайник Рассела, о котором мы упоминали, а также Чеширский Квантовый кот — обязательные участники всех этих процессов: нельзя с уверенностью говорить о том, какова точная последовательность процессов, или это, возможно, не совсем последовательность, а одновременное состояние, где свойства интегрированы настолько, что сложно отделить один элемент психической субстанции от другого и возникает своего рода «квантовая запутанность» в приложении к нефизическим состояниям интегрированных элементов. Особенно важно учитывать «квантовые» особенности динамики и существования данных явлений, если мы переходим к анализу художественной речи [2; 3]. Именно там и проявляются в наибольшей степени потенциальные возможности каждого из звеньев психического содержания знака и их неразрывной взаимозависимости как в одновременном состоянии, так и во времени.

В заключение кратко остановимся на вопросе о том, почему при исследовании семантических объектов необходимо переосмысление некоторых кажущихся очевидными привычных вещей. Например, когда мы производим компонентный анализ какой-либо значимой единицы языка, мы разбиваем на компоненты — что именно? Есть ли это тот или иной смысл слова как знака, обозначающего фрагмент действительности? При этом напомним, что слово как единица языка далеко не универсальное знаковое единство в языковых знаковых системах. Кроме того, не очень ясно: то ли мы анализируем слово в целом, то ли закрепленный за ним смысл, то ли сам фрагмент действительности. Полезно? Конечно. Но явно недостаточно и не совсем о языке. Легко можно скатиться к разбиению на части и на признаки самого объекта действительности.

Все более и более приобретающее популярность стремление людей к «народной этимологии» доказывает, что люди замечают, как «потенциальная энергетика» слова начинает подменяться тем, что Г.П. Мельников называл «ярлыком»: вот знак, вот его значение (в традиционном смысле), а вот компоненты значения — по сути, признаки самого объекта. С одной стороны, результаты такого «этимологизирования» весьма своеобразны, поскольку по большей части опираются на актуально существующие в данный момент созвучия и игнорируют все известные законы развития языка. Но с другой — это радует, поскольку люди не хотят терять чувство языка. А оно становится все большей редкостью. Если провести аналогию с музыкой, невозможно без соответствующих приборов доказать человеку, лишенному музыкального слуха, что он фальшивит, если он не хочет в это верить, но заставить его не петь невозможно. То же и с чувством языка — а здесь и приборов нет (возвращаемся к недоказуемому «чайнику Рассела» и имярек «жуку в коробке», о котором нечто знает только владелец коробки, да и то со своей точки зрения).

Если не учитывать все факторы, описанные в данной работе, то иногда бывает невозможно не только объяснить иностранцу некоторые особенности

изучаемого языка, но и самому их понять. Для исследователя всегда существует искушение рассматривать конечный смысл как целое и по нему судить о характере или функции целой категории, как, например, выделить с десятков групп возвратных глаголов. На самом же деле данная категория является не совсем, и возможно даже совсем не глагольной, а представляет собой категорию высказывания с присущим ему триадичным характером, об универсальности которого неоднократно говорил Г.П. Мельников, и связана она со взаимоотношениями участников события, отображенного в высказывании.

Другой пример. Глаголы с префиксом *по-*. Обычно указывается на то, что префикс придает глаголу смысл «недолго, некоторое время». Однако есть множество примеров, которые никак не подходят под это определение: *много повидал в жизни, покраснел, побежал, везде побывал* — и т.п. А предлог *по* — это другое? Оказалось, что это тема отдельного исследования, и *значение* морфемы связано с идеей 2D предела возможного распространения действия или признака (в настоящий момент тема разрабатывается автором).

Последний пример. Когда-то уха автора достигли употребленные в одном контексте глаголы *вылечить* и *исцелить*. Если рассматривать их с точки зрения характера действия, то, по-видимому, первое требует длительного исполнения, второе же происходит почти мгновенно и чудесным образом. И это даже очень неплохое объяснение, если оно производится обычным человеком. Однако если исследователь выбрал его в качестве объекта изучения, то надо бы взглянуть на морфемный состав слов.

Во-первых, *вы-* и *из-* указывают на некоторые исходные точки: в первом случае точка находится внутри, во втором — снаружи. Во-вторых, корневые морфемы обладают весьма красноречивыми — разными — *значениями*. В первом случае корень явно не связан с лежанием, хотя народный этимолог именно так бы его и понял (и всех «тупых доцентов» прогнал бы). Просмотрев даже поверхностно ассоциативное поле данной корневой морфемы, исследователь сразу увидел бы там и *лекаря*, и *лектора*, и *врача*, и *вруна*, которые *заговаривают* не только зубы, но и другие болезни могут — словом, коли лекарь знает, что врать — заговорит болезнь, и она сама по себе выйдет. В корневой же морфеме глагола *исцелить* присутствует идея целого, и сам больной никак не сможет выйти из этого состояния. Это должен сделать тот, кто его из болезни достанет целого и невредимого — но не *вытолкнет*. Что нам дает осознание внутренней формы этих слов? А дает оно то самое чувство языка, которое делает нашу речь понятной и единой от Калининграда до Владивостока. Естественно, *значения*, о которых знает исследователь, у обычного носителя языка находятся в неосознанном состоянии, но практически любой носитель языка интуитивно в одной ситуации использует глагол *вылечить*, в другой — *излечить* (и здесь, несомненно, есть элемент чуда), в третьей — *исцелить*, но никогда всерьез не скажет *выцелить*, даже окказионально, но в плане игры слов — пожалуй!

Заключение

При учете дифференциации содержательной стороны языковых знаков, о которой говорилось в предложенной статье, и при учете статуса каждого из составляющих «квантовое» единство значений и смыслов, любое семантическое исследование может стать значительно более четким, ясным и интересным и принести истинное научное наслаждение самому исследователю и читателю.

Список литературы

1. Валентинова О.И. Общая теория систем Г.П. Мельникова как научная универсалия // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Т. 1. № 5. С. 7–16. <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.007> EDN: ZXEGNE
2. Валентинова О.И. Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 22–37. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37>. EDN: DGFCXJ
3. Валентинова О.И. Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> EDN: NVUWTN

References

1. Valentinova, O.I. (2024). General Theory of Systems of G.P. Melnikov as a Scientific Universal. *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*, 5(1), 7–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.007> EDN: ZXEGNE
2. Valentinova, O.I. (2024). The Interconnection of Substance, Structure and Function in High Systemicity Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 22–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37>. EDN: DGFCXJ
3. Valentinova, O.I. (2022). Figurative Thinking in Science (based on the Work of V.O. Klyuchevsky “History of Russia”). *Philological sciences. Scientific reports of higher education*. 4, 48–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> EDN: NVUWTN

Сведения об авторе:

Крашевская Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИ-ГАиК) (105064, Российская Федерация, г. Москва, Гороховский переулок, д. 4); *сфера научных интересов*: системная типология языков, семантика, системная лингводидактика, методика преподавания РКИ, цифровая филология; *e-mail*: breshka2@gmail.com
ORCID: 0009-0009-6016-5740; SPIN-код: 1968-3148; Author ID: 69084969.

Information about the author:

Nataliia V. Krashevskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAik) (4, Gorokhovskiy Pereulok, Moscow, Russian Federation, 105064); *Research interests*: systemic typology of languages, semantics, systemic linguodidactics, methods of teaching Russian as a foreign language, digital philology; *e-mail*: breshka2@gmail.com
ORCID: 0009-0009-6016-5740; SPIN-code: 1968-3148; Author ID: 69084969.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-731-743

EDN: DCRQOW

УДК 811.161.1'23-11

Научная статья / Research article

Принцип доминанты А.А. Ухтомского: филологический взгляд

Н.А. Бубнова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ bubnova-na@rudn.ru

Аннотация. Принцип доминанты, сформулированный и обоснованный выдающимся русским и советским физиологом Алексеем Алексеевичем Ухтомским, был впервые описан на биологическом материале как особенность физиологии сложных организмов, далее это явление самим автором, А.А. Ухтомским, было распространено и на другие сферы человеческой жизни: социум, психологию, педагогику, философию и, конечно, творчество. В статье предлагается адаптированное представление одного из вариантов приложения принципа доминанты А.А. Ухтомского к исследованию текста, психофизиологии восприятия. Актуальность статьи определяется ее вкладом в разработку системного метода исследования текстов, базирующегося на трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Г.П. Мельникова. В основной части статьи дан биографический экскурс и показан путь становления А.А. Ухтомского как ученого, факторы, благоприятствовавшие развитию научного интереса и позволившие совершить выдающееся открытие не только в сфере физиологии; подчеркнуто влияние важных людей, оказавших значительное воздействие на характер А.А. Ухтомского. В статье также подробно разобрана механика доминанты как общебиологического принципа работы нервных центров: особенности ее формирования, развития и затухания, а также последствия доминантного поведения для нервной системы в общем и психики человека в частности. Перечислены основные признаки доминанты: интегральный принцип, готовность доминанты, инерция доминанты, торможение других рефлексов, конец доминанты. Раскрыта особенность кортикальной доминанты свойственной организмам с развитой высшей нервной деятельностью (человеку), показана роль принципа доминанты при изучении словесного искусства, а также связь идей А.А. Ухтомского с теорией мнимы Н.А. Рубакина.

Ключевые слова: физиология, механизмы понимания, текст, текстовая доминанта, психолингвистика текста

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.03.2025; дата приема в печать: 15.04.2025.

Для цитирования: Бубнова Н.А. Принцип доминанты А.А. Ухтомского: филологический взгляд // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 731–743. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-731-743>

© Бубнова Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Principle of the Dominant by A.A. Ukhtomsky: a Philological View

Natalia A. Bubnova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ bubnova-na@rudn.ru

Abstract. The principle of dominance was formulated and substantiated by the outstanding Russian and Soviet physiologist Alexei Alexeevich Ukhtomsky. Despite the fact that the dominant principle was first described exclusively on biological material as a feature of the physiology of complex organisms, this phenomenon was already extended by the author himself, A.A. Ukhtomsky, to other areas of human life: society, psychology, pedagogy, philosophy and, of course, creativity. The article describes one of the options for applying A.A. Ukhtomsky's principle of dominant to text research, the psychophysiology of perception. The relevance of the article is determined by its contribution to the development of a systemic method for studying texts based on the works of I.A. Baudouin de Courtenay, A.A. Potebnya, G.P. Melnikov. The main part of the article provides a biographical overview and shows the path of A.A. Ukhtomsky's development as a scientist, the factors that favored the development of scientific interest and allowed to make an outstanding discovery not only in the field of physiology; the influence of important people who had a significant impact on the character of A.A. Ukhtomsky is emphasized. The article also examines in detail the mechanics of the dominant as a general biological principle of the work of nerve centers: the features of its formation, development and attenuation, as well as the consequences of dominant behavior for the nervous system in general and the human psyche in particular. The main features of the dominant are listed: the integral principle, the readiness of the dominant, the inertia of the dominant, the inhibition of other reflexes, the end of the dominant. The peculiarity of the cortical dominant inherent in organisms with developed higher nervous activity (humans) is revealed, the role of the dominant principle in the study of verbal art is shown, as well as the connection of A.A. Ukhtomsky's ideas with the theory of mneme by N.A. Rubakin.

Keywords: physiology, mechanisms of understanding, text, text dominant, psycholinguistics of text

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.03.2025; accepted: 15.04.2025.

For citation: Bubnova, N.A. (2025). The Principle of the Dominant by A.A. Ukhtomsky: a Philological View. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 731–743. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-731-743>

Мироощущение предопределяется направлением
внутренней активности человека, его доминантами!
Каждый видит в мире и людях то, чего искал
и чего заслужил. И каждому мир и люди
поворачиваются так, как он того заслужил.
Это, можно сказать, «закон заслуженного собеседника».

A.A. Ухтомский

Введение

Сегодня принцип доминанты в мировой науке связан с именем выдающегося деятеля, русского и советского ученого, физиолога Алексея Алексеевича Ухтомского, человека всесторонне образованного, обладающего широкой научной эрудицией, строгой дисциплиной и выдающимися человеческими качествами. Несмотря на то, что принцип доминанты А.А. Ухтомский впервые

отметил и описал исключительно на биологическом (физиологическом) материале, сам же автор быстро распространил этот принцип и на другие сферы жизни, пытаясь постичь «анатомию человеческого духа».

Принцип доминанты А.А. Ухтомского позволяет изучить диалектическое единство физиологии и психики, телесного и духовного, оставаясь при этом строгим, точным и целостным научным методом и философско-мировоззренческой концепцией. Доминанта, по мнению А.А. Ухтомского, «есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон, вроде закона тяготения, который, может быть, сам по себе и не интересен, но который достаточно назойлив, чтобы было возможно с ним не считаться»¹. Так понимаемый принцип доминанты можно назвать ключом к сложным, противоречивым и не всегда рефлекслируемым мотивам человеческого поведения, включая как творчество, искусство, так и человеческий язык.

Об Алексее Алексеевиче Ухтомском и его учителях

Алексей Алексеевич Ухтомский (ударение на первый слог) родился в 1875 г. в небольшом родовом поместье князей Ухтомских в сельце Вослома недалеко от Рыбинска в Ярославской губернии в семье отставного офицера, чей род восходит еще к Рюриковичам (ветвь Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, один из потомков Всеволода Юрьевича получил земли по реке Ухтомке, отсюда и фамилия Ухтомских). Семья была по тем временам небольшая, до совершеннолетия дожили только старший брат Александр (впоследствии архиепископ Андрей) и две сестры А.А. Ухтомского, Мария и Елизавета. Отец Алексей Николаевич страстно увлекался народной медициной и бесплатно врачевал местных крестьян исключительно из великодушия и чувства долга². Забота о семейном благополучии легла на плечи матери, Антонины Федоровны, которая была женщина властная, чрезвычайно предприимчивая и активно занималась куплей-продажей земель и ценных бумаг, играла на бирже и давала ссуды под заклад. При такой занятости времени на воспитание детей не хватало, поэтому Антонина Федоровна в 1876 г. передала сына Алексея в Рыбинск на воспитание родной сестре мужа Анне Николаевне Ухтомской³.

Тетя Анна Николаевна Ухтомская к тому моменту похоронила мать и жила уединенной одинокой жизнью, забота о маленьком Алексее стало для нее отдушиной и целью жизни. А для Алексея тетя стала одним из самых главных людей, «главной воспитательницей и спутницей вплоть до ее кончины в 1898 году», как писал сам ученый позднее⁴. Безвременная кончина тети

¹ Ухтомский А.А. Лицо другого человека: из дневников и переписки. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 2.

² Резник С.Е. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном. М. : Алетей, 2021.

³ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002.

⁴ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002.

стала для молодого ученого таким потрясением, что Алексей Алексеевич решил никогда не иметь отношений более близких, чем дружеские. Этому обещанию А.А. Ухтомский был верен всю жизнь.

Анна Николаевна, в отличие от суровой и властной матери, была нежным и любящим спутником, деятельным другом и помощником не только для племянника, но и для других, нуждающихся в поддержке и помощи. Фактически отказываясь от себя, тетя Анна помогала крепостным и сиротам, деятельно участвовала в жизни староверческой общины. Как писал сам Ухтомский, «Мне было дано громадное счастье в том, что я в детстве и юности глубоко и неразрывно любил и чувствовал тетю; это как бы разбудило меня на всю дальнейшую жизнь, заставив почувствовать и понять, как драгоценен, в то же время — непрочен и хрупок всякий человек»⁵. Будучи сама образцом подвижничества, Анна Николаевна учила племянника на других высоких образцах. Например, чтению юный Алексей Алексеевич учился по житиям святых и книгам старообрядцев. Это позволило Алексею Алексеевичу воспитать в себе удивительное внимание к другому и бескорыстную эмпатию.

В 1884 г. в возрасте девяти лет Алексей Алексеевич поступил в Рыбинскую мужскую классическую гимназию, из которой, по настоянию отца, в 1888 году был переведен в Нижегородский кадетский корпус им. Графа Аракчеева. В этот период мощное влияние на становление ученого оказал преподаватель математики Иван Петрович Долбня, «учитель мысли», как позже назовет его сам А.А. Ухтомский. Иван Петрович Долбня, будущий профессор, а позже и ректор Петербургского горного института, был широко образован, знакомил учеников не только с математикой, но и с широким спектром вопросов естественных наук. Под влиянием своего наставника И.П. Долбни и других учителей корпуса Ухтомский заинтересовался не только физикой и математикой, но и философией, логикой, психологией, этикой, литературой, историей и языками, отдавая максимум времени самообразованию.

В 1894 г. А.А. Ухтомский по совету И.П. Долбни и по примеру старшего брата Александра поступает на словесное отделение Московской духовной академии (Звенигород), где в то время преподавал историк Василий Осипович Ключевский и другие профессора Московского университета, что в немалой степени определило выбор Ухтомского⁶.

В 1899 г. А.А. Ухтомский блестяще оканчивает академию, но вместо церковной карьеры, в отличие от брата, Алексей Алексеевич выбирает науку — физиологию: «В Духовной Академии у меня возникла мысль создать биологическую теорию религиозного опыта. При этом основой религиозного опыта заранее

⁵ Ухтомский А.А. Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск : Рыбинское подворье, 2000.

⁶ Резник С.Е. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с меуарным уклоном. М. : Алетей, 2021.

предполагалась известная физиологическая роль его...»⁷ и «Кандидатская диссертация (в Московской духовной академии — *Н.Б.*) поставила настоятельно на очередь ближайшее изучение физиологии головного мозга, нервной деятельности вообще, а также физиологии поведения»⁸. Однако на этом пути к науке А.А. Ухтомского ждало серьезное препятствие, так как выпускников семинарий и духовных академий было запрещено брать на естественные факультеты университетов. Чтобы обойти запрет, Ухтомский поступает на восточный факультет Петербургского университета, а через год, по протекции однокашника отца министра внутренних дел Д.С. Сипягина, переводится уже на отделение естественных наук физико-математического факультета.

Учебе в университете А.А. Ухтомский отдавал практически все свое время и свой энтузиазм, не ограничиваясь лекциями, изучал параллельно и другие источники по физике, химии и другим дисциплинам. Во то же время благодаря связям брата А.А. Ухтомский познакомился с видными деятелями церкви, а благодаря дальнему родственнику князю Эсперу Эсперовичу Ухтомскому получил доступ в придворные круги. Но эти стороны жизни нисколько не привлекали Алексея Алексеевича, хотя общественная жизнь не была ему чужда. Например, в 1901 г. он участвовал в студенческой сходке, Алексея поймали, ему грозило исключение из университета. Только благодаря заступничеству Д.С. Сипягина и Э.Э. Ухтомского дело удалось благополучно замять. События революции 1905 г. тем более вызвали у Алексея Алексеевича душевный подъем, хотя и принесли впоследствии разочарование: он считал, что достижения революции были заболтаны и никак не сказались на жизни народа. Февральскую и Октябрьскую революции А.А. Ухтомский воспринял уже со сложными чувствами.

В 1905 г. во время учебы в университете А.А. Ухтомский знакомится с очень важным в его судьбе человеком — Варварой Александровной Платоновой, с которой поддерживал переписку в течение 37 лет⁹. Какое-то время Алексей Алексеевич и Варвара Александровна считались обрученными, но их отношения носили исключительно духовный характер, оба так и не создали семью, вели практически монашеский образ жизни (как говорил сам Ухтомский, «монах в миру»). На протяжении этих 37 лет Варвара Александровна была доверенным лицом, внимательным слушателем и добрым критиком Алексея Алексеевича. Письма к Варваре Александровне были для Ухтомского вторым дневником, зеркалом, позволяющим правдиво взглянуть в глаза самому себе, поверить свои мысли и переживания, получить дружескую поддержку, такую же теплую, какую А.А. Ухтомский

⁷ 4. Ухтомский А.А. Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск : Рыбинское подворье, 2000. С. 196.

⁸ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002.

⁹ Кузьмичев И.С. А.А. Ухтомский и В.А. Платонова. Эпистолярная хроника. СПб. : Журнал «Звезда», 2000.

получал долгие годы от тети Анны¹⁰. Старший брат Александр не был рад знакомству Алексея, звал в монастырь, надеясь, что в уединении монастыря Алексей оставит и Варвару, и науку. Науку Алексей не оставил.

Уже на втором курсе обучения Ухтомский начал заниматься научными исследованиями, в том числе и под руководством профессора Николая Евгеньевича Введенского (1852–1922, физиолог, ученик И.М. Сеченова), которого по праву можно назвать третьим важным учителем в жизни — А.А. Ухтомского. После окончания университета с дипломом первой степени Ухтомский остался работать в той же лаборатории Введенского, одновременно преподавая в разных учебных заведениях Петербурга, а в 1911 г. защитил магистерскую диссертацию, в которой впервые появились идеи, получившие затем развитие в учение о принципе доминанты.

В 1912 г. А.А. Ухтомский начал чтение лекций в Психоневрологическом институте (сейчас Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова) и Санкт-Петербургском университете, сочетая научную деятельность с обязанностями старосты Никольского единоверческого храма святого Николая Чудотворца, немало способствовав тому, что храм впоследствии стал не только религиозным старообрядческим, но и крупным образовательным центром¹¹. В 1920 г. А.А. Ухтомский получил в руководство лабораторию Петергофского естественного института и тогда же был избран в Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов. Это тем более удивительно, что сам Алексей Алексеевич никогда своих дворянских корней не скрывал, прекрасно знал богатую историю своего рода и охотно делился своими знаниями, хотя никогда не кичился своим происхождением. Тем не менее Петросовет сыграл важную роль в судьбе ученого. Осенью 1920 г. дом А.А. Ухтомского в Рыбинске, где когда-то они жили с тетей Анной, был национализирован, Алексей Алексеевич в ноябре 1920 г. с ходатайством от Петросовета и университета оставить за ним две комнаты в этом доме отправился в Рыбинск, но был арестован, причем бумага от Петросовета практически спасла Ухтомского от расстрела, и после отправлен по этапу в Москву на Лубянку. В заключении А.А. Ухтомский, не терпевший бездеятельности, читал сокамерникам лекции по физиологии. Эти лекции пользовались бешеной популярностью из-за манеры Алексея Алексеевича подавать материал: искренне, с вниманием обращаясь к собеседнику, наблюдая за его реакцией, буквально заглядывая каждому в глаза. В конце января 1921 г. благодаря хлопотам ученых университета А.А. Ухтомский был освобожден, дом возвращен, но Алексей Алексеевич в Рыбинск больше не вернулся¹².

¹⁰ Ухтомский А.А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях / отв. ред.: Батуев А.С. Предисловие: Цурикова Г.М., Кузьмичев И.С. СПб. : Петербургский писатель, 1996.

¹¹ Резник С.Е. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном. М. : Алетей, 2021.

¹² Ухтомский А.А. Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск : Рыбинское подворье, 2000.

В 1923 г. Ухтомский после смерти своего учителя Н.Е. Введенского получил место профессора кафедры физиологии человека и животных Петербургского университета. В том же году А.А. Ухтомский сделал первый доклад о доминанте «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (впервые опубликован в «Русском физиологическом журнале», т. 6, вып. 1–3, 1923 г. С. 31–45 [1]) с обоснованием принципа доминанты как нового учения о работе мозга. Далее идея доминанты уточнялась и углублялась в серии работ 1923–1927 гг. В 1932 г. А.А. Ухтомский был удостоен премии им. В.И. Ленина и стал академиком АН СССР. С 1935 г. А.А. Ухтомский был директором основанного им Института физиологии ЛГУ, руководителем электрофизиологической лаборатории, заведующим биологическим отделением ЛГУ, активно преподавал. Помимо исследований доминанты, А.А. Ухтомский занимался изучением ритмов, интервалов времени и пространства (хронотопа), особенностями физиологического торможения, природы утомления и физиологии труда, не ограничиваясь, однако, только физиологической наукой. Сам А.А. Ухтомский распространял свои взгляды и на социальную жизнь, этику, творчество человека.

В 1941 г. смертельно больной А.А. Ухтомский не уехал в эвакуацию, а остался в блокадном Ленинграде, переключившись на актуальные на тот момент исследования по травматическому шоку. Алексей Алексеевич Ухтомский ушел из жизни в августе 1942 г., похоронен на «Литераторских мостках», некрополе в северной части Волковского кладбища. Сейчас имя А.А. Ухтомского носит Физиологический научно-исследовательский институт Санкт-Петербургского государственного университета, созданный по инициативе самого А.А. Ухтомского в середине 1930-х гг.

Принцип доминанты

Основным научным достижением Алексея Алексеевича Ухтомского безусловно является разработанный и обоснованный им принцип доминанты. Конечно, схожие идеи появлялись и в работах других ученых, например, немаловажную роль сыграли исследования учителя А.А. Ухтомского — Д.Е. Введенского, над подобными проблемами работали выдающиеся физиологи И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов. Достижение именно А.А. Ухтомского состоит в том, что он впервые детально описал механизм доминанты, его детали и нюансы, получил их экспериментальное подтверждение. В основе учения А.А. Ухтомского, которое сейчас можно достаточно легко и доступно объяснить даже школьнику, лежат годы и годы работы, сотни экспериментов, часы размышлений.

Впервые достаточно полно принцип доминанты был представлен научной общественности в докладе А.А. Ухтомского «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923) и в одноименной статье, опубликованной в «Русском физиологическом журнале» [1]. Термин «доминанта» был заимствован Ухтомским из книги «Критика чистого опыта» другого ученого — философа

Рихарда Авенариуса (1843–1896, швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма) [1. С. 15]. Конечно, А.А. Ухтомский заимствовал у Р. Авенариуса удачный термин, но не его наполнение: «... Но, к сожалению, это представление о доминанте у Авенариуса имеет все-таки такой характер, что, дескать, вот какие бывают курьезы в мозговой работе. Все-таки и для него — это нечто исключительное, нечто отходящее от нормы. <...> Я со своей стороны еще раз и еще раз хочу подчеркнуть, что, по-моему, перед нами не нечто исключительное, не частность, тем более не аномалия, а нечто постоянное и характерное для нормальной работы нервных центров» [1. С. 102].

Собственно под доминантой у А.А. Ухтомского понимается «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения сигналы служат усилению возбуждения в этом очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [1. С. 20]. При этом доминанта является общебиологическим принципом, определяющим поведение различных живых организмов (многие эксперименты А.А. Ухтомский проводил на препаратах на основе лягушек), а принцип доминанты работает на различных уровнях организации нервной системы: от примитивных рефлексов до сложной высшей нервной деятельности.

Если не останавливаться на научном определении доминанты, а объяснить чуть более подробно, то доминантой становится активный в определенный момент времени центр в нервной системе. В общем, это может быть любой отдел нервной системы, например, спинной мозг, или другие отделы организма, но для нас, конечно, важнее отметить более сложный орган — головной мозг. В высшем достижении эволюции — коре головного мозга — нервные процессы, связанные с доминантой, проходят более сложно, но и более экономично и являются физиологической основой внимания, избирательный характер общения (доминанта «на лицо другого»).

Итак, под воздействием какого-то внешнего раздражителя в нервной системе возникает активный центр, который на некоторое время определяет направление и содержание психического процесса, направленного на удовлетворение основной на этот момент потребности, созданной тем самым внешним раздражителем. Все другие потребности и процессы при этом оказываются как бы второстепенными, и соответствующая им деятельность подавляется. То есть вся деятельность организма активизируется и направляется для удовлетворения текущей потребности.

Если воспринимать принцип доминанты исключительно физиологически, то, конечно, внешний раздражитель в этом случае следует понимать буквально — стимуляция нервной системы физически или химически. Если же смотреть на раздражитель чуть более широко, то такой точкой запуска доминанты может стать и не физическое воздействие: поведение, жест, слово, текст, память об уже перенесенном определенном опыте (физическом или психическом) — все,

что так или иначе может воздействовать на чувствительные зоны нервной системы (головного мозга). Под влиянием такого раздражителя (или комплекса раздражителей, очень часто они бывают сочетанные) и за счет активного центра создается некоторая потребность, требующая своего удовлетворения и разрешения, для чего и мобилизуются все средства организма.

Возбужденный активный центр и станет основой доминанты, хотя в этом случае сложно говорить об одном центре, скорее всего возбуждается сразу целый **комплекс** центров — **интегральный принцип доминанты**, — позволяющих организму эффективно и достаточно экономично удовлетворить возникшую потребность. Станет ли этот комплекс центров именно **доминантой** зависит от **готовности** этих центров принять воздействие. Если центры не достаточно готовы, воздействие может быть и не замечено организмом, или окажет незначительное влияние, которое достаточно скоро затухнет. То есть судьба доминанты обусловлена не столько характером раздражителя, сколько характером самого принимающего центра.

Сформировавшийся активный центр (комплекс центров) под влиянием раздражителя становится устойчивым и начинает привлекать к себе волны возбуждения из других источников организма, подкрепляя и все более усиливая свое возбуждение, даже если вызвавший его стимул уже удален — инерция доминанты. Более или менее наглядно этот принцип можно проиллюстрировать алгебраическим термином «сложение векторов» — объединение величин и направлений разных векторов для получения единого результирующего вектора, в нашем случае — доминанты (см. рис. 1).

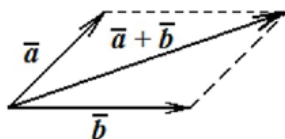

Рис. 1. Правило параллелограмма при сложении векторов в алгебре

Источник: составлено Н.А. Бубновой.

Fig. 1. The parallelogram rule for vector addition in algebra

Source: compiled by Natalia A. Bubnova.

Однако здесь есть немаловажное условие: если центр в принципе готов воспринять раздражение, но не может в силу определенных причин аккумулировать и усиливать поступающее из других центров возбуждение, он не сможет стать настоящей доминантой.

По мере своего усиления активный центр не только перенаправляет импульсы от других центров, но и параллельно с этим процессом **тормозит** и ослабляет другие рефлексy, которые на данный момент считаются менее важными и не направлены на скорейшее удовлетворение возникшей потребности — **конец доминанты**. По мере затухания доминанты все более сужается

и сфера тех центров, способных ее подпитывать, и сфера тех раздражителей, способных ее активизировать.

Схематично весь цикл образования и затухания доминанты можно представить следующим образом (см. рис. 2).

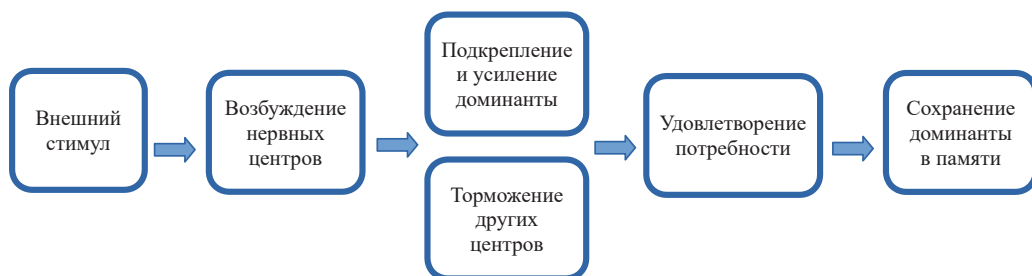

Рис. 2. Схематичное изображение цикла доминанты
Источник: составлено Н.А. Бубновой.

Fig. 2. Schematic representation cycle of the dominant
Source: compiled by Natalia A. Bubnova.

Завершающее весь процесс удовлетворение потребности только условно можно назвать «концом доминанты». Настоящая доминанта никогда не заканчивается, следы бывшего возбуждения и переживания записываются (энграфируются) во всей своей целостности в долговременной памяти. Фактически, чтобы завершить одну доминанту, нужно эту доминанту заместить другой доминантой. И так далее до бесконечности.

Все пережитые доминанты бережно сохраняются организмом, и если в дальнейшей жизни организма возникает точно такое же или **похожее** воздействие, проблема, задача, то для ее решения из хранилищ памяти извлекается прежняя доминанта (комплекс симптомов, сопровождавших прежнюю доминанту), но уже в несколько **преобразованном** виде, адаптированном к измененным внешним обстоятельствам, и реализуется буквально (плоть до галлюцинаций) или **символически**, что свойственно для организмов с развитой системой высшей нервной деятельности (человеку). Никакая пережитая доминанта не останавливается в своем развитии, возвращаясь, она становится более сложной и обогащенной. Таким образом, в цепи событий (воздействий, столкновений со средой) постепенно обогащается наш жизненный опыт, а «в душе могут жить множество потенциальных доминант — следов от прежней жизнедеятельности. Они поочередно выплывают в поле душевной работы и ясного внимания, живут здесь некоторое время, подводя свои итоги, и затем снова погружаются вглубь, уступая поле товаркам. Но и при погружении из поля ясной работы сознания они не замирают и не прекращают своей жизни» [1. С. 36–37].

Если говорить не о доминантах вообще, а о высших кортикальных доминантах (возникающих в коре головного мозга), то следует отметить, что

их основа преимущественно **образная**: «Пока доминанта ярка и жива, она держит в своей власти все поле душевной жизни, все напоминает о ней и о связанных с нею образах и реальностях» [1. С. 36]. Образ (в том числе и чувственный образ) как **основу мышления**, вслед за А.А. Потебней [2] не раз упоминал в своих работах и Г.П. Мельников [3–7].

Еще одной особенностью высшей кортикальной доминанты является то, что в отличие от более простых нервных систем, она может в качестве раздражителя, запускающего развитие доминанты, выбирать не непосредственное физическое воздействие, чтобы при новых данных обойтись при помощи старого опыта [1. С. 80]. Тогда высшие кортикальные доминанты становятся как бы «дальнозоркими» центрами, намечающими реакцию организма задолго до непосредственного воздействия, в этом состоит ориентирующее значение высших нервных центров [1. С. 117–118]. И здесь, кстати, возникает диалектическая проблема: доминанты облегчают нашу жизнь, но при этом наше научение обусловлено нашими доминантами, и таким образом доминанта стоит между нами и реальностью [1. С. 125].

Принцип доминанты и филологическая наука

Итак, благодаря высшим кортикальным доминантам мы можем учиться не на непосредственном столкновении со средой, а максимально экономно, например, на чужом опыте. Этот чужой опыт может представать перед нами в различном виде, например, зафиксированным в виде слова, в произведениях литературного искусства, и тут особая роль принципа доминанты для филологической науки состоит в том, что он позволяет под языковое поведение человека, под его творчество подвести нейрофизиологическую основу, так как **доминирующая идея автора ищет свое обязательное разрешение в творческом акте** — литературном произведении [7]. В этом случае ключевая задача исследователя состоит в том, чтобы на основе самого текста раскрыть доминанту, руководящую автором на протяжении всего периода создания произведения.

Автор текста не может не быть заинтересованным в максимальной реализации доминанты в его труде, более того, доминанта **непременно** должна быть особым образом запечатлена в тексте. Это гарантирует, во-первых, адекватное восприятие («понимание») читателя, реконструирующего доминанту в своей психике во время чтения, во-вторых, адекватный анализ исследователя, стремящегося не только получить эстетическое наслаждение, но и подвергнуть руководящую доминанту определенной научной рефлексии.

При создании произведения автор, обремененный идеей выразить нечто (дотекстовая доминанта, авторская интенция [7. С. 278]), сознательно или бессознательно отбирает именно те формальные средства выражения, которые наилучшим образом способствуют материализации доминанты, через это доминанта подчиняет себе текст, все его элементы, и управляет ими. И поскольку репертуар этих формальных средств никаким образом не ограничен,

доминанта непременно реализуется сразу во всех ипостасях текста: и с точки зрения идейно-эстетического выражения, и в системе образов, композиции, и в собственно языковом проявлении [7. С. 278–299]: «Создание текста знаменует начало самостоятельной жизни доминанты, не зависящей теперь от художника и не подчиняющейся ему» [7. С. 279].

Заключение

Принцип доминанты А.А. Ухтомского дает прочную методологическую базу не только для изучения собственно физиологических процессов, но и для целого ряда гуманитарных наук и для филологической науки в частности. Конечно, сам А.А. Ухтомский в своих статьях и докладах о принципе доминанты в физиологии или размышлениях над природой человеческой психики, науки, искусства, этики и эстетики не применяет этот принцип непосредственно для изучения текста. Но понимаемый как общеметодологический подход принцип доминанты может прояснить закономерности в организации произведения словесного искусства. И в этом также проявляется диалектичность доминанты: переломить активную доминанту словом (убеждением, нотацией) невозможно, любое воздействие будет восприниматься доминирующим центром как определенное подкрепление и преобразовываться в усиление. Активная доминанта может быть только вытеснена, заменена другой доминантой (ср. механизм сублимации). Но физическое воплощение (не в физиологическом смысле конечно) доминанта получает именно в слове, материализуясь и получая силу воздействия на других.

Принцип доминанты А.А. Ухтомского во многих деталях соотносится и удачно дополняется библиопсихологией и теорией мнемы Н.А. Рубакина, в основу которой также легли положения биологической науки. Некоторые процессы, связанные с доминантой, можно наблюдать при образовании и функционировании мнемы: сложный стимул, порождающий раздражение живого вещества (интегральный принцип доминанты), энграфирование психического опыта (инерция и сохранение доминанты), экфорирование энграмм из подсознания в сознание (оживление доминанты), образная природа переживания психического опыта, определяющая роль в восприятии окружающей действительности, собеседника, книги. Оба подхода — принцип доминанты и теория мнемы — сопряженные и дополняющие друг друга позволяют достаточно точно обозначить шаги в изучении художественного произведения во всей его сложности, целостности и системности.

Список литературы

1. Ухтомский А.А. Доминанта. М. : АСТ: Кладезь, 2024.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев : СИНТО, 1993.
3. Мельников Г.П. Бодуэновское понимание системности языка // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. М. : Издательство Московского университета, 1978. С. 32–51.

4. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Советское радио, 1978.
5. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> EDN: JACOCE
6. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М. : Языки славянских культур, 2016. С. 278—280. EDN: WPSHBF
7. Валентинова О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // Валентинова О.И. и др. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК, 2016. С. 278–280.

References

1. Ukhtomsky, A.A. (2024). *Dominant*. Moscow: AST Publ.: Kladez. (In Russ.).
2. Potebnya, A.A. (1993). *Thought and language*. Kyiv: SINTO. (In Russ.).
3. Melnikov, G.P. (1978). Baudouin's understanding of the systemic nature of language. In: *Language Practice and Theory of Language* (Iss. 2 pp. P. 32–51). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
4. Melnikov, G.P. (1978). *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Sovetskoe Radio. (In Russ.).
5. Bakhtikireeva, U.M., & Valentinova, O.I. (2022). “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 224–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> EDN: JACOCE
6. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhensky, S.Yu., & Rybakov, M.A. (2022). Imaginative thinking in science (based on the material of V.O. Klyuchevsky's essay “The History of Russia”). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 4, 48–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> EDN: NVUWTN
7. Valentinova, O.I. (2016). The systemic approach to the investigating text and style: the rationale of the causal typology of texts. In: *Systemic view as a basis for philological thought* (pp. 278–280). Moscow: YASK. (In Russ.). EDN: WPSHBF

Сведения об авторе:

Бубнова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: семиотика, семантика, системология, герменевтика, семантическая типология текстов; *e-mail*: bubnova-na@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-8293-1399. ResearcherID: AAA-1513-2019. SPIN-код: 9065-7172, AuthorID: 187596.

Information about the author:

Natalia A. Bubnova, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semiotics, semantics, systemology, hermeneutics, semantic typology of texts; *e-mail*: bubnova-na@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-8293-1399. ResearcherID: AAA-1513-2019. SPIN-code: 9065-7172, AuthorID: 187596.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА FUNCTIONAL SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-744-759

EDN: DCJJBD

UDC [811.161.1:811.111]’25’37

Research article / Научная статья

Translating Deontic Modality: Semantic and Formal Convergences and Discrepancies

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, *Irkutsk, Russian Federation*

✉ olgaa_boginskaya@mail.ru

Abstract. Modality is a challenging phenomenon for translators since languages have modality systems that differ in terms of the degree of grammaticalization. The article aims to analyze and summarize strategies used in translating deontic modal operators from Russian into English. Based on the theory of modality developed within Functional Linguistics, the article is intended to analyze the deontic modal forms in the presidential addresses delivered in 2015–2022 in an attempt to explore formal and semantic convergences and discrepancies between the Russian and English parallel texts. To achieve this purpose, the research seeks to identify modal operators used to express deontic meanings in Russian and English, to reveal semantic and formal similarities and discrepancies between the deontic modal forms in the parallel texts, and to summarize translation strategies employed to render the Russian deontic modal forms into English. The novelty of the research is due to scrutinizing discrepancies between deontic modal forms in the Russian and English texts and analyzing translation choices. The article contributes to the research on deontic modal operators that need to be thoroughly investigated in Russian and English due to semantic and syntactic differences among the Germanic and Slavic languages. Three types of translation strategies were identified: semantic and grammatical equivalence, grammatical transformation, semantic and grammatical transformation. The results can be used in training translators and preparing manuals for translation courses.

Keywords: modal meanings, presidential addresses, modal auxiliaries, translation strategies

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 03.01.2025; accepted: 15.03.2025.

For citation: Boginskaya, O.A. (2025). Translating Deontic Modality: Semantic and Formal Convergences and Discrepancies. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 744–759. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-744-759>

© Boginskaya O.A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Деонтическая модальность: стратегии перевода

О.А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет, *Иркутск*,
Российская Федерация
✉ olga_boginskaya@mail.ru

Аннотация. Перевод модальных операторов является нелегкой переводческой задачей, поскольку категория модальности в различных языках отличается разной степенью грамматикализации. В настоящей статье ставится цель выявить стратегии передачи деонтических модальных операторов с русского языка на английский. На основе теории модальности, разработанной в рамках функциональной лингвистики, в работе анализируются средства деонтической модальности в русскоязычных и англоязычных текстах обращений российского президента к народу (2015–2022 гг.) с целью установления формальных и семантических сходств и различий. Для достижения поставленной цели выявляются лексические единицы, используемые для выражения деонтических значений в русском и английском текстах, семантические и формальные сходства и различия, а также стратегии, используемые для передачи модальных операторов с русского языка на английский. Статья вносит вклад в исследование деонтической модальности, средства реализации которой различаются в славянских и германских языках и требуют детального анализа с целью исключения ошибок при переводе текстов. Новизна исследования связана с выявлением различий в выражении деонтической модальности в русском и английском текстах и анализе переводческих решений. Были установлены три переводческие стратегии, используемые при переводе средств деонтической модальности в текстах президентских обращений на английский язык: формально-семантическая эквивалентность; грамматическая трансформация; семантико-грамматическая трансформация. Результаты анализа могут быть использованы в процессе подготовки переводчиков и разработке практикумов по переводу.

Ключевые слова: модальные значения, обращение президента, модальные глаголы, стратегии перевода

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 03.01.2025; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: *Boginskaya O.A. Translating Deontic Modality: Semantic and Formal Convergences and Discrepancies // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 744–759. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-744-759>*

Introduction

All world languages differ in their grammatical structures, semantics and other parameters, but modality exists in all the languages being a universal functional semantic category that expresses different attitudes of the utterance to reality and different types of subjective qualifications. Modality that “refers to the relationship between the uttered proposition and the world” [1. P. 75] is a linguistic feature of any text, being a source of considerable difficulty for translators due to the subtle and complex nature of the meanings modal items convey [2].

Although the category of modality has attracted attention of researchers for more than two hundred years, issues on its nature, functions and features remain open. The scientific paradigm establishes those research areas that are in demand in a certain period in the development of scientific thought. In this regard translation studies have opened up new perspectives for the study of the modal component of the text.

Modality is a challenging phenomenon for translators from Slavic into Germanic languages since they have modality systems that differ in terms of the degree of grammaticalization. While in the Germanic languages, the key modal operators are modal verbs, in most Slavic languages, including Russian, these are predicates, adjectives, adverbs, particles, notional verbs, etc. What is more, the English modal verbs as well modal verbs in other Germanic languages convey several modal meanings which are difficult to distinguish (e.g., *shall* serves a wide repertoire of semantic functions: from imposing prohibitions and obligations to granting rights).

Deontic modality has received little attention in the literature. While recent works have begun to fill this gap for Germanic languages [3–6], there is still little research on deontic modality in other languages, including Russian.

In addition, to the best of my knowledge, semantic and formal discrepancies between the deontic modal operators in Russian and other languages, including English, have been rarely treated in linguistic literature which makes the study of this issue relevant. In addition, modal meanings are one of the key ones for humans, and play a crucial role within the system of modality which requires investigation into modality both from intralinguistic and interlinguistic perspectives.

Thus, the aim of this article is to carry out a contrastive analysis of deontic modal forms in the parallel texts of presidential addresses delivered in 2015–2022 in order to identify similarities and discrepancies between them in terms of deontic modality realizations. Presidential addresses to the nation are of particular importance for the study of deontic modality as being aimed at a behavioral code of prohibitions and requirements. The presidential speeches, including those delivered on crucial events contain a wide repertoire of obligations, prohibitions, requests, with a varying degree of deontic modality.

Thus, **the research purpose** is to carry out a contrastive analysis of deontic modal forms in the parallel texts of presidential addresses delivered in 2015–2022 in order to identify similarities and discrepancies between them in terms of deontic modality realizations. Presidential addresses to the nation are of particular importance for the study of deontic modality as being aimed at a behavioral code of prohibitions and requirements. The presidential speeches, including those delivered on crucial events contain a wide repertoire of obligations, prohibitions, requests, with a varying degree of deontic modality.

To achieve the purpose set in the present study, the research seeks answers to the following questions: (1) What lexical items are used to express deontic

modal meanings in Russian and English? (2) Are there any semantic and formal similarities and discrepancies between the deontic modal forms in the parallel texts? (3) What translation strategies are employed to render Russian deontic modal forms into English?

A contrastive analysis of the Russian and English parallel texts will provide evidence of difficulties in mediating between two languages.

Materials and research methods

For the purpose of the present study, six transcripts of presidential addresses to the nation delivered in 2015–2022 were derived from the website *www.kremlin.ru*. The *www.kremlin.ru* is the official website of the Russian President launched in January 2000. The website publishes all content issued by the Presidential Press Service in Russian and English. As K. Malmkjær put it, parallel corpora provide a contrastive view of characteristics of translated texts, based on which target language norms can be revealed and summarized [33].

As the study aims to compare how deontic modality is realized linguistically in the parallel texts, the methods of quantitative and contrastive analysis were applied. The transcripts of the presidential emergency addresses were downloaded from the *kremlin.ru* website, converted to the Microsoft DOCS format and analyzed to calculate the linguistic means used to realize deontic modality. Through the contrastive study between the Russian and English modal systems, an attempt was made to build up an analytical framework and find similarities and discrepancies between the modal forms in the parallel texts.

All deontic statements found in the Russian and English texts were divided into three groups by the type of deontic modal functions, i.e. (1) indicating permission (deontic possibility), (2) indicating obligation (deontic necessity), and (3) indicating prohibition. Examples of each type of deontic modal functions are presented below.

Literature review

Deontic modality as a universal linguistic phenomenon

In systemic functional linguistics, language is considered to be a semantic system serving three functions such as ideational, interpersonal, and textual. The interpersonal function deals with the use of language in order to maintain the relation with people, to influence their behavior, or to express own views. This function is realized through the mood and modality systems.

Modality belongs to the key linguistic categories and expresses different types of relations between the utterance and reality established by the speaker. It is “the manner in which the meaning of a clause is qualified so as to reflect the speaker’s judgment of the likelihood of the proposition it expresses being true” [7. P. 219]. Modality can be also considered as an explicit means of expressing speaker’s point of view towards the propositional content.

Lyons has distinguished between three types of modality: epistemic (modes of knowing), deontic (modes of obligation), and alethic (modes of truth) [8]. Deontic modality means that the speaker “intervene(s) in the speech event by laying obligations or giving permission” [9. P. 382]. As Lyons put it, “when we impose upon someone the obligation to perform or to refrain from performing a particular act, we are clearly not describing either his present or future performance of that act. There is a sense in which the sentence we utter can be said to express a proposition; but it is not a proposition which describes the act itself. What it describes is the state-of-affairs that will obtain if the act in question is performed” [8. P. 823].

Deontic modality is not limited to obligation. Deontic-modified utterances also carry permission “related to possibility in same way that obligation is related to necessity” [8. P. 832]. Obligation and permission are considered to be the links of one chain, since permission for one person means obligation for another one. The semantics of permission is therefore traditionally included in the field of deontics. Permission does not exclude obligation, but the latter implies permission [10. P. 182]. Prototypically, deontic possibility or permission is granted by an authority — norms or a speaker [11]. Along with the restrictions imposed by rules (obligation), there are restrictions imposed for utility reasons considered in terms of positive consequences of an action for the speaker: *Of course, we cannot change past events, but we **must** at least admit them openly and honestly*. The action is required for society (social utility) and forms the core of deontic modality [12].

According to Sytko, the deontic-modified utterance contains two planes — propositional and deontic [13; 14]. The first one is a linguistic embodiment of a situation and an action that is required, forbidden, or allowed to perform. The action is always determined by the situation. A certain reason arising in the situation requires a transformation of the potential into the actual. This reason is a source that limits the area of possible worlds to one world. The modal source can be considered a driving force for creating a different situation. It determines the type of propositional operator (mandatory, forbidden or allowed). Deontic modality can be therefore determined by external or internal factors — normative and situational circumstances with a varying degree of intensity of imposed obligations: universal (laws, social rules) or individual (conventional rules, modal duty, needs, desires, intentions, etc.) norms.

Deontic modal operators in English and Russian

Deontic modal operators in English. The key exponents of modality are a set of modal forms that create modal systems [15]. In the Germanic languages, the key members of this system are modal verbs that are used to make assessments, to interpret what we are speaking about, or to express our attitudes [16]. In English, these modal forms include eight central modal verbs (*should, can, could, may, might, shall, should, must*). Alongside the central modals are periphrastic expressions capable of conveying modal meanings (e.g., *have to, have the right to, be to, will*

be able to, it is necessary, it is allowed, it is prohibited). Below is an analysis of the semantics of the modal forms used in the English texts under study to convey the deontic modal meanings.

Should. As Palmer put it, the modal verb *should* is “essentially an independent modal, with no past time reference, yet it is formally the past tense of shall and for must and ought to” [15. P. 13]. Its key use is to express tentative inference and obligation which means that the speaker expresses his/her attitude towards a certain statement. The obligation conveyed by *should* is weak and polite. It is often associated with moral rather than legal necessity. Its semantics involves an idea of a certain correct line of development of events or behavior distinguished from other possible ones. The negative form (*should not*) is used to “negate the proposition, just as *mustn't* does — there is a necessity not to act” [15. P. 125].

May. The modal verb *may* is used to ask for permission, to give permission, to confer a power, and to impose prohibition (*may + not*). The modal verb *may* expresses both deontic and epistemic types of possibility. The latter is considered to be primary and the most common sense of *may* [17–19].

Can. The modal verb expresses permission, ability, or possibility [20–21]. The meanings of permission and possibility are shared with the modal *may*. In Palmer’s theory the modal verb *can* is categorized in terms of deontic possibility as indicating permission [22].

Must. When using *must* to express obligation or deontic necessity, “the speaker expresses his/her authority to advocate certain behavior of someone else or his/her own.” [7. P. 224–225]. In contrast to *should*, *must* conveys strong obligation, requirement and prohibition (*must + not*). Strong obligation is manifested when “the consequences are more severe if the obligation is not fulfilled” [23. P. 242]. Categorical imperatives are characterized by the lack of alternative behavior. Prohibitions can be formulated as a duty not to perform certain actions. The statement is built by the formula: *Subject S in situation A is prohibited from performing action P*.

The periphrastic verbal forms *have to* and *will be able to* are semantically close to the modal verbs *must* and *can* and perform suppletive functions in relation to them.

Have to. The modal verbs *must* and *have to* are usually described in terms of internal vs. external obligation. While the verb *must* defines the exigency of doing something, the periphrastics *have to* conveys the meaning of an obligation imposed by someone else. The type of modality it conveys depends only on objective reality and is not connected with mental representations of the speaker.

Be able to. This periphrastics is used to describe abilities and possibilities whenever *can* is used. This marker is always employed in tenses where *can* has no corresponding form. The semantics of this operator is similar to the one of *can*: ability which implies deontic possibility.

Other lexical items used as deontic modal operators in English are not frequent due to the well-developed system of modal verbs typical of the Germanic languages.

Among them are adjectives (e.g., *necessary*, *obligatory*, *advisable*), nouns (e.g., *obligation*, *necessity*), participles (e.g., *allowed*, *permitted*, *recommended*, *required*, *obliged*), and notional verbs (e.g., *require*, *recommend*, *allow*, *permit*, *recommend*).

Deontic modal operators in Russian. Russian lacks the developed morphological system of modal verbs. According to Sytko, the issue of prototypical deontic modality means in Russian remains debatable [13]. However, the predicates such as *nado/nuzhno* ‘necessary’, *mozhno* ‘allowed’, *nelzya*, *zapreshcheno* ‘not allowed’ and *dolzhen* ‘obliged’ are mentioned by all researchers of deontic modality in Russian.

Vinogradov, who formulated the modality theory for the Russian language, claimed that in Russian there is a special repertoire of predicative expressions that convey modal assessments and form combinations of denominatives with infinitives: *pora* ‘it’s time’, *dolzhen* ‘you are obliged’, *nadobno* ‘it is necessary’, *suzhdeno* ‘it is prescribed’ [24].

The most commonly used deontic predicates *nado* ‘need’, *dolzhen* ‘have to’ and *sleduet* ‘should’ convey different nuances of obligation. The predicate *dolzhen* means that the need for performing the action is determined by external factors. The failure to perform it entails sanctions. The predicate *nado* indicates the need for performing the action and is associated with the achievement of a certain goal. The failure means that the goal has not been achieved. The predicate *sleduet* conveys the meaning of the need to perform the action following the rules for achieving the goal. If the subject does not comply with these rules, the behavior is regarded as irrational.

Among other lexical items used to realize the category of deontic modality in the Russian language are the adjectives *obyazatel’nyj* ‘obligatory’, *nadlezhashchij* ‘proper’, *prinuditel’nyj* ‘compulsory’, the nouns *obyazannost* ‘obligation’, *neobhodimost* ‘necessity’, *otvetstvennost* ‘responsibility’, the notional verbs *prihoditsya* ‘need’, *polagaetsya* ‘need’, *dopuskaetsya* ‘allowed’, and some other adjectival predicates (e.g., *obyazan* ‘obliged’, *vynuzhden* ‘forced’). These operators form a set of explicit markers of deontic modality, while the implicit ones are grammatical structures with imperative mood, independent infinitives (e.g., *ne vkhodit* ‘don’t enter’), or present tense verbal forms.

Interesting is the analysis conducted by Dobrovolskij and Zalizniak who found a large group of Russian words and phrases that convey the evaluative meaning and are used to render English and German deontic modal verbs: *khorosho by* ‘it would be nice’, *neplokho by* ‘it would not be bad’, *luchshe by* ‘it would be better’, *naprasno* ‘needlessly’, *zrya* ‘it was a bad idea’, *stoit* ‘it is worth’, *ne meshaet* ‘it would be advisable’ [25]. The relationship of deontic modality and evaluation emphasized by D.O. Dobrovolskij and A.A. Zalizniak is in line with J. Nuyts et al.’s theory of deontic modality which claims that permission and obligation are typically expressed by modal auxiliaries and non-auxiliary expressions which convey deontic meanings, yet they do not involve permissions or obligations: *He’d better not say such things in public* [3].

This article is intended to show that differences in the Russian and English modality systems influence the translation choices at the formal and semantic levels. The goal is to scrutinize the translation strategies used in the translation of Russian deontic modal operators into English, thus helping to identify translation patterns.

Previous research on deontic modal forms across languages

Being a universal category, deontic modality may semantically or formally vary from one language to another. This variation can create discrepancies which make the translation process challengeable.

M. Baker (1992) found that modality between English and Arabic translation is a problem due to the fact that English modals are grammatical, while the Arabic ones are a mixture of grammatical and lexical resources. The Arabic language possesses a richer system of lexical and grammatical means to express various nuances of modality [26]. Abdel-Fattah's study was also aimed to investigate problems encountered when translating deontic modals from English into Arabic by examining deontic modals in these languages through examples. The researcher suggested techniques to ease the difficulty deontic modals pose and emphasized the role of backgrounds in arriving at interpretations of the meanings of deontic modals. Abdel-Fattah claimed that Arabic tends to use imperatives to convey deontic meaning, and most Arabic modals tend to be dynamic or epistemic. The deontic meaning is weak which influences the translator's treatment of Arabic and English deontic modals [27]. According to Lian and Jiang, in Chinese the great majority of modal operators are high value modal verbs, while in English texts, median and low value modal verbs, such as *shall*, *may* and *should* are used in order to standardize people's behavior in a relatively gentle tone rather than in an enforced way [28]. Pei and Li explored the distribution of semantic meanings of deontic modal verbs in Chinese civil legislation and its English versions and showed that the values of Chinese and English modal verbs are significantly different. They concluded that the frequency of modal verbs in the Chinese and English corpora reflects the divergence of cultures and the choice of modal verbs demonstrates the negotiability, compromise and humanity of Chinese civil legislation which conforms to its interpersonal function [29]. On the Hungarian and English corpora, Imre and Beno revealed that in contrast to English, in Hungarian the synthetic means of deontic modality are dominant. The researchers found that "52 % of the modal meanings are expressed with morphologically compound verbs containing suffixes, bound morphemes in Hungarian translated texts" [30. P. 374]. M.P. Jascot and A. Wiltos' contrastive study focused on how deontic modality is expressed in the Polish and English versions of the Charter of Fundamental Rights of the European Union. They revealed a diversity of modal verbs in the English text and a tendency to construct pseudo-descriptive sentences (whose

modality is the result of conventionalization) in the Polish one [31]. As have been mentioned above, Russian and English also have different systems of deontic modality which create obstacles when translating from one language into another. These differences were explored by O. Boginskaya who carried out a contrastive analysis of modal markers as tools employed to express deontic modality in the three parallel legal texts in English, Russian and French in order to identify similarities and discrepancies from the perspective of deontic modality expression. It was revealed that French and Russian have more in common than French and English or Russian and English in terms of the deontic modality [32].

Results and discussion

All deontic statements found in the corpus were divided into three groups by the type of deontic function they perform: indicating deontic possibility, indicating deontic necessity and indicating prohibition. Examples of each deontic function are presented and analyzed below.

Deontic possibility

In the Russian texts under study, to express permissions the modal verbs *smogut*, *mogut* were used. Here is an example from the text.

(3) ... vse voennosluzhashchie ukrainskoj armii, kotorye vypolnyat eto trebovanie, **smogut** besprepyatstvenno pokinut' zonu boevykh dejstvij i vernut'sya k svoim sem'yam. '... the military personnel of the Ukrainian army who do this **will be able** to freely leave the zone of hostilities and return to their families'.

Deontic modality exhibited by the modal *smogut* is rendered with the English periphrastic form *be able to* which is used to describe ability whenever *can* is used. It should be noted that both Russian and English modal operators convey the meaning of future possibility. As Leech and Coates claimed, ability implies possibility: if someone has the ability to do something, then it is possible [21]. The Russian President here is the deontic source that permits the referent of the subject noun phrase to perform the action expressed by the proposition. The example, therefore, features both semantic and grammatical equivalence in terms of deontic modality realization.

(4) Bolee togo, nam pryamo zayavili, chto yuridicheski obyazyvayushchie garantii bezopasnosti **mogut** imet' tol'ko chleny Severoatlanticheskogo al'yansa. 'Furthermore, it was made explicitly clear to us that only NATO members **can** have legally binding security guarantees'.

The Russian modal verb *mozym* used to give permission is rendered with the English modal verb *can* that conveys the same meaning — it grants permission to perform the action expressed by the proposition.

To express possibility determined by external factors rather than speaker's ability, the modal predicate *mozhno* is employed:

(5) *Poetomu s polnym na to osnovaniem, uverenno **mozhno** skazat', chto ves' tak nazyvaemyj zapadnyj blok, sformirovannyj SSHA po svoemu obrazu i podobiyu, ves' on celikom i est' ta samaya «imperiya lzhi».* 'Therefore, one **can** say with good reason and confidence that the whole so-called Western bloc formed by the United States in its own image and likeness is, in its entirety, the very same "empire of lies".'

As can be seen from the example, the predicate that expresses deontic possibility based on the speaker's right to make a certain conclusion is rendered with the English modal verb *can* that conveys the same meaning. It may be also categorized as indicating permission granted by external circumstances (the situation in which the speaker is delivering his address). Both sentences are impersonal, which indicates that the translator opts for semantic and grammatical equivalence.

Deontic necessity

Obligations in the Russian texts are imposed with several modal operators: *должен, следует, приходится, нужно* and *необходимо*. Here is an example from the corpus.

(6) *Konechno, sobytij proshlogo uzhe ne izmenit', no my **dolzhy** hotya by skazat' o nih pryamo i chestno, bez vsyakh ogovorok da i bez vsyakoj politicheskoy okraski.* 'Of course, we cannot change past events, but we **must** at least admit them openly and honestly, without any reservations or politicking'.

The deontic modality realized through the use of the Russian predicate *должны* is rendered with the English deontic modal verb *must* which expresses obligation. Here we deal with semantic discrepancy: despite the fact that in both utterances the deontic operator clearly indicates the need to tell about past events, in the Russian one this need is determined by external factors and does not depend on the speaker's will, while in the English utterance it is connected with mental representations of the speaker.

(7) ***Dolzhen** obratit'sya i k voennosluzhashchim vooruzhyonnyh sil Ukrainy.* 'I **would also like** to address the military personnel of the Ukrainian Armed Forces'.

In this example, deontic modality (subject's internal need) is rendered with the phrase *would like to* used to express the speaker's intention. The deontic meaning is explicitly expressed only in the Russian version while in the translation the deontic modal component is de-emphasized. The shift from the modal to non-modal form distorts the nuance of meaning in the utterance. However, the translation corresponds to the source unit semantically: both sentences convey the need determined by internal factors — speaker's internal determinants.

In the following examples, the translation strategy has been chosen so that to ensure both the semantic and formal equivalence of the source and target texts.

(8) *Odnako delat' eto sledovalo professional'no, plavno, terpelivo, s uchytom i uvazheniem interesov vseh stran i pri ponimanii svoej otvetstvennosti.* 'However, this **should** have been done professionally, smoothly, patiently, and with due regard and respect for the interests of all states and one's own responsibility'.

Both Russian and English modal operators express criticism of the failure to commit certain actions in the past. In Russian, this construction has the form *sledovalo* + Simple Infinitive, while in English — *should* + have + Perfect Infinitive.

(9) *Prihoditsya napominat' eti fakty, a to nekotorye zapadnye kollegi ne lyubiat vspominat' te sobytiya.* 'I **have to** recall these facts, because some Western colleagues prefer to forget them'.

The periphrastics *have to* expresses the need to perform the action due to some external circumstances. The same meaning is conveyed by the Russian notional verb *prihoditsya*. The utterance means that the circumstances that force the speaker to perform the action are external and so powerful that it is impossible to resist them. However, the Russian verb *prihoditsya* conveys the semantic component "negative attitude to the action". Despite the fact that the subject does not want to perform the action, he still decides on the need to do it. The English modal operator *have to* lacks this meaning. The Russian construction is impersonal, while the English one features the first-person subject. In addition, the notional verb in the Russian text is rendered with the modal verb in the English one, which indicates the presence of semantic and grammatical transformations.

In the following example, deontic necessity actualized with the Russian notional verb *ponadobitsya* is rendered with the English adjectival construction *be necessary to* which actualizes the necessity to implement changes in the country.

(10) *No vsyo zhe voznikaet vopros: zachem v tekh i bez togo slozhnykh usloviyakh ponadobilos' takim obrazom eshchyo bol'she raskachivat' stranu?* 'But one may wonder: why **was it necessary** to rock the country even more in that already complicated situation?'

The example features a formal (syntactic) rather than semantic transformation.

The same can be observed in (11), where only the semantic equivalence can be observed: the translator renders the lexical item of the predicate *neobhodimo* with the past form of the English periphrastic modal *have to*.

(11) *Neobhodimo bylo nemedlenno prekratit' etot koshmar — genocid v otnoshenii prozhivayushchih tam millionov lyudej, kotorye nadeyutsya tol'ko na Rossiyu, nadeyutsya tol'ko na nas s vami.* 'We **had to** stop that atrocity, that genocide of the millions of people who live there and who pinned their hopes on Russia, on all of us'.

This rendering changes the syntactic structure of the Russian impersonal sentence into the personal one in the English text.

Prohibition

Prohibitions in the Russian texts were conferred with three types of lexical item, including the predicates *nelzya* ('not allowed'), *ne dolzhen* ('must not') and *ne nado* ('need not').

The modal predicate *нельзя* was translated with the English negative form of the modal verb *should* which conveys weak prohibition and is used when the speaker does not advice or recommend doing something.

(12) *Odnako nashe predlozhenie bylo s poroga otvergnuto: nel'zya pozvolit' Rossii ogranichivat' deyatel'nost' NATO ...* 'However, our proposal was rejected right off the bat on the pretext that Russia **should not** be allowed to put limits on NATO activities'.

English *should not* is not comparable to Russian *нельзя* in its deontic strength. Moral duty rather than strong prohibition is generally conveyed by *should*. Having chosen this verb, the translator shifts the focus: the original sentence means direct prohibition, while the translation emphasizes strong advice not to allow Russia to put limits on NATO activities.

In the following example, the deontic modal verb *should* in its negative form is used to render the meaning of the negative modal predicate *dolzhen* which conveys stronger prohibition.

(13) *Drugimi slovami, vybor sposobov obespecheniya bezopasnosti ne dolzhen sozdavat' ugrozy dlya drugih gosudarstv, a vstuplenie Ukrainy v NATO — eto pryamaya ugroza bezopasnosti Rossii.* 'In other words, the choice of pathways towards ensuring security **should not** pose a threat to other states, whereas Ukraine joining NATO is a direct threat to Russia's security.'

In (14), the deontic meaning conveyed by the negative form of the predicate *dolzhny* is rendered with the modal verb *can* preceded by the negative pronoun *no* used to impose prohibition.

(14) ... *soobrazheniya tekushchej politicheskoy kon'yunktury, kakimi by effektnymi, vyigryshnymi oni ni kazalis' v konkretnyj moment vremeni ni pri kakih obstoyatel'stvah ne dolzhny i ne mogut byt' polozheny v osnovu bazovyh principov gosudarstvennosti.* '... **no** political factors, however impressive or profitable they may seem at any given moment, **can** or may be used as the fundamental principles of statehood'.

The above examples are not coherent with each other in terms of deontic modal strength. The Russian modal operator carries stronger modality. The speaker refuses permission to use political factors as the fundamental principles of statehood.

The contrastive analysis of deontic modal operators in the parallel texts has revealed similarities and discrepancies presented in Table

The comparison of the lexical items used to express deontic modality identified irregularities at both semantic and syntactic levels.

Table

Russian and English deontic modal forms: results of the contrastive analysis

Russian	English
smogut, mogut	will be able to
	can
	may
dolzhen	must
	would like to
	have to
	should
mozhno	can
ponadobitsya	necessary
sleduet	should
prihoditsya	have to
neobhodimo	
nuzhno	
nelzya	should not
ne dolzhen	no + may
ne nado	should not

Source: compiled by Olga A. Boginskaya

In order to express permission and possibility in the Russian texts only the modal verbs *smogut* and *mogut* were used. They were translated into English with the periphrastics *will be able to* and the modal verbs *can* and *may*. Obligations were imposed with several modal operators: the predicates *dolzhen*, *d sleduet*, *nuzhno* and *neobhodimo* and the notional verb *prihoditsya* translated into English with a wide repertoire of modal and non-modal forms: *must*, *have to*, *should*, and *would like to*. Prohibitions were conferred with three lexical items, including the predicates *nelzya*, *ne nado*, and *ne dolzhen*. They were rendered into English with the negative forms of the modal verbs *should* and *may*.

Thus, three types of translation strategies were identified in the study: 1) semantic and grammatical equivalence, 2) semantic transformation, 3) semantic and grammatical transformation.

Conclusions

This study has attempted to offer an account of deontic modals across the Russian and English versions of the presidential addresses to the nation delivered in 2015–2022. The main objective of this article has been to detect key modality

features and linguistic means that convey deontic modal meanings by examining the parallel texts from the perspective of a contrastive analysis.

The need to study deontic modality has arisen due to formal and semantic discrepancies between modal expressions in different languages. The negotiation of such semantic difficulties is a challenge for translators.

There is a greater diversity of modal verbs in the English text, which is typical of the Germanic languages. Despite the fact that Russian modality is not as grammaticalized as the English one, Russian proves to possess a number of lexical deontic modal forms which enhance the stylistic variation. Translators should properly understand the modal systems of source and target languages and distinctions that each modal operator displays. This is crucial particularly taking into account that English modal forms are extremely messy, and lack basic meanings.

The present study has offered only a glimpse into this problem by looking at some instances of semantic and formal discrepancies between the two languages. While analyzing the Russian and English texts, many questions have appeared which can become starting points for further research and encourage the investigation into the issue of deontic modality within the translation studies.

References / Список литературы

1. Szymański, L. (2019). The Semantic Field of the English Modal Auxiliary Can Interacting with the Grammatical Aspect of the Main Verb in Contemporary American English. *Brno Studies in English*, 45(1), 75–94. <https://doi.org/10.5817/BSE2019-1-5>
2. Garner, B. (1995). *A Dictionary of Modern Legal Usage*. New York: Oxford University Press.
3. Nuyts, J., & Byloo, P. (2015). Competing Modals: Beyond (Inter) subjectification. *Diachronica*, 32(1), 34–68. <https://doi.org/10.1075/dia.32.1.02nuy>
4. Nuyts, J., Byloo, P., & Diepeveen, P. (2010). On Deontic Modality, Directivity, and Mood: The Case of Dutch Mogen and Moeten. *Journal of Pragmatics*, 42, 16–34. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.05.012>
5. van Linden, A. (2012). *Modal adjectives: English Deontic and Evaluative Constructions in Synchrony and Diachrony. Topics in English Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter.
6. Verhulst, A., Depraetere, I., & Heyvaert, L. (2013). Source and Strength of Modality: an Empirical Study of Root Should, Ought to AND BE Supposed to in Present-Day British English. *Journal of Pragmatics*, 55, 210–225. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.05.010>
7. Quirk, R., Greenbaum S., Leech, G., & Svartvik, J. (1989). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Harlow: Longman.
8. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Downing, A., & Locke, P. (1992). *A University Course in English Grammar*. Hemel Hempstead: Phonix ELT.
10. Shatunovsky, I.B. (1996). *Semantics of the Sentence and Non-referential Words*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.). EDN: RMIRJF
Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика). М. : Языки русской культуры, 1996. EDN: RMIRJF
11. Paducheva, E.V. (2016). Modality. In: *Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar*. Moscow: Academy of Science. (In Russ.).
Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М. : Академия наук, 2016.

12. Zolotova, G.A. (1998). *Communicative Grammar of the Russian Language*. Moscow: Moscow University publ. (In Russ.). EDN: PWOOKJ
Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во Московского университета, 1998. EDN: PWOOKJ
13. Sytko, A.V. (2019). Semantic Components of the Deontic Utterance. *Bulletin of Minsk State Linguistic University. Philology*, 2(99), 82–94. (In Russ.). EDN: DTXADR
Сытько А.В. Семантические компоненты деонтического высказывания // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Филология. 2019. № 2(99). С. 82–94. EDN: DTXADR
14. Sytko, A.W. (2019). Speaker as a Deontic Agent in Political Speech (on the Material of German and Russian Languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1003–1030. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020> EDN: QLRXBB
Сытько А.В. Говорящий как субъект деонтики в политической речи (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 1003–1020. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-1003-1020> EDN QLRXBB
15. Palmer, F.R. (2003). Modality in English: Theoretical, Descriptive and Typological Issues. In: R. Facchinetti, M. Krug, & F.R. Palmer (eds.) *Modality in Contemporary English* (pp. 1–17). Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
16. Parrott, M. (2000). *Grammar for English Language Teachers*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., & Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.
18. Peters, P. (2004). *The Cambridge Guide to English Usage*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511487040> EDN: QRFQXR
19. Ehrman, M. (1966). *The Meanings of the Modals in Present-Day American English (Janua Linguarum)*. The Hague: Mouton.
20. Coates, J. (1983). *The Semantics of the Modal Auxiliaries*. London: Croom Helm.
21. Leech, G., & Coates, J. (1980). Semantic Indeterminacy and the Modals. In: *Studies in English Linguistics for Randolph Quirk* (pp. 79–90). London: Longman.
22. Palmer, F.R. (2001). *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139167178>
23. Smith, N. (2003). Changes in the Modals and Semi-Modals of Strong Obligation and Epistemic Necessity in Recent British. In: *Modality in Contemporary English* (pp. 241–266). Berlin: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110895339.241>
24. Vinogradov, V.V. (1950). *On the Category of Modality and Modal Words in Russian*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. М. : Наука, 1950.
25. Dobrovolskij, D.O., & Zalizniak, A.A. (2022). Evaluation as a Source of Deontic Modality. *Critique and Semiotics*, 1, 52–72. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-52-72> (In Russ.). EDN: LWXTHP
Добровольский Д.О., Зализняк А.А. Оценка как источник деонтической модальности // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 52–72. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-52-72> EDN: LWXTHP
26. Baker, M. (1992). *In other words*. London: Routledge.
27. Abdel-Fattah, M.M. (2005). On the Translation of Modals from English into Arabic and Vice Versa: The Case of Deontic Modality. *Babel*, 51(1), 31–48. <https://doi.org/10.1075/babel.51.1.03abd>
28. Lian, Z., & Jiang, T. (2014). A Study of Modality System in Chinese-English Legal Translation from the Perspective of SFG. *Theory and Practice in Language Studies*, 4(3), 497–503. <https://doi.org/10.4304/tpsls.4.3.497-503>

29. Pei, J., & Li, J. (2018). A Corpus-Based Investigation of Modal Verbs in Chinese Civil-Commercial Legislation and Its English Versions. *International Journal of Legal Discourse*, 3(1), 77–102. <https://doi.org/10.1515/ijld-2018-2003>
30. Imre, A., & Beno, A. (2012). *Translating Modal Verbs with the Help of Translation Environment. Communication, Culture and Translinguistics in Europe*. Kolozsvár: Scientia Kiadó.
31. Jaskot, M.P., & Wiltos, A. (2017). An Approach to the Translation of Deontic Modality in Legal Texts. The Case of the Polish and English Versions of the Charter of Fundamental Rights of the European Union. *Cognitive studies*, 17, 12–34. <https://doi.org/10.11649/cs.1454>
32. Boginskaya, O. (2021). A Contrastive Study of Deontic Modality in Parallel Texts. *ELOPE: English Language Overseas Perspectives and Enquiries*, 18(2), 31–49. <https://doi.org/10.4312/elope.18.2.31-4> EDN: UPQLXX
33. Malmkjaer, K. (1998). Love Thy Neighbor: Will Parallel Corpora Endear Linguists to Translators? *Meta*, 43(4), 534–541. <https://doi.org/10.7202/003545ar>

Information about the author:

Olga A. Boginskaya, Dr.Sc. (Philology), Professor at the Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Irkutsk National Research Technical University (83, Lermontova Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074); *Research interests*: modality, translation strategies; *e-mail*: olgaa_boginskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9738-8122, SPIN-code: 1370-7025, AuthorID: 853000, ResearcherID: O-4217-2014; Scopus Author ID: 56049693200.

Сведения об авторе:

Богинская Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет (664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83); *сфера научных интересов*: категория модальности, стратегии перевода; *e-mail*: olgaa_boginskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9738-8122, SPIN-code: 1370-7025, AuthorID: 853000, ResearcherID: O-4217-2014; Scopus Author ID: 56049693200.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-760-782

EDN: DCBVEJ

УДК 811.111'32'37:159.942

Научная статья / Research article

Сентимент анализ как инструмент лингвоэмотиологии: оценка потенциала систем анализа тональности текста

О.И. Максименко¹ , М.В. Беляков²

¹Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД
России, Москва, Российская Федерация

 maxbel7@yandex.ru

Аннотация. Оценка тональности текста в больших информационных потоках решается как качественными так и количественными методами. Качественные методы включают в себя, в первую очередь, методы лингвоэмотиологии, включая составление тональных словарей, используемых в том числе в компьютерных системах оценки тональности текста. В статье рассматриваются принципы функционирования систем автоматического анализа текста как метода компьютерного анализа текста, приводится анализ ряда современных систем анализа тональности текста. Определяются характеристики систем, на языковом материале размеченных корпусов кинокритик и отзывов на товары известного маркетплейса выявляются достоинства и недостатки анализируемых систем. Особое внимание уделяется лингвистическим причинам недостатков оценки тональности, таким как многоязычие, разные способы представления текста пользователями, включая сокращенные формы или аббревиатуры, расшифровка которых затрудняет процесс анализа, жанровое разнообразие, имплицитные оценки, полисемия и омонимия лексики, модификаторы полярности, ирреальное наклонение, сарказм, ирония и пр. По результатам исследования делается вывод, что наиболее эффективным функционалом определения тональности, необходимым оценочном средстве для лингвоэмотиологии и лингвоконфликтологии, обладают программы, использующие гибридный метод. В работе предлагаются возможные подходы к оптимизации функционирования программ. Исследование позволяет приблизиться к более четкому пониманию феномена выявления тональности текста и выбора для этих целей систем сентимент анализа, основанных на разных принципах функционирования. Такие системы, с одной стороны, решают прикладные задачи сентимент анализа, а с другой — являются источником материала для исследований в рамках лингвистической теории эмоций.

Ключевые слова: сентимент, эмотивность, лингвистические теории эмоций

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Максименко О.И., Беляков М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Максименко О.И., Беляков М.В. Сентимент анализ как инструмент лингво-эмотиологии: оценка потенциала систем анализа тональности текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 760–782. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-760-782>

Sentiment Analysis as a Tool of Linguistic Emotionology: Assessment of the Text Tonality Analysis Systems Potential

Olga I. Maksimenko¹ , Mikhail V. Belyakov²

¹ Federal State University of Education, *Moscow, Russian Federation*

² Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

 maxbel7@yandex.ru

Abstract. The assessment of text tone in large information flows is solved using both qualitative and quantitative methods. Qualitative methods include, primarily, the methods of linguistic emotionology, such as the compilation of tone dictionaries used in computer systems to evaluate the tone of a given text. The article discusses the principles of functioning of automatic text analysis systems as a method of computer-aided text analysis. It also provides an analysis of several modern tone analysis systems. Characteristics of these systems are identified, and advantages and disadvantages are revealed based on linguistic material from marked-up film and product reviews from a well-known online marketplace. Special attention is given to linguistic reasons behind the challenges in assessing tone, such as multilingualism, different ways of presenting text by users, including abbreviated forms, can make the process difficult to understand. Genre diversity, implicit assessments, polysemy, homonymy, polarity modifiers, subjunctive mood, sarcasm, irony are all factors that can complicate the process of determining the tonality of a piece of text. Based on the results of our study, we conclude that programs using a hybrid method have the most effective functionality for detecting tonality. These programs are an important tool for linguistic emotionology and linguoconflictology, as they provide a necessary evaluative component. The research suggests possible approaches for optimizing the functioning of these programs. The study allows us to gain a better understanding of the challenges associated with detecting tonality in text and selecting sentiment analysis systems that operate on different principles. These systems not only solve practical problems related to sentiment analysis but also serve as a valuable source of material for research within the linguistic theory of emotions.

Keywords: opinion sentiment, emotivity, linguistic theory of emotions

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Maksimenko, O.I., & Belyakov, M.V. (2025). Sentiment Analysis as a Tool of Linguistic Emotionology: Assessment of the Text Tonality Analysis Systems Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 760–782. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-760-782>

Введение

Лингвистическая теория эмоций, или лингвоэмотиология, за последние десятилетия прошла этап становления и превратилась в самостоятельное и чрезвычайно востребованное направление современной лингвистики.

Виктор Иванович Шаховский, один из основоположников лингвистической теории эмоций, писал: «Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определенной степени типизированными» [1. С. 88]. В семантику любого слова входят «актуальные или потенциальные семы *эмоция* и *оценка*» [2. С. 24], таким образом, оценка, эксплицитно или имплицитно реализованная в коммуникации, выражает мнение об объекте, действии и пр. и определяет статус эмотивной семантики лексической единицы. Типизация вербализованных эмоций позволяет проводить исследование тональности текста в автоматическом режиме. «В рамках дискурс-анализа понятие *тональности* не равно понятию *оценки*, а отражает стиль и «тон» коммуникации. За последнее время семантика термина *тональность* настолько расширилась, что можно говорить о фактической омонимии термина *тональность* как стилистического маркера и термина, связанного с оценкой высказывания в рамках анализа тональности (мнения) или компьютерного сентимент-анализа» [3. С. 186].

Сентимент-анализ как метод компьютерной лингвистики

С ростом интернет-сообщества увеличивается объем неструктурированной информации в сети: обзоры, комментарии разных событий, происходящих в мире. Извлечение сведений и фактов из материалов значительного объема с учетом высказываемого в них мнения вручную представляется задачей архисложной, а в ряде случаев и невозможной. Сентимент анализ является одним из современных инструментов аналитики, позволяющим выявить тональность текста при помощи методов NLP (Natural Language Processing), статистики и машинного обучения [4–6]. Под тональностью следует понимать эмоциональную составляющую, которая отражает отношение субъекта (автора высказывания) к объекту (к тому, о чем высказывается мнение).

При определении тональности текста, как правило, на первый план выходят несколько базовых компонентов:

- автор мнения (opinion holder), иногда именуемый источником мнения (opinion source), то есть некий субъект (отдельное лицо, группа людей, организация и т.п.), которому принадлежит мнение;
- объект (opinion target/entity) — сущность, об аспекте которой высказано мнение;
- сам аспект объекта, находящийся в центре внимания;

- содержание мнения (opinion content) — смысл, который вложил автор в свое высказывание.

Тональность (opinion sentiment), которая определяется путем анализа содержания (opinion content), показывает, какой сентимент несет в себе это изречение, то есть что чувствует, думает автор относительно того, о чем он пишет. Может проводиться анализ контекста (opinion context), что позволяет выявить, при каких условиях и обстоятельствах было высказано то или иное мнение и время выражения мнения (time) [7; 8].

Существуют разные виды тональной классификации. Наиболее простым способом является бинарное распределение, когда используются только два класса: положительный и отрицательный. Несмотря на кажущуюся простоту такого вида классификации, в некоторых случаях задача может быть усложнена. Например, иногда нужно определить, является ли политическая речь «за» или «против» обсуждаемого вопроса на дебатах или распределить рецензии на фильмы на классы: рекомендованные к просмотру или не рекомендованные [9]. Серьезным минусом данной классификации является то, что не всегда выражения можно однозначно отнести к определенному классу, так как они могут быть нейтральными. Более того, некоторые тексты могут содержать как позитивное, так и негативное отношение автора. В.И. Шаховский писал, что эмоции (и оценка) могут быть амбивалентными, т.е. «любовь и ненависть могут овладеть человеком одновременно. Данный факт указывает на полярность некоторых эмоций. Они могут образовывать оппозиции по типу оценочного знака (положительные/отрицательные), что отражается в лексической системе языка в сферах номинации эмоций (любовь/ненависть) и их выражения (замечательный/отвратительный)» [10. С. 30]. Таким образом, бинарная классификация эффективна только в случае выражения автором эксплицитной оценки (строго позитив или негатив). Усложненной версией бинарного распределения является классификация с добавлением нейтрального класса и дополнительных подклассов.

Автоматическое классифицирование текстовых фрагментов по критерию доминирующей в них эмоции еще один вид классификации. Так, возможно распределение текстов по 9 эмоциональным категориям, предложенным Г. Левхеймом: 1) интерес — возбуждение; 2) удовольствие — радость; 3) удивление; 4) страдание — тоска; 5) страх — ужас; 6) стыд — унижение; 7) брезгливость — отвращение; 8) злость — гнев; 9) нейтральные тексты [11]. Первая эмоция в классе отражает слабую степень выраженности, а вторая — наивысшее проявление [12; 13]. Использование n-балльного шкалирования позволяет получить числовое значение тональности. Текстовому фрагменту (t) присуждается числовое значение, например от -5 до 5 , то есть если $t > 0$, то тональность положительная, если $t < 0$, то отрицательная, в случае когда $t = 0$, сентимент нейтральный.

Важнейшим понятием, связанным с тональностью, является субъективность. Тексты, содержащие мнения, оценки, эмоции, предположения попадают в категорию субъективных. К объективному классу относятся текстовые фрагменты, выражающие фактическую информацию без вмешательства личных интерпретаций. Укоренившаяся классификация по делению языковых единиц на субъективные и объективные единицы была признана неэффективной. Интерес исследователей перешел к классификации по релевантности. «Тональная релевантность — это понятие, позволяющее отличать информативное содержание для определения тональности документа от неинформативного. Оно контрастирует с обычным различием между субъективным и объективным содержанием» [14. С. 40]. Например, предложение “*Bruce Banner, a genetics researcher with a tragic past, suffers a horrible accident*” является субъективным, так как словосочетания *tragic past* и *horrible accident* — субъективные понятия, вызывающие разные ассоциации у читателя. Несмотря на то, что предложение имеет субъективный негативный окрас, оно нерелевантное, поскольку связано с сюжетом фильма и может появляться в положительных отзывах. Объективное предложение “*The movie won a Golden Globe for best foreign film*” будет релевантным, так как выражает позитивное мнение автора [15. С. 955].

Анализировать тональность можно на уровне документа, в данном случае следует выявить общее мнение, выраженное во всем тексте; на уровне предложения происходит разметка каждого предложения в тексте; на уровне фраз в центре внимания не целые предложения, а отдельные фрагменты; определение тональности на аспектуальном уровне является самым точным и в то же время самым сложным видом анализа.

Принято выделять несколько подходов к распознаванию тональности:

- на основе словарей оценочной лексики, когда каждому слову присваивается индекс в виде числовой характеристики из словаря, затем подсчитывается среднее арифметическое всех слов в тексте и определяется тональность;
- на основе правил (в этом случае экспертом составляется перечень правил в зависимости от языка и предметной области анализируемого фрагмента);
- с применением машинного обучения с учителем, когда классификатор обучается на размеченной коллекции текстов, составленной вручную, после чего строится классификатор, определяющий тональность новых документов;
- с применением машинного обучения без учителя, когда отличие от вышеупомянутого метода заключается в отсутствии заранее размеченной выборки. Идея заключается в выделении терминов с наибольшим весом. В эту категорию попадают термины, которые встречаются чаще всего в конкретном тексте и присутствуют в небольшом количестве в остальных текстах из коллекции, на их основе определяется тональность;

- гибридный метод, который предполагает использование нескольких рассмотренных выше способов, к примеру, тональные словари и правила.

Несмотря на большое количество трудов и проведенных экспериментов по тональному анализу эксперты сталкиваются с рядом факторов, препятствующих точному анализу, среди них многоязычие; разные способы представления текста пользователями, например, сокращенные формы или аббревиатуры, расшифровка которых затрудняет процесс; жанровое разнообразие; имплицитные оценки; многозначность лексики; модификаторы полярности; ирреальное наклонение; определение реальных чувств сообщаемой информации; успех или неудача одной стороны относительно другой; сарказм и ирония и пр.

Материал исследования

Существующие программные решения в большинстве случаев ориентированы на анализ тональности английских текстов. Количество систем для русского языка весьма ограничено, при этом большая часть из них находится в закрытом доступе. В начале 2025 г. был представлен следующий список лучших программ sentiment анализа: Brand24, Qualtrics, SproutSocial, OpenText, Semantria, Meltwater, Dialpad, MonkeyLearn, Sentigem, SentiStrength, Reputation.com, Mentionlytics, Hootsuite, SentiSum, Mediallia¹. Некоторые из них входили в списки надежных систем и ранее.

С целью тестирования программ был проведен обзор находящихся в свободном доступе систем автоматического определения тональности для английских текстов. Среди рассматриваемых были системы, работа которых основана на разных принципах. Принцип машинного обучения: Eureka Engine, SummarizeBot, MonkeyLearn, Microsoft Text Analytics API, Sentiment analyzer, Texterra, Megaputer. Принцип рекурсивных нейросетей — Stanford NLP; рекуррентных нейросетей — ParallelDots, словарный метод — Sentistrength, гибридный метод — Repustate, работа на правилах — Watson Tone Analyzer, Pattern; Sentigem — принцип неизвестен.

Тестирование проводилось на открытых корпусах кинокритик (IMDb²) и отзывов на товары электронной торговой площадки (Amazon³). Определяющими факторами при выборе языкового материала стали следующие:

- 1) тексты подобного рода априори предполагают выражение мнения об объекте и, соответственно, его оценку, выраженную вербально;
- 2) возможность получения доступа к уже размеченному корпусу текстов.

¹ Режим доступа: <https://brand24.com/blog/best-sentiment-analysis-tools/> (дата обращения: 15.12.2024).

² Режим доступа: <https://www.kaggle.com/lakshmi25npathi/imdb-dataset-of-50k-movie-reviews?select=IMDB+Dataset.csv> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Режим доступа: <https://www.kaggle.com/datasets/kritanjali/jain/amazon-reviews> (дата обращения: 15.12.2024).

Процедура и результаты

Для тестирования систем автоматического определения тональности с целью выявления имеющихся недостатков и достоинств было отобрано пять программ, различающихся по принципам работы.

1. *Sentistrength*

Программа строится на основе словаря эмоционально окрашенных слов с соответствующими весами, отражающими силу тональности. Международная социальная сеть MySpace является источником создания встроенных словарей. При скачивании программы в обязательном порядке загружается архив, в котором помимо английского словаря также присутствуют: словарь слов-усилителей и словарь слов, понижающих тональность; словарь эмотиконов; словарь идиом; словарь сленга, словарь вопросительных и отрицательных лексем. Следует отметить, что слова, включенные в словарь, прошли процесс стемминга и представлены без аффиксов. Это значит, что при анализе будут учтены все словоформы, представленные в рецензиях. Для получения результатов отдельно суммируются веса положительных и отрицательных лексем. Для оценки тональности рецензии суммировались два полученных результата (см. Табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты тестирования программы *Sentistrength* / Test results of *Sentistrength*

Метрики классификации / Rating Metrics	Кинорецензии / Film Reviews	Отзывы Amazon / Amazon Reviews
Точность определения положительных отзывов / Accuracy of positive feedback	0,68	0,65
Точность определения отрицательных отзывов / Accuracy of negative feedback	0,77	0,7
Правильность классификации / Correct classification	70/100	60/100

Источник: составлено О.И. Максименко, М.В. Беляковым. / Source: compiled by Olga I. Maksimenko, & Mikhail V. Belyakov.

Возможные причины ошибок:

В отзывах с описанием сюжетов фильмов о военных событиях и последствиях войны превалирует отрицательно окрашенная лексика, например: *quick-and-dirty battle, disgusted with the gruesome war, it's hellish effect on the land is timelessly relevant, terrible repercussions*. Говоря о сюжете, пользователь выражает позитивное мнение о том, как представлены военные картины (*"It is a unique vision of an era that is sure not only to entertain but also to truly absorb the audience into the lives of a people torn apart by a wa", "an inspiring war drama"*), однако программа определяет общую тональность как отрицательную, поскольку при подсчете весов отрицательной лексики оказывается больше. В данном случае следует говорить о тональной релевантности,

поскольку описание сюжета фильма не имеет отношения к тональности текста. То же самое касается и рецензий, в которых автор высказывает мнение о триллерах или фильмах ужасов. Как правило, главными механизмами воздействия таких жанров являются тревога и напряжение, в связи с чем отзывы насыщены лексикой с отрицательной коннотацией, что, в свою очередь, служит причиной ошибочного отнесения отзыва к отрицательному классу. Примеры: “*beats their host (Sam Levene) to death*”, “*a gay-bashing murder*”, “*Ryan’s murderous rage*”, “*Restlessness*”, “*the mad scientist is shot and drops dead shortly afterwards*”, “*Ryan, naturally, does his prototypical Angry White Male*”, “*they report these murders to the police*”, “*a mission of revenge*” и пр.

В данном случае отнесение выделенных лексем к отрицательному классу неправомерно, поскольку они отражают специфику жанра и являются элементом описания сюжета, а не оценки.

Еще одной причиной некорректности работы системы является присвоение множеству окрашенных слов нулевого веса, что говорит о возможном отсутствии в тональном словаре значимого количества лексем, вызванного несистематичностью проведения обновлений. Отсутствие актуализирующих словарь систематических обновлений является причиной того, что многие выражения, идиомы, сокращения, используемые в настоящее время в сети, в словаре не представлены. Например, прилагательным *taut* и *gripping* присвоен нулевой вес, однако они являются положительно окрашенными и выражают мнение автора.

К недостаткам программы следует отнести и то, что её работа строится без учета синтаксиса, каждое слово анализируется отдельно, а это ведет к ошибке в результатах. Например:

- вне контекста существительное *restlessness* можно отнести к отрицательным, но в словосочетании *cope with their restlessness* тональность меняется на положительную;
- существительным *fight* и *evil* программа справедливо присвоила отрицательный вес (-2), однако если объединить их в тональную цепочку, то словосочетание *fight against evil* следует отнести к разряду положительных;
- прилагательное *crude* имеет несколько значений. Программа помечает данное слово как отрицательное, поэтому можно предположить, что оно было рассмотрено в значении «грубый», «резкий» или «оскорбительный», однако в контексте, в котором оно встречается в отзыве (*crude crayon drawing*), прилагательное имеет нейтральную окраску. Это подтверждает, что слова при обработке рассматриваются по отдельности, а не в словосочетаниях.

Такая же ошибка программы допущена при классификации одного из отзывов, когда существительное *charger* (зарядное устройство) получило отрицательный индекс ввиду проекции значения глагола *charge* (взимать плату; обвинять) на данное существительное. Это свидетельствует об ограниченности

встроенных в программу лексиконов и о необходимости расширения диапазона значений.

Несмотря на заявленный инструмент по коррекции правописания, система не распознает характерные для языка интернета сокращения, выставляя им нулевую тональность. Например: *risible'n'ridiculous (risible and ridiculous)*.

К особенностям работы системы относится определение тональности всех значимых лексических единиц без исключения, что ведет к ошибке. “Night of Terror” (название фильма) в рецензии было выделено кавычками, но при анализе данный знак препинания был удален, существительное *terror* получило отрицательный вес, что повлияло на общую тональность. Избежать появления подобных ошибок можно путем введения правила, запрещающего программе оценивать именованные сущности, однако в таком случае система уже будет работать по гибриднему принципу (лексиконы + правила).

К серьезным недостаткам следует отнести неверное определение частей речи и снятие омонимии, принципиально важных при анализе, поскольку одно и то же слово может иметь разную тональность в зависимости от того, какой частью речи в предложении оно является. Например, *like* может выступать в роли наречия, которое является нейтральным, однако нередко оно имеет положительный вес, указывающий на то, что данное слово было рассмотрено как существительное или глагол; подобная ситуация нередка и для слова *kind*, которое может быть существительным с нейтральной окраской, а не прилагательным.

Стоит отметить, что отрицательные отзывы классифицированы с меньшей точностью. Это можно объяснить игнорированием отрицательных слов, которые в ряде предложений меняют тональность на противоположную или снижают вес.

Среди недостатков, ведущих к ошибочной работе систем, была выделена проблема имплицитного выражения мнения. Так, в одном из отзывов пользователь перечисляет утомительную последовательность действий, которую ему пришлось выполнить для установки игры. Отзыв не насыщен отрицательно окрашенной лексикой, а содержит объективные факты, поэтому программа определила данный отзыв как нейтральный. Несмотря на наличие отрицательных модификаторов полярности *will not*, *no*, а также отрицательного наречия *begrudgingly*, финальное решение было выведено неверно.

В случае, где речь шла о необходимости адаптера для работы устройства, автор также не использует отрицательную лексику, давая объективную оценку. Имплицитная оценка — одно из наиболее актуальных препятствий для систем тональной классификации.

Несмотря на достаточно высокий результат, работа системы могла бы стать более корректной при внесении таких изменений, как:

- регулярное обновление и пополнение всех включенных словарей, которое даст возможность распознавания большего количества лексики;

- создание тематических лексиконов для каждого набора текстов (в данном случае — для кинокритик и отзывов о товарах, преимущественно технических устройств), что позволит системе «адаптироваться» под конкретную тематику и выводить правильные веса для лексем (например, в контексте фильмов-ужасов прилагательные «кровавый», «ужасный» могут получить положительный вес);
- подключение синтаксического анализатора, который поможет выделять слова в синтаксические цепочки и анализировать словосочетания, а не отдельные слова;
- введение правила по присуждению нейтрального веса именам собственным, что также может повысить правильность и точность классификации.

2. SummarizeBot

Эта программа использует принцип машинного обучения для определения тональности, потому в результате дается не просто ответ о принадлежности текста к классу, а приводится подробный анализ, что позволяет анализировать причины допущенных ошибок. Каждому предложению присваивается положительный или отрицательный вес в зависимости от его тональности. Слова и выражения с позитивным сентиментом выделяются в анализируемом тексте зеленым цветом, с негативным — красным. Кроме того, выделяются объекты, по отношению к которым выражается мнение. Общая тональность выводится путем подсчета весов всех предложений (см. Табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Результаты тестирования программы SummarizeBot / Test results of SummarizeBot

Метрики классификации / Rating Metrics	Кинокритик / Film Reviews	Отзывы Amazon / Amazon Reviews
Точность определения положительных отзывов / Accuracy of positive feedback	0,79	0,72
Точность определения отрицательных отзывов / Accuracy of negative feedback	0,75	0,78
Правильность классификации / Correct classification	77/100	75/100

Источник: составлено О.И. Максименко, М.В. Беляковым. / Source: compiled by Olga I. Maksimenko, & Mikhail V. Belyakov.

Возможные причины ошибок:

Главным недостатком систем, которые используют машинное обучение в качестве подхода, является предметная ориентированность обучающей выборки. Программа хорошо справляется с текстами, которые максимально приближены к тренировочным, в других случаях возникают следующие неточности: если части сложносочиненного предложения соединены союзом «но», то в большинстве случаев доминирующей тональностью будет часть, идущая после коннектора, которая противопоставляется предыдущей. В ряде

случаев видим, что данное правило не учитывается, и общая тональность определяется путем сложения весов всех тонально окрашенных слов, выделенных программой, и это ведет к ошибкам.

Данное правило актуально не только внутри одного предложения, но и между самими предложениями. Программа учитывает модификаторы полярности. При появлении отрицательных наречий, вспомогательных или модальных глаголов с частицей *not* тональность последующей лексемы меняется на противоположную (в случае отрицательной коннотации слова).

Стоит уточнить, что отрицательные слова не всегда меняют тональность, например, устойчивая конструкция *no less* не выражает отрицание, а используется, чтобы подчеркнуть важность чего-либо. Например, в случае “*And Courtenay is no less convincing as the mincing dresser*”, где конструкция *less than* не является отрицанием, программа не распознала это выражение. *If not* в ряде контекстов также не меняет тональность на отрицательную; *can't help* — устойчивое выражение без негативного сентимента; *no... like this* — конструкция, имеющая в контексте отзыва ярко положительную окраску и означающая, что описываемый объект единственный в своем роде, ему нет равных, также в отзыве “*No another grill like this*” была неверно классифицирована; существительное с явно отрицательной коннотацией *violence* получает позитивный окрас, что объясняется стоящей перед ним отрицательной частицей *not* (“*Not just violence, but injustice...*”), которая меняет тональность, однако в данном случае это является ошибкой, поскольку в данном случае это не частица, а парный союз «не только..., но и...», в английском варианте — *not only..., but also*. Причиной данной неточности может быть тот факт, что в рецензии данный союз представлен в видоизмененном виде — *not just..., but...* Возможно, в тренировочной выборке присутствовали тексты, где союз был только в исходной форме, поэтому в рецензии распознан не был.

Заявлено, что в программе есть лингвистический анализатор, который автоматически проводит сегментацию текста, разбивая его на предложения, осуществляет процесс лемматизации, определяет часть речи у каждого слова, выявляет синтаксические цепочки. Следует отметить, что части речи не всегда определяются верно, допущенные ошибки могут повлиять на общую тональность: *kind* может иметь нейтральную тональность, поскольку является существительным в значении «вид», но программа классифицировала слово как положительное, подразумевая значение прилагательного «добрый». Несмотря на то, что программа определяет и слова, имеющие эмоциональную окраску, и объект, к которому они относятся, тональные цепочки не рассматриваются как единое целое, каждое слово оценивается отдельно, что тоже ведет к ошибкам, например, конфликтосодержащие существительные *corruption* и *sabotage* обозначены красным цветом, что означает негативную оценку, однако они сочетаются с глаголом *deal*

with, поэтому оценка должна быть противоположной; глагол *raise* оценивается как положительный, но в сочетании с существительным *question* тональность, скорее, нейтральная; числительное «много» нередко определяется как имеющее положительный вес, однако не всегда увеличение количества или изобилие чего-либо будет иметь позитивный sentiment. Прилагательное *sharp* в сочетании с существительным *wit* будет иметь положительный окрас; если рассматривать прилагательное *large* в тональной цепочке *large scale war effort*, то тональность будет явно отрицательной. Условные предложения не распознаются системой, а классифицируются как обычные, что является серьезной ошибкой, поскольку, употребляя глаголы в сослагательном наклонении, пользователи выражают желания по поводу сюжетов фильмов или купленных товаров, а не говорят о реальных событиях. По статистике условные предложения в английском языке занимают 8 % всего текста. Можно предположить, что причиной ошибок является или малое количество таких предложений в обучающей выборке, или их отсутствие выражает sentiment.

3. *Pattern*

Работа программы осуществляется при помощи созданных экспертом правил, имеющих вид «если А, то Б». Текст разбивается на слова или последовательности слов. Полученные данные используются для выделения часто встречающихся шаблонов, которым присваивается положительная или отрицательная оценка. Создание правил является достаточно трудоемкой задачей, поскольку система должна содержать правило для каждой комбинации тонально окрашенных слов, находящихся в тональной библиотеке и для каждого типа предложений в тексте. Системы с таким подходом эффективны только для текстов конкретной тематики, перенос алгоритма на незнакомые документы не даст высоких результатов. Помимо правил готовятся тональные лексиконы, представляющие собой списки позитивных и негативных лексем. Программа соотносит каждую единицу входного текста с имеющимися единицами в словарях для определения веса (см. Табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Результаты тестирования программы *Pattern* / Test results of *Pattern*

Метрики классификации / Rating Metrics	Кинорецензии / Film Reviews	Отзывы Amazon / Amazon Reviews
Точность определения положительных отзывов / Accuracy of positive feedback	0,57	0,87
Точность определения отрицательных отзывов / Accuracy of negative feedback	0,69	0,38
Правильность классификации / Correct classification	60/100	61/100

Источник: составлено О.И. Максименко, М.В. Беляковым. / Source: compiled by Olga I. Maksimenko, & Mikhail V. Belyakov.

Поскольку в результате анализа выдается только ответ, к какому классу принадлежит текст, то, в связи с отсутствием доступа к ходу работы программы, анализу были подвергнуты рецензии и отзывы, которые были неверно классифицированы.

В нескольких текстах, использовавшихся при анализе работы системы, присутствуют окказионализмы, которых нет в тональном словаре, поэтому программа их пропускает во время разметки, присуждая нулевой вес, среди них: *“A woman-behind-the-man”*, *“We see the evil mad scientist Dr. Krieger played by Udo Kier”*, *“making Genetically-Mutated-soldiers”*, *“to bring a ton of look-alike creepy-woman based horrors”*, *“indulgence in long-takes-without-cutaways”*, *“Lifetime for Women with nothing better to do” movie*, *“I mean it lacked all dramaticness”*.

Причинами могут быть несоблюдение грамматических форм, сокращения, возможные опечатки, бленды разных типов, включая написание слов с использованием чисел. Программа не распознает такие фрагменты, поскольку правила не справляются с потоком неструктурированной речи. Например:

“Three names that actually have made them selfs pretty big in the movie biz” (them selfs = themselves; biz = business);

“c’mom, the entire mission gathers to see this elder sent home” (c’mom = come on);

“I really like Salman Kahn so I was really disappointed when I seen this movie”;

“It’s look like the DVD is due a Region 2 release soon” (2 вместо «to»);

“And then I’m comin’ upstairs” (comin’ = coming);

“And how you can be such a busybody and talk about ppl, when ur own life isn’t sorted out” (ppl = people; ur = your)

Субстандартная лексика, а именно ненормативные и неформальные выражения, инвективы, которые, вероятнее всего, не вошли в тональный лексикон, также оказывают влияние на классификацию: *“that’s poop for you simpleton”*; *“«take the a**-whupping they deserve”*, *“against the notorious mutated hillbillies on their last day”*, *“Emmy has me absolutely gob-smacked”*, *“themes from the chum bucket”*, *“deep philosophy is bull*****”*.

Большинство отзывов, в которых встречаются условные предложения, также классифицированы неверно. Можно предположить, что в программе отсутствует правило, указывающее, как следует анализировать данный вид предложений. R. Narayanan [16] утверждает, что для такого вида предложений должны быть созданы специальные правила, поскольку условные предложения могут содержать эмоционально окрашенные слова, но не во всех случаях они выражают сентимент:

“If only Ed Wood could bring his subtle sense of flair and dignity to these remarkable scripts”;

“If it were longer, it might make more sense, but it still wouldn’t be much good”;

“I think if the movie did this it could have been very funny since both actresses are quite funny in their own ways and sitting here I can think of numerous scenarios that would have been a riot”;

“I suppose if you were going to sit in the same room and have line-of-sight with the device, lamp, etc. plugged into this control, it might work. Maybe”

Рецензии и отзывы с риторическими вопросами также представляют сложности для системы. Вопросительные предложения как способ выражения автором оценок не были достаточно изучены в области тонального анализа. По всей видимости, в программе отсутствует правило, которое бы «указывало» системе, как классифицировать такие предложения. Например:

“How can one recognize such brilliance and then see fit to replace it with such mediocrity?”;

“Canaanites wandered the earth...really? What were the scriptwriters thinking?”;

“If this book is so great, then why are there so many people who give it only one or two stars?”

Необходимость составления предметно-ориентированных словарей получила подтверждение и в ходе тестирования данной системы. Например, в тексте одной из проанализированных рецензий было следующее предложение: *“I found myself looking at my watch more and more as the film went on”*. В данном предложении отсутствуют слова с негативной коннотацией, однако тот факт, что во время просмотра фильма зритель все «больше и больше смотрел на часы», свидетельствует о том, что он дает негативную оценку. Можно допустить, что включение в тональный словарь выражения *look at watch* и создание правила, маркирующего, что появление данного словосочетания в контексте просмотра пользователем фильма дает отрицательную тональность, позволит программе верно классифицировать рецензию. В случае с выборкой Amazon в отзывах также часто встречаются оценки, не содержащие негативной лексики, однако вывод о тональности можно сделать по объективной информации, изложенной пользователем. Например, *“As directed, I downloaded all of the files from the SE site (70MB on dial up! It is too much!), and then downloaded all of the user guides”* — автор пишет о большом объеме данных, что определенно не является положительной характеристикой объекта. Тем не менее, система не классифицирует данный отзыв как негативный, поскольку в ее базе нет предметно-ориентированного словаря и релевантного для данной предметной области набора правил.

“This film laboured along with some of the most predictable story lines and shallow characters ever seen. The writer obviously bought the playbook “How to write a space disaster movie” and followed it play by play”. Прилагательные *predictable* и *shallow* в контексте отзывов о фильмах будут иметь негативный сентимент, что требует отдельно внести их в тональный словарь данной тематики, поскольку в других контекстах прилагательные могут быть нейтральными.

4. *ParallelDots* представляет собой пакет прикладных исследований с использованием искусственного интеллекта, в котором задача сентимент анализа является одним из включенных в пакет инструментов. Долгая краткосрочная память (long short-term memory, LSTM) считается особой разновидностью архитектуры рекуррентных нейронных сетей, на основе которых осуществляется работа системы. Превосходство рекуррентных нейросетей над другими видами заключается в использовании нейронами скрытого слоя предыдущих состояний сети для вычисления текущего (см. Табл. 4). Таким образом, полученная ранее информация о тональности какого-либо текстового фрагмента может повлиять на тональность анализируемого текста в данный момент. «LSTM сети были разработаны для решения проблемы долговременных зависимостей. Запоминание информации на продолжительный срок — это одна из основных особенностей этих сетей, не требующая продолжительного обучения»⁴

Таблица 4 / Table 4

Результаты тестирования программы ParallelDots / Test results of ParallelDots

Метрики классификации / Rating Metrics	Кинорецензии / Film Reviews	Отзывы Amazon / Amazon Reviews
Точность определения положительных отзывов / Accuracy of positive feedback	0,56	0,82
Точность определения отрицательных отзывов / Accuracy of negative feedback	0,53	0,69
Правильность классификации / Correct classification	54/100	68/100

Источник: составлено О.И. Максименко, М.В. Беляковым. / Source: compiled by Olga I. Maksimenko, & Mikhail V. Belyakov.

Возможные причины ошибок:

Определение тональности с использованием рекуррентной нейронной сети LSTM показывает лучшие результаты по сравнению с другими нейросетями, но достигаемая точность классификации существенно зависит от того, насколько корпус, на котором обучается модель, близок по составу, теме и стилю текста к анализируемому корпусу, в данном случае — кинорецензий или отзывов о товарах с Amazon [17]. По результатам анализа трех метрик можно сказать, что тренировочная выборка, которая использовалась для обучения, существенно отличается от текстов кинорецензий и более приближена к выборке отзывов с портала Amazon. Кроме того, эффективность работы зависит от количества нейронов скрытого и входных слоев. Например, в работе А. Кузнецова и Д. Кочурова⁵ экспериментально доказано, что увеличение нейронов скрытого слоя приводит к ухудшению работы тестовой выборки,

⁴Режим доступа: <https://digiratory.ru/575> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018009449> (дата обращения: 15.12.2024).

а увеличение нейронов входного слоя, наоборот, улучшает. Однако система является закрытой, в свободном доступе присутствует демоверсия, информация об алгоритме работы не представлена. Известно, что системы, использующие нейросетевой метод работы, способны обучаться. Чем больше тестовая выборка, и чем больше итераций было произведено, тем качественнее работа.

5. Repustate

Программы, в основе которых лежит машинное обучение, могут демонстрировать высокие результаты, однако не всегда достигается правильная классификация. В совместной работе греческих и швейцарских исследователей [18] была выдвинута гипотеза о том, что машинное обучение, дополненное подходом, основанным на правилах, улучшит результаты анализа, поскольку помимо алгоритма, обучающегося на тренировочной выборке данных, правила будут «направлять» систему⁶. Однако стоит отметить, что результаты напрямую зависят от сходства текстов, подаваемых системе на вход, и текстов, которые использовались в качестве обучающей выборки (см. Табл. 5). Обновленная платформа предлагает следующие услуги: сентимент-анализ, извлечение данных (Text Mining), мультилингвальный подход⁷.

Таблица 5 / Table 5

Результаты тестирования программы Repustate / Test results of Repustate

Метрики классификации / Rating Metrics	Кинорецензии / Film Reviews	Отзывы Amazon / Amazon Reviews
Точность определения положительных отзывов / Accuracy of positive feedback	0,72	0,9
Точность определения отрицательных отзывов / Accuracy of negative feedback	0,68	0,83
Правильность классификации / Correct classification	70/100	84/100

Источник: составлено О.И. Максименко, М.В. Беляковым. / Source: compiled by Olga I. Maksimenko, & Mikhail V. Belyakov.

Возможные причины ошибок:

Как отмечалось ранее при анализе систем, использующих машинное обучение или правила в качестве подхода тональной классификации, причинами ошибок являются, прежде всего, отличие тестируемых текстов от обучающей выборки. В документации указано, что программа отлично справляется с эмоджиками и разного рода аббревиатурами, используемыми в интернете, следовательно, можно предположить, что тестирование проходило

⁶ Режим доступа: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/39614/1/lrec2010.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷ Режим доступа: <https://www.siachen.com/repustate/> (дата обращения: 15.12.2024).

на неформальных интернет-текстах, составленных пользователями, однако многое зависит от тематики текстов. При подаче на вход системы незнакомой лексики или синтаксических структур возникают ошибки, поскольку программа их не распознает и пропускает. Кроме того, создание правил требуется для каждого тематического блока текстов, так как пользовательский контент довольно разнообразен. То, что можно применить для комментариев в социальных сетях, не даст точных результатов при анализе кинокритик или отзывов. Более того, если рассматривать кинокритик, составленные 10 лет назад, и отзывы, собранные за 2024 г., а также правила для их анализа, логично предположить, что для данных выборок необходим разный набор правил ввиду постоянного изменения языка.

По результатам тестирования пяти программ, использующих разные методы работы, на двух размеченных по бинарному принципу выборках — кинокритик с сайта IMDb и отзывы пользователей на товары портала Amazon — получены следующие результаты:

- Sentistrength

Недостатки: устаревшие тональные лексиконы; неправильное определение частей речи; анализ без опоры на контекст; определение веса каждой единицы независимо от степени важности лексем; частичное игнорирование отрицательных слов, являющихся модификаторами.

Достоинства: возможность использования собственного словаря или существующего размеченного лексикона, который прошел предобработку.

- SummarizeBot

Недостатки: неверная классификация условных и сложносочиненных предложений с противительным союзом «но», учет модификаторов полярности только в непосредственной близости; ошибки при классификации устойчивых выражений; неверное определение частей речи; разрыв тональных цепочек.

Достоинства: определение объекта, о котором выражается мнение; подробное представление анализа (раздельное выделение цветом положительных и отрицательных лексем), способность работать с неструктурированными данными.

- Pattern

Недостатки: нет развернутого анализа; нет информации о используемом лексиконе и о правилах, встроенных в систему.

Достоинства: наряду с определением тональности система дает сведения о уровне субъективности текста.

- Repustate

Недостатки: отсутствие развернутого анализа.

Достоинства: сочетание двух методов классификации (правила и машинное обучение); возможность проведения анализа на 20 языках; обновление системы и обучение на новых данных.

- ParallelDots

Недостатки: отсутствие развернутого анализа; низкая точность определения отзывов.

Достоинства: широкий спектр текстов, на которых проходило обучение; использование усовершенствованного варианта архитектуры рекуррентных нейронных сетей.

Результаты сравнительного анализа приводятся в Таблице 6.

Таблица 6 / Table 6

**Сравнительная таблица с результатами анализа программ /
Comparative table of programme analysis**

Программа / Programme	Метод работы / Method of operation	Точность определения положительных отзывов / Accuracy of positive feedback		Точность определения отрицательных отзывов / Accuracy of negative feedback		Правильность классификации / Correct classification	
		IMDb	Amazon	IMDb	Amazon	IMDb	Amazon
Summarize Bot	машинное обучение machine / learning	0,79	0,72	0,75	0,78	77	75
Senti-strength	словарный / vocabulary	0,68	0,65	0,77	0,7	70	60
Repustate	гибридный метод / hybrid method	0,72	0,9	0,68	0,83	70	84
Pattern	правила / rule	0,57	0,87	0,69	0,38	60	61
Parallel-Dots	рекуррентные нейросети / recursive neural networks	0,56	0,82	0,53	0,69	54	68

Источник: составлено О.И. Максименко, М.В. Беляковым. / Source: compiled by Olga I. Maksimenko, & Mikhail V. Belyakov.

Определяющим фактором при тональной классификации является степень схожести лексических, синтаксических и стилистических особенностей анализируемого текста с данными, которые заложены в систему. Независимо от подхода (словарного, на основе правил, с использованием машинного обучения или гибридного) программа не даст высоких результатов, если данные, подающиеся на вход, неизвестны системе. Следовательно, необходимо настраивать программу на определенную предметную область: создать словари, включающие оценочные слова и словосочетания из текстов предполагаемого тестирования. Создание подобных словарей входит в задачи

лингвоэмотиологии. Также необходимым условием является составление правил на основе выделения особенностей предварительно проанализированного текста. С программами, обучаемыми на эталонном корпусе, задача представляется более сложной, поскольку для эффективной работы требуется большой размеченный корпус. В свободном доступе имеются готовые аннотированные данные, однако далеко не для всех предметных областей.

Таким образом, можно сделать вывод, что подбирать программу для автоматической тональной классификации необходимо, в первую очередь, исходя из текстов, которые предполагается анализировать. Необходимо предварительно изучить документацию систем с тем, чтобы:

- понять на каких текстах проходило обучение, если в основе машинное обучение;
- проанализировать словарь, который используется системой, если работа базируется на словарном подходе;
- изучить правила, если информация о них имеется в открытом доступе.

Комментарии, отзывы, сообщения, которые представлены в интернете, меняются, как и язык в целом, даже иконические компоненты такие, как эмодзи могут со временем выглядеть иначе. Необходимо постоянное обновление тональных лексиконов и обучающих выборок. Как показал анализ системы Sentistrength, словари которой обновляются нерегулярно, отсутствие новых данных ведет к ошибкам в классификации. Для сравнения, программа Repustate была обновлена в 2024 г., разработчики провели переобучение алгоритмов на новых данных, в результате система показала наиболее точный анализ.

В ходе анализа среди проблем, которые препятствовали верной классификации, были выделены следующие:

1. Неоднозначное мнение и сравнение. Некоторые пользователи перечисляют ряд недостатков, которые их разочаровали в фильме, но в конце отзыва пишут, что в целом они довольны. Иногда, напротив, выражается восхищение режиссером, другими фильмами, которые были им сняты, но делается заключение, что просмотренный фильм не имеет ничего общего с предыдущими работами. Такая же тенденция просматривается и в случае с отзывами. Системе, оценивающей каждое предложение в тексте, на основе чего далее делается заключительное решение о тональности всего документа, работать с такими данными сложно. V. Aharonson и I. Becker [19] по результатам своего исследования предложили классифицировать тональность всего документа, принимая во внимание только последнее предложение, поскольку чаще всего именно в конце текста пользователи выражают окончательное мнение. Введение такого правила поможет решить проблему с подобными отзывами, но стоит отметить, что не каждая рецензия и отзыв строятся по такому принципу.

2. Вариантом решения данной проблемы может быть разделение текстов на две группы и их отдельный анализ. Разные типы предложений требуют разных подходов при классификации. В проанализированных текстах наибольшую сложность вызвали условные и сложносочиненные предложения с противительным союзом.
3. Необходимо рассматривать слова в их окружении, а не каждую единицу отдельно. Специфика работы словарного подхода заключается в оценке всех слов (исключения составляют стоп-слова, к которым относятся, в первую очередь, служебные части речи), что некорректно. Простая разметка текстов путем сравнения каждой единицы с включенными в тональный лексикон словами — неэффективный способ классификации, подключение правил, вероятно, позволит значительно улучшить результат.
4. При тестировании анализировались все единицы, в том числе и имена собственные (именованные сущности), что неверно. Решение проблемы возможно путем создания правил тестирования.

В.И. Шаховский, формулируя основные положения лингвистической теории эмоций в работе «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка», писал: «есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Отражение мира человеком включает только то, что имеет для него значение в настоящий момент или составляет ценность» [20. С. 31–32]. Учитывая объем ежесекундно поступающей информации, имеющей в том числе и оценочную функцию, пакеты сентимент-анализа позволяют существенно ускорить процесс определения тональности входных текстов.

Заключение

Таким образом, отвечая на главный вопрос о наиболее эффективном методе определения тональности, необходимом оценочном средстве для лингвоэмотиологии и лингвоконфликтологии, отметим, что программа, использующая гибридный метод, лучше остальных справилась с задачей. Однако такие корректировки, как введение нескольких правил, подбор тематической обучающей выборки могут дать возможность значительного улучшения результатов.

Список литературы

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1987.
2. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М. : Гнозис, 2008.
3. Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвoseмиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии): дисс. ... д. фил. наук. М., 2022.
4. Беляков М.В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом сентимент-анализа (ст. 2) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. Т. 5. № 4. С. 115–124. EDN: WZZKRZ

5. Максименко О.И. Анализ тональности текстов (сентимент-анализ) на материале текстов СМИ // IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сб. научных статей. 2012. Ч. 1. М. : РУДН. С. 96–105. EDN: WZZKRZ
6. Introduction to Sentiment Analysis: What is sentiment analysis, 2018. Режим доступа: <https://algorithmia.com/blog/introduction-sentiment-analysis> (дата обращения: 10.01.2025).
7. Agrawal R., Gupta N. Extracting knowledge from opinion mining // *Advances in Data Mining and Database Management*. Hershey: IGI Global, 2018. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-6117-0>
8. Юрганов А.А. Сентимент анализа как инструмент исследования текстов // *Проблемы современной науки и образования*. 2017. № 29(111). С. 39–41. EDN: ZDMSVF
9. Pang B., Lee L. Opining mining and sentiment analysis // *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008. Vol. 2. № 1–2. P. 1–135.
10. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // *Вопросы психолингвистики*. 2009. № 9. С. 29–43. EDN: LAULHF
11. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Кто и о чем говорит в «радостных» и «грустных» текстах: в поисках дискриминантных черт текстов разных эмоциональных тональностей // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2019. Т. 21. № 4(193). С. 219–234. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.4.078> EDN: JMPVSS
12. Колмогорова А.В., Вдовина Л.А. Лексико-грамматические маркеры эмоций как параметры для сентимент анализа русскоязычных интернет-текстов // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2019. Т. 11. № 3. С. 38–46. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-3-38-46> EDN: VOGAAV
13. Колмогорова А.В. Вербальные маркеры эмоций в контексте решения задач сентимент-анализа // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 1(54). С. 83–93. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-83-93> EDN: QIWKP
14. Семина Т.А. Дихотомия субъективность vs. объективность и тональная релевантность в задачах анализа тональности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2018. № 1. С. 38–45. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-1-38-45> EDN: YRNQNH
15. Scheible C., Schutze H. Sentiment relevance // *Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Sofia, 2013. P. 954–963.
16. Narayanan R., Liu B., Choudhary A. Sentiment analysis of conditional sentences // *Proceedings of the 2009 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Singapore: ACL and AFNLP, 2009. P. 180–189. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/221012837_Sentiment_Analysis_of_Conditional_Sentences (дата обращения: 10.01.2025). <https://doi.org/10.3115/1699510.1699534>
17. Сбоев А.Г., Воронина И.Е. и др. Продвинутое нейросетевые модели для решения задачи определения тональности // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Системный анализ и информационные технологии*. 2016. № 4. С. 178–183. EDN: XVSYZX
18. Rentoumi V., Petrakis S., Klenner M. et al. United we stand: improving sentiment analysis by joining machine learning and rule based methods // *7th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010)*, 19 Mai 2010–21 Mai 2010. Malta : Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich. P. 954–963.
19. Becker I., Aharonson V. Last but definitely not least: on the role of the last sentence in automatic polarity-classification // *Proceedings of the ACL 2010 Conference Short Papers*. Uppsala, 2010. P. 331–335. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/220873476_Last_but_Definitely_Not_Least_On_the_Role_of_the_Last_Sentence_in_Automatic_Polarity-Classification, (дата обращения: 10.01.2025).
20. Шаховский В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций // *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 1(39). С. 22–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37> EDN: SKQDYO

References

1. Shakhovsky, V.I. (1987). *Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language*. Voronezh: Voronezh State University publ. (In Russ.).
2. Shakhovsky, V.I. (2008). *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
3. Belyakov, M.V. (2022). *Linguoaxiology and Linguosemiotics of Diplomatic discourse (based on the Material of Open Professional Diplomacy)* [Doctoral Thesis]. Moscow. (In Russ.).
4. Belyakov, M.V. (2016). Analysis of News Reports on the Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation by the Method of Sentiment Analysis (Art. 2). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 6(4), 115–124. (In Russ.). EDN: WZZKRZ
5. Maksimenko, O.I. (2012). Analysis of the Tonality of Texts (Sentiment Analysis) Based on Media Texts. In: *Proceedings of IV Novikov readings: Functional Semantics and Semiotics of Sign Systems. Part 1* (pp. 96–105). Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
6. Introduction to Sentiment Analysis: What is Sentiment Analysis (2018). URL: <https://algorithmia.com/blog/introduction-sentiment-analysis> (accessed: 10.01.2025).
7. Agrawal, R., & Gupta, N. (2018). Extracting Knowledge from Opinion Mining. In: *Advances in Data Mining and Database Management*. Hershey: IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-6117-0>
8. Yurganov, A.A. (2017). Sentiment Analysis as a Tool for Text Research. *Problems of Modern Science and Education*, 29(111), 39–41. (In Russ.). EDN: ZDMSVF
9. Pang, B., & Lee, L. (2008). Opining Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2(1–2), 1–135.
10. Shakhovsky, V.I. (2009). Emotions as an Object of Research in Linguistics. *Journal of Psycholinguistics*, 9, 29–43. (In Russ.). EDN: LAULHF
11. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A., & Malikova, A.V. (2019). Who Speaks about What in “Joyful” and “Sad” Texts: in Search of Discriminating Features of Texts of Different Emotional Tones. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 21(4(193)), 219–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.4.078> EDN: JMPVSS
12. Kolmogorova, A.V., & Vdovina, L.A. (2019). Lexico-Grammatical Markers of Emotions as Parameters for The Sentimental Analysis of Russian-Language Internet Texts. *Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology*, 11(3), 38–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-3-38-46> EDN: VOGAAV
13. Kolmogorova, A.V. (2018). Verbal Markers of Emotions in the Context of Solving Problems of Sentiment Analysis. *Questions of Cognitive Linguistics, Issues of Cognitive Linguistics*, 1(54), 83–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-83-93> EDN: QIWKPN
14. Semina, T.A. (2018). Dichotomy Subjectivity vs. Objectivity and Tonal Relevance in the Tasks of Tonality Analysis. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 1, 38–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-1-38-45> EDN: YRNQNH
15. Scheible, C., & Schutze, H. (2013). Sentiment Relevance. In: *Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, August 4–9*. (pp. 954–963). Sofia, Bulgaria: Association for Computational Linguistics.
16. Narayanan, R., Liu, B., & Choudhary, A. (2009). Sentiment Analysis of Conditional Sentences. In: *Proceedings of the 2009 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing* (pp. 180–189). Singapore: ACL and AFNLP. URL: https://www.researchgate.net/publication/221012837_Sentiment_Analysis_of_Conditional_Sentences (accessed: 10.01.2025). <https://doi.org/10.3115/1699510.1699534>
17. Failures, A.G., Voronina, I.E., et al. (2016). Advanced Neural Network Models for Solving the Problem of Determining Tonality. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems Analysis and Information Technologies*, 4, 178–183. EDN: XVSYZX
18. Rentoumi, V., Petrakis, S., Klenner, M. et al. (2010). United We Stand: Improving Sentiment Analysis by Joining Machine Learning and Rule Based Methods. In: *7th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010)*, 19–21 May 2010 (pp. 954–963). Malta: Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich.

19. Becker, I., & Aharonson, V. (2010). Last but definitely not least: on the role of the last sentence in automatic polarity-classification. In: *Proceedings of the ACL 2010 Conference Short Papers 11–16 July 2010* (pp. 331–335). Sweden: Uppsala, Association for Computational Linguistics URL: https://www.researchgate.net/publication/220873476_Last_but_Definitely_Not_Least_On_the_Role_of_the_Last_Sentence_in_Automatic_Polarity-Classification (accessed: 10.01.2025).
20. Shakhovsky, V.I. (2019). Substantiation of the Linguistic Theory of Emotions. *Journal of psycholinguistics*, 1(39), 22–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37> EDN: SKQDYO

Сведения об авторах:

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения (105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, стр. 2); *научные интересы*: автоматизированный анализ текстовых массивов, лингвосемиотика, лингвистическая семантика, теория интерпретации; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6611-8744. SPIN-код: 7708-5901, AuthorID: 374818.

Беляков Михаил Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка МГИМО (университет) МИД России (119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76); *сфера научных интересов*: лингвосемиотика, дискурс-анализ, компьютерная лингвистика, семантические и когнитивные исследования языка; *e-mail*: m.belyakov@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-6230-9893. SPIN-код: 1761-5400, AuthorID: 474699.

Information about the authors:

Olga I. Maksimenko, Dr.Sc. (Philology), Full Professor, Professor of the Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics Department, Linguistic Faculty, State University of Education (10a built 2, Radio street, Moscow, Russian Federation, 105005); *Research interests*: automatic text analysis, linguosemiotics, linguistic semantics, interpretation theory; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6611-8744. SPIN-code: 7708-5901, AuthorID: 374818.

Mikhail V. Belyakov, Dr.Sc. (Philology), Associated Professor, Professor at Russian Department, Moscow State Institute of International Relations (University) (76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: linguosemiotics, discourse analysis, computer science, semantic and cognitive language studies; *e-mail*: m.belyakov@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-6230-9893. SPIN-code: 1761-5400, AuthorID: 474699.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-783-802

EDN: CZQCLW

УДК 811.134.2'373.21(8=6)

Научная статья / Research article

Топонимические перифразы в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка

О.С. Чеснокова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ chesnokova_os@pfur.ru

Аннотация. Ономастические перифразы, являющиеся когнитивно мотивированными вариантами официальных онимов (топонимов и антропонимов), образуют важные культурные коды этнического сообщества и формируют языковые параметры его национальной идентичности. В данной статье рассматриваются перифразы географических имён Латинской Америки, в первую очередь, имён столиц стран Латинской Америки, разрабатывается их типология. Установлено, что основные когнитивные схемы перифраз включают реификацию и олицетворение. Полученные результаты проясняют механизмы лингвокреативности и дискурсивной идентичности носителей различных латиноамериканских вариантов испанского языка, демонстрируют тенденции языковых параметров национальной идентичности и языкового творчества в сфере топонимии.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ономастика, топонимия, идентичность, контекст

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) [<https://rscf.ru/project/24-18-00702/?ysclid=lxgb79u9cp246491389>].

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Чеснокова О.С. Топонимические перифразы в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 783–802. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-783-802>

© Чеснокова О.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Toponymic Periphrases in Latin American National Varieties of the Spanish Language

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ chesnokova_os@pfur.ru

Abstract. Onomastic periphrases, which are cognitively motivated variants of official onyms (toponyms and anthroponyms), form important cultural codes of an ethnic community and shape the linguistic parameters of its national identity. The goal of this article is to interpret the cognitive mechanisms of the formation of periphrases of Latin American toponyms and to present their cognitive schemes. The hypothesis is that toponymic periphrases play the role of knowledge transfer. The author examines the periphrases of Latin American geographical names, primarily the names of Latin American capitals, and proposes their typology. It has been established that the main cognitive schemes of the periphrases include reification and personification. National attribution of periphrases is between uniqueness and polyreferentiality. Moreover, the more abstract is the periphrase, the greater is the probability of its polyreferentiality. Toponymic periphrases are included in the toponymic concepts of the corresponding geographical objects. The obtained results clarify the mechanisms of linguistic creativity and discursive identity of speakers of various Latin American varieties of the Spanish language, and demonstrate the trends in the linguistic parameters of national identity and linguistic creativity in the field of place names.

Keywords: cognitive linguistics, onomastics, toponymy, toponym, identity, context

Funding: the research was supported by Russian Science Foundation (project No 24-18-00702, Linguistic parameters of national identity: Latin American text. RUDN University.

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Chesnokova, O.S. (2025). Toponymic Periphrases in Latin American National Varieties of the Spanish Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 783–802. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-783-802>

Введение

Один из востребованных ракурсов современной ономастики — когнитивный [1], позволяющий структурировать знания, передаваемые именами собственными. Перифраза — замена какого-либо слова описательным выражением, замена прямого наименования косвенным и наоборот в целях экспрессии или эвфемизации¹. Эмоции, отношения, особенности личностного восприятия, настрой на языковую игру в ее культуросозидающей функции приводят к тому, что человек, персонаж или географический объект начинает существовать в культурной системе не только в виде официального кодифицированного имени собственного, но и в виде не прямой номинации.

¹ Жукова И.Н., Лебедев М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. : Флинта : Наука, 2013. С. 311.

В испаноязычной традиции по отношению к непрямым обозначениям географических объектов, как и по отношению к игровым обозначениям лица, возможен термин *apodo* ‘прозвище’. Так, название статьи в ежедневной колумбийской газете *El Tiempo*, приглашающей читателя познакомиться с интересными перифразами колумбийских городов, содержит именно лексему *apodo* ‘прозвище’: *Conozca los curiosos apodos que tienen algunas de las ciudades colombianas. Hemos cogido tanta afición a los apodos que ya casi no queda en este país un pueblo sin sobrenombre* (букв.: ‘Познакомьтесь с интересными прозвищами некоторых городов Колумбии. Мы так любим прозвища, что в Колумбии без них не осталось почти ни одного населенного пункта’)². Как наиболее гибкую дефиницию мы предлагаем термин «ономастическая перифраза». Ономастические перифразы универсально базируются на метафорических и метонимических переносах [2–5], бытуют в любом языковом коллективе, от микроколлектива семьи до макроколлектива этнического сообщества, объединенного общей культурной системой. Помимо индивидуально-авторских перифраз, которые могут создаваться и изменяться до бесконечности, существуют перифразы коллективные, которые говорят о сложившемся языковом вкусе, об узуальных и уместных традициях непрямого, культурно обусловленного обозначения лица, персонажа или географического объекта, входящих в языковые параметры национальной идентичности. Подобные перифразы имен географических объектов фиксируются, в частности, в общедоступной электронной энциклопедии «Википедия», ср. «Город на семи холмах» как эпитет Москвы³.

Для адекватного понимания представителями иных культурных систем, даже пользующихся одним и тем же плюрицентричным языком, ономастические перифразы требуют экстралингвистических знаний. Например, перифраза *Siervo de la Nación* ‘Слуга нации’ однозначно декодируется мексиканцами как национальный герой Мексики, священник Хосе Мария Морелос: «*En Morelos, la tierra del Siervo de la Nación, hicimos nuestro uno de sus postulados más vigentes: “que todo aquel que se queje con justicia tenga un tribunal que lo escuche, lo ampare y lo defienda”*»⁴, но может вызвать непонимание у представителей других лингвокультур. Воспроизводимость и понятийная спаянность компонентов перифраз в случае их поликомпонентности позволяет расценивать их как фразеологические выражения [6]. Владение языком высококонтекстных, по Э. Холлу, лингвокультур,

² Gossain J. Ciudades de Colombia y sus sobrenombres, explicados. Режим доступа: <https://www.eltiempo.com/colombia/otras-ciudades/ciudades-de-colombia-y-sus-sobrenombres-explicados-658369> (дата обращения: 03.05.2025).

³ Москва // Википедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Москва> (дата обращения: 06.05.2025).

⁴ En el centro // Herald de México. Режим доступа: <https://heraldodemexico.com.mx/opinion/2025/4/22/en-el-centro-693035.html> (дата обращения: 13.05.2025).

к которым относятся страны испанского языка, предполагает компетенцию в узуальных культурных смыслах, механизмах когнитии носителей различных вариантов испанского языка [7], в средствах языковой экспрессии, среди которых находятся и не прямые, экспрессивно маркированные обозначения географических объектов, что было рассмотрено на материале перуанской и панамской топонимии в работе [5]. Таким образом, под ономастическими перифразами будем понимать свойственные определенной культурной системе устойчивые коннотативно маркированные обозначения лица, персонажа или географического объекта. Поскольку «понимание и изучение языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку» [8. С. 10], когнитивный подход к топонимическим перифразам позволяет установить закономерности структурирования ими знаний и эмоций, связанных с именами географических объектов. Задача данной статьи — интерпретировать когнитивные механизмы образования перифраз латиноамериканских топонимов, представить их когнитивные схемы. Гипотеза заключается в том, что топонимические перифразы играют роль трансфера знаний, поскольку «трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, данных опосредованно» [9. С. 62].

Перифразы имен столиц стран Латинской Америки

Материалом для данного раздела послужила, в первую очередь, общедоступная электронная энциклопедия «Википедия», отражающая обыденное языковое сознание. Столица крупнейшей испаноязычной страны — Мексики, город Мехико известен как *La Ciudad de los Palacios* ‘Город дворцов’⁵. Мехико действительно славится многочисленными дворцами. Один из самых знаменитых дворцов — Дворец изящных искусств (*Palacio de Bellas Artes*), или оперный театр. Метисная идентичность мексиканцев воплощена в том, что Дворец украшен работами знаменитых мексиканских muralistas Диего Риверы, Альфаро Сикейроса и Хосе Клемента Ороско. Особенно известна украшающая дворец философская фреска Диего Риверы «Человек на распутье». Перифраза столицы Мексики «Город дворцов» регулярно воспроизводится в различных видах дискурса как повторная номинация и как номинация, открывающая упоминание Мехико, ср. образец из колумбийского медийного дискурса: *Baste por ahora con recordar que a Nueva York le dicen la Gran Manzana, a México la llaman la ciudad de los Palacios y Roma, que fue capital del imperio más poderoso que ha visto el mundo, es considerada la ciudad*

⁵ Ciudad de México // Wikipedia. Режим доступа: https://es.wikipedia.org/wiki/Ciudad_de_México (дата обращения: 03.05.2025).

*Eterna*⁶. Корпус испанского языка XXI в. дает 18 результатов для словосочетания *la ciudad de los palacios*, например: 2018 Vilacorta, Carlos Andrés: «Monseñor Romero, profeta y mártir continuación». *DiarioCoLatino*. Tres mil (EL SALVADOR) es que yo tenía que granjearme su amistad pues lo que realmente me interesaba era su hermana Carmen...del Socorro... yo le decía que me aceptara como su amigo. Y que iría a visitarla a MÉXICO D.F. y el tiempo que se encargaría de lo demás, y que me entristecía su partida hacia *la ciudad de los palacios*⁷. Обращают на себя внимание колебания в орфографии: написание перифразы через строчные буквы и через прописные.

Столица Гватемалы, одноименный город Гватемала, приобрел в силу получившей признание своей хорошей экологии восхваляющую перифразу *Capital Verde de las Américas* ‘Зеленая столица всей Америки’ (дословно ‘Америк’)⁸. Столица Гондураса Тегусигальпа [17] имеет перифразы *La Capital* ‘Столица’, *Tegus* ‘Тегус’, что является аббревиатурой по типу апокопы официального топонима, а также *Cerro de Plata* ‘Серебряная гора’, где представлен образ серебра как универсального эталона драгоценностей и аллюзия географического положения Гватемалы на высоте 1000 м над уровнем моря. Многие топонимы автохтонного индейского происхождения до сих пор не получили однозначной интерпретации своей этимологии. Мотивационный анализ этимологии гондурасской столицы явственно отсылает к языку ацтеков науатль и может означать ‘Дом господина’^{9,10}. Имеющаяся версия этимологии ‘серебряные холмы’¹¹ проясняет когнитивную схему распространенной перифразы города Гватемала как ‘Серебряная гора’, что при достоверности географического положения столицы Гватемалы можно отнести к устойчивому языковому вкусу и народной этимологии. Примечательно, что разговорно-обиходная окраска перифразы *Tegus* не препятствует ее реализации в различного вида текстах. Корпус испанского языка XXI в. дает 25 результатов для аббревиатуры *Tegus*, например: 2016 Morales, Alexeiev: «Israel Silva: «Un honor que me dirija mi ídolo»». *El Heraldo (HONDURAS)*. A propósito de las últimas

⁶ Gossain J. Ciudades de Colombia y sus sobrenombres, explicados. Режим доступа: <https://www.eltiempo.com/colombia/otras-ciudades/ciudades-de-colombia-y-sus-sobrenombres-explicados-658369> (дата обращения: 03.05.2025).

⁷ Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES) // Real Academia Española. Режим доступа: <https://www.rae.es/corpes/> (дата обращения: 03.05.2025).

⁸ Ciudad de Guatemala // Wikipedia. Режим доступа: https://es.wikipedia.org/wiki/Ciudad_de_Guatemala (дата обращения: 03.05.2025).

⁹ Cabrera L. Diccionario de aztequismos. México : Colofón, S.A., 2002. P. 126.

¹⁰ Поспелов Е.М. Иллюстрированный атлас мира. География мира : новейший топонимический словарь. М. : Русские словари, 2007. С. 499.

¹¹ Тегусигальпа: Этимология // Wikipedia. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тегусигальпа#Этимология> Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тегусигальпа#Этимология> (дата обращения: 08.05.2025).

*semanas que viviste en Tegus ¿quién te dijo que no seguías en Motagua?; 2023 «La literatura no debe ser relegada por la cibertecnología, dice escritor Miguel Barnet». Excélsior (ESTADOS UNIDOS) El primer «Festival Internacional de Poesía, Canto y Narrativa Tegus sí canta» fue inaugurado el martes y finalizará este viernes*¹².

Сан-Хосе, столица Коста-Рики, приобрела перифразы *La Tacita de Plata* дословно ‘Серебряная чашечка’, *Chepe* ‘Чепе’¹³. Языковая идентичность костариканцев воплощена в многочисленных уменьшительных суффиксах, откуда и происходит их обозначение — катойконим *ticos*. Поэтому не удивительно, что в перифразе названия столицы страны *La Tacita de Plata* ‘Серебряная чашечка’ зафиксирован уменьшительный суффикс. Серебро, как и в случае с перифразой имени столицы Гондураса, выступает эталоном ценности и значимости. В испанском языке словосочетание *tacita de plata* является фразеологизмом со значением ‘чист, как стеклышко’¹⁴ и апеллирует в случае Сан-Хосе к похвале красоте и ухоженности города. Перифраза же *Chepe* запечатлела разговорно-обиходную форму имени *José* в топониме *San José* досл.: ‘Святой Иосиф’. Учитывая, что Коста-Рика — одновременно и демократическая страна, и религиозное государство, в котором церковь обладает уникальным на американском континенте влиятельным статусом [10. С. 317], десакрализация имени Святого Иосифа в Чепе показывает приближенность религиозных аллюзий костариканцев к повседневной жизни, когда противопоставление мира божественного и мира земного снимается, а Святой Иосиф приобретает в перифразе *Chepe* земные черты, что одновременно подтверждает актуальность осознания внутренней формы названия костариканской столицы современными костариканцами и образует маркер их национальной идентичности.

Перифраза столицы Сальвадора *El Gran San Salvador* ‘Великий (большой) Сан-Сальвадор’ имеет когнитивной основой подчеркивание престижа и статуса столицы страны. Так же статус столицы Сальвадора подчеркивают перифразы *Nuestra capital* ‘Наша столица’, *Ciudad Capital* ‘Столица’, *Distrito Capital* ‘Столичный округ’. Использование вместо официального топонима лексемы *capital* ‘столица’ характерно для дискурсов всех латиноамериканских стран, ср. гватемальский образец: *El miércoles 7 de mayo, el cardenal guatemalteco Álvaro Leonel Ramazzini Imeri participará en su primer cónclave, la reunión que celebra el Colegio Cardenalicio de la Iglesia católica para elegir al nuevo Papa, y se espera que el nacido en la ciudad capital muestre el mismo*

¹² Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES) // Real Academia Española. Режим доступа: <https://www.rae.es/corpes/> (дата обращения: 03.05.2025).

¹³ San José (Costa Rica) // Wikipedia. Режим доступа: [https://es.wikipedia.org/wiki/San_José_\(Costa_Rica\)](https://es.wikipedia.org/wiki/San_José_(Costa_Rica)) (дата обращения: 07.05.2025).

¹⁴ Tacita // Real Academia Española. Режим доступа: <https://dle.rae.es/tacita?m=form> (дата обращения: 13.05.2025).

*espíritu con el que ha guiado su ministerio desde hace décadas*¹⁵. Таким образом, когнитивная основа *capital* ‘столица’ для перифраз Сан-Сальвадора не является исключением. В испанском языке лексема *Salvador* (досл.: ‘Спаситель’) является устойчивым именованием Иисуса Христа¹⁶. При разбросе интерпретаций современными сальвадорцами происхождения перифразы Сан-Сальвадора *San Sivar* от обозначения автобуса до аллюзии Занзибара (*¿Desde cuándo se le dice «sivar» a San Salvador? Internauta pregunta y genera debate. Algunas personas aseguraron que viene del nombre Zanzíbar, la isla de Tanzania en la que nació Freddy Mercury*)¹⁷, однозначна игровая основа перифразы, а ее компонент *San* (дословно ‘святой’) тот же, что и в официальном топониме *San Salvador*. Таким образом, в перифразе *San Sivar* сочетаются возвышенно-религиозные и игровые коннотации.

Столица Венесуэлы город Каракас имеет следующие перифразы: *La Sucursal del Cielo*, *La Cuna del Libertador*, *La Ciudad de los Techos Rojos*, *Ciudad de la Eterna Primavera*, *La Sultana del Ávila*¹⁸. Перифраза *La Sucursal del Cielo* может быть переведена как ‘Часть Неба’ (ср. ‘Поднебесная’), что имеет когнитивной основой подчеркивание избранности столичного города. Перифраза *La Cuna del Libertador* ‘Родина досл.: ‘Колыбель’ Освободителя’ имеет аллюзию Симона Боливара (1783–1830), Национального Героя Венесуэлы, Колумбии, Эквадора, Панамы, Боливии, Перу, который родился именно в Каракасе. Перифраза *La Ciudad de los Techos Rojos* ‘Город красных крыш’ апеллирует к многочисленным зданиям, покрытым красной черепицей, что создает неповторимый колорит Каракаса. *Ciudad de la Eterna Primavera* ‘Город Вечной весны’ содержит в качестве когнитивной основы отсылку к мягкому климату Каракаса, что подтверждает следующий контекст: *Con una población de aproximadamente 7 millones de habitantes, Caracas es la capital y ciudad más poblada de Venezuela. Está cerca de la costa de La Guaira, pero a una altura de más de 800 metros, por lo cual el clima es muy agradable, que hizo que fuera llamada La Ciudad de la Eterna Primavera*¹⁹. Эта же перифраза стала названием одноименного короткометражного фильма *Caracas, Ciudad*

¹⁵ El cardenal guatemalteco Álvaro Ramazzini cree que la inmigración será una prioridad para el Papa // Prensa Libre. Режим доступа: <https://www.prensalibre.com/guatemala/comunitario/el-cardenal-guatemalteco-alvaro-ramazzini-cree-que-la-inmigracion-sera-una-prioridad-para-el-papa/> (дата обращения: 13.05.2025).

¹⁶ Salvador // Real Academia Española. Режим доступа: <https://dle.rae.es/salvador> (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁷ El Salvador.com. San Salvador, Sivar: origen del debate viral en Twitter. Режим доступа: <https://www.elsalvador.com/entretenimiento/viral-entretenimiento/san-salvador-sivar-origen-twitter-debate-viral/946140/2022/> (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁸ Caracas // Wikipedia. Режим доступа: <https://es.wikipedia.org/wiki/Caracas> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁹ Universidad Simón Bolívar. Conoce Caracas. Режим доступа: <https://www.internacionales.usb.ve/inicio/conoce-caracas> (дата обращения: 04.05.2025).

*de la Eterna Primavera. Cortometraje 1964*²⁰. Каракас расположен в долине горы Сьерро-Авила высотой 2500 м. Отсюда происходят перифраза с титулом власти ‘султанша’ — *la Sultana del Ávila* ‘Султанша Авила’, где женский род существительного *Sultana* сочетается с женским родом испанского существительного *ciudad* ‘город’, а также поэтическая метафора *La Novia del Cielo* ‘Небесная невеста’. Обе перифразы имеют в качестве когнитивной основы идею географической высоты рельефа, становящуюся символом духовной высоты, избранности и значимости в национальной концептосфере, а лингвокогнитивная схема содержит олицетворение.

Столица Перу Лима известна как *La Ciudad de los Reyes* ‘Город Королей’. В хронике Педро Сьеса де Леона «*Crónica del Perú*» (1553) указывается на мотивацию Франсиско Писарро при названии города, основанного в день Эпифании: *Pizarro la intituló Ciudad de los Reyes, por la devoción que tuvo a los tres Reyes Magos, y por ser cerca del día de su fiesta* [11. Р. 234]. В современной перуанской литературе и в туристическом дискурсе перифраза *Ciudad de los Reyes* используется как поэтический эпитет, подчеркивающий историческое прошлое Лимы: *Lima aguarda muchas ciudades en una: es uno de los mejores destinos gastronómicos del mundo, es la histórica Ciudad de los Reyes, es la del Miraflores de Vargas Llosa, o la del Barranco del bohemio Martín Adán, la que nunca duerme, la urbe gigantesca — más de diez millones de personas se mueve por ella en un aparente caos, entre rincones de nostálgico urbanismo*²¹. Еще одна пространенная перифраза Лимы, расположенной на берегу Тихого океана, — *La Perla del Pacífico* ‘Жемчужина Тихого океана’. Жемчуг, жемчужина — универсальные символы красоты и достоинств. Любопытным свидетельством популярности образа Лимы как жемчужины служат путевые заметки француза Шарля Виньера 1857 г.: *Lima, cette perle jetée au bord du Pacifique, étonne par l'élégance de ses places ombragées de palmiers*²². Отметим попутно, что применительно к перуанским топонимическим перифразам, эта же перифраза *Perla del Pacífico* может быть отнесена к перуанскому порту Кальяо [4]. Перифраза Лимы *La Tres Veces Coronada Villa* ‘Трижды коронованный город’ отражает особый статус Лимы в Испанской империи. Символическое значение этого титула подробно анализирует перуанский историк Густаво Монсальве: *El título de Tres Veces Coronada no era mera retórica, sino expresión concreta del pacto entre la monarquía y la élite limeña* [12. Р. 145]. В современном дискурсе эта перифраза может быть расценена как важный элемент лимской идентичности: герб Лимы содержит три короны, символизирующие соответствующие

²⁰ Reddit. Caracas, ciudad de la eterna primavera. Режим доступа: https://www.reddit.com/r/vzla/comments/beo3ix/caracas_ciudad_de_la_eterna_primavera/ (дата обращения: 27.04.2025).

²¹ La ciudad sudamericana donde se adoptan sus balcones // National Geographic Viajes. Режим доступа: https://viajes.nationalgeographic.com.es/a/ciudad-sudamerica-donde-adoptan-sus-balcones_12260 (дата обращения: 03.05.2025).

²² *Wiener Ch. Pérou et Bolivie. Paris : Librairie Hachette et Cie, 1857. Р. 89.*

исторические события. Наконец, так же регулярно воспроизводится в дискурсе перифраза *La Ciudad de los Balcones* ‘Город балконов’, которая указывает на особенности колониальной архитектуры Лимы, ср.: *Pero, sobre todo, Lima es la ciudad de los balcones, la monumental, la que fue declarada Patrimonio de la Humanidad. Una ciudad que en 2012 se lanzó a adoptar sus balcones como quien sabe que protege un último aliento. Se trató de una campaña municipal para que la sociedad participara en la restauración de estos elementos arquitectónicos, los más característicos de una ciudad en la que perviven los ecos de otro tiempo*²³.

Колумбия — единственная страна Южной Америки, имеющая выход к Тихому и Атлантическому океанам. Столица Колумбии Богота имеет следующие устойчивые перифразы: *La Nevera* ‘Холодильник’, *La Ciudad de las Puertas Abiertas* ‘Город открытых дверей’, *La Atenas Suramericana* ‘Афины Южной Америки’, *La Ciudad de Todos* ‘Город для всех’, *La Capital Mundial del Teatro* ‘Мировая столица театра’²⁴. Как мы уже писали в предыдущих работах [13. С. 80; 14. С. 43], речь жителей колумбийской столицы считается в Колумбии эталонной, откуда и происходит восхваляющая перифраза *La Atenas Suramericana* ‘Афины Южной Америки’, авторство которой принадлежит аргентинскому писателю и политику Мигелю Кане (Miguel Cané; 1851–1905). В современном дискурсе перифраза ‘Афины Южной Америки’ часто содержит ироничные коннотации, но стабильно выступает как инструмент культурного трансфера. Перифраза Боготы *La Nevera* ‘Холодильник’ или в уменьшительно-ласкательной форме *Neverita* ‘Холодильничек’ осуществляется от лица жителей карибского побережья Колумбии: Богота расположена на высоте свыше 2600 м над уровнем моря, из-за чего климат города достаточно суровый, что и воспринимается жителями-костеньо как холодильник. Восхваляющие перифразы Боготы *La Ciudad de las Puertas Abiertas* ‘Город открытых дверей’, *La Ciudad de Todos* ‘Город для всех’, *La Capital Mundial del Teatro* ‘Мировая столица театра’ отсылают к насыщенной культурной жизни столицы.

Город Ла-Пас, резиденция правительства и фактическая столица Боливии, имеет перифразы *Ciudad del Cielo* ‘Небесный город’, *Ciudad Maravilla* ‘Чудогород’²⁵. Ла-Пас расположен на высоте 3650 м над уровнем моря, поэтому сравнения с чудом и небом имеют и вполне логичную основу.

²³ La ciudad sudamericana donde se adoptan sus balcones // National Geographic Viajes. Режим доступа: https://viajes.nationalgeographic.com.es/a/ciudad-sudamerica-donde-adoptan-sus-balcones_12260 (дата обращения: 03.05.2025).

²⁴ Bogotá // Wikipedia. Режим доступа: <https://es.wikipedia.org/wiki/Bogotá> (дата обращения: 11.05.2025).

²⁵ La Paz // Wikipedia. Режим доступа: https://es.wikipedia.org/wiki/La_Paz (дата обращения: 14.05.2025).

Столица Уругвая город Монтевидео имеет перифразы *La Nueva Troya* ‘Новая Троя’, *La Tacita de Plata* ‘Серебряная чашечка’²⁶. Перифраза *La Nueva Troya* представляет собой закрепившийся образец авторской перифразы. «Монтевидео, или Новая Троя» (фр. *Montevideo, ou une nouvelle Troie*) — это название исторического романа Александра Дюма, которое проводит параллель войн в Южной Америке с Троянской войной. Как и в случае с перифразой столицы Коста-Рики, перифраза Монтевидео как фразеологизированное выражение *tacita de plata* — эталон чистоты и ухоженности. В случае варианта *Tacita del Plata* когнитивная схема другая — т.е. ‘жемчужина Рио-де-ла-Плата’, когда общеиспанский фразеологизм выступает как прецедентное явление.

Столица Парагвая Асунсьон известен как *Madre de la Gastronomía del Río de la Plata* ‘Мать гастрономии Рио-де-ла-Плата’, *Capital Mundial de la Amistad* ‘Мировая столица дружбы’, *Capital Verde de Iberoamérica* ‘Зеленая столица Иberoамерики’, *Madre de Ciudades* ‘Мать городов’, *Cuna de la Libertad de América* ‘Колыбель свободы Америки’²⁷. Именно из города Асунсьон отправлялись экспедиции на основания новых городов, откуда и происходит образ матери, в том числе матери в гастрономии. Перифраза *Capital Mundial de la Amistad* ‘Мировая столица дружбы’ возникла в 2012–2013 гг. как дань уважения мультикультурализму и многоязычию Парагвая. Титул *Capital Verde de Iberoamérica* ‘Зеленая столица Иberoамерики’ был присвоен Асунсьону в 2014 г. как признание многочисленных зеленых массивов города.

Буэнос-Айрес, столица Аргентины, имеет перифразы *La Reina del Plata* ‘Королева Ла-Платы’, *La Gran Capital del Sur* ‘Великая столица Юга’, *París de Sudamérica* ‘Париж Южной Америки’, *Baires* ‘Байрес’. Вот контекст упоминания Буэнос-Айреса как ‘Королевы Ла-Платы’: *El Día de Saint Jordi, que coincide con el Día Mundial del Idioma Español en conmemoración del fallecimiento de Miguel de Cervantes, autor de Don Quijote, y con el Día Internacional del Libro (en conmemoración de las muertes de William Shakespeare, el Inca Garcilaso de la Vega y Cervantes), es una jornada de grandes ventas en las librerías españolas. Como pasó con Noche de Brujas y el Día de los Enamorados, una fiesta tradicional del hemisferio norte podría implantarse en la Reina del Plata*²⁸. Архитектура Буэнос-Айреса часто сравнивается с архитектурой Парижа, откуда и происходит перифраза ‘Париж Южной Америки’. В современном медиадискурсе эта перифраза часто имеет ироничные коннотации: *La ex París de Sudamérica*:

²⁶ Montevideo // Wikipedia. Режим доступа: <https://es.wikipedia.org/wiki/Montevideo> (дата обращения: 03.05.2025).

²⁷ Asunción // Wikipedia. Режим доступа: <https://es.wikipedia.org/wiki/Asunción> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁸ Libros y rosas: Sant Jordi también se celebra en Buenos Aires // La Nación. Режим доступа: <https://www.lanacion.com.ar/cultura/libros-y-rosas-sant-jordi-tambien-se-celebra-en-buenos-aires-nid23042025/> (дата обращения: 07.05.2025).

*por qué Buenos Aires derrumba su patrimonio arquitectónico europeo. El auge en la construcción y un proceso de conservación ambiguo amenazan la identidad edilicia de los barrios detrás de la ‘París de Sudamérica’. A la capital argentina se la sigue llamando la París de Sudamérica por la ambición europeizante de su primer centenario, cuando el esplendor de principios del Siglo XX levantó palacios, avenidas amplias y edificios públicos monumentales. La Nación, 23 de noviembre de 2022*²⁹, но в любом случае, даже ироничное использование не ослабляет функцию культурного трансфера этой топонимической перифразы. Наконец, *Baires* ‘Байрес’ — аббревиация по типу синкопы официального топонима *Buenos Aires*. Также Буэнос-Айрес упоминается как *Capital Federal* ‘федеральная столица’, что может относиться к любой столице федерации, но именно в Аргентине и в соседней Бразилии (Федеральный округ Бразилии (1889–1960); Федеральный округ (Бразилия) (1960 — настоящее время) у него особое использование.

Итак, зафиксированные общедоступной электронной энциклопедией Википедия перифразы имен столиц стран Латинской Америки показывают богатство мотивирующих признаков, отражающих процессы познания и рефлексии чувственного опыта носителей различных национальных вариантов испанского языка. Уничижительных или подразумевающих неоднозначное восприятие качеств объекта номинаций типа топонимов *Aguahedionda* ‘зловонная вода’, называющих геообъекты, по данным системы *geonames*, в Колумбии, Мексике, Эквадоре³⁰, не обнаруживается. Перифразы восхваляют соответствующие столицы или «по-свойски» приближают их обозначение к говорящему, как в случае с номинацией ‘холодильник’ для Боготы. Имеются сравнения с европейскими городами (Афины, Париж) как эталонами элегантности. Даже при наблюдаемой неоднозначности и ироничности употребления возвышенных сравнений в современном дискурсе их устойчивость и узуальность выполняет топонимами функцию «трансфера знаний», по В.З. Демьянкову. Перифразы имен столиц латиноамериканских стран показывают их диапазон от возвышенно-поэтических (*Madre de ciudades* ‘Мать городов’) до разговорно-обиходных (*Чене, Тегус, Байрес*). Примечательны факты гипо-гиперонимической замены (‘столица’, ‘федеральная столица’), опорное слово *ciudad* при выражении характеристики. Наблюдаются концептуальные схемы реификации (овеществления), напр. ‘серебряная чашечка’, и/или одушевления [15], например, ‘невеста’, ‘султанша’, ‘королева’

²⁹ La ex-París de Sudamérica: por qué Buenos Aires derrumba su patrimonio arquitectónico europeo // La Nación. Режим доступа: <https://www.lanacion.com.ar/propiedades/construccion-y-diseno/la-ex-paris-de-sudamerica-por-que-buenos-aires-derrumba-su-patrimonio-arquitectonico-europeo-nid23112022/> (дата обращения: 04.05.2025).

³⁰ Aguahedionda // GeoNames. Режим доступа: <https://www.geonames.org/search.html?q=Aguahedionda> (дата обращения: 03.05.2025).

на основе концептуально-метафорических моделей, представляющих эмоционально-образное восприятие топонимов, их узнавание из коллективного опыта языкового освоения пространства. Примечательны монаршие титулы: ‘султанша’, ‘королева’. Следуя синтетическому пониманию концепта в отечественной традиции [16] и понимая под топонимическим концептом «единицу ментальной репрезентации фрагмента физической географии, описываемого топонимическим контекстом» [17], топонимические перифразы органично входят, таким образом, в топонимические концепты: концепт МЕХИКО, концепт БУЭНОС-АЙРЕС и др. Топонимические концепты, соответственно, позволяют официальным топонимам не только отвечать на вопрос «Где?», отражая «объективное знание», но и на вопрос «Что представляет этот объект в коллективном языковом опыте?», т.е. воплощать интерпретативную и творческую деятельность человека.

Топонимические перифразы: между уникальностью и полиреферентностью

Рассмотренные выше перифразы имен столиц латиноамериканских стран выявили такие важные и, по-видимому, универсальные черты топонимических перифраз, как метафоричность и различные границы атрибуции. Так, фразеологизированная перифраза ‘серебряная чашечка’ может быть отнесена к столице Коста-Рики и к столице Уругвая. В свою очередь, перифрастическая номинация столиц не исключает, что эти же перифразы ограничиваются их топонимическими концептами. Так, *La ciudad de la eterna primavera* ‘Город Вечной весны’ является не только перифразой столицы Венесуэлы Каракаса, но и устойчиво относится в силу приятных эмоций от климата к колумбийскому городу *Медельин* (*Medellín*), чилийскому городу *Арика* (*Arica*), мексиканскому *Куэрнавака* (*Cuernavaca*), доминиканскому *Харабакоа* (*Jarabacoa*), перуанскому *Трухильо* (*Trujillo*). В свою очередь, Медельин известен как *La Capital de la montaña* ‘Столица на горе’, *La bella villa* ‘Прекрасный город’. Перифраза ‘Город открытых дверей’ применима не только к столице Колумбии Боготе, но и к столице штата Мичоакан в Мексике — городу Морелия, к колумбийскому городу Манисалес, столице департамента Кальдас. В свою очередь, Морелия имеет перифразы *La Ciudad de la Cantera Rosa* ‘Город розового камня’, *La Rosa de los Vientos* ‘Роза ветров’, *El Jardín de la Nueva España* ‘Сад Новой Испании’, а Манисалес — *Manizales del alma* ‘Манисалес моей души’, *La Perla del Ruiz* ‘Жемчужина Руиса’, *La Colina Iluminada* ‘Светлая гора’. Подобные факты языкового творчества показывают многовекторность топонимических перифраз, балансирующих между уникальностью и полиреферентностью. Чем более конкретна перифраза, тем более однозначен ее референт. К примеру, перифраза *la ciudad de los ates* ‘город ате’, в которой представлен мексиканизм *ate* «ате», ‘сладкий желеобразный продукт из мякоти фруктов’, таких

как айва, персик или гуава, и сахара³¹, однозначно и уникально применима к столице мексиканского штата Мичоакан Морелии, которая славится производством этих сладостей. Чем более абстрактна дефиниция, тем больше вероятность ее полиреферентности: *La Perla del Pacífico* ‘Жемчужина Тихого Океана’, *La ciudad de la eterna primavera* ‘Город вечной весны’ входят в несколько топонимических концептов: метафора жемчуга ‘Жемчужина Тихого Океана’ применима не только к столице Перу Лиме, но и к таким городам, как Масатлан в Мексике, Гауякиль в Эквадоре, а также она бытует и как урбаноним, называя, например, рестораны. Таким образом топонимические перифразы расширяют границы существования и реализации топонимов от карты к социуму, а нагруженность символами зависит от значимости соответствующего географического объекта для социума и идентичности.

Метафорическая сущность топонимических перифраз выступает как выполняемая ими и эстетически обусловленная функция культурного трансфера и трансфера знаний. В когнитивной лингвистике целый ряд исследователей считают метафору одним из важнейших когнитивных инструментов познания окружающей действительности: «Метафора является механизмом, позволяющим перерабатывать и структурировать знания, которые человек получает при взаимодействии с окружающим миром» [18]. Языковой континуум Латинской Америки показывает такие устойчивые опорные компоненты ономастических перифраз-метафор, как *ciudad* ‘город’, *tierra* ‘земля’, *capital* ‘столица’, *sede* ‘центр, штаб-квартира’, *cuna* ‘колыбель’, *joya* ‘драгоценность, сокровище’, *perla* ‘жемчужина’, что было намечено в опубликованных ранее работах [4; 5]. Эти опорные слова выступают как паттерны ономастических перифраз.

Топонимические перифразы в тексте и дискурсе

Топонимические перифразы образуют своеобразный культурный код идентичности, проявляемый в тексте и дискурсе. В.А. Маслова считает, что «культурный код — это «сеть универсальных и национально специфичных явлений, формирующая национальную картину мира, это репертуар сигналов и одновременно способ структурирования культурного знания» [19. С. 20]. В качестве модели текстовой реализации топонимических перифраз рассмотрим перифразу столицы Аргентины Буэнос-Айреса *París de Sudamérica* ‘Париж Южной Америки’. Поиск по языковым корпусам дает результат в 34 примера: Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES) — 7 примеров в 6 документах; Corpus del español, подкорпус Web/Dialects — 7 примеров; Corpus del español, подкорпус News on the Web (NOW) — 20 примеров. По жанру обнаруженные контексты можно распределить следующим

³¹ АТЕ // ASALE. Режим доступа: <https://www.asale.org/damer/ate> (дата обращения: 12.05.2025).

образом: пресса (включая новостные блоги) — 32 примера; художественная литература — 2 примера. Атрибуция по странам: Аргентина — 24 образца; Перу — 3; Мексика — 2; Колумбия — 1; Куба — 1; Уругвай — 1; Венесуэла — 1; США — 1. В большинстве контекстов, особенно в новостных статьях и блогах, словосочетание *París de Sudamérica* сопровождается пояснением о том, что так называют Буэнос-Айрес. На это указывают причастия *llamada, denominada, definida, ser conocida/considerada* ('называемая' / 'названная', 'определяемая', 'город, который считается/известен как'), а также дефиниции *mote, apodo* 'прозвище', например: *Día negro en pleno carnaval: en Buenos Aires desfilaban las carrozas, volaban el papel picado y el agua florida, y se esperaba la elección de la reina. Carnaval con réquiem final. Porque se había ido mucho más que todo un hombre en el sentido del coraje. También un pionero de la Buenos Aires gran aldea a la Buenos Aires gran ciudad. Tanto, que fue llamada «la París de Sudamérica»³². Графически перифраза *París de Sudamérica* 'Париж Южной Америки' оформляется в тексте кавычками или выделяется курсивом: *En la vanguardia del turismo y la hospitalidad, las tradiciones culturales de la Argentina, las bellezas naturales y oportunidades de negocio la han convertido en un destino turístico cada vez más popular. Buenos Aires, considerada como “la París de Sudamérica”, ofrece una gran variedad de atractivas opciones a sus visitantes que van desde la arquitectura y su exquisita cocina, y la legendaria vida nocturna³³, либо графически не выделяется: Una obra emblemática de esta estética en formación es Bombay Buenos Aires (2009), el disco con que 34 Puñaladas dejó atrás los tangos reos del siglo XX que interpretó durante diez años. “Nos interesaba abordar el objeto metrópoli en su faceta más cruenta, contra el argentino medio pelo que mira a Buenos Aires como la París de Sudamérica. Era meter el dedo en esa llaga, a través de una especie de ciudad por momentos futurista y por momentos hiperrealista que está entre Blade Runner, El país de las últimas cosas de Paul Auster y la Cacodelfia de Marechal en Adán Buenosayres”, relata³⁴; Hubo un tiempo, ya lejano, en que Buenos Aires era la París de Sudamérica, arquitectónicamente hablando, como lo prueban las fotos más abajo. Va quedando poco de aquello, básicamente porque no lo cuidamos (me referiré más ampliamente a este tema en otro post).**

³² La fascinante vida de Jorge Newbery, la leyenda de la aviación que murió de forma trágica // Infobae. Режим доступа: <https://www.infobae.com/historia/2017/05/27/la-fascinante-vida-de-jorge-newbery-la-leyenda-de-la-aviacion-que-murio-de-forma-tragica/> (дата обращения: 03.05.2025).

³³ Se anunció la apertura del nuevo hotel Holiday Inn Buenos Aires Ezeiza // Host News. Режим доступа: <https://hostnews.com.ar/articulo/index.php/news/564/39/Se-anuncio-la-apertura-del-nuevo-hotel-Holiday-Inn-Buenos-Aires-Ezeiza.htm> (дата обращения: 03.05.2025).

³⁴ El tango y cómo cambiaron su pinta // Clarín. Режим доступа: https://www.clarin.com/rn/escenarios/musica/Tango-cambiaron-pinta_0_r1JM07G2DQe.html (дата обращения: 04.05.2025).

*Esta es una semana oportuna para recordar eso y llamar la atención sobre el valor de un patrimonio que merece ser preservado. ¡Que la disfruten!*³⁵.

Кроме того, во многих примерах из языковых корпусов указываются причины, по которым столицу Аргентины стали называть ‘Парижем Южной Америки’, среди которых выделяются планировка и архитектура, схожие с парижской, блюда французской кухни, пришедшие в Буэнос-Айрес, заслуги «Поколения 1880-х» — интеллектуальной элиты, которая восхищалась Парижем и Лондоном. Вот характерный пример, примечательный и тем, что идентичность аргентинца интерпретируется как итальянца, говорящего по-испански: *Hay un viejo dicho que describe bien la personalidad de Buenos Aires: Un argentino es un italiano que habla español, se viste como un francés y piensa como un inglés. Lo mismo se puede decir de la ciudad. Por mucho tiempo llamada la París de Sudamérica, Buenos Aires es más europea que latinoamericana. Sus más importantes edificios están diseñados según los palacios franceses; muchos de sus parques y plazas fueron diseñados por el arquitecto francés Carlos Thays y sus cafés evocan los cafés a lo largo de el Sena*³⁶.

Примечательно, что в некоторых контекстах о ‘Париже Южной Америки’ говорится в прошедшем времени, поскольку так называемая «золотая эпоха» Буэнос-Айреса уже давно прошла. Одни авторы видят причину в том, что жители города не особо заботятся о сохранности европейского наследия, другие — в экономическом кризисе, повышении уровня преступности и перонизме или в том, что Буэнос-Айрес в настоящее время надо воспринимать не как ‘Париж Южной Америки’, а как технологический и инновационный центр континента. Однако так или иначе, согласно большинству примеров, Буэнос-Айрес стали называть ‘Парижем Южной Америки’ именно из-за архитектурных и культурных сходств со столицей Франции: — *Hubo un intento de que lo fuera. El mote de la París de Sudamérica nos lo pusieron los hermanos latinoamericanos. Hay arquitectos e intelectuales de origen latino que llegan acá y dicen eso. Ciertos sectores del planeamiento urbano de Buenos Aires son copia de París y hay rincones muy parisinos*³⁷. Буэнос-Айресом любуются и восхищаются туристы. Это также подтверждают данные рейтинга 2019 г. «50 самых красивых городов мира», в котором Буэнос-Айрес занял 14 место: *La Ciudad de Buenos Aires ocupa el puesto 14 entre las 50 ciudades más lindas del mundo, de acuerdo con un ranking de la revista especializada en turismo global Condé Nast Traveler. Para categorizar una ciudad en esta medición, expertos*

³⁵ París en Buenos Aires // Infobae Blogs — Por qué París. Режим доступа: <https://blogs.infobae.com/por-que-paris/2013/09/16/paris-en-buenos-aires/> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁶ México DF no es la ciudad más grande del mundo // Hipertextual. Режим доступа: <https://hipertextual.com/2004/03/mexico-df-no-es-la-ciudad-mas-grande-del-mundo> (дата обращения: 07.05.2025).

³⁷ Página/12. Semiología de la arquitectura porteña. Режим доступа: <https://www.pagina12.com.ar/diario/dialogos/21-241966-2014-03-17.html> (дата обращения: 03.05.2025).

valoraron diferentes categorías: arquitectura, arte y cultura, transporte público, restaurantes, seguridad y paisajes, según indicaron fuentes del Gobierno porteño. «A menudo, Buenos Aires es llamada la **‘París de Sudamérica’**, pero esta ciudad pertenece a una clase propia», según indica la publicación. Y recomienda «planear al menos una visita al cementerio de Recoleta y luego explorar los variados estilos arquitectónicos de cada esquina, desde las mansiones neoclásicas hasta los edificios de colores brillantes en La Boca»³⁸. Линейно перифраза ‘Париж Южной Америки’ вступает в синонимические отношения с другой перифразой Буэнос-Айреса, а именно *la Nueva York austral* ‘Нью-Йорк Юга’: *La Capital Federal de la República Argentina, definida la París de Sudamérica o la Nueva York austral nos recibe en su mosaico de monumentos y estructuras donde lo moderno se funde con lo histórico en un abrazo entre cultura europea y espíritu latinoamericano. Recordada como La ciudad que nunca duerme, llena de vitalidad, ruidos, olores, abre sus puertas a restaurantes, cafés, teatros, salones de baile, cervecerías, escenarios, discotecas, museos, centros comerciales, galerías de arte, para actividades de todo tipo, en un contraste entre una gran riqueza para pocos y una gran pobreza para muchos, que se vuelve cada vez más extrema a medida que uno se dirige hacia su ilimitada provincia que presenta sus tristes barrios precarios*³⁹. Понятийно примечателен вариант перифразы ‘Париж Южной Америки’ как ‘Париж Юга’ (*la París del sur*): — *Crecimos escuchando dos leyendas: una, que París es la ciudad luz, una suerte de meca de la cultura hacia la que hay que ir y la segunda, que Buenos Aires es la París del sur, y usted viene con su novela a barrer con todo eso.*

*Está bien, lo ponés en términos de la infancia y las ideas de la infancia están llamadas a ser, tarde o temprano, abandonadas... <> ... Ser argentino es un poco recibir la idea de que París es todo lo deseable, es la civilización, es una idea vieja para nosotros, que viene de [Domingo F.] Sarmiento y de la generación del 37. Nosotros recibimos la idea como la recibe un chico; además recibimos que debe ser nuestro modelo y que debemos acercarnos a ella y que Buenos Aires es la París de Sudamérica*⁴⁰.

Как и случаях, рассмотренных выше, перифраза ‘Париж Южной Америки’ оказывается полиреферентной: так называют не только Буэнос-Айрес, но и, как следует из данных корпуса, Монтевидео — столицу соседнего

³⁸ Buenos Aires figura entre ciudades más lindas del mundo // Entre Líneas. Режим доступа: <https://www.entrelineas.info/articulo/1066/20264/buenos-aires-figura-entre-ciudades-mas-lindas-del-mundo> (дата обращения: 03.05.2025).

³⁹ La verdadera fuerza que da miedo al poder constituido // The Bongiovanni Family. Режим доступа: <https://www.thebongiovannifamily.com/cronicas-sonia-alea-2012/4653-la-verdadera-fuerza-que-da-miedo-al-poder-constituido.html> (дата обращения: 04.05.2025).

⁴⁰ Matías Alinovi: "La literatura es una incesante lucha en contra del lugar común" // Infobae. Режим доступа: <https://www.infobae.com/cultura/2016/10/23/matias-alinovi-la-literatura-es-una-incesante-lucha-en-contra-del-lugar-comun/> (дата обращения: 12.05.2025).

Уругвая. В приводимом ниже контексте словосочетание дополнено деталью, в которой словно выражается протест против перифразы аргентинской столицы: «*La París de Sudamérica sin importar lo que digan algunos*» ‘Париж Южной Америки, кто бы что ни говорил’: *Luego detalla una cantidad de edificios icónicos por los que es conocido Montevideo («La París de Sudamérica sin importar lo que digan algunos», la catalogan), como el «ecléctico» Palacio Salvo y el «neoclásico» Legislativo. «Ambos impresionan y vale la pena visitarlos. Sin embargo, lo más atractivo de Montevideo es que es un tesoro oculto de delicias arquitectónicas»⁴¹.*

Итак, данные современных языковых корпусов испанского языка одновременно показывают устойчивость и узуальность перифразы аргентинской столицы как ‘Парижа Южной Америки’, что не исключает ее полиреферентность и колебания коннотаций от возвышенных до ироничных. Данные текстовых реализаций входят в структуру топонимического концепта БУЭНОС-АЙРЕС.

Заключение

Лингвокогнитивный подход к топонимии позволяет получить представление о том, каким образом происходит систематизация и переработка знаний о географических объектах. Топонимы образуют топонимические концепты, в ядро которых входит официальный кодифицированный топоним, вокруг которого располагаются топонимические перифразы, наряду с другими компонентами и реализациями. Значимость топонимического концепта для национальной идентичности определяется ролью соответствующего ему географического объекта, сопутствующих ему ассоциаций и символов в культурной системе. Перифразы-прославления становятся естественной формой существования топонимов. Рассмотренные в статье топонимические перифразы оказываются когнитивно и эстетически мотивированными вариантами официальных (кодифицированных) топонимов, ассоциативным и текстовым слоем их концептов, их интерпретирующим потенциалом. Главные когнитивные схемы топонимических перифраз включают реификацию и олицетворение. Парадигма опорных слов перифраз содержит лексемы *ciudad* ‘город’, *tierra* ‘земля’, *capital* ‘столица’, *sede* ‘центр, штаб-квартира’, *cuna* ‘колыбель’, *joya* ‘драгоценность, сокровище’, *perla* ‘жемчужина’ и другие как ономастические паттерны. Национальная атрибуция перифраз находится между уникальностью и полиреференностью. При этом чем более абстрактна перифраза, тем больше вероятность ее полиреференности. Топонимические перифразы входят в топонимические концепты соответствующих географических объектов, образуют лингвокогнитивные коды этнического сообщества и языковые параметры его

⁴¹ La arquitectura de Montevideo, la joya mejor escondida de Sudamérica, según Travelling Bytes // Montevideo Portal. Режим доступа: <https://www.montevideo.com.uy/Noticias/La-arquitectura-de-Montevideo--la-joya-mejor-escondida-de-Sudamerica--segun-Travelling-Bytes-uc664809> (дата обращения: 03.05.2025).

национальной идентичности. Отношения межвариантной омонимии топонимических перифраз показывают объединяющий испаноязычный код для лингвокреативности современных носителей плюрицентричного испанского языка. Реализация ономастических перифраз в различного рода текстах и дискурсах, по данным корпусного анализа, позволяет получить данные о дискурсивной культуре латиноамериканцев. Ономастические перифразы проявляют механизмы дискурсивной идентичности носителей различных вариантов единого в структурном отношении испанского языка, демонстрируя языковые параметры национальной идентичности и языкового творчества латиноамериканцев в сфере топонимии. Эти результаты могут полезны для выявления центробежных и центростремительных тенденций в языковом творчестве латиноамериканцев и в языковых параметрах их идентичности. Топонимические перифразы, вероятно, отражают балансирование между стихией языкового творчества и избирательностью языкового вкуса, когда из целого ряда индивидуальных словоупотреблений и инноваций в устойчивые перифразы попадают лишь отдельные номинации. Перевод ономастических перифраз представляет увлекательную творческую задачу межкультурной адаптации имени собственного, значим для передачи национальной идентичности и средств идиоэтнической риторики, для созидательного диалога культур в различных сферах коммуникации.

Список литературы

1. Алпатов В.В., Чукарькова О.В., Мичугина С.В. Когнитивная ономастика: некоторые итоги и перспективы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 42–58. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-3-42-58> EDN: OWHJTE
2. Беглова Е.И. Специфика функционирования перифразы в публицистическом тексте XXI века // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 1(29). С. 102–113. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-1-102-113> EDN: HIVXPQ
3. Окс М.В. Перифраз: между синонимией и плеоназмом // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 3. С. 56–62. EDN: PCOZZX
4. Радович М. Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз Перу // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 2(22). С. 110–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-110-115> EDN: EOUFMD
5. Chesnokova O.S., Radović M., Akhrenov A.V. The role of toponymic periphrasis in developing professional competence in learning Spanish // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. № 1. P. 66–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74> EDN: TUVQGI
6. Якименко Н.Е., Цуй Л. Топонимические перифразы русского языка в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка) // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского, Тула, 08–11 июня 2015 г. Тула : С-Принт, 2015. С. 414–418.
7. Демьянков В.З. «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 5–14. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-4-5-14> EDN: TTHQAJ
8. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5–25. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-2-5-25> EDN: GFMFLV

9. Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография. М. : Культурная революция, 2016. С. 61–85.
10. Никифорова С.А. Семиотика религиозных аллюзий в костариканском национальном варианте испанского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. №2. С. 309–319. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-309-319> EDN: YTONIB
11. Cieza de León P. Crónica del Perú. Primera parte. Madrid : Edición de Manuel Ballesteros Gaibrois, 1947.
12. Monsalve G. Lima: símbolos y poder. Lima : Fondo Editorial PUCP, 2002.
13. Чеснокова О.С. Этнические и региональные реалии Колумбии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. №4. С. 77–84. EDN: RCJMMR
14. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка. М. : URSS, 2021.
15. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. : Theoretical Prerequisites. Stanford : SUP, 1987.
16. Феценко В.В. Концептуализация в гуманитарном знании и в искусстве: маршруты трансфера // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : Коллективная монография. М. : Культурная революция, 2016. С. 234–253. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-43-54> EDN: TMQHNE
17. Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №1(423). С. 13–21. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10102> EDN: YZMACD
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : URSS, 2021.
19. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001.

References

1. Alpatov, V.V., Chukar'kova, O.V., & Michugina, S.V. (2024). Cognitive Onomastics: Some Results and Prospects. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 42–58. (In Russ.).
2. Beglova, E.I. (2022). The Specifics of the Functioning of the Periphrasis in the Journalistic Text of the XXI Century. *Social'nye I Gumanitarnye Znania*, 8(1(29)), 102–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-1-102-113> EDN: HIVXPQ
3. Oks, M.V. (2012). Periphrasis: between Synonymy and Pleonasm. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 3, 56–62. (In Russ.). EDN: PCOZXZ
4. Radović, M. (2020). Linguocultural Analysis of Toponymical Periphrases in Peru. *Filologicheskie Nauki v MGIMO*, 2(22), 110–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-110-115> EDN: EOUFMD
5. Chesnokova, O.S., Radović, M., & Akhrenov, A.V. (2020). The Role of Toponymic Periphrasis in Developing Professional Competence in Learning Spanish. *Training, Language and Culture*, 4(1), 66–74. <https://doi.org/10.22363/2521-442x-2020-4-1-66-74> EDN: TUVQGI
6. Yakimenko, N.E., & Tsui, L. (2015). Toponymic Periphrases of the Russian Language in Linguocultural Aspect (against the Background of Chinese Language). In: *Stable Phrases In Scientific Paradigms: Proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 414–418). Tula: S-Print. (In Russ.).
7. Dem'yankov, V.Z. (2024). “Possible” and “Impossible” in the National Varieties of the Spanish Language. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 5–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-4-5-14> EDN: TTHQAJ
8. Boldyrev, N.N. (2020). Cognitive Approach in Linguistics and Related Areas of Research. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-2-5-25> EDN: GFMFLV

9. Dem'yankov, V.Z. (2016). Language Techniques of «Knowledge Transfer». In: *Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies* (pp. 61–85). Moscow. (In Russ.).
10. Nikiforova, S.A. (2017). The Semiotics of Religious Allusions in the Costa Rican National Variant of the Spanish Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 309–319. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-309-319> EDN: YTONIB
11. Cieza De León, P. (1947). *Crónica del Perú. Primera Parte*. Madrid: Edición De Manuel Ballesteros Gaibrois.
12. Monsalve, G. (2002). *Lima: Símbolos y Poder*. Lima: Fondo Editorial Pucp.
13. Chesnokova, O.S. (2013). Ethnic and Regional Realia of Colombia. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 77–84. (In Russ.). EDN: RCJMMR
14. Chesnokova, O.S. (2021). *Colombia in the Spanish-Speaking World*. Moscow: URSS. (In Russ.).
15. Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. : Theoretical Prerequisites. Stanford: SUP.
16. Feshchenko, V.V. (2016). Conceptualization in Humanities and Art: Transfer Routes. In: *Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies* (pp. 234–253). Moscow. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-43-54> EDN: TMQHHE
17. Belyaev, A.N. (2019). About Toponymic Concept. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1(423), 13–21. (In Russ.).
18. Lakoff, Dzh., & Dzhonson, M. (2021). *Metaphors We Live by*. Moscow: URSS. (In Russ.).
19. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: вариативность испанского языка (лексика, семантика, фразеология), межкультурная коммуникация, переводоведение, семиотика художественного текста, ономастика; *e-mail*: chesnokova_os@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-7025-4098. SPIN-код: 6485-4278, AuthorID: 57204947728; ResearcherID: A-4860-2017.

Information about the author:

Olga S. Chesnokova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklouho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: variability of the Spanish language (vocabulary, semantics, phraseology), intercultural communication, translation studies, semiotics of literary text, onomastics; *e-mail*: chesnokova_os@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-7025-4098; SPIN-code: 6485-4278; AuthorID: 57204947728; ResearcherID: A-4860-2017.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-803-820

EDN: CXJVBF

UDC 811.22'366.54

Research article / Научная статья

Case in Caspian Languages: Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tati

Vladimir B. Ivanov¹ , Leyli R. Dodykhudoeva²

¹Institute of Asian and African Countries, *Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

²Institute of Linguistics, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

iranorus@mail.ru

Abstract. In accordance with the latest classification of the Caspian languages (Gilaki, Mazandarani, Talysh and the Tati dialect group) as Central Iranian, a new non-case description of the grammar of Gilaki and Mazandarani is proposed, while confirming the traditional system of two cases in the Talysh language and in the Tati dialect group. In Mazandarani and Gilaki, instead of cases, a construction with a reverse ezāfe and a postpositional connection between the components of the phrase is proposed. A similar attributive reverse ezāfe construction in Talysh and Tati as an additional means of linking words is also identified and demonstrated. In the data of the various dialects of the Tati group diverse ways of linking words in noun phrases are observed, including the use of the oblique case.

Keywords: clitic, direct object; oblique case; ezāfe construction; phrasal affix; rheme

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.05.2025.

For citation: Ivanov, V.B., & Dodykhudoeva, L.R. (2025). Case in Caspian Languages: Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tati. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 803–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-803-820>

Падеж в каспийских языках: гилякский, мазандаранский, талышский, тати

В.Б. Иванов¹ , Л.Р. Додыхудоева²

¹Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Российская Федерация

²Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

iranorus@mail.ru

Аннотация. В соответствии с последней классификацией каспийских языков (гилякского, мазандаранского, талышского и группы диалектов тати) как центральноиранских предлагается новое беспадеежное описание грамматики гилякского и мазандаранского, при этом

© Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

подтверждается традиционная система из двух падежей в талышском языке и в группе диалектов тати. В мазандеранском и гилякском вместо падежей вводится конструкция с обратным изафетом и послеложная связь между членами словосочетания. Сходная атрибутивная конструкция с обратным изафетом в качестве дополнительного средства связи в словосочетании отмечается в тати и в талышском языке. Рассмотрены и другие средства связи внутри именных групп, включая формы косвенных падежей.

Ключевые слова: клитика, прямое дополнение, косвенный падеж, изафетная конструкция, фразовый аффикс, рема

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

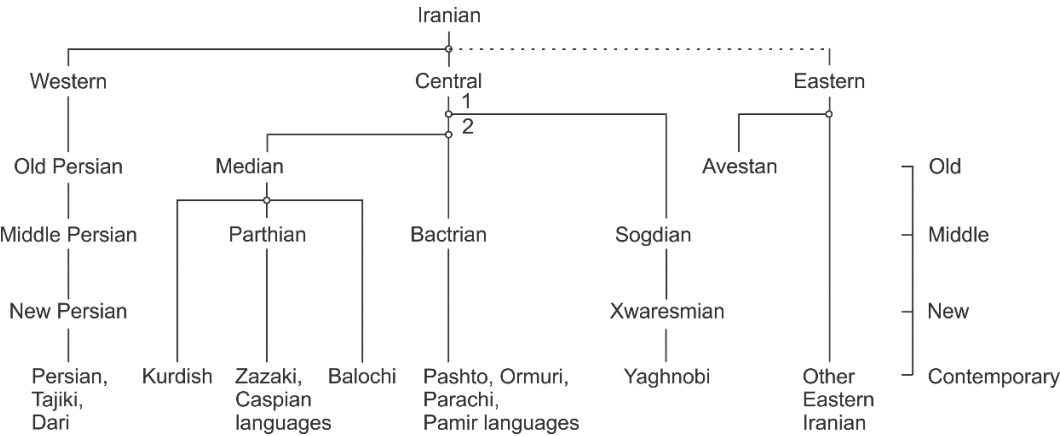
Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.05.2025.

Для цитирования: *Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R. Case in Caspian Languages: Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tati // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 803–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-803-820>*

Introduction

Gilaki and Mazandarani are two closely related Caspian languages that are part of the Central Iranian subgroup of Iranian languages (Figure). They are spoken, respectively, by approximately four million and three million people.

Origin of Caspian and Western Iranian languages according to A. Korn [1]
Source: compiled by Vladimir B. Ivanov, Leyli R. Dodykhudoeva.

The third language examined in this study is Talysh. From a genetic and typological perspective, it differs in several respects from the two languages mentioned earlier, though it remains in close contact with them. Speakers of Gilaki and Mazandarani can easily understand one another, yet they do not comprehend Talysh, so Persian is used for inter-communication. Similar to Gilaki and Mazandarani, Talysh exhibits both lowland and highland varieties: the urban dialects belong to the first group, while the highland forms are commonly referred

to as *gāleši* [2. P. 65]. In Azerbaijan, most varieties belong to the Northern varieties. Yet, in the villages of Sarak and Digadi, located in the Astara district of Azerbaijan, a Charozhi variety is spoken; although its classification is open to question, it presumably belongs to the Central/Southern Talysh group [3. P. 91]. Due to its unique disposition among distant dialect varieties of Talyshi, its speakers consider it a language. The Charozhis communicate with people from other settlements in Talysh. They are fluent in Talyshi, but the Talyshi find it difficult to understand the Charozhi variety.

In Iran, Talysh vernaculars employ an official orthography based on the Persian script [4]. According to W. Schulze, since 1989 in Lenkoran and Astara there has been increasing interest in restoring Talysh as a written language, previously using Cyrillic and later Roman- or Persian-based alphabets [5. P. 7]. Today, however, the situation is different: our Talysh-speaking consultants tend to write in Cyrillic script.

As Geoffrey Haig points out, comparing Gilaki with Tati is complicated by terminological differences. For instance, what Rastorgueva et al. (2012) describe as the “Genitive” in Gilaki is termed the “Possessive” by Stilo. The morpheme in Tatic that we consider to share the same origin is labeled by Stilo (2018) as the “singular Oblique” or “Reverse Ezāfe” [6. P. 129].

Closer analysis has revealed specific irregularities in the oblique cases (genitive and accusative-dative) when compared with their counterparts in other well-known case systems. The subsequent discussion therefore addresses these features in Mazandarani, Gilaki, Talysh, and Tati.

Our conclusions can be summarized as follows: a) case distinctions are not essential for describing Gilaki and Mazandarani grammar; b) Talysh and Tati grammar do exhibit genuine cases; c) the *ezāfe* construction occurs in all four languages; d) sentence elements carrying new information (the rheme) may appear after the verb.

This article draws on fieldwork carried out between 2012 and 2014 in the northern Caspian provinces of Iran (Gilan, Mazandaran, Golestan, Semnan, and Tehran), as well as on interviews with a Talysh speaker in Moscow in 2019. Unless otherwise indicated, the data are either provided directly by the authors (for Persian) or obtained from consultants (for Mazandarani, Gilaki, and Talysh).

Ezāfe construction and the genitive case

By definition, in case construction only a dependent word can undergo case-sensitive labelling [7. P. 162; 8. P. 200; 9. P. 1]. Here we provide a Persian example (1), where the *ezāfe* marker (*ezf*) *-e* is attached to the main word (*daftar* ‘copybook’). Such a structure is considered to be a classic example of an *ezāfe* construction.

(1) PERSIAN: *daftar-e — sabz* / copybook-*ezf* — green / ‘green copybook’

Thus, the Persian *ezāfe* marker *-e/-ye* in the attributive phrase (1) is not a case ending, since it is applied to the primary word *daftar* ‘copybook’, and not to the

subsequent dependent word, the modifier *sabz* ‘green’. This order of the primary and dependent words will be called a *direct ezāfe* or *head-driven phrase* (i.e. head-initial construction).

Less frequently, we come across cases where the defining (dependent) word takes the first place in the Persian *ezāfe* construction [10. P. 93]. Such an order of the dependent and primary words we shall call a *reverse ezāfe*:

(2) PERSIAN: *tak-e — bute-hā* / one-rezf — bush-pl / ‘solitary bushes’

In example (2) the word *tak* ‘one’ defines the word *butehā* ‘bushes’. Such a construction is less common in Persian. Comments on reverse *ezāfe* (head-final) constructions can be found in [11. P. 19–20].

(3) PERSIAN: *sāyer-e — ruxdāne-hā* / rest-rezf — river-pl / ‘other rivers’

In example (3), the *ezāfe* construction represents the primary form in Gilaki and follows the same word order as in Persian. The sequence *sāyer-e* [rest-REZF] could theoretically be interpreted as a genitive form, since it marks dependency. However, such an analysis is not adopted for Persian. As noted in [12. P. 63], “Considering the *Ezāfe* vowel to be case-related leads to undesirable stipulations”. Put differently, regardless of the arrangement of elements — whether the *ezāfe* structure is direct or inverted — Western Iranian languages do not associate it with grammatical case.

For Iranian languages more broadly, *ezāfe* can be defined as a construction in which two words are linked through the marker *-ə/-e/-i*. This is irrespective of whether the dependent element precedes or follows the head. Phonologically, the *ezāfe* marker attaches to the first element and forms one phonetic unit with it, but syntactically it governs the relation between both elements equally [10. P. 20]. Comparable features have been observed in clitics and so-called phrasal affixes in other languages [13. P. 10].

The case system in Talysh dialects diverges considerably from that of Gilaki and Mazandarani. As indicated in [14. P. 87], the Asālemi dialect is central both geographically and linguistically among the Iranian varieties. Asālemi and Masali employ a two-case system for both singular and plural. By contrast, in Anbarani and Lankarāni, case distinctions appear only in the singular, with no plural case marking (Table 1).

The information on Asālemi was taken from [14. P. 87; 15. P. 66]. The two sources differ only in the oblique plural marker: E. Yarshater records *-un*, while D. Paul reports *—(m)un*. The paradigms for Masali and Anbarani are presented in [15. P. 66]. Information on Lankarāni is based on [3. P. 128] and has been confirmed through consultation with a native speaker. According to [3. P. 128], the ending *-ni* occurs exclusively with nominals functioning as direct objects (see example 4).

(4) TALYSH (Lankarāni): *kina-ni — vinde-da-Ø* /girl-obl (oblique) — see-prs (present)-3sg / ‘He sees the girl’

Table 1

Case system in Talysh

Case	Asālemi		Masali		Anbarani		Lankarāni	
	Singular	Plural	Singular	Plural	Singular	Plural	Singular	Plural
Direct	-∅	-e	-∅	-e	-∅	-un/-ün/-ān	-∅	-on
Oblique	-i	-(m)un	-i	-ān	-ə		-i, -ni	

Source: compiled by Vladimir B. Ivanov, Leyli R. Dodykhudoeva

According to D. Stilo [16. P. 370], the nominal case system in Talysh, as well as in several other modern Central Iranian languages, consists of two cases. The oblique case, marked in Talysh with *-i*, originates from the merger of several Old Iranian oblique forms (genitive, dative, instrumental, ablative, and locative) into a single category [17]. The direct case, marked by zero in Talysh, developed from the fusion of the old nominative, accusative, and vocative. D. Paul further emphasizes that “Number is intertwined with a morphological case-marking system which, in common with many Iranian languages, manifests a distinction between direct and oblique case” [15. P. 66].

W. Schulze proposes an expanded system for Northern Talysh nouns, adding two singular cases: the ablative-locative, marked by *-o*, and the feminine vocative, marked by *-a* [5. P. 17]. For personal pronouns, he suggests a four-case paradigm (similar to the one proposed by M. Purhadi for the Gilaki language), which appears to reflect an older stratum than the nominal system: NOM/ABS (absolute), ERG (ergative), ACC (accusative), and POSS/OBL (possessive/oblique) [5. P. 35].

A shared phonological trait of both Talysh and Mazandarani is that, when a word ends in a vowel, neither the case suffix nor the *ezāfe* marker is attached to the stem, since vowel sequences are not permitted in the phonological structure. For instance:

ka-kā [room.obl-in] (Talysh Asālemi) ‘in the room’ [14. P. 87] instead of **ka-i-kā*;
zenā sere [woman.rezf house] (Mazandarani) ‘woman’s house’ [18. P. 74] instead of **zenā-e sere*.

The unusual word order found in Persian (see the reverse *ezāfe* in example (2)) occurs regularly in Gilaki, Mazandarani, and Talysh. Below (5) is an illustration from the Lankarāni dialect of Talysh:

(5) TALYSH (Lankarāni): *čāy-a — kul* / tea-rezf — bush.dir (direct) / ‘tea bush’

Several features set Talysh apart from related languages:

- a) The *ezāfe* marker is realized as *-e* in Persian and Mazandarani, and as *-ə* in Gilaki. In Talysh, however, its pronunciation varies across dialects: in Lankarāni it is *-a*, in Masali it alternates between *-e* and *-ə*, and in Anbarani it is *-ə* (data from [15. P. 76]).

- b) Stress placement differs as well. In Persian, Gilaki, and Mazandarani, stress consistently falls on the stem. In Talysh, by contrast, stress may appear either on the stem or on the ezāfe marker.
- c) Another distinction lies in the scope of the ezāfe particle. In Persian, Gilaki, and Mazandarani, it marks all nominals. In Talysh, it regularly attaches to adjectives, whereas nouns are most often marked with *-i/-ə* (the oblique case ending) and occasionally with *-a/-e*, depending on the dialect and context.

Our survey of the literature on Talysh shows that the ezāfe element *-a* has been described under different labels. L. Pireyko refers to it as an “attributive construction marker” [3. P. 131]; S. Vinogradova terms it a “modifier marker” [19. P. 92]; D. Paul uses the designations “linking *-a*” [15. P. 175] or “Persian ezāfe” [15. P. 76]. E. Yarshater [14. P. 90] alternatively calls it a “modifier marker” and “suffix *-a*”. M. Naghzguy-Kohan [20. P. 125] applies the labels “*nešāne-ye -a*” (marking the possessor) and “*pasvand-e -a*” (attribute marker). Since *pasvand* in Persian literally means “suffix,” this terminology requires clarification. It is important to stress that in Persian, Mazandarani, Gilaki, Tati, and Talysh, the ezāfe element does not form part of the word and therefore should not be analyzed as a suffix. Principles for defining word structure and word boundaries in Iranian languages have been elaborated in [21].

In the Lankarāni Talysh example (6), the ezāfe fuses with the final *-a* of the adjective *toža* ‘fresh’:

(6) TALYSH (Lankarāni): *toža* — *meyv-on* / fresh.rezf — fruit-pl / ‘fresh fruit’

A comparison of selected examples from Asālemi and Lankarāni is presented below (Table 2).

Table 2

The nominal phrase in Talysh

Asālemi	Lankarāni	English
<i>vəl-a bāna</i> [flower-rezf group]	<i>vil-a dāsa</i> [flower-rezf group]	flower bush
<i>ju-a kanār-un-kā</i> [stream-rezf bank-pl.obl-on]	<i>ru-a kano</i> [stream-rezf bank]	along the stream’s banks
<i>šā cāk-a zua</i> [shah.rezf good-rezf son]	<i>podšo čok-a zoa</i> [shah.rezf good-rezf son]	the king’s good son
<i>xas-a baxt-a ruj-un</i> [good-rezf fortune-ezf day-pl.obl]	<i>šošotm-a ruž-on</i> [fortunate-rezf day-pl]	fortunate days

Source: compiled by Vladimir B. Ivanov, Leyli R. Dodykhudoeva

Table 2 illustrates how elements within nominal phrases are linked by the ezāfe particle *-a*. In the Asālemi phrase *xas-a baxt-a rujun* ‘fortunate days’ (literally ‘good fortune days’), the presence of two *-a* markers reflects a recursive structure, connecting three words within a single nominal phrase. This resembles the Persian ezāfe chain, though the word order differs. According to W. Schulze,

“the element *-a* is not case sensitive. Together with the oblique marker *-i* it covers the functional domain of the Persian *ezāfe* (cf. *xaše-ye xošk* [branch-ezf dry] ‘dry branch’ as opposed to Talysh *xəšk-a xol* [dry-ezf branch]” [5]. Nevertheless, Schulze stops short of explicitly identifying *-a* as an *ezāfe* marker.

The examples below from Southern and Central Iranian Talysh are cited from M. Naghzguy-Kohan [20. P. 125]:

- (7) TALYSH: *varg-a — ria* /wolf-poss.sg — footprint / ‘wolf’s footprint’
- (8) TALYSH: *pas-a — šət* /sheep-poss.sg — milk / ‘sheep’s milk’
- (9) TALYSH: *zarzang-a — gâz* /bee-obl.poss.sg — sting / ‘bee’s sting’
- (10) TALYSH: *bəland-a — diyâr* /high-lnk (link) — wall / ‘high wall’
- (11) TALYSH: *isbi-a — mazgat* /white-lnk — mosque / ‘white mosque’
- (12) TALYSH: *tel'-a — gaf* /bitter-lnk — word ‘bitter word’

M. Naghzguy-Kohan notes that, under the influence of Persian, the use of the linking *-a* in attributive constructions of the type “adjective + noun” (examples (11) and (12)) has expanded to also mark possession in “noun + noun” structures. In both cases, the pattern shows strong similarity to the Persian *ezāfe* [20]. His view aligns with ours, though he does not go as far as to classify this phenomenon explicitly as *ezāfe*. We propose that in both instances it should indeed be recognized as an *ezāfe* marker.

In our assessment, however, this development in Talysh dialects is not the result of Persian influence. This is supported by the fact that the same usage occurs in Lankarāni, a dialect that has been out of direct contact with Persian in Azerbaijan for more than a century:

- (13) TALYSH (Lankarāni): *vil-a — dāsa* /flower.dir-rezf — group.dir / ‘bunch of flowers’

This pattern can thus be regarded as an inherent characteristic of Talysh in general. In a different example, however, our consultant employed the oblique ending *-i* in place of the *ezāfe* marker:

- (14) TALYSH (Lankarāni): *vil-i — kost* /flower-obl — bush.dir / ‘flower bush’

We therefore propose that the *ezāfe* marker *-e/-ə* should not be regarded as a genitive case indicator, but rather as a general marker of determination in nominal phrases of Western and Central Iranian languages, functioning as a phrasal affix. It serves to link a wide range of nominals, including nouns, adjectives, pronouns, numerals, *ezāfe* prepositions or postpositions, and even larger nominal groups. The main distinction between Western and Central Iranian *ezāfe* constructions lies in the ordering of the head and its dependent elements. Our conclusions follow largely from Peysikov’s hypothesis that, although the *ezāfe* marker attaches phonetically only to the first constituent of the phrase, syntactically it applies to the entire construction.

The precise nature of the *ezāfe* marker in Western Iranian languages has recently been debated [11]. Comparative analysis of the arguments and hypotheses has led to the persuasive view that the Persian *ezāfe* is best understood as a phrasal affix: it is neither

an inflectional affix within a word nor a separate linking element. This interpretation extends equally to the ezāfe markers of Mazandarani, Talysh, Tati, and Gilaki. The characteristics of a phrasal affix can be demonstrated in the following example:

(15) PERSIAN: *behtarin* — *šahr-e* — *jahān* / good.sprl (superlative) — city-ezf — world / ‘the best city of the world’

(16) TALYSH (Lankarāni): *an* — *čok-a* — *šahar* / most — good-rezf — city.dir / ‘the best city’

In the Persian example (15), the ezāfe marker is attached to the nominal phrase *behtarin šahr* ‘best city’. By contrast, in the Lankarāni example (16), *an čok-a šahar* ‘the best city’, it attaches to the analytic superlative form *an čok* ‘most good’.

Such functional parallels are well known to specialists studying minority Iranian languages such as Mazandarani, Gilaki, and Talysh. These researchers often rely on the theory of ezāfe developed for Persian, Tajik, and Dari, while at the same time maintaining the traditional notion of a genitive case in Central Iranian languages.

It should be emphasized, however, that attributive constructions in Talysh do not always align with ezāfe structures. A few examples from Mazandarani, Talysh, and Persian illustrate this point:

(17) MAZANDARANI: *Hosayn-e* — *ketāb* / Hussein-gen — book.nom (case-oriented interpretation) / Hussein-rezf — book (caseless interpretation) [18. P. 133]

(18) TALYSH (Charozhi, Lankarāni): *Hüseyn-i* — *kitob* / Hussein-obl book.dir

(19) PERSIAN: *ketāb-e* — *Hoseyn* / book-ezf — Hussein / ‘Hussein’s book’

In example (18), the attributive construction in Talysh (Charozhi, Lankarāni) is formed by attaching the oblique case ending *-i* to the modifier. As noted in [22], certain Talysh dialects employ an ezāfe marker that closely resembles *-i*:

(20) TALYSH (Punali): *xəm-i* — *sar* / jar-rezf — head / ‘top of the jar’ [22. P. 187]

(21) TALYSH (Tulārudi): *əšan* — *duš-i* — *sa* / his — shoulder-ezf — on / ‘on his shoulder’ [22. P. 570]

(22) TALYSH (Kišexālei): *duš-i* — *sar-i* — *kā* / shoulder-rezf head-ezf — on / ‘on his shoulder’ [22. P. 723]

It remains unclear whether the *-i* described by Kalbāsi is the same as the one found in the Charozhi, Lankarāni example (18), *Hüseyn-i kitob* ‘Hussein’s book’. Her data do not include an attributive phrase of the type “noun + adjective.” In both Asālemi and Lankarāni, however, this relation may also be expressed with *-a*. Furthermore, Kalbāsi differentiates between the direct and oblique cases (*hālat-e fā’eli* and *qeyr-e fā’eli*, respectively). In the Tulārudi dialect, the marker may even be absent, with a zero ending (*-Ø*) used instead.

(23) TALYSH (Tulārudi): *də gerun tə* / two — qeran-Ø / you ‘your two qerans’

In the Kešli vernacular, the ezāfe marker appears in a reduced form as a schwa (*-ə*), resembling its pronunciation in Gilaki.

(24) TALYSH (Kešli): *bəzak-ə sa* / jar-rezf head / ‘top of the jar’ [22. P. 673]

Talysh: the object and the oblique case

According to L. Pireyko [3. P. 168], the Talysh postposition *-o(ro)* may express the point of origin, the cause, or the goal of an action. Despite her claim that “*-o* does not function as a direct object marker in any Talysh dialect,” our Lankarāni consultant provided the following example:

(25) TALYSH (Lankarāni): *neč-i — hardiše — zanday-o* / theme — rheme / wolf-obl.s — eat.pst. 3sg — cow.dir.sg-spec.dir.obj / ‘A wolf ate the cow’

In example (25), the postposition *-o* is attached to the direct object within a pseudo-ergative construction, where the agent appears in the oblique case. Once again, in Mazandarani the direct object carrying “new” information is positioned after the verb; similar patterns are observed in the Talysh examples (27), (33), and (34).

W. Schulze notes: “Speakers of Northern Talysh have a strong preference for verb final structures. Else, only locatives (especially allatives) are allowed to occupy the sentence final position (preceded by the verb)” [5. P. 8]. Yet in his samples, the locative actually precedes the verb. This suggests that placing an element after the verb is not determined by whether or not it is locative but rather by other factors. We argue that the decisive factor is informational status: under the rules of Differential Object Marking (DOM), thematic material tends to precede the verb, while rhematic, or new, information follows it. Locatives often fall into the latter category, since they typically introduce new information.

The way the direct object is expressed is closely tied to the overall syntactic alignment of the language, whether nominal or ergative. While most scholars agree that Talysh historically possessed an ergative construction, in present usage such structures are rare or nearly obsolete. As L. Pireyko observes, “the case system for subject and object is shifting toward the nominative type” [3. P. 155].

(26) TALYSH (Asālemi): *šā — dæzd-i — xalat — dua* / shah.dir.sg — thief-obl.sg — robe.dir.sg — give.pst.3sg / ‘The king gave the thief [a] robe of honor’

(27) TALYSH (Lankarāni): *podšo — doše — ba — diz-i — xalat* / theme — rheme / shah.dir.sg — give.pst.3sg — to — thief-obl.sg — robe.dir.sg / ‘The king gave the thief a robe of honor’

E. Yarshater [14. P. 89] notes that in ergative constructions, one object appears in the direct case while the other takes the oblique case, as illustrated in (26). In our Lankarāni illustration (27), however, the first object is marked instead by the preposition *ba* ‘to’. It seems that in both sentences (26–27) there is in fact only a single true direct object, *xalat* ‘robe’, whereas the second object (*dæzd-i/diz-i* ‘thief’) functions as an indirect object. In Lankarāni (27), this indirect object is marked both with a preposition and an oblique suffix, while in Asālemi (26) it carries only the oblique case marker.

As argued in [23. P. 143], in a proper ergative structure the transitive subject and direct object should be marked inversely. Yet in examples (26–27) both appear in the direct case, with the verb showing agreement with the subject.

A further departure from an ergative alignment is seen in Asālemi, where “past transitive verbs built on stem II have in each tense but two forms: 3rd singular and plural, depending on whether the logical object is singular or plural” [14. P. 105]. In Lankarāni and Charozhi varieties, the erosion of ergativity goes even further (examples 28–31): only the verb form (3SG) is retained, regardless of the person of the subject/object.

(28) TALYSH (Lankarāni): *Āz — av-im — vinde* / I — he-1sg — see.pst.3sg / ‘I saw him’

(29) TALYSH (Charozhi): *Ti — mini — vinda* / you — me.1sg — see.pst.3sg / ‘You saw me’

(30) TALYSH (Lankarāni): *Ama — tin-mon — vinde* / we — you.2sg-us — see.pst.3sg / ‘We saw you’

(31) TALYSH (Charozhi): *Ti — əmə — vinda* / you — us.1pl — see.pst.3sg / ‘You saw us’

In Talysh example (28), the verb shows agreement with the subject, which appears in the direct case, while the direct object is marked by the oblique case. This pattern reflects a nominative-accusative alignment. Phrase (32) provides an additional illustration of the erosion of the ergative construction. This phenomenon is restricted to the past tense and does not occur in the present tense.

(32) TALYSH (Lankarāni): *Āz — gil-I — činedam* / i — flower-obl — pick.prs-1sg / ‘(I) pick flowers’

In Talysh examples (32–33), similar to (28), the verb aligns with the subject in the direct case rather than with the direct object, which is marked by the oblique case.

(33) TALYSH (Lankarāni): *Āz — in — kitob-i — doda-m — ba — Maryam-i* / theme — rheme / I — this — book-obl give.prs.1sg — to — Maryam-obl / ‘I give this book to Maryam’

(34) TALYSH (Lankarāni): *Āz — in — ahvolat-i — votime — ba — Hasan-i* / theme — rheme — I — this — story-obl — tell.pst.3sg — to — Hassan-obl / ‘I told this story to Hassan’

In conclusion, although the ergative system in Talysh shows signs of simplification—where both subject and object may appear in the direct case—case distinctions are still preserved. A consistent pattern emerges in which the subject tends to occur in the direct case and the object in the oblique, reflecting a nominative-accusative alignment. In addition, in Lankarāni the direct object may also be marked with the postposition *-o < -rā*.

The noun phrase in Tati Language background

According to the latest hypothesis about the classification of Iranian languages [1], the Tati dialect group (hereinafter simply Tati) belongs to the subgroup of the Caspian languages of the Central Iranian branch.

In the present study, in contrast to the previous traditional classification, languages are divided not into Western and Eastern, but into Western, Central and Eastern groups. In the earlier classification, moreover, the proto-Western group was opposed to the proto-Central one in terms of isoglosses, but the proto-Eastern group had no such opposition. Thus, practically, all-Iranian, proto-Central and proto-Eastern

linguistic groups were the same [1. P. 249]. Nevertheless, Agnes Korn retains the Eastern branch in her diagrams [1. P. 269, 272]. Therefore, in Figure 1, the Eastern branch is represented by a dotted line. Consequently, the division of Western and Eastern Iranian languages into Northern and Southern ones disappears.

Tati is spread among the communities living in northwestern Iran: in Iranian Azerbaijan, the provinces of Zanjan, Ramand, and in the vicinity of the city of Qazvin. It is divided into five smaller subgroups [24. P. 107]: 1) Southern (Ramandi), 2) Khoini, Kho'ini¹, 3) Northern (Khalkhali, Kajali, Shahroudi), 4) Harzan(d) i, 5) a subgroup located to the north and northeast of Qazvin in the villages of Kuhpaye, Rudbar, Alamut.

In turn, these subgroups are divided into smaller groupings based on their territorial specificity. So, for example, Pireyko identified that the first (Southern) subgroup includes the following dialects: Chali, Danesfani, Khiaradzhi, Khoznini, Esfarvarini, Takestani, Sagzabadi, Ebrahimbadi, Eshtehardi [24. P. 107]. According to unofficial estimates, there are several hundred thousand Tati speakers.

In terms of segmental phonetics, Tati is quite close to the Persian and Talysh languages. In morphology, compared to other Iranian languages, it is distinguished by a relatively high degree of inflection; according to the traditional approach, in nominal inflection Tati has the categories of case, number and gender. Generally, the characteristic features of Tati noun phrase syntax are firstly, that the modifier precedes the head of the phrase, i.e. attributives are premodifiers², and secondly, that the ergative construction is present. It is noteworthy that in attributive use, simple adjectives and adverbs are used, as well as adjectival or adverbial clauses, and noun adjuncts (=nouns modifying other nouns).

We have demonstrated that in the Gilaki and Mazandarani languages, the presence of a case category needs to be verified [25]. Our data demonstrated that, contrary to the traditional approach, there are no cases in these two Caspian languages. What was previously described as case is, in one instance, a reverse ezāfe, and in the other a postposition. However, similar scrutiny of Talysh, closely related to Tati, confirmed the presence of a case system in the Talysh language. Here we intend to examine the Tati language and to verify to what extent we can base its description on the category of case.

Syntactic functions within the noun phrase in Tati

In addition to synthetic word forms, we find analytical constructions in the morphology of Tati. Traditionally, the noun in Tati is assigned binary opposition in the following categories [24. P. 109]: 1) gender (male, female), 2) number (singular, plural), 3) case (direct, oblique), 4) determination (definiteness/indefiniteness).

¹ And also Di.

² However, cf. the Khoini dialect, where the adjective is not postpositive, but is used as a postmodifier URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Kho%27ini_dialect (accessed: 12.07.2024).

In plural number there are no formal markers for the feminine gender, i.e., in plural feminine nouns, the direct case is not opposed to the oblique case. In both cases, the zero marker (-Ø) is used. A similar phenomenon in the direct case is also typical for singular masculine nouns.

In the category of determination, indefiniteness is expressed only analytically by the numeral *one*.³ Definiteness can be articulated both analytically with the help of demonstrative pronouns, and synthetically by placing the nominal direct object in the oblique case. The rest of the grammatical meanings indicated above are expressed by inflections, including zero ones (-Ø).

According to Pireyko [24. P. 109], adjectives in the attributive function are associated with a noun using the attributive marker *-a*, which, when examined, turns out to be the same *ezāfe* marker as the Talysh *-a* in the following expression:

(35) TALYSH: *čāy-a — kul* / tea-rezf — bush / ‘tea bush’

(36) TATI (Takestani): *kamb-a — kār* / small-rezf — work / ‘small matter’

(37) TATI (Takestani): *paxt-a — bona* / wide-rezf — roof (Takestani) / ‘wide roof’

Here the adjective does not carry any inflection: neither a marker that distinguishes adjectives from nouns, nor a case or number marker. The constructions (36, 37) are reverse *ezāfe*, the same as in Mazandarani *serx-e jeme* ‘red shirt’ and Gilaki *rāst-ə gəb* ‘truthful word’. Here is another example of reverse *ezāfe* in Tati:

(38) *Naku-a — zania — kam-tar-e — tā — naku-a — mardak* / good-rezf — woman — little-com-be.prs.3sg — than — good-rezf — man / ‘There are fewer good women than good men’

In addition to the *ezāfe* link between the head noun and the modifier, extending the attributive in noun phrases, a connection is possible using inflection with the oblique case:

(39) *Hasan-e — čupēna-r — das* / Hassan-obl — shepherd-obl — hand (Ebrahimbadi) / ‘hand of the shepherd Hassan’

(40) *deraxt-e — lāqa* / tree-obl — branch (Chali) / ‘tree branch’

“In Tatic, just as in Balochi and Gilaki, we find prenominal possessors marked by a suffix variously transcribed with *-i*, *-ī*, and *-e* in Stilo [17. P. 698–699], e.g. *hæscæn-i kætæb* ‘Hasan’s book’ (Harzani dialect). In one sub-group of Tatic languages (including e.g. Vafsi), the form of this case suffix varies in the singular according to the gender of the noun [17. P. 694], while in other Tatic languages (including the Talyshi group) gender is lost, and this suffix has an invariable form in the singular. In some dialects of Tatic, there is a suffix that marks pre-nominal possessors, which may occur after the plural suffix, and with pronouns. This is illustrated in (12a—12c)” [6. P. 129].

³ See similar marking of the indefinite singular in Ziyarati Mazandarani with *ye/yek/yak/yag* ‘a, an’, originally ‘one’ [26. P. 21].

In our article, this is example (41). Here we see another instance of pure reverse ezāfe:

- (41) Tāleqāni: Orāzāni dialect of Tatic: a. *pa-i* — *bon* / foot-rezf — bottom / ‘sole of the foot’
b. *boz-an-i* — *šir* / goat-pl-rezf — milk / ‘the goats’ milk’
c. *mən-i* — *xanæ* / 1sg-rezf — house / ‘my house’ (according to: [17. P. 700]; glosses modified as in: [6. P. 130])

Stilo [17. P. 700] considers this element as a “Reverse Ezafe”, which he identifies as distinct from the “Oblique suffix” of Tati. Haig’s view is that it is “the reflex of the old oblique, which has lost gender differentiation”. The element has “debonded”, “yielding exactly the same kinds of morpheme sequences that are attested in Gilaki and Balochi. As part of this general re-structuring of nominal inflection, the plural suffix becomes a general marker of plural number (rather than a composite morpheme expressing Oblique and plural), and then permits combinations with the debonded Oblique marker” [6. P. 130].

Cardinal numerals are associated with the defined noun by adjacency. In some dialects, numerals are used in the singular [3. P. 133]:

- (42) *sō* — *berā* / three — brothers (Eshtehardi) / ‘three brothers’
(43) *penj* — *gōw* / five — bull (Eshtehardi) / ‘five bulls’

In others, the noun is used in plural:

- (44) *bā* — *šaš* — *šuar-o* / with — six — shepherd-PL.OBL (Chali) / ‘with six shepherds’
(45) *dō* — *zaneg-e* / two — woman-PL.DIR (Kajali) / ‘two women’

Ordinal numerals are associated with the noun they define through adjacency:

- (46) *duyyum* — *xodā* / second — god / ‘second god’

Through adjacency, possessive pronouns are associated with the word they define:

- (47) *ešte* — *dəta-r* / your — daughter-SG.OBL (Shahrudi) / ‘your daughter’
(48) *čame* — *ka* / our — house (Kajali) / ‘our house’
(49) *jay* — *berā* / his — brother (Chali) / ‘his brother’

Object agreement connects the direct object and the predicate in an ergative construction [27. P. 51]. The verb form agrees with the animate object in number, gender and person:

- (50) *Mardak-i* — *žaneg-i-a* — *behind* / male-obl — female.dir-ind-f — see.pst.3sg.f (Kajali) / ‘A man saw a woman’
(51) *Mardak-i* — *Mammad* — *behind(e)* / man-obl — Muhammad.dir — see.pst.3sg.m (Kajali) / ‘The man saw Muhammad’
(52) *Čemen* — *te* — *bebardeš* / I.obl — you.dir — lead.pst.2sg (Eshtehardi) / ‘I took you away’

In [28. P. 10–11], in addition to the direct and oblique cases, the absolutive (absolute case) and ergative (ergative case) are introduced into Tati; however, the absolutive and ergative do not differ in form from, respectively, the direct and

oblique cases. The peculiarity of Pireyko's work is that, in glossing, the direct and oblique cases are denoted by the nominative (NOM) and the accusative (ACC). In the present article, the marker of the ergative, as well as the oblique case, is *-ə*, while for Pireyko it is *-e* [3. P. 128; 24. P. 109]:

(53) *az — gav-ə — vin-əm* / I.nom — bull-acc — see.prs-1sg (Khalkhali) / 'I see a bull'

(54) *Ahad-ə — a-š — bind* / Ahad-erg — he.abs-3sg — see.pst.3sg (halkhali) / 'Ahad saw him'

In the Orazani dialect of the Tati language, a classical reverse *ezāfe* is found [25. P. 83]; this does not coincide with the inflection of the oblique case [6. P. 130; 17. P. 700; glosses adapted]:

(55) *pa-i — bon* / foot-rezf — bottom / 'sole of the foot'

(56) *boz-an-i — šir* / goat-pl-rezf / milk / 'the goat's milk'

(57) *mən-I — xanə* / I-rezf — house / 'my house'

The valuable information here is that this phenomenon is called *reverse ezāfe* by the Iranian authors writing in the English [29. P. 203]. Perhaps it emerged in this dialect under the influence of Gilaki and Mazandarani [25. P. 83–84]. Unfortunately, the Russian-language article [25] is unknown to Geoffrey Haig, therefore, he still designates instances of reverse *ezāfe* as the genitive case, although in our article we have already shown the incorrectness of this approach.

Geoffrey Haig gives an example of *debonding*, i.e., the disconnection of case inflection of the masculine *-i* in the Dikin Maragei dialect of the Tati in the Alamut region:

(58) *Sær=t-i — me-jæn-én* / head=2sg.poss-obl.m asp-hit-1sg / 'I'll hit you (man) on the head'

In this example, the oblique ending of the noun was separated from it and attached instead to the pronominal enclitic. In the feminine gender, such a disconnection does not yet occur [6. P. 132]:

(59) *Æz — das-ær=et — mi-n-m* / I — hand-obl.f=2sg.poss — tam-see.prs-1sg / 'I see your (woman's) hand'

This confirms the existence of case in Tati along with the *ezāfe* construction. Despite the variety of terminology proposed by various authors, to correctly describe the Tati case system, only two terms are needed: the direct case and the indirect, i.e. oblique, case.

In the nominative-accusative structure, characteristic of the present tense of the verb, the functions of the direct and oblique cases are similar to the functions of the nominative and accusative cases, respectively (example 53). And in the ergative-absolutive structure, characteristic of the past tense, the functions of the direct and oblique cases coincide with the absolutive and ergative cases, respectively (examples 50–52, 54).

Results and discussion

A comparison between the traditional three-case descriptions of Gilaki and Mazandarani and the proposal in the present article that these languages lack a case system leads us to several conclusions. While, in theory, the *ezāfe* vowel and the postposition *-re/-a* in these languages could be interpreted as analytical case markers, the following points should be noted:

1. At present, there are no consistent or logically coherent definitions of such a case system. For example, the notions of adjectives marked with a genitive case ending or arguments supporting an accusative-dative marker after noun phrases remain unsubstantiated.
2. Treating the grammar in terms of case inflection introduces unnecessary complexity.
3. A case-free analysis provides a simpler, more accurate, and more efficient description that aligns with DOM principles. In this framework, the *ezāfe* construction replaces what is sometimes labeled the genitive case. The order of head and dependent elements can vary, and both may be regarded as equal in status. The *ezāfe* marker attaches phonetically to the first element, but syntactically it links the entire construction.
4. This caseless model, together with certain syntactic linking strategies in Gilaki and Mazandarani, corresponds to parallel phenomena in Western Iranian languages. It also allows for a unified description of Central and Western Iranian varieties.

This same grammatical model can be extended to Gilaki and Mazandarani dialects such as Shamerzadi and Velatru.

By contrast, Talysh and Tati do maintain case distinctions. Talysh dialects in particular show significant variation: Asālemi and Masali exhibit two cases in both singular and plural, while Lankarāni and Anbarani restrict case marking to the singular. In Asālemi and Lankarāni, ergative constructions are greatly reduced, effectively taking the form of impersonal structures. Asālemi employs only two verb forms (3rd person singular and plural), whereas Lankarāni uses just one (3rd person singular). Instead of an ergative pattern, Lankarāni has developed a nominative-accusative alignment, where the direct object is marked by the postposition *-o < -rā*, similarly to Gilaki, Mazandarani, and other Western Iranian languages such as Persian, Dari, and Tajik.

The dialects of the Tati group show further diversity. Their noun phrases display several strategies for linking elements, including the use of the oblique case, which suggests that nominal case marking plays a limited role in Tati overall.

Although all of the Iranian languages under discussion (Central and Western) are typologically SOV, speakers sometimes place rhematic, or new information, elements after the verb.

List of abbreviations

Ø (Ø Unicode character U+2205) zero ending	LNK linker
ABS absolute	M masculine
ACC accusative	NEG negative
ASP aspect	NOM nominative
COM comparative	OBL oblique
DAT dative	PL plural
DIR direct	POSS possessive
DOM differential object marking	PRS present
ERG ergative	PST past tense
EZF ezāfe	REZF reverse ezāfe
F feminine	SPEC.dir.obj specified direct object
GEN genitive	SG singular
IMP imperative	SOV subject-object-verb order
IND indefinite	TAM tense–aspect–mood element.

References / Список литературы

- Korn, A. (2019). Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics*, 9(2), 239–281 <https://doi.org/10.1075/jhl.17010.kor>
- Abilov, I., Guljaeva, E.Ju., Zaharova, E.Ju., & Kapustina, Ju.L. (2020). The Talysh of Iran: Identity, Language, Religion and Economic Practices (According to Materials from the 2012 Expedition). *The Herald of the National Academy of Talysh*, 2/3, 44–75. (In Russ.).
Абилов И., Гуляева Е.Ю., Захарова Е.Ю., Капустина Ю.Л. Талыши Ирана: идентичность, язык, религия и хозяйственные практики (по материалам экспедиции 2012 г.) // Вестник Национальной академии Талышей. 2020. № 2/3. С. 44–75.
- Pireyko, L.A. (1991). Talysh language. Tati dialects of Iran. In: *Fundamentals of Iranian linguistics. New Iranian languages 1: Northwestern group* (pp. 91–175). Moscow: Nauka. (In Russ.).
Пирейко Л.А. Талышский язык. Диалекты тати Ирана // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки, I: северо-западная группа. М.: Наука, 1991. С. 91–175.
- Rezayati Kishekhale, M. (2018). *Hamvāj viže-ye alefbā-vo dastur-e xatt-e tāleši* (Hamvāj about the Talysh alphabet and script). Rasht: Farhang-e Iliyā. (In Persian).
- Schulze, W. (2000). *Northern Talysh* (Languages of the World/Materials). Munich: Lincom Europa.
- Haig, G. (2019). Debonding of inflectional morphology in Kurdish and beyond. In: *Bamberg Studies in Kurdish Linguistics 1. Bamberg Studies in Kurdish Linguistics*. Ed. Songül Gündoğdu, Ergin Öpengin, Geoffrey Haig, Erik Anonby (eds.) (pp. 117–144). Bamberg: University of Bamberg Press.
- Plungian, V. (2000). *General morphology. Introduction to the problematics*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
Плунгян В. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Plungian, V. (2011). *Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of world languages*. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.). EDN: PWOOL
Плунгян В. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. EDN: PWOOL
- Blake, B. (2004). *Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peysikov, L.S. (1959). *Questions of Persian syntax*. Moscow: Izdatelstvo Instituta meždunarodnyh otnošenij. (In Russ.).
Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М.: Издательство Института международных отношений, 1959.

11. Samvelian, P. (2020). Specific Features of Persian Syntax: The Ezāfe Construction, Differential Object Marking, and Complex Predicates. In: Anousha Sedighi, Pounch Shabani-Jadidi (eds.). *Oxford Handbook of Persian Linguistics* (pp. 226–269). Oxford. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01614243> (accessed: 07.08.2023).
12. Ghomeshi, J. (1996). *Projection and Injection: A Study of Persian Phrase Structure* [PhD. thesis]. Toronto: University of Toronto.
13. Anderson, S. (2005). *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford University Press.
14. Yarshater, E. (1996). The Taleshi of Asālem. *Studia Iranica*, 25(1), 83–113. <https://doi.org/10.2143/SI.25.1.2003967>
15. Paul, D. (2011). *A Comparative Dialectal Description of Iranian Talysh* [PhD thesis]. Manchester: University of Manchester.
16. Stilo, D. (2008). Two Sets of Mobile Verbal Person Agreement Markers in the Northern Talyshi Language. In: *Aspects of Iranian Linguistics*, Simin Karimi, Donald Stilo, Vida Samiian (eds.) (pp. 363–390). Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
17. Stilo, D. (2018). The Caspian region and south Azerbaijan: Caspian and Tatic. In: Geoffrey Haig, Geoffrey Khan (eds.) *The Languages and Linguistics of Western Asia, An aerial perspective* (pp. 659–829). Berlin: Mouton de Gruyter.
18. Shokri, G. (1995). *Guyeš-e Sāri* (The Sāri dialect). Tehrān: Pažuhešgāh-e ‘olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangī. (In Persian).
19. Vinogradova, S.P. (1999). Talysh language. In: *Languages of the world. Iranian languages. Northwestern Iranian languages*, V.N. Jarceva (Ed.) (pp. 89–105). Moscow: Indrik publ. (In Russ.).
Виноградова С.П. Талышский язык // Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. Северо-западные иранские языки / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Индрик, 1999. С. 89–105.
20. Naghzguy-Kohan, M. (2016). Bayān-e mālekiyyat dar tāleshi (Designation of possession in Talysh). *Zabān-e fārsi va guyešhā-ye irāni* (Journal of Persian Language and Iranian Dialects), 1 (2, 2), 117–136. (In Persian).
21. Ivanov, V.B. (1995). Word boundaries and incapsulation in Persian, Tajik and Dari. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 107–117. (In Russ.). EDN: VZTRBH
Иванов В.Б. Границы слов и инкапсуляция в персидском, таджикском и дари // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 107–117. EDN: VZTRBH
22. Kalbāsi, I. (2009). *Farhang-e towsifi-ye gunehā-ye zabāni-ye Irān* (Explanatory dictionary of Iranian vernaculars). Tehrān: Pažuhešgāh-e ‘olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangī. (In Persian).
23. McColl Millar, R., & Trask, L. (2015). *Trask’s Historical Linguistics*. London and New York: Routledge.
24. Pireyko, L.A. (1999). Tati group of dialects. In: *Languages of the world. Iranian languages 2. Northwestern Iranian languages*, V.N. Jarceva (Ed.) (pp. 106–112). Moscow: Indrik. (In Russ.).
Пирейко Л.А. Тати группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Индрик, 1999. С. 106–112.
25. Ivanov, V.B., & Dodykhudoeva, L.R. (2017). Syntactic relations of nominals in Northwestern Iranian languages. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 77–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0373658X0000971-7> EDN: YJKKCI
Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 77–95. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0000971-7> EDN: YJKKCI
26. Shokri, G., Jahani, C., & Barani, H. (2013). *When Tradition Meets Modernity: Five Life Stories from the Galesh Community in Ziarat, Golestan, Iran*. Uppsala: Uppsala University.
27. Izadifar, R. (2012). ‘Avāmel-e ta’sirgozār bar motābeqe-ye maf’uli dar zabān-e tāti-ye eš-terhādi (Relevant factors of object agreement in the Tati-Eshtehardi language). In: *Naxostin*

- hamāyeš-e zabān-o zabānšenāsi. Majmu'e-ye maqālāt* (First Congress of Language and Linguistics. Digest of articles) (pp. 47–58). Karaj: Našr-e Nevise-ye Pārsi, Dānešgāh-e Āzād-e Eslāmi vāhed-e Karaj. (In Persian).
28. Sabz'alipur, J., & Izadifar, R. (2014). Nezām-e hālatnamāyi dar guyeš-e tāti-ye xalxāl. *Jostārḥā-ye zabāni*, 5(4), IX–X, 1–21. (In Persian).
29. Borjani, H. (2013). Perso-Tabaric dialects in the language transition zone bordering Mazandaran. *Studia Iranica*, 42, 195–225.

Information about the authors:

Vladimir B. Ivanov, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Iranian Philology, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University (11 Mokhovaya St., Moscow, Russian Federation, 11125009); *Research interests*: experimental phonetics, syntax, morphology, phraseology, Iranian languages; *e-mail*: iranorus@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2572-9581, SPIN-code: 5217-0695, AuthorID: 72517; Scopus Author ID: 56274320300, ResearcherId D-3529-2013.

Leyli R. Dodykhudoeva, PhD in Philology, Senior Researcher, Iranian Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (1/1 B. Kislovsky Per. Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: sociolinguistics, ethnolinguistics, intercultural communication, minority languages and diasporas, Iranian languages, Pamir languages; *e-mail*: leiladod@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4567-9454 SPIN-code: 9490-5555, AuthorID: 72407; Scopus Author ID: 6505998146.

Сведения об авторах:

Иванов Владимир Борисович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11); *сфера научных интересов*: экспериментальная фонетика, синтаксис, морфология, фразеология, иранские языки; *e-mail*: iranorus@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2572-9581; SPIN-код: 5217-0695, AuthorID: 72517; Scopus Author ID: 56274320300, ResearcherId D-3529-2013.

Додыхудоева Лейли Рахимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора иранских языков, Институт языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1); *сфера научных интересов*: социолингвистика, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, миноритарные языки и диаспоры, иранские языки, памирские языки; *e-mail*: leiladod@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4567-9454; SPIN-код: 9490-5555, AuthorID: 72407; Scopus Author ID: 6505998146.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-821-844

EDN: STUQVT

УДК 811.161.1'42-057.87-054.68:372.881.161.1

Научная статья / Research article

Механизм сложности при адаптации текста

М.И. Андреева¹ , М.И. Солнышкина¹ , Сарра Саадна² ¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация mariia99andreeva@yandex.ru

Аннотация. В работе предложен и апробирован алгоритм расчета и контрастирования лингвистической и когнитивной сложности художественного (первичного) и учебного (вторичного, адаптированного для изучения русского как иностранного) текстов. В качестве материала использована коллекция сопоставляемых текстов, общий объем составил 22232 словоупотребления. Расчет лингвистической сложности текста при помощи Rulingva (rulingva.kpfu.ru) выявил 14 статистически значимых параметров, дифференцирующих контрастируемые пары текстов на трех уровнях: морфологическом (количество двусложных слов, глаголов, существительных, числительных, среднее количество существительных, глаголов и наречий в предложении, «дескриптивность», «нарративность»), лексическом (неповторяющиеся слова, абстрактность) и синтаксическом (читабельность, длина предложения, длина слова в слогах или в символах). Расчет когнитивной сложности анализируемых пар текстов на основе пропозиционального анализа (по В. Кинчу) и последующая нормализация продемонстрировали рост информационной плотности в 7 из 9 пар сравниваемых текстов. Исследование подтвердило гипотезу о том, что адаптированный текст, обладая более низкой степенью лингвистической сложности, сохраняет высокую степень нормализованной информационной плотности, свойственной первичному тексту.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, вторичный текст, художественный текст, корпус, лингвистическая сложность, жанр, когнитивная сложность

Вклад авторов: Андреева М.И. — сбор материала, концепция и дизайн исследования, осуществление исследования, написание статьи; Солнышкина М.И. — руководство исследованием, анализ полученных данных, написание статьи, Сарра Саадна — проведение исследования, обработка данных.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10129, <http://rscf.ru/project/24-78-10129/>.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.03.2024; дата приема в печать: 15.04.2025.

Для цитирования: Андреева М.И., Солнышкина М.И., Саадна С. Механизм сложности при адаптации текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 821–844. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-821-844>

© Андреева М.И., Солнышкина М.И., Саадна С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Complexity Mechanism in Leveled Texts

Mariia I. Andreeva¹ , Marina I. Solnyshkina¹ , Sarra Saadna²

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ mariia99andreeva@yandex.ru

Abstract. The paper presents the research conducted to assess and contrast linguistic and cognitive complexity of primary (fiction) and secondary (leveled to teach Russian as a foreign language) texts. The research dataset comprises dataset of texts with the total amount of 22,232 tokens. Measurement of linguistic complexity performed with Rulingva (rulingva.kpfu.ru) revealed 14 statistically significant parameters discriminating the primary and secondary (leveled) texts. The parameters-discriminators fall into three groups: morphological (the number of two-syllabic words, verbs, nouns, numerals, the average number of nouns, verbs and adverbs per sentence, ‘descriptivity’, ‘narrativity’), lexical (hapax legomena, Abstractness) and syntactic (readability, sentence length, word length in syllables or in characters). Assessment of cognitive complexity of the contrasted pairs of texts included the two-step algorithm: propositional analysis and information density measurement. The propositional analysis (by W. Kintsch) was aimed at identifying and calculating the number propositions, while the information density measurement implied normalization of the number of propositions by the length of the text (In words) followed by the contrastive analysis. The study revealed increase in the normalized information density in 7 out of 9 leveled texts and confirmed the hypothesis that though leveled texts have a lower degree of linguistic complexity they retain a higher degree of normalized information density inherent in the primary text.

Keywords: Russian as a foreign language, secondary text, fiction text, corpus, linguistic complexity, genre, cognitive complexity

Authors’ contribution: Andreeva M.I. — data collection, research idea and design, research implementation, writing the article; Solnyshkina M.I.— research supervision, obtained data analysis, writing the article, Sarra Saadna — research implementation, processing of the data.

Funding: the research was supported by the Russian Science Foundation, grant 24-78-10129, <http://rscf.ru/project/24-78-10129/>.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.03.2024; accepted: 15.04.2025.

For citation: Andreeva, M.I., Solnyshkina, M.I., & Saadna, S. (2025). Complexity Mechanism in Leveled Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 821–844. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-821-844>

Введение

Всплеск интереса к вопросам понимания сопровождается в настоящее время разработкой многочисленных подходов к оценке сложности или меры трудности текста [1], осуществляемой как автоматически, т.е. на основе валидированных лингвистических параметров [2], так и на основе экспертных оценок [3–5]. Целью обеих процедур является обеспечение языковой доступности текста, поскольку в противном случае утрачивается цель коммуникации, а воздействие текста может становиться деструктивным [6].

Среди объектов такого рода исследований учебный текст занимает особое место в силу его полифункциональности, т.е. совмещения информативной, культурологической и развивающей функций [7]. Важное значение в данном аспекте приобретает использование адаптированных художественных текстов для учебных целей в практике преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ), поскольку именно художественные тексты, обеспечивая изучение системы языка, представляют материал для познания норм коммуникации в различных ситуациях [8]. При этом ученые признают, что алгоритмы оценки сложности вторичного текста, имея высокую значимость для прикладной лингвистики и лингводидактики, продолжают оставаться в стадии разработки [9].

Представленное исследование осуществлено с целью выявления механизмов лингвистической адаптации (преобразования) текста, создающих предпосылки для адекватного восприятия и понимания текста определенной целевой аудиторией. На примере художественных и адаптированных экспертами текстов, используемых в практике преподавания РКИ, тестируется гипотеза о том, что учебный текст, преобразованный на основе художественного, обладая более низкой степенью лингвистической сложности, сохраняет высокую степень когнитивной сложности, свойственной первичному тексту.

Обзор литературы

Текст: художественный vs учебный текст

Обладая информационной избыточностью и занимая «промежуточное положение между деловым стилем и устно-разговорной речью: нижняя граница равна 76,3 %, а верхняя — 82,6 %» [10], художественный текст выступает в качестве пропозиционально-логического инварианта [11], на основе которого создаются многочисленные варианты — вторичные тексты, обладающие разной пропозициональной структурой и иллокутивной силой [12].

Адаптация учебного текста, трактуемая как «упрощение, приспособление, облегчение <...> текста в соответствии с уровнем языковой компетенции обучающихся» [13], манифестируется в трех основных механизмах: свертывании (сужении, сокращениях, компрессии, редукции), развертывании (расширении) и замене единиц текста [14]. Таким образом, преобразование художественного текста для учебных целей осуществляется за счет количественных и качественных изменений морфологических, лексических, синтаксических и дискурсивных параметров.

Традиционно считается, что в отличие от переводческих трансформаций, нацеленных на сохранение уровня лингвистической и смысловой сложности оригинала [15; 16], трансформации, осуществляемые при адаптации текста для учебных целей, нацелены на снижение уровня лингвистической сложности [17–21].

Сложность текста. Научная традиция современной парадигмы дискурсивной комплексологии предполагает оценку двух типов сложности: лингвистической, манифестируемой в языковых единицах всех уровней текста, и когнитивной (информационной), трактуемой как совокупность воздействующих на читателя элементов содержания текста. Лингвистическая и когнитивная «сложности» печатного текста суть два аспекта одной категории, поскольку когнитивная сложность манифестируется и видоизменяется исключительно через языковые маркеры.

Лингвистическая сложность текста. Способы и методы оценки лингвистической сложности текста хорошо описаны в отечественной и зарубежной лингвистике в рамках параметрического подхода или при помощи нейронных сетей [22]. Автоматическая оценка лингвистической сложности текста позволяет не только избежать субъективности экспертизы, осуществляемой специалистом, но и призвана обеспечить (1) список языковых единиц, отсутствующих в словарном запасе целевой аудитории, а также (2) варианты их синонимических замен [23]. Имея данные о референсных диапазонах метрик синтаксических и морфологических параметров текста, современные анализаторы оценивают, насколько текст соответствует установленным нормам языковой сложности того или иного уровня [24; 25]. Особый вес и высокую предиктивную силу при оценке морфологической сложности текста, имеют доли частей речи: чем выше доля глаголов, тем выше его нарративность и тем легче воспринимается текст [25], в то время как высокая доля имен существительных, наоборот, свидетельствует о высокой мере трудности восприятия текста [26]. Установлено, что лексическое разнообразие учебных текстов колеблется в диапазоне 0.3–0.6, а в случаях, когда значение превышает данный уровень, текст не обеспечивает достаточной когезии и лексических повторов, а понимание усложнено [26; 27].

Когнитивная сложность текста. Оценка когнитивной сложности текста как объема передаваемой текстом информации [28; 29] предполагает анализ смыслового пространства текста, его информационного единства, информационной плотности или компрессивности [30–32], а также способности текста к «уплотнению информации» [33]. Существующие подходы к когнитивной сложности трактуют данную категорию как конструкт [34], оценка которого осуществляется основе двух основных подходов: личностно-ориентированного и текстоцентричного.

Методы, разработанные в рамках *личностно-ориентированного подхода*, предполагают оценку готовности и/или способности читателя (категорий читателей) к восприятию текста и косвенно связаны с информативностью текста для читателя, т.е. «степенью / мерой ожидаемости / неожиданности, известности / неизвестности предъявляемых адресату смысловых образований» [35. С. 7]. Методы в рамках данного подхода, в частности, включают (а) индивидуальную оценку читателями нагрузки, возникающей при

чтении [36], (б) расчет темпа выполнения различных видов интеллектуальной деятельности [37], (в) ожидаемый от субъекта уровень «глубины знаний» по Уэббсу [38]; (г) таксономию когнитивных процессов по Б. Блуму [39; 40].

Текстоцентрические методы оценки когнитивной сложности ориентированы на оценку содержащейся в тексте информации, его информационной насыщенности, «семантического веса» [41] или «напряженности» как абсолютного показателя текста [42]. Текстоцентрические методы предполагают либо применение стилостатистических приемов, включающих оценку языковых маркеров когнитивной нагрузки, валидированных в более ранних исследованиях [43], либо с использованием информационно-интеллектуальных технологий, в том числе «машинное/глубокое обучение», применение нейронных сетей, трансформеров и проч. [34; 44].

Оценка изменения / сохранения когнитивной сложности учебного текста и его оригинала может быть осуществлена на основе пропозиционального анализа обоих вариантов текста. Методология такого рода анализа была разработана В. Кинчем и Т.А. ван Дейком [45], а позднее успешно валидирована в серии психолингвистических исследований [46; 47]. Пропозициональный анализ в описательных и контрастивных исследованиях репрезентации текста активно используется в современной когнитивной психологии и доказал свою валидность как метод [48. С. 82]. При оценке понимания текста респондентом пропозициональный анализ применяется для оценки объема понимания текста и имеет в качестве обязательного этапа выявление отношения количества и качества (состава) воспроизведенных пропозиций к исходным пропозициям в тексте. Согласно модели понимания В. Кинча, пропозиция трактуется как основная содержательная единица текста и наименьшая единица знания, выделяемая в высказывании [49], вербализация пропозиции осуществляется предикатом и как минимум одним аргументом [50; 51]. Пропозициональный анализ текста оригинала и его адаптированной для учебных целей версии позволяет оценить информационную плотность каждого из них для последующего контрастирования (сравнения).

Материал и методы

Материал исследования. Исследование осуществлено на материале двух коллекций текстов: (1) первичных текстов — фрагментов художественных произведений русских авторов (n=12) и (2) вторичных — адаптированных для преподавания русского как иностранного (РКИ) версий художественных произведений (n=12) (см. Таблицу 1). Общий объем корпуса составил 22232 словоформ. Первичные тексты — фрагменты художественных известных российских писателей: А.П. Чехова (Тексты О_1¹ — О_5,

¹ В скобках указан код текста в авторском корпусе исследования. Подробнее см. Таблицу 1.

О_8, О_10), В.П. Астафьева (О_6), И.А. Бунина (О_7), И.С. Тургенева (О_9), Ф.М. Достоевского (О_11), В.В. Набокова (О_12).

Источником всех изучаемых текстов РКИ послужили учебные пособия, используемые в практике преподавания РКИ. В качестве критериев отбора использовались следующие: (1) вторичность, т.е. наличие первичного варианта, художественного произведения; (2) уровень сложности, заявленный авторами учебника, в диапазоне А1 — В2; (3) симметрия заданий к тексту, обеспечивающая «изучающий» вид чтения и установку читателя на полное понимание, запоминание и дальнейшее использование текстовой информации [52; 53]. Исследовательский корпус представлен в Таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Объем корпуса исследования / Volume of the Research Case

Коллекция первичных текстов / Corpus of primary texts	Коллекция вторичных текстов (РКИ) / Corpus of secondary RFL texts
О_1 ² (668) ³	А2_1 ⁴ (421)
О_2 ⁵ (1096)	А2_2 ⁶ (583)
О_3 ⁷ (903)	А2_3 ⁸ (652)
О_4 ⁹ (991)	А2_4 ¹⁰ (760)
О_5 ¹¹ (1363)	А2_5 ¹² (594)

² Чехов А.П. Злой мальчик. Режим доступа: https://royallib.com/book/chehov_anton/zloy_malchik.html (дата обращения 04.06.2025).

³ В скобках указан объем текста в словоформах.

⁴ Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / В.Е. Антонова и др. М. : ЦМО МГУ; СПб. : Златоуст, 2007. Чехов А.П. Злой мальчик.

⁵ Чехов А.П. Месть. Режим доступа: https://royallib.com/book/chehov_anton/mest.html (дата обращения 04.06.2025).

⁶ Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / В.Е. Антонова и др. М. : ЦМО МГУ; СПб. : Златоуст, 2007. Чехов А.П. Месть.

⁷ Чехов А.П. Глупый француз. Режим доступа: https://royallib.com/book/chehov_anton/glupiy_frantsuz.html (дата обращения 04.06.2025).

⁸ Финагина Ю.В. Русский язык как иностранный. Пособие по чтению / под ред. Н.А. Дмитренко. СПб. : НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2014. Чехов А.П. Глупый француз.

⁹ Чехов А.П. История одного торгового предприятия. Режим доступа: https://royallib.com/book/chehov_anton/istoriya_odnogo_torgovogo_predpriyatiya.html (дата обращения 04.06.2025).

¹⁰ Финагина Ю.В. Русский язык как иностранный. Пособие по чтению / под ред. Н.А. Дмитренко. СПб. : НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2014.

¹¹ Чехов А.П. На даче. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/4211/p.1/index.html> (дата обращения 04.06.2025).

¹² Финагина Ю.В. Русский язык как иностранный. Пособие по чтению / под ред. Н.А. Дмитренко. СПб. : НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2014.

Окончание таблицы 1 / Ending of the Table 1

Коллекция первичных текстов / Corpus of primary texts	Коллекция вторичных текстов (РКИ) / Corpus of secondary RFL texts
O_6 ¹³ (892)	B2_6 ¹⁴ (487)
O_7 ¹⁵ (552)	B2_7 ¹⁶ (493)
O_8 ¹⁷ (495)	B2_8 ¹⁸ (464)
O_9 ¹⁹ (599)	B2_9 ²⁰ (441)
O_10 ²¹ (550)	B2_10 ²² (494)
O_11 ²³ (3279)	B2_11 ²⁴ (872)
O_12 ²⁵ (3094)	B2_12 ²⁶ (1489)
TOTAL: 14482	TOTAL: 7750

Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна. / Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

¹³ Астафьев В.П. Ода русскому огороду. Режим доступа: https://librebook.me/oda_russkomu_ogorodu/vol1/1 (дата обращения 04.06.2025).

¹⁴ Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 2. Чтение / под общ. ред. М.Э. Парецкой. СПб. : Златоуст; Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2009.

¹⁵ Бунин И.А. Поздний час. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1816/p.1/index.html> (дата обращения 04.06.2025).

¹⁶ Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 2. Чтение / под общ. ред. М.Э. Парецкой. СПб. : Златоуст; Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2009.

¹⁷ Чехов А.П. Дачники. Режим доступа: https://royallib.com/book/chehov_anton/dachniki.html (дата обращения 04.06.2025).

¹⁸ Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 2. Чтение / под общ. ред. М.Э. Парецкой. СПб. : Златоуст; Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2009.

¹⁹ Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Режим доступа: https://royallib.com/book/turgenev_ivan/dvoryanskoe_gnezdo.html (дата обращения 04.06.2025).

²⁰ Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 2. Чтение / под общ. ред. М.Э. Парецкой. СПб. : Златоуст; Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2009.

²¹ Чехов А.П. Ионыч. Режим доступа: https://royallib.com/book/chehov_anton/ionich.html (дата обращения 04.06.2025).

²² Чехов А.П., Николаева Ю.В. Ионыч. Библиотека Златоуста. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9188620&lfrom=204420127. А.П. Чехов. Ионыч. Санкт Петербург : Златоуст, 2015.

²³ Достоевский Ф.М. Идиот. Режим доступа: https://royallib.com/book/dostoevskiy_fedor/idiot.html (дата обращения 04.06.2025).

²⁴ Достоевский Ф.М. Идиот (адаптированный текст) Библиотека Златоуста http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8871474&lfrom=204420127 Фёдор Достоевский. Идиот. Роман в 4 частях. Санкт Петербург : Златоуст, 2015. Достоевский Ф.М. Идиот.

²⁵ Набоков В.Д. Звонок. Режим доступа: https://royallib.com/book/nabokov_vladimir/zvonok.html (дата обращения 04.06.2025).

²⁶ Казакова О.А., Фрик Т.Б. Практикум по культуре речевого общения на русском языке: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009.

Алгоритм исследования включает пять этапов: (1) сбор корпуса исследования, в состав которого входят две коллекции текстов исследования: (а) оригинальные (первичные) тексты фрагментов повестей и романов классиков русской литературы (n=12) и (б) адаптированные (вторичные) тексты из учебников по РКИ уровней А2 и В2 (n=12); (2) расчет значений лингвистических параметров текстов каждой из коллекций при помощи автоматического анализатора RuLingva²⁷; (3) статистический анализ метрик вышеуказанных оппозиций для выявления статистически значимых различий между контрастируемыми текстами (по Вилконсону) при помощи программы STATISTIKA; (4) оценка когнитивной сложности оригинальных (первичных) и адаптированных (вторичных) текстов при помощи пропозиционального анализа и расчета абсолютной и нормализованной информационной плотности текстов; (5) контрастирование индексов когнитивной сложности и выявление (а) симметрии когнитивной сложности изучаемых оригинальных и вторичных (адаптированных) текстов.

128 лингвистических параметра, рассчитываемых при помощи RuLingva, включают параметры четырех кластеров: дескриптивные, морфологические, лексические и дискурсивные с грануляцией на (1) документ; (2) предложение; (3) абзац и (4) 1000 словоформ²⁸. Список параметров включает, но не ограничивается следующими: среднее количество слов в предложении, среднее количество слогов в слове, среднее количество знаков в слове, существительные, среднее количество существительных в предложении, глаголы, среднее количество глаголов в предложении, среднее количество прилагательных в предложении, местоимения, числительные, лексическое разнообразие, родительный падеж существительных, творительный падеж существительных, прошедшее время глаголов, соотношение глаголов и существительных, количество односложных слов, количество двусложных слов, количество трехсложных слов, количество четырехсложных слов, среднее количество наречий в предложении гапакс легомена²⁹. Отдельно оцениваются два индекса читабельности текста по двум формулам: (а) по формуле F(SIS) — читабельность нехудожественных текстов:

$$(FKG (SIS) = 0,063 \times \text{средняя длина предложения} + 2,0 \times \\ \times \text{средняя длина слов в слогах} — 2,3),$$

а также по формуле И.В. Оборновой — для художественных текстов:

²⁷ RuLingva. Режим доступа: <https://rulingva.kpfu.ru/> (дата обращения 04.06.2025).

²⁸ При сегментации объемных текстов длина отрывков может колебаться в пределах от 985 до 1010, поскольку RuLingva сохраняет неразрывность предложения.

²⁹ Напax legomena суть слова, которые появляются в тексте (корпусе текстов) только один раз: Fayzullayev Sh., Kovalevskii A. Напax legomena via stochastic processes // Glottometrics. 2024. Vol. 56. P. 22–39. https://doi.org/10.53482/2024_56_415

$$\begin{aligned} FK(Obor) &= 206,836 — (1,52 \times \text{средняя длина предложения}) — \\ &— (65,14 \times \text{среднее число слогов}) [54]. \end{aligned}$$

Для сравнения параметров первичных и вторичных текстов использовался Т-критерий Вилкоксона, валидированный для сравнения показателей, измеряемых в различных вариантах одного и того же текста, и позволяющий установить эффективность воздействия адаптации на оригинальный текст [55]. В представленном исследовании применение Т-критерия Вилкоксона значимо для оценки спектра изменений в каждой из пар О (оригинальный, первичный) — РКИ (учебный, вторичный, используемый в РКИ) текстов.

Когнитивная сложность текстов оценивается при помощи пропозиционного анализа. Парадигма структурного подхода в рамках семантического синтаксиса выделяет главные пропозиции и субпропозиции, классифицируемые на актанты и сирконстанты [56]. Оценка главных пропозиций осуществляется на основе предикативных структур, вербализуемых глаголами, причастиями, деепричастиями, отглагольными существительными и прилагательными. Таксономия актантов включает субъект, объект, адресат и инструмент, а сирконстанты указывают местоположение, время, причину действий [56]. Пропозициональная сложность относится к числу идей, закодированных говорящими для передачи данного сообщения [57; 58]. Таким образом, чем больше идейных единиц закодировано при повествовании истории, тем выше ее пропозициональная сложность.

Анализ

На *Этапе I* первичные (художественные, оригинальные, далее — О) и вторичные (учебные, используемые в практике РКИ, далее — РКИ) тексты после сканирования и извлечения из источников прошли предобработку: из них были удалены символы, контаминирующие однородность дискурса, например, сноски, иноязычные «острова», объем которых варьируется от морфемы до фразы, пробелы, были исправлены опечатки. Метаразметка документов в корпусе предусматривает обязательность включения следующих блоков информации: автор, название произведения, номер текста в корпусе, тип текста (О vs РКИ). Корпус хранится на внутреннем репозитории Казанского федерального университета, доступ к нему предоставлен ограниченному числу научных сотрудников для выполнения исследовательских работ.

На *Этапе II* каждый из текстов корпуса был подвергнут лингвистическому профилированию при помощи сервера RuLingva. Для сравнительного анализа текстов разной длины использовались нормализованные значения на 1000 словоформ (ipf), рассчитываемые по формуле $F_{\text{норм}} = \text{метрика} / \text{количество словоформ в отрывке} * 1000$.

На *Этапе III* с помощью программы STATISTIKA был осуществлен статистический анализ метрик параметров сравниваемых текстов (см. Таблица 2).

Таблица 2 / Table 2

Статистически значимые параметры-дискриминанты лингвистической сложности текстов О и РКИ (по Вилконсону) / Statistically significant discriminant parameters of linguistic complexity of O and RKI texts (according to Wilconson)

№	Параметры / Parameters	p-value
1	Среднее количество слов в предложении / Average number of words per sentence	0,003*
2	Среднее количество слогов в слове / Average number of syllables per word	0,017*
3	Среднее количество символов в слове / Average number of characters per word	0,041*
4	Существительные / Nouns	0,583
5	Среднее количество существительных в предложении / Average number of nouns per sentence	0,003*
6	Глаголы / Verbs	0,022*
7	Среднее количество глаголов в предложении / Average number of verbs per sentence	0,028*
8	Среднее количество прилагательных в предложении / Average number of adjectives per sentence	0,004*
9	Числительные / Numericals	0,023*
10	Индекс FKG (Obor) / Flesh-Kincaid score (Obor)	0,003*
11	Индекс абстрактности / Abstractness score	0,002*
12	Отношение глаголов к существительным / Verb / Noun ratio	0,037*
13	Двусложные слова / Two-syllable words	0,023*
14	Среднее количество наречий в одном предложении / Average number of adverbs per sentence	0,008*
15.	Среднее количество гапакс легомена в предложении / Hapax legomena per sentence	0,002*

Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна. / Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna

Параметры, обладающие статистической значимостью ($<0,050$), маркированы*

Таблица 2 содержит 15 статистически значимых параметров, дифференцирующих исследуемые группы текстов.

К ним относятся следующие кластеры параметров:

Морфологические параметры-дискриминанты: существительные, среднее количество существительных в предложении, глаголы, среднее количество глаголов в предложении, среднее количество прилагательных в предложении, числительные, отношение глаголов к существительным, среднее количество наречий в одном предложении. Проиллюстрируем динамику изменений в рассматриваемых текстах на примере количества глаголов (см. Рис. 1).

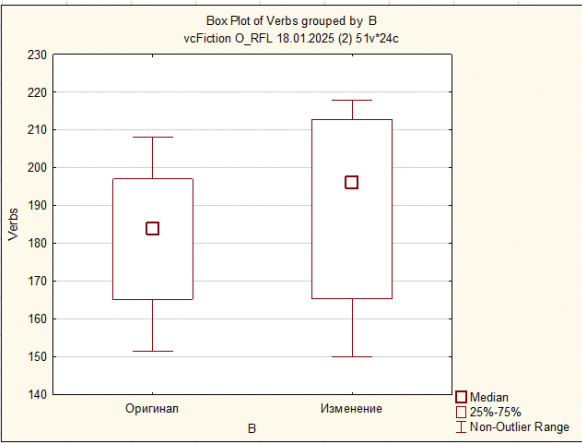

Рис. 1. Количество глаголов в текстах О — РКИ (уровней A2 и B2)
Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна.
Fig. 1. The number of verbs in original and RFL (levels A2, B2) texts
Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Как видим, количество глаголов снизилось за счет внесенных в текст лексических изменений, как правило, связанных с заменами на менее частотные глаголы (*назначен* (O_10) → *приехал работать* (B2_10), а также замены наречий или адverbиальных комплексов на глагольные комплексы: *впрочем* (O_5) → *может быть* (A2_5). Например, *поселился* (O_10) → *стал жить* (B2_10), *сходились* (O_10) → *начали приходить* (B2_10), *молчать нет сил* (O_5) → *не могу молчать* (A2_5).

Аналогичным образом изменяется дескриптивность, т.е. соотношение прилагательных к существительным, в текстах РКИ, созданных на основе оригинальных художественных произведений (см. рис. 2).

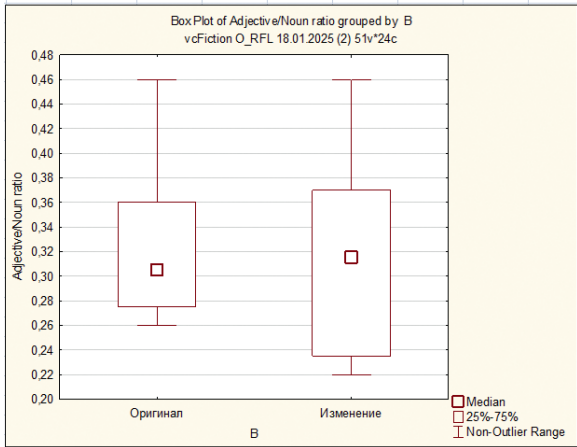

Рис. 2. Дескриптивность, т.е. соотношение прилагательных к существительным в текстах О и РКИ
Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна .
Fig. 2. Descriptivity, adjectives/noun ratio in original and RFL (levels A2, B2) texts
Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Например, *досуг* (O_10) → *свободное время* (B2_10), *душенька* (O_10) → *дорогая* (B2_10), *смеющиеся глаза* (O_10) → *весёлые глаза* (B2_10), *приятеля* (O_2) → *хорошего знакомого* (A2-2), *индюк* (O_2) → *старый дурак муж* (A2-2), *душа моя* (O_2) → *моя милая* (A2-2), *твой пузан* (O_2) → *твой старый толстый муж* (A2-2), *вдруг он остановился и хлопнул себя по лбу* (O_2) → *наконец у него появилась отличная идея* (A2-2), *улыбался* (O_2) → *прекрасное настроение* (A2-2), *индюка да Собакевича* (O_2) → *старый глупый дурак* (A2-2), *Дегтярев* (O_2) → *молодой человек* (A2-2).

В некоторой степени меняется и нарративность, рассчитываемая на основе соотношения глаголов к существительным в текстах О и РКИ (Рис. 3). Как было указано (Рис. 1), количество глаголов в текстах РКИ увеличивается, снижение нарративности как соотношение глаголов к существительным (см. Рис. 3), очевидно, происходит за снижения количества существительных.

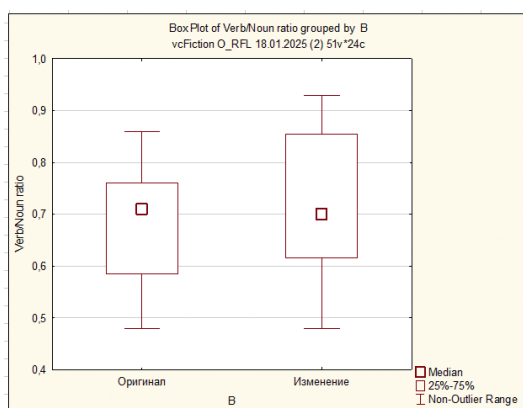

Рис. 3. Нарративность, соотношение глаголов к существительным в текстах О и РКИ
 Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна.

Fig. 3. Narrativity, verb/noun ratio in original and RFL texts
 Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Снижение количества существительных объясняется в том числе их элиминацией. Например, (1) Дай еще икры! крикнул сосед, утирая **салфеткой** масленые губы. (O_3) → Дай ещё икры! — крикнул сосед, вытирая масленые губы (A2_3); (2) Может быть, это мне снится? изумился клоун, откидываясь на **спинку** стула. (O_3) → «Может быть, это мне снится? — удивился клоун (A2_3).

Лексическая адаптация текста. Свертывание (сужения, сокращения, компрессия, редукции)

Анализ текстов оригиналов и вторичных текстов РКИ выявил многочисленные лексические замены единиц с низкой частотностью и высоким уровнем сложности на более частотные синонимы.

Отдельного внимания заслуживает замена числительных и использование цифр в текстах РКИ. Например, *в шесть часов* → *в 6 часов*, *двести рублей* → *200 рублей*. Очевидно, это связано со стремлением снизить когнитивную трудность восприятия текста.

Тексты РКИ практически не содержат фразеологических единиц, которые потенциально могут быть особо сложными для понимания. В качестве замен авторы-составители предлагают слова и словосочетания более высокой частотности. Например, *Он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было) и все время напевал: Когда еще я не пил слез из чаши бытия...* (O_10) → *Он шёл пешком (своих лошадей у него ещё не было), не спешил и всё время пел* (B2_10); *скалит зубы* (O_2) → *улыбается* (A2_2); *ваша галантерейная лавка взлетит на воздух* (O_2) → *ваш магазин разрушат* (A2_2).

На *Этапе IV* при помощи пропозиционального анализа была осуществлена оценка когнитивной сложности оригинальных (первичных) и адаптированных (вторичных) текстов, а также нормализация данных (% в Таблице 3). Нормализация количества пропозиций выполнялась для исключения влияния длины текста на результат расчетов (см. Таблица 3, выделено в серой заливке).

Таблица 3 / Table 3

Абсолютное и нормализованное (%) количество главных пропозиций в текстах О и РКИ / Absolute and normalized (%) number of main propositions in O and RKI texts

Тексты / Text	Глагол / Verb	Модал. Глагол / Modal verb	Прич. / Past Partic.	Деепр. / Pres. Partic.	Кач. прилаг. / Adj.	Отглагол. сущ. / Verbal noun	Адвер. Обор. / Adv.	Сущ. / Noun	Имен. констр. / Nom. phrase
O_1↔A2_1	119↔87	7↔2	2	7	7↔2	15↔1	7↔2	2	
%	17,8↔20,7	1↔0,5			1↔0,5	2,2↔0,2	1↔0,5		
O_2↔A2_2	192↔111	10↔6	4	20↔1	11↔6	12↔1	15↔6		
%	17,5↔19	0,9↔1		1,8↔0,2	1↔1	1,1↔0,2	1,3↔1		
O_3↔A2_3	154↔125	17↔14	4↔3	15↔6	21↔12	1↔1	6↔4	18↔14	15↔11
%	17↔19,1	1,9↔2,1	0,4↔0,5	1,7↔1	2,3↔1,8	0,1↔0,2	0,7↔0,6	2↔2,1	1,7↔1,7
O_4↔A2_4	143↔120	9↔9	8↔8	8↔4	1↔1	8↔7	5↔5	7↔7	17↔9
%	14,4↔15,8	0,9↔1,1	0,8↔1	0,8↔0,5	0,1↔0,1	0,8↔0,9	0,5↔0,7	0,7↔0,9	1,7↔1,1
O_5↔A2_5	241↔107	14↔7	2↔2	23↔13	25↔8	19↔8	5↔4		
%	17,7↔18	1↔2,3	0,1↔0,3	1,7↔2,1	1,8↔1,3	1,4↔1,3	0,4↔0,7		
O_10↔B2_10	91↔86		1↔1	5↔2	8↔8	7↔5		5↔3	21↔19
%	16,5↔17,4		0,2↔0,2	0,9↔0,4	1,5↔1,6	1,3↔1		0,9↔0,6	3,8↔3,8
O_11↔B2_11	157↔126	18↔11	13↔9	7↔3	30↔25	3↔3	20↔12	34↔24	57↔43
%	12,3↔14,4	1,4↔1,3	1↔1	0,5↔0,3	2,3↔2,9	0,2↔0,3	1,6↔1,4	2,6↔2,8	4,5↔4,9
O_12↔B2_12	363↔296	19↔19	5	29↔13	20↔9	46↔26	16↔15		25↔13
%	16,1↔19,8	0,8↔1,2		1,3↔0,8	0,9↔0,6	2↔1,7	0,7↔1		1,1↔0,9

Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна. / Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Наибольшей редукции подверглись сирконстанты оригинального текста. Например, инструмент — *посылать письма по почте* (O_2) → *посылать письма* (A2_2), экспериенсер — *Лев Саввич чувствовал себя* (O_2), время — *Вечно, дуралей, проигрывает, Время, когда он <...> давно уже прошло* (O_2), образ действия — *на цыпочках, отечески похлопал по плечу* (O_2), подняла вверх руку (O_1) → *подняла руку* (A2_1), *как-то нечаянно схватил руку* (O_1) → *случайно взял руку* (A2_1). Например, Возвратясь домой, **Лев Саввич чувствовал себя злым и неудовлетворенным** (O2) → Когда Турманов вернулся домой, он стал думать, как отомстить Дегтярёву (A2_2); **Поднявшись, он на цыпочках, солидно покачиваясь, пробрался между столов, прошел через гостиную, где танцевала молодежь <...> Но тут за стеной слышались голоса.** (O_2) → Он подошёл к двери в другую комнату и вдруг услышал разговор (A2_2).

При адаптации также были сокращены или элиминированы модификаторы актантов. Например, *прочими рыболовными принадлежностями, очень многое* (O_1), *какой-нибудь фокус, какой фортель я придумал* (O_2), *у меня у самого* (O_3) → *у меня* (A2_3), *пять бараньих котлет* (O_3) → *пять котлет* (A2_3). Например, (1) У меня у **самого** в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супу и пять **бараньих** котлет... (O3) → У меня в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супу и пять котлет...; (2) Я должен сказать вам многое, Анна Семеновна... **Очень** многое... (O_1) → Я должен сказать вам многое, Анна Семёновна... (A2_2).

Синтаксические параметры. Для сравнения синтаксических параметров оригинальных и адаптированных текстов были рассмотрены следующие параметры: длина предложения, читабельность, длина слов (см. Рис. 4 и Рис. 5).

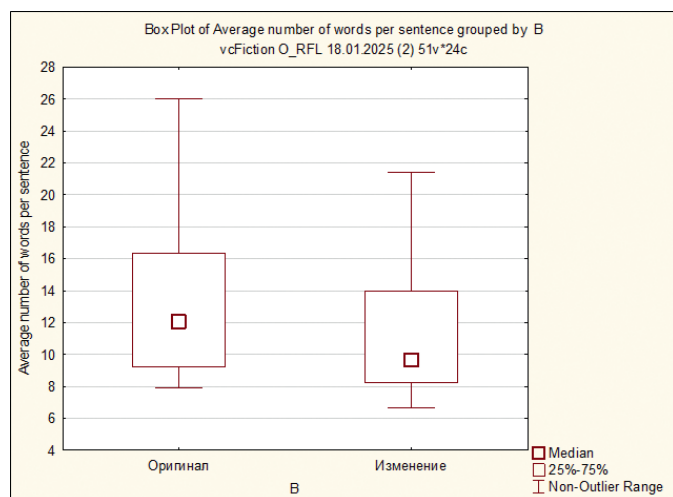

Рис. 4. Средняя длина предложения (в словах) текстов О и РКИ
Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна.

Fig. 4. Average sentence length (In words) of original and RFL texts
Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Рис. 4. наглядно демонстрирует более высокий диапазон метрик длины предложения, т.е. предложения оригинального художественного текста длинее, чем адаптированных текстов РКИ (ср. 9–16 слов vs 8–14 слов)

При адаптации текста изменяется и его читабельность: в целом для адаптированного текста характерны менее низкий уровень длины предложения (см. Рис. 5).

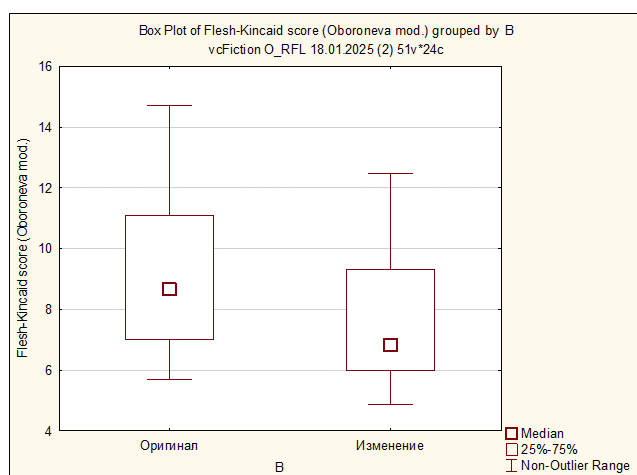

Рис. 5. Индекс читабельности текстов О и РКИ
 Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна.

Fig. 5. Readability index of original and RFL texts
 Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Преимущественное большинство текстов в коллекции имеют читабельность 6–11. Видим, что адаптированные тексты РКИ имеют более низкий индекс читабельности ($FKGL(Ob) = 6$). Для оригинальных художественных текстов как нижняя ($FKGL(=Ob) = 7$), так и верхняя границы ($FKGL(Ob) = 11$) немного выше. (см. Рис. 5).

Оценка когнитивной сложности и информационной плотности

На *Этапе V* осуществлялось контрастирование данных когнитивной сложности изучаемых оригинальных и вторичных (адаптированных) текстов. Для данной оценки были избраны два параметра: (а) количество пропозиций; (б) нормализованная информационная плотность, рассчитываемая как количество пропозиций к количеству слов.

Как видим, нормализованная информационная плотность в преимущественном большинстве текстов РКИ увеличилась (см. Рис. 6). Исключение составляют тексты 1 и 2, в которых количество пропозиций снизилось: 1: 24, 9 (О) — 22, 3 (РКИ); 2: 24,1 (О) — 22, 5 (РКИ).

Что касается количества субпропозиций (Рис. 7), то, как видим, нормализованная плотность увеличилась во всех изучаемых текстах. Последнее означает, что доля пропозиций в расчете на слово увеличилась.

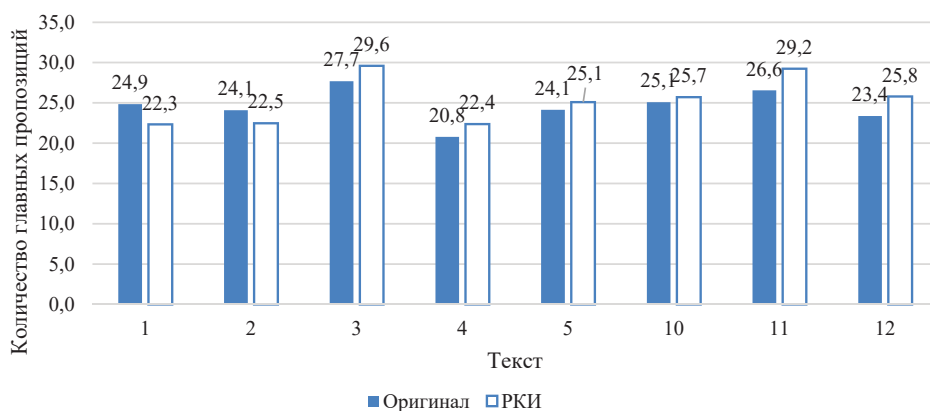

Рис. 6. Нормализованное количество главных пропозиций в текстах О — РКИ(A2,B2)

Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна.

Fig. 6. Normalized number of main propositions the original and adapted for RFL texts (A2, B2)

Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

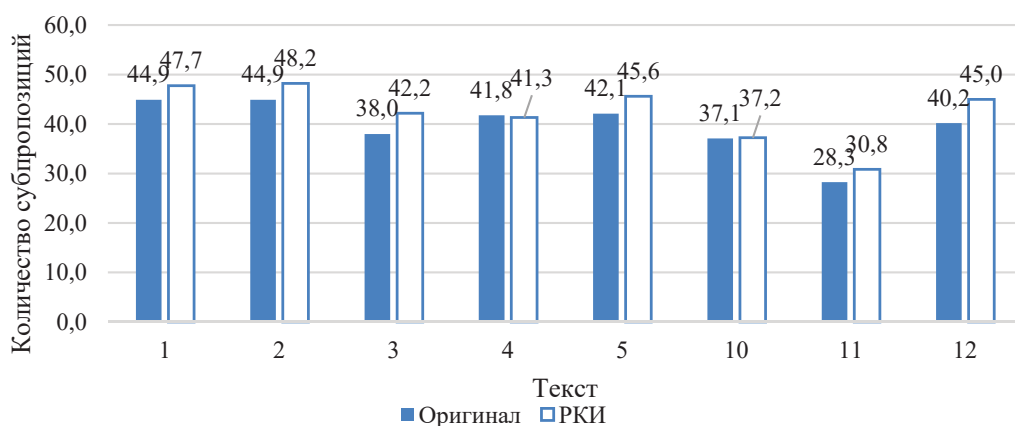

Рис. 7. Нормализованное количество субпропозиций в текстах О — РКИ(A2,B2)

Источник: составлено М.И. Андреевой, М.И. Солнышкиной и С. Саадна.

Fig. 7. Normalized number of subpropositions the original and adapted for RFL texts (A2, B2)

Source: Compiled by Mariia I. Andreeva, Marina I. Solnyshkina, Sarra Saadna.

Как видим, и это важно отметить, нормализованная когнитивная сложность в адаптированных версиях для изучения РКИ несколько выше, чем в оригинале.

Дискуссия

Результаты представленного исследования расширяют данные предыдущих исследований [59; 60] и уточняют список лингвистических параметров-дискриминантов, дифференцирующих первичные и вторичные тексты. Параметрами-дискриминантами художественных и учебных текстов РКИ являются следующие: длина предложения, количество глаголов, индекс читабельности, количество двусложных слов и гапакс легомена. Адаптированный

или вторичный текст трактуется как текст, «основной категорией» которого «общей для всех их видов, является категория сходства/различия» [58]. Признавая, что сама природа вторичного текста, его суть определяется композиционно-образным и лингвостилистическим сходством с «протословом», т.е. оригинальным первичным текстом, исследователь признает, что вторичный текст иначе «воспринимается читателем, оказывает иное эстетическое воздействие» [58].

Заключение

Оценка сложности текста — актуальная проблема современной мультидисциплинарной научной парадигмы, в арсенале которой спектр лингвистических, квантитативных и психолингвистических методов и подходов. Представленное исследование объективирует спектр типичных для учебного текста трансформаций как пропозициональных, так и поверхностных структур текста и определяет предикторы сложности текста. В представленных исследованиях лингвистическая сложность текста как аддитивная категория оценивается на основе 128 валидированных лингвистических параметров, рассчитываемых при помощи автоматического анализатора RuLingva. Различия в лингвистической сложности оригинального и адаптированного для обучения РКИ текстов манифестируются в морфологических (количестве двусложных слов, количестве глаголов, соотношении прилагательного / существительного, соотношении глагола / существительного), лексических (гапакс легомена), а также и синтаксических (индексе читабельности, длине предложения) параметрах).

Выявление специфики лексико-семантических трансформаций текста при адаптации текста и информационной плотности осуществляется с использованием пропозиционального анализа и последующей нормализации на длину текста, необходимой для исключения влияния длины текста на его информационную плотность.

Анализ показал, что индекс нормализованной информационной плотности адаптированного художественного текста, рассчитываемый на основе отношения количества пропозиций на длину текста (в словах), несколько выше аналогичного параметра первичных (художественных) текстов. Таким образом, преобразованный на основе художественного, учебный текст, обладая более низкой степенью лингвистической сложности, сохраняет высокую степень информационной плотности, свойственной первичному тексту.

Результаты исследования будут востребованы для автоматизации пропозиционального анализа текста, а сопоставительный анализ вариантов реализаций глубинных структур текста позволит приблизиться к разработке методики выявления пропозиций.

Список литературы

1. *Dascalu M. et al.* Discourse Complexity: Driving Forces of the New Paradigm // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-1> EDN: FGGAMR
2. *Solovyev V. et al.* Complexity of Russian Academic Texts as the Function of Syntactic Parameters // International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Text Processing. Cham : Springer Nature Switzerland, 2018. С. 168–179. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23793-5_15
3. *Борисова Е.Г.* Грамматика слушающего: прогнозирование понимания связного текста и способы его коррекции // Русистика и компаративистика. М. : Книгодел, 2021. С. 262–277. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.15> EDN: CDZMCP
4. *Карамнов А.С.* Метод экспертных оценок в лингводидактике // Вестник науки Сибири. 2013. № 4(10). С. 224–232. EDN: RSWBMT
5. *Змеева Н.Б.* Ранжирование учебных текстов методом экспертных оценок // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 4(46). С. 133–138. EDN: VOGYPJ
6. *Кулибина Н.В.* Адаптировать нельзя понять. Принципы адаптации художественных текстов в соответствии с «Общевропейскими компетенциями владения иностранным языком» // Русский язык за рубежом. 2013. № 5(240). С. 22–30. EDN: RTYEGT
7. *Яхиббаева Л.М.* Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1029–1031. EDN: JKPEAJ
8. *Дзюба Е.В., Ткаченко Е.В.* Художественный текст в учебнике РКИ: объект изучения или средство обучения? // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 243–254. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-03-21> EDN: BFMAAE
9. *Симоненко М.А., Багринцева О.Б.* Пропозициональный подход при анализе денотативной структуры вторичных текстов (на материале пересказов текста И.А. Бунина «Роман Горбуна») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 3. С. 310–313. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.66> EDN: VVMNJM
10. *Пиотровская А.А., Пиотровский Р.Г., Разживин К.А.* Энтропия русского языка // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 115–130.
11. *Филиппов В.С.* Инварианты текста // Филология и культура. Материалы IV международной конференции. Тамбов, 2003. С. 69–72.
12. *Чернявская В.Е.* Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 54–55.
13. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Икар, 2009. EDN: XQRFTT
14. *Дьякова А.А.* Вторичная репрезентация текстового содержания при интердискурсивной адаптации // *Lingua mobilis*. 2009. № 3(17). С. 79–88. EDN: MSXYUR
15. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Междунар. отношения, 1975.
16. *Карасик В. и др.* Типы вторичных текстов // Языковая личность: Проблемы обозначения и понимания. М., 1997. С. 69–70.
17. *Валгина Н.С.* Теория текста. М. : Логос, 2003.
18. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998.
19. *Кох В.А.* Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1978. № 8. С. 149–171.
20. *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск : изд-во УГУ, 1991.
21. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М. : Академия, 2007.
22. *Morozov D.A., Glazkova A.V., Iomdin B.L.* Text complexity and linguistic features: Their correlation in English and Russian // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 2. P. 426–448. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30132> EDN: IWWUTZ

23. *Khosmood F., Levinson R.* Automatic synonym and phrase replacement show promise for style transformation // 2010 Ninth International Conference on Machine Learning and Applications. IEEE, 2010. P. 958–961. <https://doi.org/10.1109/ICMLA.2010.153>
24. *Dascalu M. et al.* ReaderBench: A multi-lingual framework for analyzing text complexity // Data Driven Approaches in Digital Education: 12th European Conference on Technology Enhanced Learning, EC-TEL 2017, Tallinn, Estonia, September 12–15, 2017, Proceedings 12. Springer International Publishing, 2017. P. 495–499. https://doi.org/10.1007/978-3-319-66610-5_48
25. *McNamara D.S. et al.* Automated evaluation of text and discourse with Coh-Metrix. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894664>
26. *Solnyshkina M.I., Kupriyanov R.V., Shoeva G.N.* Linguistic profiling of text genres: adventure stories vs. textbooks // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10. № 1. С. 115–132. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-7EDN: YABVVQ>
27. *Чурунина А.А., Солнышкина М.И., Ярмачев И.Э.* Лексическое разнообразие как предиктор сложности учебников по русскому языку // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С. 212–227. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-212-227> EDN: ZYHNDWM
28. *Майер Р.В.* Проблема определения дидактической сложности учебных текстов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6(72). № 1. С. 37–47. EDN: UURISI
29. *Кудж С.А., Цветков В.Я.* Факторы когнитивной сложности // ИТНОУ: Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2018. № 6(10). С. 34–41. EDN: YOYXWP
30. *Бредихин С.Н., Серебрякова С.В., Лиховид А.А.* Способы компрессии когнитивной информации в научно-популярном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 139–145. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-139-145> EDN: MAZDIA
31. *Матвеева О.В.* «Информационная насыщенность» как характерная особенность специальных текстов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4–1. С. 363–368. EDN: SDWKPL
32. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М. : Академия, 2004. EDN: QQZJET
33. *Тихомирова Л.С.* Плотность текста в когнитивном сознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2(14). С. 99–104. EDN: OBUEUZ
34. *Chen Y.Y. et al.* Understanding the Cognitive Complexity in Language Elicited by Product Images // arXiv preprint arXiv:2409.16521. 2024.
35. *Чернявская В.Е.* Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстуальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. Т. 3. № 1. С. 303–314. EDN: YUFBBR
36. *Bolton M.L., Biltekoff E., Humphrey L.* The mathematical meaninglessness of the NASA task load index: A level of measurement analysis // IEEE Transactions on Human-Machine Systems. 2023. Vol. 53. № 3. P. 590–599. <https://doi.org/10.1109/thms.2023.3263482> EDN: YUQIOI
37. *Азрус А.Р., Ахутина Т.В., Корнеев А.А.* Варианты дефицита функций I блока мозга у детей с трудностями обучения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 34–46. EDN: SKSFRB
38. *Webb N.L.* Issues related to judging the alignment of curriculum standards and assessments // Applied measurement in education. 2007. Т. 20. № 1. С. 7–25. <https://doi.org/10.1080/08957340709336728>
39. *Anderson L.W., Krathwohl D.R.* A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's taxonomy of educational objectives: complete edition. Addison Wesley Longman, Inc., 2001.
40. *Bloom B.S. (ed.).* Taxonomy of educational objectives: Handbook II. David McKay, 1956.
41. *Samsonov N., Chmykhova E., Davydov D.* Разработка и апробация лингвистической методики оценки когнитивной сложности научно-учебного текста // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 41. С. 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i41.548> EDN: VHFQHX

42. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М. : Высш. школа, 1980.
43. Куприянов Р.В., Букач О.В., Александрова О.И. Оценка когнитивной сложности учебных текстов: эмпирическая валидация лингвистических параметров // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 641–662. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35817> EDN: NAZBGA
44. Das S., Das Mandal S.K., Basu A. Cognitive complexity analysis of learning-related texts: A case study on school textbooks // *Methodologies and Intelligent Systems for Technology Enhanced Learning*, 10th International Conference. Springer International Publishing, 2020. P. 74–84. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52538-5_9 EDN: HKOTPP
45. Kintsch W., Van Dijk T.A. Toward a model of text comprehension and production // *Psychological review*. 1978. Vol. 85. № 5. P. 363. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.85.5.363>
46. Graesser A.C., McNamara D.S. Computational analyses of multilevel discourse comprehension // *Topics in cognitive science*. 2011. Т. 3. № 2. С. 371–398. <https://doi.org/10.1111/j.1756-8765.2010.01081.x>
47. Солнышкина М.И., Харькова Е.В., Эбзеева Ю.Н. Влияние содержания на понимание текста: пропозициональный анализ дискурса // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 4. С. 938–956. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35915> EDN: ZAJKUE
48. Kintsch W. *Comprehension: A paradigm for cognition*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
49. Kintsch W. *The Representation of Meaning in Memory*, Poiomac : Erlbaum, 1974.
50. Thorndyke P.W. Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse // *Cognitive Psychology*. 1977. Vol. 9. P. 77–110. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(77\)90005-6](https://doi.org/10.1016/0010-0285(77)90005-6)
51. Anderson J.A. *Cognitive psychology and its implications*. N.Y. : W.H. Freeman, 1990.
52. Бирюкова Ю.Н. Виды чтения при обучении переводу научно-технических текстов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2014. № 2. С. 103–109. EDN: SFGYNN
53. Фоломкина С.К. *Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе*. М., 1987.
54. Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. EDN: NNRVKP
55. Бондарева Е.В., Мазепа Е.А. Об использовании критерия Вилкоксона в практике педагогических исследований // *Математическая физика и компьютерное моделирование*. 2021. Т. 24. № 3. С. 26–32. <https://doi.org/10.15688/mpcm.jvolsu.2021.3.3> EDN: EXNRKA
56. Стародумова Е.А. *Синтаксис современного русского языка*. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2005. EDN: GWUTOY
57. Zaki H., Ellis R. *Learning vocabulary through interacting with a written text // Learning a second language through interaction*. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 151–170. <https://doi.org/10.1075/sibil.17.10zak>
58. Rod E., Barkhuizen G. *Analysing Learner Language*. Oxford : Oxford University Press, 2005.
59. Андреева М.И., Солнышкина М.И., Муфазалова Н.И. Предикторы когнитивной и лингвистической сложности текстов РКИ. Новые и традиционные аспекты в поликультурном пространстве преподавания РКИ: актуальные вопросы теории и практики: Сб. материалов VII Московского международного культурно-образовательного форума по РКИ. 21–22 ноября 2024 г. / Под ред.: И.Е. Карпенко М. : УЦРЯ МГУ, 2024. С. 117 —125.
60. Вербицкая М.В. *Теория вторичных текстов: на материале современного английского языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук*. М., 2000. EDN: ZKUIDX

References

1. Dascalu, M. (2023). Discourse Complexity: Driving Forces of the New Paradigm. *A scientific result. Questions of Theoretical and Applied Linguistics*, 9(1), 4–10. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-1> EDN: FGGAMR

2. Solovyev, V., Solnyshkina, M., Ivanov, V., & Timoshenko, S. (2018). Complexity of Russian Academic Texts as the Function of Syntactic Parameters. In: *International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Text Processing* (pp. 168–179). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23793-5_15
3. Borisova, E.G. (2021). Listener's Grammar: Predicting the Understanding of a Coherent Text and Ways to Correct It. In: *Russian Studies and Comparative Studies* (pp. 262–277). Moscow: Knogodel. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.15> (In Russ.). EDN: CDZMCP
4. Karamnov, A.S. (2013). The Method of Expert Assessments in Linguodidactics. *Vectors of well-being: economy and society*, 4(10), 224–232. (In Russ.). EDN: RSWBMT
5. Zmeeva, N.B. (2016). Ranking of Educational Texts by the Method of Expert Assessments. *Problems of modern science and education*, 4(46), 133–138. (In Russ.). EDN: VOGYPJ
6. Kulibina, N.V. (2013). It is Impossible to Adapt to Understand. Principles of Adaptation of Literary Texts in Accordance with the “Pan-European Competencies of Foreign Language Proficiency”. *Russian Language Abroad*, 5(240), 22–30. (In Russ.). EDN: RTYEGT
7. Yahibbayeva, L.M. (2008). Educational Text as a Special Type of Secondary Text and a Component of Educational Discourse. *Bulletin of the Bashkir University*, 13(4), 1029–1031. (In Russ.). EDN: JKPEAJ
8. Dzyuba, E.V., & Tkachenko, Yu.G. (2021). An Artistic Text in an RCT Textbook: an Object of Study or a Means of Teaching? *Philological Class*, 26(3), 243–254. <https://doi.org/10.5176/2/1FK-2021-26-03-21> (In Russ.). EDN: BFMAAE
9. Simonenko, M.A., & Bagrintseva, O.B. (2019). A Propositional Approach to the Analysis of the Denotative Structure of Secondary Texts (Based on the Material of Retellings of IABunin's Text “The Novel of the Hunchback”). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 12(3), 310–313. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.66> (In Russ.). EDN: VVMNJM
10. Piotrovskaya, A.A., Piotrovsky, R.G., & Razzhivin, K.A. (1962). The Entropy of the Russian Language. *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 115–130. (In Russ.).
11. Filippov, V.S. (2003). Text invariants. In: *Philology and culture. Proceedings of the IV International Conference* (pp. 69–72). Tambov. (In Russ.).
12. Chernyavskaya, V.E. (2003) Discourse. In: *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language* (pp. 54–55). Moscow. (In Russ.).
13. Azimov, E.G., & Shchukin, A.N. (2009). *A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts* (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow: Ikar. (In Russ.). EDN: XQRFTT
14. Dyakova, A.A. (2009). Secondary Representation of Textual Content During Interdiscursive Adaptation. *Lingua Mobilis*, 3(17), 79–88. (In Russ.). EDN: MSXYUR
15. Barkhudarov, L.S. (1975). *Language and Translation (Issues of General and Particular Theory of Translation)*. Moscow: International Relations. (In Russ.).
16. Karasik, V. (1997). Types of Secondary Texts. In: *Linguistic Personality: Problems of Designation And Understanding* (pp. 69–70). Moscow. (In Russ.).
17. Valgina, N.S. (2003). *Text theory*. Moscow: Logos. (In Russ.).
18. Gak, V.G. (1998). *Linguistic transformations*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.).
19. Koch, V.A. (1978). A Preliminary Sketch of the Semantic Type of Discursive Analysis. In: *New in Foreign Linguistics* (8. pp. 149–171). Moscow: Progress. (In Russ.).
20. Murzin, L.N., & Stern, A.S. (1991). *The Text and Its Perception*. Sverdlovsk: UGU publ. (In Russ.).
21. Frumkina, R.M. (2007). *Psycholinguistics*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
22. Morozov, D.A., Glazkova, A.V., & Iomdin, B.L. (2022). Text Complexity and Linguistic Features: Their Correlation in English and Russian. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2), 426–448. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30132> EDN: IWWUTZ

23. Khosmood, F., & Levinson, R. (2010). Automatic Synonym and Phrase Replacement Show Promise for Style Transformation. In: *2010 Ninth International Conference on Machine Learning and Applications* (pp. 958–961). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICMLA.2010.153>
24. Dascalu, M., Gutu, G., Ruseti, S., Paraschiv, I.C., Dessus, P., McNamara, D.S., ... & Trausan-Matu, S. (2017). ReaderBench: A multi-lingual framework for analyzing text complexity. In: *Data Driven Approaches in Digital Education: 12th European Conference on Technology Enhanced Learning, EC-TEL 2017*, Tallinn, Estonia, September 12–15, 2017, Proceedings 12 (pp. 495–499). Springer International Publ.
25. McNamara, D.S., Graesser, A.C., McCarthy, P.M., & Cai, Z. (2014). *Automated Evaluation of Text And Discourse with Coh-Matrix*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Solnyshkina, M.I., Kupriyanov, R.V., & Shoeva, G.N. (2024). Linguistic Profiling of Text Genres: Adventure Stories vs. Textbooks. *A Research Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics*, 10(1), 115–132. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-7EDN: YABVVQ>
27. Churunina, A.A., Solnyshkina, M.I., & Yarmakeev, I.E. (2023). Lexical Diversity as a Predictor of the Complexity of Textbooks in the Russian Language. *Russian Language Studies*, 21(2), 212–227. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-212-227> (In Russ.). EDN: ZYHDM
28. Mayer, R.V. (2020). The Problem of Determining the Didactic Complexity of Educational Texts. *Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 6(72)(1), 37–47. (In Russ.). EDN: UURISI
29. Kudzh, S.A., & Tsvetkov, V.Ya. (2018). Factors of Cognitive Complexity. *ITNOW: Information Technologies in Science, Education and Management*, 6(10), 34–41. (In Russ.). EDN: YOYXWP
30. Bredikhin, S.N., Serebryakova, S.V., & Likhovid, A.A. (2019). Methods of Compression of Cognitive Information in a Popular Science Text. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 139–145. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-139-145> (In Russ.). EDN: MAZDIA
31. Matveeva, O.V. (2014). “Information Saturation” as a Characteristic Feature of Special Texts. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 4–1, 363–368. EDN: SDWKPL
32. Alekseeva, I.S. (2004). *Introduction to translation studies*. Moscow: Academy. (In Russ.). EDN: QQZJET
33. Tikhomirova, L.S. (2011). The Density of Text in Cognitive Consciousness. *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*, 2–14, 99–104. (In Russ.).
34. Chen, Y.Y., Hakimi, S., Van, M., Chen, F., Hong, M., Klenk, M., & Wu, C. (2024). Understanding the Cognitive Complexity in Language Elicited by Product Images. In: *arXiv preprint arXiv:2409.16521*.
35. Chernyavskaya, V.E. (2007). Text in the Cognitive-Discursive Paradigm: on the Issue of the Graduated Nature of Textuality. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 3(1), 303–314. (In Russ.). EDN: YUFBRR
36. Bolton, M.L., Biletkoff, E. & Humphrey, L. (2023). The Mathematical Meaninglessness of the NASA Task Load Index: A Level of Measurement Analysis. *IEEE Transactions on Human-Machine Systems*, 53(3), 590–599. <https://doi.org/10.1109/thms.2023.3263482> EDN: YUQIOI
37. Agris, A.R., Akhutina, T.V., & Korneev, A.A. (2014). Variants of Brain Block i Function Deficiency in Children with Learning Difficulties. *Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*, 3, 34–46. (In Russ.). EDN: SKSFRB
38. Webb, N.L. (2007). Issues Related to Judging the Alignment of Curriculum Standards and Assessments. *Applied Measurement in Education*, 20(1), 7–25. <https://doi.org/10.1080/08957340709336728>
39. Anderson, L., Krathwohl, D., Airasian, P., Cruikshank, K., Mayer, R., Pintrich, P., Rath, J., & Wittrock, M. (eds.). (2001). *A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's taxonomy of educational objectives* (Abridged Edition).
40. Bloom, B.S. (Ed.). (1956). *Taxonomy of educational objectives: Handbook II*. David McKay.

41. Samsonov, N., Chmykhova, E., & Davydov, D. (2015). Development and Approbation of the Linguistic Technique of Cognitive Complexity Assessment for the Educational Text. *Psychological research*, 8(41), 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i41.548> (In Russ.). EDN: VHFQHX
42. Dridze, T.M. (1980). *Language and social psychology*. Moscow: HS. (In Russ.).
43. Kupriyanov, R.V., Bukach, O.V., & Aleksandrova, O.I. (2023). Cognitive Complexity Measures for Educational Texts: Empirical Validation of Linguistic Parameters. *Russian Journal of Linguistics*, 27(3), 641–662. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35817> EDN: NAZBGA
44. Das, S., Das Mandal, S.K., & Basu, A. (2020). Cognitive Complexity Analysis of Learning-Related Texts: a Case Study on School Textbooks. In *Methodologies and Intelligent Systems for Technology Enhanced Learning, 10th International Conference* (pp. 74–84). Springer International Publ. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52538-5_9 EDN: HKOTPP
45. Kintsch, W., & van Dijk, T.A. (1978). Toward a Model of Text Comprehension and Production. *Psychological Review*, 85(5), 363–394. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.85.5.363>
46. Graesser, A. & McNamara, D. (2011). Computational Analyses of Multilevel Discourse Comprehension. *Topics in Cognitive Science*, 3, 371398. <https://doi.org/10.1111/j.1756-8765.2010.01081>
47. Solnyshkina, M.I., Harkov, E.V., & Ebzeeva, Yu.N. (2023). The Influence of Content on the Understanding of a Text: a Propositional Analysis of Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 27(4), 938–956. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35915> (In Russ.). EDN: ZAJKUE
48. Kintsch, W. (1998). *Comprehension: A paradigm for cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Kintsch, W. (1974). *The Representation of Meaning in Memory*. Poimac: Erlbaum.
50. Thorndyke, P.W. (1977). Cognitive Structures in Comprehension and Memory of Narrative Discourse. *Cognitive Psychology*, 9(1), 77–110.
51. Anderson, J.A. (1990). *Cognitive Psychology and Its Implications*. N.Y.: W.H. Freeman. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(77\)90005-6](https://doi.org/10.1016/0010-0285(77)90005-6)
52. Biryukova, Yu.N. (2014). Types of Reading in Teaching Translation of Scientific and Technical Texts. *Multilingualism and Transcultural Practices*, 2, 103–109. (In Russ.). EDN: SFGYNN
53. Folomkina, S.K. (1987). *Teaching Reading in a Foreign Language in a Non-Linguistic University*. Moscow. (In Russ.).
54. Osborneva, I.V. (2006). *Automated Assessment of the Complexity of Educational Texts Based on Statistical Parameters* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: NNRVKP
55. Bondareva, E.V., & Mazepa, E.A. (2021). On the Use of the Wilcoxon Criterion in the Practice of Pedagogical Research. *Mathematical Physics and Computer Modeling*, 24(3), 26–32. <https://doi.org/10.15688/mpcm.jvolsu.2021.3.3> (In Russ.). EDN: EXNRKA
56. Starodumova, E.A. (2005). *Syntax of the Modern Russian Language*. Vladivostok: Far Eastern Federal University. (In Russ.). EDN: GWUTOY
57. Zaki, H., & Ellis, R. (1999). Learning Vocabulary through Interacting with a Written Text. In: Ellis, R. (ed), *Learning a Second Language through Interaction* (pp. 153–169). Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/sibil.17.10zak>
58. Rod, E. & Barkhuizen, G. (2005). *Analysing Learner Language*. Oxford: Oxford University Press.
59. Andreeva, M.I., Solnyshkina, M.I., Mufazalova, N.I. (2024). Predictors of Cognitive and Linguistic Complexity of RCT Texts. In: *New and traditional aspects in the multicultural space of teaching RCT: current issues of theory and practice: Collection of materials of the VII Moscow International Cultural and Educational Forum on RFL*. November 21–22, 2024 (pp. 117–1125). Moscow: UCR MSU. (In Russ.).
60. Verbitskaya, M.V. (2000). *Theory of Secondary Texts: Based on the Material of Modern English* [Doctor of Philology thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: ZKUIDX

Сведения об авторах:

Андреева Мария Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИЛ «Мультидисциплинарные исследования текста», Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1); *сфера научных интересов*: корпусная лингвистика, сложность текстов, семантика, лексикология; *e-mail*: mariia99andreeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5760-0934. SPIN-код: 9243-6995. Researcher ID: ABF-7003-2020; Scopus ID: 57195974758.

Солнышкина Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, руководитель НИЛ «Мультидисциплинарные исследования текста», Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1); *сфера научных интересов*: сложность текста, дискурсивная комплексология; *e-mail*: mesoln@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1885-3039; E-library SPIN-код: 6480-1830; Researcher ID: E-3863-2015; Scopus ID: 56429529500.

Сарра Саадна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: дискурсивные исследования, корпусная лингвистика; *e-mail*: 1042218192@rudn.ru
ORCID: 0009-0004-3832-6660.

Information about the authors:

Mariia I. Andreeva, Associate Professor, PhD in Philology, Senior Researcher of the 'Multidisciplinary text research' Research Lab, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (18 / 1, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: corpus linguistics, text complexity, semantics, lexicology; *e-mail*: mariia99andreeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5760-0934. SPIN-code: 9243-6995. Researcher ID: ABF-7003-2020; Scopus ID: 57195974758.

Marina I. Solnyshkina, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Head of 'Multidisciplinary text research' Research Lab, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (18 / 1, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: linguistic complexology, corpus linguistics, and lexicography; *e-mail*: mesoln@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1885-3039; SPIN-code: 6480-1830; Researcher ID: E-3863-2015; Scopus ID: 56429529500.

Sarra Saadna, PhD student at the Foreign languages department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse studies; corpus linguistics; *e-mail*: 1042218192@rudn.ru
ORCID: 0009-0004-3832-6660.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-845-858

EDN: CTHVLN

UDC 811.161.1-11:524.8

Research article / Научная статья

The Cosmological Image of the World in the Creative Heritage of G.D. Gachev

Tatiana Eu. Vladimirova , Svetlana V. Yakovleva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 vladimirova-te@rudn.ru

Abstract. Since ancient times, objects of the celestial space have served as guiding stars, revered by gatherers, hunters and reindeer herders as their totemic ancestors and patrons. In this article, the cosmological image of the world, which has developed over many centuries, is examined through the prism of the evolution of consciousness, and can be traced back to the emergence of a modern man. In doing so, the authors relied on the holistic methodology of G.D. Gachev, being based on the idea of “Cosmo-Psycho-Logos”, which unites//incorporate the national image of nature, mental makeup and mentality with the inherited and historically established modus of being of the people. Particular attention is given to the cosmonyms of the Milky Way, as one of the key objects of the national cosmological image of the world, through which the aesthetic and sacred attitude to the celestial bodies are expressed. The version proposed in the article is based on the ideas that have survived to this day and are reflected in legends, fairy tales, tokens, beliefs and customs of the Russian people.

Keywords: aesthetic exploration of the world, sacred perception, stages of consciousness development, the Milky Way's nominations

Authors' contribution: the authors have contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interests.

Article history: received: 03.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Vladimirova, T.Eu., & Yakovleva, S.V. (2025). The Cosmological Image of the World in the Creative Heritage of G.D. Gachev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 845–858. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-845-858>

© Vladimirova T.Eu., Yakovleva S.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Космологический образ мира в творческом наследии Г.Д. Гачева

Т.Е. Владимирова , С.В. Яковлева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 vladimirova-te@rudn.ru

Аннотация. С древнейших времен объекты небесного пространства служили звездами-путеводительницами, которые почитались собирателями, охотниками и оленеводами как их тотемические предки и покровители. В настоящей статье космологический образ мира, сложившийся на протяжении многих веков, рассматривается через призму эволюции сознания, которую можно проследить со времени появления человека современного типа. При этом авторы опирались на холистическую методологию Г.Д. Гачева, которая базируется на идее «Космо-Психо-Логоса», объединяющей национальный образ природы, психический склад и менталитет с унаследованным и исторически сложившимся способом бытия народа. Особое внимание в статье уделяется космонамам Млечного пути, являющегося одним из ключевых объектов национального космологического образа мира, в котором получили выражение эстетическое и сакральное отношение к небесным светилам. Предложенная в статье версия опирается на дошедшие до нашего времени представления, которые нашли отражение в легендах, сказках, приметах, поверьях и обычаях русского народа.

Ключевые слова: эстетическое освоение мира, сакральное восприятие, этапы развития сознания, номинации Млечного пути

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 03.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Vladimirova T.Eu., Yakovleva S.V. The Cosmological Image of the World in the Creative Heritage of G.D. Gachev // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 845–858. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-845-858>

Introduction

The advertence of humanitarian sciences to the national images of the world as well as to the incorporated values of their representations has determined the search of the universal “optics” revealing the evolution of the archaic conscience as a holistic unity of human natural, existential and spiritual essence. At that, a significant research interest is caused by the cosmological worldview expressed through language, culture and conventional existence imperative modes.

The given article is devoted to discussing the cosmological image of the world through the prism of the research credo of the well-known scholar and writer-philosopher G.D. Gachev, who in his writings pushed the envelope of the classical antique philosophy as “the issues of cosmogony, the origins of the world and a man, while the essentials of the Universe were treated then in the narrow aesthetical <...>

categories of the beauty and harmony” [1. P. 30]. Such approach let the author make an important discovery: the artefacts conserved till our times “hide a profound scientific and theoretical truth which said that the very first revelations of human labour and conscience *are directly related to the aesthetical issue*” [1. P. 4].

Thus, after G.D. Gachev’s book “Life of the Artistic Conscience” was published, the notion of “the aesthetical learning of the world” was introduced into the academic discourse, and together with that, there came the apprehension of an ancient man having his proper inherent sacral demand “*to introduce* some order, advisability, harmony and beauty into the chaos of nature” [1. P. 29].

As to the methodological core necessary for the holistic consideration of a cosmological world image, the article is based on the introduced by G.D. Gachev notion of “the Cosmo-Psycho-Logos” focusing on the attention to the national world image which predetermines the psychological pattern, mentality and historic development of a nation” [2. P. 364].

Assuming that “optical” point of view opens the possibility to holistically understanding of the cosmic space through the prism of inherited aesthetical values and sacral world perception dating back to the archaic stage of human evolution.

Discussion

The concept of aesthetical activity and conscience

Discussing the development of conscience, language and culture proceeding from “the aesthetical apprehension of the world”, G.D. Gachev has formulated the principally core question, “How did it happen that the category of beauty started to be perceived as a general feature of all human activity, but not as a specific property of some special activity which we call artistic or art?” [1. P. 31]. In search of the answer we’d try to reveal the background factors of the aesthetical activity which researchers date back to the epoch of the Neanderthal man (BC: 60–40 thousand years ago).

By that we mean the worldwide known memorials of the primitive art: the cave decoration to depict brave hunters and dynamic strong animals; sculptures, including figures of beasts, birds and cult statuettes of “women-progenitors, and also various articles of mammoth bones and decorations having the great artistic value.

The book “The Morning of the Art” is devoted to the Palaeolithic creative activity and academician A.P. Ovchinnikov wrote there that the origins of the art are rooted “in creative fantasy and the ability to enjoy the beauty, i.e., the aesthetical feeling. And in their prime forms they undoubtedly are no younger at any account than formalized cut of the dead and reverence of the beast and they are no younger than magic” [3. P. 30]. At that the author specified the problem “to reveal the primes in the full meaning of the word original forms, and consequently, the origins of the creative activity and aesthetical feeling on the whole” [3. P. 22].

As one can see, the similar problem was put by G.D. Gachev who was interested not only in the emerging of an image as a form, but also in the structure of conscience. Indeed, ‘the prerequisites of an image arise long before the advent

of a proper artistic image, quite the same way as an aesthetical moment is born in the human labour before the art” [1. P. 3].

As to producing various and ideal tools of stone and bone, they presented themselves not just being the result of sensible and practical perception of a certain pattern. Their elaboration supposed the existence of rather a developed speech due to which the accumulated skills and capabilities were transferred to future generations. Those conditions came into being by the end of the epoch of the later Palaeolite (BC: 40–35 thousand years ago), when there emerged a man of the modern type (*Homo sapiens*) [4. P. 12] possessing the potential of the aesthetical perception which had been developed later on.

Alongside, the newest discoveries in the field of archeology, anthropology, ethnography and linguogenetics let us assert that “the origins of art should be noticed in the more earlier times” For the example, we’d refer to “the recent discovery of the beads made of shells by the earlier *Homo sapiens*, who lived in the Cave of Skhul about 100 thousand years ago” [5. P. 18].

In this context, great interest is evoked by the Palaeolithic culture of Siberia, and among those the encampment of the Denisov Cave bearing the traces proper to the aesthetics of the Lower Palaeolite. At the same time, the author of the publication marked that “an ancient craftsman had applied “creative freedom and will” to obtain clean and smooth razor, and she concluded that “the obtained regularities to produce ancient tools <...> remind us in form and manner to elaborate them like the tools from Panjab and Africa being the predecessors of cutting tools of the Palaeolithic epoch” [5. P. 18].

Therefore, the Neolithic culture involved a man who was granted with the capability of the aesthetical perception, which “were rooted in the primitive primeval world with spiritual prerequisite and stipulations” [6. P. 132].

Turning again to the book by G.D. Gachev, we’d remark that in fact it revealed “the main trend of the aesthetical activity of that period — the transfer from sensitive and practical formation to the cognition and reflection of the being. Changing from the form of social labour it turns into the form of social conscience, into the artistic conscience” [1. P. 31]. Finally, an important conclusion followed: “the category of beauty lies in the very essence of human labour, and its nature includes the aesthetical origins” [1. P. 30].

In 2012, the G.D. Gachev’s conception of the aesthetical origins of conscience and activity had got a potent confirmation in the doctoral research of “The Archetypical Basis of the Aesthetical Conscience” by V.S. Yezhov and revealed in the primitive practice formal properties of the aesthetical (harmony, symmetry, rhythm, proportion, adequacy, timeliness, purposefulness and continuity), that allowed the author to prove “the ontological status of the aesthetical conscience as a phenomenon” and disclose “the generic essence of a man” [7. P. 5].

Thus, there appeared the prospect to get down to the issue of the formation and further development of the linguistic conscience of our distant ancestors.

The cosmologic image of the world: the earliest period

From word to myth. During millennia the primitive syncretism which hadn't yet separated the economic and instrumental activities from one another, and the emotional plane was more valuable than the plane of content itself, there appeared the need for communication and self-expression. Those provoked the language to "become an outward entity" (M.M. Bakhtin) for the sacral perception of nature and inherited worship of totemic ancestors. However, "at first a word played an insignificant part and possessed not the meaningful features, but the character of a rhythmical signal realized by means of a sound (shouting)" [1. P. 44].

Such is the prehistory of a word as a means of communication which was developing on the plane of the sensitive-aesthetical perception of the objective world and the sacral memory of the totemic ancestors which lowered the psycho-emotional tension.

At that the transfer process of a primitive man from the half-gregarious existence of hunters and gatherers to life in a social group was accompanied by gradual transformation of things into fetishes, which were endowed with magic capabilities to influence people [1. P. 9].

Therefore, with the development of meaningful associations, "a word-rhythm has become the bearer of the sacral idea that denoted something existing beyond the visibility" [1. P. 65], and the story formed, and there appeared "magnetic space". At that, a word didn't just consolidate its own meaning but also fixed a corresponding "energetic meaningful" potential (A.F. Losev), which translated an emotion-will tone of communication. And the emerging word images (figures of speech, or tropes) made "the first holistic structures, cells of literary and artistic utterances able to relatively independent life and dynamics" [1. P. 60].

However, an ancient man, meaning himself to be an integral part of the world continued "to see soul and will existing in the natural objects and phenomena, and in human actions — the interference of natural forces" [1. P. 5]. That is why he still had to overcome his half-animal state. But because at this stage of development the only close and understandable things were only congregated generic relations, he personified nature endowing it with typical just for himself features and actions which in time laid the basis of mythology" [8. P. 7].

Gradually, in course of working activity the fetish conscience is overcome, and in conscience there appear animalistic images: demons, spirits, gods, and later on anthropomorphic heroes which help people defending them from enemies. In such a way in times mythological stories came into being and "the myth-telling became itself the magic solemn performance rite, custom, ritual" [1. P. 23].

Cosmonyms: *the Milky Way*. In the Introduction in the book "Life of the Artistic Conscience" G.D. Gachev highlighted the Milky Way as a model of "phantasmagoric" and "absurd" forgery connecting the origins of that celestial body with "milk, which sprang from the nipples of an antique goddess" [1. P. 3]. But clearly it's not only that idea stipulated the choice for the nomination. Moreover,

the significance of the condition is due to the fact that discussing it one could find earlier (Palaeolithic) semantic layers of that nomination and trace its further evolution.

First of all, let's remark, the image of the Greek Goddess Gera is rooted in the general Indo-European ideas about the *Mother Earth*, which exist in the myths of many nations of the world. Considering the name *Gera* (*'Hpa*), it is said to arise to the pre-Indo-European root (**ier* — 'bright, passionate, irate') which refers to its initial identification with the independent and powerful *Great Mother* being worshiped in the "chthonic" epoch (before the 6th century BC). It's rather possible that this celestial object was named quite the other way in those times [9. P. 5–6].

Starting the analysis of cosmonym of the *Milky Way* in the Russian linguocultural space, let's present the cultural and historical conception of G.G. Shpet, found in his archives and published V.P. Zinchenko [10. P. 79–80]. According to the understanding developed in it, there are the following stages in the linguistic conscience: nominating (language), religious-and- mythological, artistic-heroic, cognitive or scientific-and-technical, cultural-and-historical and philosophic-and-cultural.

A to the *Milky Way*, its nomination is to be seen also deeply dating back into the centuries when in the nominative conscience there was constructed the image of the *Great Mother*, and together with it there arose myths as the aesthetical perception expression of the natural world and sacral attitude to it.

Regarding this let's pay attention to the following remark of G.D. Gachev. "myth itself represents not the characteristics of a god and the history of his deeds, not the holistic image, <...>, but a single episode connected with this or that material object, e.g., a Cyprus tree". At that a significant circumstance is considered: "telling a myth was itself a magic solemn performance, a rite, a ritual" [1. P. 23], rendered by conscience and conserved in the memory for a long time.

Sharing such interpretation, let's try to prove the following version. According to the ancient mythological-and-poetical impressions the origins of the cosmonyms under discussion is connected with the zoomorphic goddess who was crossing the heavens where until now her Milky Way could be seen. Finally, the identification of a celestial object and the sacral image of a mysterious cow took place, and it passed from a generation to another generation, fixing the assumed name — the *Milky Way*.

Accepting this version, we based on the publications in which just a cow stayed behind the image of the given celestial object, "And then the cow Zemun went to the blue fields and started to grease the grass and give milk. And flew the milk along the heavenly cataracts, and like stars shone above us at night"¹.

The image of a cow-protectress, mediatrix, helpmate and foster-mother is still preserved in our time. We mean here widely-known folk fairy-tales "Buryonushka" and "Kroshechka-Khavroshechka" in which are reflected the early generic impressions about totemic ancestors who possessed specific magic powers. And in the fairy-tale "Bodlivaya korova" ('The Apt to Butt Cow') the animal immediately personifies the

¹ Veles Book (1995). Moscow: Manager. P. 17. (In Russ.).

mother, who selflessly protects her calf from an angry wolf, and also a small girl, who also confirms the connection of this anthropomorphic image with the profound archaic. On the whole, the image of the mythical cow as a symbol of fertility and well-being, prosperity exists in many archaic cultures of various peoples [9. P. 5–6].

Regarding the links of milk and the heavens with the atmospheric phenomena which were inherited in the archaic sacral perception of the natural world, they were confirmed in the writings by S.M. Tolstaya. Thus, according to the folk impressions of the Slavs, rain is nothing else but the milk of the heavenly cows-clouds, and the cloudy weather predicts the abundance of cow-milk².

In fact as G.D. Gachev wrote, “folklore gives us an opportunity to reconstruct the evolution of a man from an animal state to a social one, and allows us seeing de visu the way to generate the mystified comprehension by a man himself the cumulative power as a secret spiritual origin” Therefore a society and social connections make “a direct continuation of the nature and natural connections” [1. P. 26].

Indeed, the undertaken discussion of the Russian world cosmological image of the example of the Milky Way not only allows tracing the evolution of *Homo sapiens*, but at the present stage of the evolution of a man while perceiving the nature as “the one large generic community” [1. P. 7], also transpose the kinship links on animals and the surrounding space including the heavens. At that, it’s the mother-woman who primarily acts as an embodiment of the social connections because these connections mean the intergeneric (by blood), natural ones creating the matriarchal kin” [1. P. 26].

The well-known Russian folklorist and a researcher of the Slavonic spiritual culture A.N. Afanasyev wrote the following, “The fertile power of sunrays and rain showers falling from the heavens soars the fertility of the land, and the latter, warmed and moistened, grows grasses, flowers, trees and nourishes men and animals” [11. P. 66]. Besides, in the language of agricultural and stock-raising tribes the Earth was perceived by default as “producing bread and linen”, and the Heavens as a “provoking the birth-labours” source, which means the reflection of an ever-existing ancient myth of the Earth and Heavens marriage [11. P. 157].

In this context, there are noteworthy superstitious beliefs concerning the Milky Way and its influence on the natural world and human activities presented in the book “The Russian People, Its Customs, Rites, Legends, Superstitions and Poetry” by M. Zabelin:

(In Russian) *Когда Млечный Путь светит, то будет хорошая погода. Когда же кажетя, что звезды на нем словно бегут, то будет ветер. Черные круги около звезд — к дождю. Белые и красные — к ветру. Темные, зеленые и бледные круги — к дождю. Сильно блестят звезды летом — к жаре. Зимой — к морозу. Темнеют — к переменной погоде, ветру и дождю. Мало звезд видно — к пасмурной погоде и дождю, а откуда лучи звезд длиннее, оттуда будет ветер* (lit. ‘When the Milky Way shines, the weather

² Slavonic Mythology. Encyclopedic Dictionary (2002). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 249.

will be fine. When it seems that the starts on it are as if running, the wind will blow. Black circles around the stars mean the rain is coming. White and red cicles again mean the wind. Dark, green and pale ones again mean the rain. The stars are shining brightly in summer signal the heat. In winter they signal the frost. If the are darkening means the weather is changing bringing wind and rain. A few stars seen means cloudy weather and rain, and where from the star rays are longer there from the wind will come”) [12. P. 288].

The given Abstract adds to the South-Slavonic rite stimulating the raising amount of milk yield. When on the St. George’s Day a landlady churned butter from milk, her daughter raised to the house roof and answering the mother’s question ‘what’s the weather is out-of-doors’, she said that ‘all over the land the sun is shining, but over there house it’s cloudy’³.

Naming the Milky Way in the Russian linguocultural space

From the very beginning the undertaken study of the cosmological world image (on the material of the Milky Way naming) was orientated on the idea of “Cosmo-Psycho-Logos” which allows combine in the one research plane the national image of nature and the psychological pattern, mentality and historically formed model of the Russian national personality existence [2. P. 364].

The significance of treating the given issue seems obvious because this opens the prospect to understand if the modern Russian discourse preserves itself like “the stream which is passing from one generation to another one” [13. P. 256], as well as the direction to “the aesthetical comprehension of the world” (G.D. Gachev) and the inherited with language and culture sacral demand for the harmonization of the world and one own self.

Having the aim in mind, we’d come back to the cultural-and-historical conception of G.G. Shpet and discuss the Milky Way naming arising to the nominative, religious-and-mythological, artistic-and-historical stages of the evolution of conscience.

Naming conscience

While characterizing the initial stage in developing the linguistic conscience, G.G. Shpet wrote, “The first moment when a man tried to overcome his naturally animalistic being is language — and this is the very first moment of the nature’s socialization” [10. P. 79].

We’d tackle as illustrations the following names of the Milky Way which emerged in the epoch of **gathering-hunting landowning**, and quite for a long time have served to orientate on the stars at night:

(In Russian): *Млечный путь (шлях), Молочная дорога, Молочная речка, Дорога / Дороги (мн.), Пути, Тропа, Улица, Становище, Молоко разлито, Молочник, Млечный Дождь, Цыплячья Дорожка, Заячья Тропинка, Лисьева Дорога, Мышины тропки, Дорога к Краю, Северная Дорога, Полоса, Косая дорога, Белая Дорога, Светлый Путь, Млѣклый Путь*

³ Slavonic Mythology. Encyclopedic Dictionary (2002). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 249.

(lit.: ‘Milky Way (Road), Milky Road, Road/Roads (pl.), Ways, Path, Street, Camping Ground, The Milk poured, Milkman, Milky Rain, Chicken Route, Rabbit’s Path, Fox’s Road, Mice Paths, Edge Road, Northern Road, Stripe, Diagonal Road, White Road, Light Way, Lactiferous Way’).

Besides, within this layer of names it seems purposeful to specify nominations with the semantics containing **aesthetical constituents** as a result of the sensitive-and-aesthetical perception of the natural world lowering the possible psycho-emotional tension:

(In Russian): *Дорожные Звезды, Небесная Дорога, Звездная Дорога / (Дорожка), Звездный Путь, Звездный Луч, Дорога Звездовая, Серебряная Дорога, Светлый Путь* (lit.: ‘Road Stars, Heaven’s Road, Star Track/(Path), Star Ray, Road of Stars, Silver Road, Light Way’).

Religious-and-mythological conscience

Presenting the given type of the developing conscience in his notes, G.G. Shpet restricted himself to the following characteristics: “each thing in the world is introduced into the sociocultural world through its intermedium” [10. P. 79].

The comprehension of the world around by means of ancient conscience was really intermediated through the fixed totemic images and perceptions because a man thought to be himself an integral part of the nature. Thus, the image of the zoomorphic goddess which predetermined the Milky Way naming, forwards us to “the archaic legends about totems as the reflections of the mystical group kinship with animals being our prime ancestors” [14. P. 5].

One more proof of totemic representations depending on the Milky Way naming is the image of migrating birds which got the “outward interpretation” in the ancient beliefs in birds as the totemic ancestors who accompanied men during all the life, supported the sacral modus of his existence⁴ (about the cave contours and sculptures of totemic birds see: [3. P. 19, 52]). Here are a few examples of the Milky Way naming:

(In Russian): *Птичий путь, Гусиный путь, Диких гусей дорога, Журавлиная дорога* (lit.: ‘Birds’ Way, Geese Way, Wild Geese Road, Cranes’ Road’).

Rather a widespread idea reflects the embodiment of the soul looking like a bird and connected with it popular custom in the South of Russia: during forty days after a relation’s death one has to feed birds flying to the window or over the grave as a sign to commemorate the dead⁵. Moreover, the Slavs believed in the ability of birds not only to predict the early arrival of spring, but also wealth, health and abundant crops⁶.

⁴Myths of the world nations (1992). Encyclopedia: 2 vols., S.A. Tokarev (Ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopedia. Vol. 2. P. 346.

⁵ Slavonic antiques: ethnolinguistic dictionary (2009). N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 145.

⁶Slavonic antiques: ethnolinguistic dictionary (1995). N.I. Tolstoy (Ed.). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 537.

A specific research interest of the Russian popular tradition is evoked by geese as the bearers of the demonic power. That's why people thought "if geese started to shout at night, it means that they saw an angry spirit"⁷. Considering the fairy-tale image of Geese-and-Swans, we'd remark that they are functioning as mediators between the world of those alive and dead. Initially, Geese-and-Swans of the fairytale under the similar title are possibly personifying the souls of dead ancestors who the Slavs have imagined as birds' images since early times.

Finally, the totemic image of a goose, on the one hand, is a symbol of the universal power, and due to this, it reflects the ancient presentation of the world construction and its sacral core, and on the other hand, it's an embodiment of the afterworld.

The adopting of the Orthodox belief didn't just introduced a renovation of the traditional world perception, but also influenced the cosmological world view. Here we mean the following Milky Way naming:

(In Russian): *Божья дорога (путь), Иисусова Дорога, Моисеева дорога (Дорожка), Путь Моисеев на небо, Святая дорога, Богородицын путь, Дорога к Святеньям, Дорога (из Киева) в Старый Иерусалим, Дорога (Путь) в Иерусалим и Райская дорога* (lit.: 'God's Road (Way), Jesus's Road, Moises's Road (Path), Moises's Way into the Heavens, Sacred Road, Holy Mother's Way, Road to the Holy Relics, Road (from Kiev) to the Old Jerusalem, Road (Way) to Jerusalem and Paradise Road').

In this context we'd like to emphasize the following evidence: peasants of the Tula region consider that the souls of the Orthodox people go into the Heavens along the Milky Way:

(Old Slavonic) *въ заутреню Свѣтлаго Воскресеія праведники встають изъ гробовъ и въ это время Млечный путь спускается на землю и указываетъ имъ дорогу въ царство Божіе* (lit.: 'In the morning of the Holy Sunday the true Orthodox people get out from the coffins, and at that time the Milky Way descends on the Earth and show them the way to the God's realm') [15. P. 160].

Moreover, the Milky Way is associated with the sacred road which in one direction led to the Heavens, and in another direction it served as a "guidebook" for pilgrims to sacred places. Thus, in the Podolsk province it was considered that

дорога эта идетъ изъ Москвы въ Иерусалимъ. Кто только идетъ въ Иерусалимъ, долженъ избрать для себя указателемъ Млечный путь и никогда не собьется съ дороги: придетъ прямёшенько въ Москву, а затѣмъ въ Иерусалимъ, гдѣ Млечный путь и кончается (lit.: 'this road goes from Moscow to Jerusalem. And he who goes to Jerusalem should choose the Milky Way as a guide for himself, and he'd never lose the route; and he'd come directly to Moscow and then to Jerusalem where the Milky Way ends') [15. P. 162].

Obviously with the adapting the Orthodox Christianity the initial semantics of the discussed cosmonyms was radically redesigned, but didn't disappear by default and was still preserved in the national memory. As a result, the ancient sacralization

⁷Slavonic antiques: ethnolinguistic dictionary (1995). N.I. Tolstoy. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P. 543.

of the Milky Way since long time ago has served as a reliable guideline and the inherited aesthetical perception of the celestial skies and possibly, rueful feelings caused by the loss of contact with totemic ancestors, were filled in the cosmological world image as an integral part of the Russian cosmological world image.

Artistic-and-heroic conscience

As to the artistic-and-heroic type of conscience which adds “a natural thing to the sociocultural existence through its dismissal of the reality and its transformation concerning the real existence and meaning” [10. P. 80], among the 80 samples naming the Milky Way, there is no cultural hero found, who could act as a demiurge or defender of the world around.

Alongside, the noteworthy research interest is caused by such nominations, as Russian *Батыев путь* (Batyj's Way) and *Мамаева дорога* (Mamaj's Road) where the antihero is meant. According to M.E. Rut, the given Milky Way Russian nominations together with such naming like *Татарская дорога*, *Дорога татарская на Святую Русь*, *Басурманское становище* (lit.: ‘the Tatars’ Road, the Tartars’ Road to the Holy Russia, Unorthodox (Moslem) Campground’) appeared in the cosmonymy according to the model of the mythological identification, and they form a group of “memorial historical names” connected with the Mongol-and-Tatar invasion [16. P. 67].

The proof of the validity of the conclusion could be supported with the following commentary of the *Батыев путь* (Batyj's Way), truly Russian popular naming, given by A.N. Afanasyev in his writing “Poetical Views on the Nature of Ancient Slavs”: “they say, this road is going from iron mountains where the Tatars are locked, i.e., it joins those Hell caverns of the cloudy mountains where suffer “mysterious peoples”, the giants of disastrous tempests and thunderstorms. In the Middle Ages mythical legends about the latter were transferred onto severe and wild nomads who ruthlessly devastated the Russian lands and because of this they were named *Scourge of God*” [17. Vol. 3. P. 137].

Proceeding from the said above, we'd assume that before the nominations stipulated by the Mongol-and-Tatar invasion into the Ancient Russia, there existed the ideas about some half-mythological creatures which were associated with such celestial natural phenomena like thunderstorm, lightning and thunder, the images of which have been later on transposed onto Mongols and Tatars.

In such a way at the artistic-and-heroic stage of the developing conscience the Milky Way nominations entered the Russian cosmological worldview to make relevant in memory the images of antiheroes-nomads who were enemies of the Russian people.

Perceptive, or scientific-technological conscience

Taking into account the developing economic activity in the traditionally hunting regions we'd shortly discuss such naming of the Milky Way as Russian dialectal names *Матуца* (‘Mother’) and/or *Мамка* (also Mother’).

In the classical Russian log-house dating back to the Diakonovskaya culture period (VII .— V centuries BC), as far as the inherited means of construction were improving, in the center of a log-house they started to make *mamuya* or *mamka* (both mean ‘mother’) — a solid support bar to which logs of the ceiling were fixed, and later of the floor as well.

Thus, *Mamuya* as a naming of the Milky Way becomes inseparably connected not so much with a Russian kinship term *мать* (‘mother’) arising to the Indo-European radical **mater-*, but also with such an important piece of a house under construction as *mamuya*, which allows interpret the naming as a bearing frame of the observed cosmic space on the whole.

Conclusions

Since ancient times the celestial starry sky was a reliable space-and-time landmark for gatherers, hunters and rain deer-breeders who sensing their unity with guiding stars worshiped them as their totemic ancestors and patrons. Finally, the world cosmological image developing during many centuries has reflected the evolution of conscience which could have been traced since the times of the appearance of the modern type of a man.

Specific research interest considers cosmonyms of the Milky Way as one of the key objects of the national cosmological image of the world bearing the expression of the aesthetical and sacral attitudes to celestial stars.

The syncretism of the aesthetical sources of conscience and the sacral perception of the nature proper for the naming of the Milky Way predetermined the use of the holistic methodology of G.D. Gachev which explains the “entelecheia” (purposeful reason) of each and every national community.

The initial orientation on the “Cosmo-Psycho-Logos” which combines on the same research plane the national image of nature with the psychological state, mentality and the historically set modus of life of the “national Russian personality” and allowed analyzing 80 nominations of the Milky Way and correlate them with the stages of conscience evolution (G.G. Shpet).

The article paid special attention to the Milky Way cosmonyms which arise to the religious-and-mythological stage of the conscience development and, in particular, to the image of the zoomorphic goddess who crossed the Heavens where until now one could see her Milky Way. Finally, there appeared the identification of the starry celestial object with the sacral image of a mysterious cow which was transferred from generation to generation fixing the naming of the *Milky Way*.

The proposed version of analysis is based on the national Slavonic ideas up to our times telling that rain is the milk of celestial cows-clouds, which is why the cloudy weather predicts the abundance of milk, and also the well-known fairytales “Buryonushka” and “Kroshechka-Khavroshechka” and “Bodlivaya korova” (‘Butting cow’) which reflected the early kinship ideas about the totemic ancestors possessing specific magic powers.

Therefore, the undertaken study of the Russian cosmological image of the world on the material of the Milky Way naming fully confirm the G.D. Gachev's conclusion about the folklore being able to trace the evolution of *Homo sapiens*, who was initially endowed with the aesthetical perception of the world and also with spiritual prerequisites.

References

1. Gachev, G.D. (1972). *Life of Artistic consciousness. Essays on the History of the Image*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.). EDN: VNMTLN
2. Gachev, G.D. (1999). *National Images of the World. Eurasia — the Cosmos of a Nomad, a Farmer and a Highlander*. Moscow: Institute DIDIK publ. (In Russ.). EDN: XBXDGX
3. Okladnikov, A.P. (1967). *Morning of Art*. Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.).
4. Porshnev, B.F. (2007). *On the beginning of human history (problems of paleopsychology)*, O.T. Vite (Ed.). Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.). EDN: VZYRNJ
5. Burlak, S.A. (2007). *Origin of language: New Materials and Research*. Moscow: RAS INION. (In Russ.). EDN: NCJGOF
6. Jung, K. (2000). Towards Understanding the Psychology of the Infant Archetype. In: *Self-awareness of Culture and Art of the 20th Century. Western Europe and the USA* (pp. 131–142). Moscow–Saint Peterburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
7. Yezhov, V.S. (2012). *Archetypal Foundations of Aesthetic Consciousness* [Doctoral thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: QFMVWD
8. Losev, A.F. (1957). *Ancient Mythology in Its Historical Development*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
9. Ivanov, V.V. (1988). *Myths of the Peoples of the World*. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
10. Zinchenko, V.P. (2010). *Consciousness and the Creative Act*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.). EDN: QYBFWV
11. Afanasyev, A.N. (1982). *The Tree of Life: Selected Articles*. Moscow: Sovremennik. (In Russ.).
12. Zabylin, M. (1990). *The Russian people, their customs, rituals, legends, superstitions and poetry*. Moscow: Kniga Printshop. (In Russ.).
13. Shchedrovitsky, G.P. (1997). *Philosophy. Science. Methodology*. Moscow: Shkola Kul't Politiki. (In Russ.).
14. Vladimirova, T.E. (2017). The Sacred Code of Eurasian Myths about a Totem-Ancestor. *Siberian Journal of Philology*, 3, 5–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/60/1> EDN: ZFIWDB
15. Svyatsky, D.O. (2016). *Under the Vault of the Crystal Sky: Essays on Astral Mythology in the Field of Religious and Folk Worldview*. Moscow: LIBRIKOM. (In Russ.).
16. Ruth, M.E. (2008). *Figurative Nomination in Russian Onomastics*. Moscow: LKI publ. (In Russ.). EDN: RXLIWN
17. Afanasyev, A.N. (2013). *Poetic Views of the Slavs on Nature: An attempt at a Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with the Mythological Tales of Other Related Peoples*: in 3 vols. Vol. III. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.).

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. М. : Искусство, 1972. EDN: VNMTLN
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК, 1999. EDN: XBXDGX
3. Окладников А.П. Утро искусства. Л. : Искусство, 1967.
4. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / под ред. О.Т. Вите. СПб. : Алетейя, 2007. EDN: VZYRNJ

5. Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования. М. : РАН ИНИОН, 2007. EDN: NCJGOF
6. Юнг К. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М.—СПб.: Университетская книга, 2000. С. 131–142.
7. Ежов В.С. Архетипические основания эстетического сознания: дис. ... д-ра философ. наук. М., 2012. EDN: QFMVWD
8. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957.
9. Иванов В.В. Мифы народов мира. Т. 2. М. : Советская энциклопедия, 1988.
10. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М. : Языки славянских культур, 2010. EDN: QYBFWV
11. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М. : Современник, 1982.
12. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. : Книга принтшоп, 1990.
13. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М. : Школа Культ Политики, 1997.
14. Владимирова Т.Е. Сакральный код евразийских мифов о тотеме-первопредке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.17223/18137083/60/1> EDN: ZFIWDB
15. Святский Д.О. Под сводом хрустального неба: Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения. М. : ЛИБРИКОМ, 2016.
16. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. EDN: RXLIWN
17. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. III. М. : Академический проект, 2013.

Information about the authors:

Tatyana Eu. Vladimirova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Senior Teacher of Additional Education at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of Russian Language, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semiotics, semantics, typology of texts; e-mail: vladimirova-te@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-2458-3653. SPIN-code: 2859-4934, AuthorID: 543796.

Svetlana V. Yakovleva, Teacher of Additional Education at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of Russian Language, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semiotics, semantics, typology of texts; e-mail: yakovleva-sv@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9036-9378. SPIN-code: 5678-5783, AuthorID: 899150.

Сведения об авторах:

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: семиотика, семантика, типология текстов; e-mail: vladimirova-te@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-2458-3653. SPIN-код: 2859-4934, AuthorID: 543796.

Яковлева Светлана Васильевна, педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: семиотика, семантика, типология текстов; e-mail: yakovleva-sv@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9036-9378. SPIN-код: 5678-5783, AuthorID: 899150.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-859-873

EDN: CSLXNJ

УДК 811.161.1'373.49:070

Научная статья / Research article

К вопросу о механизмах грамматической реализации эвфемистического значения

О.С. Зубкова¹ , С.А. Логвина²

¹Курский государственный университет, *Курск, Российская Федерация*

²Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, *Симферополь, Российская Федерация*

 olgaz4@rambrer.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения особенностей деривативных преобразований, не соответствующих ритуально ожидаемым грамматическим механизмам (грамматической ошибки (несоответствия)) экспликации эвфемизма в языке (в частности, в медийном дискурсе), что имеет особую научную привлекательность в контексте анализа психолингвистического фактора (сбора данных), а также расширяет и углубляет существующие лингвистические концепции изучения эвфемизма. Цель статьи — описать некоторые психолингвистические особенности формирования эвфемизма путем наложения или сочленения разнотипных семантических композиций, имеющих разнящийся грамматический функционал. Для достижения сформулированной цели в статье были использованы следующие методы анализа: описательный с присущими ему приемами внешней и внутренней интерпретации, позволивший раскрыть структурно-содержательные признаки эвфемизма, инвентаризировать и систематизировать грамматически девиантные конструкции как одну из форм смысловой предикации, «высвечивающей» интенции говорящего при овнешнении эвфемизма; методы комплексного и контекстуально-семантического анализа способствовали изучению эвфемистических образований в аспекте текстового окружения и структурирования. Результаты проведенного анализа показывают, что формирование эвфемизма, который является продуктом языковой адаптации в обществе, ограничено приспособленческим поведением участников коммуникации, что прослеживается на этапе формирования незавершенной пропозиции, где очевидна компиляция разнотипных смыслов в форму когнитивной единичности, необходимой для появления эвфемистического значения. В контексте коммуникативного сотрудничества происходит ассимиляция социально-познавательных и языковых процессов, которые на синтаксическом уровне выражаются в выборе говорящего поступиться принципами грамматической точности в пользу семантической эффективности, что объективируется грамматической неточностью с одной стороны и единственно верным психолингвистическим решением с другой.

Ключевые слова: грамматическая девиантность, медийный дискурс, деривативный потенциал

© Зубкова О.С., Логвина С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: *Зубкова О.С., Логвина С.А.* К вопросу о грамматической реализации эвфемистического значения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 859–873. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-859-873>

On the Mechanisms of Grammatical Implementation of the Euphemistic Meaning

Olga S. Zubkova¹ , Svetlana A. Logvina²

¹Kursk State University, *Kursk, Russian Federation*

²V.I. Vernadsky Crimean Federal University, *Simferopol, Russian Federation*

✉ olgaz4@rambrer.ru

Abstract. The relevance of the work has been determined by the necessity to study the features of derivative transformations that do not correspond to the ritually expected grammatical mechanisms (grammar mistakes (inconsistency)) of the euphemism explication in the language (In media discourse, in particular), which has a peculiar scientific appeal in the context of the analysis of the psycholinguistic factor (data collection), and also expands and deepens the existing linguistic concepts of the euphemism study. The purpose of the article is to describe some of the psycholinguistic features of the euphemism formation through combining or overlapping of semantic combinations of different types with various grammatical functionality. To achieve the set goal, we have used the following methods: the descriptive method with its inherent techniques of external and internal interpretation, which made it possible to reveal the structural and content-related signs of euphemism, to locate and systematize grammatically deviant constructions as one of the forms of semantic predication, ‘highlighting’ the speaker’s intentions while exteriorizing euphemism; methods of complex and contextual-semantic analysis contributing to the study of euphemism formation in the aspect of textual environment and structuring. The findings of the conducted analysis reveal that the formation of a euphemism, which is a product of linguistic adaptation in society, is limited by the adaptive behavior of interlocutors, which can be traced at the stage of the formation of an unfinished proposition, where the compilation of different types of meanings into the form of cognitive singularity, which is necessary for the emergence of a euphemistic meaning, is obvious. Conclusion. In the context of communicative cooperation, there occurs assimilation of social-cognitive and linguistic processes, expressed at the syntactic level in the speaker’s choice to sacrifice the principles of grammatical accuracy in favor of semantic efficiency, which is objectified by grammatical inaccuracy on the one hand and the only correct psycholinguistic decision on the other.

Keywords: grammatical deviance, media discourse, derivative potential

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00141, implemented at St. Petersburg State University).

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Zubkova, O.S., & Logvina, S.A. (2025). On the Mechanisms of Grammatical Implementation of the Euphemistic meaning. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 859–873. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-859-873>

Введение

Деривативный потенциал эвфемизма — его структурные особенности (эвфемизм — единица вторичной или косвенной номинации [1]), семантические, морфологические и стилистические параметры — бесспорно, принадлежат к тем объектам, которые неоднократно были исследованы в лингвистике. Приданию значительной выразительности (актуальности) специфике производных преобразований эвфемизма поспособствовало его изучение с позиций приоритетного сейчас функционального направления, что позволяет охарактеризовать эвфемизм в соответствии с его проявлениями и реализацией в коммуникативном пространстве. Кроме того, в современной лингвистике очевидна ориентированность на новую базу источников, подобранную прежде всего из современного медиатекста. Именно медиа в наибольшей степени отражают эволюционно трансформационные изменения в жизни общества, в частности, в политической, экономической, социально-культурной и других сферах, трансформируя или создавая языковые знаки для точнейшей экспликации определенных предметов, событий, явлений, то есть всего того, что причисляют к внеязыковым факторам, влияющим на формирование эвфемизма. Руководствуясь тем, что любой лингвистический феномен можно описать в аспекте языковой и речевой парадигмы, склоняемся к необходимости сочетания этих двух принципов, среди которых приоритет предоставляется значительно более эффективной коммуникативной модели анализа. Указанный вектор анализа во многом подчеркивает ориентированность на новейший медийный дискурс как специфическое явление и основывается прежде всего на языковых и коммуникативно-прагматических параметрах с наложением эмоционально-экспрессивных оттенков и других стилистических и грамматических характеристик эвфемизма. Исходя из данных теоретических оснований, **цель статьи** видим в исследовании структурно-деривационных (грамматических) признаков эвфемизма как специфического компонента речевого поведения в медиакommunikации.

Методы и методики исследования

Для достижения сформулированной цели в статье были использованы следующие методы анализа: описательный с присущими ему приемами внешней и внутренней интерпретации, позволивший раскрыть структурно-содержательные признаки эвфемизма, инвентаризировать

и систематизировать грамматические девиантные конструкции как одну из форм смысловой предикации, «высвечивающей» интенции говорящего; метод комплексного анализа, содействовавший рассмотрению анализируемых компонентов на фоне лексико-семантического, морфемного, словообразовательного и стилистического уровней языка с акцентом на эмоциональном и экспрессивно-оценочном значении эвфемистических инноваций; метод контекстуально-семантического анализа, который способствовал изучению эвфемистических образований в аспекте текстового окружения и с большей вероятностью позволил определить их психолингвистическую специфику; методики компонентного анализа для исследования семных характеристик рассматриваемых языковых единиц (эвфемизмов).

Результаты и дискуссии

Современные эволюционные изменения, происходящие в языковой системе, коснулись также и деривативных механизмов формирования эвфемизма. Запечатленные в языковом пространстве грамматические транспозиции, лексико-семантическая переходность в контексте эвфемистических преобразований [2–3] стали объектом изучения представителей многих лингвистических направлений и были отражены в разножанровых научных трудах — монографиях, словарях, статьях, докладах и т.д. Обстоятельное описание лексических преобразований и инноваций, способствующих созданию эвфемизма, предложили В.П. Москвин, Л.В. Порохницкая, А.А. Реформатский и др. [4–8]; комплексную классификацию способов создания эвфемистического эффекта разработали Ю.С. Баскова и Г.А. Заварзина [9–10]; принципы фразеологизации грамматических структур эвфемизма обозначила М.Л. Ковшова [11]; проанализировали условия морфологической модификации нежелательной единицы исследователи Е.П. Сеничкина, Р. Рада и др. [12–13]; убедительную аргументацию специфики реализации смысла в рамках эвфемизма за счет механизмов расширения или сужения высказывания предложили К.В. Якушкина и А.Р. Дегтярева [14–15]. К выразительным средствам эвфемистических смыслов относят также морфологические единицы, которые формируют морфологию оценки как подразделение грамматики оценки [16–18], в которой грамматические единицы могут участвовать в моделировании механизмов с положительным и отрицательным значениями [19–21].

Вне всяких сомнений, все эти и многие другие труды дают четкое представление о различных семантических и структурно-деривационных признаках формирования эвфемизма, хотя и не исчерпывают весь объем актуализированной проблемы. Осознавая и положительно оценивая разнообразный по аспектам исследования лингвистический материал, считаем нужным подчеркнуть важность анализа представленных в медиатекстах эвфемистических вариаций, или, в терминах В.И. Карасика, «коммуникативные табу» [22. С. 41], нарушение которых порицается в лингвокультурном

сообществе. Весомость и необходимость их изучения связываем, прежде всего, с тем, что процесс языковой динамики является непрерывным и продуцирование новых эвфемистических единиц происходит постоянно, потому анализируемый в данной работе аспект не теряет актуальности.

Кроме того, следует указать еще на несколько важных аргументов, которые дают основания прибегнуть к описанию и анализу именно структурно-грамматических процессов вторичной номинации в контексте эвфемизма. Во-первых, грамматическая структура присутствует в каждом аспекте языка, обеспечивая связность элементов в тех или иных структурах, гарантируя их соответствие принятым нормам (правилам грамматики). В грамматическом строе разного рода изменения происходят достаточно медленно, обеспечивая тем самым преемственность норм, их системность и постоянную воспроизводимость. Грамматика в языковом пространстве анализирует широкий спектр направлений — это и теория предложения, и теория морфологических категорий, и теория функционально-семантических полей, и теория объективной грамматики и многое другое.

Во-вторых, современные грамматические параметры анализа языка в целом и каждого языкового явления в частности предусматривают и учитывают их (языковых явлений) коммуникативный потенциал. Другими словами, происходит учет и анализ психолингвистического компонента в контексте коммуникативной ситуации, что легло в основу антропоцентрической организации грамматической системы языка.

Последняя не отрицает достижений предыдущих лингвонаучных парадигм —элементно-таксономической (дососсюровской), системно-структурной (соссюровской), функционально-коммуникативной или функционально-когнитивной (постсоссюровской), к которым иногда добавляют сравнительно-историческую (Н.Ф. Алефиренко, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова и др.), — а наоборот, обобщая наработки предыдущих лингвистических парадигм, использует устоявшиеся модели и процедуры анализа языковых единиц с учетом их статусного измерения в реализации тех коммуникативных задач, которые актуализируются в соответствующей ситуации. Современная грамматика своими истоками обращается к фундаментальным концепциям В. Вундта [23], В. Гумбольдта [24], И.А. Бодуэна де Куртенэ [25], А. Поттебни [26] и других ученых, стремившихся объяснить природу влияния языковой стихии на человеческую личность, ее реализацию в языке [27]. Исследователи актуализировали проблему взаимодействия языка и личности, анализируя особенности влияния языка не только на отдельную личность, но и на национальный характер (взаимосвязь языка и культуры). Сформулированные принципы взаимодействия языка и национальной культуры легли в основу теории языковой личности и ассоциативной грамматики (М.М. Бахтин, Ю.Н. Караулов и др.). Именно поэтому во второй половине XX в. началось активное изучение проблематики речевых актов (Дж. Остин,

Дж. Сьорл и др.), с последующим выделением и дифференциацией их локутивной, илокутивной, перлокутивной силы. С опорой на эти и подобные теоретические знания учеными выделяются: прагматическая классификация типов предложения (Дж. Остин, Дж. Сёрл, Г.Г. Почепцов и др.), различные классификации речевых актов и жанров, коммуникативных жанров и др. Сюда же следует отнести попытки многих исследователей установить максимальную нагрузку дискурсивных слов (А.Н. Баранов, Г.Н. Манаенко, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина и др.) с учетом функционально-стилевой принадлежности текста, реализации соответствующей лексемой тех или иных коммуникативных интенций.

Приведенные выше аргументы обосновывают необходимость и важность исследования эвфемистических ново- и преобразований с позиций психолингвистики. Как известно, возникновение тех или иных лексических единиц в значительной степени спроектировано, прежде всего, социальными процессами. Поэтому влияние внешних факторов на языковую динамику неоспоримо.

Актуализируя проблематику языковой динамики и акцентируя внимание на функционально-грамматических механизмах формирования эвфемистического значения, в первую очередь, хочется выделить часто упоминаемые в контексте эвфемизма узуальные морфосинтаксические способы, рассмотренные через призму манипулятивного потенциала эвфемизма, а именно:

- *префиксация* представляет собой изменение морфологического уровня, при котором, однако, происходит не сколько внешнее, сколько внутреннее преобразование, за счет изменения содержания знака (от противного). Одно из ведущих мест в создании коммуникативных моделей занимают дериваты с префиксальными морфемами *псевдо-*, *квази-*, *лже-*, которые подчеркивают семантику неискренности, ирреальности, мнимости. Например:

(1) «Считается, что окончательное разделение астрономии и астрологии произошло в эпоху Возрождения (в XIV—XVI веках). Но впервые астрология будет названа *лженаукой* в начале XII века»¹.

(2) «Ситуация с признанием гомеопатии *лженаукой* привлекла внимание общественности как к самой теории многократно разбавленных растворов, так и к *лженаучным* учениям в общем»².

(3) «А авторы *псевдоисторического* фэнтези устроили себе уютненький постмодернизм, где можно населить любые исторические эпохи персонажами, сознание которых — смесь мышления инфантильного горожанина 21 века и убийцы из компьютерной игры, чтобы потом на протяжении трех, пяти или семи томов всячески забавляться с этими марионетками»³.

¹ Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/pod-maskoy-nauki-lzhenauchnye> (дата обращения: 01.12.2024).

² Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/pod-maskoy-nauki-lzhenauchnye> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Режим доступа: <https://author.today/post/176229> (дата обращения: 01.12.2024).

(4) «Что такое психоакустика, чем она занимается и почему название этой науки звучит так **псевдонаучно?**»⁴.

Языковые единицы с таким модально-оценочным значением информируют о мошенничестве и мошенниках, различных негативных событиях и фактах в жизни общества. Как показывает корпус исследовательского материала, выработка эвфемизмов с помощью морфем *псевдо-*, *квази-*, *лже-*, кроме существительных, может быть связана и с другими частями речи, например, прилагательные и наречия;

- *номинализация*, т.е. замена личных форм глаголов их производными на *-ание*, *-ение*, *-ация*, обеспечивает снижение актуальности субъекта и «стирание» агенса того, о чем говорится, что придает процессу «безличную экзистенциональность» [28. С. 67], например:

(5) «Основанием для **госпитализации** в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, может быть также необходимость проведения психиатрической экспертизы»⁵;

- *имперсонализация* или «обезличивание» структур для создания абстрагированной и обобщенной косвенной характеристики субъекта, например:

(6) **Большинство** спокойно отказалось от своих прав и свобод⁶;

- *употребление пассивных структур* как один из приемов замещения субъекта действия и маскировки агента также способствует реализации тактики умолчания информации в эвфемистических целях, за счет синтаксического перераспределения компонентов высказывания:

(7) Прокопьева как журналистка, — это ее работа, — описала ситуацию об этом резонансном случае и изложила свое личное мнение. И не более того! Здесь нет состава преступления, и поэтому **вменяемая ей статья** — это статья сугубо за ее личное мнение, за профессиональную деятельность как журналиста⁷ и т.д.

Рассмотренные выше примеры относятся к свидетельствам нормативного употребления функционально-грамматических элементов формирования эвфемизма, активно рассматриваемых в научном сообществе. В контексте психолингвистического знания в рамках данной работы исследовательский интерес привлекает окказиональное (утилитарное) моделирование

⁴ Режим доступа: <https://ar-ar.facebook.com/onlinerby/posts/10153589262373506/> (дата обращения: 01.12.2024).

⁵ Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/9f113ebe2c9a61d9516aeb9050ea85d4f0fb0cb5/ (дата обращения: 01.12.2024).

⁶ Режим доступа: https://www.znak.com/2021-08-23/siloviki_zahvatili_vlast_v_rf_oppoziciyu_razgromili_a_nezavisimye_smi_intervyu (дата обращения: 01.12.2024).

⁷ Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/07/09/ugolovnaya_statya_za_lichnoe_mnenie (дата обращения: 01.12.2024).

эвфемизма как способа «смысловой предикации <...>, базирующегося на координативности социального опыта и когнитивного состояния, что позволяет создавать ментальные комбинации для индивидуализации используемых понятий / значений» [29. С. 89], которые с точки зрения грамматических соответствий могут считаться ошибочными. Поскольку то, что категоризировано и стандартизировано на поверхностном уровне как упорядоченное по формальным требованиям и общепринятым нормам, подвергается переосмыслению и кастомизации на коммуникативном или собственно-семантическом уровнях, где функционально нагруженными становятся различные ситуативные факторы (когнитивные импульсы в терминах О.С. Зубковой), различные стратегии и тактики. Фатичная функция в таком случае мотивирует видоизменение и самих морфологических форм, и их статуса в структуре предложения. В качестве примера рассмотрим ряд фрагментов интервью:

(8) действие было лучшее ... меня уговаривали следователи ...они приехали в больницу... э... **когда немножко в себя пришли после сотрясения, привели**, — сотрясение было очень сильным, и доктор села и сказала такую вещь: «Ян, тебя не били, тебя убивали!». Я услышала. Дальше подошли следователи, сказали: «Янка, надо написать заяв...», со мной очень по-человечески, это вот тот случай, когда все работало как надо. Закон работал. Вот в моем случае, да. Есть другие случаи, да?⁸.

В данном примере происходит наложение функциональных параметров (смещение синтаксических ролей), разнотипных высказываний, поскольку, формируя эвфемистическое выражение «**когда немножко в себя пришли после сотрясения, привели**» (вместо фиксации факта оказания первой медицинской помощи после побоев), говорящий комбинирует два высказывания: *прийти в себя* (восстановить свою способность ориентироваться, чувствовать (после обморока, контузии и т.п.; перестать волноваться, беспокоиться; успокоиться) и *привести кого-либо в чувство* (вывести из состояния растерянности или обморока). Также очевидным является наложение пассивного и активного залогов: начиная высказывание от первого лица в активном залоге, в процессе вербализации говорящий меняет высказывание и завершает его в пассивном залоге *привели*, так как ему (говорящему) важно было указать участие третьих лиц (а именно врачей). Присутствует также феномен имперсонализации, поскольку говорящий избегает указания агенса. Согласно грамматической логике, высказывание должно включать либо местоимение «я», например, *когда я немножко пришла в себя* или местоимение «меня» (в форме родительного падежа — интерферирующее влияние падежных форм), например, *когда меня немножко привели в себя*. Так, с точки зрения функциональной грамматики, данное высказывание содержит ряд ошибок, но с точки зрения психолингвистики оно (высказывание) раскрывает «репрезентативный потенциал

⁸ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9QLVbmMbqqw> (дата обращения: 01.12.2024).

смысловой предикации» [29], которая является «не только одной из функций языковых выражений, но и элементом социальной детерминации, без которого невозможны эффективная социальная адаптация и интеграция» [29. С. 84]. Эвфемизм в контексте смысловой предикации является источником анализа психоэмоциональных состояний говорящего, определяющих его речевые интенции, влияющих на создание здесь и сейчас единственно верного варианта овнешнения (в данном случае — эвфемистического высказывания) внутренних процессов осмысления реальности, но иногда даже позволяет отследить альтернативный вариант развития хода мысли говорящего.

(9) *Мы приняли решение ...эээ... то мне Оля сказала: «Свет, вот ты должна быть готова». Оля, которая к этому моменту уже прошла и проходила очень сложный процесс развода, расхода с отобранными, как мы знаем, детьми, которых она по сей день, К СОЖАЛЕНИЮ, не вернула, она мне сказала: «Свет, ну ты столкнешься с определенными трудностями. Тебе сейчас кажется, что тебе это не важно, но в какой-то момент ты поймешь, **что тебе это очень будет задевать и обидно...** вдруг тебя куда-то не приглашают, а вдруг тебя забыл кто-то с чем-то поздравить (касается носа)». Ты меня не оставила, при том, что ты и другие, и мои близкие подруги, но были примеры, когда вдруг я увидела, просто Роднянский, он самый такой очевидный и самый вот, вот вчера случилось. Поэтому, вот ЭТО меня расстроило⁹.*

Так же, как и в предыдущем примере, происходит наложение грамматически разнородных высказываний, а именно: *тебе это будет очень ...обидно и тебя это будет очень задевать*. В стремлении скрыть психоэмоциональное состояние обиды (негативной реакции на несправедливо причиненное огорчение, оскорбление) говорящий использует лексическую единицу с более широкой семантикой *задевать*, однако синтаксически этот элемент не имеет согласованности с целым предложением и грамматически выглядит ошибочным, в то время как психолингвистически этот значимый сегмент речемыслительного процесса позволяет отслеживать и анализировать «емкость референции с миграцией акцентов на стереотипные образные опоры» [29. С. 84].

Приведем еще ряд примеров, которые содержат грамматические ошибки, способные, по нашему мнению, продемонстрировать с точки зрения психолингвистики «полную модель речевого процесса, в равной мере пригодную для интерпретации отдельных сторон его и частных случаев» [30].

(10) *«Вы об этом говорили тоже (на терапии у врача)?» «Конечно. А самое главное, **вот это наше жесткость** (произносит четко и уделает взмах рукой), наши работающие женщины, когда наше время ограничено, нам мне всегда казалось, что Маруся должна делать так (условный шар руками держит), как кажется мне правильно. Да, то есть, как я делала, как ... это проблема отцов-детей всегда, да то есть это ... такой вот ...*

⁹ Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=noeOHm3j_K0 (дата обращения: 01.12.2024).

mmm ... скажем, не то, что я бы не уважала ее как личность, но мне казалось, что мой путь, он правильный»¹⁰.

Полагаем, что изначально предполагалось высказывание *вот это наше жесткое отношение*, но впоследствии говорящий изменил формулировку высказывания на *вот эта наша жестокость*. В то время, как *жесткое отношение* имеет непосредственную отсылку (семантическую близость) к *жесткому отношению*, которое обозначает *систематическое физическое и психологическое насилие над детьми со стороны родителей*, фактор, который имеет высокий порог осуждения в обществе, то *жесткость* — это лексическая единица с более широкой семантикой (способность тела или конструкции сопротивляться образованию деформации; а также стойкая уверенность в своей правоте и отказ изменить свое мнение). Поэтому, *жесткость* — это черта характера с неоднозначно негативной оценкой.

(11) *Я подходила, он лежал в реанимации в кювезе (показывает маленький предмет руками), я подходила, смотрела, но я его на руки ни разу не взяла. Просто я помню его лицо, конечно, так как я не спала вообще, я помню, я лежала и думаю, если я придумаю молитву (возносит руку кверху), прочитаю ее 50 раз (пальцы левой руки собраны в пучок) (играет минорная музыка) ... я вот всей силой души верю, чтоооо ... (махнула рукой) Господь меня услышит (дрожь в голосе) и поможет (кивает головой, длительная пауза)...*¹¹.

(12) «Почему у Лолиты отдельный туалет?» «Ну ... **Я думаю, гигиена еще никто не отменял**. В общем, она девочка все-таки, ей хочется, да, чего-то домашнего ... ну, у каждого человека свои какие-то моменты». «А какие еще есть моменты у Лолиты, которые отдельно от вас? Расскажите». «Ну, она не ходит на завтраки в гостинице»¹².

Состоит из двух высказываний: я думаю, гигиена еще никому не повредила, и я думаю, что гигиену еще никто не отменял.

(13) «Лола, а ты с ним разговаривала после этого?» «Нееет. Ты что? Я сразу заблокировала и все (вм. прекратила любые контакты). **Это такой человек для меня, нет**. Он для меня умер сразу». «Мне просто всегда, когда ты мне рассказываешь эту историю, я не понимаю, что чувствует человек, который подсунул таблеточки (вм. ядовитое вещество)?»¹³.

Предполагаем, что в данной формулировке соединились два вектора развития мысли: *это такой человек, который для меня умер и такого человека для меня больше не существует*. Глубокое эмоциональное потрясение влияет на ход мысли говорящего и, как следствие, на результат выбора элементов,

¹⁰ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hFQihQVpo-A> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=lcTDiEWkbj8> (дата обращения: 01.12.2024).

¹² Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AtYJc2WS328> (дата обращения: 01.12.2024).

¹³ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AtYJc2WS328-18:57> (дата обращения: 01.12.2024).

пригодных к вербализации, что и выражается в грамматической неточности. Гипотетико-дедуктивные рассуждения и установление абстрактных связей приводят нас к специфичной согласованности признаков, распознаваемых вне зависимости от их грамматической валидности.

(14) *В этом отношении ... можно представить, когда для человека не антропоцентрическая психология, когда в центре сам человек, а, например, поглощение какого-то продукта определенного цвета, вдруг это становится в центре внимания и вокруг этого пустяшного момента, **который и заметить-то можно никак**, возникает целая структура сверхценной идеи, концепции о том, что вот зеленые продукты вот это, а желтые продукты вот это*¹⁴.

«На этапе формирования незавершенной пропозиции очевидна компиляция смыслов в форму когнитивной единичности необходимой для появления значения» [29. С. 88]. Среди имеющихся морфологических и / или синтаксических форм адресант выбирает ту, которая, на его взгляд, наиболее исчерпывающе соответствует содержанию плоскости ситуации и передает коммуникативные интенции. Основной задачей адресанта является не только конструирование предложения как уровневой единицы языка, но и наполнение его необходимой информацией, которая корректным образом способна овнешнить его внутреннее состояние. О.С. Зубкова выражает усвою убежденность в том, что «репрезентация смысловой предикации <...> ограничена приспособительным поведением участников <...> коммуникации и их социальным позиционированием [29. С. 84], поэтому индивидуальные страхи, комплексы, надежды, разочарования — это те главные психологические особенности, которые формируют коннотативный аспект эвфемистического значения, что в дальнейшем становится вербальным оружием в социально-коммуникативном противостоянии индивида. Речеповеденческие факторы определяют актуализацию ситуативно-коммуникативных задач и влияют на механизмы линейной реализации синтаксических позиций внутри предложения (аккомодация и ассимиляция грамматических процессов), их взаимодействие и взаимообусловленность в их многочисленном разнообразии.

Заключение

Резюмируя результаты данного исследования, приходим к выводам, что несмотря на значительное количество примеров, данная выборка не позволяет утверждать, что это распространенное и часто встречающееся явление, поскольку эмпирический этап нашего исследования еще не закончен и мы не можем говорить с уверенностью о процентном соотношении. Эвфемизм, являясь продуктом как языковой адаптации в обществе, так и взаимодействия

¹⁴ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=QL5hmFXNzJY> — 39:10 (дата обращения: 01.12.2024).

с обществом, динамически отражает фатическую функцию языка и несет в себе спектр социальных и культурных коннотаций, которые затрагивают все аспекты общественной жизни. Эвфемизм использует «в своих интересах» нечеткость языка (девиантность грамматических форм), чтобы примирить противоречия в социальных и межличностных отношениях, в то время как приоритетность грамматической или смысловой корректности определяется принципами, которыми руководствуется говорящий (информативность, убедительность, доступность, простота формы изложения и т.д.), и ориентируется при этом на социальную оценочность, экспрессивность, эмоциональность, образность и т.д. Предлагая к восприятию определенную информацию и условно производя новые элементы эвфемистической номинации, автор поступается принципами грамматической точности в пользу семантической эффективности.

Список литературы

1. *Алексикова Ю.В.* Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3(24). С. 126–132. EDN: UEPYMJ
2. *Никитина И.Н.* Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 1. С. 49–64. EDN: PCUAJX
3. *Зверева М.И.* История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–4(78). С. 86–90. EDN: ZWUSJP
4. *Порохницкая Л.В.* Концептуальные модели в семантике эвфемизма. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2018. EDN: YLCWXJ
5. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград : Перемена, 1999. EDN: TVGGNJ
6. *Реформатский А.А.* Табу и эвфемизмы // Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 56–57.
7. *Иванян Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н.* Деликатная тема на разных языках. Самара : Инсома-пресс, 2012. EDN: QXENJZ
8. *Уварова Е.А.* Семантический механизм эвфемизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 452–460. EDN: NDMEXT
9. *Баскова Ю.С.* Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «слова-прикрытия». Краснодар : Кубанский социально-экономический институт, 2009. EDN: LRFOED
10. *Заварзина Г.А.* Эвфемизмы как проявление политической корректности // Русская речь. 2006. № 2. С. 54–57. EDN: HTPEMR
11. *Ковшиова М.Л.* Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-4-35-48> EDN: EMPHEI
12. *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка. М. : Высшая школа, 2006. EDN: UVTHCP
13. *Rada R.* Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Budapest, 2001.

14. Якушкина К.В. Прагмалингвистический аспект эвфемии в свете явления языковой компрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 2–2. С. 292–296. EDN: RUBGFF
15. Дегтярева А.Р. Экспериментальная верификация перлокутивной силы функциональных типов эвфемизмов современного русского языка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 12–2. С. 232–236. EDN: UCALNX
16. Халиман О.В. Грамматика оценки: диминутивные глагольные формы как средства выражения оценочных значений в современном украинском языке // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2014. № 1(171). С. 43–48. EDN: ZEFPRX
17. Серебренников Б.А. Языковая номинация (Общие вопросы). М. : Наука, 1977.
18. Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 569–573. EDN: UOGZWN
19. Болотнова Н.С. Эвфемизация в современном употреблении и языковая компетентность личности // Языковая компетенция: грамматика и словарь. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 1998. С. 19–23. EDN: WJHFN
20. Киквидзе З.З. Социоллингвистический аспект изучения грамматического эвфемизма в разнотипных языках // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Тюмень : Изд-во ТГУ, 1997. С. 38–42.
21. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. М., 2002. EDN: QRLSNJ
22. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. EDN: UGQXUT
23. Wundt W. *Volkerpsychologie*. Leipzig : Verlag von Wilhelm Engelmann, 1911.
24. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.
25. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1.
26. Потемня А.А. Из записок о русской грамматике. М. : Учпедгиз, 1958. Т. 1–2.
27. Heidegger M. *Was heißt Denken?* Tübingen : Max Niemeyer, 1954.
28. Куликова Э.Г., Саватеева Л.В. Коммуникативная стратегия эвфемизации: когнитивная и лингвистическая сущность // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2008. № 1. С. 66–73. EDN: JHPNQK
29. Зубкова О.С. Репрезентация смысловой предикации в медицинском дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4(39). С. 83–90. EDN: ZJYXXB
30. Авдеева Н.Н., Анцыферова Л.И., Арсеньев А.С., Асеев В.Г., Асмолов А.Г., Ахутина Т.В., и др. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М. : АСТ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009.

References

1. Aleksikova, Yu.V. (2010). Cognitive Bases of Euphemism Formation in the English Language. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3(24), 126–132. (In Russ.). EDN: UEPYMJ
2. Nikitina, I.N. (2009). Euphemia In Foreign and Domestic Linguistics: the History of the Issue and the Prospect of Research. *Vestnik Volzhskogo Universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 1, 49–64. (In Russ.). EDN: PCUAJX
3. Zvereva, M.I. (2017). History of the Study of Euphemisms in Domestic and Foreign Linguistics. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12–4(78), 86–90. (In Russ.). EDN: ZWUSJP
4. Porokhnitskaya, L.V. (2018). *Conceptual Models in the Semantics of Euphemism*. Moscow: Moscow State Linguistic University publ. (In Russ.). EDN: YLCWXJ

5. Moskvina, V.P. (1999). *Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language*. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University Peremena publ. (In Russ.). EDN: TVGGNJ
6. Reformatsky, A.A. (1996). Taboos and Euphemisms. In: *Introduction to Linguistics* (pp. 56–57). Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
7. Ivanyan, E.P., Kudlinskaya, H., & Nikitina, I.N. (2012). *A Delicate Topic in Different Languages*. Samara: Insoma-press publ. (In Russ.). EDN: QXEHJZ
8. Uvarova, E.A. (2010). Semantic Mechanism of Euphemization. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2, 452–460. (In Russ.). EDN: NDMEXT
9. Baskova, Yu.S. (2009). *Manipulation in the Language of the Media: Euphemisms as “Cover Words”*. Krasnodar: Kuban Socio-Economic Institute publ. (In Russ.). EDN: LRFOED
10. Zavarzina, G.A. (2006). Euphemisms as a Manifestation of Political Correctness. *Russian Speech*, 2, 54–57. (In Russ.). EDN: HTPEMR
11. Kovshova, M.L. (2019). Euphemisms and Phraseological Units: Frozen Structures from the Standpoint of Euphemisation. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 35–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-4-35-48> EDN: EMPHEI
12. Senichkina, E.P. (2006). *Euphemisms of the Russian Language*. Moscow: Vysshaya Shkola publ. (In Russ.). EDN: UVTHCP
13. Rada, R. (2001). *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen*. Budapest. (In German).
14. Yakushkina, K.V. (2007). Pragmalinguistic Aspect of Euphemy in Terms of Speech Compression Mechanism. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2–2, 292–296. (In Russ.). EDN: RUBGFF
15. Degtyaryova, A.R. (2014). Experimental Verification of Perlokutivny Force of Functional Types of Euphemisms Modern Russian. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 12–2, 232–236. (In Russ.). EDN: UCALNX
16. Khaliman, O.V. (2014). Grammar Assessment: Diminutive Verb Forms as Means of Expression of Estimates in Modern Ukrainian Language. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology. Pedagogy. Psychology*, 1(171), 43–48. (In Russ.). EDN: ZEFPRX
17. Serebrennikov, B.A. (1977). *Language nomination (General questions)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Toropkina, V.A. (2015). Euphemisms as Means of Expression of Negative Evaluation in the Media Texts. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2(2), 569–573. (In Russ.). EDN: UOGZWH
19. Bolotnova, N.S. (1998). Euphemization in Modern Usage and Linguistic Competence of the Individual. In: *Language Competence: Grammar and Vocabulary* (pp. 19–23). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: WJIHFN
20. Kikvidze, Z.Z. (1997). Sociolinguistic Aspect of the Study of Grammatical Euphemism in Multi-System Languages. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki* (pp. 38–42). Tyumen: Tyumen State Univerisyt publ. (In Russ.). EDN: QRLSNJ
21. Firsova, N.M. (2002). *Grammatical Stylistics of the Modern Spanish language*. Moscow: Vysshaya Shkola publ. (In Russ.). EDN: QRLSNJ
22. Karasik, V.I. (2002). *Language of Social Status*. Moscow: Gnosis publ. (In Russ.). EDN: UGQXUT
23. Wundt, W. (1911). *Volkerpsychologie*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann. (In German).
24. Humboldt, W. von. (1984). *The Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
25. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *The Selected Works on General Linguistics*. Moscow: The USSR Academy of Sciences publ. Vol. 1. (In Russ.).
26. Potebnaya, A.A. (1958). *From the Notes on Russian Grammar*. Moscow: Uchpedgiz. Vol. 1. —2. (In Russ.).

27. Heidegger, M. (1954). *Was heißt Denken?* Tübingen: Max Niemeyer. (In German).
28. Kulikova, E.G., & Savateeva, L.V. (2008). Communicative Strategy of Euphemization: Cognitive and Linguistic Essence. *Vestnik Taganrofskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 1, 66–73. (In Russ.). EDN: JHPNQK
29. Zubkova, O.S. (2020). Representation of Semantic Predication in Medical Discourse. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 4(39), 83–90. (In Russ.). EDN: ZJYXXB
30. Avdeeva, N.N., Antsyferova, L.I., Arsen'ev, A.S., Aseev, V.G. et al. (2009). *Big Psychological Dictionary*, B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko (eds.). Moscow: AST; Saint-Petersburg: Praim-Evroznak. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Логвина Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (295033, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4); *научные интересы*: семиотика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: svet.logvina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4086-9707, SPIN-код: 1928-3158, AuthorID: 891724.

Зубкова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, филологический факультет, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33); *научные интересы*: семиотика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: olgaz4@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3900-321X, SPIN-код: 3627-2108, AuthorID: 328418.

Information about the authors:

Svetlana A. Logvina, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Languages 4, Institute of Foreign Philology; V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Academy Vernadsky avenue, Simferopol, Russian Federation, 295033); *Research interests*: semiotics, pragmatic linguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: svet.logvina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4086-9707, SPIN-code: 1928-3158, AuthorID: 891724.

Olga S. Zubkova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Faculty of Philology, Kursk State University (33, Radishcheva str., Kursk, Russian Federation, 305000); *Research interests*: semiotics, pragmatic linguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: olgaz4@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3900-321X, SPIN-code: 3627-2108, AuthorID: 328418.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-874-890

EDN: CQJZIW

UDC 811.621:398.91:316.7

Research article / Научная статья

Malay Proverb Semantic Values: A Paremiological Approach to the Communication Process

Anter V. Khadiz¹ , Fitria Ayuningtyas¹ , Valerii L. Muzykant² ,
Munadhil A. Muqsith¹

¹UPNVJ, Jakarta, Indonesia

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

muzykant-vl@rudn.ru

Abstract. The interest in semiotic and semantic aspects of the proverbial genre is to obtain a clearer picture of the proverb's social and cultural functions. Studies of the main 712 Malay proverbs' usage with particular interest to non-verbal communicative elements as a context is a case of simultaneity-oriented syntactics, studying the combination of heterogeneous signs into a compound sign complex. This kind of interest can be characterized by pragmatic approaches to the proverbs in the field of paremiology. Proverbs are special units and signs of language, necessary elements of human communication, which convey specific information, designate typical life and mental situations or relationships between certain objects. Talking about the values of the Malays proverbs means talking about Eastern values as ethnic groups that occupy the Eastern world. The Malay ethnic group delivers original ideas and becomes a regional medium influencing the three major world civilizations and religions: Hinduism, Buddhism, and Islam. Proverbs sum up a situation, pass judgment, recommend a course of action, or serve as secular past precedents for present action. This paper analyzes the interconnectivity of Malay proverbs using the paremiological method. Based on the analysis, it is found that the system of ideas of Malay communication has been arranged in a slick, systematic, and interlocking nature. The composition formed as a kind of onion in layers, and in the middle lies the concept of *Budi (Mind)*, which is a core value of the entire Malay system of ideas about Communication. In the second layer appeared the concept of *Basa nan sesuai (Appropriate language)*, followed by the third layer, which shows the *Five Maxim of communication (Politeness, Contextualization, Middle Path, Juxtaposition, Appropriateness)* which guides everyday communication activities, and finally, on the outer part of the onion is stated *Keseimbangan (Harmony)*.

Keywords: semantic, paremiological method, system of ideas, belief systems

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Acknowledgement: We are grateful for the excellent collaboration in this research collaboration between Universitas Pembangunan Nasional Veteran Jakarta, particularly the Faculty of Social and Political Sciences, and the Faculty of Philology of RUDN University.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

© Khadiz A.V., Ayuningtyas F., Muzykant V.L., Munadhil A.M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Khadiz, A.V., Ayuningtyas, F., Muzykant, V.L., & Munadhil, A.M. (2025). Malay Proverb Semantic Values: a Paremiological Approach to the Communication Process. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 874–890. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-874-890>

Семантическая ценность малайских пословиц: паремиологический подход к коммуникационному процессу

А.В. Хадиз¹ , Ф. Аюнингтьяс¹ , В.Л. Музыкант² ,
Мунадхил А. Мукситх¹

¹Национальный университет развития ветеранов, Джакарта, Индонезия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 muzykant-vl@rudn.ru

Аннотация. Интерес к семиотическим и семантическим аспектам жанра пословиц заключается в получении более четкой картины их социальных и культурных функций. Проведенные исследования бытового использования основных 712 малайских пословиц с особым интересом к невербальным коммуникативным элементам как контексту являются примером синтактики, ориентированной на одновременность, изучающей сочетание разнородных знаков в сложный знаковый комплекс. Подобный интерес объясняется прагматическими подходами к пословицам с позиции паремиологии. Пословицы — особые единицы и знаки языка, необходимые элементы человеческого общения, которые передают определенную информацию, обозначают типичные жизненные и психические ситуации или отношения между определенными объектами. Исследовать малайские пословицы означает говорить о восточных ценностях как этнических группах, которые занимают восточный мир. Малайская этническая группа, абсорбируя оригинальные идеи, становится региональным модератором, влияющим на три мировые цивилизации и религии: индуизм, буддизм и ислам. Пословицы резюмируют ситуацию, выносят суждение, рекомендуют курс действий или служат светскими прошлыми прецедентами для настоящих действий. В данной статье анализируется взаимосвязь малайских пословиц с использованием паремиологического метода. Проведенный анализ подтверждает, что система идейного наполнения малайской коммуникации, помимо четкой структурированности, отличается системностью и взаимосвязанностью. Собственно композиция сформирована как своего рода луковица, в сердцевине которой лежит концепция *Буди* ‘разум’, являющаяся основной ценностью всей малайской коммуникативной системы. Во втором слое расположена концепция *Баса нан сесуай* (соответствующая лексика), за которой следует третий слой, который представляет собой *Пять Максим общения* (вежливость, контекстуализация, срединный путь, сопоставление, уместность), направленных на повседневную коммуникативную деятельность, и, наконец, внешняя оболочка луковицы — *Кейсембанган* ‘гармония’.

Ключевые слова: семиотика, паремиологический метод, система идей, системы убеждений

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Благодарности: Мы признательны за научное сотрудничество между Universitas Pembangunan Nasional Veteran Jakarta, в частности, факультетом социальных и политических наук, и филологическим факультетом Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Khadiz A.V., Ayuningtyas F., Muzykant V.L., Munadhil A.M. Malay Proverb Semantic Values: a Paremiological Approach to the Communication Process // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 874–890. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-874-890>

Introduction

The three great civilizations have shaped the identity and values of Malay in the past, which may also be so in the future. The Malay proverb and idioms belong to the discipline of paremiology, at the same time, the proverb has traditionally been served as a research object for disciplines such as folkloristics, pedagogy, linguistics, all of them looking at the proverb from different methodological perspectives. Comprehensive and systematic semiotic analyses of the proverb still today represent some kind of research desideratum. Talking about the values of the Malays communication means talking about Eastern values as ethnic groups that occupy the Eastern world. The Malay ethnic group not only delivers original ideas but also becomes a regional medium that has influenced the three major world civilizations and religions, namely Hinduism, Buddhism, and Islam. The three great civilizations have shaped the identity and values of Malay in the past, which may also be so in the future.

So far, the study on Eastern values highlights the civilizations of India (Hinduism and Buddhism) and China (Buddhism, Confucianism, and Taoism) and is then followed by the Islamic civilization. The seminar on communication theories from an Asian perspective organized by AMIC (Asian Mass Communication Research and Information Center) in 1986 was the world's first scientific seminar on Asian/eastern values and also focused on those three Eastern cultural centers.

A variety of studies of the concepts, philosophy and even communication theories based on Asian values have appeared after the AMIC seminar was over. These include *the Face Negotiation Theory of Stella Ting-Toomey*, *the Indian Rasa Theory*, *the Japanese Kuuki theory (Youichi Ito)*, *the Chinese Harmony theory (Guo Ming Chen)*, and *The Shadaranikaran Model of Communication of Nirmala Mani Adhikary*. Wimal Dissanayake is one of the important figures in building the “Eastern Communication Movement” and then pioneered the publication of *Communication Theory: the Asian Perspective*.

Harnish and Mieder call proverbs one of the most common forms of representation in expressing the values or belief systems of a society. In this context, *peribahasa* (proverb) is defined as a set of words that are compact and concise, containing values, norms, principles, wisdom, morals, or rules of behavior that appear in the form of parables, comparisons, questions, or statements of fact which are easy to remember. In this context, the concept of values itself can be specifically defined as guiding principles of what people consider important in life [1].

According to some researchers like A. Dundes, proverbs are the essence of the philosophies of societies [2]. They state that a proverb is but an expression of the worldview of a society that has a value to guide for a better life in its various aspects [3]. As to *The New Encyclopaedia Britannica*, the contents of proverbs usually express ideas and beliefs held by the public¹. A proverb is essentially talking

¹ URL: <https://www.britannica.com/topic/Malay-people> (accessed: 23.12.2024).

about real life and providing guidance on appropriate behavior and inappropriate philosophy of practical life that all work in harmony. Like all narratives they are selective though somehow related to planning and problem solving. It is a whole, an internally consistent, self-contained unit of expression; reality reconfigured in order to create meaning [4].

Therefore, a proverb is the crystallization of values and norms derived from the experiences and practices of everyday life members of the community or the result of reflection or intellectual thinkers about the nature of life in which they live. Eventually researchers termed the meaning of the concise and wonderful sentence “The wisdom of many and the wit of one”².

Based on these explanations, it can be said that understanding the proverbs of society means gaining a better understanding of the values and belief systems underlying the way people act and behave in everyday life, including all communication. Communication is realized by every community, including the Malay ethnic group, as the most important instrument in building relationships, maintaining social harmony, and keeping the continuity of ‘living together’ among them. That is why every society strives to build values, belief systems, or ideas about how communication should be done based on life experiences and struggles.

In Malay society, it seems that communication has become an important theme in daily life. It can be said that there is almost no aspect of life that is not touched by communication, ranging from marriage and family life, parenthood, study, leading people, resolving conflicts, and even measuring the quality of a man.

Communication goes into all spaces of human life and becomes the basis for the Malays in building their entire life activities together. The strong communication perspective of Malays can be proven by an abundant amount of Malay proverbs and idioms that explore communication.

Then who are these Malays with whom we are concerned with this communication? What is the terminology used to describe the Malays’ communication activities? What basic values become the core ideas of Malays’ communication? And what is the Malays’ opinion of how to communicate well? This paper attempts to answer the three fundamental questions by reviewing the content, meaning, interconnectivity, and implications of using Malay proverbs by Paremiological analysis.

Methods

The main sources of Malay proverbs in this study are: 1. *Ungkapan Melayu (Malay Expression)* with 3,450 *peribahasa* which will be abbreviated as UM [5], 2. *Kamus Peribahasa Melayu-Inggeris (Malay-English Dictionary of Proverbs)*, containing 1,320 *peribahasa* and will be cited as KPML, and 3. *7700 Peribahasa Indonesia* by Nur Arifin Chaniago and Bagas Pratama [6], with 7700 *peribahasa*

² URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Proverb> (accessed: 21.12.2021).

and will be quoted as PI. The first source is taken as the contents are complete and supported by a systematic explanation. The second source was chosen because of its comparisons with the English expressions, while the third source are books widely used in Indonesian schools and prepared based on the themes that are easy to follow.

Peribahasa/proverbs which are quoted will be cited according to the title-number system, for example, *Nan baik budi nan indah basa* ‘Kind and beautiful language’ (PI, 1710) or *Bercakap berlembut lidah, berbual bermanis muka* ‘Speak with a soft tongue, talk with a sweet face’ (UM, 1358) and *Bercakap siang mendengar-dengar, bercakap malam mendengar-dengar* ‘Talk during the day and listen, talk at night and listen’ (KPMI, 422). As a complement, the proverbs will also be taken from *Kamus Besar Bahasa Indonesia* [7] which contains hundreds of proverbs with comprehensive explanations and will be cited as KBBI. and the last reference that is used as the source of proverbs is *Kesantunan and Semangat Melayu* ‘Malay Politeness and Spirit’ [5], and will be abbreviated as KSM.

Quantitative data is concerned with numbers, whereas qualitative data is concerned with meanings. This has implications for analysis because we analyze meanings by conceptualizing them, but we analyze numbers by using statistics and mathematics. In qualitative research, like in quantitative research, such as ethnographies, researchers use theory as a general explanation. It could also be a theoretical lens or perspective that raises issues of gender, class, race, or a mix of these factors. A qualitative study’s endpoint, a developed theory, a pattern, or a generalization that develops inductively from data gathering and analysis are all examples of theory [8].

Qualitative analysis — methods for examining social research data without converting them to a numerical format [9]. The researcher used literature studies or can also be referred to as documentation analysis. This technique is an activity of analyzing documents in the form of writing. Research with data sources in the form of texts, books, newspapers, novels, advertisements, and so forth are materials that must be analyzed by the scholar [10]. The literature study conducted by the researcher is by collecting material from various references related to this research. The researcher took data sources from various books, journals both national and international journals, theses, and dissertations that mentioned Malay Communication Value.

The term Malay in this book refers to the ethnic group inhabiting Sumatra, Borneo (including Brunei Darussalam), Southern Thailand, Southern Philippines, The Malay Peninsula, and other small islands in the archipelago [4]. It is said in The New Encyclopaedia Britannica that the most important factor that becomes the easiest way to identify Malays is the Malay language or Malayo Polynesian. This language in Indonesia is used as a native language by over 20 million people while worldwide used this language as a native language by over 40 million speakers, especially in Indonesia, Malaysia, Singapore, Brunei, Southern Thailand, and the

southern Philippines. In the aforementioned four countries, the Malay language became the official language for a total of over 300 million speakers³.

Historically, the entire range of the Malay language used in various countries, especially in Indonesia, is rooted in three languages and the cultural center of the Malay kingdom of Sriwijaya, Melaka, and Riau-Johor [11]. According to Collin Malay language can be a *Lingua Franca* as supported by three factors namely [12]; (1) Malay is very easy to learn and has a simple grammatical structure; (2) The support of large kingdoms which have a strategic role in the trade such as Sriwijaya, Melaka, Aceh, and the Johor-Riau using Malay language as the language of government, and the last (3) is supported by the Dutch and British colonial administrations which requires the use of the local language in order to be able to communicate with the natives.

Although the evidence of the existence of the Malay language can be traced back to the seventh century AD, in terms of the use or presence of apparently new Malay proverbs can be traced back to the 16th century, especially the ones recorded in ancient texts such as the Malay Anal (Malay History) and text Aqaid al-Nasafi and also Hikayat Siak 18th century [13]. The systematic effort to explore the Malay proverbs using Paremiological approaches was made by British researchers in the 19th century for the purpose of exploring ways of thinking and behaving of the Malay in their daily lives.

After M. Klinkert was the first person who systematically analyzed the Malay proverbs in 1863 and successfully recorded 183 proverbs, ten years later, W.E. Maxwell did more serious research to understand the customs and way of life through the Malay proverb approach. Maxwell was able to collect 301 proverbs in his research⁴. The endeavor of exploring the property values through the Malay proverb was first performed by Dr. WG Shellabear printed in Jawi (Arabic term for Malays) and published in 1906 entitled *Kiliran Budi*. In 1934, Mr. E.S. Hose C.M.C. published a book entitled *Malay Proverbs*.

Shellabear and Hose's work was continued by [15] A.W. Hamilton who selected 215 of the most popular phrases in the community at that time. But half of the proverbs that were written by Hamilton and were not covered by Maxwell, such as the phrases *Bahasa tidak berjual beli* 'Language is not buying or selling' or 'Let the slow home safely'.

The collection of Malay proverbs conducted by Tenas Effendi (Indonesia) and Abdullah Hussain (Malaysia) themselves says that there are approximately four thousand Malay proverbs today [5]. More than four thousand proverbs are based on the results of the analysis conducted by the paremiologist, and there are 716 proverbs and expressions associated with the notion of communication.

³ URL: http://ms.wikipedia.org/wiki/Bahasa_Melayu (accessed: 13.09.2023).

⁴ URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1172_2009-10-30.html (accessed: 01.12.2024).

Results and Discussion

Terms and Concepts of Malay about Communication

The results of the research stated that in Malay language (see Table 1), communication concept is expressed in various terms such as *bercakap* ‘to talk’ as in the phrase *Bercakap tidak mengulum lidah* ‘Talking without sucking the tongue’ (UM, 1358), *berkata* ‘to say’ as in the phrase ‘elok kata dalam muafakat, buruk kata diluar mufakat’ ‘Beautiful words in the agreement, bad words out of agreement’ (UM, *berbual* (to chat) as in the phrase ‘*Berbual memakai akal*’ ‘To chat by reason/wit’, *bertutur* ‘to tell’ as revealed in the statement ‘*Bertutur sesuai alur*’ ‘To speak according to plot’, *berbicara* ‘to speak’ as in the example, ‘*Berbicara berkira-kira*’ ‘Speaking with calculation’, *berbincang* ‘to converse’, in the saying ‘*Berbincang berdada lapang*’ ‘To converse with tolerant’ (PI, 5697), and *basa* ‘behavior of communicating’ as in, or ‘*Nan baik budi nan indah basa*’ ‘Beautiful deed, beautiful language’ (PI, 1710).

Table 1

The Malays Words for Communication Concept

No	Categories	Numbers of peribahasa entries [7]	Numbers of peribahasa entries [3]	Numbers of peribahasa entries [8]
1	<i>Basa/bahasa</i>	14	4	14
2	<i>Bercakap</i>	39	6	20
3	<i>Berkata</i>	22	10	16
4	<i>Bertutur</i>	4	1	1
5	<i>Berbual</i>	10	0	2
6	<i>Berbicara</i>	4	3	0
7	<i>Berbincang</i>	2	0	4

Source: compiled by Anter V. Khadiz, Fitria Ayuningtyas, Valerii L. Muzykant

Beside the above terms, communication concept is also expressed through words related to behaviour of communication as well, such as; *Mendengar* ‘to hear’, *bermusyawarah* ‘to discuss’, *mufakat* ‘consensus’, *menggunting* ‘to cut’, *Bunyi* ‘sound’, *Tegur* ‘to greet’, *Selam* ‘to submerge’, *Tahu* ‘to know’, *Duduk* ‘to sit’, *Malu* ‘shame’, *Elok* ‘beautiful’, *Pandai* ‘brilliant’, *Retak* ‘crack’, *Contoh* ‘example’, *Khabar* ‘news’, *Kenal* ‘acknowledge’, *Kecek* ‘to talk’, *Jawaban* ‘answer’, *Kias* ‘analogy’, *Berani* ‘brave’, *Santun* ‘polite’, *Ajar* ‘teach’, *Diam* ‘silence’, *Nasihat* ‘advice’, *Pujian* ‘praise’, *Seloroh* ‘humor’, *Santan* ‘coconut milk’, *Perahu* ‘boat’, *Tong* ‘barrel’, *Air* ‘water’, *Angin* ‘wind’, *Api* ‘fire’, *Rumah* ‘house’, *Tanah* ‘land’, *Laut*, ‘sea’, *Arang* ‘coal’, *Muka* ‘face’, *Lidah* ‘tongue’, *Mulut* ‘mouth’, *Kulit* ‘skin’, *Rambut* ‘hair’, *Telinga* ‘ear’, *Bibir* ‘lips’, *Gigi* ‘teeth’, *Biduk* ‘canoe’, *Lading* ‘machete’, *sembilu* ‘knife’, *lahir* ‘birth’, *Kambing* ‘Goat’, *Tiung* ‘magpie’, *Tokek* ‘gecko’, *kerbau* ‘water buffalo’, *Anjing* ‘dog’, *Burung* ‘bird’, *Ayam* ‘chicken’, *tuah* ‘good luck’, *ketiak* ‘armphit’, *musuh* ‘enemy’, *usul* ‘propose’, *periuk* ‘pot’, and *sendok* ‘spoon’, *rebung* ‘bamboo shoots’, *tanduk* ‘horn’, *tebu* ‘cane’.

Among these words-related communications found in the Malay proverbs, *lidah* ‘tongue’ are on the top of the list with 50 entries, followed by *Lidah* ‘tongue’ with 50, *Muka* ‘face’ with 33, *Mulut* ‘mouth’ with 24, and Bibir ‘lips’, both with 4 entries. Besides the human body parts, animals like ayam ‘fowl’ with 7 entries, *Kerbau* ‘water buffalo’ with 5, and *Kambing* ‘goat’ with 3 entries are also frequently used to show human communication behavior and emotion. Parts of the human body used in the Malay proverbs are parts of the body that are directly related to human communication activities. Animals that were expressed in the proverbs were an important part of the Malay’s everyday life, especially in the past.

Altogether, there are 72 words that are related to communication activities and behavior. These words then formed 712 proverbs. Based on the results of the overall analysis of the proverb, thirteen intrinsic communication values include truthfulness, respect, cooperation, tolerance, understanding, adaptability, modesty, forgiveness, patience, trust, justice, prudence, and moderation.

These thirteen values (see Table 2), surprisingly, are also contained in the seven keywords that truly represent communication concepts, as stated earlier. The words are integrated into the Malays’ way of thinking about the essence of communication.

Among the seven words representing the concept and activity of communication is Basa, the most crucial word containing fundamental ideas about communication. *Basa* creates the core idea of communication based on the value of ‘*Budi*’ as suggested in a statement, ‘*elok budi basa sesuai*’ (good ‘*budi*’ or deed, good communication) (PI, 1715), or “*yang baik budi yang indah basa*”, or it can be summarized as ‘*budi basa*’ and ‘*basa nan empat*’. The word ‘*basa*’ also contains several ideas about communication such as *basa-basi* ‘small talk’ and ‘*basa nan empat*’ (In another proverb called ‘*Kata nan empat*’).

Table 2

The Communication Values contained in “The Seven Keywords”

Categories	Selected proverbs	Values (theme)
<i>Basa/bahasa</i>	<i>Elok Budi, basa sesuai</i> ‘good man speak well’ (PI, 1715)	Adaptability
	<i>Basa basi</i> ‘small talk’	Modesty
<i>Bercakap</i>	<i>Bercakap menggunakan adab</i> ‘speaking with manners’	Respect modesty
	<i>Bercakap lurus berkata benar</i> ‘straight talk telling the truth’	Truthfulness +Trust
<i>Berkata</i>	<i>Tertumbuk biduk dikelokan, tertumbuk kata dipikiri</i>	Prudence understanding
	<i>Seia sekata</i> ‘contentious’	Cooperation
	<i>Salah langkah kaki patah, salah kata minta maaf</i>	Forgiveness
<i>Bertutur</i>	<i>Bertutur menurut alur</i> ‘Telling with calculating’	Adaptability
<i>Berbual</i>	<i>Berbual memakai akal</i> ‘Converse by wit’	Understanding
<i>Berbicara</i>	<i>Berbicara berkira-kira</i> ‘Talking bu calculation’	Prudence
	<i>Santun berbicara tidak membawa cedera</i> ‘Polite talk is not carrying an injury’	Justice + Respect
	<i>Bercakap dibawah-bawah, tapi jangan kebawah sangat, nanti mati diinjak gajah</i> ‘To behave and speak necessarily and choose the middle path’	Moderation
<i>Berbincang</i>	<i>Berbincang berdada lapang</i> ‘Speak with a roomy chest’	Tolerance+ Patience

Source: compiled by Anter V. Khadiz, Fitria Ayuningtyas, Valerii L. Muzykant

The term ‘*Budi basa*’ in Malay culture shows how strong the connection between ‘base’ and ‘Budi’ is. ‘Basa’ and ‘budi’ are a unit. ‘Basa’ is an extension of ‘budi’. Favorable language or communication behavior is always relative to good-mannerism or ‘*berbudi*’. Based on this notion, it can be inferred that communication is an effort based on ‘*budi*’ instillment. Then, what is ‘*Budi*’?

Budi as a Core Value in Malay Communication

The concept of Budi is the core of the communication notion and belief system of the Malays. Kling and Kim Hui [16] as well as Lim; [17] stated ‘*Budi*’ as the core value of the Malays’ existence and identity. The development of the ‘*Budi Melayu*’ concept, according to Wan Husin, is strongly related to Islamic teachings as Islam is the Malay’s main religion [18].

Since the Malaccan Era in the 16th century, the concept of *Budi* has been Islamized and reconstructed to align with Islamic teaching. One of the most important developments of the values of *budi* is the emergence of the concept of ‘*Budi nan tiga*’, including *Budi diri* ‘*budi to the self*’, *Budi negeri* (*budi to the nation*), and *Budi Illahi* ‘*budi to the God*’ [5]. Sutan Takdir Alisyahbana stated that the concept of ‘*Budi as the core value*, which combines reasoning and feeling (emotion), allows humans to live in balance and harmony. Wan Husin postulated the definition of *Budi* as “a set of internal values that shape one’s mentality and personality.” This set of values plays an important role in guiding the Malays behavior and actions in developing good interpersonal and social relationships [18].

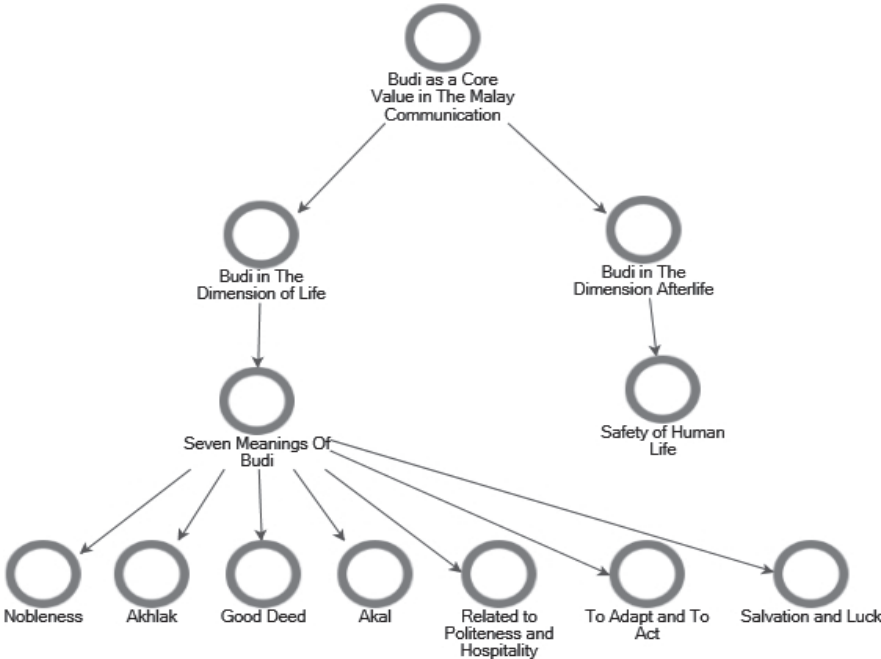

Fig. 1. Budi as a Core Value in Malay Communication
Source: Data was processed using NVIVO 12(2022).

In the Malay vocabulary of proverbs and idioms, *Budi* has seven meanings (Fig. 1); (1) nobleness, as in a saying “*Orang kaya bertabur harta, orang mulia bertabur budi*” ‘*The rich are abundant with wealth, the noble are abundant with budi*’; (2) ‘*akhlak*’, as in a proverb, “*budi elok perangai terpuji*” ‘*Good budi, good behavior*’ (PI, 1714); (3) good deed, as in a saying “*Bertanam budi*” /cultivating ‘*Budi*’ or kindness (PI, 1706), “*Membalas budi*” (Returning the favor) or “*Hancur badan dikandung tanah, Budi baik terkenang jua*” ‘*The body may decay, the deeds may not*’; (4) ‘*Akal*’ or wit, as in a saying “*Laut budi tepian akal*” ‘*One who is clever is witty*’; (5) related to politeness and hospitality, as in a saying, “*Budi elok basa setuju*” ‘*Good ‘budi’, good language*’; (6) to adapt and to act, as in a saying, “*Hidup kalau tak berbudi, ke mana pergi ke mari canggung*” ‘*One who misbehaves will have himself rejected wherever he goes*’; and the last is (7) salvation and luck as in a saying “*Tuah ayam pada sisiknya, tuah manusia pada budinya*” or “*Kurang budi teraba-raba, tiada ilmu suluh padam*” ‘*One who is uneducated will have an unfortunate life*’.

Budi has a prominent position in the Malay belief system not only in the dimension of the life of the world but also in the afterlife. The Malay proverb states ‘*Elok basa kan bekal hidup, elok budi kan bekal mati*’ ‘*Kind words for happiness in the world, good deeds for happiness in the afterlife*’ (PI, 2586). In that statement, ‘*basa*’ and ‘*Budi*’ are unitary values for the safety of human life. The Unity of ‘*Budi*’ and ‘*basa*’ increasingly visible in the unification of the two words are to be ‘*budi-basa*,’ which shows the interconnectivity of ‘*Budi*’ with the ‘*Basa*’ or communication.

The interrelatedness between *budi* and *basa* becomes more apparent, as in the saying, “*Budi baik basa sesuai*” or “*Nan baik budi nan indah basa*, ‘*A good ‘Budi’ equals to good language*’ (PI, 2591)” which emphasizes that good ‘*budi*’ is reflected on good ‘*Bahasa*’ ‘*Communication behavior*’ and vice versa.

From the above context, it is apparent that *Budi* is the platform of communication or *basa*. Communication is merely a representation of one’s internal values (*Budi*). It is a confirmation of what is already built in oneself. Therefore, to refine one’s communication, according to Malays’ belief system, is to refine one’s ‘*Budi*.’ With a refined ‘*Budi*,’ the ‘*Basa*’ ‘*Good communication*’ will be easier to apply.

The primary value of ‘*Kebudian*’ (*Good-mannerism*), which has wit and emotional aspects, taught that communication is in unity with wits and emotions. Separation will cause an imbalance in communication. When one solely employs his wit, he uses the truth criteria to define good communication. This can cause a situation where one assumes himself better than others in the name of truth, disregards or blames his communication partner straightforwardly, or humiliates his partner because the partner has difficulty understanding his message. When one solely exploits his emotions, he tends to speak illogically and nondescriptly. In this situation, one will become too emotional and only follow subjective emotions.

The primary value of *Kebudian* ‘Wisdom’ also taught that communication is cooperation in exchanging messages, and an expectation is neither a game nor a competition. The cooperation basis is represented into four communication basic terms, which are: *berkata*, *bercakap*, *berbual*, dan *bertutur*. On the word ‘*Berkata*’ or ‘*Bakato*’ is a result of four guidelines of communication, which are: ‘*Kato mandaki*’, ‘*Kato mandatar*’, ‘*Kato menurun*’, and ‘*Kato malereng*’.

Stemming on the term ‘*Kato*,’ there is another basic rule in Malay communication, ‘*Saiyo sakato*’ or ‘*Seia sekata*’ ‘Consentaneous’, which serves as the basis of communication as cooperation. The word *Bercakap* ‘to talk’ as in a saying, ‘*Bercakap tidak mengulum lidah*’ and ‘*Cakap siang melihat-lihat, cakap malam mendengar-dengar*’. The word produces the principles of precision, truth, and caution. The word ‘*Berbual*’ ‘to converse’ makes the concept of reasoning, stating that even in ‘social small talk’, one needs to be sensible and reasonable. Malay popular saying containing ‘*berbual*’ is “*Berbual memakai akal*’ ‘to think before speaking’. The word ‘*Bertutur*’ ‘to speak’ produces organized and systematically speaking behavior as in a proverb, ‘*Bertutur menurut alur*’ ‘To speak according to plot’.

The cooperation basis, which stands on ‘*Budi*,’ is as in the saying, “*Ada ubi ada talas, ada budi ada balas*” ‘Everything has a consequence’. This proverb is widely known in Indonesia and is considered an ordinary statement. The proverb contains many philosophical values which teach ‘*prinsip saling*’ ‘Mutual principle or reciprocal principle’ of instilling ‘*Budi*.’

To return a favor (*Balas budi*) is an act of virtue in Malay society. This principle is also emphasized in Malay’s way of life, which is based on cooperative acts, as in the following statement, “*Adat hidup balas membalas*” ‘Reciprocal way of life’ (PI, 70). This reciprocal principle is expressed in Malay’s *tunjuk ajar* ‘Teaching Values’, which is the basis for developing Malay values and identity. In Malay society, this principle is an effort to establish balance among humans to create harmony.

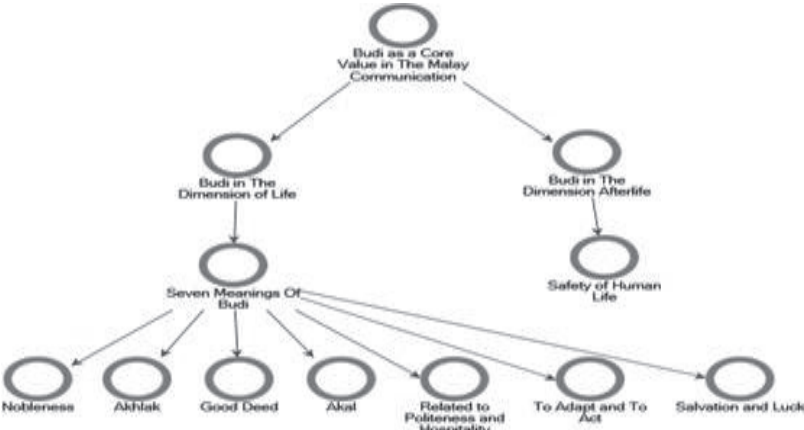

Fig. 2. Communication Principles in Malay Communication
Source: Data was processed using NVIVO 12(2022).

The Maxim of Good Communication of Malay

Based on the value of *Budi*, which emphasizes cooperation and the balance between wit and feeling, and the Malays' conception of communication, especially on the seven main terms of communication mentioned above, a communication that describes communicating values and norms in Malay society can be constructed (Fig. 2). From this point forward, the model will be called 'Budibasa's model of Communication'.

Righteous Communication Model

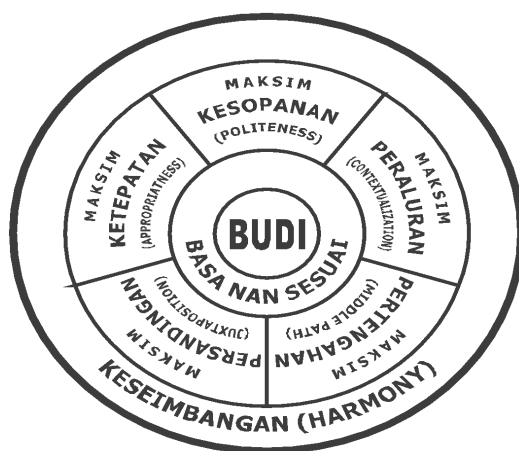

Fig. 3. Budibasa's Model of Communication
Source: Primary Data compiled by Researchers (2021).

The above model (Fig. 3) shows the inter-connection between the fundamental value of *Budi*, the intrinsic value of '*Basa sesuai*' and '*Keseimbangan*,' and communication principles (maxim), including the Juxtaposition maxim, Precision maxim, Courtesy maxim, Plotting maxim, and Moderation maxim.

Persandingan 'Juxtaposition' maxim states that communication is cooperation to juxtapose messages to develop a shared understanding more easily. Juxtaposition is not a competition where one aims to win a conversation, seek others' mistakes, or place oneself as the one who is truer or has more knowledge. Also, juxtaposition is not an action of mistreating others as competitors or subordinates who are not on par with us. In *persandingan* every party has an equal right to express themselves, as mentioned in proverbs '*Duduk bersanding lutut, tegak bersanding bahu*' (UM, 60).

Juxtaposition requires accommodative communication by developing two kinds of words: '*Seia sekata*' (Agreeable) and '*Kata nan empat*'.

The '*Seiya sekata*' norm means efforts to accommodate the other party's opinion by initiating a conversation with '*ia*' or '*iya*' to indicate that we take the other party's perspective to be juxtaposed with our perspective so that a common understanding can be built. In Malay terminology, this common understanding is called '*Kata*' to be '*Kata*,' it needs to be '*Seia*,' therefore '*Seia kata*.'

In the norm of '*Kata nan empat*' '*Four kinds of words*', communication accommodation is done by adjusting the content of a message according to the communication partner. There are four kinds of words: '*Kata mendaki*' '*Escalating word*' when the partner is older than the speaker, '*Kata mendatar*' '*Level word*' when the partner is at the same age as the speaker, '*Kata menurun*' '*Descending word*' when the partner is younger than the speaker, and '*Kata melereng*' '*Sloping word*' when the partner requires special treatment [19].

The second maxim is *Ketepatan* '*Precision and appropriateness*'. This principle strongly relates to the first principle stating that neither the truth nor the failure is all that matters. The purpose of communication is not to claim ourselves right and others wrong but instead to transfer the meaning of the message correctly. The Malays prefer the term *Tepat* '*Precise*' rather than '*Right*' in exchanging communication messages. The word *Tepat* for the Malays is viewed to be more thorough and productive in developing, more supportive, and complementing than the word '*Right*'.

The word *tepat* also means being cautious in communicating by checking the content of the message exchanged as stated in a proverb, "*Keruh air di hilir periksa di hulunya, dalam air dihulu periksa di muaranya*". The statement reminds us to analyze every event by investigating the scene and cause of an event. It is known in modern mass-communication principles as the concept of *Check and recheck*.

Ketepatan also related with *ketebukaan* '*Openness value*' as shown in a proverb '*Apa yang tersurat itulah yang tersirat*' (PI, 1390) and '*Bercakap tidak berselindung, bersedepan tidak berpaling*' (UM, 1384)' which mean people should try to speak openly in an appropriate way. The next is the Courtesy maxim. The Malays put courtesy virtually on top of all other matters. There are many Malay sayings emphasizing the importance of courtesy, among which is: "*Santun bertutur, berlidah lembut dan teratur*".

One of the essential communication concepts concerning courtesy is *Basa basi* (*Polite-talk norm*). The Malays widely use it as a social lubricant. Polite-talk expression is well-appreciated in Malay society for it has several rules. One of these is the word '*tak*', which is an introductory word. For example, a lady was on the terrace of her house and saw the uncle of her husband who walked by the house while the husband was not around. She greeted him, saying, "*Tak singgah kah pak cik?*" '*Wouldn't you stop by, Uncle?*' by putting the word '*tak*' in the beginning of the sentence; those who understand Malay customs would definitely say 'no'.

This courtesy principle is also linked to modesty, gentleness in speaking, willingness to apologize, and even non-verbal interactions such as kissing elders' back hands by those who are younger. Modesty is reflected in the saying, "*Bercakap berlembut lidah, berbual bermanis muka*" '*to speak*

humbly with a warm attitude' (UM, 330), whilst apology making is reflected in, "*Salah langkah kaki surut, salah kata minta maaf*" (*Apology whenever it is necessary*).

The fourth principle is *Peraluran* 'Contextualization and plotting'. One of the most popular proverbs regarding this maxim is "*Berbicara menurut alur*" '*Speaking in line with context and plot*'. The principle *Alur* in this paper can be described as the context, and the principle *Plot* is the direction of conversation or simply the rules or norms arranging a communication process. A conversation with a good *Alur* '*Context*' is viewed by the Malays as being flowing, clear, smooth, and pleasing. The Malays are encouraged to follow *Alur* '*Plot and context*' of a conversation and not to go out of it. When a conversation is conducted according to *Alur*, the speakers will be connected. Therefore, we will laugh when others laugh, console when others are in misfortune, or respond to others' greetings.

Plotting is also essential to interpret a message correctly. Interpretation of a message is based on many aspects, from context, experience, and custom to the content of the message. Misinterpretation in communication is fatal for the Malays as in a saying: "*Salah tangkap jadi rimu, salah tekad jadi hantu*" '*If one behaves out of norms or ability, he/she will be in hardship/it will come back to haunt him/her*'.

Ghosts are the worst of creatures in the eyes of the Malays and also represent *Badi*, the opposite of *Budi*. While *Budi* represents good influence, *Kamus Besar Bahasa Indonesia Badi* stands for 'Bad influence' (from deceased human and animal, sacred tree, etc.) [7]. The last is *Maksim pertengahan* '*Moderation maxim*', which prioritizes the nature of moderation or deficiency in carrying out matters. In the communication context, this principle is implemented on, for example, the amount of time of speech, the credibility of the message received, and how a person socializes.

Some of these maxims are "*Duduk pada yang patut, tegak pada yang layak*" (UM 320) dan *Kalau bercakap dibawah-bawah, tapi jangan ke bawah sangat, nanti mati diinjak gajah*" '*To behave and speak necessarily*' (PI, 1992). In Malay proverbs there are more than a hundred sayings using the word '*Terlalu*' 'Extravagant' such as "*Terlalu percaya kena perdaya*" (UM 2741) '*Don't take everything for granted*' or *terlalu garang kawan berkurang*' (UM 2756) '*Angry people have fewer friends*' [5].

In principle, the moderation maxim, along with the other maxims, are meant to educate the Malays to be selective in communicating, speaking with calculation, considering, and maintaining balance in the process of communication so that harmony can be achieved among humans. The most frequently used references with the meaning of Adaptability, Modesty, Prudence, Respect and Understanding are twice as much used in the Malay proverbs and idioms (Fig. 4).

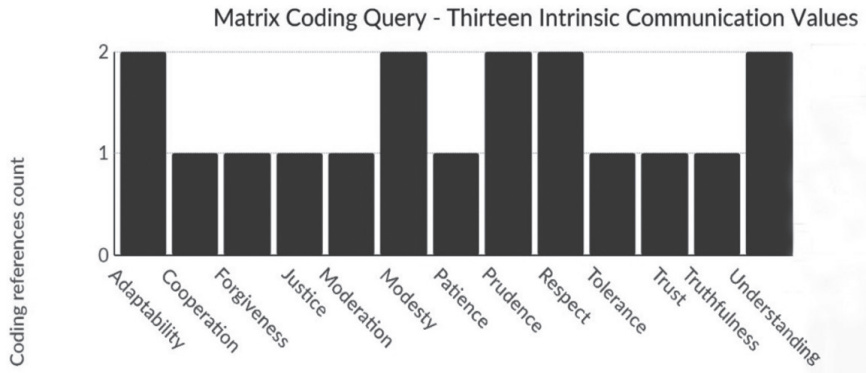

Fig. 4. Thirteen Intrinsic Communication Values
Source: Data was processed using NVIVO 12(2022).

Conclusions

Use of proverbs in the communication process is one of the main themes in the life of the Malay community that gets very high attention and interest. It was found out that proverbs talk about real life and provide guidance on appropriate behavior of practical life to live in harmony. The focus of researchers efforts is still given to the three cultural regions which use proverbs and saying common for Malaya communication tradition. Yet Asia is not only India, China, or the Middle East with their cultures laguage pequiliarities which concentrates a mxture of communication traditions from Filipino, Thai, Korean, Pakistani, regions leading to Budi systemn as a symbiose of used semantic valued Malay proverb. This paper explored the models, concepts and perspectives of Malay about communication based on the Malay cultural as proverbs and idioms. Communication is a culture-bound activity. Each culture has its perspective on communication. Hence, the approach used in this study is a scientific method called paremiological analysis which is normally used to explore the values or belief systems of society that are reflected in the society’s proverbs.

There are about 712 Malay proverbs related to communication activities and behavior were analyzed. In the whole all of these proverbs contain to some extant thirteen intrinsic communication values, including truthfulness, respect, cooperation, tolerance, understanding, adaptability, modesty, forgiveness, patience, trust, justice, prudence, and moderation. The most valuable for Malaya communication process proverbs and idioms as it is found with appealing to Adaptability, Modesty, Prudence, Respect and Understanding. Thee thirteen values can then be integrated into five maxims: the Persandingan maxim ‘Juxtaposition’, Ketepatan ‘Precision + appropriateness’, Kesantunan ‘Courtesy’, Peraluran ‘Plotting’, and Pertengahan ‘Moderation’ maxim. And all of these maxims lead to the core values called *Budi* or *Budibasa* which are the most desirable and expected values by Malay people. *Budi* as a prominent position in the Malay belief system not only in the dimension of the life of the world but

also in the afterlife aimed to educate the Malays to be selective in communicating, speaking with calculation, considering, and maintaining balance in the process of communication so that harmony can be achieved among humans. The one of the most frequent used Malay proverb states that kind words for happiness in the world, good deeds for happiness in the afterlife compile all unitary values for the safety living and harmony of human life.

References

1. Harnish, R. (1993). Communicating with Proverbs. *Journal of Communication and Cognition*, 26(3–4), 265–290.
2. Dundes, A. (2005). *Proverbs in Principle Is an Expression of a Philosophy of Life or World View of a Person or Group of People*. Logan: Western States Folklore Society.
3. Shamsuddin, A. (2007). *Kamus Peribahasa Melayu Inggeris*. Kuala Lumpur: PTS Professional Sdn. Bhd.
4. Istiyanto, B., Putri, K.Y.S., Muzykant, V.L., Siregar, A.M., & Khadiz, A.V. (2024). Barthes's Semiotic Approach to Media Reports: Indonesian Case. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 430–442. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-430-442> EDN: OULQIZ
5. Tenas, E. (2012). *Ungkapan Melayu: Pemahaman Dan Masalahnya*. Singapore: KGGMS.
6. Chaniago, N.A., & Pratama, B. (2007). *7700 Peribahasa Indonesia*. Bandung: Pustaka Setia.
7. Kamus besar bahasa Indonesia (2003). Pusat Bahasa Departemen Pendidikan Nasional Balai Pustaka.
8. Creswell, J.W. (2016). *Research Design : Pendekatan Metode Kualitatif, Kuantitatif Dan Campuran*. Yogyakarta: Pustaka Pelajar.
9. Babbie, E. (2011). *The Basics of Social Research*. Wadsworth.
10. Anshori, D. (2017). *Etnografi Komunikasi, Perspektif Bahasa*. Jakarta: Rajawali Press.
11. Hamidy, U. (2003). *Bahasa Melayu Dan Kreativitas Sastra Di Daerah Riau*. Pekanbaru: UNRI Press.
12. Collin, J.T. (2004). *Bahasa Melayu Bahasa Dunia: Sejarah Singkat*. Jakarta: Yayasan OBOR.
13. Asmah, Hj.O. (1991). *Bahasa Melayu Abad Ke 16; Satu Analisis Teks Berdasarkan Teks Melayu*. Kuala Lumpur: Dewan bahas dan Pustaka Malaysia.
14. Hamilton, A.W. (2010). *Malay Proverbs —Bidal Melayu*. Milward Press.
15. Zainal, K. (2016). *Sistem Nilai Tradisi Melayu / Sistem Kepercayaan Dan Keagamaan*. Kuala Lumpur: Dewan Budaya.
16. Kim, H.L. (2003). Budi as the Malay Mind: A Philosophical Study of Malay Ways of Reasoning and Emotion in Peribahasa. Hamburg: University of Hamburg Publ.
17. Husin, W., & Norhasniah, W. (2011). Budi Islam : Its Role in the Construction of Malay Identity in Malaysia. *Journal of Humanities and Social Sciences*, 1(12), 132–142.
18. Jandt, F.E. (2004). *An Introduction to Intercultural Communication*. Thousand Oaks: Sage Publications, Inc.

Information about the authors:

Anter Venus Khadiz, Dr.Sc. (Communication Science), Associate Professor, Associate Professor of the Communication Science, Faculty of Social and Political Sciences, Universitas Pembangunan Nasional Veteran Jakarta (№ 1, Jalan Raya Fatmawati, Pondok Labu, Selatan, Jakarta, Indonesia, 12450), Chancellor of Universitas Pembangunan Nasional Veteran Jakarta; *Research interests*: Campaign Management, Sustainability Communication, Media Educations, Lobbying and negotiations; *e-mail*: antar.venus@unpad.ac.id
ORCID: 0000-0002-1913-4055; Scopus ID: 57210436904.

Fitria Ayuningtyas, Associate Professor, Faculty of Social and Political Sciences, Universitas Pembangunan Nasional Veteran Jakarta, Indonesia ((№ 1, Jalan Raya Fatmawati, Pondok Labu, Selatan, Jakarta, Indonesia, 12450); *Research interests*: Crisis Communication, Intercultural Communication, and Health Communication; *e-mail*: fitria.irwanto@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0001-8039-0202; Scopus ID: 57209976300.

Valerii L. Muzykant, Dr.Sc. (Sociology), Ph.D. in Philology, Professor at the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: cognitive communication, branding communication, marketing management; *e-mail*: vmouzyka@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9422-351X; Researcher ID: 57194704701; SPIN-code: 4071-1550; Researcher ID: AAE-1181-2020.

Munadhil Abdul Muqsith, Associate Professor, Faculty of Social and Political Sciences, Universitas Pembangunan Nasional Veteran Jakarta (1, Jalan Raya Fatmawati, Pondok Labu, Selatan, Jakarta, Indonesia, 12450); *Research interests*: Digital Media and Society, Political Communication, Fake News; *e-mail*: munadhil@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0003-1525-0136; Scopus ID: 57216230258.

Сведения об авторах:

Антер Венус Хадиз, доктор коммуникационных наук, ректор, доцент кафедры коммуникационных наук факультета социальных и политических наук, Национальный университет развития ветеранов (12450, Индонезия, Джакарта, Джалан Рая Фатмавати № 1, Пондок Лабу); *научные интересы*: управление кампаниями, коммуникация в области устойчивого развития, медиаобразование, лоббирование и переговоры; *e-mail*: antar.venus@unpad.ac.id
ORCID: 0000-0002-1913-4055; Scopus ID: 57210436904.

Фитрия Аюнингтьяс, доцент кафедры коммуникационных наук факультета социальных и политических наук, Национальный университет развития ветеранов (12450, Индонезия, Джакарта, Джалан Рая Фатмавати № 1, Пондок Лабу); *научные интересы*: кризисная коммуникация, межкультурная коммуникация и медицинская коммуникация; *e-mail*: fitria.irwanto@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0001-8039-0202; Scopus ID: 57209976300.

Музыкант Валерий Леонидович, доктор социологических наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: когнитивные коммуникации, бренд-коммуникации, маркетинг-брендинг; *e-mail*: muzykant-vl@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9422-351X; Researcher ID: 57194704701; SPIN-код: 4071-1550; Researcher ID: AAE-1181-2020.

Мунадхил Абдул Мукситх, доцент кафедры коммуникационных наук факультета социальных и политических наук, Национальный университет развития ветеранов ветеранов (12450, Индонезия, Джакарта, Джалан Рая Фатмавати № 1, Пондок Лабу); *научные интересы*: Цифровые медиа и общество, Политическая коммуникация, Фейковые новости; *e-mail*: munadhil@upnvj.ac.id
ORCID: 0000-0003-1525-0136; Scopus ID: 57216230258.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-891-906

EDN: CPGIKZ

УДК 811.161.1'42:398.3

Научная статья / Research article

Когнитивно-дискурсивные характеристики речежанровых форм русских суеверий

А.В. Денисенко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ denisenko-av@rudn.ru

Аннотация. Феномен суеверия как коммуникативное явление в языковом сознании представляет собой сложное переплетение когнитивных процессов, дискурсивных практик и лингвокультурных особенностей. Суеверия отражают коллективный опыт народа, его мировоззрение и способы осмысления действительности. Таким образом, актуальность исследования детерминирована необходимостью комплексного осмысления феномена суеверия как жанровой разновидности прогностического дискурса, его функциональной роли в формировании национальной языковой картины мира и воздействия на коммуникативные практики в современных социокультурных условиях. Целью исследования является комплексное изучение суеверия как коммуникативного феномена, включающее характеристику его речежанровых форм, определение места в структуре прогностического дискурса, а также анализ механизмов формирования поведенческих моделей в разных социокультурных условиях. Исследование базируется на комплексном применении общенаучных методов анализа и синтеза, а также специальных методов лингвокультурологического анализа. На примере большого количества исследуемых русских суеверий автором доказывается доминирующая роль менталитета и этнокультурного влияния на процесс их возникновения и трансформации, а также манифестируется проявление древних магических установок поведения в современных интерпретациях. Перспективность данного направления исследования определяется его потенциалом в области углубленного понимания механизмов функционирования суеверных представлений в современном языковом сознании, а также их роли в формировании коммуникативных практик.

Ключевые слова: бытовая примета, прогностический дискурс, семантика, лингвокультурология

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.03.2025; дата приема в печать: 15.04.2025.

Для цитирования: Денисенко А.В. Когнитивно-дискурсивные характеристики речежанровых форм русских суеверий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 891–906. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-891-906>

© Денисенко А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Cognitive and Discursive Characteristics of Speech-Genre Forms of Russian Superstitions

Anastasia V. Denisenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ denisenko-av@rudn.ru

Abstract. Phenomenon of superstition is a communicative phenomenon in the linguistic consciousness, representing a complex interweaving of cognitive processes, discursive practices and linguacultural features. Superstitions reflect the collective experience of the people, their worldview and ways of comprehending reality. Thus, the relevance of the study is determined by the need for a comprehensive understanding of the phenomenon of superstition as a genre variety of predictive discourse, its functional role in the formation of the national linguistic picture of the world and its impact on communicative practices in modern socio-cultural conditions. The aim of the study is to comprehensively investigate superstition as a communicative phenomenon, including the characterization of its speech-genre forms, determination of its place in the structure of predictive discourse, as well as the analysis of the mechanisms of behavioral patterns formation in different socio-cultural conditions. The research is based on the complex application of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as special methods of linguacultural analysis. On the example of a large number of Russian superstitions under study, the author proves the dominant role of mentality and ethno-cultural influence on the process of their emergence and transformation, as well as manifests the manifestation of ancient magical behavioral patterns in modern interpretations. The results of the study can become a methodological basis for further scientific research in the field of linguacultural studies and ethnolinguistics, as well as contribute to a fuller understanding of the mechanisms of functioning of superstitious beliefs in modern linguistic consciousness. The prospectivity of this research direction is determined by its potential in the field of in-depth understanding of the mechanisms of functioning of superstitious representations in modern linguistic consciousness, as well as their role in the formation of communicative practices.

Keywords: household omen, predictive discourse, semantics, linguoculturology

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.03.2025; accepted: 15.04.2025.

For citation: Denisenko, A.V. (2025). Cognitive and Discursive Characteristics of Speech-Genre Forms of Russian Superstitions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 891–906. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-891-906>

Введение

Желание знать будущее и быть готовым к любому удару судьбы в настоящем появилось с самого зарождения цивилизации. Суеверие как коммуникативный феномен традиционно играл значимую роль, выполняя ряд важнейших функций, актуальных и в современном обществе. Суеверие, как один из способов освоения реальности и планирования развития событий будущего, прочно закрепилось в коллективном разуме и даже в условиях современности активно воздействует на сознание. Являясь частью народных примет, основная задача которых репрезентировать обиходное понимание связей между явлениями

и событиями, позволяющие прогнозировать будущее, суеверия или предрасудки имеют сходную функцию, но чаще воспринимаются отрицательно или с определенной долей скепсиса. В то же время в профессиональных сферах с высокой степенью риска и неопределенности, таких как спорт, военная служба и творческая деятельность, отмечается усиление роли суеверных представлений. В данных контекстах суеверия функционируют как компенсаторный механизм, выполняющий роль психологического буфера и способствующий формированию уверенности в успешном исходе деятельности.

В условиях современного социума суеверные представления выступают как инструмент сохранения культурной идентичности, что приобретает особую актуальность в контексте глобализационных процессов. Данные феномены способствуют формированию устойчивой связи между индивидом и традиционными культурными ценностями при одновременном интегрировании в глобальное социокультурное пространство.

Важно отметить, что суеверие функционирует как особый вид социального знания, передающегося через речевую коммуникацию и закрепленного в языковых формах, являясь частью более широкой системы прогностического дискурса, где рациональное и мистическое тесно переплетаются, создавая уникальную картину мира.

Постановка проблемы

Прочно укоренившись в сознании социума, суеверие является обширным полем для исследования его структурно-семантических особенностей, прогностической функции и роли в формировании коммуникативных практик. Возникает необходимость к изучению механизмов трансляции суеверных представлений в современном обществе, их способности к образному осмыслению ситуаций и функционированию в качестве регуляторов поведения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации знаний о суеверии с точки зрения его жанровой включенности в понятие прогностического дискурса, а также как элементе национальной языковой картины мира и его влиянии на формирование коммуникативных практик в современном обществе.

Когнитивно-дискурсивные характеристики речежанровых форм русских суеверий представляют собой сложное явление, включающее несколько ключевых аспектов: структура суеверных высказываний, когнитивные механизмы, дискурсивные особенности, речежанровые характеристики, функциональные аспекты, этнокультурные особенности.

Методы исследования

Цель исследования заключается в выявлении и описании основных характеристик суеверия как коммуникативного феномена, определении его места в системе прогностического дискурса и роли в формировании

поведенческих паттернов в различных социокультурных контекстах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к изучению суеверия как коммуникативного феномена; выявить основные структурные компоненты суеверных представлений; определить специфику функционирования суеверий в современном языковом сознании; исследовать механизмы трансляции суеверных представлений в различных коммуникативных контекстах; описать роль суеверий в формировании поведенческих паттернов.

Эмпирическую базу исследования составляют лексикографические источники, специализирующиеся на паремиологической фиксации примет и суеверий, а также релевантные материалы, размещенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Методология исследования базируется на комплексном применении общенаучных методов анализа и синтеза, а также специальных методов лингвокультурологического анализа, что обеспечивает репрезентативность полученных результатов.

Семиотика суеверия

В дискурсивной парадигме суеверия определяются как жанровая разновидность прогностического дискурса, интегральными характеристиками которого выступают рациональная прогностическая деятельность и мистическая интерпретация событийной действительности. Прогностический дискурс, с определенной степенью условности, предполагает такие коммуникативные практики, как благопожелания, проклятия, обещания, угрозы, программные заявления, планы, предсказания, метеорологические прогностические заключения, диагностические суждения и иные вербальные акты, ориентированные на проспективную временную модальность.

Лингвокультурологическое описание суеверных феноменов неоднократно становилось объектом исследовательского интереса филологов, при этом на протяжении длительного времени данное явление рассматривалось в синкретичном единстве с паремиологическими единицами, приметами, поверьями и прочими элементами народной культуры [1–3] Дифференциация суеверий как автономного феномена в системе паралингвистических явлений произошла лишь в конце XX — начале XXI в.

Особого внимания заслуживает полисемантичность самого понятия «суеверие», что манифестируется в его разноплановой дефиниции в лексикографических источниках, что обуславливает необходимость систематизации и концептуальной интеграции существующих определений данного феномена.

По В.И. Далю, суеверие — это «...ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу,

гадания, в приметы, знамения; вера в причину и следствие, где никакой причинной связи не видно»¹.

По И.А. Чергинец, суеверия — это «транслируемые культурной традицией вербализованные иррациональные компоненты обыденного сознания, в соответствии с которыми человек моделирует свое поведение». Автором отмечается, что анализируемое понятие характеризуется поликомпонентной структурой, детерминированной лингвистической картиной мира каждого этносоциума, что обуславливает его специфическую семантическую наполненность в контексте конкретной лингвокультурной общности [4. С. 84].

По Л.В. Киржановой, суеверие представляет собой комплексный семиотический конструкт индивидуальной когнитивной системы, детерминированный субъективной модальностью в рамках личности и характеризующийся наличием убеждений в отношении паранатуралистических феноменов, включая фольклорные поверья, магические практики, астрологические концепции и псевдодуховные доктрины [5. С. 8].

Таким образом суеверие представляет собой лингвистическую конструкцию прогностического характера, реализованную на синтаксическом уровне предложения и содержащую в себе ценностную ориентацию на сверхъестественное и трансцендентное.

Ключевой особенностью суеверия выступает присутствие причинно-следственной связи, устойчивой к рациональному обоснованию. Именно этот признак позволяет дифференцировать суеверие и примету, которая формируется на основе эмпирических наблюдений этноса и опирается на проверяемые факты [6. С. 63–67]. В парадигме традиционной лингвистики наблюдается отсутствие унифицированных критериев классификации суеверий, равно как и недостаточная степень разработанности проблематики жанровой специфики данных регулятивных коммуникативных практик.

Суеверные представления репрезентируют аксиологически значимые для индивида семантические доминанты, отражающие полиаспектную природу бытовой жизнедеятельности. В семантическое пространство суеверий интегрированы такие ключевые сферы человеческого существования, как трудовая деятельность, состояние здоровья, межличностное взаимодействие и интенциональная реализация желаний. Данная специфика демонстрирует ярко выраженный антропоцентрический принцип организации смыслового содержания суеверных представлений, что подтверждается их функциональной направленностью на решение экзистенциальных проблем человека.

Антропоцентричность выступает интегральной характеристикой суеверного сознания, определяющей его когнитивно-дискурсивную организацию и прагматическую направленность. В этом контексте суеверия могут

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 М., 1980. С. 357.

быть интерпретированы как комплексное ментальное образование, обусловленное потребностью человека в когнитивной и эмоциональной адаптации к окружающей действительности. Иначе говоря, суеверные представления функционируют как многоаспектный механизм смыслообразования, обеспечивающий когнитивную и эмоциональную регуляцию различных сфер человеческой жизнедеятельности.

Семиотическая природа суеверий заключается в том, что суеверия рассматриваются как знаки определенных ситуаций, которые позволяют увидеть отношения между реальными вещами. Суеверные приметы представляют собой сложные знаки, состоящие из двух частей: означающего (событийная часть) и означаемого (прогноз) [6; 7]. Тексты большинства суеверий, свойственных русской культуре, имеют двухчастную структуру. Отношения между этими частями определяют структурно-семиотические модели примет [8; 9].

По мнению С.В. Тугановой [10. С. 14–17], для суеверных примет характерны определенные бинарные семантические оппозиции:

- «локус — судьба»: *Если эта птица не вернется по весне на старое гнездо — там будет пожар, Птица в дом влетела — к беде, Птичка бьется в окно — к хорошим вестям, Свистеть в доме — плохая примета: все деньги просвиستیшь, Через порог ничего не принимать и не разговаривать: поссориться, либо дети немые будут* [11. С. 388, 424, 373];
- «время — судьба»: *Кукушка до Егория — к неурожаю и надежду скота, При заходе солнцем денег не считать, расчетов не сводить* [11. С. 235, 158];
- «действие — судьба»: *Зеркало разбить — к худу, его надо поскорее выбросить: нет ничего страшнее для людей, чем смотреться в разбитое, треснувшее зеркало, ибо можно черта увидеть, Поздороваться через порог — поссориться, Наступить на чужой след в дороге — к неудаче или ноги будут болеть* [11. С. 167, 373, 433];
- «образ действия — судьба»: *Если курица петухом поет — не к добру, Кто впервые услышит кукушкин голос на тощий желудок, тому год сулит несчастья, Кошка клубком — на мороз, Если кто-то чихает во время рассказа, это означает, что он говорит правду* [11. С. 240, 235, 225];
- «количество — судьба»: *Тринадцать — роковое число, Нельзя, чтобы за столом было тринадцать человек. Не садись тринадцатым². Приснившиеся цифры означают скуку и досаду; единица означает общество, два — сплетни, три — разговор о деле, четыре — тщетный труд, пять — сильный спор, шесть и больше — обман и ложь* [11. С. 492].

Исходя из четкой структуры бинарных семантических оппозиций в презентации суеверий, можно говорить о структурной оформленности как о ярко-выраженной речежанровой характеристике. Кроме того, что суеверные

² Мезенцев В.А. О суевериях всерьез. М. : Сов. Россия, 1989. С. 15.

приметы обладают клишированностью и контекстуальной устойчивостью, в них также часто присутствует рифма и образность: *Корова мычит — хозяин будет сердит, Пост — в рай мост!* [11. С. 219, 377]. Образное кодирование прогноза в суевериях напрямую влияет на выбор речевых средств, что проявляется в некоторых языковых особенностях. Использование метафорических образов: *Солнце в кругу — к снегу* — кругообразное сияние вокруг солнца символизирует грядущие осадки [11. С. 442]. Применение звукописи: *На Тихона солнце идет тише* — аллитерация подчеркивает плавность движения солнца [11. С. 443].

Многие суеверия основаны на метафорическом восприятии понятий «полнота» и «пустота». Например, встреча с человеком, несущим наполненные ведра, считается предвестником удачи, а пустые ведра предвещают неудачу: *Девка с полными ведрами попалась навстречу — к добру; с пустыми — к худу* [11. С. 60].

Также необходимо отметить, что для суеверий характерна вариативность, особенно в их прогностической части: *Чешется свинья — к теплу или к ненастью* [11. С. 424]. Подобная изменчивость в трактовках обусловлена ненаучным характером описания суеверий, исторически распространявшихся именно в устной форме.

В некоторых случаях бинарность суеверных примет можно дополнить и третьим компонентом: наряду с тематикой положения дел и ожидаемыми последствиями есть и гипотетическое объяснение причинно-следственных связей. Например, *Не начинай строить дом на старости лет, а то скорей умрешь* можно объяснить с практической точки зрения, поскольку на старости лет нет точной уверенности, будет ли возможность достроить дом. Или *Въехал в новый дом — потолок целый год белить не надо* [12. С. 62]. Данный этнографический феномен имеет рациональное обоснование, обусловленное конструктивными особенностями домостроения. В течение первого года эксплуатации происходит естественная усадка дома, что сопровождается деформацией потолочных конструкций. Данный процесс неизбежно приводит к нарушению целостности побелочного слоя потолка, вследствие чего возникает необходимость регулярной уборки образовавшейся пыли.

Формулировки суеверий как вида бытовых примет можно расширить, добавив предписание разрешения негативного результата и его исправление. Например, в русской лингвокультуре негативно расценивается ситуация со случайно просыпанной солью, что неизбежно приведет к ссоре или беде: *Соль просыпать — быть ссоре*; «во избежание этого нужно или рассмеяться, или дать себя ударить по лбу, или посыпать голову рассыпанной солью» [11. С. 444]. Обладая достаточными знаниями в области культурологии, не составит труда найти истолкование того или иного действия. В этнокультурной традиции соль занимает особое место как сакральный

объект, вокруг которого сформировалась сложная система символических значений и ритуальных практик. Феномен сакрализации соли обусловлен ее функциональной значимостью в различных культурных контекстах, что подтверждается наличием многочисленных суеверий и примет, связанных с этим продуктом.

Этнографические исследования фиксируют разнообразные представления о соли в различных культурных традициях. Примечательно, что этиологические объяснения суеверий, связанных с солью, демонстрируют столь же значительное разнообразие, как и сами суеверные практики.

Особого внимания заслуживает интерпретация символического значения соли в контексте религиозного искусства. На знаменитой фреске Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» присутствует композиционный элемент, изображающий Иуду, который опрокидывает солонку. Многие исследователи языка и культуры рассматривают данный художественный мотив как потенциальный источник формирования суеверных представлений о негативной символике рассыпанной соли.

Однако анализ исторических источников свидетельствует о более раннем включении соли в религиозно-ритуальную практику. В частности, в восточных культурных традициях соль выступала важным элементом церемониальных практик, в том числе использовалась при заключении союзов и договоров. Ритуал скрепления договора солью предполагал символическое действие, при котором участники соглашения вкушали соль из общей солонки, что свидетельствовало о серьезности их намерений и готовности к установлению доверительных отношений.

Таким образом, символическая значимость соли в культурной традиции формировалась на протяжении длительного исторического периода и была обусловлена как ее практической ценностью, так и символическим потенциалом, который находил отражение в различных культурных практиках и представлениях.

Как говорилось выше, в структуре суеверных представлений значительное место занимают прогностические дискурсивные практики, содержащие потенциальную семантику негативного исхода. Характерной особенностью таких когнитивных конструкторов является наличие компенсаторного поведения, направленного на нейтрализацию предполагаемого неблагоприятного воздействия и восстановление исходного состояния субъектов суеверного действия.

Данная компенсаторная модель реализуется через специфические ритуальные практики, которые, согласно суеверным представлениям, способны нивелировать негативное воздействие. Просыпав соль, рекомендуется собрать ее и бросить через плечо. Альтернативный вариант компенсаторного поведения характеризуется меньшей степенью ритуальной сложности и заключается в демонстративном проявлении смеха. При этом эффективность

коррективных действий не имеет эмпирического подтверждения, однако выполняет важную психологическую функцию в контексте преодоления когнитивного диссонанса и снижения тревожности, связанной с ожиданием негативных последствий.

Примечательно, что структура таких компенсаторных практик часто включает элементы архаических представлений, трансформированных в современном культурном контексте, что свидетельствует о сохранении базовых механизмов суеверного мышления при адаптации к современным социокультурным условиям. В сети Интернет можно найти множество аудиовизуальных материалов, представленных на популярных ресурсах и дающих исчерпывающую информацию о способах исправления неблагоприятного действия. Например, собрать соль с помощью пылесоса и отправить ее в систему водостока многоквартирного дома, предварительно растворив в воде, которая наделена сакральной энергией.

В дискурсивном плане суеверие можно классифицировать по тематическому признаку, выделяя при этом несколько способов его выражения.

По М.А. Кульковой, тематически суеверия разделяются на три основные группы: «погодные, или метеорологические приметы; сельскохозяйственные приметы; бытовые, или суеверные приметы» [13. С. 12–13]. Примером погодных суеверий могут служить следующие приметы: *Дым столбом — к морозу, Зимой сухо и холодно — летом сухо и жарко* [11. С. 145, 170]. Сельскохозяйственные приметы: *Коли на Сретенье капель, то будет урожай на пшеницу, Урожай на сосновые шишки — урожай на ячмень, На Благовещенье запрещается подметать в доме и особенно выбрасывать мусор на огород или в поле: от этого разводятся сорняки* [11. С. 451, 449, 42]. Бытовые суеверия: *Если волосы оставлять на полу, выметать их и топтать, будет болеть голова, появится ревматизм и другие тяжёлые болезни, Кто обрезает ногти во вторник и четверг, тот получает заусеницы на пальцах, В стакане или чашке чаинка плавает — к подарку* [11. С. 88, 307, 494].

По В.И. Карасику, в рамках дискурсивного анализа суеверных представлений выделяется комплексная структура народных примет, которая может манифестироваться в трех основных формах [14. С. 43]:

1. в виде запрета или предписания: *Не свисти в доме!, Нельзя зашивать на себе одежду;*
2. с дополнительным объяснением: *Нельзя свистеть в доме, потому что это привлечет нечистую силу, Нельзя зашивать на себе одежду — пришьешь память;*
3. с указанием на способ исправления: *Если посвистел в доме, нужно трижды обернуться вокруг себя, чтобы повернуть время вспять, Если пришлося зашивать одежду на себе — закрыть рот, прикусив нитку или язык* [11. С. 512].

Лингвокультурологические характеристики речевого жанра «суеверие»

При рассмотрении лингвокультурологических характеристик речевого жанра «суеверие» представляется целесообразным акцентировать внимание на национально-специфических особенностях менталитета и парадигме мистического осмысления реальности, имманентных русской этнокультурной традиции [15. С. 155]. Данная специфика детерминирована исторически сложившимися когнитивными установками русского народа и находит свое отражение в особенностях формирования и функционирования суеверных представлений.

В контексте лингвокультурологического анализа особое значение приобретает исследование механизмов мифологизации действительности, характерных для русского этноса, что позволяет выявить инвариантные черты национального мировосприятия и их отражение в системе суеверных представлений. При этом необходимо учитывать, что специфика мистического осмысления реальности в русской культурной традиции обуславливает особую модальность восприятия и интерпретации суеверных феноменов, что находит отражение в их вербализации и функциональной реализации в коммуникативном пространстве.

Таким образом, анализ культурологических характеристик речевого жанра *суеверие* требует комплексного рассмотрения в контексте национально-специфических особенностей менталитета и традиционной парадигмы осмысления действительности. С учетом этих аргументов представляется целесообразным рассмотреть феномен суеверий как значимого компонента традиционной ментальности [16. С. 133].

Тематически многие суеверия связаны с внешностью и здоровьем. В традиционной культуре существовала практика прогностической оценки человека, начинавшаяся с момента его появления на свет. Данная практика характеризовалась визуальной диагностикой новорожденных, включающей анализ морфологических особенностей, таких как черты лица и конституция тела.

При этом наблюдалась корреляция между определенными физическими признаками и прогнозируемыми жизненными характеристиками. Например, форма подбородка рассматривалась как индикатор потенциальной продолжительности жизни: острая форма ассоциировалась с ранней кончиной, а тупая — с крепким здоровьем и долголетием.

Современная физиогномика подтверждает наличие связи между определенными чертами лица и личностными характеристиками. Так, квадратный подбородок в сочетании с выраженными скулами рассматривается как признак мужественности, что коррелирует с традиционными представлениями о физическом идеале, воплощенном в образах русских богатырей былинного эпоса.

Особого внимания заслуживает феномен стигматизации редких фенотипических признаков. В частности, рыжеволосые люди подвергались социальным отрицаниям, что проявлялось в следующих культурных установках. Данная стигматизация нашла отражение в народном языковом сознании, что подтверждается сохранением многочисленных паремиологических единиц, содержащих негативную оценку рыжеволосых людей, например: *рыжий да красный — человек опасный, с черным баню не топи, с рыжим дружбу не води* [11. С. 88].

В системе русской народной культуры наблюдается феномен полисемантической суеверных представлений, что проявляется в наличии противоположных оценочных характеристик идентичных или схожих феноменов.

Анализ семантической структуры суеверных представлений позволяет выделить следующие категории:

1. Суеверия-антонимы, характеризующиеся антонимической оппозицией в интерпретации событий. Примером может служить противоположная оценка встречи свадебной (позитивная коннотация) и похоронной (негативная коннотация) процессов [12. С. 93].
2. Суеверия с пространственной маркировкой, где наблюдается бинарная оппозиция *правое/левое*. В традиционной картине мира происходит аксиологическая дифференциация пространственных характеристик, где *правое* наделяется позитивной семантикой, а *левое* — негативной. Это находит отражение в таких суеверных представлениях, как *жар в левом ухе* ‘неправду говорят’ и *жар в правом ухе* ‘хорошие разговоры о человеке’: Правое ухо горит — хвалят или правду говорят; левое — напраслину [11. С. 480].
3. Суеверия-омонимы, характеризующиеся полисемией действия с противоположным значением. Данный феномен проявляется в различной интерпретации схожих событий, например: *разбитое зеркало* (негативная коннотация) и *разбитая посуда* (позитивная коннотация) [11. С. 167].

Данная амбивалентность суеверных представлений может рассматриваться как проявление дуализма народного сознания, где одно и то же явление может получать противоположную оценку в зависимости от контекста и культурной интерпретации.

В традиционной культуре прогностический дискурс характеризуется выраженной аксиологической направленностью, где центральной категорией выступает концепт удачи. Функциональная организация данного дискурса включает: привлечение удачи и предупреждение о неудаче в результате определенных действий, а также оценку судьбы человека, что также является важной культурологической составляющей для русского менталитета с учетом огромного количества подобных суеверий. Например:

1. *На пиру посуда бьется — к счастью хозяина* — древняя примета, связанная с разбитой посудой, особенно на свадьбах по всему миру, включая Россию [11. С. 378].

2. *В понедельник расчетов не производят и денег в долг не дают, чтобы не таяли, как воск, в течение всей недели* — суеверие о финансовом благополучии [11. С. 124].
3. *Не клади пряслицы на стол — сорок грехов наживешь* — суеверие сакральности некоторых предметов домашнего обихода [11. С. 387].
4. *В сорочке родился — будешь счастливым* — суеверие о предопределенности судьбы человека [11. С. 407].

Во всех мировых культурах особое место занимают суеверия, коррелирующие с ключевыми этапами жизненного цикла человека. В структуре русского этнокультурного менталитета идентифицированы три фундаментальных переходных этапа: перинатальный период (беременность и роды), этап формирования брачных отношений (обручение и брак), терминальный период (смерть и погребальные ритуалы) [17. С. 109].

Трансформация индивида между различными социальными и биологическими состояниями концептуализируется как критический процесс, требующий имплементации специфических предохранительных мер. Эти предосторожности выражаются в виде суеверий дуалистической природы, носящих как предписывающий, так и запрещающий характер. Например, нельзя показывать новорожденного никому в течение 40 дней. Считается, что так можно избежать «сглаза»: *До шести недель ребенка нельзя показывать посторонним* — не то сглазят» [12. С. 21].

Этнографические исследования архаического периода русской культуры демонстрируют превалирование представлений о детерминации ключевых событий в жизни человека (рождения, смерти, заболеваний) влиянием темных, нечистых, загробных и вредоносных сил [18]. Особую значимость в традиционном сознании приобретали перинатальные и терминальные события, индуцирующие выраженный страх у суеверных представителей социума. В результате сформировалась комплексная система очистительных ритуалов, направленных на нейтрализацию предполагаемого влияния нечистой силы, что находит отражение в многочисленных этнографических описаниях и фольклорных источниках. Широко известна традиция, принятая в России, предписывающая занавешивать все зеркала в доме недавно умершего: *Зеркала в доме, где покойник, завешиваются, чтобы его душа не могла в них отразиться, а потом показываться оттуда, до смерти пугая живых* [11. С. 167]. Эти суеверия отражают древние славянские представления о необходимости проведения определенных ритуалов при похоронах для защиты живых от влияния мертвых и обеспечения благополучного перехода души умершего в загробный мир.

Как и любое явление, суеверия трансформируются, дополняются и появляются новые в соответствии с обстоятельствами жизни. Показательны в этом отношении новые современные суеверия, возникшие в реалиях настоящего времени на основе древних устаревших верований и прогностически

устремленные в будущее. Примером может служить традиционно свойственное ментальности русского человека желание быть успешным в трудовой деятельности, репрезентированное в современных суевериях офисного сотрудника. С порогом связано много суеверий, уходящих корнями в глубокую древность, но и сегодня на пути к кабинету директора обязательно нужно быть аккуратным, чтобы не споткнуться и не навлечь на себя беду [11. С. 148]. Кресло сотрудника, получившего повышение, считается хорошим знаком. В то же время нельзя садиться на место коллеги, которого недавно уволили, тогда того, кто в него сел, также ждет такая же судьба³.

Интересно, что многие современные суеверия смешиваются с технологическими реалиями: например, люди могут стучать по дереву и одновременно делать “три касания” по экрану телефона. Многие традиционные суеверия трансформируются под влиянием современности, приобретая новые формы.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что суеверие представляет собой сложную коммуникативную единицу прогностического дискурса, характеризующуюся специфической двухчастной структурой и особой функциональной направленностью.

Выявлено, что ключевым признаком суеверия является наличие каузальной связи, не поддающейся рационально-логической интерпретации, что определяет его место в системе наивного миропонимания и роль в формировании коммуникативных практик.

Проведенное исследование демонстрирует, что суеверные представления выполняют важную функцию построения простой картины мира, где основными компонентами выступают действия и предписания мистической направленности. При этом характерной особенностью суеверных практик является наличие компенсаторного поведения, направленного на нейтрализацию потенциального негативного воздействия.

Материалы исследования подтверждают гипотезу о доминирующем влиянии этнокультурного фактора и менталитета на формирование и трансформацию суеверных представлений, что проявляется в сохранении древних магических установок поведения в современных интерпретациях.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ключевые характеристики функционирования прогностических суеверий в коммуникативном пространстве.

Установлено, что прогностические суеверия представляют собой устойчивые когнитивно-коммуникативные конструкции, обладающие следующими существенными признаками:

³ Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YbmPp6B351Eku4IL?ysclid=m8oledcikg529542806> (дата обращения: 10.02.2024).

1. Трансляционная функция: осуществляется межпоколенная трансляция суеверных представлений как элемента культурной традиции с одновременным их обновлением в соответствии с особенностями каждой исторической эпохи.
2. Регулятивный потенциал: проявляется в способности суеверий выполнять функцию социального регулирования поведения индивида в ситуациях неопределенности и риска, а также в их роли как носителя значимых социокультурных норм и символов.
3. Полисемиотичность: характеризуется способностью суеверных представлений к приобретению дополнительных смысловых значений при сохранении исходной прогнозирующей функции, что обеспечивает их применимость в различных коммуникативных контекстах.
4. Проактивный характер: выражается в способности формировать предвосхищающий образ будущей ситуации на основе анализа существующих условий.
5. Психифеноменологическая природа: определяется способностью ожиданий от реализации прогностического суеверия детерминировать поведение человека и его восприятие реакций социального окружения, что может инициировать механизм самореализующегося пророчества.

Суеверия как речеганровые формы представляют собой сложное переплетение когнитивных процессов, дискурсивных практик и лингвокультурных особенностей. Они отражают коллективный опыт народа, его мировоззрение и способы осмысления действительности. В современном контексте происходит трансформация суеверных представлений, но их когнитивно-дискурсивная основа остается относительно стабильной, адаптируясь к новым условиям существования.

В современном обществе происходит переосмысление суеверных представлений, их адаптация к новым технологическим и социальным реалиям. При этом сохраняются основные когнитивные механизмы их функционирования, трансформируются лишь внешние формы выражения и контекст применения.

Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области лингвокультурологии и этнолингвистики, а также способствовать более глубокому пониманию механизмов функционирования суеверных представлений в современном языковом сознании.

Список литературы

1. Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // *Язык и культура*. 2012. № 2 (18). С. 5–14. EDN: OZLZVD
2. Иванова Н.Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006. EDN: NJXNIN

3. Дементьев В.В. Речеганровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2016. EDN: XEDXFV
4. Чергинец И.А. Лингвокультурный статус суеверий и предрассудков в русской лингвокультуре // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2(54). С. 83–87. EDN: JPJJPН
5. Киржанова Л.В. Психолого-педагогические условия формирования готовности студентов к преодолению суеверий: автореф. дис.... канд. психол. наук. Самара, 2005. EDN: NIEOAZ
6. Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–112. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95 EDN: UIGEUE
7. Мэнцзе Л. Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет // СИСП. 2023. Т. 15. № 1. С. 94–112. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112> EDN: GTMIJN
8. Страусов В. Н., Страусова С. К., Фролова А. В. Семантикофункциональные классы примет с бинарной оппозицией «часть—целое» // *Juvenis Scientia*. 2018. № 7. С. 14–17. EDN: XUNKHB
9. Страусов В.Н., Страусова С.К., Заврумов З.А., Акопянц А.М. Семиосфера и культурные коды примет // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 125–129. EDN: XXEXZD
10. Туганова С.В. Экзистенциальное понятие смерти в суеверном сознании // Филология и культура. 2011. № 1(23). С. 192–198. EDN: ZNBLGH
11. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1996.
12. Панкеев И.А., Панкеева Н.И. Тайны русских суеверий. М. : Олимп: Астрель: АСТ, 2007.
13. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис... д-ра филол. наук. Казань, 2011.
14. Карасик В.И. Речеганровые характеристики бытовых примет // Жанры речи. 2025. Т. 20. № 1(45). С. 41–50. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50> EDN: RDYYSB
15. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. / под ред. А.К. Байбурина. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 154–178.
16. Ломакина О.В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9(467). С. 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917> EDN: AXXQCL
17. Флигинских Е.Е. Обрядовые суеверия в культуре русского народа // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3(15). С. 109–112. EDN: RKSEXQ
18. Клопыжникова А.А. Структурно-функциональные особенности семейных обрядов древних россиян // Аналитика культурологии. 2010. № 2(17). С. 74–77. EDN: QZBHAZ

References

1. Agapova, N.A. (2012). A Key Word of a Folk Sign: Position, Properties, Specification. *Language and Culture*, 2 (18), 5–14. (In Russ.). EDN: OZLZVD
2. Ivanova, N.N. (2006). *Structural-Semantic Peculiarities and Linguocultural Potential of Omens* [PhD Thesis]. Veliky Novgorod. (In Russ.). EDN: NJXNIN
3. Dementyev, V.V. (2016). *Speech-Genre Communicative Values in New and Newest Spheres of Russian Speech*. [Monograph]. Saratov: Saratov State University publ. (In Russ.). EDN: XEDXFV
4. Cherginets, I.A. (2008). Linguocultural Status of Superstitions and Prejudices in Russian Linguoculture. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2(54), 83–87. (In Russ.). EDN: JPJJPН
5. Kirzhanova, L.V. (2005). *Psychological and Pedagogical Conditions of Formation of Students' Readiness to Overcome Superstitions* [PhD Thesis]. Samara. (In Russ.). EDN: NIEOAZ

6. Liang, M. (2022). Semiotic Approach to Studying Omens in the Russian Culture (Based on the Omens Related to Birds). *Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (1), 95–112. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_95 EDN: UIGEUE
7. Liang, Mengjien. (2023). Propositional Analysis as a Way of Re-vealing Underlying Cultural Meanings in the Text of Omens. *Modern Studies of Social Issues*, 15(1), 94–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112> EDN: GTMIJN
8. Strausov, V. N., Strausova, S. K., & Frolova, A. V. (2018). Semantic-functional Classes of Omens with the Binary Opposition “Part: Whole”. *Juvenis Scientia*, 7, 14–17. (In Russ.). EDN: XUNKHB
9. Strausov, V.N., Strausova, S.K., Zavrumov, Z.A., & Akopyants, A.M. (2020). Semiosphere and Cultural C. des of Superstitions. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 1, 125–129. (In Russ.). EDN: XXEXZD
10. Tuganova, S.V. (2011). Existencial Concept of Death in Superstitious Mind (based on Human-Oriented Popular Superstitions). *Philology and Culture*, 1(23), 192–198. (In Russ.). EDN: ZNBLGH
11. Grushko, E.A., & Medvedev, Yu.M. (1996). *Slovar 'russkikh sueverii, zaklinanii, primet i poverii* [Dictionary of Russian Superstitions, Spells, Omens and Beliefs]. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
12. Pankeev, I.A., & Pankeeva, N.I. (2007). *Tajny Russkikh Sueverij*. Moscow: Olimp: Astrel'. AST. (In Russ.).
13. Kulkova, M.A. (2011). *Cognitive and Semantic Space of the Folk Omen* [Doctoral Thesis]. Kazan. (In Russ.).
14. Karasik, V.I. (2025). Speech-genre Characteristics of Everyday Omens. *Speech Genres*, 1(45), 41–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50> EDN: RDYYSB
15. Tsivyan, T.V. (1985). Mythological programming of everyday life. In: *Ethnic stereotypes of behaviour*, Baiburin A.K. (Ed.) (pp. 154–178). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
16. Lomakina, O.V. (2022). Sign as a Text of Culture in the Light of the Study of the Languages of the Peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467), 133–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917> EDN: AXXQCL
17. Fliginskikh, E.E. (2014). Ritual Superstitions in the Culture of Russian People. *Vestnik Mari State University*, 3(15), 109–113. (In Russ.). EDN: RKSEXQ
18. Klopzyzhnikova, A.A. (2010). Strukturno-funkcional'nye osobennosti semejnyh obryadov drevnih rossiyan. *Analitika kul'turologii*, 2(17), 74–77. (In Russ.). EDN: QZBHAZ

Сведения об авторе:

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология медиалингвистика, дискурсология, стилистика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460, SPIN-код: 9567-3407; Scopus ID 57222036217, Researcher ID D-7770-2019.

Information about the author:

Anastasia V. Denisenko, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation); *Research interests*: linguoculturology mediallynguistics, discursology, stylistics, intercultural communication; *e-mail*: denisenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460, SPIN-code: 9567-3407; Scopus ID 57222036217, Researcher ID D-7770-2019.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-907-917

EDN: CKIKLX

UDC 811.111'373

Research article / Научная статья

Sensory Means of Expressing the Category of Health in the Novel “Ugly Swans” by A. and B. Strugatsky in English

Aleksandr S. Ptashkin

National Research Tomsk Polytechnic University, *Tomsk, Russian Federation*

✉ cognitionsience@tpu.ru

Abstract. The sensory linguistic means of expressing the category of health in the novel “Ugly Swans” by Arkady and Boris Strugatsky in the translation of Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky in English, are the subject of the study. The relevance of the research is determined by the rising interest of linguists and translators to the approaches of description of sensory means of expressing the semantic categories in the target language and a great demand of results for further systematization of lexical units of perceptual origin in the language under analysis. The aim of this article is to define the peculiarities of linguistic expression of sensory space of *health* in English. The source of material in the study was the novel “Ugly Swans” in the translation of A.S. Nakhimovsky and A. Nakhimovsky. Contextual and semantic analyses with the dictemic text theory are proposed to reveal visual, auditory, tactile, gustatory images in the translation of this work. The following results were received. The semantic structure of *health* implies the existence of two components: mental and physiological ones, each of them is given as the sensory space with a core, consisting of linguistic means in a neutral-bookish style, and peripheries of different origin: near periphery, including lexical units of informal style, and the interpretative one, consisting of the dictemes with the sensory health reference. The text of this work reveals the examples of a sensory tension and a shifting from one signal to another. The main sensory signals, which are frequently combined in text, are vision and hearing. These sensory images, which differ from the signals in the source text, are presented in the individual linguistic world-images of these translators.

Keywords: sensory space, dicteme, lexeme, collocation, phraseological unit

Funding: the research is carried out at National Research Tomsk Polytechnic University within the framework of Tomsk Polytechnic University Competitiveness Enhancement Program.

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

© Ptashkin A.S., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Ptashkin, A.S. (2025). Sensory Means of Expressing the Category of *HEALTH* in the Novel “Ugly Swans” by A. and B. Strugatsky in English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 907–917. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-907-917>

Сенсорные средства выражения категории HEALTH в повести «Гадкие Лебеди» А. и Б. Стругацких в английском языке

А.С. Пташкин

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск,
Российская Федерация
✉ cognitionscience@tpu.ru

Аннотация. Сенсорные средства выражения категории health в переводе романа Аркадия и Бориса Стругацких «Гадкие лебеди» на английский язык, выполненного Алисой Стоун Нахимовской и Александром Нахимовским, является предметом исследования. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом лингвистов и переводчиков к подходам описания сенсорных средств выражения семантических категорий в языке перевода и большой востребованностью результатов для дальнейшей систематизации сенсорных лексических единиц в изучаемом языке. Цель данной статьи — выявить особенности языкового выражения сенсорного пространства категории health в английском языке. Источником материала исследования послужил роман «Гадкие лебеди» в переводе А.С. Нахимовской и А. Нахимовского. Предлагаются контекстуальный и семантический анализы с учетом диктемной теории текста для выявления зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых образов при переводе данного произведения. В ходе исследования были получены следующие результаты. Семантическая структура категории health предполагает наличие двух компонентов: ментального и физиологического, каждый из которых представлен как сенсорное пространство с ядром, состоящим из лексических единиц нейтрально-книжного стиля, и периферией различного типа: ближней периферии, включающей лексические единицы неформального стиля, и интерпретационной, состоящей из диктем с указанием на сенсорное пространство категории health. В тексте произведения выявлены примеры сенсорного напряжения и переключения с одного сигнала на другой. Основными сенсорными сигналами, которые часто сочетаются в тексте, являются зрение и слух. Эти сенсорные образы, отличающиеся от сигналов исходного текста, представлены в индивидуальных языковых картинах мира данных переводчиков.

Ключевые слова: сенсорное пространство, диктема, лексема, словосочетание, фразеологическая единица

Финансирование: Исследование проводится в Национальном исследовательском Томском политехническом университете в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета.

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Ptashkin A.S. Sensory Means of Expressing the Category of *HEALTH* in the Novel “Ugly Swans” by A. and B. Strugatsky in English // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 907–917. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-907-917>

Introduction

Categories possess the perceptual basis with their features, structure and reference to objects [1. P. 29]. The perception is fundamental for both cognition and emotion, representing Abstract categories by key metaphors in language and etymology of naming basic emotions [2. P. 14]. Thus, the perceptual linguistics, as a separate discipline or in the boundaries of cognitive linguistics, is focused on the lexis, representing olfaction, vision, taste, hearing, tactition; their sensory tension and shifting. Such lexical units reflect emotions [3. P. 53–55]. These linguistic means are lexical units that have perceptual prototypes [4. P. 35; 5]. Moreover, they mean the so-called “triad”: concept — emotion — perception in the same proposition [2. P. 14; 5]. The multitude of lexical units with perception semantics of health is defined as “sensory space” similarly to “metaphorical space” offered by L.G. Babenko [6. P. 18]. Sensory meanings within the revealed thematic areas are considered as the components of the above-mentioned space, which is included into the cognitive structure of *health* in the novel “The Ugly Swans” by Arkady and Boris Strugatsky translated by Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky in English¹. The propositions with reference to the sensory space of *health* in the framework of the dictemic theory are analyzed [7. P. 77; 8. P. 65]. The theme of sensory linguistic expression of *health* has not been **covered** enough and it defined the **relevance** of this work. Thus, the **goal** of this work is to define the peculiarities of linguistic expression of sensory images within the category of health in the novel “Ugly Swans” by Arkady and Boris Strugatsky in the translation of Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky in English. The original of the text is also taken into account for the revealing of differences in the personal world-images of translators and writers² (ГЛ). The **object** of the study is the lexical units, which form the sensory space of *health* in this literary work. The **subject** of this study is the semantics of lexical units, expressing the category of health in this novel.

Materials and methods

The sensory lexical units, actualizing the meanings with reference to mental and physiological health, derived from the novel “Ugly Swans” by Arkady and Boris Strugatsky in the translation of Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky, were chosen as the **material** of this study (US). Contextual and semantic methods were used to identify the structural characteristics of the mental unit under study, forms and sensory linguistic means in the novel “The Ugly Swans” by A. and B. Strugatsky in English. Moreover, the dictemic theory was also applied. The dicteme is “the elementary unit of studying the speech expression

¹ hereinafter (US) — *Strugatsky A., Strugatsky B. The Ugly Swans. N.Y. : Collier Macmillan Publishing Co., Inc., 1980.*

² hereinafter (ГЛ) — *Стругацкий А., Стругацкий Б. Гадкие лебеди. М. : АСТ, 2021.*

of concepts in language” [9. P. 17]. Any proposition is a dicteme at the level of the text. Our cognition operates with propositions, which might be expressed by lexemes, collocations, several sentences or even a whole text. The sensory space of *health* in this novel is defined as the collection of dictemes, characterizing mental and physiological aberrations from the perceptual point of view [10. P. 484]. The structure of such space is analyzed as fields with the corresponding spheres, where the core and peripheries are distinguished [11. P. 10–34; 12; 13. P. 3].

The analysis of the material in this study presupposes the following stages: a. revealing the lexical units with reference to the sensory space of *health* in the text “The Ugly Swans” in English; b. distinguishing the components of the sensory space of *health* in English in this literary work.

Findings and Discussion

Categorization implies horizontal and vertical aspects [14. P. 132; 15. P. 101–111]. The vertical aspect includes various levels of categorization [16. P. 573]. The category of health has its own complex semantic structure where the core and peripheries are distinguished. Categories have the system of connections between each other [17. P. 35–36]. The category of health is included into the more Abstract category *deviation* [18. P. 49]. Mental and physiological components that characterize the sensory space of *health* are revealed. The fields of both components are polycentric. The core of the mental component includes linguistic means that belong to neutral-bookish style. They actualize the meanings that help to refer to the sensory space of *genius* and *anger*. Lexical units of neutral-bookish style, meaning *trauma*, *acquired disease*, *inborn anomaly* and *medical terms denoting physiological pathologies* form the sensory space of the physiological component. The near periphery includes the lexical units of informal style, denoting *inborn anomaly*. The interpretative sensory spaces of *genius*, *trauma*, *inborn anomaly* within these components of *health* are also defined. Thus, the sensory space implies mental and physiological components. It also contains the title of this literary work.

The title of this novel is the hyperdicteme, which implies the sensory motives from various perspectives. The adjective “ugly” refers more to the moral-ethical component here but it also includes the visual accent in the collocation “ugly swans”. This title generalizes the meaning that the so called mutant intellectuals or “slimies” try to educate children to understand the reality in a new way. As a result, it is also given with the visual-tactile signal because these “ugly swans” dealt with slimies constantly. Moreover, it actualizes the meaning “infant prodigies” within this context and relates to the positive deviation in mind — *genius*, but, on the other hand, it highlights the absence of respect among children for previous generations. It presupposes moral-ethical aspects. The collocation *ugly swans* refers to the sensory space of *genius* within the mental component of *health*.

The whole work is focused on the revelation of sensory images within the large dictemes fulfilled with emotions. For instance, Victor, the main character of the

story, and his ex-wife, Lola, are stunned by the behavior of their daughter, Irma, who is among that children of genius. Irma is always calm, she doesn't express her emotions but her words are cruel but extremely logical ones. The following dicteme reflects the idea of that specific genius of the child. She is callous and behaves like a computer: ... *Children don't talk like that. It's not even rudeness, it's cruelty, no, not even cruelty — she simply doesn't care... She made her calculations, completed her analysis, and duly communicated the results* (US). The whole dicteme refers to the interpretative sensory space of *genius*.

Lola made great efforts not to show her anger about the behavior of her daughter: ***Her face had broken out in red spots. Her red lips trembled as if she were about to cry, but of course she had no intention of crying; she was furious*** (US). This dicteme and the previous one refer to the visual accent, defining the inner emotions and the borderline condition of Lola about the changed behavior of her daughter: an anger and a strain on the nerves. The parts of the dicteme *her face had broken out in red spots, her red lips trembled, she was furious* and the verb *cry* refer to the sensory space of *anger*.

Victor called Irma a very strange child, analyzing her possibilities of thinking and saying like an adult. The lexeme *strange* includes the visual and auditory signals due to this context and refers to the sensory space of *genius*. Lola concludes that intellectuals, who are living in this town, are closer to Irma than anyone: ... *any slimy is a hundred times more important to her than I am* (US). In the translation by Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky the intellectuals, who settled in this town, are called slimies. The lexeme *slimy* is closer to the meanings of “clammy” or “oozy”: “covered with or look like a slime”. Such an idea is not observed in the original text, where these characters are more related to “wet” or “soggy” ones (ГЛ). Thus, the intellectuals are depicted in the target text due to the own world-image of translators in English. Sensory accents also change. The visual-tactile image was enriched with the sense of slime in the translation. The lexeme *slimy* is in the borderline position, referring to the sensory space of *inborn anomaly* — “clammy” — and *genius* — “intellectual”.

Visual accent predominates in the narration but there is specific case of such image. Victor compares Irma with any girl of his childhood. He revises the visual image of the standard girl at the age of twelve, who is a light-hearted person with sweets and tooth cavities caused by that sweets: ... *bad teeth* (US). The collocation *bad teeth* actualizes its direct meaning and refers to the sensory space of *acquired disease*. Even slight injuries are associated with the childhood of the young lady in the eyes of Victor: ... *scraped knees* (US). The collocation *scraped knees* includes the visual image and refers to the sensory space of *trauma*. He supposes that his kid is of high intelligence: ... I've got a *prodigy* on my hands (US). The lexeme *prodigy* was included into the sensory space of *genius* as the bright example, synonym to the primary word — *genius*. Leaving Lola alone, Victor chose the alley, lit a bit. It was pouring: ... *Rain drummed on his shoulders and the hood of his raincoat* (US).

The visual image is supported by the auditory-tactile signals through the verb *drum* in this dicteme. It is related to the general atmosphere of sensory tension in this dicteme, where Victor collides with the slimies. It is peculiar to note that these strangers influence the weather greatly. Since their arrival, the town changes. It rains every day because slimies can't live without it at all. Victor meets them by coincidence, noticing a skirmish in the alley. He saw the victim of that fight. The visual signal is the main one here. Victor identifies the slimy at once because the stranger looked like the *patient*: *It was a patient from the leprosarium* (US). The lexeme *leprosarium* also refers to the visual image included into the sensory space of *medical terms denoting physiological pathologies*. The lexeme *four-eyes* is an insulting one and belongs to informal style, denoting *inborn anomaly* because that intellectuals were slimy mutants from their childhood: *a "slimy," or "four-eyes" as they were sometimes called* (US). The rest of the dicteme is considered as the interpretative sensory space of *inborn anomaly* with the visual accent with metaphorical reference to the appearance of the person, who was probably sick: *... because of the yellow circles that rimmed their eyes like eyeglasses* (US). This slimy suffered from a certain disease: *The lower half of his face was completely covered by a black bandage* (US). This part of the dicteme with the visual signal was also included into the interpretative sensory space *inborn anomaly*.

Some of the contextual environments within this novel consist of the dictemes, where the sensory shifting is observed. For instance: *He was breathing heavily and painfully; vestiges of eyebrows were raised in a look of suffering* (US). The auditory signal is expressed by the collocation "breathing heavily and painfully", which indicates grave condition of the slimy and refers to the sensory space of *inborn anomaly*. This auditory accent shifts to the visual image. We observe that the slimy almost lost his eyebrows: *vestiges of ...* The lexeme *vestige* also refers to the sensory space of *inborn anomaly*. The verb *look* intensifies this visual signal and actualizes the meaning "an anguish of body." Moreover, this unknown slimy lost his hairs: *Water streamed down his bald head* (US). The collocation *bald head* has its direct meaning, refers to the sensory space of *inborn anomaly* with visual accent.

The following dicteme characterizes the semantic structure of *health* in the light of *traumas*. Someone attacked Victor from behind: *... something hit him in the back of the head* (US). The translators introduce the lexeme *hit*, which actualizes the meaning "strike with a blow." The source text includes an visual-auditory signals (*with crunch*), whereas the translation has only a visual image (*hit*). The next part of the dicteme is represented by the visual accent: *When he came to, he found himself lying face up under a drain pipe* (US). The phrase *come to* actualizes the meaning "come to consciousness." The sensory tension is included into this dicteme in order to highlight an unexpected attack and the bad condition of Victor: *Water was gushing into his mouth; it was warm and tasted rusty* (US). The left part of this dicteme includes visual, tactile signals (*gush into*). The right part implies tactile (*warm*) and gustatory (*tasted rusty*) accents.

The sensory tension coincides with emotional one, when the character comes to his life. The visual-auditory accent is occurred: *Spluttering and coughing, he moved away...* (US). The auditory signals are used to demonstrate the acquired trauma of Victor's head: *Bells, horns, and drums reverberated in his head* (US). The accent of hearing is limited by the verb *reverberate* in the translation of Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky, whereas the source text includes such verbs as *зудели и звенели* (ГЛ) (about the bells: here and further the translation of A.S. Ptashkin: bells tolled and rang), *трубили* (about the horns: horns blew), *били* (about the drums: drums beat). Suffering from that sounds, Victor noticed a face in front of him: *Through the noise, Victor...* (US). In the inner hierarchy of the sensory space of *trauma* within the category of health the lexeme *noise* is considered as the basic auditory mean of expressing it. Then Victor tried to identify that face; it was a well-known face of a kid. He knew him before the assault: *Before my jaws got smashed together* (US). The visual-auditory accent occurs, identifying the injury Victor suffered. The diceme actualizes the meaning “get a head injury as a result of a vigorous blow”, referring to the sensory space of *trauma*. The auditory accent predominates in the source text — *лязгнули челюсти* (ГЛ), which is closer to the meaning of the verb *clank*. The boy asked Victor about his condition: *I thought that you still hadn't regained consciousness* (US). The phraseological unit *regain consciousness* actualizes its direct meaning here; it also focuses on the idea that the kid didn't notice Victor being recovered from the blow. It can mean the absence of the sensory signal from the sight of the boy for a moment. The next diceme presupposes the sensory shifting from the tactile signal (*felt the back of his head, a lump*) to the visual ones (*no shattered bones, not even any blood*) through the logical conclusions of the character: *... felt the back of his head. There was a lump — nothing terrible, no shattered bones, not even any blood* (US). This trauma theme is also obvious in the dialogue between Victor and the boy: *Who got me? he asked, thoughtfully. Not you, I hope* (US). The verb *get* in this context actualizes the meaning “hit” and implies the tactile-visual accent.

The boy, named Bol-Kunats, asks Victor about his ability to control his body after this *trauma*: *Will you be able to walk by yourself, Mr. Banev?* (US). The visual image, including the modal phrase *be able to* and the verb *walk*, characterizes the whole diceme and defines the visual expectations of Bol-Kunats. He doubts that Banev can move.

Mr. Banev offers to take a breath after the attack: *... pull ourselves together* (US). The phraseological unit *pull together* is given with the meaning “get control of one's feelings”; it refers to the visual signal of the sensory space of *trauma*.

The next diceme shows us that Bol-Kunats was also drubbed: *Bol-Kunats wasn't completely all right either. There was a fresh gash on his cheek, and his upper lip was swollen and bleeding* (US). The lexical units of this diceme fully refer to the sensory space of *trauma*. The first part of the above-mentioned diceme

belongs to the interpretative sensory space of the same semantic origin. All of them are supported by the visual images.

Bol-Kunats notices that something is wrong with the face of Banev: ... *I don't like the way your face is twitching* (US). The lexeme *twitch* is presented by the meaning “make an uncontrolled movement.” This verb includes the tactile signal, which was caught not by the injured person but by his companion; it also refers to the sensory space of *trauma*. Victor doesn't believe and starts touching his face: *It wasn't twitching* (US). Then Victor decides to rise; his body doesn't want to work properly: *He pulled in his feet, which did not quite seem to belong to him* (US). The visual accent in this dicteme supports the idea of the physiological weakness of Banev after trauma. The second part of this dicteme intensifies the impression that he is thick at that moment: *He couldn't manage to shift his center of gravity; something was holding him back* (US). It also includes the visual image. Victor confirms that the hit was quite strong: *How did they do it? he thought. A good job, really* (US). He tries to define his condition and manages to control his body: *Victor had already unraveled the mysteries of his arms, his legs, his raincoat, and the orchestra under his skull* (US). The phraseological unit *unravel the mystery* actualizes the meaning “recover” and refers to the sensory space of *trauma*. The metaphor *mysteries of his arms, his legs, his raincoat* mostly defines the physiological component, whereas the second part *the orchestra under his skull* characterizes the mental one. The next fragment of the dicteme concludes that Victor doesn't feel well, he needs time to recover to the full extend: *At first he had to support himself against the wall...* (US). The main sensory signal now is the visual one; it is under the support of the tactile image. The whole dicteme refers to the interpretative sensory space of *trauma*.

The dicteme with the direct speech of Banev reveals that he was dragged, being unconscious: *So you pulled me over here...* (US). The phrasal verb *pull over* includes the visual accent accompanied by the tactile image. This verb belongs to neutral-bookish style. As mentioned above, the boy also got injuries in this fight: *Bol-Kunats was carefully stroking his cut with a wet hand* (US). The tactile accent is included into the verb *stroke*, the adverb *carefully*, and the collocation *wet hand*. The visual image is also observed in the whole dicteme. The noun *cut* has its direct meaning “scratch” and can be included into the sensory space: *trauma*. The visual accent is also supported in this dialogue, denoting the loss of consciousness: *Was I here by myself?* (US). The primary verb *hit* is accompanied by the verb *get* with the meaning “suffer an injury” in the following dicteme: *I saw someone hit you... I was lying there because they got me even before they got you* (US). The verbs *see*, *hit*, *lie*, *get* refer to the visual signal in the sensory space of *trauma* of the category of health.

Thus, the sensory space possesses the complex semantic structure with the corresponding central and peripheral elements within the category of health in the

novel “The Ugly Swans” by Arkady and Boris Strugatsky translated by Alice Stone Nakhimovsky and Alexander Nakhimovsky in English. Visual and auditory signals dominate among sensory images within this narration.

Conclusions

The sensory space of *health* is mostly characterized by the presence of linguistic means of neutral-bookish style, which form the core of this mental unit. The sensory space of mental health was considered as the combination of two elements: *genius, anger*; the sensory space of the physiological component was defined as the complex with: a. lexical units in neutral-bookish style, meaning *trauma, acquired disease, inborn anomaly*, and b. *medical terms denoting physiological pathologies*. The lexis of informal style is occurred in the direct speech between the characters. As mentioned above, such means form the near periphery within the sensory space of *inborn anomaly*. The interpretative sensory space was revealed within the context of this novel and defined both components in the category of health: *genius, trauma, inborn anomaly*. Most of dictemes, characterizing the interpretative sensory space of health, are represented by metaphors with the corresponding sensory signals.

The main sensory images in this narration are visual accents. The peculiarity of the text “Ugly Swans” is the presence of sensory tension and shifting, where tactile, auditory, gustatory signals are observed. The tactile image is combined with the visual accent and functions as the secondary nomination in most examples, for instance, the sensory tension: auditory-tactile signals. It is the central accent in the combination of tactile-gustatory images in the revealed context. Nevertheless, the sensory shifting from the tactile image to the visual one was detected (*felt the back of his head...*). One of the main sensory signals after the visual one is an auditory image. It can function as the secondary or the first accent, meaning the perceptual shifting. It is also combined with the tactile ones. Gustatory signals were only defined in the context with the tactile accents. The olfactory images were not revealed.

Defining the differences between the source and target texts in reflecting the sensory signals was not the main task of this work but it highlighted the peculiarities of the linguistic worldview of translators.

Sources / источники

- US — *Strugatsky A., Strugatsky B. The Ugly Swans*. N.Y. : Collier Macmillan Publishing Co., Inc., 1980.
ГЛ — *Стругацкий А., Стругацкий Б. Гадкие лебеди*. М. : АСТ, 2021.

References

1. Karasik, V.I., & Kitanina E.A. (2024). Symbolization of Desert in Linguistic Consciousness. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 29–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-29-37> EDN: HJUUFZ
2. Kharchenko, V.K. (2012). *Linguosensorics: Fundamental and Applied Aspects*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).

3. Nagornaya, A.V. (2017). *Linguosensorics as the Perspective Direction of Modern Linguistic Studies*. Moscow: RAN INION. (In Russ.). EDN: ZXBAFF
4. Shakhovskiy, V.I. (2008). *The Linguistic Theory of Emotions*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
5. Koshelev, A.D. (2015). *Cognitive Analysis of Universal Concepts*. Moscow: Rykopolisnie pamaytniki Drevnej Rusi. (In Russ.).
6. Babenko, L.G., & Romanova, M.A. (2024). The Feeling of Love in the Metaphorical Space of the Russian Language: Core Mappings and Models. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 17–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-17-28> EDN: OEDSID
7. Blokh, M.Ya. (2014). The Semantic Space of the Dicteme in the Text of the Fairy-Tale. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3(22), 74–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.9> EDN: TESVHP
8. Asratjan, Z.D. (2020). *The Meaning-Forming Role of the Dicteme in a Literary Text*. Moscow: MPGU. (In Russ.). EDN: XNHFRF
9. Blokh, M.Ya., & Kashtanova I.I. (2011). The Problem of the Discourse Expression of the Concept. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Linguistics*, 2, 14–18. EDN: XNHFRF
10. Vandevoorde, L. (2020). *Semantic Differences in Translation: Exploring the Field of Inchoativity*. Berlin: Language Science Press.
11. Evans, V. (2019). *Cognitive Linguistics: A Complete Guide*. Edinburgh: Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.1515/9781474405232>
12. Ptashkin, A.S. (2021). The Category of Deviation in the Novel the Master and Margarita by Mikhail Bulgakov. *SAGE Open*, 11(3), 1–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.1177/21582440211032670> EDN: SIUEPB
13. Ptashkin, A.S. (2024). Sensorics of the Means of Expressing the Category of “HEALTH” in the Scottish Fairy-tale about the Three Men of Glen Nevis. *Cognitive Studies of Language*, 2–2(58), 484–487. (In Russ.). EDN: RXFWHT
14. Boldyrev, N. (2021). *Cognitive Semantics*. Tambov: Derzhavinskiy (In Russ.).
15. Skrebцова, T.G. (2018). *Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches*. Moscow: Izdatel'skiy dom ASK (In Russ.).
16. Rosch, E.H., & Mervis, C.B. (1975). Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories. *Cognitive Psychology*, 7(4), 573–605. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90024-9](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90024-9)
17. Petrenko, V.F. (1988). *Psychosemantics of Cognition*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.). EDN: SBSKAR
18. Ptashkin, A.S. (2011). Peculiarities of the Structure and Expression of the Legal-Regulatory Component in the Deviation Category (In the English Language). *Tomsk State Pedagogical State University Bulletin*, 9(111), 49–52. (In Russ.). EDN: OJKIMV

Список литературы

1. Карасик В.И., Китанина Э.А. Символизация пустыни в языковом сознании // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 29–37. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-29-37> EDN: HJUUFZ
2. Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.
3. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. М. : РАН ИНИОН, 2017. EDN: ZXBAFF
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008.
5. Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2015.
6. Бабенко Л.Г., Романова М.А. Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-17-28> EDN: OEDSID

7. Блох М.Я. Семантическое пространство диктемы в тексте фольклорной сказки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 3(22). С. 74–84. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.9> EDN: TESVHP
8. Асратян З.Д. Смыслообразующая роль диктемы в художественном тексте. М. : МПГУ, 2020. EDN: XNHFRF
9. Блох М.Я., Каушанова И.И. Проблема дискурсного выражения концепта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 14–18. EDN: XNHFRF
10. Vandevoorde L. *Semantic differences in translation: Exploring the field of inchoativity*. Berlin : Language Science Press, 2020.
11. Evans V. *Cognitive linguistics: A complete guide*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019. <https://doi.org/10.1515/9781474405232>
12. Ptashkin A.S. The Category of Deviation in the Novel the Master and Margarita by Mikhail Bulgakov // SAGE Open. 2021. № 11(3). P. 1–9. <https://doi.org/10.1177/21582440211032670> EDN: SIUEPB
13. Пташкин А.С. Сенсорика средств выражения категории «HEALTH» в шотландской сказке о трех зеленых троллях из Глен Невиса // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2(58). С. 484–487. EDN: RXFWHT
14. Болдырев Н. Когнитивная семантика. Тамбов : Державинский, 2021.
15. Скребицова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М. : Издательский дом ЯСК, 2018.
16. Rosch E.H., Mervis C.B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7. Iss. 4. P. 573–605. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90024-9](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90024-9)
17. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М. : Издательство Московского университета, 1988. EDN: SBSKAR
18. Пташкин А.С. Структура и средства выражения нормативно-правовой составляющей категории девиации (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 9(111). С. 49–52. EDN: OJKIMV

Information about the author:

Aleksandr S. Ptashkin, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages School of Social Sciences, National Research Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., Tomsk, Russian Federation, 634050); *Research interests*: cognitive studies, pragmatics and semantics; *e-mail*: cognitionsience@tpu.ru
ORCID: 0000-0002-5668-2384, ResearchID: I-6904-2015; Scopus Author ID: 55938985600, SPIN- code: 7764–5243, AuthorID: 514594.

Сведения об авторе:

Пташкин Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент отделения иностранных языков (ОИЯ) Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (634050, Российская Федерация, г. Томск, Проспект Ленина, д. 30); *научные интересы*: когнитивные исследования, семантика и прагматика; *e-mail*: cognitionsience@tpu.ru
ORCID: 0000-0002-5668-2384, ResearchID: I-6904-2015; Scopus Author ID: 55938985600, SPIN-код: 7764-5243, AuthorID: 514594.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-918-931

EDN: CJEBLE

УДК 811.133.1:811.161.1:35:651.926

Научная статья / Research article

Сравнительный анализ переводов на французский и русский языки военного устава И.Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß»

А.А. Терещук

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*
✉ san_petersburgo@inbox.ru

Аннотация. Текст военного устава «Kriegskunst zu Fuß» немецкого военного теоретика И.Я. фон Вальгаузена впервые опубликованный в 1615 г., получил широкое распространение в Европе и был переведен на нидерландский, русский и французский языки. В статье впервые в отечественном и зарубежном языкознании проводится сравнительный анализ русского и французского переводов «Kriegskunst zu Fuß». Были сопоставлены русский текст, опубликованный в 1647 г. в Москве, и французский, напечатанный в 1615 г. во Франкере (Нидерланды). В работе использовались лингвоисточниковедческий, количественный, описательный и сравнительно-сопоставительный методы анализа. В ходе проведенного исследования была выявлена высокая степень соответствия русского и французского текста оригиналу. Сравнение двух версий устава позволило подтвердить ранее выдвинутую гипотезу К.Ш. Станга о том, что русский переводчик работал не с немецким оригиналом, а с переводом на нидерландский язык. Отмечается ряд случаев, в которых русская версия более точно передает оригинальный текст, чем французская. В то же время в области перевода военной терминологии отмечается более высокая точность французского текста. Делается вывод, что при переводе на оба языка была использована сходная стратегия передачи многочисленных латинских слов и выражений, включенных в оригинал. Показывается, что автор французского перевода обладал более высоким уровнем лингвокультурологической компетенции; в то же время переводчик русского текста допустил ряд ошибок, обусловленных низким уровнем знаний античной истории.

Ключевые слова: история русского языка, XVII век, французский язык, перевод, Вальгаузен, латинизмы

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века».

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 18.04.2025; дата приема в печать: 15.05.2025.

© Терещук А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Терещук А.А. Сравнительный анализ переводов на французский и русский языки военного устава И.Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 918–931. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-918-931>

Comparative Analysis of French and Russian Translations of J.J. von Wallhausen’s Military Charter “Kriegskunst zu Fuß”

Andrei A. Tereshchuk

Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ san_petersburgo@inbox.ru

Abstract. The text of the military charter “Kriegskunst zu Fuß” by the German military theorist J.J. von Wallhausen first published in 1615, was widely distributed in Europe. The charter of J.J. von Wallhausen was translated into Dutch, Russian, and French. In the article, for the first time in Russian and international linguistics, a comparative analysis of the Russian and French translations of “Kriegskunst zu Fuß” is carried out. The Russian text published in 1647 in Moscow and the French text printed in 1615 in Franeker were compared. The work used linguistic source studies, quantitative, descriptive, and comparative-contrastive methods of analysis. The degree of correspondence of the Russian and French texts to the original was revealed. A comparison of the two versions of the charter confirmed the hypothesis of Ch.S. Stang that the Russian translator worked not with the German original, but with the translation into Dutch. A number of cases are noted in which the Russian version conveys the original text more accurately than the French one. At the same time, in the area of translation of military terminology, a higher accuracy is noted for the French text. It is concluded that when translating into both languages, a similar strategy was used to convey numerous Latin words and expressions included in the original. It is shown that the author of the French translation had a higher level of linguacultural competence; at the same time, the translator of the Russian text made a number of mistakes due to his low level of knowledge of ancient history.

Keywords: history of Russian language, 17th century, French language, translation, Wallhausen, Latinisms

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00776, «The language of Russian military regulations of the 17th century».

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 18.04.2025; accepted: 15.05.2025.

For citation: Tereshchuk, A.A., (2025). Comparative Analysis of French and Russian Translations of J.J. von Wallhausen’s Military Charter “Kriegskunst zu Fuß”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 918–931. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-918-931>

Введение

Одним из актуальных направлений в современной русистике является изучение языковых особенностей военных уставов и регламентов XVII–XVIII вв. (из последних работ на данную тематику отметим: [1–9]). В этот период, как указывает Т.С. Садова, отмечается последовательный процесс «поиска нормы деловой коммуникации, отвечающей прагматике конкретного

жанра» [4. С. 10]. Русская культура XVII—XVIII вв. имела переходный характер и испытывала сильное влияние Западной Европы [10. С. 297]; культурно-языковые изменения находили отражение в официально-деловом стиле, который характеризовался «значительной новизной используемых речевых средств» [5. С. 180].

Особенный интерес для исследования представляет военный устав «Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» (далее — «Учение»), опубликованный в 1647 г. на Московском печатном дворе¹. Хотя в середине XIX в. историками высказывались ошибочные предположения, что данный текст представляет собой «перевод устава Карла V-го с весьма незначительными переделками» [11. С. 29] или переложение на русский язык военного трактата Л. Фронспергера [12. С. 185], в XX в. у специалистов не осталось сомнений, что «Учение» — это точный перевод военного устава И.Я. фон Вальгаузена (J.J. von Wallhausen; далее — Вальгаузен) «Kriegskunst zu Fuß», впервые напечатанного в 1615 г. в Оппенхайме. Автор русского перевода при этом неизвестен [13. С. 106]. В середине прошлого столетия П.П. Епифанов с сожалением отмечал, что «военный устав царя Алексея Михайловича совсем забыт не только “гражданскими”, но и военными историками» [14. С. 77]. В последующие годы эта ситуация изменилась. Сам П.П. Епифанов проанализировал значение «Учения» для развития военного дела в России. Кроме того, в нашей стране появилось несколько работ, обращающихся к изучению языковых особенностей данного текста [15; 16]. Практически одновременно в Осло К.Ш. Стангом была выпущена монография, посвященная языку «Учения». Норвежский лингвист высказал предположение, что перевод устава Вальгаузена на русский язык осуществлялся не с немецкого оригинала, а с нидерландского (голландского) перевода, опубликованного в 1617 г. в Арнеме [17. Р. 7]. Впоследствии как языковые особенности «Учения», так и значение этого устава для развития военной науки в России отмечались в целом ряде исследований [18. Р. 189; 19. С. 113; 20. S. 159; 21].

Трактат И.Я. фон Вальгаузена был опубликован в разгар т.н. «военной революции» в Европе (относительно споров о военной революции см.: [22. Р. 1–7]). Одной из ее особенностей стала систематизация подготовки личного состава с опорой на уставы, которые подробно описывали все тонкости военной службы [23. Р. 85]. Закономерно, что «Kriegskunst zu Fuß», который в деталях показывал процесс обучения солдат сложным тактическим маневрам и обращению с оружием, получил широкое распространение в Европе. Известно, что помимо переводов на нидерландский и русский языки в 1615 г., одновременно с немецким оригиналом, была опубликована

¹ В настоящей работе было использовано издание 1904 г., сохранившее орфографию и пунктуацию оригинала. Оно отличается от текста XVII в. только заменой церковнославянского шрифта гражданским. Кроме того, при цитировании «Учения» мы указываем современную разбивку русских слов; например, вместо *онаучении* мы пишем *о научении*.

французская версия устава. Д. Пэррот пишет, что первый перевод на французский язык был напечатан в Оппенхайме (как и немецкий текст) [24. Р. 27], однако на титульном листе издания в качестве места публикации указан город Франекер в Нидерландах. В 1630 г. трактат был переиздан на французском языке, но опять не в самой Франции, а в Леувардене. Интересно, что обе французские версии трактата выпущены в провинции Фрисландия, в городах, расположенных в 15 км друг от друга.

Фрисландия участвовала в Нидерландской войне за независимость против Испании. Можно предположить, что необходимость перевода устава И.Я. фон Вальгаузена на французский язык была обусловлена тем, что в голландской армии в начале XVII в. служило большое количество французских гугенотов, спасавшихся от политических преследований у себя на Родине [25. Р. 174]. Появление во Фрисландии французских военных, собиравшихся сражаться против католиков (испанцев), но плохо владевших нидерландским языком, могло быть одной из причин перевода устава И.Я. фон Вальгаузена на французский. При этом французская версия устава была, конечно, известна и во Франции: как показывает Л. Стайано-Дэниелс, текст И.Я. фон Вальгаузена играл важную роль в военной науке во всей Западной Европе [23]. Кроме того, сам факт издания книги на французском языке в Республике Соединенных провинций не является удивительным: в XVII в. в Нидерландах выпускалось большое количество франкоязычной литературы; более того, некоторые из нововведений во французской орфографии были сначала приняты нидерландскими печатниками, а только потом попали во Францию [26. С. 424].

Методология и материал исследования

Ранее ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании не предпринимались попытки сопоставить французский и русский переводы устава И.Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß». Французский и русский переводы текста И.Я. фон Вальгаузена появились в сходном культурно-историческом контексте: они были опубликованы незадолго до начала процесса языковой кодификации и постепенного формирования языковой нормы во Франции и России. В Париже в 1635 г. кардиналом Ришелье была создана Французская академия, которая занялась регламентацией языка [26. С. 407–408]. В свою очередь русский язык середины XVII в. испытывал влияние модернизированной западноевропейской речевой культуры, которое способствовало петровским реформам, пытавшимся «приблизить речевой ритуал к практике европейской речевой коммуникации» [27. С. 38].

В настоящей статье, используя лингвистикоисторический, количественный, описательный и сравнительно-сопоставительный методы анализа, мы обращаемся к сравнению русского текста «Учения», опубликованного в 1647 г. на Московском печатном дворе, и французского перевода, выпущенного

в 1615 г. во Франекере под названием «*L'art militaire pour l'infanterie*». Как известно, в работах в области переводоведения исследователи обычно сопоставляют «лексику различных языков в оригинальном тексте и тексте перевода» [28. С. 542]; соответственно, французскую и русскую версию текста И.Я. фон Вальгаузена мы соотносим с немецким оригиналом 1615 г., опубликованным в Оппенхайме, и переводом на нидерландский язык, который был выпущен в 1617 г. в Арнеме под названием «*Krychs-konst te voet*»². В ходе проведения исследования мы выявляем степень соответствия русского и французского текста оригиналу; анализируем перевод на русский и французский языки военной терминологии; рассматриваем передачу на русском и французском языках латинских слов и выражений, которые часто встречаются в немецком оригинале; сравниваем уровень лингвокультурологической компетенции у переводчиков русского и французского текста.

Результаты исследования

Как было показано в результате последних исследований, при переводе на русский язык другого важного военного трактата XVI–XVII вв. — «Воинской книги» Л. Фронспергера (1607 г.) — переводчики выпустили целые куски оригинального текста, в том числе содержавшие различные технологические указания [1. С. 61–62]. Авторы русского и французского переводов «*Kriegskunst zu Fuß*» более ответственно подошли к своей задаче и сократили только отдельные, малозначащие фрагменты оригинального текста. Представляет интерес «Посвящение» Морицу Нассаускому, штатгальтеру Голландии в 1585–1625 гг., присутствующее во французском тексте в самом начале книги и подписанное Й.Т. де Бри, издателем из Оппенхайма, выпустившим немецкий оригинал. Под «Посвящением» стоит дата: 30 августа 1615 г., а в его тексте указывается, что французская версия устава представляет собой перевод с немецкого языка. «Посвящение» отсутствует в нидерландском и русском переводах, а в немецком оригинале оно полностью отличается от французской версии. Более того, «Посвящение» в немецком тексте подписано самим И.Я. фон Вальгаузенем, а не его издателем.

Другое расхождение между русским и французским версиями представляет больший интерес, потому что помогает в установлении текста, с которого выполнен перевод, что, как писал Д.С. Лихачев, является «одной из самых трудных проблем в изучении переводных произведений» [30. С. 414]. В русском тексте сразу после «Предисловія къ добродѣтельному читателю» начинается первая книга «о наученіи какъ салдатомъ оружіемъ владѣти»³. Во французской версии

² Проводя аналогию с известным методом Л.А. Становой, используемым для изучения истории французского языка [29. С. 81], нашу методологию можно определить как исследование «по горизонтали».

³ Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 16.

между этими двумя разделами идет короткое обращение к читателю («Аму Lectevr») с указанием на некоторые ошибки в иллюстрациях. Этот фрагмент представляет собой сокращенный перевод раздела «Errata» («Опечатки») из немецкого текста. В нидерландской версии данный раздел отсутствует. Таким образом, сопоставление различных переводов трактата И.Я. фон Вальгаузена подтверждает идею К.Ш. Станга о том, что русский текст «Учения» представляет собой перевод нидерландской версии трактата, а не немецкого оригинала (хотя в некоторых работах русский текст сопоставляется с немецким: [15; 16]). Кроме того, из «Предисловія къ добродѣтельному читателю» во французской версии выпущены первые полторы страницы оригинального текста, содержащие развернутую метафору о «рудоконном деле»⁴.

Как уже отмечалось в научной литературе, качество перевода текста Вальгаузена на русский язык было очень высоким [21. Р. 8]. В некоторых фрагментах русский перевод более точно передает оригинальный текст, чем французская версия. Например, нем. *vierechtigte Ordnung*⁵, нидер. *vierkantighe Ordeninghe*⁶ правильно переведено на русский язык как *четверугольное ополчение*⁷; во франц. *une autre façon d'esquadrón*⁸, то есть «другое построение боевого порядка». Нем. *Baumöl*⁹, нидер. *boom-olie*¹⁰ переведено на русский как *деревянное масло*¹¹, то есть самое дешевое оливковое масло, которое использовалось в первую очередь в технических целях. На французском языке этот термин передан как *huile d'olive*¹², то есть просто «оливковое масло». Отметим и удачный перевод на русский лексемы *Eydbrechiren*, которая встречается в немецком тексте И.Я. фон Вальгаузена¹³ и, по всей видимости, является гапаксом¹⁴. Во французском тексте это слово напечатано готическим шрифтом и оставлено без перевода¹⁵. Данная лексема переведана на нидерландский как *eedt-breken*¹⁶, то есть произошла субстан-

⁴ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 1–3.

⁵ Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim : De Bry, Gallerus, 1615. Р. 84.

⁶ Wallhausen J.J. Krychs-konst te voet. Arnem, 1617. Р. 63.

⁷ Нидер. *ordeninghe* (совр. *ordering*), нем. *Ordnung* («порядок, строй») чаще всего переводились в «Учении» как «полк»; в отдельных случаях также: «ополчение». Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 157.

⁸ Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim : De Bry, Gallerus, 1615. Р. 89.

⁹ Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim : De Bry, Gallerus, 1615. Р. 33.

¹⁰ Wallhausen J.J. Krychs-konst te voet. Arnem, 1617. Р. 26.

¹¹ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 77.

¹² Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. Р. 36.

¹³ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 19.

¹⁴ От нем. *Eid* («клятва») и *brechen* («ломать»).

¹⁵ Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. Р. 36.

¹⁶ Wallhausen J.J. Krychs-konst te voet. Arnem, 1617. Р. 15.

тивация глагольного выражения *eedt breken* (в современной нидерландской орфографии конечная буква «t» в слове *eed* отпала), «нарушить присягу»¹⁷. Соответственно, у русского переводчика, опиравшегося на нидерландский текст, данное выражение не вызвало затруднений, и он передал его как *клятва преступити* [31. С. 51].

Впрочем, в ряде случаев можно отметить и преимущества французско-го перевода по сравнению с русским. Эти преимущества касаются передачи немецкой военной терминологии¹⁸. Нем. *Wagenburg* («вагенбург, укрепление из повозок»; досл.: «город повозок»)¹⁹ переведено на французский язык как *boulevard des chariots*²⁰. Переводчик использовал лексему *boulevard*, отсутствующую в современном языке, но фиксируемую в словарях XVII в. и представляющую собой заимствование из нидер. *bolwerk* («укрепление»)²¹. Таким образом, нем. *Wagenburg* переведен на французский как «укрепление из повозок». В нидерландском переводе использована лексема *wagenbosch* (досл. «лес повозок»; в современном нидерландском языке данный вид укреплений называется *wagenburcht*, то есть «укрепление из повозок»)²². Русский переводчик мог употребить немецкое заимствование *вагенбург* или лексему *гуляй-город*, но вместо этого использовал сложный описательный оборот: (1) *Станъ свой усебя имѣющими телѣгами какъ есть городомъ укрѣпитися*²³.

Можно выделить еще несколько примеров более удачного перевода на французский язык военной терминологии. Нем. *Abrichtung*²⁴, нидер. *africhtinghe*²⁵ (совр. *africhting*) переведено на русский как *(глава) о на-учении*²⁶, хотя более точным был бы перевод *муштра* или *дрессировка*. Во французском тексте использован термин *dressement*²⁷. Данные приме-

¹⁷ Уже в конце XVII в. выражение *eedt breken* (в два слова) было зафиксировано в Большом французско-фламандском словаре Ж.-Л. Д'Арси и переведено как *rompre & fausser son serment* («нарушить и преступить свою присягу») (*D'Arcy J.-L. Le Grand dictionnaire françois-flaman. Amsterdam : Abraham Wolfgang, 1694.*).

¹⁸ Что закономерно, потому что во французском языке, в отличие от русского, уже к XVI в. складывается научная терминологическая система [26. С. 397–402].

¹⁹ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 147.

²⁰ *Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. P. 144.*

²¹ *D'Arcy J.-L. Le Grand dictionnaire françois-flaman. Amsterdam : Abraham Wolfgang, 1694.*

²² *Wallhausen J.J. Krychs-konst te voet. Arnem, 1617. P. 109.*

²³ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 274.

²⁴ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 1.

²⁵ *Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. P. 1.*

²⁶ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 16.

²⁷ *Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. P. 1.*

ры едва ли могут привести к непониманию, но в одном случае неточное употребление военной лексики русским переводчиком привело к искажению смысла. Нем. (*Corpus von Spiessen*)²⁸ переведено на французский язык как *piques*²⁹, а в нидерландском тексте использована лексема *spiessen*³⁰. В этих трех версиях мы встречаем метонимическое наименование солдата по его основному вооружению — пике (о пикинерах начала XVII в.)³¹. В русском тексте использована лексема *копейщики*³². Проблема заключается в том, что в данном случае речь идет о пехоте (собственно говоря, весь устав Вальгаузена посвящен действиям пехоты). В России XVII в. копейщики — это один из видов конницы, в то время как пехотинцев, вооруженных копьями, называли пикинерами [19. С. 55–56].

Отдельным вопросом в сравнении переводов труда И.Я. фон Вальгаузена является проблема передачи латинских слов и выражений. Количественный анализ показал, что в немецкой версии устава встречается 321 лексическая единица из латинского языка, которые употребляются в общей сложности 1234 раза. В то время как остальной текст набран готическим шрифтом, латинизмы (а также некоторое количество иностранных слов из французского, испанского и итальянского языков) напечатаны латинским (прямым) шрифтом. Они представляют собой либо отдельные слова, либо отдельные фразы, в том числе ряд цитат из трактата римского историка Вегеция «О военном деле» («*De re militari*»), пользовавшегося большой популярностью в Европе XVII в. [24. Р. 25]. Само по себе употребление некоторого количества латинских слов или сокращений было распространенным явлением в текстах немецких военных трактатов в XVII в. [32. Р. 149–150]. При переводе на нидерландский язык число латинизмов сократилось: в нидерландском издании осталась 121 лексема, которые употребляются 210 раз.

Переводчики на русский и французский язык решили избрать сходную стратегию работы с латинизмами. В отличие от немецкой и нидерландской версий, в русской и французской латинизмы никак не маркированы типографически; кроме того, они переведены на соответствующие языки. Например, И.Я. фон Вальгаузен приводит крылатую фразу: (2) *Veritas enim odium parit* («Истина рождает ненависть») на латыни³³. Во француз-

²⁸ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 82.

²⁹ Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. Р. 86.

³⁰ Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. Р. 61.

³¹ (см.: [31. Р. 103–105]).

³² Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 152.

³³ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 14.

ском тексте она переведена дословно: (3) *Verité engendre haine*³⁴; в русском переводе: (4) *Правдѣ нигдѣ мѣста нѣтъ*³⁵.

Исключение латинских фрагментов текста из французской версии (и значительное снижение их количества в нидерландской) могло быть продиктовано политическими причинами. XVI–XVII вв. — это период религиозных войн между католиками и протестантами в Западной Европе. Латынь была официальным языком Католической церкви. Можно предположить, что гугеноты в голландской армии, целевая аудитория перевода труда Вальгаузена, негативно относились к латыни, поэтому при подготовке французской версии текста латинские вставки были переведены. Единственная категория маркированных в немецкой версии латинизмов, которые остались во французском переводе, — это имена собственные, некоторые из которых, однако, были переданы во французской орфографии. Например, лат. *Alexandro Magno*³⁶ — *Alexandre le grand* (*sic, со строчной буквы*)³⁷.

Аналогичную стратегию перевода избрал и анонимный автор русского текста. Конечно, в первой половине XVII в. среди образованной части русского общества было широко распространено знание латинского языка [33. С. 38], однако отношение к использованию латинизмов в русских текстах было сложным. Одна часть интеллектуальной элиты выступала против использования иностранных заимствований³⁸; другая — активно включала их в русскоязычные тексты. В переводе «Воинской книги» Л. Фронспергера было использовано большое количество латинизмов; в некоторых случаях переводчики передавали немецкие термины на латинском языке [1. С. 57]. При переводе труда Вальгаузена все маркированные в нидерландской версии латинизмы были переведены на русский язык, за исключением четырех лексем³⁹. В отдельных случаях переводчик записывал кириллицей латинское слово и давал его русский эквивалент: (5) *Cie слова война, въ латынскомъ языкѣ именуется белумъ*⁴⁰.

Работа с уставом И.Я. фон Вальгаузена требовала от переводчиков знания не только военного искусства, но и античной истории. Помимо ссылок

³⁴ *Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. P. 15.*

³⁵ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 41.

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ *Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. P. 14.*

³⁸ «Не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не бегу о красноречии и не унижаю своего языка русскаго», — писал лидер старообрядцев протопоп Аввакум (Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. С. 78).

³⁹ Латинские имена собственные были даны кириллицей.

⁴⁰ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 20.

на уже упоминавшийся труд Вегеция немецкий автор часто приводит примеры из истории Древней Греции и Древнего Рима. Сравнивая французскую и русскую версии, можно отметить высокий уровень лингвокультурологической компетенции у французского переводчика. В то же время автор русского текста допускает ряд ошибок, обусловленных незнанием некоторых персонажей античной истории. Так, у И.Я. фон Вальгаузена перечисляются несколько римских императоров: нем. (6) *Theodosius, Velentinianus und Arcadius*⁴¹, нидер. (7) *Theodosius, Valentianus ende Arcadius*⁴². В русском переводе императоры Феодосий I (379–395) и Валентиниан I (364–375) превратились в одного человека: (8) *Славный кесарь Федосіусъ Фалентіанусъ, да и Аркардіусъ*⁴³. Отметим также эпентетический «р» в имени императора Аркадия (395–408).

Другая ошибка обусловлена слабым знакомством переводчика с античной историографией. Вальгаузен упоминает жизнеописание древнеримского политического деятеля Марка Порция Катона-младшего (95–46 до Р.Х.), включенное Плутархом в «Сравнительные жизнеописания»: (9) *Vom Catone wirt bey dem Plutarcho gelesen* («О Катоне читается у Плутарха») ⁴⁴. При переводе на французский и нидерландский языки структура предложения было преобразована в активный залог: (10) *Wy lesen by Plutarcho van Catone*⁴⁵, (11) *Nous lisons en Plutarque touchant Caton*⁴⁶ («Мы читаем у Плутарха о Катоне»). Так как предлог «van» имеет разные значения, нидерландская фраза допускает возможность нескольких интерпретаций; для ее правильной передачи на русский язык переводчик должен знать, кто такие Плутарх и Катон. Однако автор русского перевода пишет про *Плутарха Катонскаго*⁴⁷, интерпретируя предлог *van* как указание на происхождение.

Заключение

В рамках настоящего исследования впервые был проведен сравнительный анализ русской и французской версий военного устава И.Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß», впервые опубликованного в 1615 г. Полученные результаты подтверждают ранее высказывавшуюся гипотезу о том, что русский перевод, выпущенный в 1647 г. под названием «Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», был выполнен не с немецкого оригинала, а с нидерландского перевода 1617 г. В переводе ряда фрагментов русская версия оказывается

⁴¹ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 12.

⁴² Wallhausen J.J. Krychs-konst te voet. Arnem, 1617. P. 9.

⁴³ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 13.

⁴⁵ Wallhausen J.J. Krychs-konst te voet. Arnem, 1617. P. 10.

⁴⁶ Wallhausen J.J. L'art militaire pour l'infanterie. Franeker : Uldrick Balck, 1615. P. 14.

⁴⁷ Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб. : Типография «Бережливость», 1904. С. 38.

более точной, чем французская. В то же время французский перевод имеет преимущество перед русским текстом в передаче немецкой военной терминологии.

Отмечается сходная стратегия, выбранная авторами обоих переводов для передачи многочисленных латинских слов и выражений в оригинальном тексте И.Я. фон Вальгаузена. Цитаты на латыни, вставленные в немецкий текст, переводились на русский и французский языки. Исключение из устава латинского текста могло быть обусловлено как стремлением переводчиков к пуризму, так и политическими мотивами, восприятием латыни как языка католической церкви в контексте противостояния между католиками и протестантами в Европе начала XVII в.

Существенным преимуществом французской версии по сравнению с русской оказывается более высокий уровень лингвокультурологической компетенции французского переводчика по сравнению с русским. Слабое знание античной культуры анонимным автором русского текста привело к ошибкам в переводе фрагментов текста И.Я. фон Вальгаузена, в которых немецкий автор приводит примеры из истории Древнего Рима.

Список литературы

1. *Русаковский О.В.* «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 3(73). С. 53–63. EDN: UYUJKL
2. *Руднев Д.В., Пушкарева Н.В.* Регламенты петровского времени в аспекте императивности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2021. Т. 20. № 4. С. 36–49. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3> EDN: CXLZAG
3. *Пушкарева Н.В.* Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021. Т. 43. № 6. С. 57–64. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.657> EDN: TCPTFO
4. *Садова Т.С.* Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021. Т. 43. № 3. С. 8–16. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.595> EDN: XYGTNO
5. *Руднев Д.В.* Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания) // *Сибирский филологический журнал*. 2022. № 1. С. 178–191. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/13> EDN: GQQAUF
6. *Руднев Д.В.* Средства выражения императивности в уставах эпохи Екатерины II // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. Т. 20. № 4. С. 768–787. <https://doi.org/https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.406> EDN: CWCVXF
7. *Садова Т.С.* Император Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: опыт реконструкции языковой личности // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 487. С. 42–49.
8. *Руднев Д.В.* Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2024. № 87. С. 91–109. <https://doi.org/10.17223/19986645/87/5> EDN: LUVZTI
9. *Садова Т.С.* О языке «Воинского устава полевой пехотной службе» Павла I // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024. Т. 21. № 1. С. 147–165. <https://doi.org/https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.108> EDN: FGTSSI
10. *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб. : Юна, 1999.
11. *Обручев Н.Н.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год. СПб. : Типография К. Крайя, 1853.

12. Медовиков П.Е. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М. : Тип. А. Семена, 1854.
13. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII веков: Библиографические материалы. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1903.
14. Епифанов П.П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки кафедры истории СССР. 1954. Вып. 167. С. 77–98.
15. Сидоренко Р.И. Из наблюдений над лексикой памятника XVII в. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» // Наук. зап. Київ. пед. ін-ту. 1958. Т. XXIX. С. 49–65.
16. Сидоренко Р.И. Военная лексика памятника XVII века «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Львов : Львовский государственный университет им. И.Я. Франко, 1960.
17. Stang Ch.S. La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Oslo : I kommisjon hos J. Dybwad, 1952.
18. Parker G. From the House of Orange to the House of Bush: 400 years of Revolutions in Military Affairs // Militaire Spectator. 2003. № CLXXII/4. P. 177–193.
19. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М. : Древлехранилище, 2006.
20. Angermann N. Die Russisch-Deutsche kulturelle Begegnung am Hofe der ersten Romanovs // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2014. S. 152–170.
21. Rusakovskiy O. The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen's «Kriegskunst zu Fuß» (1649): The History of A Failure? // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2020. Vol. 79. № 1. P. 1–25. <https://doi.org/10.1515/mgzs-2020-0001> EDN: WLVMOV
22. Bäckström O. Military Revolution and the Thirty Years War 1618–1648: Aspects of Institutional Change and Decline. Helsinki : Helsinki University Press, 2023.
23. Staiano-Daniels L.E. The War People. The Daily Life of Common Soldiers 1618–1654. Los Angeles : University of California, 2018.
24. Parrot D. Richelieu's army: war, government, and society in France, 1624–1642. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
25. Glozier M. Huguenot Soldiers in the Netherlands // Groniek. 2015. № 208/9. P. 173–187.
26. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М. : Высшая школа, 2001.
27. Судаков Г.В. Как начиналась языковая реформа Петра I // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 38–44. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.497> EDN: CQSVRF
28. Максудов У.О., Хамидова Н.Ш., Аминджонова Р.Х., Шарипова М.А. Лексико-семантическая асимметрия в переводе художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 539–555. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-539-555> EDN: NBVWZA
29. Лукина А.Е. Диасистемная вариативность в эволюции французского языка (на материале глагола) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 76–91. <https://doi.org/10.17223/19986645/88/4> EDN: YVDSVW
30. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб. : Алетей, 2001
31. Albi de la Cuesta J. De Pavía a Rocroi: Los tercios españoles. Madrid : Desperta Ferro Ediciones, 2017.
32. Staiano-Daniels L.A. Brief Introduction to Seventeenth-Century Military Manuscripts and Military Literacy // Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies. 2020. Vol. 5. № 1. P. 140–161.
33. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высшая школа, 1982.

References

1. Rusakovskiy, O.V. (2018). “Military Books” of 1607/1620 and Their German Original. An Attempt of Comparison. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3(73), 53–63. (In Russ.).
2. Rudnev, D.V., & Pushkareva, N.V. (2021). Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(4), 36–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3> EDN: CXLZAG
3. Pushkareva, N.V. (2021). Specific Features of Imperativeness in the Text of the 1720 Naval Charter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 43(6), 57–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.657> EDN: TCPTFO
4. Sadova, T.S. (2021). The Word “nadlezhit” as Part of the Imperative Formula in the Military Charter of 1716. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 43(3), 8–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.595> EDN: XYGTNO
5. Rudnev, D.V. (2022). Language of the General Regulations of 1720 (on the occasion of the 300th anniversary of its first edition). *Siberian Journal of Philology*, 1, 178–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/78/13> EDN: GQQAUF
6. Rudnev, D.V. (2023). Means of Expressing Imperativeness in the Statutes of the Era of Catherine II. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20(4), 768–787. (In Russ.). <https://doi.org/https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.406> EDN: CWCVXF
7. Sadova, T.S. (2023). Emperor Paul I in the Text of the Military Regulations of 1796: Experience in the Reconstruction of a Language Personality. *Tomsk State University Journal*, 487, 42–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/487/5> EDN: HQEIYK
8. Rudnev, D.V. (2024). Imperative Constructions in the Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science. *Tomsk State University Journal of Philology*, 87, 91–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/87/5> EDN: LUVZTI
9. Sadova, T.S. (2024). About the Language of the “Military Regulations of the Field Infantry Service” of Paul I. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21(1), 147–165. (In Russ.). <https://doi.org/https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.108> EDN: FGTSSI
10. Panchenko, A.M. (1999). *Russian History and Culture*. Saint Petersburg: Yuna. (In Russ.).
11. Obruchev, N.N. (1853). *The Review of Handwritten and Printed Materials Related to the History of Military Art in Russia Before 1725*. Saint Petersburg: K. Krai. (In Russ.).
12. Medovikov, P.E. (1854). *The Historical Meaning of the Reign of Aleksei Mikhailovich*. Moscow: A. Semen. (In Russ.).
13. Sobolevsky, A.I. (1903). *The Translated Literature of the Moscow Russia in 14th–18th Centuries: Bibliographic Materials*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
14. Epifanov, P.P. (1954). “Uchenie i khitrost ratnogo stroenia pehotnyh liudei” (from the History of Russian Army of the 17th Century). *Proceedings of the Department of the History of USSR*, 167, 77–98. (In Russ.).
15. Sidorenko, R.I. (1958). From the Observations of the Lexics of the Book of 17th Century “Uchenie i khitrost ratnogo stroenia pehotnyh liudei”. *Proceedings of Kiev Pedagogical Institute*, XXIX, 49–65. (In Russ.).
16. Sidorenko, R.I. (1960). *Military Lexics of the the Book of 17th Century “Uchenie i khitrost ratnogo stroenia pehotnyh liudei”*. Lvov. (In Russ.).
17. Stang, Ch.S. (1952). *La Langue du Livre “Uchenie i khitrost ratnogo stroenia pehotnyh liudei”*. Oslo: I kommisjon hos J. Dybwad. (In Fren.).
18. Parker, G. (2003). From the House of Orange to the House of Bush: 400 years of Revolutions in Military Affairs. *Militaire Spectator*, CLXXII/4, 177–193.
19. Malov, A.V. (2006). *Moscow New European Regiments in the Initial Phase of Their History. 1656–1671*. Moscow: Drevlehnishche. (In Russ.).

20. Angermann, N. (2014). Die Russisch-Deutsche kulturelle Begegnung am Hofe der ersten Romanovs. *Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and the Early Modern Era* (pp. 152–170). Saint Petersburg. (In Germ.).
21. Rusakovskiy, O. (2020). The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen's "Kriegskunst zu Fuß" (1649): The History of A Failure? *Militaergeschichtliche Zeitschrift*, 79(1), 1–25. <https://doi.org/10.1515/mgzs-2020-0001> EDN: WLVMOV
22. Bäckström, O. (2023). *Military Revolution and the Thirty Years War 1618–1648: Aspects of Institutional Change and Decline*. Helsinki: Helsinki University Press.
23. Staiano-Daniels, L.E. (2018). *The War People. The Daily Life of Common Soldiers 1618–1654*. Los Angeles: University of California.
24. Parrot, D. (2001). *Richelieu's Army: War, Government, and Society In France, 1624–1642*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Glozier, M. (2015). Huguenot Soldiers in the Netherlands. *Groniek*, 208/9, 173–187.
26. Skrelina, L.M. & Stanovaia, L.A. (2001). *History of French Language*. Moscow: Vysshaia Shkola.
27. Sudakov, G.V. (2020). The Beginning of Peter the Great's Language Reform. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 42(5), 38–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.497> EDN: CQSVRF
28. Maksudov, U.O., Khamidova, N.Sh., Aminjonova, R.H., & Sharipova, M.A. (2023). Lexico-Semantic Asymmetry in the Translation of Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 539–555. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-539-555> EDN: NBVWZA
29. Lukina, A.E. (2024). Diasystem variation in the evolution of the French language (on the material of the verb). *Tomsk State University Journal of Philology*, 88, 76–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/88/4> EDN: YVDSVW
30. Likhachev, D.S. (2001). *Textology (Based on Russian Literature of the 10th–17th Centuries)*. Saint Petersburg: Aleteia. (In Russ.).
31. Albi de la Cuesta, J. (2017). *De Pavía a Rocroi: Los Tercios Españoles*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones. (In Span.).
32. Staiano-Daniels, L.A. (2020). Brief Introduction to Seventeenth-Century Military Manuscripts and Military Literacy. *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*, 5(1), 140–161.
33. Vinogradov, V.V. (1982). *Writings on the History of Russian Standard Language of the 17th–19th Centuries*. Moscow: Vysshaia Shkola. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Терецук Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); *сфера научных интересов*: политическая лингвистика, языковые контакты, военная история; *e-mail*: san_petersburgo@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-8838-9302; SPIN-код: 1210-6319. AuthorID: 917576.

Information about the author:

Andrei A. Tereshchuk, PhD. in Philology from the University of Barcelona, Assistant Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen University (48, Moika emb., Saint-Petersburg, Russian Federation, 191186); *Research interests*: political linguistics, language contacts, military history; *e-mail*: san_petersburgo@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-8838-9302; SPIN-код: 1210-6319. AuthorID: 917576.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-932-944

EDN: CGEENY

УДК [811.161.1:512.122]’246.2

Научная статья / Research article

Лингвистические основы и пути преодоления интерференции в русской речи казахов и казахской речи русских в условиях массового билингвизма

Н.М. Жанпеисова¹ , Г.А. Кузембаева² , Ж.А. Майдангалиева^{1,3}

¹ Баишев Университет, Актөбе, Республика Казахстан

² Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актөбе, Республика Казахстан

³ Атырауский университет им. Х. Досмухамедова, Атырау, Республика Казахстан
 gulzhana.kuzembayeva@gmail.com

Аннотация. Лингвистические причины проявления интерференции в русской речи казахов и казахской речи русских в условиях массового билингвизма, сложившегося в современном Казахстане, является актуальной проблемой. Рассматриваются важнейшие проблемные зоны билингвизма, обусловленные структурно-типологическими особенностями русского (флективного) и казахского (агглютинативного) языков. Приводятся примеры ошибок в русской речи казахско-русских билингвов и казахской речи русско-казахских билингвов, вызванные интерферирующим влиянием родного языка. Раскрывается актуальность использования результатов лингвистического исследования в методике обучения русскому языку в современных условиях развития языковой ситуации в Республике Казахстан.

Ключевые слова: массовый казахско-русский билингвизм, структурно-типологические особенности языка

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19680524).

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Жанпеисова Н.М., Кузембаева Г.А., Майдангалиева Ж.А. Лингвистические основы и пути преодоления интерференции в русской речи казахов и казахской речи русских в условиях массового билингвизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 932–944. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-932-944>

© Жанпеисова Н.М., Кузембаева Г.А., Майдангалиева Ж.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Linguistic Interference in the Second Language Speech of the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh Bilinguals and the Ways of its Overcoming

Naziya M. Zhanpeissova¹ , Gulzhana A. Kuzembayeva² ,
Zhumagul A. Maydangalieva^{1,3}

¹ Baishev University, *Aktobe, the Republic of Kazakhstan*

² K. Zhubanov Aktobe Regional University, *Aktobe, the Republic of Kazakhstan*

³ Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, *Atyrau, the Republic of Kazakhstan*

 gulzhana.kuzembayeva@gmail.com

Abstract. The authors describe language interference in the Russian speech of Kazakhs and the Kazakh speech of Russians in the context of a mass bilingualism that has developed in modern Kazakhstan. The most important problem areas of Kazakh-Russian and Russian-Kazakh bilingualism caused by the structural and typological features of the Russian (inflectional) and Kazakh (agglutinative) languages are considered. Examples of errors in the Russian speech of the Kazakh-Russian bilinguals and the Kazakh speech of the Russian-Kazakh bilinguals, caused by the native language interference are given. The results of linguistic study can relevantly be used in the methodology of teaching the Russian language in the context of modern language situation in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: mass Kazakh-Russian bilingualism, structural and typological features of the language

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: the research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19680524).

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Zhanpeissova, N.M., Kuzembayeva, G.A., & Maydangalieva, Zh.A. (2025). Linguistic Interference in the Second Language Speech of the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh Bilinguals and the Ways of its Overcoming. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 932–944. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-932-944>

Введение

Лингвистический контакт как проявление билингвизма приводит к языковой интерференции и языковым изменениям [1]. Два вида влияния в изучении языка включают отрицательный перенос (интерференция) и положительный перенос. Интерференция относится к влиянию первого языка на второй [2].

Факторы, влияющие на языковую интерференцию — это сходство и различие в структурах двух языков (фонетической, морфологической,

грамматической, лексической и синтаксической), базовые знания учащегося, владение вторым языком и структура группы согласных в этих двух языках [3; 4]. Чем больше различий между двумя языками, тем более негативной может быть интерференция [5]. Различия между звуками родного или первого языка и звуками второго языка являются основной причиной интерференции [6]. Исследования влияния родного языка на английский показывают, что оно может происходить на всех уровнях языковых характеристик: грамматической [7], лексической [8], синтаксической [9; 10] и пр.

Билингвизм в Казахстане — наследие общего советского прошлого. На момент образования Республики Казахстан в стране проживали представители более 120 национальностей, а наиболее распространенными языками являлись казахский и русский [11]. В современном Казахстане казахский язык является государственным, русский язык — официальным языком¹. Двуязычие в Казахстане носит массовый характер, хотя возвращение на историческую родину более миллиона репатриантов из Афганистана, Ирана, Китая, Монголии, Туркмении, Турции, Узбекистана и др. стран, в подавляющем большинстве не владеющих русским языком, существенно повлияло на языковую ситуацию. Всего с 1991 г. по состоянию на 1 октября 2021 г. на историческую родину вернулись 1 млн 84,7 тыс. этнических казахов². Для многих из них освоение русского языка связано с изучением его как иностранного. Это обстоятельство, по нашему мнению, потребует изменения некоторых критериев при составлении учебных программ по русскому языку в казахских школах. Вместе с тем изучение казахского языка в русской школе также нередко осуществляется без учета интерферирующего влияния родного (русского) языка обучаемых. В этой связи особую актуальность приобретает выявление и описание особенностей взаимодействующих языков, которые обуславливают интерференцию в речи русско-казахских и казахско-русских билингвов.

В данной статье под *интерференцией* мы, вслед за У. Вайнрайхом, понимаем «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка, которое выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного»³;

¹ Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года. № 151 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. № 13–14. С. 202.

² Более 14 тысяч этнических казахов получили статус кандаса с начала 2021 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.arnapress.kz/obshchestvo/216712-bolee-14-tysyach-etnicheskih-kazahov-poluchili-status-kandasa-s-nachala-2021-goda> (дата обращения: 12.12.2024).

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 197.

а также «тормозящее взаимодействие навыков, при котором уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых либо снижают их эффективность» [12. С. 487].

Казахско-русским билингвизмом мы условно называем владение лицами казахской национальности русским языком, русско-казахским билингвизмом — владение лицами русской национальности казахским языком как вторым. Проблемы билингвизма (преимущественно казахско-русского) и интерференции в конце XX века оказывались в поле зрения многих казахстанских ученых [13–18]. Указанные источники посвящены вопросам влияния навыков родной речи на усвоение русского языка казахами, что было актуально для советского периода развития истории Казахстана. Сопоставительно-типологические особенности фонетики и грамматики русского и казахского языков подробно рассматривались в [19–22], а также в трудах других казахстанских лингвистов.

Вместе с тем проблема интерференции в казахской речи носителей русского языка не была предметом специального изучения. В вузовском курсе методики преподавания казахского языка в русских школах эта проблема также не затрагивается, хотя сведения об особенностях языковой системы сопоставляемых языков могут быть плодотворно использованы педагогами в преподавании казахского или русского языка как второго.

Международная лаборатория с распределенным участием «Интернационализация образовательного пространства» при Актюбинском университете им С. Баишева в период 2014–2016 гг. приняла участие в проекте по созданию Дорожной карты билингва (Road Card Bilingual) под эгидой Международного методсовета по многоязычию и межкультурной коммуникации (руководитель — Е.Л. Кудрявцева). Некоторые итоги работы были опубликованы в ряде статей [23–26].

Методы и материалы

В процессе исследования была поставлена цель определить объективные причины, обуславливающие интерферирующее влияние родного языка при усвоении второго (русского или казахского) в условиях формирования казахско-русского и русско-казахского двуязычия в Казахстане.

В процессе исследования были использованы сопоставительный и описательный методы, а также элементы фонетического анализа.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования были выделены потенциальные проблемные зоны, обуславливающие интерференцию в речи казахско-русских или русско-казахских билингвов: графика, фонетика и орфография, морфемика и морфология, синтаксис (см. Таблицу).

Потенциальные проблемные зоны русско-казахского/казахско-русского билингвизма / Potential Problem Areas of Russian-Kazakh/Kazakh—Russian Bilingualism

ГРАФИКА / GRAPHICS	
В русском алфавите 33 буквы	В алфавите казахского языка 42 буквы. Специфические буквы Ә, І, Ғ, Ғ, Ү, Ұ, Қ, Ө, Һ.
В русском языке имеются буквы в, х, ц, ч, щ, ф, Э, Ё	В казахском языке буквы в, ф, х, ц, ч, Ё, Э используются только в заимствованных словах. Буква Щ встречается только в написании трех казахских слов: ащы (горький), тұщы (пресный), кеше (тупой, бестолковый).
Буква Ъ используется для обозначения мягкости согласных, а также для обозначения звука [j] в позиции после согласного перед гласным (разделительный знак)	Буква Ъ в казахских словах не употребляется.
Буква Ы используется как разделительный знак	Буква Ы в казахских словах не употребляется.
В русском языке буква Ы произносится как [ы].	В казахском языке буква Ы обозначает редуцированный звук, близкий по произношению к русскому О или А после твердых согласных в безударной позиции, как, например, в словах [мЫлак], [рАнЫ].
ФОНЕТИКА и ОРФОГРАФИЯ / PHONETICS AND ORTHOGRAPHY	
В русском языке закон сингармонизма не действует	В казахском языке действует закон сингармонизма, согласно которому все звуки в слове имеют либо твердую, либо мягкую артикуляцию. Имеются исключения
В русском языке твердыми и мягкими являются согласные.	В казахском языке согласные не различаются по твердости/мягкости. Твердыми и мягкими являются гласные
В русском языке все безударные гласные подвергаются редукции (произносятся короче и слабее, чем в сильной позиции, под ударением).	В казахском языке произношение гласных не зависит от ударения. Гласные в безударном положении не редуцируются. Однако в казахском языке есть редуцированные гласные [ы] и [і], сходные с русскими редуцированными [ь] и [и]
В русском языке мягкость согласных фонем обозначается гласными Е, Ё, Ю, Я либо мягким знаком (Ь)	В казахском языке мягкий знак избыточен. Организующим центром являются гласные, в зависимости от которых соседние согласные произносятся твердо или мягко: ШАЛ [шал] (старик) ШӨЛ [ш'өл'] (пустыня)
Буква И обозначает фонему [и]	Буква И имеет варианты произношения в зависимости от позиции: [и], [ый] [ий]
Фонема [о] в начале слова (в безударном положении) подвергается редукции и представлена вариантом [а]	Буква О в начале слова обозначает собой дифтонгоид [yo] и не подвергается редукции, т.е. произносится как под ударением
Возможно стечение согласных в слове	Стечение согласных невозможно. При произношении заимствованных слов со стечением согласных появляются вставочные гласные [ы] и [і]
Русское ударение — подвижное, разноместное	Казахское ударение — фиксированное, закреплено за последним слогом. Имеются исключения
В русском языке фонема [б] в позиции между двумя гласными не имеет варианта [в]	Казахская фонема [б] в позиции между двумя гласными представлена вариантом [в]
В русском языке написание слов обусловлено различными принципами орфографии (морфологическим, традиционно-историческим, фонетическим, идеографическим), поэтому одни слова надо проверять, написание других — запоминать и т.д.	В казахском языке действует (преимущественно) фонетический принцип орфографии
Звонкие согласные на конце слова оглушаются	Звонкие согласные на конце казахских слов не оглушаются. Оглушение происходит только в заимствованных из русского языка словах.

Окончание таблицы / Ending of the table

МОРФЕМИКА и МОРФОЛОГИЯ / MORPHEMICS and MORPHOLOGY	
В русском языке имеются приставки	В казахском языке приставок нет Исключение: используемые в нескольких словах заимствованные приставки со значением отрицания: <i>бу-/бей-, на-</i>
В сложных словах могут быть соединительные гласные	В сложных словах соединительных гласных нет
Имеется грамматическая категория рода	Грамматическая категория рода отсутствует
К разряду одушевленных относятся существительные, обозначающие людей, животных и т.д. (<i>кто?</i>), к разряду неодушевленных — обозначающие неживые объекты и явления (<i>что?</i>)	Относятся к разряду одушевленных и отвечают на вопрос <i>кім? (кто?)</i> только имена существительные, обозначающие людей
Одушевленные существительные в винительном падеже имеют форму родительного падежа	Одушевленные и неодушевленные существительные склоняются одинаково
Имеется три типа склонения	Имеется только один тип склонения, который различается фонетическими вариантами
Имеются чередования согласных и гласных при спряжении и склонении	Чередования практически отсутствуют
6 падежных форм	7 падежных форм
В русском языке один вспомогательный глагол (<i>быть</i>)	4 вспомогательных глагола (глаголы состояния): <i>отыр (сидеть), тұр (стоять), жүр (ходить), жатыр (лежать)</i> . Употребляясь с другими глаголами, десемантизируются (теряют свое лексическое значение) и в качестве вспомогательных глаголов выполняют грамматическую функцию
В русском языке имеются предлоги, но нет послелогов	В казахском языке предлогов нет Употребляются послелоги
Имеются безличные глаголы	Безличных глаголов нет
СИНТАКСИС / SYNTAX	
Порядок слов в предложении свободный	Порядок слов в предложении преимущественно фиксированный
Сказуемое может занимать любую позицию	В простом повествовательном двусоставном предложении подлежащее находится в препозиции к сказуемому. Сказуемое всегда находится в конце предложения
Определение может стоять как перед определяемым словом, так и после него	Определение всегда находится перед определяемым словом
Имя в роли подлежащего и глагол в роли сказуемого согласуются в форме числа (<i>ребенок играет / дети играют</i>)	Имя в роли подлежащего и глагол в роли сказуемого не согласуются в форме числа (<i>бала /балалар ойнайды</i>)

Источник: составлено Н.М. Жанпеисовой, Г.А. Кузембаевой, Ж.А. Майдангалиевой (в ходе проекта по созданию Дорожной карты билингва (Road Card Bilingual) под эгидой Международного методсовета по многоязычию и межкультурной коммуникации, руководитель — Е.Л. Кудрявцева) / Source: compiled by Naziya M. Zhanpeissova, Gulzhana A. Kuzembayeva, Zhumagul A. Maydangalieva (during the project on creating a Bilingual Roadmap under the auspices of the International Methodological Council on Multilingualism and Intercultural Communication, led by E.L. Kudryavtseva)

В результате анализа были выделены наиболее типичные примеры интерференции.

1. Интерференция в русской речи казахско-русских билингвов, осваивающих нормы русского языка

Отсутствующие в казахском языке русские фонемы [в] и [ф] заменяются в речи носителя казахского языка звуками [б] и [п], например: [б’ъл’ьс’ип’эт] ‘велосипед’, [коптъ] ‘кофта’, [шопър] ‘шофер’ и т.д.

Отсутствие в казахских словах буквы Э приводит к неразличению Э и Е: [ээнтэ] вместо [jээнтэ] ‘ЕНТ — единое национальное тестирование’ или, наоборот, [jэкс’п’эд’иц’ијъ] вместо [эксп’эд’ицыјъ] ‘экспедиция’.

Согласно закону сингармонизма, в исконно казахских словах соседствуют звуки только мягкой или только твердой артикуляции; твердость/мягкость согласного определяется соответствующим твердым (непередним) или мягким (передним) гласным, организующим слог, поэтому мягкий знак избыточен, например, слово *гул* ‘цветок’ произносится [г’ул]. Отсутствие в казахском языке мягкого знака приводит к орфографическим и орфоэпическим ошибкам, обусловленным недостаточным усвоением функции этого знака, например, казахские дети пишут *читателя, писателя, ходиль*, произносят [сол] ‘соль’, [тарелька] ‘тарелка’ и т.д.

В произношении много ошибок, обусловленных законом сингармонизма. Обучаемые затрудняются произносить слова, в пределах которых имеются звуки твердой (непередней) и мягкой (передней) артикуляции, поэтому чаще всего в таких словах происходит ассимиляция звуков, например: [к’и н с’т’и н т’и н] ‘Константин’, [б’ыл’с’ип’эт] ‘велосипед’ и др.

Для исконно казахских слов не характерно стечение согласных. Эта проблема в казахском языке решается посредством редуцированных гласных звуков: твердого Ы [ы] и мягкого І [і]. Поэтому в русской речи казахов при стечении нескольких согласных часто появляются вставочные гласные [ы] и [і] (наблюдается явление *протезы, эпентезы или эпитезы*, например: [ыскаскъ] ‘сказка’, [тырактър] ‘трактор’, [киоскі] ‘киоск’.

Казахское словесное ударение закреплено за последним слогом, поэтому освоение норм русского ударения представляет для казахских учащихся некоторые трудности. В результате интерференции русские слова нередко произносятся с ударением на последнем слоге: *машина́, Наташа́* и т.д.

Правописание русских слов обусловлено несколькими принципами орфографии, среди которых важное место отводится традиционно-историческому и морфологическому принципам. Графика современного казахского языка создана в 40-х гг. XX в. взамен прежней (сначала арабской, а затем — латинской графики) на основе кирилловского алфавита, и казахская орфография базируется преимущественно на фонетическом принципе. Усвоение правил русского правописания — одна из труднейших задач, с которыми сталкиваются педагоги, обучающие детей русскому языку как второму.

Как и в других тюркских языках, в казахском языке нет грамматической категории рода. Отсюда большое количество ошибок в согласовании словоформ. В речи казахских детей, осваивающих русский язык, определения чаще всего используются в мужском роде, независимо от грамматического рода определяемого слова: *большо́йшапка, красивый́ девочка, новый́ село, мой́ сестра* и т.д.

В казахском языке нет приставок, поэтому семантика и написание русских приставок усваиваются казахскими детьми с трудом.

Категория одушевленности/неодушевленности проявляется в сопоставляемых языках по-разному. В русском языке к одушевленным существительным относятся слова, обозначающие людей и животных, а к неодушевленным — те, которые обозначают неживые предметы (за небольшим исключением). В казахском языке грамматическая категория одушевленности проявляется только в отношении существительных, называющих людей, выражаясь соответствующим вопросом *кім?* (*кто?*). Все остальные имена существительные казахского языка отвечают на вопрос *не?* (*что?*). Поэтому образование формы винительного падежа существительных мужского рода русского языка вызывает у казахских детей затруднения.

При усвоении казахскими детьми русского языка как второго некоторые трудности связаны и с предлогами, ибо в казахском языке предлогов как таковых нет. Дети с трудом различают предлоги и приставки, а также затрудняются в определении их семантических особенностей и правописания.

2. Интерференция в казахской речи русско-казахских билингвов, осваивающих нормы казахского языка

В казахском языке организующим центром слога является гласный звук, поэтому произношение соседних согласных обусловлено артикуляцией гласного. Так, если в слове *құл* ‘раб’ все звуки имеют твердую артикуляцию: [кұл], то в слове *құл* ‘зола’ все звуки — мягкие: [к’үл], поэтому нет необходимости в мягком знаке после буквы *Л*. Сравните также: *сол* [сол] ‘тот’ и *сөл* [с’өл] ‘сок растений’. Интерферирующее влияние родного языка может проявиться в нарушении как орфоэпической (произношение твердого [л] вместо мягкого [л’]), так и орфографической нормы казахского языка (написание после буквы *Л* мягкого знака).

Буква *Ы* в русской и казахской графике обозначает разные звуки. Казахские буквы *Ы* и *І* соответствуют звукам [ы] и [і], которые артикуляционно близки к русским редуцированным [ь] и [ѣ]. Эта особенность указанных гласных не всегда учитывается при изучении казахского языка как второго, хотя еще в начале XX века о ней говорил один из основоположников казахского языкознания К. Жубанов, называя звуки [ы] и [і] «күмән дауыстылар» (букв.: ‘сомнительные гласные’). Об этом и о том, что, по словам С. Бизакова, звуки [ы] и [і] произносятся «неотчетливо», «редуцированно» («анық, айқын емес, көмескілеу») [27]. Графическая передача разных звуков в сопоставляемых языках одной и той же буквой *Ы* приводит к системной ошибке в казахской речи русских, которые произносят редуцированную казахскую гласную *Ы* на манер полной русской фонемы [ы].

Современному русскому языку свойственна качественная и количественная редукция гласных звуков в слабой (безударной) позиции. В казахском языке качественной редукции нет, поэтому все гласные звуки произносятся

одинаково как в ударной, так и в безударной позиции. Русская фонема [o] в начале слова, будучи в безударном положении, подвергается качественной редукции и произносится как [a]. В казахском языке буква О в начале слова обозначает дифтонгоид [ʊo]. Интерференция проявляется в том, что, читая казахские слова с начальной буквой О, дети по привычке произносят [a], например, казахское имя *Олжас* [ʊолжас] произносят неверно как [алжас], казахское название реки и города Орал [ʊорал] как [арал] и т.д.

В русском языке имена существительные не имеют притяжательной формы, которая присуща существительным казахского языка, например, *менің қаламым, сенің қаламың, оның қаламы* (моя ручка, твоя ручка, его ручка). Эти формы образуются посредством так называемых *окончаний принадлежности* (-ым, -ың, -ы и др). Отсутствие подобных форм в родном языке затрудняет их усвоение русскоязычными детьми.

В казахском языке именные части речи, выполняя функцию сказуемого, спрягаются: *мен баламын* ‘я — ребенок’, *сен баласың* ‘ты — ребенок’, *ол бала* ‘он — ребенок’, *біз баламыз* ‘мы — дети’, *сендер баласыңдар* ‘вы — дети’, *олар бала* ‘они — дети’. В русском языке имена спрягаться не могут, поэтому эти формы также вызывают затруднения у русских детей, осваивающих казахский язык.

В русском языке порядок слов достаточно свободный, в казахском — фиксированный. Так, в казахском языке определение всегда находится в препозиции к определяемому слову, ср., например: *қызыл көйлек* — красное платье, *гүлді көйлек* — платье в цветок, *бірінші сынып* — первый класс; казахское подлежащее — в препозиции по отношению к сказуемому, которое всегда завершает предложение. Опираясь на нормы родного языка, русскоязычные дети допускают ошибки, связанные с порядком слов, особенно, при переводе текстов с русского языка на казахский.

Заключение

В статье затронуты вопросы интерференции, обусловленные разницей фонетического наполнения знаков кирилловской графики, используемой для написания русских и казахских слов. Не подлежит сомнению, что в случае перехода казахской графики на латиницу (подготовительная работа в этом направлении должна быть завершена к 2025 г.), проявятся другие аспекты интерференции, вызванной различиями график.

Следует подчеркнуть, что особого разговора заслуживают различия лексико-фразеологического уровня сопоставляемых языков, вызывающие лексико-семантическую интерференцию. Кроме того, достаточно актуальна в современных условиях и проблема когнитивно-лингвокультурологической интерференции, обусловленной разницей знаний, репрезентируемых языковыми знаками. Приведенные материалы могут быть полезны педагогам при обучении русскому или казахскому языку как второму в образовательных

учреждениях, а также при проведении ими коррективовочной работы в условиях того или иного типа билингвизма.

Результаты лингвистического исследования также позволят ученым-методистам совершенствовать пути преодоления интерференции в русской речи казахов и казахской речи русских в условиях массового билингвизма. Более того, предложенные учеными методические пути преодоления ошибок, вызванных указанными в исследовании причинами, будут способствовать дальнейшему сохранению массового билингвизма, шире — русского языка как языка межнационального общения в Республике Казахстан в условиях подготовки и реализации перехода казахской графики с кириллицы на латиницу. В связи сданным переходом ожидается, что русский язык впоследствии обретет статус «инострannого языка», тогда приоритетными окажутся новые лингвистические исследования интерференции в русской речи казахов и казахской речи русских в условиях развития языковой ситуации в Республике Казахстане, так и методические исследования русского языка как иностранного для обучения казахов русскому языку как иностранному.

Список литературы

1. Sirbu A. The significance of language as a tool of communication // *Mircea cel Batran Naval Academy*. 2015. № 18(2). P. 25–28. <https://doi.org/10.12691/jitl-1-1-5>
2. Ellis R. Second language acquisition. Oxford : Oxford University Press, 1997. EDN: FLFMCO
3. Derakhsan A., Karimi, E. The interference of first language and second language acquisition // *Theory and practice in language studies*. 2015. № 5(10). C. 2112–2117. <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0510.19>
4. Veliyeva M.A. Interference phenomena in mastering foreign languages and the methods of preventing them // *International Journal of English Linguistics*. 2016. № 6(1). P. 165–170. <https://doi.org/10.5539/ijel.v6n1p165>
5. Dwinastity M. Language Interference. 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://marlindwinastiti.wordpress.com/2013/04/02/language-interference/> (дата обращения: 12.12.2024).
6. Hastuti S.D.S., Widodo P. Native language interference: The interference of passive voice // *EduLite: Journal of English Education, Literature, and Culture*. 2020. № 5(2). P. 277–286. <http://dx.doi.org/10.30659/e.5.2.277-286> EDN: VGETVW
7. Jafarova K. The Problem of interference and its influence on learners' native language // *Trakia Journal of Sciences*. 2017. № 4. P. 292–296. <https://doi.org/10.15547/tjs.2017.04.003>
8. Weinreich U. Languages in contact: findings and problems (revised edition). Amsterdam/ Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2011. <https://doi.org/10.1075/z.166>
9. Bhela B. Native language interference in learning a second language: Exploratory case studies of native language interference with target language usage // *International Education Journal*. 1999. № 1(1). P. 22–31.
10. Erarslan A., & Hol D. Language interference on English: Transfer on the vocabulary, tense, and preposition use of Freshmen Turkish EFL Learners // *ELTA Journal*. 2014. № 2(2). P. 4–22.
11. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова, Н.Ж., Аканова Д.Х. Языки народов Казахстана: Социоллингвистический справочник. Астана : Арман-ПВ, 2007.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2010. EDN: SDPWQP

13. Копыленко М.М., Саина С.Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата : Наука, 1982.
14. Копыленко, М.М., Ахметжанова З.К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата : Наука, 1984.
15. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К., Утесбаева Ж.М. Лексическая и морфологическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата : Наука, 1987.
16. Копыленко М.М. Интерференция в русской речи казахов (проблемы каз.-рус. двуязычия), отв. ред. Н.Х. Демесинова; АН КазССР, Ин-т языкознания. Алма-Ата : Наука, 1988.
17. Карлинский А.Е. Типология речевой интерференции // Зарубежное языкознание и литература. 1980. Вып. 2. С. 3—10.
18. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата : Наука, 1990.
19. Баскаков Н.А., Хасенова А.К., Исенгалиева И.А., Кордабаев Т.Р. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология. Алма-Ата : Наука, 1966.
20. Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. Алма-Ата : Наука, 1974.
21. Исаев С., Нуркина Г. Сопоставительная типология казахского и русского языков. Алматы : Санат, 1996.
22. Ахметжанова З.К. Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки. Алматы : КазУМО и МЯ им. Абылай хана, 2005.
23. Жанпеисова Н.М. Тестирование детей-билингвов с казахско-русским двуязычием на уровень сформированности коммуникативной компетенции на двух языках // Proceedings of International Scientific Conference dedicated to famous Georgian philosopher, writer and public man Konstantine Kapaneli (Chanturia). Vol. XVI. Iss. 1–3. Prague : Kabinet pro studia řecká, římská a latinská ČSAV, 2014. P. 82–84.
24. Жанпеисова Н.М., Салимова Д.А., Шершун С.Е. Перспективы внедрения билингвального образования в республике Казахстан в контексте формирования многоязычной личности // Русистика и современность: Сб. научных статей XIX Международной научной конференции. В 2-х т. Т. 1. Астана : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2016. С. 76–83.
25. Жанпеисова Н.М., Кудрявцева Е.Л. Перспективы международного сетевого взаимодействия в контексте формирования «лингвистического капитала казахстанцев» // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: матер. III Междунар. научн.-практ. конф. Ижевск: УдГУ, 2016. С. 223–227. EDN: XWAPKT
26. Жанпеисова Н.М., Чхеидзе В.В. Международное научное сотрудничество между вузами как феномен конвергентности (на примере Грузии и Казахстана) // Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск : УдГУ, 2018. С. 179–183. EDN: YQWFYT
27. Ергали С. Жаңа қазақ әліпби (тұжырымдамасы мен жобасы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://neweurasia.net/kazakhstan/cayacat/> (дата обращения: 12.12.2024).

References

1. Sirbu, A. (2015). The Significance of Language as a Tool of Communication. *Mircea cel Batran Naval Academy*, 18(2), 25–28. <https://doi.org/10.12691/jitl-1-1-5>
2. Ellis, R. (1997). *Second Language Acquisition*. Oxford, UK: Oxford University Press. EDN: FLFMCO
3. Derakhsan, A. & Karimi, E. (2015). The Interference of First Language and Second Language Acquisition. *Theory and Practice in Language Studies*, 5(10), 2112–2117. <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0510.19>
4. Veliyeva, M.A. (2016). Interference Phenomena in Mastering Foreign Languages and the Methods of Preventing Them. *International Journal of English Linguistics*, 6(1), 165–170. <https://doi.org/10.5539/ijel.v6n1p165>

5. Dwinastity, M. (2013). *Language Interference*. Retrieved October 20, 2021, from URL: <https://marlindwinastiti.wordpress.com/2013/04/02/language-interference/> (accessed: 12.12.2024).
6. Hastuti, S.D.S., & Widodo, P. (2020). Native Language Interference: the Interference of Passive Voice. *EduLite: Journal of English Education, Literature, and Culture*, 5(2), 277–286. <http://dx.doi.org/10.30659/e.5.2.277-286>
7. Jafarova, K. (2017). The Problem of Interference and Its Influence on Learners' Native Language. *Trakia Journal of Sciences*, 4, 292–296. <https://doi.org/10.15547/tjs.2017.04.003>
8. Weinreich, U. (2011). *Languages in Contact: Findings and Problems* (Revised Edition). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/z.166>
9. Bhela, B. (1999). Native Language Interference in Learning a Second Language: Exploratory Case Studies of Native Language Interference With Target Language Usage. *International Education Journal*, 1(1), 22–31.
10. Erarslan, A. & Hol, D. (2014). Language Interference on English: Transfer on the Vocabulary, Tense, and Preposition Use of Freshmen Turkish EFL Learners. *ELTA Journal*, 2(2), 4–22.
11. Sulejmenova, Je.D., Shajmerdenova, N.Zh. & Akanova, D.H. (2007). *Languages of Kazakhstani People*. Astana: Arman-PV. (In Russ.).
12. Rubinshtejn, S.L. (2010). *Foundations of General Psychology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.). EDN: SDPWQP
13. Kopylenko, M.M. & Saina, S.T. (1982). *Functioning of Russian Language in Various Layers of Kazakh Population*. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
14. Kopylenko, M.M., & Ahmetzhanova, Z.K. (1984). *Phonetic Interference in the Russian Speech of Kazakhs*. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
15. Kopylenko, M.M., Ahmetzhanova, Z.K., & Utesbaeva, Zh.M. (1987). *Lexical and Morphological Interference in the Russian Speech of the Kazakhs*. Ed.: N.H. Demesinova. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
16. Kopylenko, M.M. (1988). *Interference in the Russian Speech of the Kazakhs (issues of Kazakh-Russian bilingualism)*. Ed.: N.H. Demesinova. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
17. Karlinskij, A.E. (1980). Typology of Interference in Speech. *Zarubezhnoe Yazykoznanie i Literatura*, 2, 2–10. (In Russ.).
18. Karlinskij, A.E. (1990). *Foundations of Theory of Language Interference*. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
19. Baskakov, N.A., Hasenova, A.K., Isengalieva, I.A., & Kordabaev, T.R. (1966). *Contrastive Grammar of Russian and Kazakh Languages. Morphology*. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
20. Demesinova, N.H. (1974). *Development of Syntax of Modern Kazakh Language*. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
21. Isaev, S., & Nurkina, G. (1996). *Comparative Typology of Kazakh and Russian Languages*. Almaty: Sanat. (In Russ.).
22. Akhmetzhanova, Z.K. (2005). *Contrastive Linguistics: Kazakh and Russian Languages*. Almaty: Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages. (In Russ.).
23. Zhanpeisova, N.M. (2014). Testing Children Kazakh-Russian Bilinguals for Communicative Competence. *Proceedings of International Scientific Conference dedicated to famous Georgian philosopher, writer and public man Konstantine Kapaneli (Chanturia)*. Vol. XVI. Iss. 1–3 (pp. 82–84). Prague : Kabinet pro studia řecká, římská a latinská ČSAV. (In Russ.).
24. Zhanpeisova, N.M., Salimova, D.A., & Shershun, S.E. (2016). Perspectives of Implementing Bilingual Education in Kazakhstan in the Context of Polylingual Personality Formation. *Rusistika i Sovremennost'*, 1, 76–83. (In Russ.).
25. Zhanpeisova, N.M. & Kudrjavceva, E.L. (2016). Perspectives of International Networking in the Context of Formation of “Linguistic Capital of Kazakhstani People”. *Mezhdunarodnoe Sotrudnichestvo: Integracija Obrazovatel'nyh Prostranstv: Mater. III Mezhdunar. Nauchn. — Prakt. Konf.*, 223–227. (In Russ.). EDN: XWAPKT

26. Zhanpeisova, N.M. & Chheidze, V.V. (2018). International Scientific Inter-institutional Cooperation as Phenomenon of Convergence (Case Study of Georgia and Kazakhstan). *Konvergencija v Sfere Nauchnoj Dejatel'nosti: Problemy, Vozможности, Perspektivy. Materialy Vserossijskoj Nauchnoj Konferencii*. Izhevsk: Udmurt State University, 179–183. (In Russ.). EDN: YQWFYT
27. Ergali, S. New Kazakh Alphabet (opinion and project). URL: <http://neweurasia.net/kazakhstan/sajasat/> (accessed: 12.12.2024). (In Kaz.).

Сведения об авторах:

Жанпеисова Назия Маденовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и литературы, Байшев Университет (030000, Республика Казахстан, г. Актобе, ул. Братьев Жубановых, д. 302а); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, сравнительное языкознание, когнитивная лингвистика, билингвизм, межкультурная коммуникация, социолингвистика; *e-mail*: nazija040658@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0690-5172.

Кузембаева Гүлжана Айтжановна, кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), доцент, доцент кафедры английского и немецкого языков, Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова (030000, Республика Казахстан, г. Актобе, пр. Алии Молдагуловой, д. 34); *сфера научных интересов*: психолингвистика, сравнительное языкознание, лингвокультурология; *e-mail*: gulzhana.kuzembayeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8964-3683. SPIN-код: 1510-2232, AuthorID: 819071.

Майдангалиева Жумагуль Алдияровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и литературы, Байшев Университет (030000, Республика Казахстан, г. Актобе, ул. Братьев Жубановых, д. 302а); постдокторант Атырауского университета имени Халела Досмукхамедова (060011, Республика Казахстан, г. Атырау, пр. Студенческий, д. 212); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, методика русского языка и литературы; *e-mail*: maydangalieva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3189-8880. SPIN-код: 4996-8927, AuthorID: 509623.

Information about the authors:

Naziya Zhanpeisova, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages and Literature, Baishev University (302A, Br. Zhubanovykh Str., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000); *Research interests*: cultural linguistics, comparative linguistics, cognitive linguistics, bilingualism, intercultural communication, sociolinguistics; *e-mail*: nazija040658@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0690-5172.

Gulzhana Kuzembayeva, Ph.D. in Philology, Associate professor, Associate Professor of the Department of English and German Languages, K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Aliya Moldagulova Ave., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000); *Research interests*: psycholinguistics, comparative linguistics, cultural linguistics; *e-mail*: gulzhana.kuzembayeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8964-3683. SPIN-code: 1510-2232, AuthorID: 819071.

Zhumagul Maydangalieva, Ph.D. in Education, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literature, Baishev University (302A, Zhubanov Brothers Str., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000); postdoctoral fellow of Kh. Dosmukhamedov Atyrau University (212, Student Ave., Atyrau, the Republic of Kazakhstan, 060011); *Research interests*: linguoculturology, methodology of teaching Russian; *e-mail*: maydangalieva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3189-8880. SPIN- code: 4996–8927, AuthorID: 509623

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-945-961

EDN: CFWDXG

УДК 811.161.1:008:811.111'25:512.122

Научная статья / Research article

Роль русского языка и культуры в опосредованном переводе с английского языка на казахский

Л.Ю. Мирзоева¹ , А.К. Жумабекова² ,
Р.А. Досмаханова³ , К.О. Ажиев³

¹Университет СДУ, Каскелен, Республика Казахстан

²Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика
Казахстан

³Алматинский университет энергетики и связи им. Гумарбека Даукеева, Алматы, Республика
Казахстан

 dosmakhanova@mail.ru

Аннотация. Одним из основополагающих тезисов современной теории перевода является положение о том, что в процесс перевода включаются по меньшей мере два языка и две лингвокультуры. В Казахстане же ситуация в сфере перевода весьма своеобразна: достаточно часто при переводе с казахского на английский и наоборот по многим причинам (в том числе — и ввиду сложившейся традиции казахско-русского/русско-казахского перевода) русский язык выполнял роль языка-посредника. Значителен вклад русской культуры как культуры-посредника в процесс воссоздания английских текстов на казахском языке, что обусловлено особым статусом русского языка и культуры в Казахстане: русский стал вторым языком для большинства казахов; русский язык и культура воспринимались ими как близкие, родственные, выполняли роль «культурного моста» между источником и адресатом, азиатской и европейской культурами, особенно в процессе перевода с английского на казахский. В рамках такого подхода использование русских версий английских художественных текстов в качестве источника представляется естественным как с лингвистической, так и с лингвокультурной точки зрения; поэтому данный аспект функционирования русского языка и культуры в Казахстане следует рассматривать как одну из моделей его реализации в процессе перевода; в статье представлена модель взаимодействия казахской, русской и английской культур. Таким образом, изучение особенностей непрямого перевода с английского на казахский через русский язык и возникающих при этом лингвокультурных сдвигов обуславливает актуальность нашего исследования. В процессе исследования нами был использован качественный метод, представленный такими видами аналитических процедур, как предпереводческий анализ, лингвокультурная интерпретация текстов.

Ключевые слова: не прямой перевод, язык-источник, язык-посредник, переводящая культура, культура-посредник, язык-рецептор, принимающая культура

© Мирзоева Л.Ю., Жумабекова А.К., Досмаханова Р.А., Ажиев К.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Мирзоева Л.Ю., Жумабекова А.К., Досмаханова Р.А., Ажиев К.О. Роль русского языка и культуры в опосредованном переводе с английского языка на казахский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 945–961. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-945-961>

Russian Language and Culture in Indirect Translation from English into Kazakh

Leila Yu. Mirzoyeva¹ , Aigul K. Zhumabekova² ,
Raikul A. Dosmakhanova³ , Kanat O. Azhiev³

¹Suleyman Demirel University, *Kasselen, the Republic of Kazakhstan*

²Kazakh National Pedagogical University named after Abay, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*

³Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after Gumarbek Daukeev, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*

 dosmakhanova@mail.ru

Abstract. Typically, translation process involves two languages and two lingua-cultural traditions. In Kazakhstan, the situation in the field of literary translation is really specific: it is an indisputable fact that in translation from Kazakh into English and vice versa, Russian language works as a mediator due to the long-standing tradition of Kazakh-Russian/Russian-Kazakh translation; so, an intermediary role of Russian culture for rendering English texts into Kazakh is self-evident. Historically, Russian has become the second language for most of the Kazakh people; as a result, Russian language and culture are perceived as connatural phenomena as well as an important source for getting information. Moreover, Russian language and culture work as a cultural bridge between source (European) and target (Asian) cultures, particularly in course of translating from English into Kazakh. Therefore, the mediating role in indirect translation should be considered as one of Russian language functions; the authors developed a model of interaction between English, Russian, and Kazakh cultures in the process of indirect translation. So, the main peculiar features of indirect translation from English into Kazakh via Russian and corresponding cultural implications are considered the topical **object** of our research; the appropriate qualitative method represented by pre-translation text analysis, lingua-cultural interpretation of the texts has been used.

Keywords: indirect translation, source language, source culture, mediating language, mediating culture, target language, target culture

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Mirzoyeva, L.Yu., Zhumabekova, A.K., Dosmakhanova, R.A., & Azhiev, K.O. (2025). Russian Language and Culture in Indirect Translation from English into Kazakh. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 945–961. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-945-961>

Введение

В исследованиях, посвященных непрямому переводу, отмечается, что опосредованный перевод — явление достаточно типичное, уходящее корнями вглубь веков; как феномен, он существует начиная с глубокой древности вплоть до настоящего времени; взаимодействие источника, посредника и рецептора могло быть преднамеренным и ограничиваться определенными временными рамками, т.е. текст-посредник и текст-рецептор могли относиться к одной и той же эпохе, либо быть непреднамеренным, последовательно осуществляемым сотрудничеством [1. С. 335]. В Казахстане языковая ситуация характеризуется особой спецификой: в процесс перевода с казахского языка на английский и наоборот русский язык оказывается вовлеченным как язык-посредник. Существует множество условий, предопределивших эту ситуацию, и одно из важнейших — существование сформировавшейся традиции русско-казахского/казахско-русского перевода. Необходимо отметить значительный вклад русской культуры как культуры-посредника в процесс воссоздания английского текста на казахском языке. Это, в свою очередь, основано на специфическом статусе русского языка и культуры в Казахстане в течение многовековой истории языкового взаимодействия, и в особенности — языковой ситуации, сложившейся в XX—XXI вв., которая не могла не оказать влияние на ситуацию в сфере перевода. Так, согласно результатам социолингвистического исследования С.В. Дмитриюка, «для казахской этнической группы русский язык по-прежнему остается важным средством приобщения к русской и мировой культуре» [2].

Анализируя современные принципы языковой политики, Э.Д. Сулейменова подчеркивает, что государственные программы функционирования и развития языков (1998; 2001; 2011) построены с соблюдением «функционального принципа формирования лингвистического поля в республике», предполагающего наряду с расширением и укреплением социально-коммуникативных функций государственного языка сохранение общекультурных функций русского языка» [3. С. 7]. Русская культура воспринималась в Казахстане как родственная и близкая ввиду использования русского языка как второго большинством казахов; поэтому русский язык мог выполнять и функцию проводника иной, европейской культуры, мыслимой как внеположенный феномен; русский язык и культура рассматривались и как один из источников получения малодоступной информации.

С другой стороны, Ю. Найда утверждал, что разница между культурами может обусловить гораздо более серьезные трудности для переводчика, чем разница в структуре языков [4. С. 130]; в отношении непрямого перевода это утверждение приобретает особую методологическую значимость.

Исходя из вышесказанного, в **цели** настоящей работы входит определение влияния русского переводного текста как текста-посредника в процессе непрямого перевода, на конечный продукт, т.е. текст-рецептор на казахском

языке. В качестве **материала** исследования нами избраны русская и казахская версии трагедии У. Шекспира «Гамлет» (перевод Б. Пастернака и Х. Ергалиева, соответственно), поскольку текст-источник является одним из ключевых для переводящей культуры; следовательно, его воссоздание в русской переводческой традиции и последующее восприятие русской версии как текста-посредника при переводе на казахский язык значимо не просто как факт перевода литературного шедевра, но и как трансфер эксплицитно представленной и имплицитно заложенной в тексте информации, имеющей мировоззренческую, идеологическую, культурную, социальную значимость.

Материал и методологические принципы исследования

L. Venuti отмечает, что статус национального языка и культуры одновременно предполагается и создается посредством перевода. Если же стратегия является сугубо национально ориентированной, перевод имплицитно подчеркивает невозможность ограничиваться национальными рамками [5. С. 178]. Безусловно, данное положение, и в особенности — акцент на невозможности ограничиться сугубо национальными рамками в ходе процесса перевода, свидетельствует о том, что тенденция к вовлечению сразу нескольких языков в данный процесс является одной из ведущих, особенно на современном этапе его развития. В то же время само понятие непрямого перевода до сих пор является дискуссионным; так, согласно положениям, выдвинутым G. Toury [6], существуют определенные нормы, регулирующие процесс непрямого перевода; таким образом, перевод такого рода в определенной мере допустим в подсистеме литературных текстов. Если же взять за отправную точку теорию полисистем [7], то, согласно ей, не прямой перевод часто представлен в слабых полисистемах, которые зависят от других, более сильных систем, в особенности — в отношении литературных моделей и прецедентных феноменов. M. Shuttleworth, M. Cowie отмечают также, что отношение к не прямому переводу является скорее отрицательным; так, они указывают, что в Найробийской декларации говорится: прибегать к нему следует только в случае крайней необходимости [8. С. 76]. Утверждается также, что не прямой перевод — это стратегия, используемая переводчиком при решении дилеммы между необходимостью предоставить языковой аудитории, воспринимающей текст, доступ к аутентичному значению оригинала и стремлением донести информацию настолько ясно, насколько это возможно [9. С. 177]. Не прямой перевод, как правило, расширяет и разъясняет исходный текст, так что содержащаяся в нем имплицитная информация, которая легко извлекается носителями языка оригинала в исходном контексте, предусмотренном автором текста оригинала, будет в равной степени доступна носителям языка перевода.

В ряде современных исследований, посвященных потерям в процессе непрямого перевода, говорится также о проблеме размывания важного

культурного значения¹. При этом утверждается, что наиболее типичной тенденцией непрямого перевода является утрата затекстовой, а также культурно нагруженной, культурно специфичной информации [10. С. 5]. Терминология в сфере транслятологии, связанной с исследованием непрямого перевода, не является устоявшейся; так, например, I. Ivaska & L. Ivaska оперируют терминами *Ultimate source/Ultimate target language* (букв: абсолютный язык-источник/рецептор), отмечая, что текстов-посредников при непрямом переводе может быть и несколько, что вызывает необходимость их идентификации и определения степени влияния на текст-рецептор [11. С. 372]. В нашем случае данная методологическая проблема не является одной из ключевых, поскольку все переменные, о которых говорится в данной работе, известны; ключевой проблемой для нас является определение степени и характера влияния текста-посредника на текст-рецептор. Поэтому мы акцентировали внимание прежде всего на тех текстуально актуализированных элементах, функция и коннотации которых в тексте-источнике сопряжены с проблемой перевода и воссоздания в тексте-рецепторе; в большинстве случаев, эта проблема является результатом отсутствия данных элементов либо интертекстуальных явлений в культурной системе читателей текста-рецептора [12. С. 58].

Отметим также, что настоящее исследование имеет преимущественно эмпирический характер; значимость данного подхода для работ в сфере переводоведения была определена А. Chesterman [13], который указывал, что именно с помощью данного подхода можно верифицировать гипотезу и что именно эмпирический подход делает возможным создание типологии переводов, а также определение причин и следствий тех или иных переводческих решений [14]. Помимо этого, в качестве одной из методологических основ нами были использованы положения Н.К. Гарбовского о том, что суть перевода отражает «идею порождения вторичных языковых структур на основе первичных», а также о создании виртуального объекта в процессе переводческой деятельности (в приложении к процессу непрямого перевода) [15. С. 364]. На данной основе мы предприняли попытку построить модели взаимодействия трех языков — источника, посредника и рецептора — в процессе непрямого художественного перевода с учетом специфики собственно языковой и лингвокультурологической компетенции переводчика, работающего в среде, где функционируют как язык-рецептор (казахский), так и язык-посредник (русский).

В этой связи представляется необходимым также обратиться к положению относительно языковых контактов, выдвинутому У.М. Бактигереевой и О.А. Валиковой и имеющему непосредственное отношение к построению

¹ Lost in Indirect Translation — Researchers Tackle Problems of Indirect Translation. 2019. Режим доступа: https://www.tcd.ie/news_events/articles/lost-in-indirect-translation--researchers-tackle-problems-of-indirect-translation/ (дата обращения: 15.10.2023).

моделей непрямого перевода вообще и непрямого перевода в рамках избранной нами языковой триады — в частности: «...в эпоху активно моделируемого глобального социума дополнительный импульс для ее (языковой системы) развития дают языковые контакты. В их процессе происходит не только глубинная перестройка языковых уровней, но и зарождение новых «образов мира» [16]. Все сказанное выше определяет также выбор методики качественного анализа, поскольку мы имеем дело не со статистикой, а с уникальными случаями, слабо поддающимися формализации.

В ходе исследования нами был использован метод компаративного анализа, основанного на таких приемах, как предпереводческий анализ текста, его лингвокультурная интерпретация и пр. Выбор метода анализа обусловлен именно опорой на языковые ситуации, связанные с процессом перевода и с теми функциями, которые выполнял русский язык в качестве посредника в ходе воссоздания английского художественного текста на казахском языке через его русскую версию. Поэтому наша классификация построена с учетом лингвокультурологической и переводоведческой, в том числе — трансформационной методики анализа. В то же время при категоризации материала мы акцентировали внимание на различных аспектах и ситуациях, отражающих влияние языка и культуры-посредника на процесс и результат перевода.

В качестве материала для исследования был избран знаковый, символический уже не только для английской, но и для русской культуры текст трагедии В. Шекспира «Гамлет»²; корреспондирующие тексты русской версии (Б. Пастернак)³ и казахского перевода (Х. Ергалиев)⁴.

Результаты исследования: модели взаимодействия языков в процессе непрямого художественного перевода (триада английский-русский-казахский языки)

На основании избранного нами подхода становится возможным объяснить, почему современные казахские переводчики зачастую выбирают русские версии английских художественных текстов в качестве источника для своей деятельности как с точки зрения культуры, так и с точки зрения языка; поэтому мы можем рассматривать этот аспект русского языка и культуры как один из важнейших при построении модели его функционирования в Казахстане. Общеизвестно, что советская школа перевода достигла наибольших результатов в сфере художественной литературы; так, переводы Б. Пастернака считаются одними из лучших, поскольку реципиент-переводчик, прекрасно зная особенности английского языка и культуры, с тонкостью большого русского

² *Shakespeare W.* The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark. Сибирское университетское издательство, 2008.

³ *Шекспир У.* Гамлет, принц датский. Пер. Б. Пастернака. М. : Искусство, 2006.

⁴ *Ергалиев Х.* Гамлет. Аударма // Шекспир У. Отелло. Асауға тұсау. Гамлет. Ромео мен Джульетта. Король Лир. Сонеттер. Астана : Аударма, 2004. С. 232–361.

художника передал их для читателя. Мы же имеем дело со своеобразной ситуацией: русский язык и культура в Казахстане совмещают в себе характеристики как переводящей, так и принимающей культуры, что обусловлено именно посреднической функцией в процессе перевода. Следовательно, модель вышеуказанного взаимодействия между русской, казахской и английской культурами может быть представлена следующим образом (см. Рис. 1):

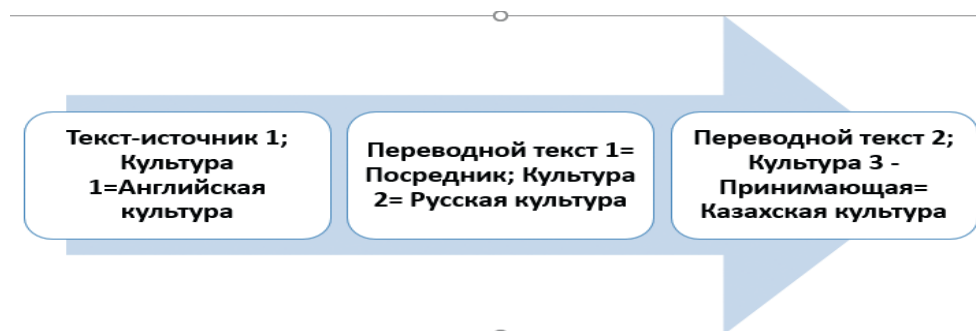

Рис. 1. Модель взаимодействия переводящей культуры, культуры-посредника и принимающей культуры

Источник: составлено Л.Ю. Мирзоевой, А.К. Жумабековой, Р.А. Досмахановой, К.О. Ажиевым.

Fig. 1. The model of interaction between source, intermediary and target cultures

Source: compiled by Leila Yu. Mirzoyeva, Aigul K. Zhumabekova, Raikul A. Dosmakhanova, & Kanat O. Azhiev.

Сфера художественного перевода, в особенности в тех случаях, когда речь идет о воссоздании знаковых для культуры текстов, многопланова и многослойна; она отражает разные ситуации контактирования языков; причем модель языкового взаимодействия в подобных описываемому нами случаях усложняется за счет фактора непрямого перевода. Как утверждает J. Boase-Beier, если уже переведенный текст будет заново переведен, то первичный акт перевода не может не оказать влияния на вторичный [17. С. 5].

Воссоздание вещного мира «Гамлета» в казахском переводе: влияние русского языка и культуры

В рамках декларируемого нами подхода наиболее типичными являются приведенные ниже результаты воздействия языка и культуры-посредника (русского) на текст, сформированный на языке-рецепторе (казахском) и восприятие тех отклонений от оригинала, которые возникли в ходе воссоздания текста на языке-посреднике. По нашему мнению, эта ситуация является наиболее типичной и широко представленной в тексте перевода шекспировской трагедии. Количественные характеристики будут представлены нами ниже; здесь же обратимся к сопоставительному анализу оригинала, русской версии и перевода на казахский язык. Для наглядности сопоставления нами во всех нижеприведенных случаях приводится также обратный подстрочный перевод с казахского на русский язык. Ср.:

(1) Оригинал ⁵	Текст-посредник ⁶	Текст-рецепт ⁷
<i>Speak of it! Stay, and speak!- Stop it, Marcellus! Mar.</i>	<i>Марцелл, Держи его! Марцелл.</i>	<i>Марцелл, Ұста ананы! Марцелл.</i>
<i>Shall I strike at it with my partisan?</i>	<i>Ударить алебардой?</i>	<i>Айбалтамен ұрсам ше?</i>

Вещный мир шекспировской трагедии, таким образом, подвергается изменению как в русском переводе, так и в казахской версии: из перевода исчезает вид копья с плоским наконечником — *протазан*, старинное оружие, отражающее эпоху создания текста; он заменен более понятным и приближенным аналогом — *алебарда* в русском переводе. Алебарда, в отличие от протазана, широко использовалась в русской армии вплоть до конца XVIII в. (в особенности как знак отличия) и являлась колюще-режущим оружием; протазан же был только колющим оружием (поэтому в другом русском переводе, выполненном А. Полевым, Горацио призывает Марцелла не *бить*, а *колоть*). В казахском тексте отмечаем оригинальный вид национальной адаптации вещного мира шекспировской трагедии к мировосприятию казахского читателя, осуществленный через посредство русского текста. *Айбалта* — среднеазиатский боевой топор с лезвием, напоминающим полумесяц, и обухом⁸.

Безусловно, нельзя утверждать, что переводчик всегда следует за русской версией; проблема нестыковки и несоответствия вещного мира казахской и русской культур также имеет место. Так, если шекспировский Полоний использует *season* (*приправить*), а в русском тексте под влиянием европейской культуры появляется четко воспринимаемый реципиентом *соус* (также проникший в язык вследствие европеизации жизненного уклада), то у переводчика на казахский язык нет ни возможности, ни необходимости следовать как оригиналу, так и русской версии текста: казахи не использовали приправ (*Нәшін тауып айта білсең болғаны*).

Адаптация на основе текста-посредника очевидна и в случае, когда реальность, представленная в тексте оригинала, в равной мере нехарактерна и для языка-посредника, и для языка-рецептора. Так, рассуждая о бренности человеческого тела при виде выброшенного из могилы черепа шута Йорика, в основу сравнения, которое низводит часть тела до уровня вещи, Гамлетом положена игра в *кегли* (*loggats*); о том, что реальность так и осталась в значительной степени чуждой русскому языковому сознанию, свидетельствуют

⁵ *Shakespeare W.* The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark. Сибирское университетское издательство, 2008.

⁶ *Шекспир У.* Гамлет, принц датский. Пер. Б. Пастернака. М. : Искусство, 2006.

⁷ *Ерғалиев Х.* Гамлет. Аударма // Шекспир У. Отелло. Асауға тұсау. Гамлет. Ромео мен Джульетта. Король Лир. Сонеттер. Астана : Аударма, 2004. С. 232—361.

⁸ *Трубников Б.Г.* Большой словарь оружия. М. : АСТ. Режим доступа: http://sprvka.ru/b-a-_g-a-_t-r-u-b-n-i-k-o-v-a-a-_35/a-j-b-a-l-t-a-.html (дата обращения 15.10.2023).

данные Национального корпуса русского языка⁹ (10 вхождений, содержащих данное слово; все они извлечены из переводных текстов; примечательно и авторство — Дж. Р.Р. Толкин, Дж. Роулинг, А. Линдгрэн и пр.; лишь 2 вхождения — это тексты, продуцируемые носителями русского языка). Аналогичная ситуация наблюдается и в Алматинском корпусе казахского языка¹⁰, где данная реалия не представлена. Казахское *асық* (национальная игра с надпяточными суставными костями овец) в точности соответствует русской реалии — *игре в бабки*; следует отметить, что переводчики акцентируют внимание на том, что это именно *человеческие кости*. Детализация такого рода придает сцене еще более сюрреалистический и циничный характер, поскольку для казахской культуры не характерны ни мениппея как насмешка над смертью, ни предопределенное таким подходом пренебрежительное отношение к останкам:

(2) <i>Did these bones cost no more the breeding, but to play at loggats with 'em? mine ache to think on't.</i>	<i>Стоило ли растить эти кости, чтобы потом играть ими в бабки? Мои начинают ныть при мысли об этом.</i>	<i>Адамды асық қылып ойнау үшін өсірудің керегі не? Осы бір ой менің сай сүйегімді сырқыратып жіберді.</i>
---	--	--

Таким образом, русский язык как язык-посредник оказывает значительное влияние на воссоздание явлений вещного мира, реалий, в переводе на язык-рецептор, во многом благодаря длительным контактам русского и казахского языков.

Явления ментальной и духовной сферы в казахской версии «Гамлета»

Передача явлений ментальной и духовной сферы в казахской версии «Гамлета» может считаться наиболее трудной для воссоздания областью; сюда мы включаем понятия, связанные с особенностями национального мировосприятия. Так, в частности, к числу явлений ментальной и духовной сферы, которые являются источником переводческих трудностей, нами отнесены понятия из области веры и религии, ряд мистических представлений и др. Непрямой же характер перевода зачастую предполагает контаминацию понятий и явлений, ср.:

(3) <i>I shall th' effect of this good lesson keep As watchman to my heart. But, good my brother, Do not as some ungracious pastors do...</i>	<i>Офелия Но, милый брат, Не поступай со мной, как лживый пастырь,</i>	<i>Ағатай, тек жалған айтқыш сопыдай Алдай көрме.</i>
---	--	---

⁹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/search> (дата обращения 15.10.2023).

¹⁰ Алматинский корпус казахского языка. Режим доступа: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.10.2023).

Пастор — понятие из сферы духовной жизни (ср., например, дефиницию, представленную в Oxford online dictionary, а также синонимический ряд, все члены которого имеют клерикальный характер и связаны исключительно со сферой религии и богослужения; точный аналог в русском языке — протестантский священник¹¹; понятие было генерализовано в переводе Б. Пастернака (Пáстырь, пастыря, муж. 1. Пастух (книжн. церк., поэт. устар.) 2. Священник, руководитель паствы (церк.)¹². В казахском варианте мы встречаемся с адаптацией, которая принимает во внимание специфику представления понятия в тексте-посреднике: *сопы (суфий)* — соответствует прямому значению слова *пастырь* весьма приблизительно (т.к. реальным проповедником у мусульман является мулла, суфий же является скорее «просветленным», мистиком, живущим по принципам покаяния и самоотречения): *Анығы — Лубсан Данзан заманының оқымысты кісісі, сары дін жолында сопы — лама болса керек*. В дословном переводе: *Ясно только, что Лубсан Данзан был образованным человеком своего времени, суфийем-ламой по религиозным убеждениям*. Однако при употреблении *сопы* в ироничном значении *святоша* (лживый святоша) представления, отраженные в тексте-рецепторе, получают весьма близкими как к тексту-посреднику, так и к оригиналу. Возможно говорить и о прецедентных знаниях, закрепленных в значимых для казахской культуры текстах и характеризующихся четко выраженными оценочными ориентациями, а именно, связью с негативной зоной шкалы оценок (ср. знаковый текст Ш. Кудайбердиева: «Посмотрите на мулл и суфи. Ежедневно творящие пятикратный намаз, прикрываясь Кораном, они в то же время бессовестно обманывают и обирают народ. В чем их святость?»).

Пронизывающая оригинал «Гамлета» мистика и таинственность задается с первых же строк, с появления на сцене призрака; в оригинале номинации, сопровождающие мистического персонажа, — это *Ghost*, *Fantasy* и *Illusion* (последнее употреблено в единственном случае — в речи Горацио, который пытается остановить призрака). Что касается перевода на русский язык как текста-посредника, там, соответственно, наблюдается использование номинаций *Призрак/Наваждение*, а также сложного понятия *игра воображения*; в казахском же тексте как в тексте-рецепторе, происходит национальная адаптация ментального конструкта. Так, когда речь идет об обобщенном понятии, о *Призраке* «вообще», то в речи персонажей (стражей Бернардо и Марцелла, а также друга Гамлета Горацио) наблюдается нейтральное и генерализованное *елес (призрак)*, ср.:

¹¹ Москвин А.Г. Большой словарь иностранных слов. М. : Центрполиграф, 2007.

¹² Толковый словарь Д.Н. Ушакова. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod=198> (дата обращения: 15.10.2023).

(4) <i>How now, Horatio! you tremble and look pale: Is not this something more than fantasy?</i>	Ну что, Гораций? Полно трепетать. Одна ли тут игра воображенья?	Кәне, бұл не, Горацио? Былшыыл дерсіз. Елес пе екен ойдан шыққан ойнақы?
--	---	--

Когда же необходимо подчеркнуть магическую, волшебную природу, употребленное в оригинале *Illusion* воссоздано в русском тексте как *наваждение*, в казахском же отмечается компенсация при помощи эпитета (*сиқырлы* — волшебный, магический):

(5) <i>I'll cross it, though it blast me. Stay, illusion! If thou hast any sound, or use of voice...</i>	Но тише! Вот, ой, вновь! Остановлю Любой ценой. Ни с места, наваждение!	Ақырын! Әне, тағы сол! Қайтсем-дағы Тоқтатамын. Қозғалма, сиқыр елес!
--	--	--

В то же время в казахском варианте появляется оттенок, не свойственный ни тексту-источнику, ни тексту-посреднику, а именно: если речь идет о данном, конкретном призраке отца Гамлета, покойном короле, переводчик целенаправленно выбирает слово *Әруақ* (буквально: *дух предка*), эксплицируя то, что в английском и русском тексте выражалось имплицитно и подчеркивая тем самым духовную связь *Призрака* и протагониста шекспировской пьесы. Именно это слово функционирует в казахской версии «Гамлета» (количество словоупотреблений в тексте — 35).

Отметим также, что в казахской версии «Гамлета» отмечено употребление лексемы *рух* в качестве аналога к *духу/spirit*:

(6) <i>Angels and ministers of grace defend us! Be thou a spirit of health or goblin damn'd...</i>	Святители небесные, спасите! Благой ли дух ты, или ангел зла...	Уа, ғарыштағы қасиеттілер, сақтай ғөр! <i>Шапағатты рухпысың, әзірейілмісің әлде сен...</i>
--	---	--

Однако данная триада *spirit/дух/рух* в тексте-источнике, тексте-посреднике и тексте-рецепторе соответственно нацелена на экспликацию практически идентичных семантических и прагматических компонентов значения: *дух* в противовес телу, облеченному во плоть.

Эмотивная сторона текста-рецептора также находится под очевидным влиянием русской культуры и русского языка, выполняющих посредническую функцию: так, отражение эмоционального состояния в облике призрака рисуется в оригинале просто противопоставлением цвета (*бледен/красен*). В русской версии появляется объяснение причины — особого эмоционального состояния (*красен от волненья*), а также эмотивно окрашенное сравнение *бел, как снег* (а не просто *очень бледен*), что, на наш взгляд, можно объяснить большей степенью эмоциональности русской культуры как культуры принимающей (при осуществлении перевода с английского

языка). В плане эмотивного потенциала текст-рецептор — казахский вариант шекспировской трагедии — в полной мере соответствует тональности, заданной в тексте-посреднике:

(7) Hamlet	Гамлет	Гамлет. Құп-қу ма әлде
<i>Pale or red?</i>	<i>Он был бледен</i>	<i>Қобалжудан қызыл бар</i>
<i>Horatio</i>	<i>Иль красен от волнения?</i>	<i>ма бетінде?</i>
<i>Nay, very pale.</i>	Горацио	Горацио.
	<i>Бел, как снег</i>	Әппақ қардай

Непрямой перевод оказывает влияние также на восприятие ключевых мировоззренческих концептов; так, в казахском языке и в казахской культуре нет персонификации смерти, она не имеет облика. Для казахской культуры не характерно и травестированное восприятие смерти, в казахском языке нет ее эвфемистических обозначений. Поэтому переводчик персонифицирует текст, вводя образ конкретного человека и используя кальку (курносый/короткий, вздернутый нос):

(8) Hamlet. Why, e'en so: and	Гамлет. Да, вот именно.	Гамлет. Иә, солай, солай...
<i>now my Lady Worm's...</i>	<i>А теперь он угодил</i>	Енді мұрны мырық...
	к Курносой	

Ср. также перевод М. Лозинского, который структурно ближе к оригинальному тексту: *Вот именно; а теперь это — государыня моя Гниль, без челюсти, и ее стучает по крышке заступ могильщика*. Важно отметить, что у Б. Пастернака присутствует добавление как стратегия перевода: в оригинале череп выступает как персонифицированная смерть, и неважно, что череп принадлежит мужчине (Lady Worm's буквально *госпожа червей*), тогда как в переводе Б. Пастернака Йорик *угодил к Курносой*.

Компаративный анализ текста-оригинала, текста-посредника и текста-рецептора дает возможность сделать вывод о том, что взаимодействие оригинала, текста-посредника и текста-рецептора определяет восприятие ключевых мировоззренческих концептов, в том числе — явлений духовной жизни, религии и веры.

Отражение явлений социальной сферы в оригинальном тексте и проблемы их воссоздания в непрямом переводе

Сопоставление текстов оригинала, русской версии и непрямого перевода на казахский язык позволяет также выявить ряд феноменов социальной сферы, обозначения которых подверглись трансформации в переводе на русский язык и, соответственно, нашли схожее отражение в казахской версии шекспировской трагедии. Одной из ярких иллюстраций данного тезиса является сравнение фрагментов диалога могильщиков в тексте оригинала, а также в тексте на языке-посреднике и языке-рецепторе:

(9) <i>Second Clown.</i> <i>Will you ha' the truth on't?</i> <i>If this had not been</i> <i>a gentlewoman, she should</i> <i>have been buried out o'</i> <i>Christian burial.</i> <i>...the more pity that</i> <i>great folk should have</i> <i>countenance in this world to</i> <i>drown or hang themselves ...</i>	<i>Второй могильщик. Хочешь</i> <i>знать правду? Не будь</i> <i>она дворянкой, не видать</i> <i>бы ей христианского</i> <i>погребения.</i> <i>Первый могильщик. ...</i> <i>Чистая публика топись</i> <i>и вешайся, сколько душе</i> <i>угодно...</i>	<i>Екінші қабірші. Саған керегі</i> <i>шындық па? Егер бұл өзі</i> <i>дворянның қызы болмаса,</i> <i>христианша жерленудің</i> <i>қарасын да көре алмас еді.</i> <i>Бірінші қабірші. ...</i> <i>Бекзаттардың суға батам</i> <i>десе де, дарға асылам десе де...</i>
--	---	---

В то же время приведенный выше контекст демонстрирует некоторые расхождения между оригиналом, текстом-посредником и текстом-рецептором относительно социальных маркеров. В частности, фраза весьма широкой семантики *great folk* трансформируется в русской версии трагедии в ироничную ФЕ *чистая публика*, тогда как избранная Х. Ергалиевым лексема *бекзат* означает не только 'аристократ', но и 'благородный (поведением, обликом)'.

Очевидно влияние русского текста-посредника на текст-рецептор в случае с передачей шекспировских *clowns* при помощи русского *могильщика*, которому в казахской версии «Гамлета» соответствует *қабірші*. На наш взгляд, *Clowns*, которые в ряде исследований воспринимаются как шуты низшего порядка, представляют собой одно из «темных мест» трагедии, поскольку неясно, почему именно они выполняют роль могильщиков.

Помимо этого, важно отметить заострение социального аспекта как в русской, так и в казахской версии текста: если в оригинале *If this had not been a **gentlewoman*** (т.е. *девушка, имеющая хорошее происхождение*), то в русской версии переводчиком избран национально специфичный аналог *дворянка* (*Не будь она **дворянкой**, не видать бы ей христианского погребения*), который был употреблен и в казахском тексте как заимствование из русского языка, полностью освоенное казахским языком. О том, что лексема *дворянин* была воспринята казахским языком, свидетельствует фиксация 3 вхождений в Алматинском корпусе казахского языка; ср., например: *Хат не жайында? әрине, **дворян** тәрбиесімен өскен Неплюев біреудің хатын ашып оқудан аулақ еді...*¹³.

Вышеприведенные случаи подтверждают, что именно текст-посредник дает возможность адаптации явлений социальной сферы к мировосприятию носителей языка-рецептора.

¹³ Алматинский корпус казахского языка. Режим доступа: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.10.2023).

Дискуссия

Основываясь на проведенном выше анализе фактического материала, представляется логичным схематизировать влияние русской версии «Гамлета» (перевод Б. Пастернака), или текста-посредника, на текст-рецептор (перевод на казахский язык, осуществленный Х. Ергалиевым) в виде следующей модели (Рис. 2):

Рис. 2. Уровни влияния языка-посредника на процесс и результат перевода
 Источник: составлено Л.Ю. Мирзоевой, А.К. Жумабековой, Р.А. Досмахановой, К.О. Ажиевым.

Fig. 2. Strata of intermediary language influence on translation process and result.
 Source: compiled by Leila Yu. Mirzoyeva, Aigul K. Zhumabekova, Raikul A. Dosmakhanova, & Kanat O. Azhiev.

Предметный уровень предполагает отображение в казахской версии «Гамлета» вещной сферы оригинала (под влиянием либо вопреки влиянию культуры, языка и текста-посредника) либо отсутствие такого отображения; ментальный уровень соотносится с теми трансформациями понятий духовной сферы, которые также обусловлены непрямым характером перевода и воздействием посредника; социальный уровень представляет собой репрезентацию статусных характеристик, социальных страт и интеракций персонажей с учетом социальных факторов.

В тоже время мы можем представить модель влияния текста-посредника на текст-рецептор и в плане подразделения информации на когнитивную и эмоциональную:

Если принять во внимание анализ процентного соотношения случаев влияния текста-посредника на текст-рецептор, то его результаты свидетельствуют о том, что наиболее сильным является влияние русского языка как языка-посредника на текст, сформировавшийся в языке-рецепторе, именно в ментальной и духовной сфере: из 126 выявленных нами случаев 44 (34,9 %) такого влияния приходится на предметный уровень, 51 случай (40,5 %) — на ментальную и духовную сферу, и, наконец, 31 текстовый фрагмент (24,6 %), выявленный нами в ходе сопоставительного анализа, отражает явления социальной сферы.

Приведенная здесь диаграмма демонстрирует многостороннюю роль как текста-посредника, так и в целом русского языка и культуры для воссоздания знакового текста на языке-рецепторе; не случайным представляется также

преобладание именно явлений ментальной и духовной сферы ввиду их сложности и многоплановости. Безусловно, невозможно говорить о точном совпадении как самих явлений, представленных в тексте-посреднике и в тексте-рецепторе, так и о восприятии их носителями казахского и русского языков; тем не менее, именно описанная выше роль русского языка как языка-посредника позволила приблизить текст-рецептор к тексту оригинала. Использование разнообразных переводческих стратегий также во многом определено характером взаимодействия текста-посредника и текста-рецептора.

Заключение

Таким образом, построение моделей взаимодействия языка и культуры оригинала, языка и культуры-посредника и языка и культуры-рецептора представляют собой значительное поле не только для исследований в сфере художественного перевода, но и в рамках изучения функционирования языка, имеющего особый статус (а именно таков статус русского языка в Казахстане). Посредническая функция русского языка в процессе непрямого перевода остается в настоящее время практически неисследованной, в связи с чем авторами предпринята попытка заполнить данную лакуну. Нами рассмотрены функции языка-посредника, выполняемые им при воссоздании сложной структуры текста оригинала, с одной стороны, и формировании основы для текста на языке-рецепторе. Сложное взаимодействие трех языков и трех культур, преломляющееся через перевод, находит отражение на различных уровнях, а именно, в семиотике, семантике и прагматике текста. Нами рассмотрены три важнейших аспекта: репрезентация явлений духовной жизни, социальной сферы, а также предметного мира в тексте-посреднике и тексте-рецепторе. Модели, предлагаемые в данной работе, представляют собой попытку обобщения специфики посреднической функции русского языка, а также способствуют изучению языковых ситуаций, определяющих особенности функционирования русского языка в Казахстане и процессов в сфере перевода.

Дальнейшие перспективы исследований в сфере непрямого перевода с английского на казахский язык через русский заключаются в выявлении расхождений между текстом-оригиналом, текстом-посредником и текстом-рецептором, а также в рассмотрении непрямого перевода с казахского языка на английский через русский язык.

Список литературы / References

1. Brodie, G. (2018). Indirect Translation on the London Stage: Terminology and (In)Visibility. *Translation Studies*, 11(3), 333–348. <https://doi.org/10.1080/14781700.2018.1447990>
2. Dmitryuk, S. (2000). *Language and Ethno-cultural Settings in Kazakhstan*. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira: Sb. nauch. st., Ufimtseva N.V.* Moscow: In-t yazykoznaniiya. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-6.html (accessed: 15.10. 2023). (In Russ.).

- Дмитрюк С.В. Языковая и этнокультурная ситуация в Казахстане // Языковое сознание и образ мира: Сб. науч. ст. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания, 2000. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-6.html (дата обращения: 15.10.2023).
3. Suleimenova, E. (2011). Kazakh Language Vitality and Language Planning. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, 2(132), 7–13. (In Russ.).
Сулейменова Э.Д. Витальность казахского языка и языковое планирование // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2011. № 2(132). С. 7–13.
 4. Nida, E. (1964). Principles of Correspondence. In: Venuti, L. (Ed.) *The Translation Studies Reader* (pp. 126–140). London: Routledge.
 5. Venuti, L. (2005). Local Contingencies: Translation and National Identities. In: *Nation, Language, and the Ethics of Translation*, S. Bermann and M. Wood (eds.) (pp. 177–202). Princeton: Princeton University Press.
 6. Toury, G. (1980). *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv University publ.
 7. Even-Zohar, I. (1990). Polysystem Theory. *Poetics Today*, 11(1), 9–26.
 8. Shuttleworth, M., & Cowie, M. (2014). *Dictionary of Translation Studies*. Routledge.
 9. Gutt, E. (1991). *Translation and Relevance*. Oxford: Basil Blackwell.
 10. Hadley, J. (2014). Chaucer Abducted — Examining the Conception of Translation behind the Canterbury Tales. *New Voices in Translation Studies*, 1, 1–24.
 11. Ivaska, I., & Ivaska, L. (2022). Source language classification of indirect translations. *Target. International Journal of Translation Studies*, 34(3), 370–394. <https://doi.org/10.1075/target.00006.iva> EDN: DZUWRJ
 12. Aixelá, J. (1996). Culture-Specific Items in Translation. In: R. Alvarez and C.-A. Vidal (eds.), *Translation, Power, Subversion* (pp. 52–78). Clevedon: Multilingual Matters LTD.
 13. Chesterman, A. (1998). Causes, Translations, Effect. *Target*, 10(2), 201–230.
 14. Li, W. (2017). The Complexity of Indirect Translation. Reflections on the Chinese Translation and Reception of H.C. Andersen's Tales. *Orbis Litterarum*, 72(3), 181–208. <https://doi.org/10.1111/oli.12148>
 15. Garbovskii, N.K. (2007). *Theory of Translation*. Moscow: MGU publ. (In Russ.). EDN: UUJKUZ
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во МГУ, 2007. EDN: UUJKUZ
 16. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2017). *Translingualism and Revitalization of Culture*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 57–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63> EDN: YFUBNV
Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63> EDN: YFUBNV
 17. Boase-Beier, J. (2014). *Stylistic Approaches to Translation*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315759456>

Сведения об авторах:

Мирзоева Лейла Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкового образования, Университет им. Сулеймана Демиреля (040900, Республика Казахстан, г. Каскелен, ул. Абылай хана, д. 1/1); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория перевода; *e-mail*: leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz
ORCID: 0000-0003-4174-9897.

Жумабекова Айгуль Казкеновна, доктор филологических наук, профессор кафедры точных языков и перевода, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, проспект Достык, д. 13); *сфера научных*

интересов: лингвокультурология, теория перевода; *e-mail:* aigzhum@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4457-2687.

Досмаханова Райкуль Амандыковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков, Алматинский университет энергетики и связи им. Гумарбека Даукеева (050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, д. 126/1); *сфера научных интересов:* лингвокультурология, теория перевода; *e-mail:* dosmakhanova@mail.ru
ORCID: 0009-0003-9011-6938.

Ажиев Канат Омирзакович, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков, Алматинский университет энергетики и связи им. Гумарбека Даукеева (050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, д. 126/1); *сфера научных интересов:* лингвокультурология, теория перевода; *e-mail:* azhievk@mail.ru
ORCID: 0009-0001-3958-4635.

Information about the authors:

Leila Yu. Mirzoyeva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Language Education, Suleyman Demirel University, (1/1, Abilay Khan Str., Kakselen, the Republic of Kazakhstan, 040900); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz
ORCID: 0000-0003-4174-9897.

Aigul K. Zhumabekova, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Oriental Languages and Translation, Kazakh National Pedagogical University named after Abai (13, Dostyk Ave, Almaty, the Republic of Kazakhstan, 050010); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* aigzhum@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4457-2687.

Raikul A. Dosmakhanova, PhD in Philology, Associate Professor the Department of Kazakh and Russian, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after Gumarbek Daukeev (126/1, Baytursynuli Str., Almaty, the Republic of Kazakhstan, 0500130); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* dosmakhanova@mail.ru
ORCID: 0009-0003-9011-6938.

Kanat O. Azhiev, PhD in Philology, Associate Professor the Department of Kazakh and Russian, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after Gumarbek Daukeev (126/1, Baytursynuli Str., Almaty, the Republic of Kazakhstan, 0500130); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* azhievk@mail.ru
ORCID: 0009-0001-3958-4635.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-962-976

EDN: CAJQSE

УДК 811.161.1:398.3

Научная статья / Research article

Философская основа фольклорного текста и его современных киноадаптаций

С.М. Конурбаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация

Институт современного искусства, Москва, Российская Федерация

✉ salavat@konurbaev.ru

Аннотация. Фольклорный текст, являясь продуктом народного сознания, переживает существенные трансформации, обусловленные социально-историческими факторами развития общества и связанными с ними когнитивными изменениями внутри культуры. Трансформация фольклорного текста осуществляется в направлении от передачи сакрального знания и онтологического объяснения бытия к развлечению. Механизмы этой трансформации рассматриваются через основные философские составляющие фольклорного текста — онтологическую, аксиологическую, эпистемологическую и телеологическую, включенные в различные социокультурные контексты. Новый междисциплинарный подход позволяет проследить историческое развитие народных текстов от древних мифов до современных адаптаций, а также обозначить когнитивные сдвиги, связанные с изменениями в философской парадигме. Трансформация философской парадигмы фольклорного текста показана на примере таких известных сюжетов, как «Золушка» и «Беовульф».

Ключевые слова: трансформация, когнитивный сдвиг, ценности, сакральная функция, функция развлечения

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Конурбаев С.М. Философская основа фольклорного текста и его современных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 962–976. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-962-976>

© Конурбаев С.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Philosophical Basis of Folklore Text and Its Screen Adaptations

Salavat M. Konurbaev

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

Institute of Modern Art, *Moscow, Russian Federation*

✉ salavat@konurbaev.ru

Abstract. Folklore texts, being products of folk consciousness, undergo significant transformations, conditioned by socio-historical factors of community development and related cognitive changes within the culture. The transformation of folklore texts is carried out in the direction from the transmission of sacred knowledge and ontological explanation of existence to entertainment. The mechanisms of this transformation are examined through the main philosophical components of the folklore text — ontological, axiological, epistemological and teleological, placed in different socio-cultural contexts. The new interdisciplinary approach allows us to trace the historical development of folklore texts from ancient myths to modern adaptations, as well as to outline the cognitive shifts associated with changes in the philosophical paradigm. The transformation of the philosophical paradigm of the folklore text is illustrated by the example of such famous stories as “Cinderella” and “Beowulf”.

Keywords: transformation, cognitive shift, values, secular function, entertainment function

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Konurbaev, S.M., (2025). Philosophical Basis of Folklore Text and Its Screen Adaptations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 962–976. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-962-976>

Введение

На протяжении долгого времени изучение фольклорного текста основывалось на анализе лингвистических, культурологических и антропологических аспектов. Исследователи рассматривали народные тексты через призму устной традиции, структурного анализа и семиотики. Многие отечественные специалисты (А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, Ю.М. Лотман, О.М. Фрейденберг, Д.С. Лихачев, В.П. Аникин и др.) трудились над развитием теории фольклора, предлагая и развивая инновационные идеи. А.Н. Веселовский, основатель исторической поэтики, рассматривал фольклор как продукт коллективного творчества, развивающегося под влиянием социально-исторических условий, и продвигал теорию «бродячих сюжетов», а также синкретизма слова и ритуала фольклорного текста [1]. М.М. Бахтин также подчеркивал, что бытие народного текста определяется культурным контекстом, и выдвинул понятие карнавальной культуры, связав фольклор с народной смеховой традицией [2].

В.Я. Пропп заложил основы структурного подхода к изучению народных произведений, предложив рассматривать волшебную сказку через

универсальные структурные элементы и функции действующих лиц [3–5]; им была предложена классификация народных текстов, выявлены общие структуры и закономерности развития сюжетов. Идеи В.Я. Проппа были модернизированы в работах Е.М. Мелетинского [6–8]; им предложен структурно-типологический метод, в рамках которого ученый сместил основной фокус на роль мифа и расширил систему анализа.

Ю.М. Лотманом разработан семиотический подход, согласно которому фольклор рассмотрен как часть семиосферы, универсального культурного пространства, необходимого для существования и функционирования знаков [9; 10]. Согласно данной концепции, культурное самоопределение, основу которого составляет фольклорное наследие, влияет на современное мироощущение. Несмотря на столетия, разделяющие человека XXI в. и его древних предков, цивилизация Новейшего времени все еще может познать архаичный код мудрости, заложенный в памятниках народного творчества. Изучая природу старинного текста, специалисты настаивают на том, что жизнь фольклорных форм искусства обусловлена способностью к адаптации. Ю.М. Лотман подчеркивает значимость контекста в определении онтологических особенностей народных произведений. Так, в зависимости от конкретной социально-исторической обстановки сказка может принимать роль мифа, нравоучения или же развлекательного текста. Филолог указывает на особенности актуализации народного кода, который перерождается под влиянием меняющихся культурных установок общества.

Позицию Ю.М. Лотмана о фольклорной модификации разделяла О.М. Фрейденберг, в работах которой представлен особый культурологический подход к анализу народного текста, в основе которого лежит представление о том, что миф есть форма мышления [11; 12]. Фольклорное наследие рассматривается как интеллектуальный фундамент, играющий важную роль в концептуализации мира; народное произведение есть ритуально-знаковая система, способствующая передаче знаний о мире и их интерпретации.

Постижение фольклорного текста соотносимо с проведением обряда, сущность которого заключается в стремлении получить и передать мудрость предков. В.П. Аникин, представивший систему работы с фольклорным творчеством, обращает внимание на роль социального компонента при анализе старинного текста [13; 14] и демонстрирует, что архетипы и формулы народного памятника определяют его уникальные содержательные и ценностные компоненты. Согласно Д.С. Лихачеву культурный код фольклорного произведения не только отражает особенности народной памяти, но и определяет специфику отношения к тем или иным событиям [15].

Несмотря на многообразие работ и количество фундаментальных исследований в отечественной фольклористике, в современной науке не представлена концепция, которая объединила бы филологический анализ и философскую рефлексию. Цель данной статьи — описание разработанного

в процессе наших исследований междисциплинарного подхода, позволяющего понять сущность фольклорного произведения, а также изложить основы его исторической динамики. Расширяя рамки традиционного лингвистического анализа, мы подходим к фольклорному тексту как к сложному феномену, анализ которого не может сводиться к изучению одной из его граней — языковому материалу. Иными словами, анализ функционального стиля, лингвостилистических, а также лингвопоэтических свойств представляет собой неотъемлемую часть филологического исследования, которая, однако же, является недостаточной для постижения онтологической глубины фольклорного материала.

Чтобы приблизиться к пониманию онтологии фольклорного произведения, обратимся к теории М. Хайдеггера, назвавшего текст «домом бытия» [16]. С точки зрения данного философского подхода, жизнь произведения представляет собой динамичную картину, живой процесс эстетической трансформации, обусловленный взаимодействием с воображением человека. Текст представлен как сложно организованное пространство, в котором обретающее форму бытие трансформируется и пересоздается, отражая работы мышления.

В данной статье рассматривается, как философские основы характеризуют бытие фольклорного текста. Анализ изменений в данной философской парадигме позволяет проследить фольклорный путь от древних мифов, приближающих древнего человека к сакральному знанию, до современных экранизаций традиционных фольклорных сюжетов, выполняющих развлекательную функцию. Изучение философских основ помогает увидеть когнитивный сдвиг, сопутствующий развитию фольклорных сюжетов и их адаптации к определенному времени и культуре.

Трансформация фольклорного текста

Неверно утверждать, что фольклор остался в далеком прошлом. Современное искусство тяготеет к интерпретации когда-то сакральных сюжетов. Перерабатывая древние легенды, предания и сказки, писатели и режиссеры черпают свои идеи именно из фольклора. Он всегда был динамичной системой познания, формирующейся под влиянием мировоззрения тех, кто его создает, передает и переосмысляет: «Для фольклористики существенно отнюдь не внефольклорное происхождение и бытие источников, а функция заимствования, отбор и трансформация заимствованного материала» [17]. Отсюда следует, что народное творчество, которое можно представить как живое языковое отражение когнитивной системы цивилизации, отнюдь не является статичным пережитком прошлого. Для того, чтобы понять, как развивается фольклор, и определить его место в современном искусстве, необходимо обратиться к философским основам, характеризующим бытие текста в определенной культуре.

Жизнь фольклорного текста, будучи квинтэссенцией народного сознания, опирается на четыре философских столпа: телеологию, аксиологию, эпистемологию и онтологию. Анализируя исторический путь народного творчества с опорой на данную парадигму, исследователь может определить, как та или иная цивилизация воспринимает реальность, обозначает ключевые ценности, накапливает знания и формирует цели. Важно обратить внимание на следующий факт: фольклор, бытие которого нельзя свести к статичному собранию текстов народного творчества, — не просто абстрактное отражение представленных философских категорий, но динамично трансформирующийся феномен. Движение фольклорной традиции определяется когнитивными сдвигами внутри культуры, которые соответствуют переходу от передачи сакрального знания и объяснения бытия к развлечению: «„Отчуждение“ от традиции превращает современный фольклор в процедуру, строго говоря, более или менее произвольного коллажирования, монтажа образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации» [18].

Фольклорное произведение можно помыслить как некую точку на шкале мистификации и рационализации. Жизнь народного текста обусловлена общественными представлениями о знании и способах его получения. В сказках герои могут сталкиваться с испытаниями, требующими магического откровения или эмпирического познания. Так, восприятие мира, представленное в народном произведении, указывает на положение текста по отношению к противоположным точкам шкалы — мистического и рационального способов познания. С течением времени происходит когнитивная трансформация в сторону рационализации — восприятие мистики более не требует умственных и эмоциональных усилий, волшебство представляет собой декорацию, которая служит фоном для драматического повествования. Современный скептически настроенный читатель или зритель воспринимает волшебство в качестве украшения или вспомогательного элемента. «Общий исторический прогресс человеческого знания сказался на характере преданий» [19. С. 272] — мистика перестает быть связующим звеном между сакральным знанием и человеком — адаптации фольклорных текстов становятся неоднозначными, развивая дискуссию и полемику. Современный реципиент перестает доверять авторитету и мудрости предков, предпочитая полемизировать и приходить к собственным выводам: «Мы утратили наше непосредственное чувство великих реальностей духа — а именно к этому миру принадлежит вся подлинная мифология» [20. С. 11].

Для того чтобы проследить трансформацию фольклорного текста, обратимся к старинному сюжету о Джеке и бобовом стебле и проведем лингвистический анализ — сравним сказку, представленную Дж. Джейкобсом, знаменитым английским фольклористом, с ее современными интерпретациями — мультфильмом «Fun and Fancy Free» (Disney, 1947) и киноадаптацией

«Jack the Giant Slayer» (2013). Историческая динамика фольклорного произведения показывает, как символическое «вертикальное восхождение» перерастает в развлекательное приключение.

В пересказе Дж. Джейкобса, который стремился сохранить аутентичность народной истории, прослеживаются древние фольклорные формулы, когнитивный код, направленный на передачу сакрального знания. Так, в тексте присутствуют повторы (*he climbed, and he climbed, and he climbed*; «*thump! thump! thump!*»), создающие особый ритм, необходимый для запоминания сказки наизусть, а также работающие на эстетику устного изложения. Ритмическая организация текста являлась неотъемлемой частью древнего творчества — повторяющиеся элементы были направлены на создание нарастающего напряжения или же, наоборот, успокаивали. Ритуально-магическое действие повторов усиливало эмоциональное воздействие, необходимое для восприятия священного знания. В сказке Дж. Джейкобса присутствуют рифмы (*Fee-fi-fo-fum, I smell the blood of an Englishman; Be he alive, or be he dead, I'll have his bones to grind my bread!*), что также указывает на связь с древним магическим ритуалом, заклинанием, звуковая магия рифмы и ритма в которых, как полагалось, обеспечивала связь с трансцендентным, — поэтому формульная точность, транслирующая некий обряд, играла важную роль в формировании старинного текста.

Для сказки Дж. Джейкобса метафора восхождения к небу является ключевой (*beans... grew right up to the sky*). Волшебные бобы связывают земной мир с небесным. Восхождение Джека транслирует мифологический мотив «мирового древа» или «лестницы в небо», характерный для многих культур. Путешествие по стеблю соотносится с переходом в сакральное пространство, где герой сталкивается с чудесами и испытаниями. Наличие слов с мрачной семантикой, повторы, сигнализирующие о нарастающем напряжении, значимость метафоры восхождения (*reaching the sky*) задают серьезный тон прочтения, что указывает на пафос постижения сакрального знания.

Серьезность сказки Дж. Джейкобса противопоставлена комичности и простоте мультфильма «Fun and Fancy Free», в котором забавное путешествие-игра заменяет символику сакрального восхождения. Музыкальные вставки с незатейливыми и жизнерадостными фразами (*I'm a happy-go-lucky fellow, so hey, what do I care?*) вытесняют напряжение — мультфильм создан с целью развлечь ребенка, а не передать древнюю истину. Волшебный мир становится красивой декорацией, способной привлечь внимание юного зрителя. Магия утрачивает свой мистический ореол, утрачивая при этом связь с высшими силами — и чудо воспринимается как часть веселого приключения, о чем свидетельствует восторженное восклицание героя: *Look, Mickey! The beanstalk is growing!*. Момент покупки бобов представлен как забавная оплошность, ироничная фраза матери Джека делает текст более смешным: *Oh, you're a clever one, aren't you? Trading a cow for beans!*. Для того чтобы не напугать

целевую аудиторию, сценаристы смягчают угрозы великана юмористическим тоном и добавляют комичный элемент *cookies: Fee-fi-fo-fum! I smell... cookies? Oh, it's just you, tiny human!*

В отличие от изложения сказки Джейкобса текст мультфильма характеризуется лексической и синтаксической простотой, а также юмористическим тоном. Смыслообразующую метафору восхождения заменяют визуальные изображения, которые делают мультфильм привлекательным для ребенка. Мистическое *reach the sky* заменяется на *Up, up, up he goes! Look at that beanstalk grow!*. Интерпретация фольклорного сюжета представлена в форме диалогов и реплик, сопровождающих увлекательное путешествие-игру. Мультфильм избавляется от мрачного тона и ритуальной символики, трансформируя первоначальный смысл, а исконное *and they lived happy ever after* заменяется на *and they all danced at the beanstalk party!*, что демонстрирует акцент на конкретном и сиюминутном, но не на вечном.

Фильм Б. Сингера экстраполирует переложение древнего сюжета на современность, что находит отражение как в языке, так и в интерпретации конфликта с добавлением любовной интриги и политического контекста. Мифологическая серьезность, присущая сказке Дж. Джейкобса, разрушается ироничными высказываниями и сарказмом: *Giants? Seriously? Next, you'll tell me elves are real!*; а магическое таинство и ритуал сменяются рационализацией и экшен-сценами. Бобы более не описываются как волшебные, на смену этому приходит логическое объяснение: *These beans are remnants of an ancient war between humans and giants*. Фольклорная абстракция уступает место конкретике, научно-историческому контексту. Рационализация мифа обусловлена техническими описаниями и метафорами с акцентом на функциональность: *The beanstalk is a bridge between worlds. We must destroy it before they reach the surface!*

Разрушение сакрального пафоса древнего текста связано с введением терминов (*species*), стирающих грань между мифом и наукой, а также заменой абсолютного на примитивную мотивацию (*hungry*): *The giants are not just stories. They're a species, and they're hungry*. Магические формулы и обряды уступают место коротким отрывочным фразам, соответствующим динамике боя: *Move! Now!*. Ироничные реплики героев направлены на разрушение сказочных клише, на противопоставление волшебного мира и рационализованной реальности: *You thought giants were just fairy tales? Welcome to the real world*. Фильм отражает скептически настроенное современное общество, которому не свойственно верить в чудо. Классическое *ever after* отступает, ему на смену приходит мрачный прагматизм — четко выраженный счастливый конец отсутствует: *The world will never know what happened here. Some secrets are better left buried*.

С помощью лингвистического анализа можно проследить, как трансформация фольклорного сюжета влияет на языковые изменения в тексте. Работа

с языковым компонентом позволяет увидеть адаптацию исконного текста к социально-культурному контексту: выбор средств художественной выразительности соотносится с когнитивным сдвигом, который, в свою очередь, определяет жизнь народного произведения. Данное исследование продемонстрировало, как сакральное восхождение преобразуется в интересное приключение, созданное с целью развлечь современного зрителя.

Бытие фольклорного текста

Любой текст создается с определенной коммуникативной целью, которая является его первичной установкой. Она может быть широкой (например, убедить, обучить, информировать, развлечь) или специализированной (развить стратегическое мышление, вызвать эмоции, передать культурные традиции). Так, *телеология* отвечает на вопрос: для чего создается текст? Сравнивая классический фольклор с его современными адаптациями, между ними можно провести четкую телеологическую грань. В древности устное народное творчество сосредотачивалось на сохранении сакрального баланса, традиций и передаче священного смысла, что отличается от основных задач киноадаптаций, которые направлены на игру с эмоциями, создание зрелищности и достижение коммерческого успеха. Изучая развитие народных сюжетов с опорой на телеологический компонент, можно увидеть сдвиг от божественного космического замысла к экзистенциальному, случайному. Изначально героические поиски фольклорных персонажей обусловлены судьбой, в текст заложен сакральный смысл, однако в современных историях, созданных с опорой на фольклорные мотивы, прослеживается акцент на случайность, силу личного выбора, что связано с отсутствием высшего предназначения. Иными словами, подобные «личные странствия» или «жизненные легенды» лишены космического смысла, являющегося неотъемлемой частью древнего фольклорного текста.

Для реализации цели текста необходима опора на определенные ценности. Например, образовательный текст должен нести точность и ясность, развлекательный — эстетическое удовольствие, а убеждающий — обоснованность и доказательность. *Аксиология* отвечает на вопрос: какие ценности заложены в тексте? Система ценностей литературного произведений может быть ориентирована на истину, красоту, справедливость и т.д. Анализируя ценностную динамику народного творчества, можно выявить сдвиг от универсального морализма к релятивизму. Старинные сказки транслировали противостояние абсолютного добра и абсолютного зла, поэтому результат выбора между «черным» и «белым» соответствовал наказанию или же, наоборот, награде. С течением времени мораль перестала быть столь четкой, а дидактический тон произведений — столь непреклонным. Современные сказки выстроены вокруг личных дилемм, проблематика

историй характеризуется движением в сторону экзистенциальных переживаний и ситуативной этики, вследствие чего сказки превращаются в «темные фэнтези» или морально неоднозначные легенды. Если ценностные установки сакрального фольклорного текста воспевают коллективное благо и мудрость через испытания, то современные киноадаптации провозглашают драматическую кульминацию, личный успех и линейную схему *кризис — победа*, которая противостоит исконной цикличности судьбы.

Произведения транслируют ценности через определенные структуры передачи знания: «Определенные виды информации могут храниться и передаваться только с помощью специально организованных языков» [21. С. 17]. Например, материал учебного текста требует логического подхода, четкой схемы изложения мыслей, тогда как фантастическая история подразумевает активизацию мифологического мышления и работу воображения. *Эпистемология* отвечает на вопрос: какими средствами знания оперирует текст? В качестве системы передачи знаний может использоваться логика, интуиция, научные данные, миф и др. История адаптации фольклорных произведений связана с эпистемологическим сдвигом от общинного и традиционного знания в сторону скептического и эмпирического. Опыт, изложенный в древних текстах, напрямую связывался с авторитетом, однако современная трансформация фольклора более не отсылает реципиента к неоспоримой истине — все подвергается сомнению и интерпретации. Эпистемология древнего текста предписывает обретение сакрального смысла через ритуалы и символы, которые подразумевают коллективную передачу опыта, что отличается от законов киноадаптации, направленных на достижение развлекательного эффекта.

Если текст логично реализует все предыдущие уровни, он становится онтологически состоятельным. Бытие текста определяет структуру его восприятия. *Онтология* связана с вопросом о том, как текст существует в мире. Иными словами, данная философская категория направлена на изучение жизни произведения: предписывает ли оно строгие ритуальные формулы, предоставляет ли символы в качестве моста между земным и духовным мирами, определяет ли понимание времени как цикличное или линейное? В отличие от древнего фольклора, бытие киноадаптации характеризуется акцентом на визуальное восприятие и линейное развитие личностного конфликта.

Онтологическое изучение фольклорных сюжетов позволяет выявить сдвиг от идеализма к материализму. Изначально сказки связаны с божественным вмешательством, предопределенной судьбой и чудесными подвигами. С течением времени те же самые тексты адаптируются, претерпевая значительные изменения — происходит рационализация. Древние пророчества начинают толковать в соответствии с духом времени, а эпические подвиги героев обрастают историческими ассоциациями.

Историческое движение фольклорного текста

Фольклор не исчезает и не умирает, но адаптируется [22. Р. 8]. Важно понимать, что именно народное сознание отвечает за трансформацию фольклорного текста. Проследим историческое движение английского народного творчества, начиная с древних времен и заканчивая настоящим временем. Рассмотрим данную динамику на примере нескольких периодов. В доримской (кельтской) Британии (до I в. н.э.) процветали анимистические и племенные мифы. Люди наблюдали за природными явлениями, выделяя священные места, например, источники или рощи, и поклоняясь им. Древний человек считал, что важные события в его жизни происходят благодаря духам и божествам, что привело к созданию устных мифов, связанных с местными божествами и тотемами. Древнейший период, в который человек мыслит себя частью племени, характеризуется особой консервативностью и вниманием к авторитетам прошлого. Архаичное общество стремится познать мудрость предков через проведение обрядов и соблюдение традиций, к формулам прошлого относятся с особым трепетом [23. С. 40]. Сюжеты и структуры устного народного творчества обладают способностью к приспособлению — взаимодействия племен обуславливают адаптацию мифов.

Поэтика средневекового фольклора определена религиозными мотивами: божественное проведение, святость духовных образов, христианское смирение и покорность судьбе составляют эстетический каркас, на основе которого строятся произведения данного периода. Моральные аллегории живут в устных поэтических структурах, основывающихся на повторении и формульной точности. Несмотря на противостояние языческим порядкам, христианское сознание не отторгает кельтские образы, но адаптирует их — общество все еще верит в загадочных мифологических существ, но ассоциирует их с дьяволом и колдовством.

Постепенно эпистемологические функции фольклорного текста меняются, что отражается на эстетической структуре произведения. Народные памятники эпох Возрождения и Просвещения отличаются стилистическим разнообразием — синтаксические и лексические декоративные элементы, вводимые в письменный текст, разрушают устные формулы. Ритуальная функция и поэтическая строгость уступают место красоте изложения, а идеалы эпохи Просвещения провозглашают главенство рационалистического над магическим; мифология претерпевает значительные изменения.

Интерес к исконному фольклорному тексту возрождается в эпоху Романтизма: литераторы стилизуют свои произведения под старинные народные памятники, классифицируют древние тексты и адаптируют их. Труды Шарля Перро, братьев Гримм и Людвиг Тика пронизаны духом времени — работая со сказками, эти авторы возрождают формулы устного творчества, используют аллитерацию, звукопись, повторы и стихотворные фрагменты, отсылающие к ритуальному прошлому. Аксиологические установки

писателей основываются на романтизации народного духа, изображении психологической глубины и преподнесении морального урока.

Новая эпоха в истории фольклора начинается с внедрением в творчество новых техник — кинематографических и анимационных. Технологическая революция, взаимодействие звука и изображения в поликодовом тексте провозглашают инновационные методы включения архетипов в современный контекст. Перед писателями и сценаристами XXI в. стоит особая задача — удивить скептически настроенного зрителя. Деятели искусства стремятся передать таинственную красоту старины, но адаптировать древние сюжеты и образы под современные взгляды и актуальные проблемы. Антураж магического мира должен быть привлекательным для публики, а конфликт — понятным. К примеру, в серии книг о Гарри Поттере Дж. Роулинг умело использует фольклорные архетипы, вплетая их в структуры современного мировоззрения: Хогвартс похож на школу-пансион, сложности, которые преодолевает Гарри Поттер, знакомы каждому подростку, а бюрократические структуры волшебного мира напоминают реальную жизнь [24. С. 24].

Онтологические сдвиги формируют бытие фольклорного текста в определенный исторический период. Для того, чтобы показать трансформацию народного памятника, обратимся к старинной сказке «Золушка» и посмотрим, какие телеологические, эпистемологические и аксиологические изменения отделяют древний сюжет от современных адаптаций. *Телеологический и аксиологический* аспекты средневековой сказки связаны с ролью морального урока: фольклорный текст отсылает к модели женского поведения, основанной на христианских добродетелях. Покорная Золушка, олицетворение абсолютного добра, терпеливо сносит удары судьбы. Сказка воспеваает христианскую мораль — кроткая героиня смиренно «подставляет другую щеку», в ней нет злобы и алчности. Народное произведение дидактично — абсолютное зло повержено, а магические силы помогают Золушке обрести счастье.

Эпистемология средневековой сказки отражает древнее мировоззрение в архетипах и символах. Имя героини (с лат. — *зола*; с франц. — *замарашка, девочка в пепле*) несет в себе метафору возрождения путем страдания, а также ассоциируется с плодородием (поскольку зола использовалась в земледелии). Средневековое сознание отражает архаичное понимание мира, связанное с цикличностью: огонь гаснет и становится пеплом, знаменующим начало новой жизни. Народная сказка хранит следы анимистического понимания природы, патриархальных ценностей и особого отношения к роду, о чем свидетельствует сакральный образ дерева, выросшего на могиле матери.

Современное искусство стремится удивить реципиента, создать зрелищные и атмосферные кинокартины, показать актуальные проблемы, а также отразить модные тренды. *Телеология* экранизаций, воспевающих индивидуализм и самореализацию, определена коммерческими мотивами. Даниэлла, версия Золушки в «Ever After» (1998), самостоятельна и образованна,

руководит своей судьбой и ведет дискуссии об искусстве. Для *аксиологии* современного творчества важна предприимчивость и уникальность героев. Сценаристы отходят от средневековых ценностей, делая акцент на индивидуальности образов. Сложности, через которые проходит Золушка, мыслятся как несправедливости судьбы. Так, в «Cinder» Мериссы Мейер (2014) девушка-киборг сражается за свободу и борется с общественной несправедливостью. Храбрая воительница готова отстаивать свои права, бунтуя против принятого порядка.

В киноадаптациях XX и XXI вв. дидактика более не занимает основополагающую позицию, деятели искусства отвергают дихотомический мир Средневековья, в котором абсолютное добро побеждает абсолютное зло. Современная киноиндустрия не стремится к однозначности. В отличие от оригинальной сказки мачеха в «Cinderella» (2015) не является воплощением отрицательных качеств, ее действия определены страхом нищеты. *Эпистемология* адаптаций отходит от древних символов, моральных аллегорий и ритуальных компонентов. Современный сюжет не нуждается в старинных формульных установках, на их место приходят визуальные метафоры, актуальный пейзаж и психологизм. Таким образом, *онтологическое* своеобразие адаптированных версий древнего сюжета отражает новый культурный код, отличный от своего сакрального прародителя.

Обратимся к поэме «Беовульф», классическому памятнику англосаксонского эпоса (VIII–X вв.), и проследим динамику изменения культурного кода. *Онтологическая* сущность древнего текста указывает на синкретичность христианства и язычества. Поэма воспекает героический идеал — подвиги Беовульфа обусловлены божественной помощью и стремлением действовать на благо общины. Язык фольклорного текста насыщен архаичными формулами, создающими торжественный ритм, который отсылает средневекового слушателя к сакральным обрядам и магическим заклинаниям.

Телеология «Беовульфа» связана со стремлением укрепить национальную идентичность англосаксонского народа и представить *аксиологические* установки — триумф абсолютного добра над воплощением хаоса, потомком Каина; подвиги, совершенные на благо общества; главенствующая роль судьбы. *Эпистемологический* компонент фольклорного текста заложен в традиционных германских метафорах и символах.

Онтология современной киноадаптации «Беовульф» Роберта Земекиса (2017) претерпевает значительные изменения. В отличие от истонного текста, экранизированная версия героического эпоса лишена сакрального пафоса. Ритуальная торжественность и средневековая однозначность уступают место иронии, простым диалогам и релятивизму. Визуальные эффекты, работа над графикой и внимание к физиологии изменяют онтологическую структуру современного «Беовульфа». Изображение героического идеала утрачивает сакральный смысл — *эпистемология*

киноадаптации отказывается от традиционных символов и способов передачи священного знания.

Специфика поликодового текста XXI в. обусловлена развлекательной функцией современного кинематографа (*телеологический* аспект). Англосаксонский миф распадается на части, утрачивая средневековое сакральное содержание. Если древнее сказание о храбром воине транслировало образец героической жизни, то современная история лишена дидактичности и однозначности. Иными словами, пропуская древний сюжет через призму современных культурных реалий, сценаристы десакрализуют классический текст, который, в свою очередь, обретает новые смыслы. *Аксиологические* изменения связаны с модифицированным образом главного героя. Беовульф утрачивает статус абсолютного героя, его фигура становится более индивидуализированной и интересной. Для кинематографистов важен психологизм и сюжетные повороты, а не доблесть идеализированного персонажа.

Заключение

Работа с телеологическим, эпистемологическим, аксиологическим и онтологическим аспектами фольклорного текста позволяет выйти на новый уровень анализа, а также обозначить, как концептуальные и культурные особенности мировоззрения определяют существование мифологемы в определенный литературный период. Перевоплощение классических фольклорных памятников в современные киноадаптации является сложным процессом, требующим расширения фокуса филологического анализа и внедрения нового междисциплинарного подхода. Развитие традиционных фольклорных сюжетов от древнего мифа к современным кино- и мультипликационным адаптациям представляет собой взаимодействие разных исторических и культурных контекстов, в котором фольклорный сюжет одновременно и сохраняется, и претерпевает существенные изменения, приспособляясь к новым когнитивным инструментам познания. Таким образом, ориентация на представленную нами философскую парадигму позволяет взглянуть на адаптации древних фольклорных произведений как на постоянно трансформирующиеся культурные феномены, которые являются результатом когнитивной работы и коллективного мироощущения.

Список литературы

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л. : Художественная литература, 1940.
2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1965. EDN: VQMUOV
3. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1946.
4. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л. : Academia, 1928.
5. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М. : Лабиринт, 1999.
6. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М. : Восточная литература, 1958. EDN: WZEKXP

7. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский миф и эпос. М. : Наука, 1979.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Наука, 1976. EDN: WZEKXF
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992.
11. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература, 1978.
12. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. EDN: QZKNEL
13. Аникин В.П. Русская народная сказка. М. : Просвещение, 1977.
14. Аникин В.П. Теория фольклора. М. : КДУ, 1996.
15. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979.
16. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие / пер. с нем. В.В. Библихина. М. : Республика, 1993. С. 192–221.
17. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Вопросы народного творчества. М. : Искусство, 1971. С. 369–383.
18. Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре. Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm> (дата обращения: 21.04.2025).
19. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М. : Высш. шк., 2004.
20. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.
21. Лотман Ю.М. Об искусстве: структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб. : Искусство-СПБ, 2005.
22. Bauman R. Verbal Art as Performance. Rowley : Newbury House, 1977.
23. Малиновский Б.К. Магия, наука и религия / пер. с англ. А.М. Хомика. М. : Академический проект, 2015.
24. Васильева Н.И. Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж.К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре: дисс. ... канд. филол. н. Н. Новгород, 2005.
25. Гусев В.Е. Фольклор как универсальный тип субкультуры // В диапазоне гуманитарного знания. Сб. к 80-летию проф. М.С. Кагана. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 4. С. 320–328.

References

1. Veselovsky, A.N. (1940). *Historical poetics*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
2. Bakhtin, M.M. (1965). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.). EDN: VQMUOV
3. Propp, V.Ya. (1946). *The Historical Roots of Fairy Tale*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. (In Russ.).
4. Propp, V.Ya. (1928). *Morphology of the Folktale*. Leningrad: Academia. (In Russ.).
5. Propp, V.Ya. (1999). *Russkii geroicheskiy ehpos*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
6. Meletinsky, E.M. (1958). *The Hero of the Fairy Tale: the Origin of the Image*. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.). EDN: WZEKXP
7. Meletinsky, E.M. (1979). *Paleoaziatskii mif i ehpos*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Meletinsky, E.M. (1976). *The Poetics of Myth*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: WZEKXF
9. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosfera*. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
10. Lotman, Yu.M. (1992). *Culture and Explosion*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
11. Freidenberg, O.M. (1978). *Myth and Literature of Antiquity*. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
12. Freidenberg, O.M. (1997). *The Poetics of Plot and Genre*. Moscow: Labirint. (In Russ.). EDN: QZKNEL
13. Anikin, V.P. (1977). *Russian folk tale*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).

14. Anikin, V.P. (1996). *Theory of Folklore: A course of lectures*. Moscow: Publishing House KDU. (In Russ.).
15. Likhachev, D.S. (1979). *The Poetics of Early Russian Literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Heidegger, M. (1993). Der Brief Über den Humanismus. In: *Sein und Zeit* (pp. 192–221). Moscow: Respublika. (In Russ.).
17. Bogatyrev, P.G., & Yakobson, R.O. (1971). Folklore as a Special Form of Creation. In: *Issues of the Theory of Folk Art* (pp. 369–383). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
18. Bogdanov, K.A. *Precedent Texts in Modern Folklore*. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm> (accessed: 21.04.2025). (In Russ.).
19. Anikin, V.P. (2004). *Russian oral Folk art*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.).
20. Jung, K.G. (1996). *Soul and Myth. Six Archetypes*. Kyiv: State Library of Ukraine for Youth. (In Russ.).
21. Lotman, Yu.M. (2005). *Ob iskusstve: struktura khudozhestvennogo teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Stat'i. Zametki. Vystupleniya*. (1962–1993). Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
22. Bauman, R. (1997). *Verbal Art as Performance*. Rowley: Newbury House.
23. Malinowski, B.K. (2015). *Magic, science and religion*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
24. Vasil'eva, N.I. (2005). *Fol'klornye arkhetypy v sovremennoy massovoy literature: romany Dzh.K. Rouling i ikh interpretatsiya v molodezhnoy subkul'ture* [PhD thesis]. N. Novgorod. (In Russ.).
25. Gusev, V.E. (2001). Fol'klor kak universal'nyy tip subkul'tury In: *V diapazone gumanitarnogo znaniya* (Iss. 4, pp. 320–328). Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Philosophy Society publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Конурбаев Салават Маркленович, аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, ГСП-1, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 11, стр. 51), преподаватель кафедры режиссуры кино и телевидения, Институт современного искусства (121108, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ивана Франко, д. 4, корп. 15); *сфера научных интересов*: герменевтика художественной литературы, британский фольклор; *e-mail*: salavat@konurbaev.ru

ORCID: 0009-0009-0418-1113. SPIN-код: 2360-2517. AuthorID: 1292088.

Information about the author:

Salavat M. Konurbaev, Postgraduate student at the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (51–1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991), teacher at the Department of Film and Television Directing, Institute of Modern Art (4, bld. 15, Ivan Franko St., Moscow, Russian Federation, 121108); *Research interests*: hermeneutics of literary texts, British folklore; *e-mail*: salavat@konurbaev.ru
ORCID: 0009-0009-0418-1113, SPIN-code: 2360-2517, AuthorID: 1292088.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-977-993

EDN: DHIRDB

УДК 81:007:316.77(=161.1)(510)

Научная статья / Research article

Этнокультурные стереотипные представления русских о Китае на материале данных ассоциативного эксперимента

Пэй Хайтун¹ , О.Н. Колышева²

¹Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 peihaitong@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена активным развитием российско-китайского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере в связи с 75-летием установления дипломатических отношений двух стран, а также объявлением 2024–2025 годов «перекрёстными годами культуры». В условиях быстрого сближения двух различных по культуре, истории и менталитету лингвокультур актуальным становится выявление и анализ этнокультурных стереотипов, влияющих на успешное межкультурное взаимодействие китайцев и россиян. Целью статьи является описание этнокультурных стереотипных представлений о Китае, функционирующих среди молодых россиян, на основе результатов ассоциативного эксперимента, проведенного среди 263 респондентов. Методология исследования включает психолингвистический и лексико-семантический анализ данных ассоциативного эксперимента (859 реакций), что позволяет выявить и описать устойчивые и повторяющиеся этнокультурные стереотипы о Китае в языковом сознании русских. Результаты исследования демонстрируют, что Китай в сознании русских ассоциируется прежде всего с богатым культурно-историческим наследием, инновационной и масштабной экономикой, своеобразной национальной кухней и социалистическим политическим строем. Интерес представляет сочетание традиционных и современных культурных образов, включая популярные компьютерные игры и литературу, которые легли в основу стереотипных представлений о Китае. В заключении делается вывод, что применение методики ассоциативного эксперимента для выявления и описания этнокультурных стереотипов позволяет получить обширный материал «из первых рук», что не только вносит вклад в теоретическую базу современных гуманитарных исследований, но и имеет высокую практическую значимость для повышения эффективности межкультурной коммуникации и развития двусторонних отношений России и Китая.

Ключевые слова: психолингвистика, межкультурная коммуникация, языковое сознание

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Благодарности: Благодарности Работа выполнена в рамках проекта № 050738-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

© Пэй Хайтун, Колышева О.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 10.03.2025; дата приема в печать: 15.04.2025

Для цитирования: Хайтун П., Колышева О.Н. Этнокультурные стереотипные представления русских о Китае (на материале данных ассоциативного эксперимента) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 977–993. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-977-993>

Ethnocultural Stereotypical Representations of Russians about China: Based on Data from an Associative Experiment

Haitong Pei¹ , Olga N. Kolysheva²

¹Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 peihaitong@mail.ru

Abstract. The relevance of the present study is driven by the dynamic development of Russian–Chinese cooperation in the cultural and humanitarian spheres, coinciding with the 75th anniversary of diplomatic relations between the two countries and the declaration of 2024–2025 as the “Cross-Cultural Years.” Considering the growing rapprochement between two linguocultures distinct in culture, history, and mentality, the identification and analysis of ethnocultural stereotypes influencing effective intercultural interaction between Chinese and Russians become especially pertinent. This article aims to describe the ethnocultural stereotypical representations of China as held by young Russians, based on data obtained from an associative experiment conducted with 263 respondents. The research methodology employs psycholinguistic and lexico-semantic analysis of 859 associative reactions, which facilitated the identification and description of stable and recurrent ethnocultural stereotypes of China within the Russian linguistic consciousness. The findings reveal that China, in the perception of Russians, is primarily associated with a rich cultural-historical heritage, an innovative and large-scale economy, a distinctive national cuisine, and a socialist political system. Notably, the interplay between traditional and contemporary cultural images—including popular computer games and literature—forms a significant basis for these stereotypes. In conclusion, the application of the associative experiment methodology provides extensive firsthand data that substantially contribute not only to the theoretical framework of modern humanitarian studies but also hold considerable practical value for enhancing the effectiveness of intercultural communication and fostering the development of bilateral relations between Russia and China.

Keywords: psycholinguistics, intercultural communication, language consciousness

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Funding: the publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 050738-0-000.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 10.03.2025; accepted: 15.04.2025

For citation: Haitong, Pei, & Kolysheva, O.N. (2025). Ethnocultural Stereotypical Representations of Russians about China: Based on Data from an Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 977–993. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-977-993>

Введение

В 2024 г. произошло знаковое историческое событие в рамках международного сотрудничества Китая и России: 75-летие установления дипломатических отношений между двумя странами. Президент России Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин объявили 2024–2025 гг. «перекрёстными» годами культуры Китая и России, что предполагает обширную программу совместных культурно-гуманитарных проектов обеих стран: культурные мероприятия, фестивали, выставки, форумы, спортивные мероприятия и иные виды двустороннего сотрудничества.

Несмотря на активное сотрудничество в разных сферах, между Китаем и Россией существуют большие различия как в синхроническом разрезе, так и в диахроническом: в культуре, истории, традициях, укладе жизни и менталитете жителей двух стран. В случае быстрого сближения таких непохожих друг на друга стран острее могут проявляться различия в дихотомии «свой—чужой», традиционно находящейся в фокусе гуманитарных исследований [1–3] и др. Как пишет В.В. Красных, «окультуривание человеком окружающего мира происходит параллельно с осознанием категорий «свой—чужой», с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой» [4. С. 236–237]. Такие различия возможно зафиксировать посредством фиксации стереотипных представлений, существующих в данный момент в конкретном языковом коллективе. Выявление, анализ и последующая структуризация стереотипов может способствовать взаимопониманию и ведению успешного диалога между представителями разных стран и культур, и именно этим обусловлена актуальность проводимого интегрального исследования.

Таким образом, целью исследования является анализ этнокультурных стереотипов о Китае, функционирующих среди молодых россиян в данный период. Для достижения поставленной цели был применен инструмент психолингвистического анализа — ассоциативный эксперимент, позволяющий получить материал от рядовых носителей лингвокультуры.

Материал и методология исследования

Изучению стереотипов посвящено множество современных лингвистических работ в области фразеологии и паремиологии (см. подробнее [5–8]), аксиологической лингвистики [9–10], лингвокультурологии [11–13], психолингвистики и этнопсихолингвистики [14–17], теории межкультурной коммуникации [18–21], медиадискурса [22] и др. На основе анализа современных подходов к изучению стереотипов можно смело утверждать, что стереотип формируется не произвольно и хаотично в языковом сознании носителя лингвокультуры, а является прямым «результатом отражения в сознании личности некоего фрагмента реального мира» [4. С. 231]. Общими чертами стереотипов становятся повторяемость (многократное воспроизведение стереотипа в разных контекстах и с использованием разных лексических

единиц), устойчивость и оценочность [23. С. 68]. Интегральный характер современных исследований стереотипов является иллюстрацией того, что стереотипы могут функционировать в любой сфере человеческих отношений. В данной статье в фокусе нашего исследовательского внимания находятся этнокультурные стереотипы — представления носителей одного лингвокультуры о другой лингвокультуре [23].

Несмотря на множество российских работ, посвященных рассмотрению этнокультурных стереотипов, функционирующих в бытовом дискурсе, большинство таких исследований не имеют четкой методологии выявления стереотипов. Так, например, в работе Н.В. Евдокимовой и О.П. Юриной рассматриваются стереотипы «Китайцы едят всё, что видят», «Китайцы низкие», «Русские — боевая нация» на материале данных лишь пяти респондентов, а первоначальное выявление самих предлагаемых авторами респондентам стереотипов носит субъективный характер (см. подробнее [24]). Не говоря уже о том, что сам вопрос рассмотрения этнокультурных стереотипов настолько тонкий, что необходима строго выверенная методология выявления и описания стереотипных представлений.

В китайской лингвистике методологическая база исследований стереотипов, особенно национально-культурных, нуждается в дальнейшем обогащении и углублении, что обусловлено анализом преимущественно литературных источников, тогда как комбинированные методы с полевыми исследованиями применяются редко [25].

Обнаруженные нами исследования стереотипов на китайском языке посвящены, в основном, гендерным и медийным стереотипам, тогда как исследования национальных или этнических стереотипов остаются крайне малочисленными [26–28]. При этом тема этнокультурных стереотипов о России и русских не получила широкого освещения в научной литературе на китайском языке.

Применение методики ассоциативного эксперимента к выявлению этнокультурных стереотипов было успешно апробировано ранее при описании стереотипов о Кыргызстане и киргизах в языковом сознании молодых россиян [23]. Однако за рамками проведенного исследования остались нерешенные вопросы: из каких «кластеров» (фреймов, групп) состоит этнокультурный стереотип; влияет ли рассматривается страна или этнос на структуру и содержание стереотипа; способы представления структуры стереотипа; фиксация изменений стереотипных представлений и мн. др.

В основу данного пролонгированного исследования, начавшегося в 2024 г. и продолжающегося по сей день, положена идея о «перекрестном» годе культуры Китая и России. Однако вместо совместных культурных мероприятий авторы данной статьи приняли решение о проведении совместных научных исследований: «перекрёстных» ассоциативных экспериментов среди жителей Китая и России. Респондентами первой части ассоциативного

эксперимента стали 263 студента филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы нескольких гуманитарных направлений: филологи, лингвисты, журналисты, психологи, педагоги и др. Второй ассоциативный эксперимент проводился среди 171 студента Хэйлунцзянского университета в г. Харбин, КНР, также разных гуманитарных специальностей: русистика 俄语, педагогика 教育学, лингвистика 汉语语言学, 英语, 日语, журналистика 新闻专业, литературоведение 文学, история 历史学, туризм 旅游管理 и др.

Респондентам было предложено поучаствовать в ассоциативном эксперименте под названием «Страны и люди». В качестве стимулов были выбраны 20 слов-стимулов, называющие страны и народы, их представляющих, например, *Франция* и *французы*. Авторами статьи были отобраны страны, объединение которых в различные группы (условно христианские страны; азиатские страны и т.п.) невозможно. Следовательно, респонденты понимают, что от них хотят получить реакции, связанные с разными странами и народами, однако выбор стран кажется респонденту произвольным, что позволяет рассчитывать на чистоту эксперимента и делает эксперимент относительно свободным.

Таким образом, перекрестный ассоциативный эксперимент позволил получить уникальный исследовательский материал от 434 студентов, обучающихся в университетах России и Китая, представленный более чем 3500 реакциями на следующие слова-стимулы: *Китай, китайцы, Россия, русские*.

В данной статье материалом исследования стали данные, полученные от российских респондентов. Так, материал исследования — 263 анкеты, содержащие 859 реакций на слово-стимул «Китай». Такое решение вызвано масштабом проведенных ассоциативных экспериментов и, как следствие, большим количеством полученных реакций, для описания которых потребуется несколько научных работ, поэтому в этой статье авторы приняли решение рассмотреть только одно слово-стимул и только «одну сторону» — ответы российских респондентов. Таким образом, данная статья является первой в цикле работ, посвященных пролонгированному исследованию этнокультурных стереотипов китайцев о России и русских, и русских — о Китае и китайцах.

Результаты исследования

Представим полученные реакции на слово-стимул «Китай» в виде ассоциативного поля, составленного из повторяющихся реакций. Все единичные реакции, не включенные в это ассоциативное поле, будут отражены далее в тематических полях, сформированных на основании общности семантического признака. При этом при количественном анализе лексически близкие реакции решено было объединить (например, *фонари* и *красные фонари*; *Новый год* и *Китайский Новый год* *Чуныцзе* и др.).

Китай: Великая Китайская стена 22 / Китайская стена 13 / стена 4 / Великая стена 3; дракон 24 / драконы 5 / китайский дракон 2 / красный дракон 1 / огненный дракон 1; панда 28; красный цвет 15 / красный 12; чай 23 / китайский чай 1; иероглифы 19; рис 17; коммунизм 16; много людей 16; технологии 13; китайский Новый год 3 / Новый год 3 / Китайский Новый год Чуньцзе 1 / Лунный новый год 1 / китайский новый год 1 / праздник весны 1 / праздник фонарей 1; острая еда 9; традиции 8 / культурные традиции 1; Алиэкспресс 8; инновации 8; лапша 8; культура 7; сложный язык 7; экономика 7; фонари 2 / фонарики 3 / красные фонари 1 / красные фонарики 1; бамбук 6; древняя история 6; древняя культура 6; богатая культура 6; пельмени 6; шёлк 6; древняя цивилизация 5; кунг-фу 5; ципао 5; духовность 4; еда 4; китайская кухня 4; новые технологии 4; юань 4; богатая история 3; горы 3; долгая история 3; изобретения 3; история 3; машины 3; пагода 3; природа 3; лидер страны 3; фабрики 3; автомобили 2; Александр Зубарев 2; архитектура 2; баодзы 2; бизнес 2; «Благословение небожителей» 2; боевые искусства 2; большое население 2; большой 2; буддизм 2; быстрое развитие 2; вкусная еда 2; великая держава 2; возможности 2; густонаселенный 2; деньги 2; династия 2; дружественная страна 2; кунг-фу панда 2; древность 2; друзья 2; каллиграфия 2; кимоно 2; Конфуций 2; необычная кухня 2; нефрит 2; огромное население 2; очень много людей 2; палочки 2; популяция 2; прогресс 2; производство 2; работа 2; развитие 2; развитые технологии 2; роллы 2; техника 2; товары 2; толпа 2; традиционная одежда 2; утка по-пекински 2; чайная церемония 2; шум 2; экономический рост 2; Пекинская опера 1 / традиционная опера 1.

Далее на основании общего семантического признака были сформированы следующие тематические группы.

Тематическая группа «Культура и история Китая»

Культура и история: Великая Китайская стена 22 / Китайская стена 13 / стена 4 / Великая стена 3; дракон 24 / драконы 5 / китайский дракон 2 / красный дракон 1 / огненный дракон 1; панда 28; красный цвет 15 / красный 12; чай 23 / китайский чай 1; китайский Новый год 3 / Новый год 3 / Китайский Новый год Чуньцзе 1 / Лунный новый год 1 / китайский новый год 1 / праздник весны 1 / праздник фонарей 1; традиции 8 / культурные традиции 1; культура 7; фонари 2 / фонарики 3 / красные фонари 1 / красные фонарики 1; шёлк 6; древняя история 6; древняя культура 6; богатая культура 6; древняя цивилизация 5; кунг-фу 5; ципао 5; духовность 4; богатая история 3; долгая история 3; история 3; пагода 3; Александр Зубарев 2; архитектура 2; «Благословение небожителей» 2; боевые искусства 2; буддизм 2; кунг-фу панда 2; древность 2; кимоно 2; Конфуций 2; Лао цзы; нефрит 2; традиционная одежда 2; чайная церемония 2; Пекинская опера 1 / традиционная опера 1; аниме; богатейшая история; Будда; видеоигры от китайской студии MiHoYo; видеоигры; гейши; Геншин Импакт; даосизм; Джеки Чан; династия Тан; достопримечательности;

древние воины; древние города; дунхуа; желтый цвет; журавли; завораживающая культура и одеяния; Запретный город; единственная страна, в которой проводились летные и зимние Олимпийские игры; ее история и культура насчитывают более 5 000 лет; интересная история; интересная культура; интересная история; исторические ценности; красивые храмы; красный конверт; китайская культура; маньхуа; мифология; многовековая история; многовековая культура; монументы, национальная архитектура; народная музыка; обширная культура, уходящая в глубокую древность; объекты нематериального культурного наследия; одна из древнейших и богатейших историй и культур мира; Поднебесье; «Путешествие на Запад»; страна с древней историей; страна панд; страна с очень богатой историей; самобытная культура; Сунь Укун; сянься; терракотовая армия; трилогия «Задача трёх тел»; университеты; узел счастья; чайная культура; фарфор; фейерверк; флаг; Харбинский университет; храмы; Царь Обезьян. 327 реакций, из них повторяющихся — 269, единичных — 58.

Тематическая группа «Экономика и производство»

Экономика и производство: технологии 13; Алиэкспресс 8; инновации 8; экономика 7; мегаполисы 4; небоскребы 4; новые технологии 4; юань 4; изобретения 3; машины 3; фабрики 3; автомобили 2; производство 2; работа 2; развитие 2; развитые технологии 2; экономический рост 2; техника 2; бизнес 2; товары 2; быстрое развитие 2; возможности 2; деньги 2; прогресс 2; развитие 2; автомобильный завод; автопром; авторынок; актуальность; большая экономическая мощь; большой прогресс; будущее; быстро развивающаяся экономика; быстроразвивающийся город; быстрое развитие технологий; быстрое экономическое развитие; быстрорастущая экономика; быстрый экономический рост; всё производство мира; высокие зарплаты; глобальная экономика; дешевая одежда; дешевые товары для всего мира; дешевые товары и подделки; единое ценообразование на всей территории; инициатива «Один пояс, один путь»; инновационные технологии; информационно развит; китайские машины; массовые технологии; мастерская мира; масштабное производство; масштабность производства; мировая фабрика; мировой завод; мощная промышленность; модернизация; не всегда хорошее качество; низкое качество; новейшие разработки; одна из лидирующих стран; передовые технологии; подделки из Китая; поддельные вещи; прогрессивная страна; развитая экономика и технологии; продвинутая страна; сильная экономика; слишком много технологий; современность; современный; современные технологии; Сяоми; стремительное экономическое развитие; рыночная экономика; лидерство в производстве; экономическая развитость; экономическое чудо; развивающийся; производство всего, что только можно, в большом объеме; производство одежды, промышленность; рост; развитая страна; Хавал, электроника. 149 реакций, из них повторяющихся — 89, единичных — 60.

Тематическая группа «Национальная кухня»

Национальная кухня: рис 17; острая еда 9; лапша 8; бамбук 6; пельмени 6; еда 4; китайская кухня 4; утка по-пекински 2; необычная кухня 2; палочки 2; вкусная еда 2; баодзы 2; роллы 2; булочки бао; еда быстрого приготовления; гурман; здесь много вкусной еды; кулинарное разнообразие; мандарин; многообразная кухня; моти; на улицах запах острых специй; удивительная кухня с многообразием блюд; уникальная кухня; харбинский салат, хуогуо, цзяозцы, экзотичная еда; странная еда; сладости; пугающая еда; кухня. **85** реакций, из них повторяющихся — **66**, единичных — **19**.

Тематическая группа «Политический и государственный строй»

Политический и государственный строй: коммунизм 16; лидер страны 3; династия 2; дружественная страна 2; друзья 2; вождь; друг России; друг; друзья России; дружат с нашей страной; закрытая страна; законы; император; империалист; коммунистическая партия; коммунистическая партия Китая; кружок коммунистов; лидер; Мао Цзэдун; президент; обладает своим собственным суверенитетом; революция Мао; сотрудничество с Россией; социализм; Цинь Шихуанди. **45** реакций, из них повторяющихся — **25**, единичных — **20**.

Тематическая группа «Многолюдность»

Многолюдность: много людей 16; большое население 2; толпа 2; огромное население 2; очень много людей 2; густонаселенный 2; популяция 2; шум 2; многолюдность; многочисленная по численности людей; многочисленное население; многочисленность; небольшая территория для большого количества людей; многонаселенность; плотное население; повсюду шум; тесно; теснота; шумный; большая населенность. **41** реакция, из них повторяющихся — **30**, единичных — **12**.

Тематическая группа «Китайский язык»

Язык: иероглифы 19; сложный язык 7; каллиграфия 2; китайский язык; красивый язык; путунхуа; разнообразие языков-диалектов; самый сложный язык; слишком много диалектов; язык; слишком трудный; выучить невозможно. **37** реакций, из них повторяющихся — **28**, единичных — **9**.

Тематическая группа «Величие страны»

Величие страны: большой 2; великая держава 3; великий; величие; величие нации; мировая держава; мощь; обширная история; обширная территория; огромное количество людей; страна, имеющая своё влияние во всём; богатая страна; богатые ресурсы. **16** реакций, из них повторяющихся — **5**, единичных — **12**.

Тематическая группа «Природа и климат Китая»

Природа и климат Китая: горы 3; природа 3; великолепные горы; красивые ландшафты; красивые природные достопримечательности; местный климат; разнообразие ландшафтов; разнообразие природы; реки; смог; солнце; сухость. 16 реакций, из них повторяющихся — 6, единичных — 10.

Обсуждение результатов

Тематическая группа «Культура и история Китая» является наиболее представленной как по общему количеству реакций (327 реакций), так и по количеству повторяющихся (269 реакций), описывающих культурно-историческую вариативность и разнообразие Китая.

Самой частотной реакцией (42 фиксации) стала реакция *Великая Китайская стена* и ее производные (*стена 4; Великая стена 3* и др.). Респонденты также отмечают особую архитектуру Китая и её архитектурные доминанты: *пагода 3; архитектура 2; национальная архитектура; красивые храмы; монументы; Запретный город* и др.

Второй по частотности реакцией является *дракон*, представленная с уточняющими лексемами: *китайский, красный, огненный дракон*. Дракон (龙 *lóng*) в китайской лингвокультуре имеет особое значение, являясь одним из четырех священных животных [29]. Традиционно китайский дракон изображается в оттенках красного цвета, семиотическая природа которого тесно связана в сознании русских респондентов с китайской культурой, что подтверждается частотностью соответствующих реакций: *красный цвет 15 / красный 12, красные фонари, красный конверт* и др.

Ожидаемо, одной из самых частотных реакций стала *панда* (27 реакций) — современный символ китайской культуры. Единичной реакцией стал перифраз *страна панд* как метафоричной номинации Китая.

Неоднократно подчеркивается древнее и богатое культурно-историческое наследие Китая: *древняя история 6; древняя культура 6; богатая культура 5; древняя цивилизация 5; богатая история 3; древность 2* и др. Респонденты выражают это мнение развернутыми суждениями: *обширная культура, уходящая в глубокую древность; одна из древнейших и богатейших историй и культур мира; страна с древней историей; страна с очень богатой историей; ее история и культура насчитывают более 5 000 лет*. Особо отмечается самобытность китайской культуры: *духовность 4; самобытная культура; интересная культура; китайская культура; интересная история*.

Несмотря на частотность реакций, связанных с историческим прошлым и богатством древней культуры, респонденты также отмечают и современные культурные явления. Так, например, в сознании респондентов Китай ассоциируется с компьютерными играми: *Поднебесье* (компьютерная игра, основанная на древней мифологии); *видеоигры от китайской студии MiHoYo; видеоигры; Геншин Импакт* (также китайская студия MiHoYo). Наличие

таких реакций говорит о том, что современная китайская культура достаточно популярна среди молодых россиян.

Среди разновидностей культуры особое место занимает литературное наследие Китая. Респонденты называют отдельные жанры (*китайские новеллы*; *сянься*; *маньхуа*), писателей (*Лю Цысинь*), литературных героев (*Сунь Укун*; *Царь Обезьян*, *Мулан*) и сами произведения («*Благословение небожителей*», трилогия «*Задача трёх тел*», «*Путешествие на Запад*»). Также дважды называют *гохуа* — традиционную китайскую живопись с элементами каллиграфии.

Такое знание китайской литературы может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, респонденты — российские студенты филологического факультета. Изучение мировой литературы входит в их образовательные программы. Например, роман «Путешествие на Запад» — один из главных классических романов на китайском языке, где главным героем является *Сунь Укун* — царь обезьян. Во-вторых, популярность китайской литературы может быть связана с тем, что упоминаемые респондентами произведения были положены в основу *дунхуа* (动画 *dòng huà*) (также упоминаются респондентами) — китайской анимации, посвящённой китайской мифологии, конфуцианству, фольклорным историям, а также *маньхуа* — китайским комиксам. Данный жанр особенно популярен у молодых россиян наряду с комиксами и *анимэ*, ошибочно приписываемыми респондентами к китайской культуре. Так, роман Мосян Тунсю «Благословение небожителей» приобрел популярность в России в 2023–2024 в связи с выходом одноименного китайского анимационного сериала *дунхуа*, а сама книга Мосян Тунсю стала одной из самых продаваемых книг, относящихся к жанру *китайской новеллы*, также упоминаемой респондентами. Трилогия «Задача трёх тел» авторства китайского писателя Лю Цысиня также получила широкую популярность в России в 2023 году после выхода экранизации — одноименного китайского научно-фантастического телесериала. Как и в ситуации с компьютерными играми, современное переосмысление китайской классической литературы в формате визуальной истории вызывает интерес у молодых россиян и ассоциируется с Китаем.

Реакции в тематическом поле «Культура и история», связанные с упоминанием исторических деятелей или представителей мира культуры многочисленны (*Конфуций 2*; *Лао цзы*; *Будда*; *династия Тан*). Из современных представителей китайской культуры один раз был назван *Джеки Чан*, а дважды — *Александр Зубарев*, известный российской аудитории видеоблогер и стример, проживающий в Китае.

Одним из атрибутов культуры традиционно является национальная одежда, что объясняет частотность (5 реакций) лексемы *ципао* (旗袍 *qí páo*), обозначающей наиболее узнаваемое женское шёлковое платье. Среди других объектов материального культурного наследия респонденты отмечают *нефрит 2*; *узел счастья*; *фарфор*; *терракотовую армию*. Нематериальным

культурным наследием выступают *чайная церемония 2; Пекинская опера / традиционная опера; мифология; народная музыка; чайная культура*.

Если группа реакций, описывающих культуру Китая, достаточно вариативна и по лексическому облику, и по семантическим признакам, то тематическая группа «Экономика и производство», в которую входят реакции, содержащие экономическую характеристику Китая, несмотря на широкую лексическую представленность, может быть иносказательно развернута в несколько основных характеристик.

В первую очередь, респонденты отмечают инновационный характер экономики Китая, что подтверждается количеством соответствующих реакций: *инновации 8; новые технологии 4; актуальность; будущее; инновационные технологии; передовые технологии; прогрессивная страна; современность; современный; современные технологии; лидерство в производстве; модернизация; новейшие разработки* и др.

Следующим стереотипным представлением становится представление о скорости развития технологий, подчеркивается их динамика: *быстрое развитие 2; быстро развивающаяся экономика; быстроразвивающийся город; быстрое развитие технологий; быстрое экономическое развитие; быстрорастущая экономика; быстрый экономический рост; стремительное экономическое развитие* и др.

Помимо инновационности и скорости развития российские респонденты отмечают масштаб экономики Китая: *большая экономическая мощь; глобальная экономика; мастерская мира; масштабное производство; масштабность производства; мировая фабрика; мировой завод; мощная промышленность; массовые технологии; производство всего, что только можно, в большом объеме* и др.

Среди отдельных отраслей экономики, которые у российских студентов ассоциируются с Китаем, однозначно лидирует автомобильное производство: *машины 3; автомобили 2; автомобильный завод; автопром; авторынок; китайские машины; Хавал*. Единичные реакции акцентируют внимание на технологиях (*технологии 13; изобретения 3; слишком много технологий* и др.), интернет-сфере (*Алиэкспресс 8*) и электронике (*электроника; техника, Сяоми*). При этом немногочисленные единичные реакции описывают доступность товаров и не всегда хорошее качество (*дешевая одежда; дешевые товары для всего мира; дешевые товары; низкое качество* и др.)

В тематической группе «Национальная кухня» самой частотной реакцией стала лексема *рис* — неотъемлемое блюдо китайской кухни. Примечательно, что респонденты наряду с русскими эквивалентами китайских блюд (*утка по-пекински; пельмени* и др.) используют лингвокультураны — единицы, диалектически синтезирующие в себе элементы языка и культуры, в которых закодирован определенный лингвокультурный стереотип [13. С. 16]: *баодзы 2; бао; цзяоцзы; хуогуо*.

Еще одним заметным стереотипным представлением о национальной кухне Китая, усиливающим дихотомию «своё-чужое», становится представление о китайской еде как своеобразной. Китайская еда в сознании российских респондентов представляется чем-то уникальным, не похожим на привычную еду: *необычная кухня 2; удивительная кухня с многообразием блюд; уникальная кухня; экзотичная еда; странная еда* и др.

Тематическая группа «Политический и государственный строй» немногочисленна, но частотность отдельных реакций показательна. Так, реакция *коммунизм 16* входит в ядро ассоциативного поля «Китай», а реакции, выраженные другими лексемами, также подтверждают ассоциативный ряд (*лидер страны 3; Мао Цзэдун; революция Мао; социализм; лидер* и др.). Также среди главных политических деятелей упоминается *Цинь Шихуанди* — первый император Китая, что позволяет говорить о том, что российские студенты хорошо знакомы с историей Китая.

Отдельную группу составляют реакции, акцентирующие внимание на взаимодействии Китая и России на политической арене сегодня. Так, в сознании респондентов Китай предстает *дружественной страной, другом России*. Китай — *друзья, дружат с нашей страной* и др.

Тематическая группа «Многолюдность» представлена большим количеством повторяющихся реакций. В языковом сознании российских респондентов Китай предстает густонаселенной страной (*много людей; огромное население; тесно* и др.), что находит выражение и в количестве реакций вообще, и в количестве повторяющихся и лексически близких реакций (*многочисленное население; многочисленность, многолюдность* и др.).

Стереотипное представление о китайском языке как языке трудном подтверждается наличием нескольких соответствующих реакций (*сложный язык; самый сложный, выучить невозможно* и др.), а иероглифическая письменность китайского языка широко известна российским респондентам, что иллюстрируется частотностью лексики *иероглифы 19*.

Тематическая группа «Величие страны» немногочисленна, однако может быть рассмотрена как комплиментарная по отношению к статусу Китая на мировой арене. Российские респонденты подчеркивают величие Китая как с исторической перспективы (*обширная история*), так и в данный момент (*страна, имеющая своё влияние во всём*). Реакции в основном представлены именами существительными (*держава; мощь*) с оценочными прилагательными (*великая; мировая; богатая*).

Самой малочисленной стала тематическая группа, содержащая реакции о природе и климате Китая. Главным стереотипным представлением о природе Китая является ее разнообразие (*разнообразие ландшафтов; разнообразие природы*) и ее красота, выраженные разными реакциями (*великолепные горы; красивые ландшафты; красивые природные достопримечательности*).

Как показывает проведенный анализ реакций, составляющих тематические группы внутри ассоциативного поля «Китай», данные, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента, могут служить достоверным материалом для выявления и описания этнокультурных стереотипов современных молодых россиян о Китае.

Заключение

Применение методики ассоциативного эксперимента в качестве метода для реконструкции этнокультурных стереотипов позволило выявить и описать основные стереотипные представления о Китае, функционирующие сегодня среди молодых россиян. Результатами эксперимента стали данные, представленные в виде тематических полей и позволившие выявить следующие этнокультурные стереотипы.

Так, Китай в языковом сознании русских связан, в первую очередь, с культурным многообразием и древней историей, что подтверждается качественно-количественным анализом реакций. Вторым по частотности стереотипным представлением стало представление о Китае как о масштабной экономически развитой стране с инновационным подходом к производству и динамичному развитию технологий. Китайская еда стала третьим по частотности реакций стереотипом, а ее главной характеристикой — разнообразие и необычность. Респонденты также характеризуют политический строй страны, описывая Китай как социалистическую державу, находящуюся в дружественных отношениях с Россией. Отдельную тематическую группу составили реакции, описывающие масштаб Китая и его ведущую роль в мировой политике. Важно отметить, что в языковом сознании рядовых носителей русской лингвокультуры в основном содержатся положительные стереотипы о Китае.

Данное исследование открывает цикл работ, посвященных пролонгированному исследованию этнокультурных стереотипов китайцев о России и русских, и русских — о Китае и китайцах. Подобные исследования, посвященные рассмотрению этнокультурных стереотипов, вносят как теоретический вклад в современные лингвистические исследования, так и содержат практическую информацию о том, как взаимодействовать с представителями той или иной культуры в ситуациях межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. Красных В.В. Психологическая структура значения и проблемы понимания текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1306–1320. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320> EDN: ZJFPQE
2. Bennett M.J. Development model of intercultural sensitivity // Kim, Y. (Ed.), International Encyclopedia of Intercultural Communication. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons., 2017.

3. 高慧, 赵岚. 跨文化交际视野下对刻板印象的再认识 // 对外传播. 2016. № (07). С. 52–54. (Гао Хуэй, Чжао Лан. Переосмысление стереотипов в контексте межкультурной коммуникации // Внешние коммуникации. 2016. № 7. С. 52–54).
4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.
5. Игиссинова А.С., Раева Г.М., Куламанова З.А. Гендерные стереотипы в казахских пословицах и поговорках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 376–393. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393> EDN: PLHQIG
6. Чжан Л., Кормазина О.П. Образы доброго и злого человека в русской и китайской паремииологических картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-841-855> EDN: DYFGCO
7. Wang L. Стереотипные представления о ленивом человеке: лингвокогнитивный анализ культурных моделей русского и китайского языков // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2023. Vol. 48. Iss. 1. P. 157–166. <https://doi.org/10.14746/strp.2023.48.1.11> EDN: QFTTGV
8. Ма Цзехуэй, Николаева Н.В. Китайские стереотипы о русских в зеркале китайских анекдотов // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2А. С. 460–466.
9. Свердлова Н.А., Сюэ Б. Аксиологические основы этнических стереотипов (на примере китайского и русского языков) // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 4(154). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.7> EDN: BXGNOP
10. Карасик В.И., Китанина Э.А. Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. 2023. № 1. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110> EDN: ZVIVCL
11. Ковишова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 745–756. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756> EDN: FWLYUP
12. Фаткуллина Ф.Г. Стереотипы как маркеры лингвокультур // Вестник БашГУ. 2021. № 3. С. 750–754. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.3.38> EDN: HSVOIQ
13. Воробьев В.В., Скнарев Д.С., Тагаев М.Д. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 7–21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-23-1-7-21> EDN: UXYJVI
14. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М. : Гнозис, 2016.
15. Чжан Жуньмэй. Языковая репрезентация этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3(33). С. 218–229.
16. Насталовская И.Г. Авто- и гетеростереотипы о представителях русской и китайской культур // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 58–64. <http://doi.org/10.14529/ling220408> EDN: XMUVUR
17. Чжан Жуньмэй. Культурный опыт китайцев как опора для заполнения деятельностно-коммуникативных лакун при восприятии поведения русских // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4(58). С. 171–181. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-58-4-171-181> EDN: EQHIPG
18. Новиков А.Л., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 977–989. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989> EDN: NCKIYS
19. Цанкова Н.А. Межэтнические стереотипы как средство формирования социокультурной компетенции у иностранных студентов // Русский тест: теория и практика. 2024. Т. 10. № 2. С. 138–148. <https://doi.org/10.22363/3034-2090-2024-10-2-138-148>
20. Максимова С.Ю., Мацюпа К.В., Илюхин Н.И. The Role of Stereotypes in Cross-Cultural Communication // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2021. № 2(5). С. 25–38. <https://doi.org/10.24412/2658-5138-2021-5-25-38> EDN: MHBQYW

21. Тарасов Е.Ф. Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875> EDN: WKEQEW
22. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Образ России в медиадискурсе ЮАР: фреймы и метафоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 9–28. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28> EDN: KSGDET
23. Кольшиева О.Н. Кыргызстан глазами студентов-россиян: ассоциативный эксперимент как способ выявления этнокультурных стереотипов // Русское слово в Кыргызстане. 2024. № S3(49). С. 67–74. EDN: LMMWIE
24. Евдокимова Н.В., Юрина О.П. Стереотипизация как проблема межкультурной коммуникации Китая и России // Молодой ученый. 2020. № 15(305). С. 375–377. EDN: JRZREX
25. 王—安,麻晓森.90后大学生对法国人刻板印象实证研究 [J].杭州电子科技大学学报(社会科学版),2016,12(02):47–53. (Ван Иань, Ма Сюань. Эмпирическое исследование стереотипов о французах среди студентов поколения 90-х // Вестник Ханчжоуского университета электроники и технологий (Социальные науки). 2016. Т. 12(02). С. 47–53).
26. 班胜星.心理学视野下的民族偏见研究 [J].才智,2012,(31):183–184. (Бань Шэнсин. Исследование этнических предрассудков с психологической точки зрения // Интеллект. 2012. № 31. С. 183–184).
27. 黄钰杰.英语专业和非英语专业研究生对美国人的刻板印象对比 [J].科教导刊, 2014, (16):167–168. (Хуан Юйцзе. Сравнительное исследование стереотипов об американцах среди магистров, специализирующихся и не специализирующихся на английском языке // Научный журнал по науке и образованию. 2014. № 16. С. 167–168).
28. 彭世勇.英语学习者对中、日、美三国人的刻板印象 // 解放军外国语学院学报. 2008. № 03. С. 52–55+68. (Пэн Шиюн. Стереотипы изучающих английский язык о китайцах, японцах и американцах // Вестник института иностранных языков НОАК. 2008. № 3. С. 52–55+68).
29. Пляскина Е.А. Значение и смысл языкового знака «дракон» китайской лингвокультуры // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. № 4. С. 165–181. EDN: MGIUNF

References

1. Krasnykh, V.V. (2023). Psychological Structure of Meaning and Problems of Text Perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1306–1320. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320> EDN: ZJFPQE
2. Bennett, M.J. (2017). Development model of intercultural sensitivity. In: Kim, Y. (Ed.), *International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
3. 高慧,赵岚(2016).跨文化交际视野下对刻板印象的再认识.对外传, 7, 52–54 (Gao, H., & Zhao, L. (2016). Rethinking Stereotypes from the Perspective of Intercultural Communication. *International Communications*, 7, 52–54). (In Chinese).
4. Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
5. Igissinova, A.S., Raeva, G.M., & Kulamanova, Z.A. (2024). Gender Stereotypes in Kazakh Proverbs and Sayings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 376–393. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-376-393> EDN: PLHQIG
6. Zhang, L., & Kormazina, O.P. (2023). Images of a Good and Evil Person in Russian and Chinese Paremiological Pictures of the World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 841–855. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-841-855> EDN: DYFGCO

7. Wang, Lili. (2023). Stereotypical representations of a lazy person: Linguo-Cognitive Analysis of Cultural models in the Russian and Chinese languages. *Studia Rossica Posnaniensia*, 48(1), 157–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.14746/strp.2023.48.1.11> EDN: QFTTGV
8. Jiehui, Ma, & Nikolaeva, N.V. (2017). Chinese Stereotypes about Russians in the Reflection of Chinese Jokes. *Culture and Civilization*, 7(2A), 460–466. (In Russ.).
9. Sverdlova, N.A., & Xue, B. (2025). Axiological Bases of Ethnic Stereotypes (on the Example of Chinese and Russian). *International Research Journal*, 4(154). (In Russ.). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.7> EDN: BXGNOP
10. Karasik, V.I., & Kitanina, E.A. (2023). Axiology of power in the Russian language and culture. *Russian Language Studies*, 21(1), 97–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110> EDN: ZVIVCL
11. Kovshova, M.L. (2023). The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 745–756. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756> EDN: FWLYUP
12. Fatkullina, F.G. (2021). Stereotipy kak markery lingvokul'tur. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 3, 750–754. (In Russ.). <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.3.38> EDN: HSVOIQ.
13. Vorobyev, V.V., Sknarev, D.S., & Tagaev, M.D. (2025). The Origins, Current Issues, and Prospects of Communicative Cultural Linguistics. *Russian Language Studies*, 23(1), 7–21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-23-1-7-21> (In Russ.).
14. Krasnykh, V.V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokul'tury*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
15. Zhang, Runmei. (2017). Linguistic Representation of the Russian Ethnic-Cultural Stereotypes about the Chinese. *Journal of Psycholinguistics*, 3(33), 218–229. (In Russ.).
16. Nastalovskaia, I.G. (2022). Auto- and Heterostereotypes of Russians and Chinese. *Bulletin of the South Ural State University. Seria Linguistics*, 19(4), 58–64. (In Russ.). <http://doi.org/10.14529/ling220408> EDN: XMUVUR
17. Zhang, Runmei. (2023). The cultural experience of the Chinese as a support for filling the activity-communication gap in the perception of Russian behavior. *Journal of Psycholinguistics*, 4(58), 171–181. (In Russ.). <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-58-4-171-181> EDN: EQHIPG
18. Novikov, A.L., & Novikova, I.A. (2021). Semantic Differential as a Method for Studying Attitudes to the Native and Russian Languages in Context of Psychological Acculturation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 1175–1188. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989> EDN: NCKIYS
19. Tsapkova, N.A. (2024). Interethnic stereotypes as a means of forming socio-cultural competence among foreign students. *Russian Language: Research, Testing and Practice*, 10(2), 138–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/3034-2090-2024-10-2-138-148>
20. Maksimova, S.Yu., Matsyupa, K.V., & Ilyukhin, N.I. (2021). The role of stereotypes in cross-cultural communication. *Language of Science and Professional Communication*, 2(5), 25–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2658-5138-2021-5-25-38> EDN: MHBQYW
21. Tarasov, E.F. (2022). Introduction to Psycholinguistic Theory of Intercultural Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 861–875. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875> EDN: WKEQEW
22. Solopova, O.A., & Koshkarova, N.N. (2025). The Image of Russia in South Africa Media Discourse: Frames and Metaphors. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 9–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28> EDN: KSGDET
23. Kolysheva, O.N. (2024). Kyrgyzstan through the eyes of Russian students: an associative experiment as a way to identify ethnocultural stereotypes. *Russkoe slovo v Kyrgyzstane*, 3(49), 67–74. (In Russ.). EDN: LMMWIE
24. Evdokimova, N.V., & Jurina, O.P. (2020). Stereotipizacija kak problema mezskul'turnoj komunikacii Kitaja i Rossii. *Molodoj uchenyj*, 15(305), 375–377. (In Russ.). EDN: JRZREX

25. 王-安,麻晓淼(2016).90后大学生对法国人刻板印象实证研究 [J].杭州电子科技大学学报(社会科学版), 12(2), 47–53 (Wang Yi'an, Ma Xiaomiao (2016). An Empirical Study on the Stereotypes of French People Among Post-90s College Students. *Journal of Hangzhou Dianzi University (Social Science Edition)*, 12(2), 47–53). (In Chinese).
26. 班胜星 (2012). 心理学视野下的民族偏见研究. 才智, 31, 83–184 (Ban Shengxing (2012). Research on Ethnic Prejudice from the Perspective of Psychology. *Caizhi*, 31, 183–184). (In Chinese).
27. 黄钰杰 (2014). 英语专业和非英语专业研究生对美国人的刻板印象对比. 科教导刊, 16, 167–168 (Huang Yujie (2014). A Comparative Study of Stereotypes of Americans Between English Majors and Non-English Majors Graduate Students. *Science and Education Guide*, 16, 167–168). (In Chinese).
28. 彭世勇 (2008). 英语学习者对中、日、美三国人的刻板印象. 解放军外国语学院学报, 3, 52–55+68 (Peng Shiyong (2008). Stereotypes of Chinese, Japanese, and American People Among English Learners. *Journal of PLA Foreign Languages Institute*, 3, 52–55+68). (In Chinese).
29. Plyaskina E.A. (2020). The Meaning and the Sense of Lingual Sign «Dragon» of Chinese Linguistic Culture. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 4, 165–181. (In Russ.). EDN: MGIUNF

Сведения об авторах:

Пэй Хайтун, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой старших курсов, старший преподаватель, Хэйлунцзянский университет, Институт русского языка (150080, Китайская Народная Республика, г. Харбин, район Наньган, улица Сюэфу, д. 74); *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail*: peihaitong@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5031-6586.

Колышева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: психолингвистика, семиотика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: kolysheva-on@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0118-8546; Scopus ID: 57218909950; eLIBRARY SPIN-код: 2567-2573.

Information about the authors:

Haitong Pei, Ph.D. of Philological Sciences, Head of the Department of Senior Courses, Senior Lecturer, Institute of Russian Language, Heilongjiang University (74, Xuefu str., Nangan District, Harbin, Heilongjiang Province, People's Republic of China, 150080); *Research interests*: psycholinguistics, linguoculturology, cognitive linguistics; *e-mail*: peihaitong@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5031-6586

Olga N. Kolysheva, Ph.D. in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russia Linguistics, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: psycholinguistics, semiotics, intercultural communication; *e-mail*: kolysheva-on@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0118-8546; Scopus ID: 57218909950; SPIN-code: 2567-2573.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
